

Лү Энн

Ты ждала меня,
Заруна?

Ее называли Ланой, но это не было ее настоящим именем, данным при рождении. Егс ей дали, когда нашли потерянную, беспамятную на краю поля. Никто не мог и предполагать, что она пришла из другого мира. Приняв все как должное, она сумела стать частью этого мира Заруны. Мира, где велась изнурительная война между людьми и тараками, гибридами людей и древней расы. Лана научилась говорить на их языке, думать как они, работать как они. Но такой, как они она не стала. Может быть, поэтому ее и выбрали, чтобы сделать претенденткой на обряд сакрального обряда Единения с существом, которое давало власть и силу на планете. И королева действительно выбирает ее себе в наездницы. Также она встретит мужчину, который откроет ей правду об истории этой планеты и расскажет о поисках загадочной Рукописи.

Ты ждала меня, Заруна?

Предисловие

Заруна — планета, где со слезами вспоминают прошлое и с затаенным страхом взирают в будущее. Это мир, где веками тянулась война между людьми и тараками, существами, очень похожими на ящеров, гибридами древней расы планеты и людей. Единственным спасением для людей оказалось не оружие, а сказочные крылатые создания. Сначала их называли Парящей в небе Смертью. Потом они стали самыми верными друзьями и защитниками. Подарив свою силу и преданность, они навсегда повернули исход войны в пользу людей. Теперь их называют ниясытьями. Теперь их верные крылья несут человечеству Заруны надежду и спасение. Теперь будущее людей зависит от численности и неизменной преданности этих удивительных существ.

Однако после решающей битвы при Ерhone ряды крылатых друзей поредели. Королевы, матери ниясытьского рода, перестали приводить в мир дочерей, будущих матерей рода. Вот уже десть лет после войны люди пытаются понять, в чем причина этой беды. Но все безуспешно. Экспериментальное энергетическое поле, установленное после Ернской битвы вокруг материка для защиты от врагов, начинает давать сбои в работе. Снова дамокловым мечом нависла угроза войны.

Вдобавок ко всему, из-за безумия извечной борьбы, история прошлого человечества навсегда канула в забвение. Правда о происхождении людей была скрыта за пеленой тяжелейших скитаний и разрух. Остались лишь обрывки. Но некоторые верили, что если они найдут ответ на вопрос об этом, тогда они смогут раз и навсегда победить своих врагов.

И именно в это напряженное время пришла та, кто навсегда смогла изменить ход истории Заруны.

Ее называли Ланой, но это не было ее настоящим именем, данным при рождении. Егс ей дали, когда нашли потерянную, беспамятную на краю поля. Никто не мог и предполагать, что она пришла из другого мира. Приняв все как должное, она сумела стать частью этого удивительного мира. Лана научилась говорить на их языке, думать как они, работать как они. Но такой, как они она не стала. Может быть, поэтому ее и выбрали, чтобы сделать претенденткой на обряд сакрального обряда Единения с существом, которое давало власть и силу на планете. И королева действительно выбирает ее себе в наездницы. Также она встретит мужчину, который откроет ей правду об истории этой планеты и расскажет о поисках загадочной Рукописи, которую они будут искать еще очень долго. Искать, преодолевая политические преграды и людское непонимание. Мужчина покорит ее сердце, и они вместе встанут на путь эпохальных перемен. Как они это сделают? Кто захочет им помешать? Какие преграды им предстоит преодолеть? И что они потеряют? Узнайте, прочитав эту диалогию.

Часть 1. Стать частью чужого мира

Историю, которую я вам поведаю, можно расценить как интересную сказку. Пусть. Я не виню людей, которые не верят в жизнь где-нибудь еще, кроме Земли. Я была такой же. Но то, что со мной произошло, заставило поверить в невозможное.

Мне часто снился один и тот же сон, с каждым разом обрастая новыми подробностями.

Я видела длинную темную дорогу. Вдоль нее выстроилась стена из зеленых рослых деревьев. Воздух, пропитанный озоном, навевал давно забытые детские воспоминания. Прохладно. Я неприятно ежусь. Мокрый асфальт после сильного дождя блестит в свете фар приближающихся машин. Они, слепя глаза водителей встречных автомобилей, с воем пролетают мимо. Гудя мощными моторами, проезжают огромные фуры. Дорога мне до боли знакома, и в то же время не такая, как все безупречные трассы Ира. Это был другой мир. Мой. Родной. Я в нем выросла.

Далее кадры стремительно сменяют друг друга. А потом крик, слепящая вспышка света и пугающая темнота...

Тот первый день в этом мире я помню так, будто все случилось только вчера...

Было темно. Почему? Где-то глубоко в сознании я понимала: мозг собирал мои мысли воедино. Они явно не хотели на это собрание приходить. Что же не так? Как мучительно страшно, когда ничего не знаешь и не понимаешь! Через несколько секунд явилась одна мысль, яркая, как вспышка: темно, потому что глаза закрыты! Гениально! Начала медленно их открывать. Яркий свет моментально резанул по глазам и заставил их закрыться. Голова непроизвольно дернулась. Сразу же в мозг вонзились тысячи игл, и я услышала странный звук. Что это? Стон. Чей стон? Мой? Точно. Это я застонала. Голова болела невообразимо. Что же это такое?! Так! Надо приходить в себя. Где же мысли? Хорошо, начну их собирать. Вот, обнаружила одну: я лежу на чем-то мягком. Продолжила анализировать свое состояние. Сначала пришло сообщение — голова болит до тошноты. Ага! Значит, меня еще и тошнит! Просто здорово! Дальше что? Руки? Что с ними? Они у меня точно есть. Зашевелила левой рукой. Слышется. Поднесла ее к лицу, прикрыв ладонью глаза. Снова попыталась поднять веки. Теперь яркий свет не раздражал. Что со мной? Надо оглядеть себя. Не получается. Страшно повернуть головой — боюсь, иглы вернутся. Я бездумно уставилась в небо. Такое голубое и безмятежное... Облака медленно плыли по нему, закручиваясь в замысловатые узоры. Засмотрелась. На миг забыла о головной боли. А зря! Только зашевелилась, тут же вернулись те самые... иглы. Вот же их! Снова я услышала свой стон и вернула голову в требуемое положение. Ладно! Тогда постараюсь рассмотреть все только глазами. Они стали постепенно привыкать к яркому солнечному свету, и я вернула руку на место в прежнее положение вдоль тела. Тело. Точно! Я его тоже чувствую. Пошевелила стопами. Попыталась согнуть колено. Глубоко вздохнула. Вроде больше ничего не болит. Только эта проклятая головная боль!

Я покосилась вправо. Рядом возвышалась... хм, что это такое? Трава? Кусты? Я таких растений точно никогда не видела. Трава, по-моему, выглядит по-другому. А как? Не могу вспомнить. Это, наверное, из-за головной боли. Потом вспомню. Продолжила всматриваться. Растение имело темно-бордовый ствол и широкие мясистые листья длиной с рост человека, насыщенного зеленого цвета и с бордовыми прожилками. Само растение тоже немаленькое, но не выше двух метров. Спиной чувствовала, что лежу на чем-то мягком. Пощупала землю — влажная и теплая. Наверное, мох.

Еще раз глубоко вздохнула. Что-то удивило меня. Воздух! Он был таким чистым, что казался сладким на вкус. Прислушалась к внутренним ощущениям. Чувство такое, словно я долго бежала и теперь, нахватавшись кислорода, прихожу в себя. Тело унижено внутренними не причиняющими боли колючками. Кровь бежала по жилам, отдавая шумом в ушах. Я бы лежала и лежала, но пришло понимание, что надо вставать. Как же встать так, чтобы эти иглы не возвращались? Что же с моими мыслями? Запутались, как борода из лески. Кукиш

распутает! Опять вздохнула. Как приятно все-таки дышать этим удивительно кристальным воздухом! Прислушалась. Рядом что-то стрекотало, чуть дальше цвиринькало, уркало, посвистывало... Птицы? Но я таких звуков не помню.

А что я вообще помню? Напряглась, чтобы что-то вспомнить. Ничего. Я ничего не помню! В голове пусто, даже эхо можно было услышать. Медленно, не делая резких движений, начала подниматься. Первым делом оперлась на локти, потом села, подогнула колени. Сильно тянуло спину, особенно плечи. Я оглянулась так осторожно, словно у меня на шее не голова, а хрупкий хрусталь. За спиной росли деревья с толстенными темно-коричневыми, даже черными, стволами, широкая крона которых была наполнена густыми ветвями с малюсенькими листиками размером с ноготь мизинца. Эти исполины нависали надо мной грозными корявыми лапищами-ветвями, пугая темнотой чащи. Впереди раскинулось поле с теми самыми растениями с бардовым стволом. Ну, то, что там раскидывалось именно поле, я только догадывалась, так как видно ничего не было из-за высоты этих странных растений. Моя же персона сидела на просеке, отделявшей лес от поля. Встаю медленно, осторожно. Встала. Но выше бордовоствольных растений не поднялась. Сильно закружилась голова и меня шатнуло. Устояла. Хорошо. Теперь куда идти? Что делать? Чего бояться? Я конечно не знала. Но и оставаться здесь, что-то подсказывало, не имело смысла. Итак, идти налево или направо? В лес? В поле? Я бы долго думала, если бы не резкий звук, донесшийся со стороны поля. Что-то совсем недалеко цокнуло и загудело. Меня неосознанно повернуло в ту сторону.

В шагах десяти от моего положения лес резко поворачивал вглубь и именно из-за поворота доносился этот звук. Не думая, пошла именно туда. Возможно, надо было бы бежать как можно дальше отсюда, но в душе страха не было. Лишь любопытство. Как оказалось, я приняла верное решение. Подойдя к завороту леса, увидела... огромную машину. Она выступала над этими бордовоствольными растениями еще метра на два и была похожа на гигантского жука с огромными клешнями, которые косили траву и отправляли ее в рот-жерло машины. Сзади диковинное механическое чудо выплевывало переработанное сырье — только стволы, а листву рассекало на мелкие части и высыпало рядом в длинный холмик вдоль всего пройденного пути. Над клешнями впереди виднелась полукруглая кабина, где за прямоугольным тонким и узким пультом на удобном кресле сидел... человек! Я нашла людей! Потом, спустя много дней после, анализируя этот день, я поняла, что это было поистине чудесное стечение обстоятельств, так как в этой местности появление человека — весьма редкое явление. Скажем так, мне крупно, причем с большой буквы «К», повезло.

Вот так я и стояла столбом с упавшей челюстью, пока чудо-техника не сровнялась со мной. Когда человек, заметив на краю поля застывшую живую статую меня, остановил машину, я уже немного пришла в себя. Однако продолжала неподвижно стоять и смотреть. Паралич что ли напал? Водитель жука-комбайна немного посидел, глядя на незнакомую ему женщину, потом нажал на какую-то кнопку на панели управления и прозрачный купол кабины... стек вниз. Он спрыгнул с последней ступеньки на землю и подошел ближе, остановившись в двух шагах. А я все стою и таращу на него глаза. А что собственно делать-то? Не знаю. Он молчал, внимательно рассматривая мою одежду. Я невольно опустила взгляд туда же. Оказывается, я была одета в длинное голубое (ну, или когда-то голубое) платье без рукавов и... Босая! Почему? А откуда мне знать? Я снова посмотрела на мужчину. Он показался мне высоким, мускулистым, жилистым. Ни капли жира! Лицо? Правильные,

словно вырезанные из мрамора, черты лица, иссиня черные волосы и радужка глаз... Оранжевая! Это почему-то меня удивило.

— Аньё! Не мо? — произнес он.

Почему его не понимаю? Я лишь, молча, моргнула.

— Аньё! Не мо? — повторил он.

Я сделала жест плечами и покачала головой, показывая, что не поняла.

«Кто ты?» — вдруг, в голове услышала я слова и вздрогнула. Инстинктивно поняла, что это сказал все тот же мужчина, но я не видела, чтобы он шевелил губами. Это что же? Он сказал это мыслями? Телепат что ли?

— Я не знаю, что вы мне сказали. Я вас не понимаю, — наконец, выдавила я из себя, не надеясь, что тот меня поймет.

Он прищурился, глядя мне в глаза. Задумался. Потом поднес руку к груди и произнес:

— Род. Род Арамс.

Сразу поняла, что он представился. Я же покачала головой, пожав плечами и желая показать, что не знаю, кто я. Странная вообще выходит ситуация. Представить только. Работает человек в поле, тут видит на краю стоит босая девушка в потрепанном грязном платье с потянутым видом и ни слова не понимает на его языке. Кто она такая? Зачем тут стоит? Что ищет? Что потеряла? Как бы поступил другой в этой ситуации, кто знает, а этот мужчина проявил удивительное человеколюбие и заботу. Он слегка нахмурился и снова прищурился. Потом шагнул в сторону своей махины, в которой он только что работал и сказал:

— Але!

А в голове моей снова возникло что-то вроде «Пошли!». Как поступить? Разум мне подсказывал, что мужчина не причинит мне вреда. Он вел себя спокойно и вполне дружелюбно. Улыбался и ничуть не казался страшным чудовищем, которого надо бояться. Оглянулась назад и подумала, а что я теряю? Мне же все равно, куда идти. И я пошла. Кто знает, может, и зря. Но я понимала, что у меня не было особого выбора. Будь что будет. А там посмотрим.

Он помог мне забраться в комбайн, нажал на панели приборов пару...эээ... не знаю, чего там, кнопок на панели не было. Сенсорный дисплей, может? Из пола из маленьких желобков вокруг по краю кабинки снова возникло нечто, что образовало прозрачный купол над нами. А потом из пола за креслом водителя вылезло еще одно кресло. Мужчина доброжелательно улыбнулся и, указав на кресло, сказал:

— Трипо! — наверное, это означает «Садись».

Я послушно села. Какое оно мягкое это кресло! И сразу же приняло форму моего тела так, чтобы мне было удобно. Я старалась делать плавные движения, чтобы лишний раз не вызывать головную боль. А та, противная, все напоминала о себе. Мужчина сел впереди и понажимал кучу каких-то знаков на своем интерфейсе, и машина снова заработала. Потом он с пояса снял ромбовидную штучку-пластину. Там тоже не было видно никаких кнопок, но когда он провел по ней ладонью, она засветилась. Он что-то по ней понажимал, потом поднес к уху. Ясно! Это телефон! А что такое телефон? То, что соединяет одного человека по воздуху с другим и тогда они могут говорить друг с другом на большом расстоянии. Кто-то на другом конце ответил ему. Он начал что-то говорить мягким, приятным голосом на мелодичном языке. Что он там сказал? Наверное, обо мне сообщил... После разговора отбился и, не оборачиваясь, продолжил работать. Он явно решил, что я никуда не денусь.

Правильно, значит, решил. Я никуда и не собиралась.

Распахнув рот, я принялась озираться по сторонам, пытаюсь осмыслить происходящее. Сие было весьма сложно делать в связи с тупой головной болью и полным отсутствием какого-либо присутствия моей памяти. Выходит, я просто воспринимала информацию и реагировала соответственно обстоятельствам, подстраиваясь и приспособливаясь.

Машина работала в штатном режиме. Мы ехали куда-то прямо. Косили траву. Поле казалось просто невероятно огромным! Везде, куда хватало глаз, росла эта загадочная бордовоствольная трава. Видимо, сельхозкультура, сорт нужный, подвид питательный. Интересно, что из нее делают? О чем это я думаю? Нужно ли бояться о том, что со мной будет дальше? Куда меня везут? Может, надо кусать ногти от страха? И коленками стучать? Но мне было совсем не страшно. А наоборот, так спокойно, так легко...

Я поглядела на затылок впереди сидящего. Тот легко и плавно руководил своим девайсом. Бояться ли мне его? Но этот незнакомец вызывал у меня лишь доверие. Тот, кто поворачивается к незнакомому человеку спиной, не ожидает от него ножа в спину и выказывает тем самым доверие. Как можно бояться такого человека?

Минут через двадцать мы подъехали к противоположному краю этого милого поля и остановились у просеки перед другим лесом. Или тем же? Там пролежала дорога, ну, или что-то вроде дороги. Скорее узкая полоса вдоль леса с коротко стриженной травой.

Мужчина, Род то есть, остановил машину-гиганта. Опустил купол кабины и обернулся. На его добром и красивом лице появилась дружелюбная улыбка.

— Але! — кивнул он в сторону, где было что-то вроде трапа.

Я уже знала это слово и послушно кивнула. Не спеша, встала (боль еще продолжала посылать пачку игл в виски). А он уже по-молодецки спустился вниз и ждал, протянув руку, чтобы помочь мне слезть с дивной машины-комбайна. Я не стала пренебрегать рукой и уже через миг оказалась на земле. Взвела на него вопросительный взгляд. Как же тяжело, когда не знаешь языка, на котором говорят туземцы! Я решила, что я явно не местная, а то понимала бы, что он говорил на своем родном.

Он, пристально глядя на меня и сузив, как в первый раз, глаза, произнес что-то, а в голове ясно возникло понимание: «Сейчас приедет моя жена и заберет тебя к нам домой. Надо немного подождать». Я снова кивнула. Чудеса, да и только! Явно я не привыкла к телепатии. Значит, он приглашает меня домой. Какой гостеприимный. Ведь в первый раз же видит. Снова возник вопрос: где я? Что-то никак у меня в голове ничего не состыковывалось.

Род оглянулся, и тут на горизонте завиднелась некая машина, похожая на каплю воды и летевшая невысоко над землей. Эта машина-капелька на вид поделена на две части: нижняя — плотная из серого металла, а другая — прозрачная. Она, тихо шелестя, подлетела к нам и остановилась. Из неё быстро выскользнула женщина. Мне она показалась просто невообразимо красивой! Такие же черные смоляные волосы, как и у мужчины, челка убрана назад, а сзади они спадали свободно до уровня плеч. Бирюзовая длинная до колен туника с разрезами до бедер и воротником-стойкой, украшенным изумительной золотистой вышивкой, легко обвивала ее гибкое тело. Длинные рукава свободного покроя, собранные жесткой манжетой, прятали тонкие руки. Штаны того же свободного стиля и собраны так же внизу манжетой. У меня дух захватило! И глаза ее... Они были цвета морской волны!

Женщина подошла к нам и приветливо кивнула. В этот момент я немного замаялась. Что не так? Я не сразу поняла. Потом, когда она подвела меня к машине, до меня дошло. Она была весьма сдержана. Не стала проявлять лишнего любопытства, по большей части

молчала. Расспрашивать ничего не стала. Спокойно подошла. Спокойно усадила меня в их аппарат по передвижению. Спокойно села в машину. Получилась эдакая сдержанная красавица. Что ж, красавицы, наверное, имеют право на это...

Садясь в машину, я узнала, что жену Рода зовут Марта. Красивое имя. Мне понравилось. Род сказал что-то своей красавице-жене и вернулся назад, к своей чудо-технике. Запустил огромный агрегат, вырулил в противоположную сторону и поехал дальше трудиться. Марта развернула наш летательный аппарат и покатила в обратном направлении.

Ехали минут десять. Пейзаж вокруг долго не менялся, пока мы не вывернули направо. Сразу же за поворотом возникла невысокая гора. До него ее не было видно из-за леса, под которым мы ехали. А у подножия этой мохнатой горы (по-другому я не могла ее никак назвать, так как она поросла вся деревьями и выглядела так, будто покрыта вздыбленной шерстью) возник небольшой поселок, окруженный невысоким подростом. Именно в него мы и направлялись.

Дома в основном выглядели однотипно, но мило. Составленные несколько квадратиков, наклонная крыша, колонны возле крыльца, державшие козырек. Небольшая лесенка перед входом, разноцветные яркие стены, арочные больше окна, занавешенные красивыми тюлями и портьерами. Вокруг небольшие садики с причудливыми дизайнами и интересными фигурками из местного металла у входа. Все навевало уют и умиротворение.

Мы проехали большую площадь, вокруг которой робко красовались, возможно, административные здания. На площади прогуливалось немало людей, разодетых во всевозможные фасоны скромных платьев. Увидела достаточно много детей. Они игрались на выделенной им детской площадке с разнообразными снарядами, тренажерами, лабиринтами, горками, закрученными и прямыми, турниками и качелями, — в общем, все, чего детская душа пожелает.

Я прилипла к... буду называть это стеклом... и с интересом рассматривала все, что попадало на глаза. Мы минули тем временем площадь и поехали далее.

Дом господина Рода и его жены Марты находился у подножия горы на краю поселка. За всю дорогу Марта не проронила ни слова. Когда мы приехали, она завела во двор машину... или нет, наземный летательный аппарат, так как я не видела у сего механизма колес... но, может, все-таки и можно ее называть машиной? И с этими мыслями я вылезла из кабины.

Она «закрыла» машину и знаком пригласила меня войти в дом. Навстречу нам выбежала маленькая симпатичная девчушка лет четырех с оранжевыми глазенками. Она очень походила на своего папу Рода. Увидев меня, малышка остановилась и мило улыбнулась лучезарной улыбкой, смущенно спрятав пухлые ручонки за спиной.

— Аньё, мисана! — сказала кроха звонким голоском.

Я так поняла, что слово «Аньё» означает «Здравствуйте!», так что я ей улыбнулась в ответ и так же приветливо сказала:

— Аньё!

— Ларта, ди ратха, ме ре трено! — строго обратилась Марта к девочке и та, еще раз бросив на меня любопытный взгляд, пошла в дом.

Ясно, значит, Марта ее вернула домой. Потом женщина обернулась и, вежливо улыбнувшись, позвала жестом и меня войти в дом. Я послушалась. Внутри оказалось, как на мой вкус, весьма уютно. Возле окон, занавешенных светло-зелеными гардинами и салатовыми портьерами, стояли высокие цветы в белых глянцевых вазонах. В центре располагался стол со стеклянной столешницей. Окружали его диван, обитый нежно-зеленой

замшей с такими же милыми маленькими подушечками, и два кресла с идентичной обивкой. Вдоль стены выстроилось два стеллажа с наставленной на полках всякой всячиной. А пол устилал в тон мебели ковер с длинным, но очень мягким на ощупь, ворсом.

Марта подошла ко мне, застенчиво переминающейся на входе, взяла за руку и повлекла к левой от входа двери. Там располагался небольшой коридор, ведущий к двум дверцам. За одной находился туалет, а за другой — ванная комната. Марта открыла обе двери и вопросительно взглянула, словно спрашивая, чего я хочу. За все это время хозяйка не произнесла ни одного слова вслух. Понятно. Ее предупредили. Из-за спины Марты выглядывала девчушка и с любопытством следила за каждым моим движением. Я улыбнулась ей, подмигнув, и двинулась в ванну. Марта понятливо кивнула и показала, как пользоваться всякими приспособлениями. Я кивнула, что поняла. В общем, общались мы кивками и прекрасно друг друга понимали. Прямо общество дятлов получилось. Может, женщина тоже пользовалась чудом телепатии? Скорее всего. А как же тогда объяснить то, как быстро я понимала ее? Марта вышла и закрыла за собой дверь, оставив наедине меня со мной и с теплой водой. Я скинула с себя грязное голубое платье и залезла под душ. Через пять минут в дверь постучались. Марта принесла полотенце и чистую одежду. Какое же это невероятно прекрасное ощущение быть чистой!словно на свет заново родилась. Даже головная боль немного утихла.

Теперь, чистая и переодетая, я вышла в главную комнату, но там ждала лишь девочка. Увидев меня, она подошла, молча, взяла за руку и повела в противоположную дверь.

Мы очутились в кухне, где пахло чем-то вкусным, а на столе в тарелках квадратной формы пестрела... еда. Я не стала вредничать и быстро все уничтожила, выпив сладкую ароматную жидкость подозрительного зеленого цвета. Интересно, подходит ли эта пища моему организму? А! Умирать, так сытой!

Марта села напротив и спокойно наблюдала за мной. Ну вот, я поела. И что дальше? Разговаривать мы не можем. Как? Я отложила ложку в сторону, отодвинулась от стола и положила руки на колени. Хозяйка неотрывно следила за каждым моим движением. Малышка сидела рядом с мамой и тоже не сводила с меня глаз, словно я дикая зверушка. И так мы играли в посмотрелки минут пять. Я повертела головой, порассматривала все в кухне, поморгала, помотыляла ногами, в общем, делала вид особой занятости на стуле, только что в носу не ковырялась. Затем у Марты видимо родилась идея. Она встала. Подошла к столу и, указав на него, произнесла:

— Влот, — потом сделала паузу и повторила снова: — Влот, и тут у меня в голове образовалось понимание, что она называет предмет своим именем на их языке.

Вот оно что! Госпожа решила меня научить их языку! Тогда можно будет и общаться нормально. Светлая идея посетила эту красивую голову. Я повторила за нею:

— Влот.

Она кивнула, вежливо улыбнулась. Как ей идет эта улыбка! Затем она указала на стул:

— Вилот.

— Вилот, — повторила за нею я.

Так началось мое обучение их языку. Понимала я и малышку, ходившую за нами по пятам. Они посылали мне телепатически мыслеобразы, чтобы я лучше их понимала. Я в ответ пыталась им что-то тоже передавать мысленно, но они лишь удивленно качали головой. Они вроде бы и понимали меня, но очень плохо. В итоге, я пришла к выводу, что телепатических способностей у меня нет. Но почему? Пока для меня это оставалось

загадкой, как, в принципе, и все остальное.

Повели меня хозяйки по всему дому, называя все предметы. Заводили до потери пульса. На первый день моего припамятства и постоянной тупой головной боли это было слишком. Однако я пыталась этого не показывать, боясь ненароком обидеть их? Они проявили такое удивительное гостеприимство, что в благодарность за это мне приходилось заставлять себя ходить за ними и делать вид, что учусь. Я-то на сто процентов была уверена в том, что мало что запомню из того, что они называли. Кое-что они просили меня повторять. Проверяли, запомнила ли я. Конечно, мне приходилось снова повторять, и, естественно, я не все говорила правильно. Но я старалась. Очень старалась.

В общем, времени убили много. Через два часа я была больше похожа на бледное полупрозрачное привидение, чем на человека, так что они немного успокоились в своих стараниях обучить всему и сразу и предложили мне присесть и отдохнуть. Я с блаженным удовольствием рухнула на диван в зале и уронила голову на спинку, чувствуя каждой клеточкой тела жуткое изнеможение. Как же приятно просто сидеть на кресле и ни о чем не думать! Но только я села...

Домой вернулись остальные члены семьи. Еще детишки. Радости я испытала мало при их виде, но пришлось растянуть лицо в приветливой улыбке. Голова мне казалась просто невероятно тяжелой, словно в нее налили чугун.

Всего у семейства Арамсов насчитывалось пятеро детей: трое мальчишек и две девчурки. А вот имена их я старалась запомнить честно, так как понимала, что мне придется еще долго с ними общаться. Откуда я это знала? Почему я решила, что я буду теперь жить у этих добрых и гостеприимных людей? С какой стати им меня принимать? Однако сердцем я чувствовала, что они не оставят меня одну в этом незнакомом для меня мире.

Так вот, отцом и главой семейства являлся Род. Жена — Марта. Старшего сына зовут Мартом, ему девятнадцать лет. Второй сын — Сон, около десяти лет. Сата была третьей дочерью, ей девять лет. Потом — семилетний Рит и последней, самой младшенькой являлась Ларта четырех лет от роду, как я и предполагала. Пока мы все перезнакомились, точнее я узнала все их имена, в дом вернулся и глава семейства. Род выглядел уставшим, но весьма взволнованным. С ним пришел мужчина приятной наружности. Оказался доктором.

Род разогнал детей по комнатам и помог мне понять, что он попросил прийти доктора и обследовать меня. Я поначалу заартачилась, с сомнением поглядывая на незнакомое, но приветливого мужчину. Однако Род успокоил меня, объяснив через мыслеобразы, что как только меня встретил, понял, что мне плохо. Поэтому решил привести доктора для осмотра моего состояния.

Доктор внимательно осмотрел меня, почти не прикасаясь. Поводил какой-то мерцающей небольшой штучкой вокруг и постоянно озадаченно хмурился. Девайс выдал ему какие-то цифры, и он углубился в расчеты, загадочно бубня что-то себе под нос. Потом дал выпить какой-то отвар, сообщил, что в целом вполне здорова и что, скорее всего, у меня... э-э-э... глубокая потеря памяти или амнезия. Ну, это я им уже полдня усердно твердила. Но сейчас они совсем уверились в этом. Выхода у них не оставалось. Род спросил у доктора, из-за чего у меня могло это случиться? Хотя он говорил на своем лебедином, так что приходилось напрягать свои затуманенные извилины на пояснения все теми же мыслеобразами, многое я поняла. Доктор ответил, что вполне может быть травма головы или сильное эмоциональное потрясение. А вообще существует просто масса причин потери памяти. Я вот и не знала. Внутри все сжалось. Безысходность и отчаяние обняли меня

холодными ручками и так сильно затискали в своих объятиях, что я не в силах была даже дышать. Я — никто. И зовут меня — никак.

После того как доктор ушел, Род созвал семейное собрание. Они о чем-то оживленно общались, о чем, конечно, мало что поняла, но в итоге Род вынес вердикт. Его я точно уяснила: я остаюсь, и буду жить у них, пока не вспомню свое прошлое. Я никогда не забуду, с какой теплотой и сочувствием смотрел тогда на меня Род.

А потом взялись спорить, как меня теперь звать-величать-то. Ох, и предложений было! И Уя, и Сара, и Кира, и Коя, и Сония, и Лусия, и еще тому подобное. Никак не могли прийти к единому решению. В конце концов, Род попросил всех написать свой вариант на листике, и сложить всё в кошелку. Дали его мне, мол, выбирай сама. Я запустила туда руку и достала первый попавшийся вариант. Род взял его из моей протянутой ладони и прочитал:

— Лана.

С тех пор моим именем стало Лана. А придумала его младшенькая, Ларта.

Так началась моя жизнь в этой замечательной семье. Старшеньких с утра Марта провожала в школу, которую они называли коннор — это начальное образование, где деток учили читать, писать, считать, понимать азы различных наук. А дома оставалась лишь Ларта. Я помогала Марте по дому. Кушать готовить, убирать. А Род отправлялся на работу. Оказывается, он работал на местном сельскохозяйственном предприятии, на комбайне, который называется муторг. Сейчас был сезон сбора нравы. Выходит, что то бардовоствольное растение, которое я увидела первым в моей припамятной жизни, очень сладкое, точнее ее ствол. Из него делают местный усладитель или сахар. Потом, после переработки на местном перерабатывающем комплексе, его отправляют на реализацию, оставляя у себя только то, что им необходимо для потребления всем жителям согласно отведенной каждому норме. Я так подумала, что это правильно. Зачем отдавать все? А себе? Излишки продаем, а нужное — себе оставляем. Бесплатно! Это помимо того, что они получают от реализации деньги. Всем по потребностям. Это меня восхитило притом, что они выращивали не только нраву. Были и другие культуры, которые они производили для собственных нужд. Все распределялось так же. Только почему я удивлялась этому? Наверное, у меня на родине так не было принято! Где же моя родина?.. Как она называется?

Я все больше убеждалась в том, что я родом не отсюда. Во мне было все не так, как у других: и внешность, и способности. Например, глаза у всех имели чистый яркий цвет, а у меня — серые, не яркие. Все легко говорили на мыслеобразах, а я — нет. У всех до единого были черные волосы, а у меня — русые. Это обстоятельство больше всего удивляло многих. Род говорил, что недалеко от гор Градасса существуют изолированные селения, в которых живут люди с белыми волосами, точнее с бесцветными.

Все больше понимая, как сильно я отличаюсь от этих добрых людей, я приходила в отчаяние, но старалась не заикливаться на этом. Со временем выработала тактику принятия. Я поняла, что если не могу изменить ситуацию, в которой оказалась, надо изменить свое к ней отношение. Я поставила перед собой цель стать частью этого общества в той мере, в какой позволяли мои возможности и способности.

Поселок, в котором мы жили, назывался Со. Этот поселок ориентировался на сельское хозяйство, которое, оказывается, является прибыльным занятием. Обитало в Со триста семей. Поселок находился недалеко от столичного города Ира. Страну называли Ириданием. А вот планету они все называли **ЗАРУНА**. Когда я слышала название этой планеты, мое сердце тоскливо сжималось, словно знала, что своим домом называла другую планету. Это

точно. Я в этом была просто уверена. Однако об этом никому не говорила. Боялась. Думала, что не поймут и засмеют, сочтут, что ума лишилась.

Хотя все верили, что путешествия между планетами возможны, пока их цивилизация еще не достигла того самого уровня. Уже вокруг планеты вращались искусственные спутники, благодаря которым осуществлялась мобильная связь, но полеты к другим планетам считались всё еще на уровне фантастики.

Я надеялась больше узнать о мире, в котором оказалась, не знаю, откуда, не знаю как. Бывали минуты, когда задумывалась над этим, тогда мне становилось очень грустно. В те минуты на меня нападали приступы отчаяния и паники. Род по-отечески утешал, говорил, что я когда-нибудь все обязательно вспомню. Нужно только подождать. Старалась верить ему. Узнай я — кто я, тогда мне было бы легче понимать саму себя в первую очередь, а так... Я не понимала ни себя, ни окружающих. Они были совсем другими, не такими как я. У них мышление было другое, понятия другими, уклад жизни другой. Я это знаю! Но какой был у меня? Нравилось ли мне то, где я жила и как жила? Может, этот мир лучше и мне надо радоваться? Но как сравнить?

Долгими вечерами в таких раздумьях не могла заснуть, даже если изнуряла себя домашней работой до изнеможения. Тогда Род попросил у доктора снотворное, чтобы я могла выспаться. Помогло. И неплохо. Когда начала выспаться, то и сил прибавилось и с эмоциями наладилось. Начала понемногу привыкать к своему печальному состоянию. Кстати, я заметила, что физически мое тело отличалось большей хрупкостью. Я не могла поднимать тяжести, которые с легкостью поднимала Марта, не говоря уже о мужчинах. Мужчины все, как один, имели мускулистую, подтянутую фигуру. Отличались они ростом и толщиной кости. Ожирением страдали единицы — это считалось заболеванием и лечилось в специальных лечебницах при так называемых атконнорах, или, по-моему, — университетах. Я восхищалась их выносливостью и силой. Такое впечатление, что в сравнении с ними я выглядела дистрофиком, словно мама меня не доносила и родила с отклонениями. Вроде бы, все при мне: руки, ноги, голова, рот, нос, глаза, уши — а я чувствовала себя совсем другой. Приходилось с этим мириться и приспосабливаться. Спасибо, что относились ко мне со снисхождением и учитывали мои возможности.

Все население поселка в основном работало на этом сельхозпредприятии. Было тут и местное управление, и стражи порядка, и коммунальные службы, и пару небольших магазинов, и детсады, и школы, и местный развлекательный комплекс, и кружки всякие искусств. Существовал еще и клуб, где проходили разнообразные культурные мероприятия. Каждый день туда и обратно курсировал в Ир, соседний город и, по стечению обстоятельств, столицу, небольшой грузовой флайер. Связь с внешним миром в основном проходила через администрацию, которую местные называли реторгом. Его возглавлял мэр. У каждого жителя имелся свой телефон, который они называли коммуникатором. В общем, цивилизация находилась на высоком уровне, хотя не преобладала над уважением к окружающей среде.

Мне рассказывали, что было время, когда технические устройства очень сильно вредили природе. Тогда их уничтожали и искали другие подходы к решению этой проблемы. Например, раньше все средства передвижения были на горючем топливе, но потом, когда природа начала гибнуть, сразу же, под руководством правительства все перешли на чистый вид топлива — солнечную энергию, пока один изобретатель-инженер не придумал использовать некий метод, использующий гравитацию планеты в режиме отталкивания, то

есть антигравитатор. Это устройство вырабатывало специальное излучение, которое было полярно гравитации. Это изобретение перевернуло весь мир. Правительство сразу же, убедившись в безопасности этого устройства, издало закон производства аппаратов на основе этого устройства, а от населения потребовало обменять свои «устаревшие» модели на новые с небольшой доплатой. Кто продолжал использовать старые модели, платили большие штрафы. Так эта цивилизация шагнула вперед в развитии еще на один уровень.

В отношении социальной жизни существовали также свои законы и порядки. Семь дней в неделю, длившуюся восемь дней, жители Со трудились, а на восьмой они отдыхали. Это было законом. Кто трудился на поле, кто — в перерабатывающем комплексе, кто в — административном комплексе, кто — в социальном, а в восьмой день все отдыхали. Ходили в гости, в клуб, смотрели дома ретранслятор (это местное телевидение) или его еще называли комом, где показывали в основном какие-то научные передачи об окружающем мире, исторические передачи, концерты, редко — новости. Наша семья любила ходить по гостям и в клуб на танцы.

Жизнь текла спокойно, мило и счастливо. Воодушевляющая идиллия. Все вокруг приветливые, обходительные, вежливые, участливые. Когда узнали о моем появлении, о моей печальной истории, все посчитали просто необходимым делом провести семью Арамсов и предложить свою помощь. А мэр Со даже поспешил меня зарегистрировать как жителя поселка и выдать идентификационную карточку с моим новым именем Лана Арамс. Свою фамилию Род предложил, не раздумывая и, по-сути, он меня как бы удочерил. Я поначалу подумала, что странновато выходит, что его «дочь» такого же возраста, что и он. Но, когда узнала, что ему 105 лет, передумала.

И вообще я поняла, что живут они довольно долго. Понятия старости у них не водилось, но почему это меня интересовало, не знаю. Подсознание мне подсказывало, что в моем мире те, кто проживал достаточно долго, начинали стареть, то есть тело становилось дряблым, морщинистым и слабым. Потом человек умирал. Его оплакивали все родные и знакомые, затем закапывали или сжигали. Так было в моем мире, я знала, а здесь... Люди умирали, да, но они просто уходили однажды и больше никогда не возвращались. Этот уход все называли Последним Путем. Кладбищ нигде не создавали. Все, кто уходил в Последний Путь, шли на восток, в центральную часть Иридании, где они и заканчивали свою жизнь. Никто их не провожал. Все знали, куда он уходит, но не провожали. То место называли Лоном человечества или Лоном Заруны. Все верили, что жизнь на планете зародилась именно в этом месте. Поэтому, умирая, человек, словно символически возвращается туда, откуда пришел. Это находилось где-то в районе гор Градасса. Эти горы считались святыней для всех ириданцев и запретной зоной, зоной покоя. Туда никто не идет, там никто не строится, там всегда заповедные места, земли Забвения. Такова их природа. Я спрашивала, как узнают те, кто идет в последний путь место, куда идти? На что мне отвечали, что это их подсознательная память, голос крови. Они просто знают, когда идти и куда. Это знание приходит однажды и ведет человека. Для меня это являлось удивительным, а для всех — нормой. А всё то время, пока они жили в обществе, никогда не старели и были всегда молодыми и красивыми.

Часто я слышала о каких-то тараках. О них вспоминала Марта, ругая детей. Но для меня это звучало лишь, как детская страшилка для запугивания шkodливых детей.

И еще... я иногда слышала загадочное название кого-то, кого люди благоговейно чтили и прославляли. Ниясыть. Однажды спросила о них Марта, старшего сына семейства. Тот

пожал плечами, будто я интересовалась о том, что такое небо.

— Это те, кто парит в небесах и правит Заруной. Крылатые Спасители Иридании, — размыто ответил он.

И больше ничего. Да я особо и не уточняла, от чего они спасают и как выглядят? Кто бы это ни был, увидеть их все равно не смогу, так как живу в забитой провинции, а они — большая редкость в таких местах, и знают о них в основном только из кома или из книжек.

Через шесть месяцев я уже чувствовала себя полноценным членом общества и семьи Арамс. Вскоре начала довольно сносно разговаривать на ириданском языке. И даже стала посещать некоторые занятия в конноре вместе с Риттом. Странно конечно это выглядело: взрослая девушка сидит с восьмилетними детьми и учится с ними читать и писать. У меня неплохо все выходило. Я думаю, это из-за того, что учителя часто использовали телепатию. Освоила все молниеносно, так что мне говорили, что я даже могу сдавать экзамены в высшее учебное заведение, то есть атконнор. Я старалась. Где-то внутри что-то мне говорило, что это крайне важно — учиться. Я осознавала, что обучение чрезвычайно нужно, чтобы адаптироваться в этом, как оказалось, чуждом мне мире. И я очень, очень старалась...

Пока жила в этой гостеприимной семье, я много узнала об укладе жизни и быте ириданцев. Что сразу заметила, так это то, что все ириданцы очень красивые люди. У всех черные волосы, стройные фигуры, здоровая, молодая кожа и яркие глаза. Каких только глаз я не видела: и черные, и желтые, и оранжевые, и синие, и коричневые, и ярко-зеленые — разве что только не красные. Еще особой и очень броской в глаза особенностью жителей Иридании, страны в которой я жила, были... эмоции. Мужчины очень эмоциональны. Любили обниматься, смеяться, шутить, заниматься спортом, играть. А вот женщины... я думала только Марта, мягко говоря, сдержана. Но нет, тут все женщины такие — полная противоположность мужчинам. И дело не в воспитании, культуре или требованиях. Нет. Дело в их физиологии. Они такие от рождения. Конечно, эмоции имелись у них. Они и улыбались, и даже иногда смеялись, и грустили, и могли заплакать. Они довольно честолобивы и практичны. Но у них не хватало глубины. Силы эмоций, что ли... Хотя были и исключения из этого правила. Марта мне нравилась особо. Она всегда была весьма приятна и заботлива. Все-таки пятеро детей! Это оказалось еще и великой редкостью в обществе Иридании, о чем я узнала много позже. Да и женщины вокруг... Встречались и добродушные, и сердечные, и приветливые. Но качество сдержанности их по большей мере отличало от противоположного пола. Мужчины это знали с самого рождения и относились к этому терпеливо и снисходительно. Именно это создавало мне массу проблем, и я получала множество удивленных взглядов в мою сторону. Стоило громко захохотать, запищать от восторга, рассердиться, если что-то у меня не получалось, то это вызывало у окружающих мужчин мягко говоря изумление. А так, обычно шок. Прошло время, и они начали привыкать. Больше всего меня восхищало и поражало отношение Рода к Марте. Он так нежно, трепетно относился к ней, к ее потребностям и желаниям. А Марта, несмотря на свою «физиологию», очень уважала его и с пониманием относилась ко всем его эмоциям и шалостям. И так спокойно принимала его любовь...

А что же касается меня, то я отличалась не только эмоциональностью. Меня выделяли светлые волосы, серые глаза, слегка курносый нос, полные губы, неширокий овал лица и безудержное желание перетискать всех домашних животных поселка. У нас в семье жил один. Его все звали Сур. Это небольшое шестилапое создание с короткой и шелковистой шерстью очень любило шкодничать, воровать еду со стола и залазить ко мне под одеяло

ночью. С этим созданием дети страшно любили играть и проводить над ним всякие эксперименты, от чего бедолага страшно страдал и постоянно прятался от малолеток. Чаще всего у меня на руках.

Я чувствовала себя счастливой, хотя многого еще не знала и не понимала. Ооой, как многого! Мне казалось, что моя жизнь так и будет протекать здесь, в поселке. Я даже подумывала выйти замуж. Понравился мне один парень. Я познакомилась с ним на танцах. Его звали Тир, дальний родственник Марты. Но это я так думала, что моя жизнь так будет протекать! Пока однажды, утром в поселок не прилетел один грузовой флайер. С этого и началась моя совсем другая жизнь и моя история...

*** **

О его прибытии сообщил сам мэр поселка через текстовое сообщение на коммуникаторы всем жителям. О том, что это был за флайер и кто на нем прилетел, догадались многие, кроме меня. А я? Так я вообще ни в зуб ногой! Флайер, да и флайер! Что тут такого? К нам в Со часто прилетали всевозможные флайеры. Но моя семья очень засуетилась. Особенно Март. Он в этом году коннор закончил и часто мне твердил, что мечтает в местную академию поступить, в атконнор Ира. Он туда заявление подал. По тому, как бегал, вещи собирал, я поняла, что он хочет попасть на этот флайер.

— А что особенного в этом флайере? — спросила я Марту.

— Это флайер атконнора! — и я в ее глазах даже восхищение увидела. Надо же!

— А что это значит?

— Это значит, что Март сегодня улетает учиться в Ир! — видимо мама гордилась сыном.

Я так поняла, что это знатное учебное заведение. Значит, будем считать «Ухты!» или «ого!» Наш мальчик будет учиться в академии. А мне, вдруг, стало жалко с ним расставаться. Такой классный парень! Я любила с ним по полю в кнор играть, диск гонять по воздуху. Но он был настроен решительно. Инженером хотел быть. Да и котелок у него неплохо варил. Так что туда ему и дорога.

В общем, собрали мы нашего «мальчика» и побежали за ним на площадь провожать. На площади народу собралось! Пришли на что-то поглазеть. Я даже Рода увидела. Прибыл тоже сына проводить. Он сегодня на перерабатывающем работал, а не в поле, поэтому быстро прискакал на место посадки флайера. Мы к нему и протолкались всей гурьбой. Став рядом, я стала глядеть на происходящее.

Итак! В центре площади стоял тот самый немаленьких размеров флайер. Перед ним собралась наша поселковая офицерия. Это для порядка. Хотя местные очень воспитаны, так что их присутствие для виду тут.

Недалеко от этого летательного аппарата собралась кучка наших поселковых ребятишек из пятнадцати человек. Они все подавали заявление на поступление в этот атконнор. К ним протиснулся и наш Марк. Я прямо спиной чувствовала, как он был счастлив. Я стояла и широко ему улыбалась от счастья за него. Рядом с этой группой робких мальчишек стояло еще четверо. Одного сразу узнала — наш мэр. Еще один — его помощник. А двух других я видела впервые. Они были одеты в черную обтягивающую форму с белыми погонами, манжетами и воротниками. Один из них держался особо. Невольно задержала на нем свой взгляд. Я уже давно привыкла к окружающим меня красивым людям и красивые лица и фигуры меня не впечатляли. Этот офицер тоже выглядел красиво, высокий и статный. Отличался он разрезом глаз — слегка раскосый с закрытым эпикантусом. Нос с небольшой

горбинкой и немного заострен. Поразил меня его взгляд, прямой, пронизывающий и изучающий. Держался он уверенно. Стоял, расставив ноги на ширине плеч. Спина ровная, корпус подан немного вперед. Типичный военный. В нем даже издали чувствовался характер лидера, сильный и уверенный в себе. Это меня заворожило. Среди всех замечательных людей поселка Со я не встречала таких. Но, может, это мне только показалось? Первое впечатление у меня часто бывает ошибочное. Офицер стоял, держа в руках коммуникатор, и рассеянно рассматривал окружавшую его толпу, словно что-то или кого-то искал. Второй офицер оживленно что-то втолковывал нашему замечательному мэру. А тот согласно и с готовностью кивал, потупив взор в землю и старательно изучая какой-то кустик травки перед собой, нагло пробившийся сквозь твердое полимерное покрытие посадочной площадки. Странное раболепие мэр проявлял перед этими людьми. С чего бы это?

Я оторвалась от того странного офицера на Марта. Тот насупился, нахохлился. Волнуется. Я крикнула:

— Март! — брат глянул на меня и улыбнулся.

Я сжала кулачки и приподняла их на уровне плеч, мол, не бойся, давай! Он кивнул мне в ответ. Я широко ему заулыбалась, чтобы братишка не сомневался, что мы за него очень рады. И тут, случайно, вернула взор на того необычного офицера и наши взгляды встретились. Он явно находился в удивленном состоянии и слегка нахмурил брови. Что бы это значило? Я потухла. Точнее моя улыбка. Потом медленно, не отводя от него взора, опустила руки. Мужчина не сводил с меня взгляда. У меня мурашки побежали по коже. Чего он на меня так смотрит? Аж сверлит взглядом. Так и хотелось ему бросить: «Отвернись!» Я опустила смущенный взор. Притворюсь скромницей. Опять я немного забылась. Ну что за манеры у меня? Никак не угомонюсь. Стою, корю себя, на чем белый свет стоит. Так не хотелось привлекать внимание этого особенного человека к своей «необычной» персоне. Через полминуты подняла глаза. Лучше бы я этого не делала. Он уже шагнул в моем направлении. Все! Влипла! Куда на этот раз? Глядь на него, а он точно ко мне идет. Обернулась. Может, там за мной кто стоит, да к нему идет. Так я дорожку-то уступлю. Ан нет! Позади меня все разошлись. Так уважительно смотрят на того мужчину. Я покосилась на него. Может он пройдет мимо? Опять облом. Остановился. На меня смотрит и жестом к себе зовет. Я на себя указала пальцем в жесте: «Кто? Я?». Он кивнул. Я испуганно замотала головой: «Не-е-ет!».

— Иди, — услышала над ухом голос Рода.

— Зачем? — я не двигалась с места.

— Он зовет, иди, — повторил Род.

Да кто же он такой?! Я послушно робко зашагала к этому офицеру. Он не сводил с сверлящего осененного взора. Мурашки толпами вприпрыжку и кувырком бегали по спине. Жуткий пронизывающий взгляд, словно он меня насквозь просвечивал, чересчур пугал. Подошла. Стала.

— Как твое имя? — его голос на удивление звучал мягко.

— Лана, — ответила я, — Лана Арамс.

Мужчина кивнул, потом, оторвав, наконец, от меня глаза, повернул голову в сторону горы и прищурился. Что это значит? Куда он смотрит? Я перевела взгляд в ту же сторону, куда глядел и он. И впервые увидела...

От горы отделилось невероятно величественное существо. Оно летело, широко

расправив перепончатые узкие крылья и грациозно изогнув длинную шею. За спиной послышался восхищенный вздох толпы. Это существо похоже на ящера, но с гладкой блестящей кожей, без чешуи. Длинный и тонкий хвост заканчивается пушистой кисточкой. Само оно стального цвета с блестящим глянцевым переливом, словно вылитое из стали. Голова имеет вид узкого усеченного конуса, заканчивающаяся у шеи над нею костяной неширокой пластиной, усеянной небольшими рожками. Глаза большие, фасетчатые, на одну треть головы. Это восхитительное чудо размером с весьма крупную лошадь опустилось рядом, пахнув на нас порывом ванильной свежести. Сложило свои крылья, плотно прижав к телу, и подошло ближе. Я не отрывала от него восхищенных глаз. Когда он (я решила, что это существо мужского пола) подошел вплотную, я просто уже не могла себя контролировать. Все произошло неосознанно и стремительно. На меня накатила волна сильнейших эмоций, и я протянула руку, коснулась его носа, скользнула до надбровных дуг, шеи. Какой он теплый, мягкий и шелковистый на ощупь! Подошла ближе к нему, прижалась лицом к шее, где начиналось туловище, и продолжала его гладить. Он заурчал так мелодично и приятно, как одно животное из моей воспаленной и упрямой памяти, которая выдавала мне сравнения, но не объясняла мне большего. А еще... от него так приятно пахло... ванилью... Я бы так и стояла рядом с ним вечно! Гладила и гладила бы его.

— Лана? — услышала позади себя голос того мужчины-офицера и оглянулась.

Сказать, что он выглядел потрясенно, это ничего не сказать. Я постоянно всех своими порывами эмоций ввергала в шок. И этот не оказался исключением. Уставился на меня. Так и гляди, глазами дырку продырявит. Подумаешь, животинку обняла! Что тут особенного? Конечно, я в тот момент мало что знала и понимала, поэтому так и реагировала. Откуда я могла знать, что это за существо и как к нему относится местное население? От него исходило любопытство и доброта. Поэтому я не испугалась и потянулась к нему. Поэтому для меня была удивительна реакция этого человека. Он подошел ко мне ближе. Заглянул в глаза и спросил, или нет, утвердительно сказал:

— Вы летите с нами.

Теперь настал мой черед «недоумевать». Это как это «летите с нами»? Не поняла. Куда летите? И зачем главное? Меня и тут неплохо кормят. Я ошарашено уставилась на этого «потрясающего» господина. Какой шустрый. А мое мнение?

— Зачем? Я не хочу никуда лететь! — возразила я.

Мне стало так страшно. Что я знаю в своей маленькой жизни? Нет у меня прошлого. Нет объяснений кто я. Откуда? Почему я такая? Я постоянно всех ввожу в ступор. И вообще, ступор — это постоянное состояние моих близких. А теперь этот человек, явно наделенный немалой властью, говорит, что я должна все бросить и лететь с ним. С какой стати?! Я люблю Арамсов, мне по душе этот милый, мирный уклад жизни. Эти веселые люди вокруг меня. Добрые. Заботливые. Мне казалось вопиющей неблагодарностью бросить их лишь кто-то, такой как этот... решит, что я должна лететь с ним. Я покачала головой и обернулась в сторону к Роду и Марте. Мое поведение явно продолжало удивлять этого властимущего человека. Он тоже посмотрел в ту же сторону, что и я.

— Это ваша семья? — спросил он меня.

— Да.

Он жестом подозвал Рода к нам, и тот покорно подошел. Я озадаченно глянула на этого офицера. Кто же все-таки этот человек? Почему его так безропотно слушаются? Поджала недовольно губу. Вот же влипла, так влипла! Мне, почему-то настолько сильно захотелось

залезть куда-нибудь под лавочку и спрятаться, чтобы меня никто не видел. Буду там жить, лишь бы мисочку с едой давали. Я бы даже гавкала на прохожих. Ну, зачем я здесь стою?! Я вскинула в отчаянии глаза к небесам. Вот хоть здесь провалилась бы сквозь землю. Откуда я тогда, стоя на посадочной площади поселка, могла знать, что дальше постоянно буду желать провалиться сквозь землю? А в это время развязался между ними диалог:

— Это ваша дочь? — спросил Рода офицер.

— Да. Приемная.

— Это как?

— Моя семья приняла ее полгода назад, когда я нашел ее на поле. Она ничего не помнила из своей прошлой жизни. Теперь она живет у меня и я являюсь ее опекуном, — Род был спокоен и почтителен.

Офицер нахмурился. О чем-то задумался. Бросил на меня быстрый взгляд. Что творится в его голове? Как часто я думала о подобном, когда беседовала с окружающими меня людьми и так им дико завидовала, что они могут читать мысли других. Вот и сейчас тоже стояла и завидовала. Даже ногой хотелось топнуть. Тут, понимаете ли, решается моя судьба, а я не могу быть в теме. Всегда себя успокаивала тем, что на самом деле читать мысли можно лишь в том случае, если человек сам этого захочет и откроется своему собеседнику. А так все видят только поверхностные мысли других. Это немного утешало. А еще Род говорил, что мои мысли для него — потемки. Помочь ему в этом я ничем не могла. Ну, что-то вроде «Открой мне свой разум!». Нет, не выходило. Да и сама я свои мысли туго видела. Они у меня, как тараканы, когда включаешь свет, разбегаются. Противные. А тем временем диалог продолжался.

— Ваше имя?

— Род Арамс.

— Господин Род, вы прекрасно понимаете — кто я?

— Да, господин фагот.

Офицер кивнул и довольно властным тоном продолжил:

— Тогда мне не нужно вам объяснять, что мои полномочия позволяют мне в острой сложной ситуации при необходимости настойчиво просить граждан Иридании идти нам на уступки в наших обоснованных просьбах?

Мне стало жутко от его слов. О чем же он говорил? Что он имел в виду?

— Да, господин фагот, — ровно ответил Род.

— Я так понимаю, у госпожи Ланы амнезия продолжается и она многого еще не понимает, не так ли? — увидев согласие моего приемного отца, он продолжил: — Она не понимает, чего я от нее ожидаю. Вследствие этого, ответственность за принятие решений в ее судьбе ложится на вас, господин Арамс, — его тон был бескомпромиссным и ровным, но, тем не менее, вызывал неподдельный страх и произвольное уважение. — Вы должны понимать, что положение наездников в данный момент, мягко говоря, критическое. Мы нуждаемся в королеве-матери. И вы должны понимать, что такую нужную наездницу королевы мы продолжаем искать уже несколько десятилетий.

Какую королеву? Не поняла. Они меня хотят сделать королевой? Что за наездники? Я глянула на то сказочное творение, которое продолжало стоять рядом с нами и с интересом наблюдать за офицером. Что их связывало? Прирученное животное? А! Наездники этих существ! А как они кстати называются? Драконы? Не очень-то похожи. Только и того, что крылья перепончатые. А кто такие драконы? Вот память проклятушая! Я снова поглядела на

собеседников. И тут поняла одну гениальную вещь: я знаю, что я ничего не знаю! Вот! Крыша моя поехала и привет чердаку передала. А мозги отчаянно выдавали странные слова «ERROR» ну или что-то в этом роде. Ну, все. Хоть падай в обморок. Я устала на Рода. Он глянул по-доброму мне в глаза и тепло улыбнулся. Он понял, что я сейчас думаю.

— Лана, ты понимаешь, о чем говорит господин фагот?

Я так интенсивно замотала головой, что чуть не упала. Что говорить о словах? Я даже не знаю, что значит этот его чин «фагот»!

— Прости, меня, Лана, что я не удосужился тебе рассказать о нашем государстве более подробно. Думал, нас это особо не касается. Да и зачем тебя было грузить большим объемом информации?.. Но теперь лишь скажу тебе все в двух словах, — Род терялся в этих самых словах. — Наше общество... наша планета держится на людях, которые правят нами из города Ир и других больших городов. Они наездники ниясытей. Вот видишь это существо? — он указал на то дивное стальное творение, что стояло возле нас. Я покосилась на него и кивнула Роду в ответ. — Это ниясыть. То, что ты о них еще узнаешь, тебя очень удивит. Ниясыти — символы власти в Иридании. Все наездники ниясытей или правят нашим миром, или защищают его. Они находятся на всех рубежах и хранят наш мир. Так повелось уже с незапамятных времен. Им нужна королева-мать. Она дает им жизнь. Но ей нужна особенная наездница. Если ее не будет... — видно, ему было трудно объяснять прописные истины, истины, знакомые каждому ириданцу чуть ли ни с рождения. Это как дважды два. Это то, что держит мир Иридании и его процветание, поэтому объяснять это трудно.

Я кивнула ему. Нелегко понять за две минуты целый уклад жизни, вековую историю, целый миропорядок и правила его существования. Я поняла его, но причем здесь я? Неужели он имеет в виду, что я та самая особенная, которая нужна той королеве-матери? Можно сойти с ума! Как же все осмыслить?

— У них нет королевы-матери? — спросила я Рода, собрав все части мозга, которые соглашались со мной сотрудничать.

— Нет. У них есть королева-мать, и не одна. Но их мало. Они мало дают нашему миру своих сыновей и дочерей. Поэтому им нужно достаточно королев.

— Ладно, а я-то тут причем? — требовала я объяснений.

— Все дело в вашей... эмоциональности... — ответил за Рода офицер.

Я с подозрением из-под лба покосилась на того самого господина фагота. Что он имеет против моей эмоциональности?

— Лана, — продолжил Род. — Королевы-ниясыти очень чутки и нуждаются в особой заботе и ласке. Искренней и чистой. Иначе они перестают быть королевой-матерью и становятся нирами. Королевы-матери нуждаются в эмпатии наездницы...

Я глубоко и понято вздохнула. Что-то стало проясняться. Конечно, слово «нира» для меня осталось загадкой, ну, ничего, я узнаю потом.

— Значит, вы считаете, что я обладаю теми самыми нужными качествами, чтобы помочь королеве-матери быть королевой-матерью? Значит, мне нужно лететь куда-то и ухаживать за какой-то особой ниясытью?

— Нет. Не совсем так, — покачал головой Род. — Пойми, за королевами уже ухаживают их наездницы. Но малышки, которые вылупляются в их гнездах и так достаточно редко, гибнут или становятся нирами. Это очень хрупкий и особенный процесс их созревания. Они особо нуждаются в теплой заботе именно в детстве, причем одной единственной наездницы. Таких подходящих женщин в Иридании очень мало. А после войны... королевы стали

особенно притязательными... Это долго объяснять и времени остается совсем мало... От тебя просят полететь с ними и всецело сотрудничать. Им нужны такие как ты. По новостям передавали, что королева-мать привела в мир еще одну малышку-королеву. Все наездники, как господин фагот, — он указал головой в сторону офицера, который стоял рядом и не отводил от меня пристального взгляда, заложив руки за спину, — ищут подходящую девушку для этой малышки. И ты должна понимать, что это довольно нелегко... найти такую подходящую девушку в нашем обществе, — он мне намекнул на особую физиологию ириданских женщин. — Этот господин имеет полное и законное право... э-э-э... настойчиво просить тебя принять эту великую честь стать наездницей королевы-ниясыти.

Я подняла брови. До меня медленно кое-что дошло! Вот это да! Правда, много они тратят сил на всякие объяснения для меня. Видимо, для них очень важно, чтобы я пошла добровольно и приняла на себя все обязанности этой наездницы. А для этого нужно, чтобы я все ясно поняла.

— Значит, у меня особого выбора нет? А что, если эта маленькая королева меня не выберет?

— Если такое случится, — сказал фагот, но он явно сомневался, что это произойдет, — то вы будете вправе вернуться обратно сюда или попробовать силы с нирой, — его тон был крайне доброжелательный и заинтересованный.

Я посмотрела в его глаза. Что-то было в них такое, что заставляло верить ему. На миг я утонула в его синих глазах, таких глубоких и осмысленных. Он надеялся, что я соглашусь, так как был уверен, что смогу быть хорошей наездницей для этой королевы-ниясыти. Я чувствовала его уверенность почками. Но продолжала сомневаться.

— А что, если я откажусь? Вы лишите меня жизни или посадите в тюрьму?

Брови фагота взлетели в небеса. Вот упрямая! Я видимо, стала его сердить своей тугоумностью или упорством. Одно из двух.

— Что вы! Нет, конечно, — покачал он головой, и в его глазах я увидела тень разочарования, словно он нашел драгоценный камень, а он оказался слишком дорогой, чтобы купить, — но я очень настойчиво вас прошу... — он явно что-то не договаривал.

— Лана, не стоит возражать господину фаготу. Это плохо может сказаться на нашем... положении и репутации семьи... — в глазах Рода появился страх. — Пожалуйста, Лана!

Я взглянула на Рода. Его брови поднялись в один домик, и он выглядел так... сокрушенно. Выходит, если я откажусь, то семья Рода потеряет очень много, и потеряет в первую очередь репутацию. Я испугалась, а вдруг, к ним будут применены какие-то санкции? И тогда окажусь для них большой обузой и проклятием. И еще неблагодарной хрюшей. Да еще они так торопятся с решением. Совсем нет времени подумать и взвесить все за и против. Побольше разузнать обо всем, посоветоваться. Я посмотрела на господина фагота и, обреченно вздохнув, произнесла:

— Ладно, я согласна. Только прошу вас, господин фагот, пожалуйста, отнеситесь с большим снисхождением к моему... недомоганию. Я ничего не знаю и не понимаю. И не могу полностью соответствовать... вашим ожиданиям, — я это сказала с легкой надеждой на то, что этот человек все-таки откажется от, как мне казалось, безумной идеи забрать меня от любимых людей.

Фагот понимающе кивнул:

— Это целиком моя ответственность.

Удивительная ситуация возникла. Не могу никак понять, что особенного в этой

королеве-ниясыти, что этот серьезный человек, вдруг, готов пойти на такой шаг и взять на себя ответственность за совершенно незнакомую девушку, да еще и почти инвалида. Я считала свою потерю памяти именно инвалидностью.

— Хорошо. Тогда, что мне нужно делать?

Офицер облегченно выдохнул, словно все это время он затаил дыхание и боялся меня спугнуть. Потом повернулся к Роду:

— Принесите ее некоторые вещи. Все остальное ей обеспечит атконнор. Флайер будет отправляться, — он глянул на хронометр своего коммуникатора, — через десять минут, — Род кивнул и сразу удалился. — А вы следуйте за мной, — сказав мне это, он повернулся к летательному аппарату.

Я оглянулась. Только сейчас я заметила, что всё население поселка Со с величайшим напряжением и затаив дыхание наблюдало за нами, боясь пропустить хоть одно слово (правда я не уверена, что они многое расслышали, но напрягали явно слух конкретно). Напряжение было таким большим, что хоть лампочку вкручивай и свети! Вот, любопытные какие! А может, они были свидетелями исторического события? Кто знает, может, я и впрямь стану наездницей королевы-матери, а это являлось великой честью. Выходит, что здесь королевами становились не по происхождению, а по способностям, точнее по способностям проявлять эмоции. Очень занятно...

Я повернула голову в сторону уходящего офицера, но продолжила стоять. Что у меня с ногами? Они явно жили какой-то своей, отдельной жизнью. Хочу, иду, хочу не иду, а хочу, спотыкаюсь! И тут меня со спины толкнула большая голова того дивного создания под названием ниясыть — мол, иди! И я, робко оглянувшись на это создание, зашагала. Мне даже показалось, что он мне улыбается и радуется тому, что я согласилась. Неужели, он понимал все, что здесь говорили? Тряхнув головой, словно прогоняя эту дикую мысль, я повернулась к флайеру. Ха! Думающее животное! А может... В голове все перемешалось в разноцветный винегрет. Фагот подошел к мэру с помощником и еще одному офицеру. К слову сказать, все это время те тоже за нами наблюдали с великим интересом. Я приблизилась к ним. Остановилась в четырех шагах и стала робко топтаться на месте. Фагот оглянулся на меня через плечо, но, ничего не сказав в мою сторону, обратился к мэру:

— Я забираю госпожу Лану Арамс под личную ответственность, — потом он посмотрел на офицера в черной форме:

— Отлет через десять минут. Собери всех новичков и запускай двигатель, — потом он соизволил обратиться и ко мне: — Прошу вас занять место в пассажирском отделении флайера. Это вам будет несложно сделать самостоятельно? Или вам помочь?

Я аж вздрогнула от его слов. Ничего ведь неправильного не сказал! Не выявлял высокомерия. Но так стало обидно. И больно. Да. Я потеряла память. Но я же не страдаю тяжелой формой дибилизма?! Я только и смогла, что открыла возмущенно рот. Потом медленно повернулась на пятках к летательному аппарату и погрузила меня в него.

В кабине для пассажиров почти все места были заняты. В основном там сидели молодые люди. И лишь одна девушка. Она сидела у окна. Когда я зашла, она кинула на меня любопытный взгляд. Не против бы сесть рядом с нею, но возле нее место оказалось занято, так что я села с краю. В салон вошли и остальные жители поселка Со. Рядом со мной шумно плюхнулся Март. И на душе сразу полегчало. Ведь я не одна лечу! У меня будет на кого положиться и спросить о помощи!

— Ну что, сестрица! — он всегда меня так называл с тех пор, как меня записали на их

фамилию, и мне это очень нравилось. — Летим вместе? Надо же как! А я и не предполагал, — он растянул губы до ушей.

Все вокруг с любопытством косились в нашу сторону. Они старались сделать вид, что им безразлично, но это получалось весьма коряво и неестественно. Заметив боковым зрением их интерес, я решила не заикливаться на нем, а сосредоточиться на собеседнике. Март восторженно пучил на меня глаза и излучал просто ошеломительную радость.

— Я тоже не предполагала, — траурно ответила я.

— Полно тебе! Словно на свои похороны летишь! Чего это вы там перетирали с отцом и фаготом в сторонке? — любопытствовал братец. — И почему тебя взяли?

— А ты что, не слышал? Для королевы-ниясыти меня взяли. Скормят меня ей!

Брови Марта полезли вверх к затылку.

— Как для королевы-ниясыти?.. не говори так... Выходит... — он задумался и смолк, а восторженная радость сменилась замешательством.

Ну вот, и он все понимает. Одна я не в теме. Ну, чудесно! Чувствую себя совсем недалекой. В носу что ли поковыряться для правдоподобности? Обидно до слез. А, впрочем, что я хотела? В действительности, как я могла за эти короткие полгода узнать целый миропорядок. Конечно, странно, что вышла такая ситуация с этим загадочным мужчиной. Но жизнь всегда являла собой переплетение всевозможных и неожиданных совпадений. Взять, к примеру, мое появление здесь, в этом мире. Что меня привело сюда? Почему? Может, именно для этого я сюда попала? Приходится смириться и импровизировать. Будь что будет. Так даже интересней!

Мы просидели в ожидании десять минут. Тут в салон зашел тот самый господин фагот. В руках он нес небольшую дорожную сумку. Нашел глазами меня. Подошел и бросил ее передо мной со словами:

— Ваши вещи, — потом выпрямился и обратился ко всем: — Мое имя Наран Ниасу. Это была наша последняя остановка. Теперь мы отправляемся прямо в атконнор Ира. Времени остается мало. Поэтому сразу по приземлении, покидаем флайер и организованной толпой отправляемся в гассэ, где будет Церемония избрания и прием учащихся, — его голос, несмотря на его спокойную сдержанность и холодность, звучал мелодично и приятно.

Когда он говорил, флайер завелся и поднялся в воздух. Внутри ничего не изменилось. Демпфера работали исправно. Инерции совсем не ощущалось. Я повернула голову в сторону смотрового окна, проходившего узкой полосой от верха до низа между двумя рядами сидений. Попыталась посчитать, сколько нас, пассажиров. Насчитала пятьдесят четыре.

— Это касается и вас, госпожа Лана, — услышала я и поняла, что что-то пропустила.

Я соорудила на лице согласное понимание, но, конечно, из-за того, что отвлеклась, была далека от показанного. Господин фагот неодобрительно хмыкнул, развернулся и ушел в рубку пилота. Сразу стало легче дышать. Почему-то этот мужчина вызывал у меня приступ немоты и паралича. Брр. Неприятное чувство. Что за человек?! Я покосилась в сторону двери в рубку пилота и обратилась к Марту:

— А чего он сказал после фразы «прием учащихся»?

— Он сказал, чтобы ты не искала себе приключений на попу и не отставала от него ни на шаг, — Март сделал довольную физиономию.

— Так прям и сказал?

Тот лишь ехидно ухмыльнулся. Вот же! Так бы и натерла его наглую физиономию перцем! Юродничает в такой для меня нелегкий момент. Я обреченно вздохнула и снова

перевела растерянный взгляд в окно. Мимо проносились макушки разноцветных деревьев. Мы летели не сильно высоко над землей. Рядом с флайером мелькнул стальной силуэт. За нами летел тот ниясыть. Быстро летел. Даже быстрее флайера, так что через минуту он исчез из обзора. Проследив за его силуэтом, я позволила водовороту мыслей затянуть меня в глубокое раздумье о грядущем. Говорят, что если ты знаешь свое прошлое, можно узнать и свое будущее. Но я не знаю своего прошлого. Неужели у меня нет будущего? Да нет! Нет будущего только у того, кто не живет. У меня оно есть, только я не знаю его, как не знаю и своего прошлого. Я не помню того, что сформировало мой характер, мой способ мышления. Не помню материнских рук... и тут мне стало так больно от этой мысли. Именно от нее. Но почему? Мама. Это тот человек, который тебя очень любит. Кто тебе отдаст самое последнее. Кто займет твою сторону, пожалеет, поймет... Откуда я это знаю? Я в последнее время так часто приходила в отчаяние от этой странной амнезии. Память часто выдавала мне короткие фрагменты, яркие сравнения и образы, но связать их воедино просто не представлялось возможным. И чем дальше, тем больше это меня угнетало.

Я не заметила, как мое лицо стало печальным. Не заметила и того, как мы влетели в пределы города, хотя глядела в смотровое окно. Словно все исчезло вокруг. Мозг отключился от действительности, погрузив в мир вопросов и печали. В своих раздумьях я не заметила и того, как мы приземлились, как все покинули пассажирский отсек. Будто бы меня выключили.

— Лана? — услышала я рядом чей-то голос и вздрогнула, будто меня кто-то ударил по голове.

Меня звал Март.

— Лана, — повторил он снова, — сестрица, ты чего? Нам уже пора на выход.

— А? — меня медленно всасывало в реальность.

— Нам пора на выход. Ты вообще где? Возвращайся в мир сей... — он изогнулся и заглянул мне прямо в лицо.

— Ага, — я прерывисто вздохнула, как после долгой истерики. Такое часто у меня бывало, когда я слишком глубоко погружалась в раздумья.

Мы были последними. Как только я встала, открылась дверь рубки пилота. Оттуда появились господин фагот Наран и пилот.

— Идем, — взяв меня под руку и подобрав мою сумку, произнес Март.

Я послушно потянулась за ним, оторвав взгляд от замершего на выходе и задумчиво рассматривающего нас фагота. Март спрыгнул с последней ступени трапа и, весело махнув мне, направился в сторону-у-у... Тут я потрясенно выдохнула. Я стояла на большущей стоянке флайеров перед невероятной красоты зданием. Оно было похоже на огромный парусник, точнее паруса от парусника, белые, как облака. А сверху, вместо мачты и натяжек, множество небольших и узких платформ, фигурных и узорчатых. На этих платформах восседало множество ниясытей, тех самых, о которых мне сказал Род и похожих на того, что был с нами в поселке Со. Одни сидели на тех платформах, другие парили в небе. Это зрелище завораживало! Целый мир летающих стальных существ! Невероятно!

Я от потрясения распахнула рот и не могла двинуться с места.

— Смотрите, госпожа Лана, а то мошка в рот залетит, — услышала я рядом наигранно насмешливый голос фагота и резко повернулась в его сторону, постаравшись сделать свой взгляд как можно пламенней и сердитей — не хочу, чтобы он надо мной насмеялся. Сие деяние на него совсем не подействовало, а наоборот раззадорило. — Полюбуетесь потом

этим дивным видом, — он так мило улыбался, что я растеряла всю свою грозность.

А особенно меня разоружили его озорные ямочки на щеках... Как можно было сердиться на такого милого человека? Он подошел ближе и слегка подтолкнул меня в спину, побуждая идти вперед к тому невероятному зданию вслед за уходящим Мартом. Я покорно вздохнула, словно от этого вздоха могло прибавиться сил, и послушно зашагала вперед. Однако чудесное завораживающее зрелище с парящими в небе стальными существами вновь захватило мое внимание. Я как малое дитя задрала голову и совершенно перестала смотреть перед собой. И это сыграло со мной злую шутку. Не прошла я и десяти шагов, как встретила гостеприимный бордюр, неожиданно раскинувшийся у меня на пути. Да так лихо растянулась, что даже хекнуть не успела. Лежу на животе и диву даюсь, как это я умудрилась уже с самого начала так замечательно опозориться? Нет, ну, правда, у моих ног явно другая жизнь! Или глаза не на том месте. Ушибла коленку, свезла правую ладонь. Падение меня немного отрезвило. Я зашипела и приподнялась на локтях. А потом! Сильные руки скоро подхватили меня за плечи и подняли на ноги так легко, словно я пушинка. Я ахнула и встревожено обернула голову. Господин Наран обеспокоенно заглянул мне в лицо.

— Будьте осторожны, госпожа Лана. Вы не ушиблись? — его все та же приветливо-вежливая улыбка немного успокоила.

Я опустила смущенно глаза. Так! Надо срочно собраться. Но двигаться дальше отказалась. Теперь от стыда. Потупила глаза в землю и стою, на ногах туфельки рассматриваю. Тогда Наран, как-то горестно-обреченно вздохнув, подхватил меня под локоть и буквально потащил к парадному входу в этот атконнор. Мы шли завершающими из нашей группы. Я семенила за ним, принаравливаясь к его широкому шагу, но глаз не поднимала. Поэтому не рассматривала более вида великолепного здания, величественных широких ступеней, высоченных колон, поддерживающих козырек как натянутую ткань... Мне казалось, что я сгорю от смущения. Всё в эти минуты казалось неестественно преувеличенным, и любой мой промах казался невероятно позорным и ужасным.

Мы забежали на минутку в комнату, где уже находились остальные мои спутники по флайеру. Все уже были одеты в белые накидки. На меня, растерянную, тоже спешно и довольно беспардонно натянули это светлое облачение, и повели как маленькую девочку дальше. Я лишь иногда вскидывала голову на господина фагота, ожидая, что он меня бросит. Но нет. Он целеустремленно смотрел вперед и вел меня к огромной широкой арочной двери, куда стекалось множество нарда. Странно было как-то. Глядя на этого совсем чужого человека, далекого от меня, от моей жизни, глядя в его устремленные, решительные глаза, плотно сжатые губы, слегка нахмуренные брови, становилось не так страшно. Когда я отрывала взгляд и переводила его на окружающих, всё смешивалось в сплошное разноцветное месиво, и голова начинала кружиться, а ноги спотыкаться...

Тогда я снова глядела в его спокойное лицо и спасалась в нем. Так было легче. А он не отпускал меня. Так крепко держал, словно я для него единственное спасение от незримых проблем. Будто я для него — всё, что осталось у утопающего в бушующем море. Это я поняла не по лицу. Оно было серьезно и глубоко сосредоточено. Это я почувствовала на каком-то подсознательном уровне. Но почему? Что ему от меня надо на самом деле? Почему он так заинтересован в том, чтобы я стала той самой наездницей для молодой королевы? Что это даст именно ему? Еще я почувствовала его сдерживаемое волнение и опасение. Будто он боялся, что его со мной схватят еще до того, как мы придем туда, где будет проходить этот Обряд Избрания. Все эти мысли вихрем пронеслись в моей голове и внесли в душу еще

большее смятение.

Перед нами выросли широкие двери в гассэ. Увидев нашу группу в белом, люд расступился. Нам создали живой коридор, и мы легко вошли в это гассэ. От восхищения сердце ухнуло в желудок. Гассэ являло собой огромное помещение. Очень огромное. Пространство для зрителей поднималось ярусами из центра к краям в виде полукружия. Внизу площадка — орхестра, за которой резкий подъем тоже с ярусами, где восседали ниясыти, а рядом с ними сидели люди, их наездники. Еще мелькнула мысль, что это, наверное, самые знатные. Не могли же все ириданские ниясыти вместе со своими наездниками здесь поместиться? Я старалась отвлекать свои мысли на что угодно, лишь бы не думать о своем страхе, который сидел в груди грызуном, и скалил свои острые зубки, грыз и ворчал. А рядом с ним робко топтался ужас, теребил живот, сводил до такого состояния, что я думала, что сделаю кое-что непроизвольно... так захотелось в туалет! Поэтому я продолжила смотреть вперед, чтобы отвлечься от пугающих фантазий. Орхестра была огорожена перилами с удивительной резьбой опор. Мы шли именно к ней.

Спустившись вниз, Наран провел меня на ту самую орхестру. Мапочка! Что это значит?! Внезапно, на меня напал дикий, животный ужас, и я начала неистово вырываться из его рук, чтобы сбежать как можно дальше. Я была совершенно не готова к чему бы то ни было. Он почти затащил меня, извивающуюся как змею, туда. Я дергалась, как дикое животное перед клеткой. Кричала, что не буду и не хочу идти туда. Кряхтела, пытаюсь ослабить его хватку, и не замечала удивленные взгляды присутствующих гостей, занявших уже свои места в рядах зрителей. Но как только он отпустил руку, я обомлела. Страх. Паника. Ужас. Смятение. Они окатили меня как ведром холодной воды. Каменной глыбой на меня рухнул миллион эмоций. Чужих. Не моих. Я почувствовала себя так, словно меня раздели, оставив на улице одной в зимнюю стужу. Инстинктивно прижала руки к груди и ладони сжала в кулаки.

— Господин Наран! — мой голос хрипел и предательски дрожал. — Я не могу... я боюсь...

Он смотрел на меня удивленными и упрямыми глазами. Я дрожала как осиновый лист, вскинув влажные глаза на жесткого мужчину и качая головой. В голове раздался спокойный, ясный голос фагота:

— Так надо... Ты должна пройти Церемонию Единения... Ты нужна Иру! ТЫ НУЖНА Иридании.

— Но почему?.. — шевелились лишь мои губы.

— Поверь мне. Пожалуйста. Стой здесь. Не бойся. Я слежу за тобой, — его голос звучал очень четко и ясно в моей голове. Я никого еще никогда так отчетливо не слышала. Мгновение спустя, он тепло, успокаивающе улыбнулся и добавил:

— Все будет хорошо. Вот увидишь... госпожа Лана...

Не знаю почему, но эти слова придали мне сил. Он ушел. Я проследила за ним. Он сел в первом ряду для зрителей, где сидели такие же, как и он, офицеры в черных парадных формах. Садясь, фагот хлопнул по плечу другого мужчину, который удивленно и пристально вглядывался в мое лицо. Потом он что-то с самодовольной улыбкой сказал тому и уставился на меня с изучающим прищуром. Его же сосед с лицом полубога не отводил от меня задумчивых, красивых и глубоких черных глаз. От этого взгляда пробрало до колик. Я невольно икнула, ощутив от этого пытливого взгляда нервную дрожь. Что-то было в нем... притягивающее, будоражащее.

Лишь после того, как фагот сел и снова глянул в мою сторону, я нашла в себе силы

оглянуться.

«Все будет хорошо», — повторил мой воспаленный мозг его слова.

Я находилась рядом с дюжиной девушек в таких же белых одеяниях. Они стояли с гордо поднятыми головами и ровными осанками, красивые, как звезды. Когда меня волоком затащили на площадку, они направили на меня глубоко изумленные взгляды. Видимо, мое поведение выглядело весьма странным. Это еще больше увеличило чувство моей неуместности в этом месте. Я ощущала себя рядом с ними маленьким страшным карликом, сорняком возле прекрасных роз. Внутри все сжалось в тугую узел. Сердце обещало поскакать в сторону выхода. Что я здесь делаю? Я была совсем другой в сравнении с ними. Совсем. И внешне, и внутренне.

Я повернула голову налево. Там стояли молодые люди так же в белых хламидах. Они выстроились в ровную шеренгу. Среди них я увидела знакомое лицо, которое мило и ободряюще мне улыбалось. Это был Март! Увидев родное лицо, меня немного попустило. Что же будет? Сколько ждать? Что делать? Единственное, на что меняхватило, так это на то, чтобы совладать с безудержной дрожью во всем теле. Поэтому я не обратила никакого внимания на ошеломленный гул не только с рядов зрителей, но и со стороны вип-гостей. Мое появление здесь явно было невообразимо неожиданным.

Оказалось, что ждать оставалось совсем немного. Прозвучала через громкоговорители мелодичная трель и все затихли. Дверь, ведущая прямо на оркестру размером с грузовой флайер, медленно разошлась в стороны и из белого коридора вышли... две ниясыти. Одна взрослая, большая, избела-серебристая. Такая великолепная, грациозная, тонкая, изящная, что я даже забыла дышать от восхищения. Не знаю, где взять описательные эпитеты, чтобы выразить тот восторг, возникший у меня в душе. Тут же исчезли все переживания из-за моего здесь появления. Осталось лишь одно — восторг.

— Старшая Королева! — вдруг, услышала я восхищенные возгласы стоящих рядом.

А рядом с королевой-ниясытью шла малышка. Маленькая совсем. Росточком по колено человека, на тоненьких, неокрепших лапках, с тоненькой шейкой и большущими фасетчатыми глазищами на половину клиновидной морды (называть морду лицом как-то язык не поворачивался, но я думаю, что это их не сильно обидит?). Кожа выглядела ее совсем белой, матовой, а не глянцевой, как у ее матери-королевы. Она шагала нерешительно, взволнованно оглядываясь по сторонам, словно что-то потеряла и очень хочет найти. Что-то ужасно нужное и важное. Но что?

Боковым зрением я заметила как девушки стали на одно колено, как по команде, так синхронно! Словно все время репетировали. И все протянули правые руки с раскрытой ладонью, точно бы приглашали к ним подойти. А я стою как вкопанная и прячу свою свезенную руку. Ноги совсем окаменели. Словно тело было не мое. Я уставилась на малышку и не могла отвести от нее зачарованного взгляда. Будто больше уже никого вокруг не существовало кроме этого маленького чуда.

И тут... все эмоции, обрушившиеся на меня с приходом на эту площадку, исчезли, точно их никогда и не было, но возникла одна, другая, яркая и могучая эмоция, затмив собой все на свете. Одиночество. Такое дикое и невыносимое одиночество, которое внутри у меня выжигало все, заставляя трепетать от боли. На глаза навернулись слезы. Они затуманили все вокруг, затянув поволокой размытости. Я не шевелилась. Не мигая, следила, как малышка, увидев девушек, оторвалась от матери и, быстро, как могла, засеменила в нашу сторону. Затаив дыхание, я думала лишь о том самом одиночестве, таком созвучном с моим.

Кроха быстро подошла к одной девушке и уткнулась носом в протянутую ладонь. Та улыбнулась довольно и гордо, но через две секунды эта улыбка исчезла. Она резко отдернула руку и отпрянула, словно ее ударило током от прикосновения. Малышка обиженно всхлипнула, и ее одинокое отчаяние выросло в два раза. В мое сердце словно вонзили кинжал, и из той раны хлынула кровь. Молодая королева-ниясыть подошла ко второй, но та тоже через мгновение отдернула руку и возмущенно воскликнула. Малышка обреченно взвизгнула. Так пронзительно и требовательно. А у меня в груди возникло ощущение, словно повернули тот кинжал. Боль в висках сцепила тисками до тошноты. Но я продолжала стоять недвижимым столбом. Маленькая не теряла надежды и подошла к третьей и... девушка вскрикнула и вскочила, как укушенная. И тогда, не в силах больше терпеть просто невыносимую, адскую боль, пробирающую мою истерзанную грудь жестокими иглами, пронизывающую до самых костей, я упала на колени и, жалостливо протянув дрожащие руки в сторону малышки, вложив всю боль в слова, крикнула, точно от этого зависела моя жизнь:

— Не-е-ет! Кроха! Ты не однааа!!!

Малышка резко повернула в мою сторону голову. Ее хвост нервно ударил по бокам и шкурка конвульсивно дернулась. Она взволнованно пискнула и решительно зашагала в мою сторону. Подошла. Сначала она уткнулась в мою правую ладонь носом. Меня охватил удивительный свежий аромат. Такой нежный, приятный, напомнивший мне запах из забытого прошлого, из детства... дикой вишни, волнующе пьянящей и зовущей. Кожа ее мягкая и горячая опалила ладонь, будто меня пронзило током, но я не смогла отдернуть руки. Просто не была в силах из-за страха вернуть боль в груди из-за одиночества. Плененная чарующим блеском огромных детских фасетчатых глаз, я поднесла вторую ладонь к ее мордашке и скользнула пальцами по надбровной дуге. Внезапно дикое чувство одиночества сменилось просто непередаваемым восторгом и восхищением. Малышка снова пискнула, но уже довольно и подошла ещё ближе ко мне. Я обняла ее, теплую, восхитительную. Стала гладить по спине, крыльям, шее.

— Не бойся. Все будет хорошо, — шептала я ей успокаивающе, — ты такая хорошая... все будет хорошо...

Слезы лились из глаз. Почему? В груди жгло. Дыхание сперло. Сердце болезненно сжималось, а кровь с шумом пульсировала в ушах. Невероятно сложно описать все ощущения, бурлящие внутри. Это была и боль, и радость, и восторг, и волнение. Она довольно урчала и прижималась всем телом ко мне, будто впитывала меня, каждую мою мысль, каждую эмоцию и получала невероятный восторг.

— Бедненькая моя. Не переживай, ты не одна... совсем не одна... — продолжала я ее успокаивать.

— Ты такая добрая! — услышала я детский восторженный голос у себя в голове.

Будто обухом по голове! «Она разумная!» — осенило меня. Вот почему люди относятся так к ниясытям. И с каждой секундой одиночество отступало и отступало от меня. Становилось так легко и хорошо, спокойно и уверенно.

— Милая моя, хорошая... не волнуйся, я с тобой... ты не одна... — повторяла я.

Она же благодарно урчала. Не знаю, сколько мы вот так стояли, но из оцепенения меня вывел женский довольный и мягкий голос. Я очнулась, словно всё это время спала, и мне снился сон. Сладкий и приятный. Подняла голову и увидела красивую черноволосую с синими глазами женщину. Она улыбалась:

— Иата. Мы приветствуем тебя! — женщина подняла руки на уровень груди и

развернула ладони вверх.

Этот жест означал уважение и почтение к власти имущим. Я сглотнула и встала на ноги. Малышка протестующе всхлипнула, требуя продолжения ласки. Тогда я положила руку ей на переносицу. Теперь я пришла в себя. В зале стоял негромкий гул — это взрослые ниясыти приветствовали свою новую молодую королеву. Я обернулась в зал зрителей. Все стояли в той же позе, что и женщина. Молча выражая почтение. Взгляд упал на фагота и того мужчину. Оба, как и все, повторили жест синеглазой женщины, но в их глазах я увидела еще что-то. Особенно у того слишком красивого мужчины, что стоял возле Нарана. Он рассматривал меня оценивающе и вдумчиво. Я смутилась и опустила глаза, встретившись взглядом с полными обожания фасетчатыми глазами малышки. Что теперь мне делать? Как вести себя? Что говорить? Подлый страх снова открыл дверь в мою грудь и робко затоптался на проходе.

— Иата, прошу, следуй за мной, — произнесла торжественно женщина и жестом поманила за собой.

Иата, как я помнила из короткого курса учебы в конноре поселка Со, — это уважительная форма обращения к женщинам, наделенным властью. Я послушно пошла на выход. Нас троих: меня, кроху и синеглазую женщину провела тишина, почтительная и глубокая, вязкая, как кисель. За нами затворились двери. Мы вышли в противоположную от той, куда вошла малышка. А в широком коридоре уже стояла королева-ниясыть-мать. Женщина подошла к ней, коснулась шеи, что-то ей тихо сказала и обернулась в мою с крохой сторону.

— Мое имя Мара Ниасу. Я наездница Кары, Старшей Королевы. Я приветствую тебя, — произнесла женщина и снова улыбнулась.

Ниасу... где я слышала это второе имя?

— Мое имя Лана Арамс, — ответила робко я.

Женщина кивнула. И тут из-за одного из поворотов длинного коридора, где мы стояли, вышло четыре женщины и перед ними мужчина. В нем я узнала господина фагота. Он шагал с торжественной и самодовольной улыбкой широким размашистым шагом. Увидев его, Мара удивленно подняла брови. Видать, она не ожидала его здесь увидеть. Он подошел первым, почтительно склонив голову перед... и тут я поняла, где я слышала это второе имя Ниасу... Наран Ниасу! Он ее сын! Мара благосклонно кивнула в ответ и спросила:

— Что ты здесь делаешь, Наран? Тебя в этом месте не должно быть.

— Я знаю, иата, — он кивнул, — но я посчитал нужным быть здесь.

— Почему?

А те женщины остановились на почтительном от нас расстоянии, ожидая конца беседы.

— Предупредить и объяснить, — сдержанно ответил он и бросил беглый довольный взгляд на меня и кроху.

Я сразу поняла его взгляд: «Я знал! Я не сомневался!» и почему-то от этого скривилась. У-у-у, самодовольный павлин!

— Что именно? — спросила Мара.

— Это я привез эту девушку сегодня прямо на церемонию.

— Я в курсе, — голос ее прозвучал слегка недовольно. — И? — ее высокомерная манера держаться сейчас не бросилась мне в глаза, как потом.

— Я обещал ей свою протекцию.

— Из-за чего?

— Она ничего не знает о нашем обществе.

Брови женщины взлетели вверх.

— Как это?

— У нее амнезия.

Мара немного нахмурилась. Это ее озадачило и явно не очень понравилось, но она сразу вернула себе прежнее настроение.

— Ясно. Я учту это обязательно, — холодно кивнула она и сделала удаляющий жест тонкой кистью руки. — Спасибо, что вовремя сообщил. Теперь ты можешь нас оставить. Дальше мы должны справиться сами.

Фагот кивнул и как-то странно на нас посмотрел. Он явно о чем-то переживал, но прятал это за приторной учтивой улыбкой. Да и не пахло в его поведении сыновней горячей любовью. Лишь опасением. Еще раз бросив на меня пристальный взгляд, словно желая меня о чем-то предупредить, он развернулся и ушел. Даже если он и хотел меня предупредить, я не услышала его мысли. Слишком взволнованна, чтобы обращать внимание на опасности и подвохи.

А те женщины направились к нам. Я, молча, рассматривала их и Мару. У троих, как и у Мары на голове в волосах виднелась тонкая серебряная диадема, расширенная на лбу в форме ромба, а на этом расширении изображено две ниясыти с переплетенными шеями. Восхитительное украшение! Четвертая девушка, подстриженная под мальчика, была одета в коричневато-зеленый костюм и прятала глаза. Мара, совершенно не обратив никакого внимания на стриженную молодую женщину, словно она — пустое место, по очереди указала на первых трех:

— Лана, познакомься. Это три наездницы королев-ниясытей Ира, кашасу: Рия, Ясронга и Емима, — каждая из них при своем имени кивала головой.

Я заметила в них то, что почти никогда не встречала в других девушках Заруны — глубину взгляда и искренний интерес.

— А это, — Мара, как между прочим, указала на стриженную девушку, — каота. Она будет при тебе служить. Ее зовут Фия.

Каота, я так поняла, это горничная. Девушка низко поклонилась и уважительно произнесла:

— Приветствую вас, иата. Мое полное имя Фия Мо. Буду рада вам прислуживать.

Я глупо уставилась на нее. Зачем мне прислуга? Я простая девушка и сама о себе могу позаботиться, о чем не замедлила сообщить.

— Так положено, Лана, — торопливо отрезала Мара и сделала приглашающий жест идти. — А теперь я прошу тебя проследовать в то место, где ты будешь жить следующие три года.

— Три года? — переспросила я, послушно зашагав в указанном направлении, а белая кроха семенила за мной, прижимаясь к ноге.

Я слышала ее волнение и постоянное желание ласки. Она все время толкала мордочкой мою ладонь. Я слышала ее голос, настойчивый и требовательный, но слышала нечетко и словно издалека. Он прорывался сквозь мой природный телепатический барьер к сознанию и искал там приюта. Будто она хотела укрепить некую хрупкую связь, возникшую при первом прикосновении. И то, что нам пришлось идти, страшно раздражало малышку и побуждало все снова и снова касаться меня. Я плохо слышала ее, но внутреннее желание быть рядом с ней росло с каждой секундой. Желание, очень непривычное и незнакомое. Я

хотела, чтобы она стала как бы моей частью, моими мыслями и эмоциями. Или это были ее желания...

Старшая наездница, то есть Мара, которая имела титул шиасу, поравнявшись со мной в шаге, терпеливо и натянуто улыбнулась, будто заставляла себя делать то, что было ей не по вкусу, а потом заговорила:

— Будь, пожалуйста, внимательна к тому, что я тебе буду говорить. В течение трех лет идет полное половое созревание королевы-ниясыти и процесс единения с наездницей. А также будет проходить ваше основное обучение в атконноре. В течение этих лет младшая шиасу, то есть кашиасу, обретает основные навыки, необходимые всем наездникам в их нелегком труде. В процессе обучения вы всё поймете. От вас лишь требуется следовать необходимым правилам поведения и посещать все мероприятия, организованные специально для кашиасу.

Говорила она ровным безэмоциональным тоном, как будто читала какую-то лекцию. Но я не обращала сейчас на это никакого внимания. В состоянии невыразимой эйфории и оцепенения новизны, все, что происходило вокруг, казалось, происходит не со мной. Как будто мне снился волшебный сон, и в нем я встретила самого лучшего друга. А люди, которые роились вокруг меня, больше казались размытыми безликими фигурами, на которые хотелось меньше всего обращать внимания.

Мы подошли к большому грузовому лифту. Двери сразу же перед нами открылись. Он нас отвез в жилые помещения атконнора. Мой этаж находился на самом верху и считался элитным. На этом уровне в других его частях жили преподаватели этого высшего учебного заведения, только через кучу перегородок и переходов.

Моя комната оказалась просто огромная по моему скромному мнению. Все оформлено в коричнево-бежевом и кремовом тонах. Одним словом — роскошно. Она соответствовала теперешнему моему положению кашиасу. Я не могла этого понять и осознать. Всего два часа назад я вообще ничего не знала о существовании таких необычных существ, как ниясыти, и их наездниках, а теперь стою на самом комфортабельном этаже самого престижного на Заруне учебного заведения и рассматриваю самые роскошные апартаменты города, в которых должна буду прожить три года своей жизни. Вот так вот в миг, оказывается, может перевернуться привычный мир, в котором живешь. Прилетает какой-нибудь шишка, забирает тебя туда, где он считает, ты должна быть и все! Баста! Пришел конец всему привычному укладу жизни.

Ну, ладно, о чем это я? О комнате, где мне предстоит прожить три года. Комната имела прямоугольную форму. Напротив входной двери — окно-балкон на всю стену от потолка до пола. Кремовые капронового вида гардины с легким цветочным рисунком. По краям окна собраны плотные коричневые портьеры, а вверху ламбрекен с декорированными элементами в виде кистей. Справа впритык к стене стояла кровать с балдахином из бежевых шелковых драпированных тканей, застеленная шелковыми одеялами и с уложенными милыми подушечками. По бокам стояли две прикроватные тумбы из темно-коричневого дерева, а над ними прикреплены две бра в форме букета цветов. Напротив кровати на стене висела огромная картина с изображенными на ней тремя летящими ниясытями на фоне скалистых гор. А среди гор вдалеке стоял старинный город, точнее его руины. Это была настолько потрясающая воображение картина, что я потеряла дар речи и сразу же прилипла к ней с раскрытым ртом. Больше я уже не рассматривала ни стол туалетный с прелестным пуфиком возле него, ни комод, ни кресла с диваном под картиной. Все, я была там, в картине.

Услышала позади легкий смешок. Оглянулась. Госпожа шиасу Мара насмешливо кривила губы:

— Я тоже так же долго не могла оторваться от этой картины. Это довольно старинная картина. Художник жил чрезвычайно давно. Никто не знает, что это за руины изображены там, вдали за ниясытями и какие краски он использовал, что так дивно сохранились. Многие считают, что это просто его воображение. Он оставил после себя много таких шедевров. У меня тоже есть его работы, — подойдя ко мне, Мара говорила искусственно приветливо.

Я оторвала глаза от картины и посмотрела на шиасу. Господин Наран был так на нее похож! Те же раскосые глаза, нос с легкой горбинкой и милые ямочки на щеках. Я засмотрелась на ее неземную красоту. Она обратила на меня свои синие глаза.

Смущенная таким пристальным изучающим взглядом, я нерешительно отвела взгляд. В комнате находились только я с малышкой, Мара и Фия. Остальные наездницы нас покинули еще перед лифтом, а Марина Кара осталась в коридоре. Я заметила, что все двери были рассчитаны на то, что в них может зайти и взрослая ниясыть. Маленькая королева настойчиво жалась к моей ноге и нетерпеливо попискивала, требуя внимания. Но чего она хотела, я никак не могла понять. Вроде бы и глажу ее постоянно по гладкой горячей головке, а она все просит чего-то. Мара, вздрогнув, словно пробудившись ото сна, положила ладонь мне на плечо и произнесла:

— Лана, на мне лежит обязанность, наложенная законом страны, позаботиться о том, чтобы ты была в курсе твоих обязанностей и прав. По мере возможности, я буду тебя посещать. В остальных вопросах, помощником тебе будет куратор твоей группы, где ты будешь проходить обучение. В вопросах личных будет заведовать Фия. Она ответственна за ваше питание, твою одежду и личные предметы. Она также отвечает за порядок в твоей комнате. В этом отношении спрашивай ее. От тебя же требуется прилежно учиться и следить за здоровьем и эмоциональным состоянием твоей ниясыти.

Она старалась говорить добродушно, но рядом с ней я все равно себя чувствовала неуверенно и смущенно, словно навязывалась тому, кто меньше всего хотел меня видеть. Неприятное ощущение это вызывало у меня желание, чтобы эта женщина поскорей ушла прочь. Мара повернулась к моей горничной с видом утомленной и высокомерной хозяйки и тоном, привыкшим повелевать, произнесла:

— Фия, я думаю пора принести обед им обоим и спальные принадлежности. Об остальном я сама позабочусь, — обратилась к каоте шиасу, та поклонилась и вышла.

— А что я должна делать? — спросила я ее.

— От тебя требуется принять ванную вместе со своей ниясытью и лечь спать.

— Ванную я согласна посетить... Но спать я не хочу. Еще рано, — возразила я.

Шиасу улыбнулась.

— Это ты сейчас так говоришь. Послушай меня. Так нужно. Так делают все будущие наездники. Иначе процесс единения тебя с твоей ниясытью будет проходить сложнее.

— Не понимаю, — протянула я.

— Я тебе объясню, — она села с вымученным вздохом на кожаный диван и, похлопав рядом с собой, пригласила сесть рядом.

Я послушно села. Малышка не замедлила себя ждать, запрыгнув рядом со мной на диван и положив голову на колени, и продолжила настойчиво требовать ласки. Я положила ей ладонь на шею, почувствовав под рукой блаженное урчание. А Мара, с покровительственным видом проследив за манипуляциями малышки-ниясыти, продолжила свои объяснения.

— Понимаешь ли, Лана. Ниясыти — крайне особенные создания. На уроках биологии преподаватель объяснит все их особенности. Я же тебе сейчас скажу вот что... — она сделала паузу и выразительно посмотрела мне в глаза. — Процесс единения человека с ниясытью проходит на химическом уровне. Сейчас, спустя стандартное время после вылупления, она начала выделять очень мощный гормон. Ты его ощущаешь через обоняние. Ты чувствуешь ее запах? — я утвердительно кивнула. — В его состав входит ее личный ни с чем несравнимый фермент. Он, как отпечаток пальца. Так вот, при близком контакте, который совершается при непосредственном прикосновении руки, да и всего тела, например, когда ты ее обнимаешь, происходит процесс обмена. Как это правильно сказать... этот фермент впитывается в твою кожу через поры и твое дыхание. Как бы ее частичка становится твоей. Именно этот фермент и является нужным связующим между наездником и ниясытью. Он создает мостик, через который проходит также нейронная связь. Особенно этот фермент вырабатывается, когда она спит рядом с тобой. В это время она особо уязвима и требует твоей заботы. В молодости они нуждаются в каждодневной такой заботе. Во взрослом возрасте эта потребность снижается. По-сути происходит эмоциональная и химическая привязка ниясыти с человеком. Она тебе дарит свой фермент и преданную дружбу, а также все, что она умеет, а ты ей — заботу и эмоции, такие как доброта, любовь и теплота. Это для них как блок питания. Чем сильнее человек испытывает такие эмоции, тем лучше они себя чувствуют. Они становятся в этом очень зависимыми от нас. В первые дни жизни стимулируют малышей в выделении фермента водные процедуры. Такие как принятие ванны. В ванной комнате уже есть для тебя купальный костюм. Вода уже набрана. После водных процедур, вам обязательно надо покушать. А потом ты сама поймешь, что тебе дальше делать, — Мара прямо источала снисходительную вежливость.

Я заворожено глядела на нее, как змея на флейтиста.

— Так мне уже можно идти и принимать ванную?

— Там ты найдешь все необходимое, — она показала своей улыбкой восхитительные ямочки на щеках и встала. — Ну что ж. Я пойду. В остальном тебе поможет Фия. У меня еще много дел.

— Хорошо... — кивнула я отрывисто и, молча, проследила, как шиасу с походкой павы покинула комнату.

— Поняла? — обратилась я к малышке. — Нам надо в ванну.

Та вскинула на меня глаза и уркнула.

— Так что давай, вставай. Мы будем сейчас купаться.

Тут кроха радостно соскочила с дивана и стала пританцовывать на месте:

— Купаться! Вода! Это так замечательно! — слышала ее слова у меня в голове уже более отчетливо.

Я засмеялась и тоже встала с дивана.

— Слушай! А как тебя звать-то?

Малышка обратила на меня свои большие восхитительные глаза и преданно произнесла:

— Как ты меня назовешь, так и будет. Меня еще никто не назвал. Я слышала других, но они мне не говорили, как мое имя, — малышка невинно мигнула двумя веками и как-то обреченно вздохнула, словно была этим весьма расстроена.

Что она имела в виду, я не поняла, но ее улыбающаяся мордочка, выражающая полное и всеобъемлющее доверие и восхищение, вызывала во мне сильный приступ нежности и

любви.

— Какая же ты забавная! — мой голос звучал даже для меня слишком трепетно и нежно.

— Хорошо. Меня будут звать Забавная!

— Нет!... такого имени нет... — подняла я брови и замерла, поймав одну идею, — зато...

— Что зато?

— Давай я буду звать тебя... ммм... Забава!

— Хорошо! Красивое имя! Мне нравится!

— Ну что, Забава! Пошли в ванную?

Мы направились в правую от кровати дверь, что обнаружилась в самом углу комнаты справа от выхода. Мы зашли и я враз остолбенела. Это не ванна, а целый бассейн! Не огромный конечно. Но и не маленький. Там могла бы поместиться целая взрослая ниясыть! И он уже был наполнен теплой парующей водой. А с краю лежал небольшой слитный купальник, маленькое полотенце для меня и целая попона для Забавы. Я недолго думала и переоделась. Купальник показался продолжением тела! Нигде не давил, не тер. Я удивленно прошла по нему руками и повернулась к ванне-бассейну. Забава уже плюхнулась в воду и пищала от счастья так громко, что у меня в ушах заложило. Я аккуратно ступила в воду за ней и тут же меня захлестнула волна брызг.

— Забава, что же ты так громко пищишь? Я оглохну так.

— Ой! Прости! — она медленно подплыла и уперлась носом мне в плечо.

Я снова засмеялась и продолжила ее гладить. Никогда не думала, что гладить кого-то может доставлять столько удовольствия! Через минуту в ванной комнате уже было не продохнуть. Мара оказалась права. Вода действительно стимулировала Забаву. Ее «особый запах» был настолько густым, что казалось, можно повесить носок, и он зависнет в воздухе. У меня начала сильно кружиться голова от насыщенности аромата и усложнилось дыхание. Казалось, я вот-вот задохнусь. Это ощущение становилось просто невыносимым.

— Ты привыкнешь, — услышала я голос Забавы и поняла, что та чувствует мои мысли. — Ты потерпи.

Через пять минут моих тартаровых мук, которые только росли в арифметической прогрессии, всё и в самом деле прошло. Привыкла. И только я сделала шаг из воды, как на меня огромной наковальной обрушилась вялость и сонливость, как будто я три дня подряд не спала, пахала поле и носила мешки с песком. Малышка вылезла вслед за мной, но выглядела она не лучше. Вначале вытерлась я, затем промокнула ее. Она так пластилиново откликалась на мои прикосновения, так терлась об меня, словно от того, как я ее ласкаю, зависит ее жизнь. Она чем-то напомнила одного зверька... кошку. Так назвала это создание моя «избирательная» память. Я думаю, такое животное когда-то было у меня в моем забытом прошлом. Правда вид был другим, но оно также ласкалось и терлось об меня, как и Забава.

Я двигалась медленно, как в кошмарном сне, и думала, что не долезу до кровати. Рухну где-нибудь по пути на полу, свернусь калачиком и надолго отключусь от мира сего. Когда мы с моей белесой тенью вошли в комнату, нас уже ждал стол на колесиках перед диваном, а рядом возилась Фия и расставляла еду. Завидев нас, она отошла и пригласила жестом к столу. Мы вяло поплелись туда, но перед этим девушка настояла, чтобы я переоделась в ночной шелковый пеньюар. Сон продолжал наваливаться на меня с такой силой, что даже веки держала с трудом открытыми. Я села, кое-как поела, совершенно не ощущая вкуса. Мне

все казалось пропитанным запахом крохи. Затем поглядела затуманенным взглядом на то, как Забава активно уплетала что-то в виде рыбы. Сил выяснять, что это, у меня не оставалось. Я жаждала лишь одного — спать! После того, как малышка освободила свою миску, я переместила меня на кровать и блажено растянулась на ней, мгновенно захлопнув веки. Я почти не чувствовала, как кто-то проворно устроился рядом и уютно устроил маленькую голову у меня на животе. Практически отключившись, я просипела:

— Фия, пожалуйста, закрой шторы, а мы пока поспим, ладно?.. А то так спать чего-то... — я широко зевнула, — хочется...

— Хорошо, иата, — она послушно зашторила огромнющее окно, и в комнате стало сразу темно, как ночью.

Я мигом отключилась и не слышала, как Фия с тихим тархтением вывозила столик с остатками еды и грязной посудой, затворив за собой двери.

*** **

Мне снилось, как я сижу подле длинного стола, накрытого всевозможными яствами. Я пыталась дотянуться хотя бы до одного блюда, но всякий раз, как протягивала руку, еда отодвигалась от меня. Голод жестоко сводил желудок до едкой рези. Это повторялось все снова и снова. И в какой-то момент я поняла, что единственным спасением для меня было открыть глаза. Обнаружила себя свернутой в позе зародыша на шикарной кровати в скомканных шелковых простынях. За спиной я почувствовала чье-то горячее тело, а на талии нашла ее голову. Выровнялась на постели и посмотрела на маленькое белоснежное создание рядом. Моргнула раз, потом еще, пытаюсь объяснить себе, где я и кто со мной лежит. Значит, мне это не приснилось! Я действительно стала наездницей существа, о существовании которого до недавнего времени не имела ни малейшего представления. Малышка подняла голову и преданно посмотрела на меня светящимися фасетчатыми глазами. Нахмутив брови и разгоняя мысли по местам, я повертела головой.

— И давно ты проснулась? — спросила я проснувшуюся соседку хриплым голосом.

— Нет. Недавно, — она мигнула нижними веками.

Голос малышки в голове звучал очень громко и четко, как будто это были мои мысли. Я приподнялась на локтях, чтобы лучше ее разглядеть. Однако любопытство сошло на нет после выразительного урчания живота.

— Как же я есть хочу! — скривилась недовольно я и потеряла живот.

— И я тоже! Очень! — она даже подпрыгнула на месте, от чего матрас постели спружинил и подбросил меня вверх.

Я озадаченно покосилась на попрыгунью и встала с кровати. Кушать — это, конечно хорошо, но я хочу сперва принять душ. В комнате стоял такой едкий и насыщенный запах хмельной цветущей вишни, что казалось, его можно было попробовать на вкус. Когда я коснулась собственной кожи, она показалась мне очень липкой, поэтому хотелось окунуться в воду и смыть пот и непонятную субстанцию на себе. Но прежде надо открыть дверь балкона и впустить столь необходимый свежий воздух. Я не спеша подошла к окну и отодвинула плотный занавес. За стеклом на синем безоблачном небе ярко светило солнышко.

— Уже день, — задумчиво протянула я. — Это сколько же мы проспали?

— Не знаю. Я тоже спала.

— Я не сомневаюсь, — ответила я крошке через плечо. — Что-то здесь душно, я выйду

на балкон.

— И я с тобой! — Забава быстро прыгнула с кровати и скользнула передо мной в открывшуюся дверь балкона.

Балкон показался мне очень широким и длинным и больше походил на террасу с высокими перилами, чем на балкон. На широких перилах крепились вазоны, в которых росли вьющиеся растения с фиолетовым оттенком и игловидными листиками. Справа от двери стоял круглый столик из пенопластика на одной ножке и из того же материала два стула. Я прошла мимо них и оперлась на перила в перерыве между вазонами. Снаружи открывался прекрасный вид. Город утопал в зелено-красно-фиолетовом месиве растительности, через которую проступали бело-серые здания и высотные дома. Воздух вокруг был просто сказочно чистым по-сравнению с густотой комнатного. Услышала рядом довольный свист ниясыти и повернула лицо в ее сторону. Белоснежное существо, похожее на ящерку, с длинной шеей и гибким подвижным хвостом, которое я назвала Забавой, перегнулось через перила и любопытными глазищами созерцало панораму города.

— Что, тебе тоже нравится?

— Да. Хочу полететь. Но мне нельзя, — ответила она как-то печально и похлопала хилыми крылышками.

Пространства на балконе хватало не только крылышки расправить, но и подпрыгнуть, словно он был рассчитан на присутствие более крупного создания, чем моя Забава. Она настолько сильно перегнулась через перила, что я испугалась, будто та ухнет вниз.

— Ну, раз нельзя, то не лезь на улицу. А то здесь высоковато будет. Что случится, если ты упадешь? Представь, потом как тяжело будет отдираать от земли белую лепешку... — я это говорила так, слегка шутя.

Я знала, что она не выпадет. Чувствовала, что она боится, но не ожидала такой реакции. Она резко отодвинулась от перил и посмотрела на меня виноватым взглядом. Даже перепуганным.

— Ты чего! Испугалась? Я же не серьезно...

Она молчала и послушно глядела на меня. Я подошла, присела рядом и погладила ее по надбровным дугам.

— Я иногда могу шутить, Забава. Ты не обращай на это особого внимания. Хорошо?

— А что такое «шутить»?

— Это когда я что-то говорю, но этого на самом деле нет.

— Это же ложь.

— Шутка... ну понимаешь, это немного другое, чем ложь. Иногда это бывает и правда, но ее цель — рассмешить...

Забавка мигнула двумя веками поочередно. Кажется, она поняла мои слова. Но мне что-то не очень хотелось сейчас заморачиваться на объяснения человеческой психологии и привычек поведения. Снова громко заурчал желудок.

— Хочу есть, — поднеся руку к животу, недовольно скривилась я. — Пойдем-ка мы с тобой поищем что-нибудь поесть. Ванна, наверное, потом!

Она послушно повернулась и направилась к выходу. В комнате ничего не изменилось за то время, пока мы спали, кроме... на диване стояла дорожная сумка, которую собрала семья Рода перед моим отлетом сюда. Наверное, Фия принесла мне ее сюда. Я подошла к ней и заглянула внутрь. Там лежало несколько моих платьев, две туники и штанишки, а также ваннские принадлежности, нижнее белье и фотография семейства Арамс. Я достала ее и

начала рассматривать. На ней вместе с ними была изображена и я. Эту фотографию мы сделали на одном торжестве после двух месяцев моей жизни у этой замечательной семьи. Я провела пальцами по скользкой поверхности изображения, касаясь каждого члена семьи. Внутри все сжалось. Увижу ли я их снова? Обниму ли их? Можно ли мне будет слетать к ним в гости? Надо будет выбрать время и позвонить им. Рассказать, что со мной случилось. Они, наверное, очень переживают? Я их очень полюбила. Такие добрые, щедрые и заботливые.

Рядом я услышала заинтересованное мурлыканье. Забава требовала объяснений, почему я стала такой грустной.

— Это моя приемная семья, — я нагнулась, чтобы показать ей фотографию, и она сделала понимающее выражение своей морды-лица. — Я у них жила шесть месяцев и уже соскучилась по ним. Хочу увидеть их снова, — объяснила я и погладила ее по переносице.

— Мы увидим их снова. Я не хочу, чтобы ты грустила. Это мне не нравится. Это плохое чувство.

— Конечно, Забава. Я же их люблю. И тебя люблю. Теперь же мы будем всегда вместе!

— Я тебя никому не отдам. Ты моя, — сказала серьезно Забава.

— А я никуда и не собираюсь уходить от тебя, — говоря эти слова, я чувствовала, словно это необыкновенное существо всегда было возле меня и мысль о том, что ее может не быть рядом, уже не укладывалась в голове.

Странное и необычное для меня ощущение, особенно от того, что сейчас я не ощущала себя такой одинокой, как раньше. Теперь, где-то глубоко в подсознании заронила мысль о том, что это удивительное существо никогда меня не оставит и будет всегда и везде рядом, будет понимать и защищать. От этого в душе рождалось спокойствие и уверенность в будущем. Как здорово быть кому-то нужной!

— Даже если уйдешь, я все равно везде тебя найду. Я тебя слышу, — серьезно заглядывая мне в лицо своим большим фасетчатым глазом, отчеканила мне в мозг молодая ниясыть.

Я пораженно уставилась на нее. Что она имела в виду? Что значит «я тебя слышу»? Я улыбнулась ей, не спрашивая объяснения. Что толку спрашивать у маленького существа такие сложные вопросы? Спрошу у кого-нибудь другого. Сейчас нужно подумать о другом.

Я положила на туалетный столик фотографию и подошла к выходу с целью разыскать место, где можно чего-нибудь перекусить. И так, в пеньюаре, чуть не вышла. В самый последний момент осознала, что лучше этого не делать. Надо переодеться, а потом все остальное. И душ принять все-таки нужно бы, так как пахло от меня, как от парфюмерной фабрики.

Совершив нужные процедуры и облачившись в бирюзовый костюм из туники и штанов, покинула комнату. В слабо освещенном коридоре я никого не нашла. А куда собственно идти? Словно попала сюда в первый раз и до этого здесь не ходила. Коридор относительно короткий, и слева метрах в пяти от меня виднелась дверца лифта. Я повернула туда, боковым зрением следя за перемещениями маленькой ниясыти. Та послушно семенила по пятам. Возле лифта нажала на пластину, и дверь с негромким шорохом мгновенно разошлась в стороны. Зашли. А теперь куда? На какую кнопку жать-то нужно? Где тут можно покушать? Я заторможено воззрилась на панель управления лифтом и в бессилии уронила вдоль тела руки. Даже плакать захотелось. Ладно, нажму на самый низ, на кнопку с цифрой один. Может, это первый этаж? Доберемся, а там посмотрим. Может, кого поймаю, спрошу. Как

говорят, язык до... не знаю там чего... доведет! Забава уселась рядом, задрав голову и не сводя с меня глаз. Лифт тронулся сначала вбок, потом вниз. Вот чудеса техники! Что-то я не помню, чтобы мы двигались в сторону, когда ехали наверх. Хотя, если по-честному, я вообще мало, что помню о том историческом в моей жизни событии. Будто мне все приснилось. Лишь белесый умный звереныш с удивительной способностью говорить через мысли и сидящий подле моих ног — яркое свидетельство того, что все-таки это был не сон.

Вот, наконец, лифт остановился, и дверь разошлась в стороны, открыв путь в светлый от больших окон холл. Размер холла ошеломлял. Покидала я лифт с разинутым ртом. Множество людей в синих и черных костюмах сновало туда-сюда с видом неимоверно занятых муравьев. Я неуверенно принялась оглядываться по сторонам. Проходящие мимо, завидев рядом Забаву, учтиво склоняли в приветствии головы и продолжали путь, не заостря на мне никакого внимания. Я принялась искать знакомые лица. Нет. Все чужие. Охватило смутное ощущение жуткого одиночества и страха, какое часто бывает в незнакомом месте. Родилось великое желание бежать отсюда со всех ног и как можно дальше. А еще встал передо мной лукавый вопрос о том, что я здесь вообще делаю? Забава снова заскулила, что дико голодна, и это сразу отрезвило мою растерявшуюся душу.

— Сейчас, подожди. Я у кого-нибудь спрошу, — успокоила я ее и поймала первого попавшегося на пути юношу в синем костюме: — Извините, а где здесь столовая?

— Общепит находится там, — он указал в сторону справа от меня.

Там виднелась широкая и наполовину прозрачная дверь. Я поблагодарила юношу, который с удивленным лицом потопал дальше, и пошла с маленькой подружкой туда. Когда мы шли, все учтиво останавливались и кланялись. Почему они так почтительны? Такое слишком особенное отношение меня озадачивало и вызывало бурю возмущения и смущения. С этой вот бурей возмущения мы с Забавой подошли ко входу в столовую и шагнули внутрь. А там народу! Тьма. Тут еще подлая мыслишка всплыла, что денег-то у меня нет и платить за завтрак нечем. Интересно, они дадут мне в долг? Я с озадаченным видом осторожного зверька принялась оглядываться по сторонам, желая увидеть обслуживающий персонал. Что же делать?! Что делать? Я поднесла правую руку к лицу и стала грызть в растерянности ноготь указательного пальца.

С минуту мы стояли у входа. Я думала, что незаметно. Оказалось, что ошибалась. Кто сидел, поднимал на нас голову, кто шел, останавливался и пялил на нас любопытный взор. Через пять минут в столовой уже воцарилась тишина и все вопросительно смотрели в нашу сторону. От этого у меня в животе еще сильнее скрутило от застенчивости и возросло желание бежать, куда глаза глядят. Забава нарушила тишину протестующим писком и громким урчанием. Вот, только не могу точно сказать, кто громче урчал — Забава или мой живот? Я схватилась за него и продолжала грызть ноготь. Вид, наверное, был жалкий. Гляжу я на всех из-под лба и пытаюсь что-нибудь сообразить. Не выходит. Ноги, как обычно, зажили своей жизнью. Превратились в столбы. Так бы, наверное, и стояла, если бы сбоку, справа от меня, не услышала вежливый голос:

— Иата? Вам чем-нибудь помочь? — я обернулась и отдернула руку от лица.

Не престало женщине прилюдно ногти грызть! Рядом в форме официанта и передником впереди, стоял молодой человек и держал поднос с едой в руках. О! Еда! Он ее кому-то несет или уже убирает? Может, спросить, не даст ли он мне и моей Забаве обедков? Тогда и денег не надо платить.

— Я здесь новенькая. Первый раз пришла, — еле слышно, чтобы только этот парень

услышал, говорю. — Нам бы покушать... но у меня нет с собой денег. Я потом заплачу...

Он глянул на жмущуюся ко мне ниясыть и широко улыбнулся. Так широко! Все тридцать два было видно. Что я такого смешного-то сказала? Я насупилась.

— Следуйте за мной, иата, — произнес он довольно вежливо и повел между столами к окну на всю стену.

Там стояли необычные столы. Они были двухъярусными. Потом я догадалась. Верхний — для людей, нижний — для молодых ниясытей.

— Что будете заказывать? — спросил молодой человек, когда я усадила свое голодающее тело на удобный стул.

— А что у вас есть? — сделала вид, словно что-то знаю о блюдах.

Из того, что он стал перечислять, я мало что поняла. И вообще, сколько ни старалась что-либо запомнить из того, что готовила Марта, ничего не выходило. Так, кое-что, что особо нравилось. После длительного перечисления, молодой человек замер в ожидании.

— Что у вас сегодня за блюдо дня? — сделала я умное лицо.

— Я посоветую вам сегодня порцию прогонара с соусом беде. А для вашей королевы у меня есть особое блюдо, — он почтительно склонился. — Ждите.

— Простите! — позвала я его. — А что с оплатой?

Он посмотрел на меня так, будто я сказала, что украду у него почку.

— Кашиасу находятся на обеспечении Ира. Никакой оплаты.

Мое лицо вытянулось. Ого! Получается, для меня все бесплатно и можно не ограничиваться в выборе! Надо же! Здорово быть кашиасу! Правда я этот титул слышала второй раз за свою жизнь и мало что знала про него, но успела порадоваться привилегиям титулованной особы.

Я кивнула юноше, и тот исчез на кухне. Вот тебе и наездница! Забава положила мне голову на колени, а я задумчиво уставилась в никуда. Интересно, какие еще у меня привилегии? Хм... надо будет узнать... Пока над этим размышляла, молодой человек принес заказ и мы с Забавой сразу начали жадно уплетать за обе щеки вкуснейшую в мире еду! Прогонар оказался очень вкусным. Потом я узнала, что это пропеченное в печи мясо местного вида водоплавающей птицы. Съела все, чуть не откусив себе пальцы от аппетита.

Отодвинув опустевшую и вычищенную до блеска тарелку и откинувшись на спинку стула, задумалась о том, что делать дальше? Из слов Мары, я должна учиться. Но где моя группа и моя аудитория? Где узнать расписание? Где мне всех искать? Однако при плотно набитом животе совсем не хотелось не только шевелиться, но и думать. Перед глазами все расплывается, и веки настойчиво падают вниз. Я глубоко и довольно вздохнула, как насосавшийся клоп, и продолжала сидеть, борясь с нарастающей сонливостью. Забава, судя по довольной морде, тоже наелась и выставила вздувшийся живот. Уложила мне на колени голову и принялась вяло моргать веками. Так бы и сидела, долго и нудно на стуле, глядя скупающим взглядом на окружающих, но...

Неожиданно в динамики в столовой два раза пропиликала мелодия. Все, как по команде, поднялись со своих мест и быстро покинули столовую. «Наверное, перерыв закончился» — предположила я, лениво зевая и равнодушно глядя на уходящих студентов. Про себя решила, что еще пять минут посижу, и буду идти искать знакомые лица. Ну, например, Мару Ниасу или еще кого-нибудь вроде того мужчины, что меня сюда приволок. Решение мое было твердое, и я добросовестно его выполняла, сидя на стуле и переваривая пищу.

Тут в дверях возник явно знакомый мне человек. Через туман сытости я не сразу поняла, кто это. Он остановился и начал оглядывать помещение. Этот человек бесспорно чем-то был крепко обеспокоен. Это было заметно по его бегающим глазам и нахмуренным бровям. Я не сводила с него задумчиво-изучающего взгляда. Вот его взор остановился на мне, и на лице появилось великое облегчение. Очень великое. Словно так хотел в одно особое место и еле успел добежать туда. Кого-то он мне страшно напоминал.... Странно, кого? В то время как я пыталась вспомнить, кого же он мне напоминал, мужчина напрямик широким шагом направился в мою сторону. Да так стремительно, что я испугалась, как бы он ни зашибся о стол. Замер передо мной. Лицо его хранило нахмуренное негодование. Глядит так сурово. Да где же я видела эти синие глаза?!! Вспомнила! И мои зеницы ока мигом расширились от осознания того, что я осознала!

— Иата Лана! Почему вы находитесь здесь?! — господин фагот пребывал, мягко говоря, в ярости.

Я выпрямилась и уставилась на него, как баран на новые ворота.

— А где я должна быть?

Он слегка выдвинул челюсть вперед.

— Во-первых, в своих апартаментах. Во-вторых, на вводном уроке по истории, — голос его дрогнул в усилии сдержать себя.

— Да? Я не знала, — мигнула я, состряпав на лице саму невинность.

Сообразив, что самовольный приход сюда — ошибка, я медленно подвелась на ноги. Забава удивленно вскинула голову, выпучив на мужчину недовольный взгляд, видимо решив, что он мне угрожает. А вид у него был... только что пар из ушей не шел. Он сжал кулаки так сильно, что даже костяшки побелели. Поджал губы. Наверное, в его голове тараканы в войну играли. Кто кого победит: ярость или благоразумие. Победили тараканы благоразумные. Он расслабился. Разжал кулаки.

— Вы поели уже? — его голос вернулся в норму. — Теперь соблаговолите ли идти на лекции?

Я согласно кивнула, кося на него испуганные глаза. А все-таки страшновато стало. Когда он сердитый, сделала я вывод, лучше не попадаться ему. Это я слабо отреагировала сразу, потому что после сытного обеда плохо соображала. А так... Я подтянулась и ответила:

— Если вы мне сообщите, куда идти, то я с готовностью выполняю все ваши указания. Я совсем не знаю, что мне нужно делать, — сообщила я ему, уныло опустив плечи.

— Следуйте за мной, иата, — процедил он, посмотрев на меня оценивающим взглядом.

Что бы это значило? Он озвучил свою мысль:

— Вы не одеты в форму. Почему?

— Я не знала.

— Вам Фия должна была все рассказать и помочь с расписанием.

— Я не видела с утра Фию.

Он, недоверчиво прищурившись, посмотрел мне в лицо, потом повернулся в сторону выхода и сказал:

— Ладно, потом разберемся, — и с этими словами он направился к выходу, уверенный, что я обязательно пойду за ним.

И не ошибся. Я быстро засеменила вслед за ним. За мною моя малышка, озадаченно мигая в сторону сурового мужчины. Зашли в лифт. Наран нажал на четвертую кнопку снизу, а потом сразу пятую. Это, наверное, шифр какой-то? Стоим. Едем в лифте. Надо как-то

разрядить напряжение. Я на него посмотрела вопросительно, выжидая, что он разрешит мне говорить. Сработало!

— Что? — спросил он меня.

— Скажите, можно задать один вопрос?

— Спрашивайте.

— А долго я спала?

— Стандартно. Двое суток.

— Сколько? — я аж хрюкнула от удивления.

— Два дня. Это стандартное время. Ниясыти всегда усыпляют первый раз своих наездников надвое суток. Именно столько им нужно, чтобы выполнить процесс единения, — он говорил об этом, словно я обязана все знать.

Я подняла озадачено брови и посмотрела на беленькую кроху. Вот это да! А я даже не заметила. Вот почему я так хотела есть! Так долго спать!

— Могу и я спросить? — его тон звучал примирительно.

— Да, — кивнула я ему, и тут лифт остановился, открыв двери.

Он вышел. Я за ним.

— Как вы называли свою королеву? — он посмотрел на мою малышку с почтением.

— Забава, — ответила я и с умилением повторила его взгляд.

— Хм... Интересное имя.

— Ей понравилось, — горделиво ответила я, выпятив грудь.

Он хмыкнул:

— Ей будет нравиться все, что вы будете делать, — вот же циник!

Так меня обломал! Он заложил руки за спину, ухмыльнулся насмешливо и пошел по длиннющему широкому коридору с множеством дверей по всей его длине. На каждой был написан номер. Мы оказались в учебном корпусе.

— Сегодня я лично для вас проведу экскурсию по атконнору. Это с той целью, чтобы вы в следующий раз не заблудились и пришли вовремя на занятия.

— Простите, пожалуйста, господин фагот, — постаралась вежливо обратиться к офицеру.

Он резко остановился, и я врезалась в него. Оглянулся. Посмотрел в глаза.

— Теперь я для вас — преподаватель и куратор вашей группы. Поэтому, пожалуйста, обращайтесь ко мне так, как принято в атконноре.

— А как тут принято?

— Господин Наран.

— Хорошо, господин Наран.

— Что вы хотели?

Я замерла. А что я хотела? Выскочило из головы. Я виновато поставила бровки домиком:

— Простите, я забыла...

Он фыркнул. Наверное, он имел обо мне невысокое мнение. Я виновато опустила глаза и слегка отодвинула нижнюю губу. Почему рядом с ним я так теряюсь? И почему он меня пытается обидеть? Или это у него манера такая?

— Иата Лана, сейчас мы идем на лекцию по социологии. По расписанию сейчас у вас именно этот предмет. Потом вводные лекции по биологии и географии. Сейчас мы зайдем в аудиторию, и я представлю вас вашей группе, в которой вы будете проходить обучение в

течение трех лет. Я поручу ваше перемещение по учебному корпусу сегодня старшему группы. Так что пока не закончатся лекции, вы не потеряетесь. Хотя... — задумчиво хмыкнул он. — По-моему, вы сегодня попали именно туда, куда вам было нужно... Прошу, не повторяйте сегодняшних прогулок без сообщения о том, где вы и куда идете. Вы пока не в том положении, чтобы перемещаться по атконнору самостоятельно. Это вам ясно?

Я с пониманием кивнула. Поджала губы. Он явно считает меня прямым потомком питекантропов, выросшим в сырых и темных пещерах. Только что не бегаю с дубинкой да в другой одежде. А так — сходство на лицо... К стати, а кто такие питекантропы?

Мы зашли в аудиторию четыреста семь. На ней так и было написано «социология». Я первая, он за мной. Зайдя, решила взять себя в руки и постараться вести себя естественно.

Передо мной предстала большая аудитория. От стола преподавателя вверх полукругом поднимались широкие ярусы мест для студентов. На этих ярусах расположены столы и стулья. А у каждого стола справа располагалось специальное место для ниясытей в виде мягкого замшевого мата. А между парами таких столов поднимался лестничный проход. За столом перед аудиторией слушателей стоял стул преподавателя и доска. На ней можно было писать специальным стилем, след от которого потом можно было легко стереть губкой. На той же доске можно проектировать из специального прожектора различные изображения и даже просматривать разные видеоуроки и записи. Когда мы зашли с господином куратором, то лекция уже началась. Преподаватель довольно высокого роста, даже на пол головы выше, чем наш куратор, и на полторы головы выше меня, был явно зрелого возраста. Это, конечно, не видно по его лицу, но его глаза выдавали его возраст. В них светилось столько глубины! Он обернулся на нас и, поняв, кто пришел, почтительно склонил голову в приветствии, но промолчал. Наран глянул в аудиторию, подошел к первому ряду и попросил одного студента со своим малышом пересесть выше. А меня усадил туда. И к чему такие почести? Я могла спокойно сесть и на последней парте. Но спорить с нашим строгим куратором не хотела, побоялась за свое здоровье. Пока усаживала свою тушку на удобное кресло, успела оглянуться и посмотреть, кто сидел в аудитории. Человек было немного. Где-то дюжины две. Все с маленькими ниясытями. Почему-то это меня не удивило. Я обернулась в сторону наших преподавателей и превратилась в самую внимательность. Забава взгромодилась рядом на положенное ей место, словно там всегда сидела, и тоже обратила взор на мужчин. Наран проследил в молчании за тем, как я усядусь, и только потом заговорил:

— Я только что, как вы, наверняка, догадались, привел вам новую учащуюся. Ее зовут иата Лана Арамс. Кашиасу. Она будет проходить обучение на уровне со всеми. Но, я думаю, вы все понимаете, кем она является, и будете относиться к ней соответственно, — он обвел строгим взглядом присутствующих.

Те не шевельнулись, глядя на меня слишком серьезными взглядами. Какая дисциплина! Он повернулся к преподавателю и произнес ему:

— Прошу, продолжайте. Я уйду, — и с этими словами куратор и вправду удалился, даже не посмотрев в мою сторону.

У меня мелькнула мысль о том, что он продолжает сердиться. Но почему? Я же не виновата ни в чем! Выдохнула с облегчением только лишь когда он вышел, уставившись на закрывшуюся за ним дверь. Захотелось чем-то тяжелым кинуть вдогонку. Да нечем. У меня даже коммуникатора не было при себе. Кстати, почему я его не взяла? Растяпа! Буду сегодня вольным слушателем. Включила мозги на запись и повернулась к преподавателю. Он заговорил приятным тенором:

— Позвольте, иата, представиться для вас лично, так как ваши однокурсники уже слышали мое имя. Меня зовут Хон Цирот. Я буду у вас преподавать социологию, — я коротко кивнула и выпрямила спину, показывая ему, что внимательно слушаю.

Он повернулся ко всем и продолжил говорить:

— Поднимите руку те, кто считает социологию не нужным предметом!

Я оглянулась и не увидела ни одной поднятой руки. Видно, все боялись его или уважали. А я подниму. Стало интересно, что он скажет?

— Да, иата, вы считаете предмет социологии не нужным? Почему?

Я так и знала, что он это спросит!

— Я хотела узнать, что вы возразите против моей поднятой руки, — буркнула я.

Позади послышались сдержанные смешки. Преподаватель ухмыльнулся.

— Я вижу, иата, вы пошутить любите?

— Ну... — запнулась, так как, конечно, не хотела зарабатывать себе нехорошую репутацию. — Но вы же этот вопрос не зря задали? Значит, у вас есть аргументы, которые доказывают, что на самом деле этот предмет является важным.

Он сделал губы дугой вниз в удивлении и кивнул.

— Я думаю, иата, из вас выйдет неплохой студент. Вы можете глубже мыслить. Это важная черта лидера. Интересный шаг, — он довольно кивнул. — Я, действительно, имею аргументы, указывающие на то, что социология, подлинно нужный предмет именно для вас. Во-первых, он нужен вам, наездникам ниясытей по определению. Вы — будущие лидеры Иридании. Вы — будущие члены Правящей палаты или члены прикордонной службы и будущие преподаватели. Вы должны понимать, что умение понимать механизмы, движущие обществом, вам необходимы в дальнейшей вашей сложной работе. По-сути, социология, довольно обширная наука и затрагивает много сфер человеческого общества. Социология — наука, изучающая общество, закономерности его развития и функционирования, механизмов его развития и строения его структур. А также это механизм обнаружения причин массового поведения людей, отношения между личностью и обществом в целом. Вопросы, которые затрагивает эта наука, исследуются и другими науками, такими как демография, философия, политология и экономика. Но то, что изучает социология, направлено на прогнозирование, проектирование общества, его поведения и движения, — он заложил руки за спину и прошелся вдоль всего пролета между его столом и остальной аудиторией. — Вам, как никому другому, нужно понимать, почему общество действует тем или иным образом. Что им движет? Как им управлять? Социология изучает причинно-следственные связи между индивидуумом и группами в процессе взаимодействия. Предмет нелегкий, но вы должны серьезно к нему отнестись. Я постараюсь излагаться ясно и понятно. От вас я требую вопросов и размышлений. Не стесняйтесь их задавать. Я буду этому только рад. Сегодня я хочу вам поведать историю возникновения этого термина, и начнем немного говорить о его структуре и о понятии социальной реальности и социального пространства.

Я поняла, что дело... ммм... не очень радостное. Голова стала пухнуть уже только в начале лекции, это учитывая то, что я-то и язык еще знаю туго. Особенно специализированные термины. Что будет дальше? Но делать было нечего, я покорно слушала его слова. Он задавал вопросы, некоторые удосуживались даже давать свои комментарии. В один из таких вопросов я оглянулась назад, чтобы узнать, кто же все-таки со мной учится? И тут узрела! Мне мило улыбался на все свои красивые зубы Март, братишка, собственной персоны! Я так обрадовалась его присутствию, что напрочь забыла о том, где нахожусь. Я

повернулась и громким шепотом ему прошипела:

— Ты тоже здесь?! Как же так?

— Вы представляете себе, иата! А я здесь! — услышала я за собой голос преподавателя и тут же резко развернулась назад.

Господин Хон стоял прямо перед моей партой и мило улыбался. Я глупо улыбнулась ему в ответ и нервно сглотнула. Для приличия поморгала. И сказать-то нечего! Он так прав! Он действительно тоже здесь! А я как-то забыла...

— Я думаю, у вас еще на перерыве будет возможность пообщаться с молодым человеком, а пока, прошу, будьте внимательны. Вы не представляете, как это сложно донести до ваших затуманенных ферментом ниясытей голов такую невероятно объемную и сложную информацию, — он продолжал улыбаться.

Я вжала голову в плечи. Ну, против танка не попрешь! Прав на все сто. Где там щель, чтобы сквозь землю провалиться? Давно ее не искала. Он оторвал взгляд от меня и продолжил лекцию. Сидела я дальше, молча. Боялась даже дыхнуть.

В общем, лекция по социологии прошла в тартаровых муках о том, что я почти ничего не понимала, учитывая, что преподаватель использовал термины, которые первый раз слышала. Хоть с энциклопедией сиди и переводи все его фразы. И это еще притом, что пол года назад я вообще не разговаривала по-иридански. Я снова задала себе вопрос типа «А что я здесь делаю?».

О завершении лекции нам сообщил мелодичный звук через динамики. На прощание господин Хон крикнул, чтобы мы вызубрили определение термина «социология» и повторили историю науки. Он будет спрашивать на следующий раз. Печально... Я б такая, чтобы он не спрашивал... Поднялась со своего места и тут же повернулась к своему братику. Он сидел ровно за мной на третьем ряду. Заметив, что я оглянулась, Март поднялся со своего места и скоро спустился ко мне с широченной и довольной улыбкой. За ним шлепал маленький ниясыть, мальчик, чуть крупнее моей Забавы.

— Ну что, сестренка! Как тебе развивающиеся события?

— Голова кругом идет! Я не успеваю толком все понять! Вот я стою, тебя провожаю, а вот — я уже учусь в учебном заведении, о котором ровным счетом ничего не знаю, кроме названия. Я даже не знаю, как называется наш курс, и на кого мы учимся?! — я глядела на него расширенными глазами.

— Ты не представляешь себе, как я удивился сам! Ну, во-первых, я не думал, что мне предложат участвовать в избрании. Потом, я очень удивился тому, что Нук меня выбрал. А тут еще ты стала кашасу. Ну, вообще! — он так привычно широко распахнул глаза и стал таким смешным со своими оранжевыми радужками, как когда-то, еще дома, так по родному и по-свойски, что я забыла о своих тревогах.

Я широко ему улыбалась в ответ и не заметила, как вокруг нас собралась целая толпа.

— Слушай, Лана! Ой... прости, теперь же ты у нас иата! — Март хитро сощурился, видимо проверял, не испортила ли меня неожиданная власть?

— Для тебя, брат, я останусь навсегда, просто Лана, — я игриво взмахнула ресницами.

Он громко, как всегда, дома, когда мы с ним резвились в криг, засмеялся.

— Пошли, сестрица иата Лана! Теперь я твой гид по дебрям нашего огромного атконнора, — он, ухватив за плечи, увлек меня в сторону выхода из аудитории. — У нас сейчас целых пятнадцать минут, чтобы переварить социологию и настроиться на биологию.

И только на выходе заметила ту самую толпу своих одноклассников, которые хотели

меня поприветствовать и познакомиться со мной. С ними я буду учиться целых три года. Это немалый срок. Я приветливо улыбнулась и, кивнув им через плечо, пошла за Мартом. Они вежливо улыбнулись мне в ответ и направились к выходу вслед за нами. Март оттащил меня ото всех к огромному окну коридора в самом тупике и поставил перед собой на вытянутых руках, заглянув прямо в глаза:

— Ну, рассказывай, что с тобой было.

Я опустила глаза к пальцам рук и сделала сосредоточенное лицо.

— Я мало что могу тебе рассказать. Да ты и сам все видел. А после того, как Забава меня выбрала, нас отвели в мои новые апартаменты... — я превратила глаза в блюдца после слова «апартаменты», — ты бы их видел! Роскошь!

— Я не сомневаюсь. Ты же теперь кашياسу! — он сделал выразительную паузу, желая подчеркнуть мое новое положение, затем ехидно продолжил: — Так ты нашу будущую королеву назвала Забава? В твоём стиле! Что дальше?

Одарив его задетым взглядом, я продолжила:

— Будто твоё наречение не оригинально?! Нук! Так, по-моему, Ларта называла птичек? Нукки? — сощурила я глаза, стрельнув ему в отместку, а потом, опустив плечи, закончила: — Ты представляешь, я в тот же день уснула мертвецким сном на двое суток! С ума сойти! Я их даже не заметила!

— Я тоже дрых как Сур после сеанса обжорства! — он напомнил мне про нашего домашнего шестилапного питомца и погладил по голове своего нур (так все называли ниясыть мужского пола, как нира — женского).

Я захохотала, вспомнив нашего домашнего шалуна, и посмотрела на жмущуюся к моей ноге девочку. Она оглядывалась по сторонам и впитывала все происходящее как губка. Мне даже показалась, что я чувствую её жуткое любопытство обо всем, что происходит вокруг. Неужели так действует та самая связь между нами? Ощущения такие, словно это я, а не она, оглядываюсь и хочу знать все, что твориться вокруг. Удивительно.

— погоди! — тут меня осенила одна мысль. — Мне наш куратор сказал, что поручил меня на сегодня старшему группы, чтобы я не заблудилась. Выходит...

— Да, я — старший группы, — он это сказал спокойно и без насмешек, будто понимал, что это налагает на него большую ответственность.

— Это как же такое произошло?

— Я не скажу тебе. Просто куратор назначил меня и все. Он мне не объяснял, — Март пожал плечами.

— Март, я хотела у тебя спросить...

— Спрашивай.

— Как тебе господин куратор?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, как человек? Меня он немного пугает... — я опустила глаза и сделала вид, что рассматриваю ногти, словно это стало самым важным делом в моей жизни.

Март почухал затылок и вытянул в задумчивости лицо.

— Станный он какой-то. Суровый. Загадочный, что ли? Честно, я не могу понять его. Мысли его не вижу. Даже поверхностные. Закрытый он. Я таких не встречал. И меня, он тоже немного пугает. Есть в нём что-то... Но наездники ниясытей все такие, так что удивляться этому не стоит. Мало того, пора привыкать, — Март ухмыльнулся своей мыслью, будто считал её весьма гениальной.

— Что ты имеешь в виду под словами «наездники все такие»? — я бросила на него вопросительный взор.

— Все, кто становится наездником, становятся невидимы для других людей.

— В смысле?

— Их мысли не видимы. Все. По крайней мере, для простых людей. Другие наездники могут видеть их, как и раньше. Я не знаю, почему так, — я кивнула ему, но, в действительности, до конца не могла понять слов Марта. Ведь я и до этого никого не «видела».

— Ого! — восхитилась я. — Слушай, Март. Плохо, что вы мне ничего не рассказывали о ниясытях. Теперь я чувствую себя прескверно! Все всё знают, а для меня все впервые!

— Ну, прости. Мы жили в глуши и с ними практически никак не соприкасались. Тем более, сейчас в Иридании мир и наездники редко покидают большие города или пограничный рубеж. В нашем поселке тоже редко появляются. Так что не было необходимости тебе что-либо рассказывать. Тебе надо было азы вызубрить, а потом уже такие нюансы. Хотя, сейчас я уже так не думаю, когда смотрю на твою Забаву. Подумать только, ты стала кашасу! Три дня назад ты их даже не видела!

— Я тоже об этом думала, — я сморщила нос в задумчивости.

— Слушай, Лана, а почему ты с собой не взяла свой коммуникатор? Мы тебя искали. А куратор, так тот вообще так разозлился! Ты хоть понимаешь, кем ты стала? — он прищурился и сделал губки трубочкой. — Нет. Не понимаешь. Да и как ты могла бы это понять? Я думаю, это наш промах, — он имел в виду промах всей семьи. — Ведь мы тебя пытались, так сказать, воспитывать в нашей культуре. Я обязан наверстать упущенное. Ты, если что, спрашивай меня. Ну, если, что не понятно. Поняла? Не стесняйся.

— Кого-кого, а тебя я стеснялся в последнюю очередь буду, — подмигнула я брату.

Тот самодовольно ухмыльнулся. Видно было, что гордился тем, что на короткой ноге с персоной высокого полета. Если так подумать, то и правда, быть родственником, хоть и приемным, кому-то из правящих кругов, это знаете ли, честь. Я хлопнула его по плечу.

— Ладно, Март. А ты знаешь, что теперь у меня есть каота?

— Догадываюсь, — он наклонил голову. — Слушай, Лан, а ты не хотела бы похвастаться передо мной своими апартаментами? А то нам, простым смертным, не разрешено появляться наверху. Сама понимаешь, там живет элита, — слово «элита» Март произнес протяжно.

— А у меня есть выбор?

— Нет, — самодовольно ухмыльнулся наглец.

Как же я рада, что он рядом! Что у меня есть рядом человек, на которого я могу положиться, довериться ему. Пусть и не по крови, но по, хоть и короткому, но воспитанию, мы были родными. И я действительно его считала своим близким человеком.

— Ладно, это все потом, а сейчас, пошли на биологию. Уже время, — он взял меня под руку и повел в седьмую слева от того места, где мы стояли, дверь.

Там белела надпись «биология». Вообще на каждой двери виднелись таблички с надписями, так что на этом этаже заблудиться было невероятно сложно. В аудитории уже заняли все свои места и о чем-то друг с другом разговаривали. Когда мы вошли, многие повернули в нашу сторону головы, но попыток познакомиться более не предпринимали, чего мне особо и не хотелось. Мы с Мартом заняли свои места. Рядом на свое место, словно она там всегда и сидела, хлопнулась Забава, положив голову мне на колени и требуя ласки. Как

такое создание не погладить? Не прошло и минуты, как мелодия из динамиков сообщила о начале следующей лекции. Обреченно вздохнув, я подняла глаза к входной двери, откуда должен был появиться преподаватель, и замерла в ожидании следующей умственной пытки.

Итак, биология...

В аудиторию уверенной походкой вошел высокий и красивый мужчина. И как только его увидела, память кольнула, что я его уже где-то видела. Где? Не помню. Он обвел всех вдумчивым взглядом черных, как уголь, глаз, полных удивительной глубины и ясности. Глядел он слегка из-под лба и от этого взгляд казался немного тяжелым, однако стоило ему улыбнуться, как лицо засветилось светом дружелюбия и мягкости. Мужчина подошел к преподавательскому столу и раскованно оперся пятой точкой о столешницу. Я невольно начала рассматривать черты его лица. Волевой подбородок с небольшой ямкой, ровный нос, немного выступающие черные брови, широкие скулы. Настоящее лицо лидера. Никакой женоподобности. От чего внутри родилось невольное чувство восхищения от силы характера, читающегося в каждом движении и жесте. А еще его широкие плечи... Уф! Природа весьма постаралась, одарив сего мужчину всеми возможными достоинствами сильного пола человечества.

Он был одет в стандартное одеяние всех преподавателей-наездников — черный китель с белыми воротником и манжетами и в строгие выутюженные черные брюки. А еще мне в глаза бросились его блестящие лакированные черные ботинки. Для меня это было доказательством того, что этот мужчина очень любит себя и уверен в своих силах. А еще его взгляд. Что-то было в его черных глазах. Казалось, что он может легко решить все мои проблемы. Вот, если бы он мне сказал сейчас идти за ним на край света, то пошла бы, даже не задумываясь. Такие люди только своим одним видом вызывали невольное доверие.

Преподаватель обвел всех своим пронизывающим взором, коротко остановился на мне, почтительно кивнув (я уже стала к этому понемногу привыкать), и начал говорить глубоким насыщенным тенором в аудиторию:

— Приветствую вас, господа учащиеся, на первом уроке биологии. Меня зовут Лахрет Ноа. Я буду преподавать у вас теорию о необходимых для вас вещах и явлениях. Все, что вы должны знать о своих напарниках-ниясытях. Об их физиологии, воспитании, повадках и особенностях. Поговорим с вами и о правилах использования их особенностей, но это много позже. Далее мы будем изучать так же все, что непосредственно касается их потребностей и окружающей среды. Это мой первый с вами предмет. Я буду у вас преподавать ещё технику. И также Приора — или предмет чисто для наездников — как пользоваться способностями ниясытей. Всего три, — он замолчал и сложил руки на груди. Глядя в эти умные глаза, я почему-то обрадовалась, что он будет у нас преподавать так много и часто. Он сразу вызывал положительные эмоции. — Хочу услышать ваши вопросы прежде, чем начну начитку лекции.

Преподаватель снова обвел взглядом присутствующих. Какое же знакомое лицо... Где же я могла его видеть? Точно! Это тот мужчина, к которому подошел господин Наран, когда оставил меня на орхестре площадки избрания в гассэ. Тогда я еще обратила на него внимание, на его пристальный и изучающий взгляд. Хм, интересно вдвойне. Значит, этот Лахрет дружит с фаготом. Что их связывает? Я на миг отвлеклась от предмета, а в это время урок продолжался.

В конце занятых парт поднялась одна рука молодого человека с тонкими губами и слегка оттопыренными ушами. Буду называть его ушастиком.

— Назовите свое имя, имя вашего ниясыти, и можете задавать свой вопрос, — кивнул ему преподаватель.

— Мое имя — Магон Тао, наездник Сина. Скажите, а мы будем эту тему жевать три года подряд? — слегка сиплым голосом спросил мой новый одноклассник.

— Поверьте, это настолько обширная тема, что жевать мы ее будем чрезвычайно долго. Но не три года. О других темах мы будем говорить по мере необходимости, — он усмехнулся лишь одним уголком рта, и это движение придало ему особого шарма. — Еще вопросы?

Рук больше никто не поднимал. Поэтому решила поднять руку я. Он повернулся в мою сторону, и разрешающе кивнув головой:

— Прошу вас, иата Лана.

Я немного замялась. Вообще-то я хотела, как он и просил, представиться, а он уже все знает... Хотя, нет.

— Я — Лана Арамс, наездница Забавы. Хочу вас спросить — а практикум у нас будет?

Господин Лахрет загадочно на меня посмотрел, на этот раз, улыбнувшись и вторым уголком губ, и тем самым вызвал внутри смешанное чувство приязни и смущения.

— Будут, но когда ваши ниясыти подрастут и достигнут летательного возраста. Это и есть предмет Приора.

— А когда это будет?

— Через полтора года. Точнее в это время вы сможете на них сесть. А до этого они будут учиться летать отдельно от вас, — он смотрел на меня сосредоточенно и неотрывно.

На этом моя смелость исчерпалась, и я смущенно опустила взгляд. Увидев, что вопросы иссякли, господин Лахрет продолжил, оторвавшись от стола:

— Начну я с того, что напомним вам, что такое предмет биология. А также начнем с азов, — он развернулся к столу, где находилась панель управления прожектором на доску.

Вызвал изображение ниясыти в профиль и начал, оглянувшись вполоборота на нас:

— Наука биологии занимается изучением живых существ, их взаимодействие с окружающей средой. Она изучает все аспекты жизни, в частности, структуру, функционирование, рост, происхождение. Этим мы и будем заниматься на лекциях. В основе современной биологии Иридания лежат четыре фундаментальных принципа: клеточная теория, генетика, гомеостаз и энергия. Об этих понятиях мы будем говорить много позже. Первым и главным объектом нашего изучения будет ваш теперь неизменный спутник и друг — ниясыть. Начну с названия. Слово «ниясыть» с древнего карского языка, на котором разговаривали наши предки, переводится как «блестящий змей». Соответственно от двух частей «ни» — блестеть и «ясыть» — змей. Это существо вошло в жизнь ириданцев много сотен лет назад. Никто сейчас и не скажет, когда случилось первое единение человека с ниясытью. Конечно, у нас есть романтическая история о девушке Дарине, которая случайно встретила с малышкой нирой в горах... Но это легенда. Может, вымысел, а, может, и правда. Нам придется принимать это как данность. Теперь же они стали нашими спутниками и дают в неограниченном спектре свою силу нам и обществу в целом. То, что они могут и делают, а так же, как нам этим пользоваться, мы будем обсуждать после.

Его голос завораживал меня, как флейта факира — кобру. Он говорил легко, спокойно и понятно. Я следила, как зачарованная, за каждым его движением, изменениями мимики. У меня еще возникла мысль о том, что не может быть мужчина таким... слишком красивым, идеальным во всем. И это сильно пугало, вызывая настороженность. Он иногда бросал на меня внимательный взгляд. Однако это еще больше смущало, и в то же время не могло не

нравиться, что удивляло втройне.

Господин Лахрет повернулся к доске, взял в руки стержень-указку и начал указывать на отдельные части тела ниясыти и называть их названия. Нога, грудь, колено, крыло и тому подобное. Что ж, буду запоминать. Мы послушно повторяли за ним. На это ушло минут двадцать. Потом каждый вставал и говорил, что запомнил. Он же спрашивал, какая часть тела для чего нужна нашим ниясытям. Мне сначала показалась это полным бредом. Неужели не ясно, что лапы даны ниясыти, чтобы ходить? Или крылья, чтобы летать? Но дальше, все пошло сложнее. Я и не догадывалась, что хвост ниясыти служит не только для регулировки движения в полете или равновесия при ходьбе. Оказывается, у них там находятся органы, отвечающие за спаривание. А так они различаются только по масти. Ну и размером. Самцы крупнее самок где-то на пол головы или на голову. Это как кому повезет. Мы нашли на рисунке место, где должен сидеть наездник. Это как раз там, где у ниясыти заканчивается шея, и начинаются плечи. Ну, это и коню понятно. А где ж еще сидеть-то? У самок еще есть яйцеклад. Он находится как раз в том месте, где у животных анус. А мне вот стало интересно, а как наши питомцы испражняются? Я и спросила об этом учителя. А что тут такого? Господин Лахрет снова усмехнулся своей особой односторонней улыбкой. Я его развеселила. Он нам показал еще одно отверстие чуть ниже яйцеклада у самок. А! ну, теперь всё ясно. Это была тоненькая почти незаметная щель, которая при необходимости расходится и от туда... ну понимаете, что там происходит. Ведь урок биологии! Я тут ни при чем.

— А куда нам ходить, когда им захочется? Ну, это... — я замаялась.

Преподаватель продолжал улыбаться.

— Туда же, куда и люди. Пока. И будьте любезны, ухаживайте за ними. Промывайте. Это касается всех, — он окинул всех взглядом.

— А что значит, «пока»? — уточнил Март.

— Когда они станут взрослыми, они сами будут находить себе нужные места, — Лахрет проявлял терпение.

— Лишь бы не на голову! — брякнула я.

Все громко, мягко говоря, засмеялись. Преподаватель тоже растянулся в улыбке. Меня пока что Забава не спрашивала об отхожем месте. И странно это как-то. Пора бы. Я подняла руку. Лахрет кивнул.

— А почему моя Забава мне ничего об этом не говорила, что ей надо кое-куда. Маленькие, что, разве не какают?

Группа лежала под столами.

— Скоро попросит, не переживайте, — тут уже преподаватель смеялся со всеми.

Надо было бы смущаться подобным вопросам, но я себя чувствовала совершенно свободно и непринужденно. Не было такого чувства, что я нахожусь на лекции и должна все обязательно зазубрить. Все проходило в виде диалога.

В общем, лекция закончилась на веселой ноте. Мы вышли из аудитории с улыбками на лицах. Я рада, что у нас будет такой замечательный преподаватель по биологии. Март догнал меня, положил по-братски руку на плече и выдал на ухо:

— Ну, сестрица, ты даешь!

— Что естественно, то не безобразно! — выпалила я ему в ответ.

— Согласен, — он игриво подмигнул. — Ладно, идем на последний, на сегодня, предмет — географию. Потом, мне велено было тебя отвести к господину куратору.

Я покорно пошла в указанном направлении. В аудитории по географии расположение парт было таким же как и везде. А вот на стенах висело столько всяких карт, рисунков, графиков и диаграмм, что стен почти не было видно! Перерыв мы просидели в аудитории сами. Преподаватель зашел только после звонка. Это невысокого роста мужчина с карими цепкими глазами. Когда он глянул на меня, я вздрогнула. Ох уж эти ириданские глаза! Он являлся простым гражданином, не наездником. Они обычно ходили в синих костюмах без белых воротников и манжеток. Лекция началась, как и первые, с представления преподавателя. Его звали Рарж Тахат. Он был профессором геологии. Начал он свою лекцию тоже с определения своего предмета. Думаю, это правильно, ведь сначала мы должны знать, что мы вообще изучаем, а потом и все остальное.

Где-то в глубине моей памяти я понимала, что география — наука, изучающая планету, на которой мы живем. Исследует ее особенности, границы территории воды и суши, размещения всяких там материков, морей, гор, рек, впадин, долин, пустынь, островов и тому подобное. Но меня поразило то, что я впервые видела незнакомую мне планету в рисунках и фотографиях, хотя дома, у Арамсов, я не раз пыталась смотреть научную передачу о мире животных Заруны и их ареалы обитания. Помню это единственное, что я попыталась вообще посмотреть. Потом кинула это бесполезное занятие, вследствие моего незнания языка. Но там я не видела, чтобы зеленый мир планеты был поделен на синюю зону и красную. Что это могло бы значить?

Вообще на Заруне всего шесть материков разнообразной формы с обгрызенными краями и невообразимым количеством рассыпанных по океану архипелагов и островов. Один материк на севере был самым огромным и по форме походил на голову лошади. Остальные пять имели много меньший размер. Так вот, на карте огромный материк окружен синей линией, а остальные материки — красными. Почему? Мы жили на северном материке, который и называли все Ириданией. А другие назывались Арк, Толк, Мутрок, Золок и Улок. Они в основном были гористыми. А Иридания более равнинной. На севере и на юге белели полярные шапки. Восток Иридания покрывала пустыня и горы, которые окружала зеленая полоса тропических зарослей, что было весьма удивительно. Ведь Иридания находилась в умеренно-континентальной зоне, поэтому какие здесь могут быть тропики? Говорят, что эта очередная аномалия Заруны, до сих пор не разгаданная учеными. Почти все это я узнала из своих наблюдений на карте. Преподавателя я плохо слушала. Он вкратце повторял значение всяких географических терминов.

Разглядывая шар Заруны, я пришла к выводу, что это точно не мой дом. Мой дом выглядел по-другому. Я просто знала это и все. До конца занятия еле высидела. Так захотелось кушать! Да и Забава хныкала, что голодна. Другие малыши тоже попискивали, что не осталось незамеченным преподавателем. Он попросил потерпеть около пяти минут до конца.

Вытерпели. Как только через динамики пришло сообщение о завершении лекции, все дружно поднялись со своих мест и, кто быстрее, побежали на выход. Малыши не отставали от своих будущих наездников. Март меня поймал за руку и повел как маленькую девочку к лифту. Хотя всем не терпелось покушать, меня пропустили первой в лифт. К нам присоединились трое. Девушка, в которой я признала ту, что летела с нами в первый день моих приключений со своей малышкой. Ее звали Лия Марахит. Ее ниясыть звали Резотта. Потом Кан Мо с малым Мотом. И третий — Магон Тао, наездник Сина, тот ушастик который участвовал в беседе по биологии. Я им приветливо улыбнулась и первой проявила

инициативу, чтобы познакомиться. Когда последний представился, мы прибыли на этаж, где располагалась столовая. Там я уже сегодня была, так что уже знала, куда идти.

Март выбрал отдельный столик у окна и усадил меня с Забавой рядом с собой и своим Нуком. Остальные, кто ехал с нами в лифте, не решились к нам присоединиться.

В столовой, как всегда в перерыв, было весьма шумно. За... буду называть это обедом, хотя уже давно перевалило за полдень. Так вот, за обедом Март рассказал, что в атконноре учится еще ужасно много студентов без ниясытей. Они идут другим потоком. Здесь обучают инженеров, генетиков, экономистов, политологов. Был еще исторический факультет, направление геодезии, геологии и физики. Имелось даже военное отделение. Оно находилось в крайнем корпусе, самом большом. Там в основном обучали военных пилотов. В общем, оказывается, это учебное заведение считалось одним из самых престижных и элитных. Здесь учились либо очень одаренные детки, либо отпрыски знаменитостей, именитых людей и властимущих. Сюда так просто не попадешь. Я потрясенно расширяла глаза всякий раз, когда Март отмечал особенности атконнора, и поражалась, насколько сильно мне повезло попасть сюда. Про себя заметила, что не подхожу ни под одну категорию претендентов в студенты. Стало как-то неловко, словно пролезла в это сакральное учебное место через задний двор, или украла у кого-то шанс попасть в атконнор самой столицы страны.

Дальше Март продолжил свой рассказ, что мы являемся отдельным направлением, так как стали наездниками ниясытей. Нам предоставлялось особое обширное обучение в первый год. Потом мы будем сдавать какие-то тесты, и тогда нас определят дальше на специализированное обучение. Тогда мы присоединимся к какому-то потоку по нашему новому профилю. Я спросила у Марта, а как же те три года, о которых мне говорили?

— Это для тебя три года, Лана, — прожевав очередную ложку чего-то там, ответил Март. — После того, как твоя Забава станет взрослой ниясытью и поднимется в свой первый брачный полет, ты перейдешь на особое обучение.

— Слушай, тут, пожалуйста, поподробнее, — я даже положила на место ложку, не донеся ее до рта.

— А что тут за две минуты-то расскажешь? — Март рассеянно повел незанятой рукой. — Тебе будут рассказывать другие, более компетентные в этом вопросе.

— Ладно, но хоть в общих чертах, — я сделала бровки домиком, чтобы выглядеть как можно несчастней. — Я же умру от любопытства!

Март обреченно вздохнул:

— Я знаю совсем немного. Ты еще не устала от информации? — тут ему пришло текстовое сообщение на коммуникатор.

Он прочитал, глянул на меня и сказал:

— Об этом ты лучше расспроси нашего куратора. Он лучше знает. Он уже ждет тебя.

— Зачем? Что ему от меня нужно?

— Это он тебе сам объяснит, — пожал плечами Март.

— А! — тут меня осенило.

— Что?

— Он мне что-то про экскурсию говорил...

— Ну и отлично, тогда ты сама будешь легко везде ориентироваться, — кивнул Март, доедая последнюю ложку своего обеда, и похлопал дремлющего рядом Нука по плечу.

Тот встревожено встрепенулся и оглянулся. Когда понял, что это его друг, с тихим

свистом выдохнул и вернул голову на колени Марту. Брат несобранно оглянулся и лениво откинулся на стуле, ожидая пока я доем.

— А куда мы? — спросила я у Марта, когда мы подошли к лифту.

— В библиотеку.

— Куда?

— В библиотеку. В атконноре есть хранилище информации. Оно находится в подвальном помещении. Куратор сообщил мне, что будет ждать тебя там.

— Слушай, а откуда ты так хорошо знаешь атконнор? Ты разве уже здесь был?

— Нет. Я еще дома, когда готовился поступать сюда, выучил план атконнора. Он есть во всех базах данных.

— Ну, ты и подготовился! Не то, что я.

— Ну, ты же не собиралась сюда поступать. Кто ж знал? — он сочувствующе подмигнул.

Зашли в лифт и Март нажал некую комбинацию цифр, о которой я не стала спрашивать. Лифт двинулся сначала в сторону, потом вниз. Ехали молча. Где-то под конец нашего недолгого путешествия в лифте я обратила внимание, как Март нервно постукивает ногой.

— Что с тобой? Чего ты так дергаешься? — спросила я его. — Боишься встретиться с господином куратором?

— Да нет, — он скривил морщину. — В туалет сильно прижало.

— Прямо так срочно?

— Угу, — он уперся рукой о стенку лифта и скрестил ноги. — Скоро из ушей закапает. Слушай, Ланка, я тут подумал. Давай я тебе покажу направление, куда идти. Там не ошибешься. Внизу всё — библиотека. Она просто огромная! Там поищешь нашего драгоценного, а я... быстро удалюсь. А?

Март просительно составил брови.

— Ладно. Что с тобой поделаешь, — насмешливо подмигнула я. — Мы с Забавой сами как-нибудь разберемся.

— Ну и отличненько! — облегченно выдохнул мой горе провожатый.

Дверь лифта открылась. Март спешно выпихнул меня с малышкой прочь, ткнув пальцем в сторону единственной двери в круглом вестибюле, и быстро отправил лифт в нужное ему место. Мы же остались совершенно одни в помещении, окружавшем цилиндр кабины лифта. Перед нами виднелась широкая двустворчатая дверь. Как только мы приблизились к ней, она, почувствовав наше приближение, с шипением разъехалась в стороны, открыв вход в огромное хранилище. Оно было заставлено длинными рядами стеллажей. Длинные полки дугой прогибались под множеством разноцветных книг. Я нерешительно переступила порог и замерла. Малышка скользнула вслед и остановилась чуть впереди меня, задрав клиновидную голову так, чтобы хорошо видеть мое лицо. В ее глазах светился вопрос, отражавший мои чувства.

— Ну, и где мы будем теперь его искать? — спросила я скорее себя, чем Забаву, сознавая, что блуждать мы будем долго, не зная плана.

Забавка понимающе прошипела и обвела глазами стоящие рядом стеллажи, а потом я услышала ее уверенный голос в голове:

— Я могу его найти.

— Как?

Забавка как-то странно на меня посмотрела, словно я спросила, как она дышит? Для нее

все было элементарно. Но не для меня.

— Я могу видеть много того, что вы, люди, не можете.

— Не поняла, — я изумленно уставилась на белое существо.

— Я могу видеть не так, как вы.

— А откуда ты знаешь, как видим мы? Тебе-то сколько от роду, что ты все можешь видеть? — я насмешливо фыркнула и бросила полный сомнения взгляд в сторону стеллажей.

Да мы тут ноги ломаем, пока его найдем! А еще и коммуникатора с собой нет. Я поджала губы в расстроенных чувствах. В голове услышала слегка обиженный голос Забавы:

— Я знаю, что я могу, а что — нет. Мне это дано с рождения.

Я подняла брови в стиле «Да что ты?»:

— Прости, я не хотела тебя обидеть.

— Я понимаю, ты много не помнишь, — ее тон был весьма снисходителен. Сейчас она больше напоминала мне маленькую старушку, деловито рассуждающую о прописных истинах, чем маленького некогда растерянного звереныша. — Я его уже вижу.

— Где? — начала вертеть я головой.

— Тебе показать? — спросила она.

— Да, конечно, — при этом я подумала, что Забава сейчас поведет меня по коридорам между стеллажами, и мы найдем куратора.

Но как же я удивилась, когда вдруг, передо мной все в миг потемнело и изменилось! Я увидела... мир другими глазами. Глазами Забавы! Словно я, маленькая, стою рядом с человеком и смотрю в право на... От неожиданности резко вздохнула и, как птица, взмахнула руками, пытаясь найти опору, чтобы не упасть. Сознание лихорадочно искало опору ногам. Я попыталась собраться с мыслями и попробовать сосредоточиться. Поморгала и резко вернулась в реальность.

— Что это было?! — спросила я малышку, вперив в нее ошарашенный взгляд.

— Я показала тебе, как ты попросила, то, что вижу я, — спокойно, словно в этом не было ничего странного, ответила Забава. — Ты его увидела?

— Нет, конечно! — возразила я, продолжая потрясенно пучить на нее глаза. — Я даже ничего не поняла!

— Ты быстро от меня ушла, — ответила недовольно ниясыть. — Тебе не надо было меня быстро покидать. Посмотри повнимательнее.

И передо мной мир снова изменился. На этот раз я не испугалась, собралась с мыслями, стараясь не моргать. Так. Смотрю. Мир и предметы вокруг меня сделались... как это сказать... и прозрачными, и нет одновременно. Я видела немало светящихся оранжевым светом человеческих силуэтов вокруг. Смотрела на них сквозь стеллажи. Одни ходили, рассматривая книги, другие держали одну или две, и смотрели в них. Как же мне найти куратора? Забава, чувствуя мое желание, повернула голову вправо, и я увидела много столов и стульев. Читальный зал? За крайним из них сидел человек. То, что я видела, скорее, выглядело как оранжево-светящийся силуэт. От него исходило небольшое свечение синеватого оттенка, что отличалось от других.

— Это он? — спросила я Забаву.

— Да. Это его цвет. Будем идти к нему?

— Мы для этого сюда и пришли, — я моргнула, и мир вокруг меня снова обрел привычные краски и ощущения.

Потрясение, испытанное мной, было сродни падению вниз головой в глубокую

пропасть с бурлящей горной рекой. Сердце бешено колотилось в груди, а воздух никак не желал покидать легкие. Прижав локти к талии, я заставила себя выдохнуть и успокоиться. Глаза неприятно слезились, как от сильного ветра. За первый день моего бодрствования столько всего произошло, что мне казалось, будто бы я не полдня бодрствую, а целый месяц!

Придя в себя, я решительно повернула вправо и пошла в том направлении, где видела тот силуэт. Забава послушно топала за мной, иногда вскидывая на меня любопытный взгляд. Нутром я чувствовала, что она с интересом изучает мои эмоции и анализирует их в голове, делая выводы. Будто бы она училась их проявлять сама. Мое потрясение было для нее новинкой и вызывало массу впечатлений и приятный отзыв. Ей понравилось меня удивлять.

За несколько секунд, пока смотрела глазами Забавы, я поймала планировку всего помещения. Поэтому мне не сложно было ориентироваться между стеллажами. Я шла, а сама пыталась все осмыслить. Вот, значит, о каких способностях, говорил господин Лахрет и другие. Ниясыти и вправду другие. Особенности. Я поражаюсь все больше и больше. Появилось чувство, что я и дальше буду приходить в глубокое изумление и восторг от узнаваемого. Я видела перед собой длинную дорогу, полную приключений, новшеств и трудностей, и это кипятило кровь и фантазию.

— Послушай, Забава, а ты всегда так видишь? — спросила я маленькую подругу, поворачивая в очередной раз за стеллаж.

— Нет, только когда закрываю второе веко.

Я бросила на нее изучающий взгляд. О том, что у нее было два века, я знала. Забава, когда чему-то удивлялась или пыталась понять, мигала ими поочередно. Одно закрывалось как обычно — с горизонтальным сечением, а второе перпендикулярно. Чудно это как-то выглядит, но мило. А тут оказывается, эти веки созданы не для того, чтобы позабавить людей. У каждого из них есть своя функция! Ого! Ладно, ниясыти могли так по-особенному видеть, но как я смогла увидеть ее глазами? А как долго я могу смотреть ее глазами? И что еще я могу? А что может Забава? Эти и многие другие вопросы назойливыми мухами кружили вокруг моего взбудораженного мозга.

Вот, стеллажи закончились, и начался сектор читального зала. Я остановилась около последнего стеллажа и посмотрела в зал. Людей здесь не наблюдалось. У стены сидел лишь один. Он склонился над старинной толстенной книгой со старыми пожелтевшими листками с потрепанными от старости краями и во что-то внимательно вчитывался. Я замерла, затаив дыхание, и начала осторожно рассматривать. Его черные волосы были слегка всклокочены, брови сосредоточенно нахмурены, губы как всегда немного поджаты, а глаза сощурены, будто он читал что-то очень серьезное и важное. Вот, он перелистнул страницу и продолжил читать дальше.

— А можно я посмотрю твоими глазами? — услышала я в голове голос Забавы и вздрогнула.

— Зачем? — тихо ей шепнула в ответ.

— Ты так его рассматриваешь, — она задрала на меня свою головку и обратила свои несоразмерно большие фасетчатые глазищи.

— Потом, хорошо? — кинула я ей и повернула голову опять в сторону изучаемого мною объекта.

Он так сосредоточенно читал, что не заметил моего шепота. Забава толкнула меня лбом:

— Тогда пошли к нему!

— Нет, — отмахнулась я, не отводя от него глаз.

Почему-то мне не хотелось его отрывать от столь важного занятия. Он казался таким... притягательным, когда не насмехался, а сидел там, задумчивый, над книгой. Внутри, не знаю почему, все сжалось. Что бы это значило? Забава снова уткнулась в меня лбом.

— Забава, прекрати! — буркнула я, возмущенно отпихивая назойливый лоб.

Тут же боковым зрением заметила, как господин куратор медленно оторвался от книги и поднял в мою сторону вопросительный взгляд.

Я вздрогнула. В ушах пулеметом застучало сердце, и вспотели ладони, будто бы меня застукали на подглядывании. Выровнялась по стойке смирно и стою. Жду. Чего? Он с хлопком закрыл книгу, поднялся из-за стола, отправил ее под мышку и направился ко мне.

— Простите, господин Наран, я, наверное, вас отвлекла от важного дела?

— Я вас ждал.

— А-а-а! — протянула я, скосив глаза в сторону и закусив губу.

Он как-то странно глянул на меня, словно спрашивал: «с вами все в порядке?» Я сделала на лице что-то вроде улыбки, только что уголки губ почему-то направились не вверх, а вниз.

— А где Март?

— Ему надо было срочно отлучиться.

— Куда?

— В туалет, — я невинно моргнула.

Наран хмыкнул.

— Ладно, идемте, — он обогнул меня и пошагал в том направлении, откуда я только что пришла. — Март хоть показал дорогу сюда?

— Да, из лифта.

Он резко остановился и бросил через плечо на меня озадаченный взгляд. Я чуть в него не врезалась, звучно топнув ногой. Это начинало входить в привычку.

— А как же вы тогда меня нашли?

— Я... — тут я замялась, растерянно распахнув рот.

Я не знала, как объяснить то, что только что со мной и малышкой случилось.

— Мне вас Забава показала.

Он круто развернулся всем телом, нахмурился и пристально посмотрел мне в глаза. Что он хочет найти там? Он перевел взгляд на Забаву. Сузил глаза.

— Как она вам показала?

Ага, значит, он знает о способностях ниясытей! Ну, конечно, знает! Может, он тоже так смотрел через глаза своего нура?

— Ну-у-у, — протянула я и почесала затылок. — Я будто видела ее глазами...

Он широко распахнул глаза так, что я даже испугалась, чтобы они не выпрыгивали наружу. Чего он удивился? Он же наездник.

— Это что, странно? — на всякий случай, спросила я его.

— Весьма... — протянул он и еще сильнее нахмурился.

Я удивленно вытянула лицо, чувствуя, как медленно опускается челюсть. Хотелось его расспросить больше, но побоялась выглядеть еще глупее, чем уже казалась. Он дернул бровями, будто сказав самому себе что-то вроде «Странно», опустил глаза. Потом поставил книгу на полку и зашагал дальше, не говоря мне больше ни слова. Обдумывал. Ладно. Я подожду. Я думаю, он мне все-таки соизволит объяснить? Не захочет, заставлю. Я смогу. Что же все-таки происходит-то? Так мы, молча, прошли до лифта. Он вызвал его. Стоит, думает.

Потом повернулся в мою сторону. Глядит пристально.

— Как это произошло, расскажите иата, — наконец-то, он вновь заговорил.

Я и поведала ему свою необычную историю в подробностях. Он слушал, не перебивал. Прибыл лифт. Сели в него. Он на что-то понажимал и мы поехали. Куда? Пока он был занят моим рассказом, не стал объяснять. Выражение лица его менялось с каждым словом от недоумения до задумчивого удовлетворения. Создалось такое впечатление, что он втайне ожидал этого. Возможно, конечно, не так быстро и явно, но надеялся, что случится что-то подобное. Когда я закончила свой недолгий рассказ, он некоторое время продолжал молчать. Затем, после некоторых личных выводов, о которых он не удосужился сообщить, Наран выпрямился и вежливо спросил:

— Вы кушали, иата?

— Прямо перед тем, как к вам идти.

— А я голодный. Вы простите меня, можно я немного перекушу, а потом и экскурсию организую.

Я кивнула. Почему он раньше тогда не поел? Может, он думал, что мы поедим вместе, что Март меня к нему сразу отведет? Лифт остановился, и мы вышли в холл. Направились в столовую. Наран меня усадил за столик возле окна, откуда было видно взлетную площадку флайеров, а сам ушел за своим пропитанием. Я послушно села и принялась ждать, уже привычно поглаживая уложенную на колени белую головку Забавы. А в это время в голове кружил настоящий ураган мыслей. Их роилось до такой степени много, что голова норовила закружиться вслед за ними. К сожалению, ни одна не останавливалась в нужном месте. Я даже не могла понять, о чем мне думать-то? Сажу в неприятной прострации, тупенько уставившись в пол. Жду.

Вернулся куратор с полным подносом еды. Сел. Вежливо предложил мне что-нибудь взять. После моего отрицательного качания головой, он ехидно усмехнулся. Когда он на себе рисовал эту усмешку, мне хотелось чем-то в него запустить. Очень тяжелым запустить. Например, кирпичом или тазиком. Я готова была зуб отдать, что он имел обо мне не высокое мнение. А он весь такой умный-преумный! Где же кирпич взять?.. Наконец, прожевав очередную ложку супа, он заинтересованно спросил:

— О чем думаете?

— Не могу сказать. Мыслей миллион. Точнее вопросов.

— Ну, тогда спрашивайте. Я отвечу, если смогу.

— Вы не представляете сколько их! Я даже не знаю, с чего начать.

— С начала, — он иронично повел бровей.

Я еще подумала о том, стоит ли продолжать расспрашивать его о событии в библиотеке? Потом, тряхнув головой, решила, что есть вопросы и поважней.

— Я не знаю, где начало... — голос мой дрогнул.

В его взгляде засветилось сочувствие. Пропала насмешливая улыбка.

— Простите, иата. За делами совершенно вылетело из головы, что вы ничего не помните и так мало осведомлены обо всем... Если честно, я бы сам хотел вас о многом расспросить, но понимаю, что вы не сможете сейчас ответить. Проще вначале вас ввести в курс дела... — в этот миг его улыбка выражала доброту и сопереживание.

Я подняла на него глаза. Так почему-то захотелось заплакать.

— Иата... — начал он с выражением осознания вины, — я долго думал о сложившейся ситуации. В первую очередь хочу попросить у вас прощения, что так резко и непрошено

поменял вашу жизнь. Простите... — он сделал выразительную паузу. — Но также хочу и порадоваться, что задуманное возымело успех. Вас выбрала Забава, — он благоговейно покосился на мою малышку, начинавшую дремать у меня на коленях. — Сейчас сложно сказать, что это означает для будущего Иридании и, возможно, всей Заруны... Как сказать, так и объяснить... но, поверьте мне, то, что Единение с молодой королевой прошли именно ВЫ — очень важно!

Я хотела спросить его о том, для кого это важно, но вместо этого произнесла:

— За то, что моя жизнь изменилась, я вас не виню, господин Наран. Не первый раз... Иногда хочется просто на все реагировать не так остро и болезненно. Мне многое дается с большим трудом. Как принятие окружающих вещей, так и внутреннее мое к ним отношение. Я не ждала вас. Я не знала вас и ниясытей. Теперь все это, — я жестом окинула помещение столовой, представлявшей в моих словах весь атконнор и все, что за ним стояло, — стало частью моей жизни. Мне нужно принять это. Осознать, суметь правильно реагировать и вести себя соответственно. Это нелегко... — я сокрушенно качнула головой, — очень нелегко.

Наран смотрел на меня внимательно, и в его глазах читалось понимание.

— Я как-то не подумал об этом... Ситуация требовала быстрого решения. Ждать было нельзя. Я выбрал вас, так как понял, что вы подходите для обряда единения с королевой. Привез можно сказать без вашей воли. Затащил на площадку Единения, ничего не объяснив. Минус в том, что я не убедился в том, подходите ли вы. Не до этого было. Но теперь мы имеем то, что имеем... — Наран задумчиво пережевывал очередную порцию своего супа.

— Я понимаю, что вы были сосредоточены на том, чтобы помочь своему народу. То, что наездниц королев в Ире уже давно не было, вас заставило пойти на крайние меры и привезти меня, такую вот неполноценную, сюда и рискнуть, — я жестом указала на себя.

— Ну, насчет неполноценной, вы загнууули, — он покачал головой и закинул очередную порцию еды себе в рот. — Вы даже более чем полноценная! Конечно, одна проблема с вашей памятью. Хотя амнезия — редкое явление, но вполне реальное. И я вижу, что вы не лжете. От этого ситуация усложнилась, но она решаема.

Он говорил это, но мне показалось, что думает он о другом. Будто хотел сказать истинную причину, по которой привел меня в это место, но сомневался. Внутренне пожав плечами, я посмотрела в его задумчивые умные глаза с благодарностью.

— Помните, что я тогда сказал вам на площади в вашем поселке Со?

Я покачала головой:

— Вы тогда немало сказали...

— Я сказал, что я буду отвечать за вас. И теперь это стало моей обязанностью, пока вы не станете на ноги. Я так понял, теперь с вами будет учиться ваш сводный брат? — он сделал паузу, желая убедиться, что это правда. Я кивнула, и он продолжил: — Это хорошо. Мне будет много легче. Он умен, я это сразу заметил, так что в целом, он может легко вам помочь. А в остальном, что касается ваших обязанностей кашиасу, я помогу вам, введу в курс дела. Только я хотел бы попросить вас о... — он замялся.

Должен ли он просить меня о таком?

— О чем? — спросила я его.

— О послушании.

Я подняла брови.

— А разве у меня есть выбор? Я, по-моему, уже давно вас слушаюсь.

Он кинул на меня сомневающийся взгляд, но никак не прокомментировал это.

— Если вам что-то будет не понятно, обращайтесь ко мне. Я помогу. Только прошу вас, иата Лана, носите с собой коммуникатор. Это просто невыносимо, когда вас нужно где-то искать. Почему вы не взяли сегодня с собой свой коммуникатор?

— Забыла...

Он снова покосился на меня с осуждением, а затем отвел взгляд в сторону окна. Что-то его точно гложет, но он не решается сказать об этом и вряд ли заговорит сейчас.

— Скажите, пожалуйста, а почему вы так удивились там в библиотеке, когда я вас нашла с Забавой? Я что-то сделала не так? — перевела я тему.

Он покачал головой, отодвигая уже пустую тарелку и пододвигая к себе десерт.

— Нет. Меня удивило, что вы увидели глазами Забавы... ммм... так рано. Такое тесное общение наездницы с ниясытью происходит намного позже. Причем, через особые тренировки. Так просто наездницы не смотрят глазами своих ниясытей. А вы только соединились с нею и уже так близки! Это нонсенс! Что-то сверхнормальное.

— Тут один сплошной парадокс, — буркнула я. — И вообще, я — одно большое недоразумение, — и почему я это сказала вслух?

Очень плохая это черта — постоянно занижаться и быть неуверенной в себе. Смогу ли я быть более убежденной в своих силах? Когда это случится? Он ухмыльнулся, но отрицать не стал. Меня это еще больше огорчило.

— То, что вы так быстро находите общий язык со своей королевой — весьма впечатляет. Такого в нашем обществе практически нет. Может, и было когда-то, но не на моей памяти. Цените эту привязанность вашей Забавы. Она даст вам еще больше, — теперь его улыбка была искренней и эти его ямочки... прелесть.

Я ими залюбовалась.

— А могу я еще спросить вас?

— Я думаю, что вы можете меня не спрашивать о том, чтобы спрашивать меня о чем-либо, — лихо он закрутил. — Так задавайте свои вопросы, — он допил напиток и откинулся на стуле, закинув руку за спинку.

Выглядело это так, будто он — хозяин жизни. Я выпрямила спину и выпалила:

— Мне сообщили сегодня, что я буду учиться три года до тех пор, пока Забава не поднимется в свой первый брачный полет. Это так?

— Так, — он чмокнул уголком губ, выгоняя остатки пищи из-за десен.

— А как все это происходит? Что я должна делать? А как я буду потом учиться? Будут ли меня через год определять в специализированную группу после сдачи годовых тестов?

Он слегка закивал, и его улыбка стала снова насмешливой. Вот бы дать ему по этой его самодовольной физиономии каким-нибудь пирожным! Как быстро же меняется выражение его лица! Но я успела уловить мимолетное удивление и нежелание об этом говорить именно сейчас, будто эта тема на самом деле очень важная и серьезная. И он действительно хотел о ней поговорить, только в более подходящее время.

— Вы об этом узнаете в процессе вашего обучения. Не все сразу, — качнул он головой.

— Я хочу знать хотя бы в общих чертах. На что мне настраиваться? — я постаралась сделать свой голос требовательным, чувствуя, что неожиданно для себя волнуюсь сильнее, чем обычно.

Все вокруг воспринималось остро и казалось большим, чем есть на самом деле. Он повернул голову к окну и его зрачки сузились. Наран подбирал слова.

— Через три года Забава должна подняться в свой первый брачный полет и выполнить свой долг перед Ириданием. Нам нужны молодые и сильные ниясыти. И чем больше, тем лучше. Вы станете полноправной кашиасу. На ваши плечи лягут нелегкие обязанности... Тогда вам будет не до обучения. Поэтому... — он замолчал и посмотрел на меня как-то странно, изучающе.

Внутри все сжалось. Мне стало страшно. Что меня ждет в действительности?

— Что «поэтому»?

Наран подвинулся немного вперед и локтями оперся на колени, соединив ладони и сделав гримасу в стиле «Понимаешь ли...»

— Лана, — он прокашлялся, — иата Лана, в течение этих трех лет вы должны найти себе спутника жизни. Тогда ваши обязанности он понесет на своих плечах. Это если коротко. Миром Иридании правят мужья шиасу. Они создают совет и руководят Высшим Советом.

Он явно не желал сейчас это обсуждать, но я настаивала, поэтому он это и сказал.

Моя челюсть упала ниже талии. Как? Но я же... Дыхание сперло, а в глазах потемнело. Мне показалось, что что-то сжало мою грудную клетку и не давало дышать. Наверное, для первого дня точно слишком много информации. Не нужно было настаивать. Голова начала ныть от избытка эмоций и информации. Наран недовольно сморщился, как от кислого компота.

— Мир наездников другой. Здесь правят другие законы, чем у простых людей, — он снова откинулся на спинку стула, словно пытаюсь таким образом сделать разговор не таким напряженным. — Наездницы королев отличаются особо. Они отвечают за продолжение рода ниясытей, может, даже больше, чем сама королева. Вы дальше еще убедитесь, что ваш эмоциональный фон очень сильно будет отражаться на Забаве. Она будет жить вашими эмоциями. И ваша личная жизнь ярко будет отражаться на ее... личной жизни.

— К чему вы клоните?

— Вы обязаны быть замужем уже до того, как Забава поднимется в свой первый брачный полет. Иначе, ее природные инстинкты заставят выбрать его за вас. Уже были прецеденты. Редкие, но были. И поверьте, выбор королевы не всегда нравился их наездникам... Вы хотите этого? — он лукаво подмигнул.

Я почувствовала, как негодуяще задрожала каждая мышца тела. Я не верила своим ушам. И эта его самоуверенная ухмылка... Даже ямочки на щеках уже не успокаивали. Я смотрела на него немигающим взглядом. Потом перевела глаза на Забаву, которая выглядела весьма озадаченно. Даже голову набок наклонила. Обостренные чувства делали информацию страшней, чем она есть на самом деле. И впрямь сегодня тяжелый день. Столько всего сразу навалилось. Потяну ли я?

— А если я не...

— Это не обсуждается. Или вы хотите второй вариант?

Я вздрогнула, словно он меня ударил по лицу, и обиженно посмотрела в его строгое лицо.

— Послушайте, иата, я не желал об этом сейчас с вами говорить, но раз вы начали, то я должен закончить. Закончить тему и объяснить, что за вами остается выбор в том, кто станет вашим мужем. И, по-сути, это ваш главный и важный выбор. Единственный, который требует вашего всецелого серьезного и ответственного подхода. Именно на ваших хрупких плечах лежит великая ответственность за будущее страны. Вам довелось не только

объединиться с королевой, но с дочерью одной из самых сильных королей Заруны! Да еще в столичном городе! Женщины Ира всегда неизменно правили не только городом, но и всей страной! Я не прошу вас сейчас понять всю ответственность и груз, который лег столь неожиданно на ваши плечи. Однако подумайте об этом потом, когда разум ваш будет более ясный. И именно в связи с серьезностью последствий ваших решений, я прошу о сотрудничестве и послушании.

Хотя его голос был ровным и спокойным, мне казалось он бил этими словами. Готова ли я была к этой информации? Он считал, что нет, но все-таки сказал. Вероятно, он был прав.

Мои губы задрожали. Захотелось вскочить на ноги и кричать. Эта сильная эмоция взбудоражила Забаву. Она резко отодвинулась от меня. Громко затрубила своим детским писклявым голосом на всю столовую. Так возмущенно и требовательно! Раскрыла свои маленькие неокрепшие крылья и забила ими воздух. Столы и стулья разлетелись в стороны. А я сидела, как окаменевшая, потупив невидящие глаза. То, что было у меня внутри, сразу же отразилось на Забаве. Наран резко поднялся, оглянулся. На его лице возникло неподдельное изумление и... ужас. Забава била воздух крыльями, изгибала шею, шипела. Крутилась на месте. А я ничего больше не видела. Эта информация меня рассердила почему-то очень сильно, переполнив душу могучим протестом. Какие ужасные законы! Почему меня не предупредили об этом до того, как затащили на Площадку Избрания?! Я продолжала сидеть и смотреть перед собой. Тут я почувствовала, как меня кто-то схватил за плечи и сильно встряхнул. Да так, что я опрокинула голову назад и слышала, словно издалека:

— Лана! Успокойся! Угомони ее! Лана! Лана! Лана! Да что же с вами? Что я такого сказал?!

Я подняла на него шокированные глаза. Паника стала отступать. Забава рядом пискнула и притихла. Я смотрела в ошарашенные синие глаза куратора. Странно, но его сильные руки меня успокоили. И тут я сумела выдохнуть. Обмякла.

— Простите, я не ожидала от себя такой реакции, — опустила взгляд. — Сейчас, почему-то все вокруг воспринимается так остро... каждая мелочь задевает за живое...

— Это следствие природы слияния вашей нервной системы с королевой. Она сейчас слишком неустойчива.

— Да. Такое чувство, что нервы оголены... — я изумленно взвела брови.

Наран присел передо мной на корточки так, чтобы смотреть на меня снизу вверх. Его глаза выражали понимание.

— Простите, меня, иата. Я должен был предположить, что мои слова могут вызвать у вас такую реакцию. Я забыл, что первые дни особенно тяжелы для психики людей. Но я не думал, что эта тема вас так заденет. Может, это для вас болезненный вопрос? Вы мне скажите, — в его голосе я почувствовала обеспокоенность.

Глянула на Забаву. Протянула к ней руку, скользнув по подставленной переносице. Она глубоко вздохнула и вернула голову мне на колени, попросив меня так больше не расстраиваться. Я пообещала, что буду себя контролировать. Бросила взгляд в помещение столовой. Там никого уже не было. Только озадаченные официанты замерли подле грязных столов да вышедшие на шум повара.

— Господин Наран, а я должна выйти только за наездника?

— Таковы правила Иридании... — через паузу он спросил: — Может, у вас есть кто-то? Я покачала отрицательно головой и посмотрела на него.

— Значит, у меня есть три года, чтобы выбрать?

Он кивнул:

— Я вам помогу.

Не поняла, в чем именно он мне поможет. Выбрать мужа?

— Хорошо, — мои глаза стали стеклянными. — Здесь, наверное, есть какие-то правила? Условия? Может, надо смотреть на ранг наездника.

Наран пожал плечами и ответил:

— Нет, особых правил нет. Вы вправе выйти замуж за любого наездника. Правило лишь таково, чтобы вы могли испытывать... ммм... нужные эмоции для вашей Забавы.

Посмотрев печально ему в лицо, единственное, что в этот миг я смогла сделать, так это моргнуть. А может, его выбрать? И делу конец. Странно, но я, вдруг, почувствовала, что он себя не относит к потенциальным женихам. Почему? Где-то в глубине его души я, неожиданно, увидела грусть. Какую? О чем? Он что-то скрывал. Что-то очень глубоко в сердце. Я это очень остро почувствовала в этот момент. Сглотнула болезненно. Вздохнула. Паника медленно отступала, уступая место опустошенности. Он поднялся на ноги, подвинул стул. Поставил рядом. Сел.

— Скоро будет организован прием в честь церемонии вашего единения с Забавой, — он произнес имя моей малышки с уважением. — С этого дня вы будете объектом интереса многих наездников. Пожалуйста, будьте внимательны. От вашего выбора зависит будущее Иридании.

Пристально посмотрев в его синие заинтересованные глаза, я вдруг потеряла ко всему интерес. На меня камнем обрушилась усталость. Всё. Не хочу больше никакой информации на сегодня. Стакан полон. С меня достаточно. Надо поспать и сразу все пройдет. Я поднялась, ощущая, как усталость тянула меня вниз. Молча, повернулась к выходу, качнувшись в сторону. Рука Нарана подхватила за локоть. Устояла.

— Господин Наран, прошу вас, давайте отложим мою экскурсию на сегодня. Я что-то почувствовала себя очень плохо, — я не смотрела ему в глаза, только перед собой. — Пожалуйста, отведите меня в мою комнату.

— Конечно, иата.

Он осторожно отодвинул перевернутый Забавой стул и повел меня к выходу. Кроха засеменила за нами вслед, тихонько тревожно посвистывая. Ее голосок казался в этот момент таким страдальческим и грустным, словно у нее что-то болело. Я чувствовала, как подсознательно отстранялась от ее голоса, будто сработала какая-то защитная реакция организма на непривычную связь с этой малышкой. У двери Наран сделал знак официантам и, выведя меня из столовой, направил к лифту.

В комнате ждала Фия, сидя на диване. Ее лицо хранило отпечаток нервного напряжения. Когда мы вошли с Нараном, она вскочила и подошла к нам. Я на нее никак не отреагировала.

— Госпожа иата! — воскликнула она.

— Потом, Фия. Помоги госпоже принять ванну и пусть она ложиться отдыхать. Все остальное потом. Завтра, — строго остановил ее Наран.

— Да, господин фагот. Я все сделаю.

Я стояла как кукла. Ни на что не реагировала. В голове пребывал полный штиль после урагана. Ничего уже не хотелось. Забава возбужденно дергала головой и хвостом, отрывисто посвистывая и пытаясь заглянуть мне в глаза. Наран посмотрел на нее задумчивым взглядом,

сведя брови в одну обеспокоенную линию. Качнул недовольно головой и ушел. Фия подошла ко мне ближе и с беспокойством спросила:

— Вам плохо? Прошу вас, давайте пройдем в ванную. Я уже там все нагрела и набрала. Прошу вас, идемте со мной, — она взяла меня под руку и направила в умывальню.

Совершив все нужные процедуры, я улеглась рядом с Забавой на мягкую постель и заснула сразу же, как только ударились головой о подушку. Засыпая, попыталась отодвинуться от встревоженной белоснежной девочки, но та настойчиво пыталась залезть на меня вся, будто чего-то сильно испугалась. Почти уйдя в мир снов, я слышала ее мысли о том, что она страшно боится потерять со мной связь и умоляла не уходить от нее. Что она имела в виду? Я уже не думала об этом.

Так завершился мой первый день, как полноценной кашиасу и ученицы атконнор.

*** **

Проснувшись я от того, что кто-то меня толкал в бок. Я категорически была против того, чтобы кто-то совершал сие вопиющее бесчинство, поэтому с громким мычанием пренебрежительно повернула в его сторону свою пятую точку. Сладко обняла подушку, довольно причмокивая, и продолжила сопеть. Но он продолжал весьма настойчиво меня тормозить. Тогда я отмахнулась как от назойливой мухи, натянув на голову покрывало, чтобы спрятать лицо от яркого света. Она не улетала. Я слышала, словно издалека:

— Госпожа Лана, вам надо вставать срочно на учебу. Вставайте! Пожалуйста!

Я нехотя открыла глаза. Рядом стояла Фия.

— Какая учеба! Я смертельно хочу спать! Отстань от меня! — отвернулась и снова закрыла глаза.

— Господин фагот очень убедительно просил, чтобы я вас во что бы то ни стало подняла с постели. И сказал, что это — приказ. Так что я не могу вам позволить спать дальше. Пожалуйста, поднимайтесь! Госпожа Лана! — она продолжала меня тормозить. — Иначе я вынуждена буду ему позвонить и...

Упоминание о господине фаготе возымело действие, и я все-таки открыла глаза.

— Ладно, ладно. Встаю. Вста-ю.

Села в постели, с дребезжащим шумом выдувая воздух через сложенные губы. Глаза, предатели, отказывались слушаться и легко закрылись вновь. Я отправила туда пальцы для мужественного противостояния. Те непокорно тянули вниз даже пальцы. Я похлопала себя по щекам. Не помогло. Что за снотворное я вчера выпила, что меня и подъемным краном не поднимешь?! Я решила слезть с закрытыми глазами. Встала. На ощупь направились в сторону, где, я помнила, располагалась ванная комната. Может, если умоюсь, то глаза разлипнутся? Конечно, я в этом глубоко сомневалась, но настойчиво двигала ноги в нужном направлении. Чьи-то руки меня поддержали. Фия. Я уже не сопротивлялась. А она щебетала:

— Ничего, госпожа Лана, я вам приготовила специальный отвар из трав. Он вас вмиг пробудит. Так что вы только умойтесь и выпейте его. Вам поможет. Мне его рецепт дала повариха в столовой. Она предупредила меня, что молодые студенты под ферментом ниясытей крепко спят, — под ее монолог я зашла в ванную, подошла к умывальнику, нагнулась и принялась умываться, а она продолжала: — Забава, как только вы пробудитесь, встанет тоже. Я вам уже и завтрак приготовила. И форма готова, в которой вы будете учиться. Вот. Вот полотенце, — я вытерлась и только тогда смогла полностью открыть глаза.

Навела резкость. Смотрю на себя в зеркало. Странно, почему у меня такие кудрявые

волосы? Я поднесла руку к волосам. Запустила туда пятерню и потрепала их. Чудно. Даже мило. Я так даже симпатичней выгляжу с этими кудрями.

— Чего это с моими волосами? Ты что мне ночью накрутила их?

— Нет-нет! — каота закачала головой, не поняв шутки. — Я тут ни при чем! Это фермент вашей ниясыти. Это аро.

— Чего? — я прищурилась, продолжая бороться с желанием спать.

— Аро — это пот ниясытей. Он обладает особыми действиями.

— Какими? — я немного отодвинулась от зеркала, наводя резкость.

— Вы, наверное, еще не знаете?

— Да... не знаю. Так что, думаю, ты посветишь меня в эти нюансы... — промычала, зевая, я, тем временем поворачиваясь обратно.

Узрела столик на колесах, где стояла... еда. Что там было, я не разобрала, но безропотно принялась употреблять её вовнутрь. Смотрю, еще и стакан стоит с тем самым "волшебным зельем", что, по словам Фии, выведет меня из состояния сомнамбулы. Схватила его, как жаждущий воду, и опрокинула его в себя, осушив до дна залпом. А девушка стала напротив и продолжила свои пояснения:

— Аро — так называется пот ниясыти, в состав которого входит особый фермент, который вас соединяет с нею. Помимо всего прочего, он влияет и на ваше здоровье, кожу и волосы. Практически, он вас и лечит, и омолаживает, и заодно волосы накручивает. Вы заметили, что у всех наездниц волосы кудрявые?

— Угу, — кивнула я, вспомнив шикарную прическу шиасу Мары. — Но я думала, это парикмахер постарался.

— Нет, это все аро.

— Ммм... — протянула я и зевнула так, что чуть челюсть не вывихнула.

Ну, значит, будем кучерявой ходить. Красивее стану. А то как-то неудобно рядом с окружающими меня красавицами. Чувствую себя сорняком среди роз. Розы... я часто в последнее время стала вспоминать какие-то странные обрывки из прошлого. Слова, которые понятны только мне, образы, сравнения, которые знаю только я. Я их понимаю, но что они для меня значат и откуда они — всё равно, что театр теней. Видно только размытые черные силуэты. Печально. Ну, да ладно. О чем это собственно я? А! о химии под названием аро. Полезное действие оказывает это аро на наездников... Буду всегда молодой и красивой. Это очень приятное дополнение к последним неожиданностям в моей жизни.

Жуя довольно вкусный завтрак, покосилась на спящую белую ниясыть на кровати. Та скрутилась в клубочек, окольцевав себя хвостом. Пушистый кончик хвоста слегка подергивался. Я захотела ее разбудить. Для этого попробовала сосредоточиться, как когда-то учил Род, пытаясь научить меня элементарным правилам телепатического общения. Он объяснил, что когда я так делала, то ему легко было читать мои мысли. Я представляла какой-нибудь образ, слово, предмет и тогда он понимал, что я хочу. Может, это поможет и с крошкой в общении. Хотя вчера у меня вроде бы без особых усилий получалось с нею общаться. Сейчас же я хотела узнать ее состояние. Можно ли ее разбудить? Итак, я сосредоточилась и подумала о ней. Словно вихрем ворвалось ощущение сна. Тогда я сконцентрировалась и громко в голове произнесла: «Забава!» Та резко дернула хвостом и откинула его на середину кровати. Я повторила ее имя. Она глубоко вздохнула и лениво открыла глаза.

— Что? — ее было хорошо слышно, но движения мыслей были протяжными и вязкими.

— Я думаю, тебе надо просыпаться. Ты видишь, я уже проснулась. Нам уже пора на уроки, — я старалась говорить твердо и уверенно, желая не дать ей возможности возражать.

Еще попыталась передать непоколебимую уверенность в том, что я не намерена спорить. Та пару раз мигнула и тут же беспрекословно слезла с кровати. Я удивилась, как легко она согласилась с моим приглашением.

— Смотри, тебе Фия привезла твою любимую рыбу. Тебе же она нравится? Покушай.

Забава ни капли не возражала и уничтожила принесенную ей рыбу за несколько приемов. Я продолжила жевать, наблюдая за малышкой, и, вдруг, в памяти всплыл вчерашний разговор с господином фаготом. Странно, почему я так бурно отреагировала? Помню, он что-то говорил о шаткой психике тех, кто только прошел обряд Единения с ниясытиями. Может, я именно поэтому так остро отреагировала? Хотя, с другой стороны... стремно как-то выйти обязательно за кого-то из наездников замуж в течение трех лет. Что за ерунда! Надо покопать по этому поводу. А вот с куратором об этом говорить стыдно. И так уже опозорилась дальше некуда. Не буду об этом при нем больше заикаться. Тут я вспомнила его лицо, когда он мне это сказал и мои ощущения. Я припомнила и то, что он не считал себя претендентом в мои женихи. Но почему? Довольно любопытно. Я что, ему не нравлюсь? Или нет! У него уже кто-то есть! Такой видный мужчина...

Я, молча, дожевала последнюю ложку своего неплохого завтрака и глянула на стоявшую рядом Фию. Та смотрела на меня как-то виновато.

— Что с тобой? — спросила я ее.

— Позвольте вас спросить, госпожа Лана...

— Спрашивай.

— Вы на меня не сердитесь за то, что я вчера... эээ... не была на своем месте, когда вы пробудились? — ее голос дрогнул.

— Нет, абсолютно, — покачала я головой и встала, чтобы переодеться.

Она мигом сообразила и подала мне мою учебную форму. Я ее взяла в руки и развернула, чтобы получше рассмотреть. Эдакий милый комбинезон кремового цвета. Приталенный, с прелестной вышивкой на воротнике стоечке и манжетах, выполненный золотыми нитками. А под воротником спереди небольшой вырез в виде капельки. Я скинула с себя пеньюар, впрыгнула в него, и Фия ловко застегнула его сзади. Гляжу на себя в зеркало. А ничего так. Симпатично. Особенно эта капелька под воротником-стойкой. И эти светло-русые кудри. Мне даже очень понравился мой вид. Кстати! Я уже не хочу так сильно спать. Это то зелье чудотворное помогло. Я пробежалась по фигуре руками, скользнув ладонями от выпуклости груди до бедер. Ещё раз убедилась, что неплохо выгляжу... Тут Фия подала мне украшение. Диадема. Такая же, как и у тех кашасу, что я видела дней несколько назад. Я вопросительно покосилась на Фию.

— Что это?

— Это — зуру. Его передал вчера вечером господин фагот. Вы его должны носить теперь всегда. Это ваш отличительный знак. Даже, если рядом не будет Забавы, все будут знать, что перед ними кашасу. Он сказал, чтобы я настояла на том, чтобы вы обязательно надели его. Зуру не тяжелый и сделан под вашу голову. Так что вы не будете замечать его на себе.

Я вздохнула и поднесла украшение к голове. К слову сказать, действительно очень легкое и очень красивое. Неудачно потыкав его пару раз в кудрявую шевелюру, я повернулась к каоте:

— Фия, помоги, пожалуйста, его одеть.

Она без слов ловко вплела его в мои кудряшки, а основную часть поправила у меня на лбу. Я вновь посмотрела на свое отражение. Настоящая принцесса!

— Что еще говорил господин фагот? — не отрываясь от себя любимой, спросила я.

— Он сказал, чтобы я перечислила вам сегодняшние предметы. Напомнила о том, чтобы вы взяли обязательно с собой коммуникатор. В вашей форме есть карманчик, он идеально подходит под него. И еще сказал, чтобы я вас отвела на первое занятие.

— Ясно, — я поджала губы, превратив их в решительную ниточку, и обернулась в сторону прилегшей у дивана на коврике Забавы.

— Ну, что? Пойдем?

— А почему мы так рано? — распахнула в зевоте рот Забава, недовольно моргая на падающий не нее свет.

— Так надо, — махнула я рукой и пошла в сторону выхода.

Вышли. Фия уже ждала нас на выходе.

На нужный этаж добрались без приключений. Фия указала мне по коридору последнюю дверь раздевалки и удалилась. Первым по расписанию была физическая культура.

Когда я подходила к высокой и широкой двери раздевалки, мой взор упал на окно, в которое упирался коридор. Магнитом меня потянуло посмотреть на улицу. Уперлась лбом о прохладное стекло и замерла, краем глаза заметив, как Забава синхронно повторила все за мной. Я любовно улыбнулась ее попугайству и устремила взор вперед.

Глаза разбегались. Не знала на чем взгляд остановить. Здания Ира в солнечном свете ослепляли своей глянцевою белизной, утопая в сине-зелено-фиолетово-красном море растительности. Рядом с академией располагался парк, посреди которого синело озеро, окруженное островками пляжей. На песке в тени навесов на шезлонгах лежали люди. В воде плавали ниясыти. Далековато. Не видно. Мне захотелось рассмотреть их получше.

— Любуется видом, иата Лана?

Я даже подпрыгнула от испуга и резко развернулась на 180 градусов. Совсем близко стоял господин куратор все в той же привычной для него позе: руки за спиной, ноги на ширине плеч, ровная осанка. Прямой, слегка насмешливый и проницательный взгляд. Уголки губ подняты в лукавой усмешке. В общем, полный пакет военного командира плюс мальчугана-проказника. Не знаешь, что от него ожидать. Либо поучительного и простого наставления, либо насмешки. Я перепугано уставилась на него, потеряв дар речи. Видно этот дар речи ушел погулять возле озера в парке. Не могу ничего удобовразумительного выдавить из себя. Сразу засосало под ложечкой и сперло дыхание. А он стоит и смотрит синими глазищами, ожидая ответа. Напрасно. Ничего он от меня не услышит.

— Госпожа Лана, время, что осталось сейчас у вас, дано вам, чтобы вы успели переодеться на занятия по физической культуре, а не чтобы удовлетворять праздное любопытство, — наконец, прервал гнетущее молчание господин фагот.

Я медленно открыла рот и так же медленно его закрыла, как рыба, да пару раз моргнула. Вот и весь мой ответ. Он усмехнулся еще шире. А тут, вдруг, вдогонку к моей немоте, вспомнила вчерашнюю беседу, и мне стало еще хуже.

— Эта дверь, — он указал на дверь первую слева от меня, — вход в женскую раздевалку. Там есть и ваш шкафчик, где уже принесена ваша новая форма для занятий. Если вам не сложно, иата Лана, могли бы вы все-таки потратить время на переодевания, а не на созерцание прекрасного вида за окном?

Я снова повторила ту вещь со ртом, что как рыбка, и уставилась на протянутую руку фагота, как на невиданную зверушку. Так! Надо срочно себя взять в руки. Кивнула. Развернулась на каблуках и зашагала к указанному входу в раздевалку. Я спиной чувствовала его пристальный взгляд. Забава, поглядывая на мужчину, последовала за мной.

Пулей залетела в раздевалку и захлопнула за Забавой дверь. Девочки удивленно обернулись на меня, но никак не прокомментировали мои движения, продолжив общение между собой. Я прошлась вдоль небольших шкафчиков и вскоре нашла тот, на котором было написано мое имя. Затем оперативно переоделась в форму, действительно висевшую в нем и состоящую из легкого гольфа и свободных штанишек, собранных внизу резинкой. Разговоров девочек я не слышала, погрузившись в свои нелегкие мысли. Появление куратора у двери раздевалки меня натолкнуло на мысли о вчерашнем разговоре. Когда я шагала сюда, решила, что не буду переживать о замужестве и сильно беспокоиться о выборе подходящего кандидата. Ведь у меня же впереди ещё три года. Что-нибудь придумаю. А теперь почему же мое сердце не на месте? Я села на лавочку и притихла. Ушла в себя. Рядом кто-то сел.

— Ты сегодня какая-то задумчивая... — услышала я чье-то нежное сопрано рядом и повернула голову.

Это была Лия Марахит. Она смотрела на меня красивыми ядовито-зелеными глазами.

— У меня есть о чем подумать, — вполголоса ответила я.

— Наверное, у каждого из нас есть о чем подумать, — согласилась она, мило улыбнувшись.

Что-то было в этой улыбке теплое и притягательное. Я ее заметила еще в том флайере, когда мы только летели в атконнор. Хорошая и приятная девушка. Ее Резотта преданно к ней прижималась, заглядывая ей в лицо. Впрочем, почти то же самое делали и все малышнясы.

— Вчера вы с Мартом так быстро ушли из столовой, — Лия разочарованно качнула головой.

— Да. Надо было, — что-то сейчас я не была расположена к доверительной беседе.

Она посмотрела на хронометр на руке.

— Ой! Уже надо идти. Скоро начнётся занятие.

Я поднялась сразу на ноги и направилась к двери, что вела в спортзал.

То, что называли спортивным залом, трудно было назвать залом. Скорее — целым крытым стадионом. Здесь было всё. Всё, что только нужно для физической подготовки. Тренажеры, снаряды, лестницы, канаты, альпинистские стены, маты, беговые дорожки и даже бассейн. Последний находился у самого края под стенами. Над ним в несколько уровней располагались трамплины разной длины и ширины. Интересно, что и над бассейном были канаты. Может, с них тоже прыгали в воду? Я поначалу даже растерялась. Куда идти?

В зале (буду его называть как все) было еще несколько групп, но без ниясытей. У них с нами проходили параллельные занятия физической культуры. Когда мы появились на горизонте, все, как один, повернули головы в нашу сторону. Хотя... что уж тут скажешь. Мы очень эффектно смотрелись. У нас даже формы были другими. У тех она была синей. У нас — чисто белой. Мы увидели стоящего слева у стены куратора и, по совместительству, еще преподавателя по физкультуре и истории. Он стоял в своей любимой позе. Ребята уже находились возле него. Он что-то им объяснял.

Увидев нас, куратор замолчал и замер, наблюдая за нашим приближением. Забавное у него было выражение лица. Не то он любовался, не то просто ждал... Не пойму. Нас,

девушек-наездниц, насчитывалось всего восемь из двадцати одного в нашей группе. Говорят, что это довольно неплохое соотношение. Ниры менее притязательны в выборе наездниц, поэтому они могут выбрать себе девушку и с более холодным нравом. Им же не надо яйца откладывать.

Подошли. Стали. Наран молчит. Смотрит на нас. Потом, внезапно, словно очнувшись ото сна, он произнес:

— Ну, вот мы все в сборе. Приветствую вас в полном составе. Сегодня у нас первое занятие по физической культуре. Вводный инструктаж и легкая разминка. Теперь это будет нашим постоянным началом дня, чтобы вы смогли рассеять ферментную дрему из ваших голов. После ночи глубокого сна единения вам необходимы физические упражнения. Иначе, все ваше обучение не пойдет впрок, — он посмотрел на меня в первый раз. — На вводном инструктаже, прошу вас, будьте внимательны. И ещё. Мне будет помогать мой Натон. Его присутствие будет полезно для малышей. Они проще поймут движения и упражнения, если будут смотреть на него, — он сделал паузу. — Вопросы есть? Да, Магон.

— Господин куратор, а девушки будут заниматься с нами наравне? — наш любопытный "ушастик" снова задал интересный вопрос.

— Первые занятия — да. Потом я буду давать указания, и устанавливать нормативы отдельно. Ещё вопросы? Хорошо, — сказал Наран и, когда все скромно отмолчались по поводу вопросов, продолжил: — раз их нет, приступим к вводной части. Я объясню вам технику безопасности и правила поведения в зале. Я ожидаю от вас неукоснительного их соблюдения и полного послушания. Это может сохранить вам здоровье. Итак, начнем-с.

И он повел нас по залу. Показывал все снаряды, тренажеры и, подробно их описывая, указывал как с ними необходимо обращаться. Через пол часа мы подошли к огромному окну на всю длину зала от потолка до пола (это любимый дизайн архитекторов атконнора, да, впрочем, и всего общества Ира). Оно было поделено на большие квадратные сектора. Господин куратор нажал на какую-то консоль на раме, и окно открылось (точнее испарилось). Я так поняла, что та же самая технология применялась на многих автомобилях и вообще любом транспорте. Из рамы выходил настё, куда сверху опустился ниясыть и по нём вошел в зал. Остановился рядом с Нараном.

— Это мой нур. Его зовут Натон. Мы будем вместе сотрудничать и в дальнейшем, — он положил ему руку на шею, — вам станет легче.

Я залюбовалась Натонем. В сравнении с малышами, он уже развит пропорционально, гармонично. Это и понятно, он уже зрелая особь, а наши малыши только начали свое развитие. Снова внутри возникло то невероятное восхищение, которое у меня появилось в первый раз, когда я его увидела. Что-то рядом радостно пискнуло, да так громко! Это не я. Я пищать не умею. Медленно дошло, что это была Забава. Она громко свистнула и заурчала. Я удивленно перевела взгляд на нее. Она восторженно ширила глаза на Натона. Видимо, ей передались мои чувства. Так, надо брать себя в руки. Забава слишком ярко передает все, что я чувствую. Её поведение и возгласы привлекли внимание Натона. Он опустил голову на уровень малышки и так зычно застонал, что меня пробрало до мороза по коже. И тут я ясно осознала, что он почтительно приветствует молодую королеву. Он ее чувствует. Ему это нравится. Я боковым зрением заметила, что Забава затопала на месте. Довольно заурчала, раскрыла крылья, чуть не сшибла меня с ног, и изогнула изящно свою тонюсенькую шею.

— Кокетничает, — услышала я рядом чье-то заключение.

— Конечно, она же будущая королева!

Все заворожено наблюдали за этой парочкой. Даже Наран. Он в этот момент был таким задумчивым. Я глядела на него и чувствовала, как в груди росло любопытство. Кто он? Чего хочет? Почему он такой мрачный? Господин Наран хлопнул друга по шее и сообщил о начале разминки.

Вот, выйдя на ровную площадку, покрытую странным ворсом, господин куратор начал показывать элементы упражнений разминки, велел стать нам кругом (довольно большим). Натон же показывал разминку для малышей. Ой, и потешно-то было! Я чуть живот не порвала от смеха. Не могла сосредоточиться на своих движениях. Господин Наран постоянно делал мне замечания. Но я ничего не могла с собой поделать! Особенно смешно было, когда Забава за Натонем повторяла.

Все это время господин Наран был весьма сдержан, кроме тех случаев, когда я доводила его своим нетихим хохотом. Отпустил он нас за десять минут до окончания занятия. Я хотела его спросить о том, что значило поведение Забавы. Но он, отпустив нас, сразу повел Натона к тому окну с настэ, чтобы выпустить наружу. Я стояла и наблюдала за ними. За тем, как он шел рядом с Натонем, положив руку на плечо и слегка опустив голову. Как открыл окно. Как следил за своим другом, когда тот взмыл в небо. Как долго еще стоял у настэ, не оборачиваясь. Я так и не дождалась. Пошла в раздевалку. Там уже все девочки переоделись. Когда я зашла, они неприятно покосились на меня. Кто с осуждением, а кто с сочувствием. Я часто не понимала их взглядов.

Следующим предметом шла этика и этикет. Его у нас вел господин Рулит Мохан. Он тоже был наездником. Его нура звали Хон. По-моему так звали еще кого-то. А! Преподавателя по социологии. Что бы это значило?

Предмет оказался для меня, слабо говоря, крайне нелегким. Все эти условности, правила поведения, манеры. Я никогда их не понимала. А тут еще учить их надо! Уфф! Мне кажется, и вантуз не поможет зачихнуть этот груз информации в мою голову. Сам господин Рулит выглядел довольно ворчливым, хоть и молодым. Что-то ему постоянно не нравилось. Неприятный тип. Еле высидела! Звонок окончания лекции вырастил мне крылья. Я вылетела пулей из аудитории, быстро очутившись в коридоре, где меня настиг Март, хлопнув по плечу.

— Наконец, я могу с тобой пообщаться, сестренка! Как спалось?

Я подняла на брата озадаченные глаза, выпалив вместо ответа на вопрос:

— Март! Ты не представляешь, что! я узнала вчера от куратора!

Братик захватил меня за плечи и увлек в сторону от лишних ушей.

— Рассказывай! — он серьезно нахмурил брови на своей несерьезной моське.

Я сглотнула. Озабочено посмотрела в его оранжевые глаза, доставшиеся ему от Рода.

— Я думаю, что ты это знаешь... А для меня это было ужасной новостью! Для меня тут вообще одни сплошные, причем не очень приятные, новости! — Март не перебивал. — Мне господин Наран сказал, что в течение трех лет до наступления половозрелости Забавы я обязана... — я сделала многозначительную паузу, — выйти замуж за какого-нибудь наездника!

Марту ни капельки не было смешно, что меня страшно порадовало. Он отнесся к моим словам обстоятельно и по-настоящему глубокомысленно.

— Я не знал об этом, — он сочувственно покачал головой. — Но, кажется, я понимаю — почему.

— И?

— Это все связано с эмоциональной привязкой королевы и наездницы. Я предполагаю, что то, поднимется ли Забава в свой брачный полет или нет, видимо, зависит всецело от тебя.

— То есть?

Он кашлянул и смущенно опустил глаза. Хорошо, что нас больше никто не слышал.

— Ты же уже знаешь, что твоя королева отражает все твои чувства? — я утвердительно кивнула. — Я так думаю, захочет она полететь или нет, выберет она себе спутника или нет, зависит от твоего выбора и желания... к мужчине.

И тут до меня, ковыляя на обе ноги, доползло понимание. Я резко выпрямилась и выдохнула. Вот оно что! Упс. Учитывая высокую мораль и нравственность ириданского общества, я обязана выйти замуж. Кашиасу меня сделала Забава. Я теперь от этого никуда не денусь. Она привязала меня к себе навсегда. И общество Иридания стало теперь моим насовсем. Кем бы ни была я в своей прошлой жизни, пусть его и не помню, но я принадлежу теперь этому миру. Ой! А вдруг, я уже замужем?! От этой мысли у меня похолодело внутри. Нет. Я точно знаю, что это не так. Откуда? Ну, память же ко мне приходит иногда в гости. И в этот раз я точно почувствовала, что не была замужем. Но тогда, выходит... А что выходит-то? Если я — кашиасу, то, согласно законам Иридания, если выйду замуж, то тогда мой муж станет лордом или правителем целой страны! Они становятся таковыми не по рождению, а по... Теперь до меня верхом на черепахе прискакала новая мысль: я стала помимо своей воли объектом охоты за короной. Я машинально коснулась одетой на меня утром изящной диадемы под названием зуру.

— Я вижу, ты меня прекрасно поняла, — сделал вывод Март.

Он снова положил руку мне на плечо:

— Не бойся. Мужчины не будут домогаться тебя явно. Они знают, что это не сработает. Твоя мощная защита по имени Забава не даст. А вот кашиасу и шиасу будут на тебя давить в выборе. Возможно, они будут продвигать кого-то особо. Но выбор остается все равно за тобой. Почему? Ведь, по-сути, именно тебе передавать чувства и эмоции своей Забаве. А они должны быть искренними. Иначе, кладка ее будет ой! как мала. Это не выгодно никому! — Март успокаивающе улыбнулся и участливо погладил по плечу. — Ланочка, не бойся ты так! Я буду рядом. Ты же помнишь, что у тебя есть брат и не простой, а нурит (нурит — это в смысле наездник нуров, как нириты — наездницы нир, шиасу — наездницы королев-ниясытей).

Я улыбнулась в ответ. А это ведь на самом деле не страшное событие. Многие женщины, наверное, мечтают, чтобы их добивались столь высокопоставленные мужчины! Так! Нужно искать в этом положительное. И вообще, я же совсем недавно подумывала о замужестве в поселке Со. Это я помню хорошо.

— Ладно, давай оставим эту тему, — я повернулась в сторону коридора. — Ты мне лучше напомни, что сейчас за предмет?

— Биология.

Я почему-то облегченно вздохнула. Если бы была, например, социология, то я бы завывала от тоски. Я почувствовала, что разовью глубокую неприязнь к тяжелым для мозгов предметам. А биология... По крайней мере, преподаватель был легким человеком и просто преподавал трудные истины о природе. Я глянула на брата.

— Ну, тогда погнали штурмовать мозги дальше!

Он кивнула деловито подставил руку, чтобы я на него оперлась. Мы пошли. А за нами

бодренько засеменили два малыша. Они о чем-то перешептывались. Забава с ним заигрывала, а тот огрызался, и шутливо шипел на нее. Мило. Даже тут они нас повторяли. Я тут, вдруг, задумалась, а сколько Забаве... дней от роду. Я так понимаю, она уже вылупилась, когда ее привели на площадку избрания. Спрошу господина Лахрета. Он точно знает.

Мы зашли в аудиторию и заняли свои места почти перед самым звонком на урок. Сразу после него в аудиторию вошел наш преподаватель, и я повернула голову в его сторону. Я как-то успела забыть, какой он... красивый и мужественный. Я невольно застыла и задумчиво принялась его рассматривать. Помню, он мне понравился с первого взгляда. Умный, доброжелательный и веселый человек. И эти черные глаза. Когда он смотрел, мне казалось, что я проваливаюсь в бездну. Выглядел он снова безукоризненно. Одет все в тот же костюм, что и вчера. Таков устав. Он прошел, мило улыбнулся всем. Положил на стол коммуникатор и еще что-то, я не рассмотрела.

— Добрый день, студенты. Как вам новый день? Уже в головах развиднелось?

— Ага, особенно после этики! — кинул кто-то сзади, вызвав волну сдержанных смехов.

Я не стала оглядываться. Но это вызвало улыбку даже у господина Лахрета. Когда он улыбался, глаза его становились добрыми и притягательными. Так и хотелось в них смотреть и смотреть. Интересно, а сколько ему лет? Вроде не сильно "зрелый". Хотя... В мире, где нет старости, о которой знаю только я, возраст особо не играл роли. Они просто уходили из жизни и все. Может, ему около пятидесяти? Это лишь мое предположение. Будет ему сто пятьдесят, и он будет выглядеть так же. А вообще о чем это я? Почему меня это так заинтересовало? А он тем временем произнес:

— Ну, что, учащиеся, пока мы не начали, есть ли у вас ко мне вопросы?

Я сразу подняла руку.

— Прошу вас, иата Лана, — он вежливо склонил в мою сторону голову.

— Скажите, пожалуйста, а сколько моей Забаве... дней?

Он улыбнулся. От его улыбки в животе протестующе свело, и от этого я удивленно сжалась. Странная реакция на этого мужчину. Особенно когда он смотрел на меня.

— Вы имеете в виду, сколько проходит времени после вылупления ниясыти прежде чем ее приведет королева-мать на площадку избрания? — я ему кивнула. — Стандартный месяц. Тридцать два дня. В это время королева-мать продолжает заботиться о своих малышах, пока они не достигнут ферментного периода. Тогда они начинают требовать от нее... друга. Королева же решает, давать им это или нет. Конечно, королевы, имеющие свою шиасу, просят о помощи людей, — он говорил довольно снисходительным тоном, но я не чувствовала от этого дискомфорта.

— А есть дикие ниясыти?

— Есть.

— А где они обитают?

— В основном в горах Градасса. Где это, вы знаете. Но пока давайте на этом остановимся. Еще о происхождении ниясытей мы будем проходить дальше. Сегодня я хочу с вами обсудить процесс сна наших любимцев. Вы, наверное, заметили, что биология у вас сегодня снова поставлена? Дело в том, что вам в самом начале необходимо ознакомиться с основными особенностями ниясытей. Итак, первый вопрос к вам. Скажите, что вы понимаете под словом "сон"?

Кто-то сзади из девушек поднял руку.

— Пожалуйста, только прежде назовите кто вы и имя вашей ниясыти. В дальнейшем прошу вас без моих напоминаний говорить мне то же прежде, чем ответить.

— Пернона Груг, нира Ли, — я оглянулась специально, чтобы посмотреть на нее.

Она была невысокого роста, слишком худая, с янтарными глазами. Волосы у нее, в отличие от меня, не так закрутились, были лишь волнистыми. А мне же будто мелкую химию сделали. Она ответила:

— Сон, это состояние, в процессе которого существо не бодрствует. Обычно в этом состоянии ему что-то снится.

Лахрет кивнул.

— В целом, если просто сказать, то сон — это действительно состояние отсутствия бодрствования. А если сказать по-умному, — он улыбнулся своей интересной улыбкой, приподняв лишь один уголок рта, — это естественный физиологический процесс пребывания в состоянии с минимальным уровнем мозговой деятельности. Это физиологическая потребность живого организма. Как сказал когда-то мой преподаватель — это глубокое охранительное торможение, предотвращающее переутомление и истощение нервных клеток. Когда организм спит, в нем происходит ряд важных изменений. Вообще о сне можно говорить очень и очень много. Немало ученых бьются над загадкой сна. Проводят исследования и опыты. До конца, конечно, на сегодняшний день, это состояние не изучено. Я вам сегодня расскажу то, что уже известно нашей науке о сне. Ну, по крайней мере, ее толику. Как вы думаете, насколько для нас важен сон?

Поднял руку Март. Назвался. Продолжил:

— Без сна мы умрем.

— В принципе так и есть. Достаточный сон жизненно необходим для поддержания и укрепления здоровья, для восстановления работоспособности, — преподаватель сделал паузу и оглядел нас всех. — Кому нравится спать, поднимите руку.

Все подняли руки.

— Я так и думал, — его добрая улыбка растопила мое сердце. — Для чего я затронул эту тему для вас сегодня в свете общей изучаемой нами темы о физиологии ниясытей? Молодые ниясыти спят чрезвычайно много в день в среднем до двух лет. В это время они интенсивно растут. Фаза бодрствования у них составляет всего лишь шесть часов в сутки. А то могут и меньше. Почему вам это надо знать? Все связано с ферментом, который они выделяют во время сна, и является основным звеном в вашей с ними связке. Особенно важен в этом вопросе именно этот их "сонный" период. Да, господин Март.

— Так что же, выходит, и мы тоже будем с ними столько спать?

— Правильный вопрос. Мой ответ — нет. Вы можете с ними спать столько, сколько требует ваш организм. Восемь часов. Этого достаточно. Важное условие — находиться с ними рядом ночью. Именно во второй фазе своего сна малыши выделяют максимальное количество нужного вам вещества связи с ними и чутко спят. В первой фазе они засыпают очень быстро и их почти нереально разбудить. Именно в это время они растут.

— А что от нас требуется? — спросил Магон Тао.

— Еще один верный вопрос. От нас требуется их уложить. Все. Продолжаем учиться. Потом мы приходим и ложимся спать как обычно.

— Ничего сложного, — кто-то буркнул.

— Точно, ничего сложного. Так что, после нашего занятия на обеденной перемене вы ведете малышей в столовую, сами кушаете и их кормите. После чего вы сразу же ведете их к

себе в комнату, укладываете, ждете пока они отключатся. Повторюсь снова, сразу ведете. Иначе вам придется тащить их на себе. Никто за вас это делать не будет. Потом идете дальше на урок. Инструкции ясны?

Все закачали головами. Всё предельно ясно. Потом он начал лекцию о сне и тех процессах, проходящих в организмах наших малышей, когда они спят. Лекция пролетела на одном дыхании. Я слушала с открытым ртом.

Прозвенел звонок. Господин Лахрет остановился и произнес на прощание:

— В общем, вы поняли, что вам делать? Не забывайте свои вещи. До следующей встречи, — он взял свой коммуникатор и еще что-то со стола и размашистым шагом покинул аудиторию.

Я зачарованно уставилась ему вслед. Что-то было в нем особенное. Притягательное. Не могу понять что, но меня приковывало к нему взглядом. Может, движения? Мимика? Или внутренняя уверенность в себе? А может, сила, которая читалась в каждом жесте. Не могу понять. И лишь после того как дверь за ним закрылась, я встрепенулась, словно проснулась от увлекательного сна.

— Лана, ты что, спишь? — услышала я голос Марта над головой. — Пошли в столовую. Мой Нук уже скоро отключится, а его накормить еще надо.

Я послушалась. В столовой снова негде присесть! Как всегда во время перерыва. Но столики с двойной столешницей у окна были свободны — видно это негласное правило — это места для наездников. Мы вчетвером, точнее восьмером, если считать наших главных подопечных, а мы — это я, Март, Лия и наш новый друг Магон Тао, соединив два стола, у ourselves в самом углу. Место довольно удобное. Видно всех, кто входил и выходил.

Магон тараторил, как пулемет. Занятный парень. Оказывается, он уже год как отучился в каком-то шиконноре, менее престижном учебном заведении, чем наш атконнор. Это что-то вроде института. Потом подал документы на перевод в атконнор и его пригласили на избрание (конечно после рекомендательного письма главного администратора его шиконнора). Так что он много чего знал о наших преподавателях по их каналам. Конечно, истории о наездниках и их личностях являются самым главным, что любит перетирать весь люд в Ире и других главных городах, где тоже есть свои наездники. Особым вниманием пользуются шиасу, кашасу, лорты, ятгоры, фаготы, а также, я не помню их титулов, но, по моему, это будут судьи, особенно верховные, министры всякие, в общем, бомонд главных городов Иридании. Значит, моя жизнь будет очень любопытна для жителей Ира. Я втянула испуганно голову в плечи. Всем будет любопытно, с кем я кушаю, как отдыхаю, что читаю, что люблю кушать и т. п. Что-то мне это не очень нравится. Но такова участь всех видных людей общества, от которых зависит судьба всей Иридании. Я подумала про себя. И как на такую тютёху, как я, можно возложить такое великое бремя власти? Я же порядка и в своей голове не могу дать, а что говорить об обществе? Может, поэтому и требование есть такое для кашасу — замуж выйти? Мужья за них правят. Я вздохнула. А в это время Магон рассказывал очередную смешную историю о том, как он сдавал экзамен в своем шиконноре. Мы смеялись, а я сквозь смех испытывала сильное волнение о своем будущем.

В раздумье я не заметила, как привычная суматоха в столовой немного поутихла. Да и мои собеседники стали посдержанней. В чем дело? Так как я сидела почти спиной к выходу, то не сразу поняла причину затишья. И лишь когда повернулась в ту сторону, куда они кидали настороженные взгляды, все поняла. В столовую заходили преподаватели. Среди них шагала одна особая парочка: господа Наран Ниасу и Лахрет Ноа. Они шли особняком и о

чем-то оживленно разговаривали. Наран что-то горячо и, эмоционально махая руками, активно объяснял господину Лахрету, а тот шел, нахмурившись, и понимающе кивал в ответ. Я обмерла, рассматривая их. Что-то заворожило меня в движениях этих мужчин.

— О! Явились! — услышала я рядом то ли недовольный, то ли боязливый возглас Магона, адресованный именно этой парочке.

Я удивленно покосилась на него:

— Чего ты так их недолюбливаешь?

— Я не недолюбливаю, — покачал головой Тао, — а побаиваюсь.

— Почему?

— Ты, что не знаешь о них ничего? — он вскинул брови. — А! Ты же ничего не знаешь... в смысле потеряла память. Ну, и я, не ахти знаю, в принципе, но от этого не менее стрёмно.

Я насторожилась и уставилась с выражением на лице вроде "рассказывай".

— Говорят, что их побаиваются все лорты. Даже сам винод (это верховный судья Ира) их побаивается.

— С чего бы это вдруг?

— Говорят, что они герои Ернонской битвы.

Я зависла. Что за битва? Неужели ириданцы воюют? Приехали.

— Какой битвы?

— Ты не знаешь, — Магон сделал страшные глаза, — про Ернонскую битву?!!

— Представь себе! — я недовольно выдвинула челюсть.

Сколько можно уже им объяснять?!!!

— А! Прости! Запамятовал опять. Так вот, знай Лана. Иридания с незапамятных времен ведет войну против таракров.

— Таракров? — я уже слышала когда-то о них, но не придавала этому никакого значения. — Кто это?

— Это наши враги. Нам на уроках истории куратор должен об этом рассказать подробнее. Но каждый в Иридании знает про таракров. Ими даже детей пугают, если те не слушаются родителей. Они населяют остальные материки нашей планеты. Наш — только Иридания. Так вот десять лет назад была решающая битва при Ерноне. Там мы прогнали таракров полностью из Иридании, и тогда же была закрыта граница и запущено защитное поле, закрывающее наш материк от любого проникновения.

Я округлила глаза. Вот этой стороны Иридании я никак не знала. Ровным счетом.

— В те дни погибло ужасающе много наездников. И численность ниясителей сильно сократилась, — подтверждающе кивнул Март.

— Еще с тех пор их стало мало выклеиваться. Королевы начали реже летать в свои брачные полеты. А молодые — выбирать себе наездниц, становясь нирами, — закончила Лия. И на самом деле никто не знает причины такой реакции королев.

— Да-да! — активно закивал Магон. — Говорят, что кто-то давит на королев. Скорее всего одна из сильных. Но это остается в страшной тайне, — сделав страшные глаза, Магон говорил почти шепотом, как будто затронул особенно щекотливую и запретную тему.

Голова шла кругом! Иллюзия идеального мира рухнула как карточный домик в моем воображении. Получается, к нынешнему состоянию Иридании приходила через страдания и боль. Я потупила взор и опять не заметила ступор своих друзей. Пришла в себя только после того, как услышала знакомый голос. И в коем-то веке это был не Наран Ниасу!

— Господа студенты, вы, наверное, обсуждаете действительно что-то важное, раз не заметили, как ваши подопечные начали засыпать? — я подпрыгнула на стуле, грохнув столешницу коленом, и вскинула глаза.

Под черными глазами господина Лахрета я ссутулилась и прикусила губу. Он обвел укорительным взором всех сидящих за столом и остановился на мне. Мне что ли отвечать? Я же лишь озадаченно бухыкнула и скосила глаза на Забаву. Та уложила голову мне на колени и действительно... заснула. Я так быстро привыкла к тому, что ее голова постоянно покоится у меня на коленях, что даже не заметила, как она заснула. Что делать? Я толкнула ее и произнесла вслух:

— Эй, Забава! Проснись! — та даже веком не дрогнула. — Эй! Проснись, соня! — и услышала над ухом прыск.

Подняла глаза. Господин Лахрет, а за ним стоял и сам куратор, мило улыбались. Я на Лахрета. Тот сказал с небольшим укором:

— Видимо, вы не слышали сегодня на лекции, что если ниясыти засыпают и входят в свою первую фазу сна, то их разбудить практически невозможно?

Чтобы не встречаться взглядом с преподавателями, я усиленно начала тормозить Забаву. Та ни в дугу! Тогда я слезла со стула и принялась щипать ее за плечи. Та без какой-либо реакции скрутилась в клубочек и дальше продолжила сопеть в две дырочки. Мамочки! И что мне с нею делать теперь? Я оглянулась. Мои одноклассники проделывали те же самые маневры со своими сонями. Подняла глаза на куратора и господина Лахрета. Они, молча, со смешливыми улыбками наблюдали за нашими напрасными деяниями. Нет, чтобы помочь! Я села на корточки и поднесла руку к лицу, упершись локтями в колени. Придется тащить ее. Я, на всякий случай, ее еще раз потормошила. Без результатов. Сокрушенно оглянулась на старших. Мол, что мне делать? Первым ожил Лахрет:

— Вам теперь придется нести их на себе в комнату. Иначе никак.

А почему они не хотят хрупкой и беззащитной девушке помочь понести? Они ясным делом не намеревались этого делать. Я горестно вздохнула и попыталась поднять свою «незначительную» проблему. Та прогибалась под руками как силиконовая. Я кряхтела, пыхтела, дулась, стонала. В общем, кое-как оторвала ее от пола и закинула на плече. Хорошо, хоть она крылья держала сложенными. Посмотрела на других. Те тоже проделали те же процедуры. Забава весила килограмм двадцать. Бросила взгляд на старших мужчин. Те не шевелились, пристально наблюдая за моими стараниями. Вот же! Явно забавляются. Видно по их веселым лицам. Почему не помогают своей кашасу?! Я возмутилась:

— А может, вы мне поможете?

— Зачем? — злорадно бросил Наран. — У вас неплохо получается!

— Мы не имеем права вмешиваться в ваш химический обмен, — даже с сочувствием покачал головой Лахрет, но не перестал задорно тянуть губы. — Мы можем его затормозить. Вам придется самим нести.

Я оскалилась. Может, это и не престало кашасу, а мне можно. Деловито задрала голову и покряхтела к выходу. Тут меня осенило. Я же до сих пор не знаю, где мой дом. Куда гордость делась? Оглянулась. Наран и Лахрет продолжали следить за нашей потешной компанией. Я скромно произнесла:

— Я не знаю дороги.

Наран хмыкнул и двинулся в нашу сторону. Меня удивило, что Лахрет тоже шевельнулся к нам. Неужели они оба меня будут провожать? Всмотрелась в лица обоих мужчин. В глазах

Нарана блестяло раздраженность. Лахрет сочувствовал и тепло улыбался. Что же произошло с господином куратором? Почему он с утра был таким... недовольным? Я продолжала пребывать в недоумении. Если честно, то я меньше всего хотела, чтобы он провожал меня. Но... случилось то, чего я не хотела. Наран оглянулся к своему другу и что-то сказал. Тот согласно кивнул и пошел в сторону окна для заказов. Внутри все опустилось. Но деваться было некуда. Куратор обошел меня со спящей сомнамбулой и открыл входную дверь в столовую. И мы всей веселой наполовину спящей компанией, во главе которой бодро шагал фагот, покинули столовую и отправились к лифту. В нем никто не проронил ни слова. Сначала доставили меня. Куратор вышел первым. Открыл дверь в комнату. Я думала, что упаду от усталости. Все-таки Забава не пушинка! Он впустил меня в комнату и, не сказав ни слова и не заходя, закрыл дверь. Да что с ним такое?! А ведь только начал мне нравиться. Ох, уж эти мужчины! Пойми, что они думают. Я доскребла до кровати и бросила сонное бревно на мягкую постель. Та даже не дернулась. Вытянулась рядом. Все! Больше ничего не хочу. Усну тут рядом с Забавой, и будь, что будет. Фии в комнате не оказалось. Я устало закрыла глаза и мгновенно вырубилась, даже не заметила. Пусть фермента в первую фазу сна ниясыти выделяют и мало, но мне и этого хватило.

Меня разбудила вибрация моего коммуникатора. Я вздрогнула и нехотя открыла глаза. Ответила. Это был мистер куратор. Чтоб ему пусто было! Я хочу спать!

— Да, — ответила я сонным и хриплым голосом.

— Где вы? Почему вас нет на лекции?! — гнев обжег меня даже через коммуникатор.

Я возмущенно уставилась на экран с именем куратора на нем, словно видела его яростное лицо. Скривилась, продемонстрировала язык и закатила очи горе. Я так спать хочуууу!

— Я сплю, — ответила я и отбилась.

Коммуникатор снова зажужжал. Я недовольно отбилась опять и, полностью отключив его, забросила на диван. Пусть не мешает. И сразу выключилась. Через время меня вновь кто-то попытался разбудить. Я принципиально не открывала глаза и, загребши Забаву в охапку, продолжила спать дальше. Еще через некоторое время опять кто-то приблудился в комнату и принялся меня стаскивать с кровати. Еще чего! Я пиявкой вцепилась в Забаву и раздраженно отмахивалась нижними конечностями. По-моему даже во что-то мягкое заехала. После этого меня оставили в покое. Спасибо им. Я спала крепко и беспробудно до самого следующего утра.

*** **

Следующее утро оказалось тяжелым на подъем, но Фия справилась успешно. Накормила. Напоила. Передала, как радужно, виртуозно и на все лады склонял меня господин куратор. Именно он удосужился вчера днем прийти и попытаться пробудить меня ото сна. Безуспешно. Ушел удрученный и с синяком где-то ниже талии. Вот какая я проказница! Проспала вчера я первую лекцию по химии и программирование. Я просто в диком восторге! Правда совесть моя спокойно молчала и стояла безразлично в сторонке. Но на глаза куратору лучше не попадаться. Только как это сделать, если первый предмет у нас всегда физическая культура? Кралась к раздевалке, как шпион. Оглядывалась с опаской по сторонам. Лишь бы куратора увидеть не наедине. При всех он не будет меня слишком бранить. Крадусь, а внутри все затянато в тугой узел. Кстати, Фия меня научила лифтом пользоваться. Первая кнопка — корпус. Вторая — этаж. Оказывается все так просто! А мой этаж самый последний верхний в четвертом корпусе. Уже одним легче. Забава тоже кралась,

как кошка, прижавшись к полу. Тоже мне — дети шпионов! А я еще вышла на всякий случай впритык. Меньше посторонних глаз...

В раздевалке все девочки уже переоделись и о чем-то шумно галдели. Видимо, было, что перетереть. Меня, например. Я почему так решила? Как только я вошла, они притихли. Точно обо мне сплетничали! Так! Начинаю привыкать к дискомфорту. Гляжу, одна Лия стояла у окна в стороне и все возмущенно косилась в сторону общей массы женской части группы. Наверное, она их не поддерживала. Молодец. Нечего сплетничать у меня, ее подруги (я решила, что некоторое время, проведенное за столом, сблизило нас), за спиной. Увидев меня, она махнула рукой. Я кивнула ей в ответ и покосилась на одноклассниц. Даа. Немного будет у меня друзей, видимо. Вы бы видели их глаза! Я прямо почувствовала их зависть и презрение. С чего бы это? Что я им сделала? На ногу не наступала.

Я прикусила губу, открыла свой шкафчик и... остолбенела. Моя форма была почти вся изодрана, словно Тузик тряпку терзал. Я потрясенно распахнула рот и отшагнула назад. Уперлась в лавочку, стоявшую посреди раздевалки. Рухнула на нее. Кто? Это был единственный мой вопрос. Бросила взгляд на Лию. Та вытянула удивленно лицо, заглянув в мой шкафчик и пожала плечами, а в голове возник мыслеобраз, что она пришла последней и слышала что-то, но не поняла идеи. Я нервно сглотнула. Повернулась к девочкам, возмущенно вперив в них взгляд. Почему-то среди всех выделилась одна красотка с надменным взглядом. Она демонстративно хмыкнула, перекосив односторонней ухмылкой милое личико, и с гордо поднятой головой направилась в зал. Остальные последовали ее примеру, оставив нас с Лией наедине. Первая моя реакция — не идти на урок. Ну, его! Не привыкать прогуливать. Тем более куратора не хочется видеть. Лия села рядом и положила ладонь мне на колено.

— Лана, прости меня, я не знала, что они порезали твою форму.

— Не переживай, я о тебе ничего не думала. Вот только что теперь делать? Я и так опоздала. А тут эта форма... Слушай! А ты вчера на лекциях была?

Она кивнула.

— Мы тебя выглядывали. Господин куратор раз пять заглядывал. А ты так и не появилась. Ты что, заснула?

— Ага, — ответила я, заговорщицки подмигнув ей, как тут прозвенел звонок на начало занятий.

Я вздрогнула.

— Хочешь, я останусь с тобой? — она заглянула мне в лицо.

— Нет. Ты иди. Я не хочу, чтобы из-за меня у тебя были проблемы. Я тут посижу, помозгую.

— Но...

— Иди, — я слегка толкнула ее в плечо.

Она покорно встала.

— Тогда ты все равно приходи. Так будет лучше.

Я кивнула ей и уставилась снова на свою несчастную форму. Смотрю на нее и думаю. Решила рассмотреть поближе. Достала. Развернула. Штанишки порезаны чуть ниже бедер на коленках и низ искромсали. А гольф — так тот пострадал меньше. Сбоку чуть-чуть и низ изрядной бахромой. А так — креативненько даже. Придумала! Одну. Весело будет. Интересно, как куратор отреагирует? В общем, переоделась. Осмотрела себя со всех видимых мест. Вроде, все неприличные места прикрыты. А остальное... тела лишь

мелькают в свободных халявках моих штанов. Ну, вперед!

Только я, значит, дверь толкать... Бум! Ой-ooo! Кого это я там? Выглядываю. Придерживает ногой дверцу, угадайте кто? Правильно. Куратор. Глазища у него! Искрами сыплются. Брови — одна сплошная линия. Лоб весь в яростных морщинках. Как же легко моя личность приводит его в состояние гнева. Я, выглядывая из-за двери, виновато ресничками махаю.

— Господин куратор, простите меня, пожалуйста. Я задержалась. У меня вышел один конфуз... Разрешите присоединиться мне, чувствующей всю глубину вины и раскаяния, кашасу Лане Арамс, к занятиям по физкультуре? — я нарочно упомянула свой новоприобретенный титул — может, это его немного охладит?

Вышло. Лоб его расслабился. Брови ушли на место. Глаза прищурились. У меня отлегло.

— Немедленно в строй! — он отшагнул, дал мне выйти и узрел... чудо в лохмотьях.

Я глазки сделала еще виноватей. Брови домиком.

— А это что за вид?! — его голос потрясенно дрогнул.

Сердце ухнуло в пятки, а там и по полу недалеко поскакать. Вполне возможно, это скоро произойдет. Я-таки подняла глаза и виновато шепчу:

— Это не я. Я форму уже в таком виде обнаружила... Я подумала так надо... и одела.

Он раздраженно прыснул. Понял. Не стал меня ругать. Дошла до него и причина моего опоздания. Убила двух зайцев! Я тут и подумала, может, этот казус и хорошо, что случился. Наш бедолага-куратор переключился уже с вчерашнего моего прогула на мой вид. Забавно. Кстати, о забавах. Забава тоже стояла рядом и так виновато смотрела на Нарана. Как мило! И она чувствовала вину. Ну, не одной же мне отдуваться. Куратор озадачено почесал подбородок, осмотрев меня сверху донизу. Теперь пускай он думает, что делать. Не мой геморрой. Наран порывисто выдохнул. Решил что-то для себя.

— Ладно, занятия важнее, чем ваш внешний вид. Сейчас отзанимаемся, а потом решим, — он кивнул в сторону стоявших в празднестве студентов моей группы.

Я с удрученным видом пошлепала туда. Наран обогнал меня, первым подойдя к группе учащихся и их малышей.

— Девочки, я хочу, чтобы вы мне сами сказали, кто вот это сделал, — произнес Наран, указав в мою сторону. — Лучше самим признаться. Вы же знаете, я разберусь. Будет хуже, — его голос звенел металлом.

Даже я вздрогнула. Одна вышла вперед:

— Господин куратор, мы здесь ни при чем. К шкафчику иаты никто из нас не подходил, — ее звали Саргона Ти, а ее ниясыть — Луна.

— Врешь! — кинула Лия. — А почему вы так шептались перед ее приходом? Косились на ее шкафчик?

— Я сказала, что мы здесь ни при чем, значит, так и есть, — Саргона выглядела просто великолепно.

Красиво — мало сказано. Осиная талия, крутые бедра, голубые, как небо, глаза, черные вьющиеся волосы, длинная шея и пухлый сладкий ротик. Обычно возле таких «звезд» я чувствовала себя страшно некомфортно, осознавая, как неказиста по сравнению с ней я.

Девушка гордо подняла голову и из всей ее позы брызгало презрение к Лии. Тут зашевелилась другая, по-моему, Пернона Груг:

— Я пришла первой, господин куратор. Когда я вошла, из комнаты выходил какой-то молодой человек в форме студента. Но я его никогда не видела.

Наран нахмурился. Посмотрел в мою сторону. Поджал нижнюю губу в раздумье. Снова повторил ту фразу у раздевалки.

— Ладно, потом разбираться будем. А сейчас занятия.

Вторым уроком у нас поставили технику. Опять новый предмет. Сколько их?! Я же ничего не упомяну. Вел ее, как и говорил, господин Лахрет. Занятия начались в аудитории по теории техники. Потом, вроде, обещали, что будет и практика по технике. Я зачаровано следила за тем, как вошел господин Лахрет. Что-то было новое сегодня в нем... Вроде, все то же самое, и в то же время нет. Я невольно принялась разглядывать весь его силуэт. Мой взгляд упал на его широкие плечи, могучий торс. Чего это на меня нашло? Мамочки! Я начала рассматривать мужчин вокруг себя! Это, наверное, после того разговора с господином куратором. Каким-то образом это сказалось на моем подсознании. Я принялась анализировать мужчин. Прицениваться. Называется, если ничего не можешь изменить, то измени свое к этому отношение. Возможно, другая, более гордая и самоуверенная девушка, противилась этой идее навязанного брака, а мне даже начала нравится она. В этом есть даже какая-то интрига. А что если попробовать действовать в этом направлении, но все равно по-своему? Мысли побрели куда-то в глубокие дебри. Я так абстрагировалась, что не заметила, как Лахрет начал говорить. Я не слышала и того, что он говорил. Пока... он не глянул на меня. Я вздрогнула, словно обожглась. Смущенно опустила взгляд на Забаву. В отличие от меня, она следила за каждым движением преподавателя и очень внимательно слушала.

— Повторите, пожалуйста, иата Лана, о чем я только что сказал, — его голос хоть и был доброжелательный, но за учтивостью прятались нотки метала.

Я широко распахнула веки и озадаченно открыла рот. Сложно отвечать то, чего не слышал. Лахрет подошел к своему столу, оперся на него правой рукой и вперил в меня изучающий взгляд. Ждет. Я сконфуженно покосилась на Забаву, мол — выручай. Она почувствовала мой призыв и передала мне: "Он говорил, что сегодня мы будем коротко рассматривать теорию движения и принципы действия механизмов флайера малой тяги". Я повторила все слово в слово. Он кивнул и произнес:

— Хорошо, хоть Забава слушает, а то совсем бы потерялись в сегодняшнем материале, — ироничная улыбка коснулась его красиво очерченных губ.

Сразу видно, что с Нараном общается. Даже поддевки его. Я скорчила гримасу. Он хмыкнул и продолжил дальше распинаться в разных технических словечках. Интересно, а он заметил, что я его рассматривала?

"Он много чувствует", — услышала я в голове довольно уважительный голос Забавы и невольно повернулась к ней.

С чего это она так уважает его? Она лишь невинно моргнула.

Я погладила ее по голове и услышала довольное урчание. Как это здорово — гладить Забаву! Скользить по горячей шелковистой шкуре, ощущать легкую вибрацию от ее урчания. Опять я улетела в своих мыслях. Слышу, кто-то остановился возле моей парты и я... я услышала его аромат, то есть аромат господина Лахрета. Он напомнил мне что-то очень далекое... из моего забытого прошлого. Сразу в голове возник образ леса. Там росли деревья. Высокие. А листья длинные и тонкие, как иголки. Мы их называли соснами. Голова закружилась от запаха и воспоминаний. Вообще, я, конечно, очень остро начала слышать все запахи. Особенно наездников. Одни меня раздражали. Другие — дурманили, как например, запах куратора. Ванильный такой. А этот... я вдохнула глубже, и сердце сжалось в восторге

от тяги к тому давнему воспоминанию. Вот бывает же такое, когда обоняешь какой-то аромат и мозг сразу выдает тебе воспоминания и ощущения того мига. Так случилось со мной и сейчас. Аж голова закружилась от этого. Я понимаю, что это личный запах ферментации, и он пропитывает своего наездника им насквозь, как и меня. Но от этого голова не перестала кружиться. Говорю я много о своих ощущениях, а вот прошло ровно пол секунды, как он подошел.

— Где же вы, госпожа Лана, сегодня летаете? — спросил господин Лахрет.

Я вздрогнула и оглянулась на других. Что они подумают обо мне? Потом я рассеяно подняла глаза на преподавателя. Он смотрел на меня сверху вниз, от чего казался еще более внушительным. Даже пугающим. Я не смогла ничего ответить. С губ слетали лишь невнятные звуки.

— Это она отходит от физры, точнее от испорченной формы, — кто-то хихикнул в сторонке.

Думал, что что-то остроумное сказал. Лахрет резко повернулся к источнику трансляции. Нахмурился. Когда он хмурил брови, его добрые глаза становились суровыми и не обещающими ничего хорошего. Тогда становилось жутко не по-детски.

— Кто?! — одно слово, но все всё прекрасно поняли.

Он спрашивал о виновнике. Странно как-то. Когда спросил Наран, я почувствовала раздражение и испуг. А когда спросил Лахрет, я захотела рассказать и то, чего не знала. Он всем своим видом вызывал необычное чувство покорности. Почему? Я следила за каждым его движением. Все молчали. Я кожей почувствовала, что Лахрет начал сердиться. С чего это вдруг? Каким боком это его касалось?

— Я ясно спросил? — его голос стал тверже.

— Простите, господин Лахрет, но никто не знает, — ответил все тот же голос.

Он еще сильнее нахмурился.

— Что сказал господин куратор?

Это выглядело уже как допрос.

— Что разберется.

Я смотрю на него, а сама себе в голове произнесла (я точно знаю, что про себя): "А чего это вы так гневаетесь, господин Лахрет? Ведь не вашу же форму-то порезали!" Он резко повернулся и пронзил меня своими черными глазами. Я приникла. Неужели он услышал?! Не может быть! Меня никто не слышит! Он продолжал смотреть на меня секунды две, и потом я услышала четко в голове:

— Я считаю своим долгом требовать от всех учащихся полного уважения к кашасу. Пусть еще молодой и неопытной, — у меня от его голоса мысли внутри все скукожилось и в изюме превратилось.

Глаза широко распахнулись от удивления. Я нервно сглотнула. Мигаю веками и чувствую, как растет невольный страх. Он дрогнул и отшагнул от моей парты, словно почувствовал мой испуг. Тут же стало легче дышать. Я четко для себя уяснила, что лучше не гневить господина Лахрета! Оказывается, он во гневе страшнее Нарана Ниасу. Тот горит, но я не обжигаюсь, этот только на миг чуточку вспыхнул, а я уже приникла. За его доброй и учливой улыбкой таилась большая сила. Лахрет оглянул скользящим взглядом всех в аудитории и произнес:

— Надеюсь, что вы, господа учащиеся, понимаете, с кем учитесь? — даже я под этим тяжелым взглядом, вдруг, поняла, что я имею честь учиться сама с собой! — Кашасу, если

вы еще помните, в нашем обществе обладает грандиозной властью. Если она только потребует от любого преподавателя того, чтобы вы всю свою учебу здесь мыли вручную общественные туалеты, то ее волю выполняют без вопросов. Никто не захочет спорить с ней о том, что вы не виноваты! — я даже сглотнула. Неужели я обладаю такой властью?

— Но выше власти шиасу есть власть Парламента и Высшего Совета, — услышала я робкое возражение в конце на задней парте все того же смельчака.

— Господин Паре, — интонация Лахрета прозвучала мягче, но от того стало еще страшнее, — а вы в курсе, кто входит в состав координаторов Парламента и Высшего Совета?

— Группа лортов, — голос Паре был хриплым.

— А кто влияет, если захочет, на мнение лортов?

— Шиасу, — Паре ответил уже отрешенно.

— Вывод, я думаю, вы сделаете сами. Не мне вам рассказывать уклад нашего общества, уважаемые учащиеся, — последние слова, словно обухом по голове.

Нет! Ну, может же этот человек вот так глянуть и все! Все уже бегут, спотыкаясь, исполнять его приказ. Так, тихо и уверенно говоря, он положил всех на лопатки.

— Но мы-то не виновны в испорченной форме иаты Ланы! — буркнул, желая оправдать себя, Паре.

— Ваше счастье, — ответил Лахрет. — Это на самом деле не шалость, а довольно серьезный инцидент. Если вы еще не в курсе, в атконноре строго относятся к принятому этикету обращения с иатой. Неуважение к коронованным особам наказывается.

Я даже сама испугалась. Мне стало страшно за саму себя. А, вдруг, я сама себя обижу, то, что? я тоже буду унитазы мыть? Я так громко об этом подумала, что господин Лахрет резко повернул голову в мою сторону и громко засмеялся. Понять, конечно, его могла только я, но в обществе телепатов такое поведение было вполне естественным и принятым. Я смущенно поджала губы. Почему он меня так ясно слышит? Неужели во мне проснулся дремлющий телепат? Он быстро успокоился и вслух ответил, видимо, чтобы объяснить скорее другим причину своего смеха:

— Нет, госпожа иата, вы не будете мыть туалеты никогда.

— Это утешает, — тихо, себе под нос, шепнула я.

Он широко улыбался. Хорошо, когда он улыбается. Не чувствуешь той паники, что вызывает его недовольство. А что же бывает, когда он гневается? Я даже не хотела этого представлять. Интересно, а есть ли кто-нибудь в этом мире, кто его не боится? Кого он уважает? Кого он сам боится? Этот человек все больше и больше во мне вызывал интерес. Но в то же время и опасения. Он легко может манипулировать людьми. Это очевидно. Хорошо, если такой человек, как он будет на твоей стороне. Плохо, если наоборот. Кто он для меня? Враг или друг? Если он будет союзником, то уверена, успех обеспечен. Один такой человек стоит целой армии. Но вообще, надо ли искать его расположения или же избегать? Я решила пока не спешить и побыть в стороне. Тем более, я НЕ ЗНАЮ, к чему сейчас стремиться и чего хотеть. Потом, когда определюсь, буду думать.

Лахрет коротко посмотрел на меня. Чего он там себе подумал, я не могу даже догадаться. Но поняла одно — его в правящих кругах, как говорил Магон, не зря боятся. Затем он продолжил излагать материал дальше. После этого я слушала его внимательно. Он говорил об устройстве двигателя флайера. Единственное, что дошло до меня (учитывая, что я некоторые слова слышала впервые), что принцип его действия — это антигравитационный

излучатель с мощностью Кью-пять. Правда я не взяла в толк, что это значит. Может, величина отталкивания? Да ладно, потом пойму. Под конец господин Лахрет нам показал на изображении рубку пилота и показывал важные... мммм... как это... в общем, работу интерфейса. С моим знанием языка только в атконноре учиться!

Лекцию, можно сказать отмучалась. Началась перемена. Я встала и медленно побрела к выходу. Перед выходом внутри возникло странное ощущение, будто за мной пристально наблюдают, и оглянулась. Лахрет смотрел на меня очень задумчиво. Создалось такое чувство, что в его душе шла борьба. Но чего против чего? Просто человек-загадка. Когда наши взгляды встретились, он кивнул. Я засмушалась. Вышла. Господин Лахрет зацепил меня не на шутку. С его характером, точно, нельзя этого не сделать. Уверена, другие имели такие же чувства. В нем я увидела человека спокойного духом и умом, уверенного в себе и в своих решениях. Взвешенного и характерного. Человека, с уважением относящегося к тебе и к твоим чувствам, но нетерпящего лицемерия, неуважения и хитрости. Прямого и твердого. Он был похож на надежную гору, под которой ничего не страшно. Я таких не встречала никогда. Или, может быть, никогда. Такие люди рождаются редко. Их любят, их боятся, ими восхищаются и часто сторонятся. Я терялась рядом с ним и отнесла себя к категории тех людей, кто уважает его и боится. В итоге, внутри решила избегать этого человека.

В этих раздумьях я брела в сторону следующего кабинета по социологии. И тут меня настигла дружественная рука Марта.

— Чего нос повесила, сестрица! — я подняла взгляд на брата.

За ним шли Лия и Магон. Наверное, именно эти люди и будут моими друзьями в этом мире.

— Задумалась.

— О чем?

— Я... мне трудно было понять сегодняшний материал. Столько слов незнакомых.

— Ничего, со временем ты их поймешь и запомнишь. Нам часто придется летать на флайерах.

— А я думала, мы будем на ниясытях летать, — протянула я.

— И на них тоже. Но и на флайерах придется.

Мы зашли в аудиторию по социологии. Преподаватель Хон Цирот уже сидел за своим столом и что-то читал. Он слегка поднял глаза, когда мы вошли, кивнул и снова углубился в чтение. Я села на свое место и принялась искать в своем коммуникаторе информацию по прошлому уроку. Мне Март скинул файл...

*** **

Учеба и еще раз учеба. Полетели дни за днями. Я погрузилась в мир знаний и терминов. Следила за сном Забавы и вела себя прилежно, стараясь не обращать на себя лишнего внимания. У меня начало даже неплохо получаться. Март везде поддерживал меня. Подсказывал. Я показала ему апартаменты. Он был в ауте. Ему особо понравилась та картина с ниясытями на фоне гор и руин. Братик стал часто приходить и заниматься со мной, так сказать, на дому по предметам, которые мне давались с трудом.

Прошло две недели с того инцидента с порезанной формой. Так и не нашли виновника. Да я и не особо расстраивалась на этот счет. Подумаешь, порезали форму. Главное, что не меня. А там пусть шалют, раз нейметя. С преподавателями я виделась только исключительно на занятиях и не встречала их больше нигде. Куратора избегала чаще всех. Наран часто был подозрителен и ехиден. Но это из его недостатков. А так он весьма

тактичен и вежлив. Наведывался иногда ко мне, заставая у меня часто Марта. Он знал, что он мой брат, поэтому не возражал. Да и чего бы это ему возражать. Моя комната, кого хочу, того и вожу. С нами иногда занималась и Лия. Она больше молчала, но так весьма доброжелательна и мила. Моя Забава очень подружилась с ее Резоттой и они часто игрались на балконе вместе с мартовым Нуком. Они перенимали все черты своих наездников. Подражали нам во всем. Я восхищалась Забавой. Она меня часто выручала на лекциях. Иногда мне казалось, что учусь не я, а она. А росла она не по дням, а по часам. За две недели вымахала на десять килограмм и в росте в плечах дошла мне уже по пояс. Господин Лахрет говорил на уроках биологии, что сейчас у них начался интенсивный рост. Он у них будет идти рывками. Через пару месяцев рост немного замедлится. Потом снова они начнут быстро расти, пока не достигнут максимального роста в три года. В плечах взрослая ниясыть достигает немногим больше полутора метра. Длиной они немногим больше двух метров, это если не считать их долгой шеи и длиннющего хвоста. Интересная подробность: ниясыти — регенерирующие существа. Ну, если, вдруг, хвост отвалится или нога, крыло, то оно вырастет снова. Только голова новая не отрастает. За это отвечает особый ген. Разве не чудеса? В полтора года они должны окрепнуть так, что могут взять нас на спину. Я иногда представляла себе, как полечу верхом на моей малышке. Дух захватывало.

Когда я, наконец, влилась в обучение, и уже казалось, что ничего приключиться не может, тогда и продолжились мои злоключения. Вот так всегда, только кажется, что все устаканилось, и тут же что-нибудь тебе бац! новый шок на голову!

Это был первый день учебной третьей недели. Выспавшись в выходной день и позанимавшись недвижимостью на кровати, полежав на правом боку, потом на левом и на спинке, я принялась заниматься штурмом мозгов с новой силой. Утром, после завтрака, со свежей головой и телом отправилась с Забавой на уже привычный для нас урок физической культуры. Господин куратор пребывал в приподнятом настроении и все шутил да шутил. Он сегодня сообщил, что мы будем принимать мокрые процедуры в бассейне, поэтому мы переоделись не в спортивные костюмы, а в купальные. Даже шапочки нам выдали какие-то силиконовые, чтобы волосы не намочить.

Вот, значит, стоим возле бассейна, выслушиваем технику безопасности и правила поведения на воде. Я усердно кручу в руках свою шапочку. Тяну ее туда, сюда, в разные стороны растягиваю. Вся во внимании, сама сосредоточенность. И тут! Хрясь! Моя шапчонка на две части разорвалась. Одна часть в правой руке осталась, а вторая тью-тьюу... прямо на куратора. Ой-ёёё! Я аж присела. Что сейчас будет! Обхватила руками голову. Вот невезуха-то, а?!

— Иата Лана! — то, что голос Нарана был полон раздражения, это мало сказано. — Чтс за?!!

— Извините, пожалуйста, господин Наран! — залепетала я снизу. — Я не нарочно. Это случайно. Я не хотела, — слышу, хихикает кто-то.

Хоть кому-то весело.

— Встаньте немедленно! — он подошел.

Я вскинула голову и смотрю на него снизу. А он великаном мне видится. Покачала головой.

— Вы ругать меня не будете?

Он растерялся. Как он может ругать кашиасу? Наран протянул мне руку.

— Поднимайтесь. Я не гневаюсь. Раз нечаянно, значит, нечаянно.

Я воспользовалась его рукой. Какая она мягкая и тёплая! Стою. Смотрю в пол. Буду сегодня купаться в бассейне без шапочки.

— Ладно, — Наран повернулся ко всем. — Всё поняли? Сначала небольшая разминка. Потом заплыв. Самостоятельный и с ниясытями.

Все закивали. Ко мне подошла Лия.

— На. Возьми, — и протягивает свою шапочку.

Я поглядела на нее. У каждого из нас были разные шапочки по цвету. Моя — розовая. У Лии — коричневая. У остальных — другие цвета.

— А ты? — возразила я.

— Я сейчас схожу за запасной. Ты возьми.

Я взяла. Она и вправду пошла за другой. После разминки мы просто так поплавали в воде. Ну, кто-то, может, и поплавал брасом туда-сюда. А я вот поплюхалась в полном смысле этого слова. Март с меня так реготал! Куда там мне до него. Он себя чувствовал дельфином в воде. А мы Забавой поплавали неплохо. Я в нее вцепилась пивкой и получила массу удовольствия, покатавшись верхом хотя бы в воде. От соприкосновения с водой все малыши стали выделять много фермента, так что в зале стоял просто невообразимый смешанный, густой, насыщенный запах аро, пота ниясытей. Потом Наран нас повел наверх, на трамплины. Мы позаглядывали с них вниз. Поогокали. А я чуть не умудрилась туда ухнуть. Март вовремя меня подхватил. Даже на самую верхнюю зашли. Она возвышалась на пять метров над водой. На этот трамплин вход вел с широкой боковой лестницы по переходу вдоль стены. Все огорожено перилами, чтобы кто ненароком не охнулся вниз. Особенностью было то, что этот трамплин выдвигался прямо на середину этого огромного бассейна и, если нужно, задвигался в стену. Такой себе выдвижной трамплин. Я подошла к краю. Гляжу-уууу. Высоковато так.

— Ну, что, Ланка, прыгнешь? — Март так невзначай подтолкнул и поймал меня.

Я как заоруууу.

— Дурак! — хлопнула его по бестолковой башке. — Ты что ТАК пугаешь!

Тот ржет как ненормальный.

— Ха-ха-ха! Ты бы видела... свое... лицо!

Вот прибила бы его на месте.

— Господин Март! — строгий голос куратора его незамедлительно отрезвил. — Вы что себе позволяете?! — его тон намекал на наказание и довольно крупное.

Март выпрямился по стойке смирно, прижав руки к бокам, и вытянул лицо. Однако серьезней не стал. В глазах так и резвились смешинки. Попросил прощения. Но я плохо слышала этот их диалог, сама стою и дрожу. Вот же напугал! Куратор ограничился лишь суровым взглядом для Марта. Учел наши родственные связи. И правда, Март себе позволял со мной много лишнего. Другие вели себя очень сдержанно. Все помнили напутствия господина Лахрета про мытье туалета во все время обучения. Лия стояла рядом и облокотилась на перила. Я отшагнула поближе к ней, опасливо косясь на «злоумышленника». Тот лишь довольно подмигивал.

— Ну, что, студенты. Занятия по физической культуре подошли к концу. Идите переодеваться, — куратор указал к выходу.

Мы послушно зашагали вниз и в раздевалки. Я шла последней. Или почти последней. В арьергарде топал Наран. Таковы правила. Он завершающий. Следил за порядком. Я иду. Не оглядываюсь. Слышу, господин Наран сзади спрашивает:

— Иата Лана, как вы себя чувствуете?

— Нормально, — кивнула я, не оборачиваясь.

В последнее время я часто прятала от него глаза. Не могу смотреть на него. Странные чувства внутри у меня он вызывал. Иногда даже выкручивало. Больше он ничего не говорил. Зашли в раздевалку. Я подошла к своему шкафчику и бездумно смотрю в его содержимое. Ничего не вижу.

— Ой! — услышала я возглас Лии рядом.

Повернулась к ней.

— Что такое?

— Я не могу найти своей браслет, — она растерянно принялась оглядываться, скользя взглядом по полу.

— А ты его разве не снимала?

— Нет, — покачала она головой. — Он не портится от воды. Это мамин подарок! — она расстроено села на лавочку.

— Может, ты уронила где-то?

Лия поднесла руку к губам, а вторую в бок уперла. Задумалась.

— Я помню, что он у меня был, когда мы поднимались на верхний трамплин...

Смотрю, она уже сняла купальник и в нижнем белье стоит. Не идти же ей так туда.

— Давай я схожу, посмотрю там, а ты еще здесь поищи. Хорошо? — предложила ей свою помощь.

— Спасибо тебе большое! Ланочка! Я буду тебе так благодарна! Этот браслет очень важен для меня.

Я развернулась и пошла обратно. В купальнике. Даже шапочку не сняла. Забава заковыляла за мной. Я обернулась и велела ей подождать меня тут, в раздевалке, объяснив, что я туда и обратно. Она сперва покорно села, но потом все-таки пошла за мной, сказав, что сядет возле входа в зал и посмотрит на меня издалека. Я не стала ей возражать. В спортивном зале никого уже не было. Я принялась шарить глазами по полу по пути на тот высокострашный трамплин. Поднимаюсь по ступеням. Ищу. Повернула на переход. Ищу. Поковыляла на трамплин туда, где мы стояли с Лией, почти к самому краю. Ищу. Нет нигде. Думаю, может он булькнул в воду? Перегнулась, смотрю вниз. Не видно. А что я хотела вообще увидеть в воде с высоты пяти метров? Подняла глаза, огляделась вокруг, может быть, кого увижу? Возможно, кто-то уже просто нашел? Остановила взгляд на канатах, висящих над водой рядом возле трамплина. Обреченно вздохнула и только собралась идти назад, как трамплин резко дернулся и стал двигаться назад, уходя в стену. Я от неожиданности взмахнула руками и качнулась назад. Инерция сделала свое дело. А так как я была у самого края, то меня потянуло за край. Я звучно втянула воздух и крикнула. Мне вторил испуганный и душераздирающий крик снизу. Что-то сильно толкнуло меня из ниоткуда и отбросило вбок. Испуганные глаза увидели канаты, и я инстинктивно схватилась за один из них.

Все произошло так стремительно, что сразу не могла ничего сообразить. Медленно сознание стало сообщать мне, что произошло. Во-первых, в голове толпились испуганные мысли Забавы. Их трудно было оформить в слова. Это была паника. Страх. Ужас. Целая стихия мыслей. Во-вторых, в уме возник вопрос, а что это меня толкнуло в сторону? Ведь канаты висят немного в стороне от трамплинов. Я пыталась собраться. Мысли зайчиками прыгали в разные стороны. Забава каким-то образом оказалась снизу и прыгала на месте, пищала, курлыкала, беспокоилась. Бедолага, если бы она могла летать. А так, только

позорные махания крыльями.

— Лана! Лана! Лана! — причитала она там.

Я продолжила думать. Мой испуг ее ударил как молотом. Она моментально среагировала и... я нахмурилась. Что же произошло? Я опустила глаза вниз. Уууух! Высоко же меня забросило. Под самый потолок. Это как же так? Трамплин ниже находится. Спускаться вниз? Страшно до зюзики. Малая зовет. Просит, чтобы я слезла. А я ни в какую! Зюзики пугают, да и еще не устала висеть. Подняла глаза перед собой. Нет, ну вот скажите мне, что же случилось? Тут внизу слышались голоса, шум, топот. Я принципиально не смотрю вниз. Чего зря психику травмировать? Руками и ногами вцепилась в спасительный канат и все. Никуда. Лучше подумать о том, что же меня сюда отбросило? Сила была точно рассчитана на канаты, лишь бы я не упала вниз. Пытаюсь прокрутить в голове все снова. И тут меня осенило. Забава! Она что-то сделала. Но что? Спускаюсь, спрошу. А как спущусь? Не хочу думать. Лучше здесь побоюсь немного. Слышу снизу чей-то крик:

— Иата! Что вы там делаете? — гениальный вопрос.

Неужели не понятно? Вишу!

— Спускайтесь! — это был Наран.

Ага! Щаззз! Разогналась. Я посмотрела вниз и помотала головой. Мол, не буду, боюсь. Мне сверху не очень видно лицо Нарана, но оно было явно искажено. Могу даже представить как.

— Иата! Немедленно спускайтесь! — крикнул снова он и поглядел на топчущуюся, на месте Забаву.

— Я боюууусь! — прокричала я ему, раздирая глотку.

Он вытянул свое красивое личико. Наверное, спрашивал себя, а как же я тогда туда залезла? Сейчас я ему расскажу! Прямо отсюда, сверху. Там еще народику так собралось. Людишек двадцать. Всем же интересно посмотреть на висющую кашпасу. Вот зрелище-то! Будет же потом историй. На месяц хватит. Много незнакомых лиц. Видимо, студенты параллельного потока пришли заниматься физической нагрузкой, и попали на представление. Миленько. Наран поднял руку к затылку и почесал его. Наверное, тараканов гоняет. Варит мысли о том, что делать... Я выдохнула и вернула голову в прежнее положение. Правда, в самом деле, не все же время мне здесь висеть-то? Но пока я еще не переболялась, так что буду заниматься висением дальше.

— Как вы туда забрались? — услышала я другой голос.

Это был другой преподаватель.

— Прилетела! — мой ответ вызвал у них ступор.

А что я им скажу? Я правду им сказала. Чего врать-то? Они не поверили. Минуту была немая тишина, прорезываемая тихим скулежом Забавы.

— Ладно! Иата! Я сейчас включу механизм сбора канатов. Вы передвинетесь к стене с лестницами, — крикнул мне Наран. — Там до них недалеко, так что будет легче.

Я ничего не ответила. Пусть делает, что хочет, а я пока с паникой пообщаюсь. Она приглянулась сегодня мне. Чую, зашевелился мой канатик. В сторону двинулся. Я как заорууу! Ну, хоть от души накричалась! А где ж мне еще покричать-то? Через минуту прибыли точно по назначению, то есть к стене. А передо мною еще штукнадцать канатов. У страха глаза велики! Наран кричит, мол, перелазь по канатам к лестнице, а там можно и вниз. Он что, шутит? Ух! Шутник, однако! Гы-гы. Я еще не отчаялась. Неа. Помотала

головой. Смотрю вниз. Толпа плавно переместилась в сторону лестницы. Ну, вот честно. Людей не корми, дай зрелище поглядеть! Ну, право слово! Слышу, наконец, Наран не выдержал моего упрямства, и полез сам по лестнице вверх. Поравнялся. Теперь мне не было нужды наклоняться, чтобы поглядеть на его перекошенное личико. Правда сейчас оно хранило беспокойство, а не привычное ехидство. Это немного успокаивало.

— Лана, посмотри на меня! — о! уже на ты.

Я посмотрела. Ну и что?

— Ты можешь, глядя на меня, перелазить с каната на канат?

Глядя на него? Я почувствовала прилив смелости. Может, попробовать? Я немного посомневалась для виду. Потом кивнула и начала процесс. С одного на другой, с одного на другой. Так и приблизилась к нему. Смотрю ему в лицо. Что дальше?

— Давай мне руку, — он вытянул руку в мою сторону.

Между нами было расстояние в полтора метра. Он отодвинулся от стены, и мне осталось только дотянуться к нему. Я нахмурилась. Стрёмно.

— Не смотри вниз. Я удержу тебя. Не бойся. Доверься мне.

Его глаза решительно устремлены на меня. Он был уверен и я поверила. Потянулась. Взялась за теплую руку и... мамочки! он притянул меня к себе вместе с канатом, а там я достала сама до перекладины. Поставила ногу и перекинулась вся. Фух! Теперь я на лестнице. Уже легче. Я поглядела опять на него. Наран указал взглядом вниз. Послушно полезла вниз. Нерешительно и медленно, но полезла.

Внизу куча рук стащила меня на пол. Стою, трушусь, как зайка, пугливо глаза таращу. Забава меня чуть не свалила с ног. Милая моя Забава. Я стала перед нею на колени и обняла за шею. Так страшно было. Но теперь она рядом и все в порядке. Она встревожено попискивала, терлась головой, а я ее гладила. Теперь все хорошо. Теперь все в порядке.

Рядом стал Наран, и я почувствовала, что теперь пришел черед объясняться. Я поднялась и посмотрела на него. Нас, молча, окружил честной люд. Все ждали ответа. Я не знала, что говорить. Начала как попало:

— Я пришла на трамплин искать Лиин браслет. Трамплин стал собираться и я не устояла и начала падать вниз. Потом меня что-то кинуло на канаты. Я повисла на них. Все.

По мере моего объяснения лицо Нарана гневно вытягивалось все сильнее и сильнее. Он этого никак не ожидал. Нахмурился. Напрягся. Я поняла, что явно это не случайное произошло. Но тогда, почему? И кто? А еще этот толчок... Что это?

— Как вы себя чувствуете? — спросил он после минутного размышления.

— Не знаю... меня всю трясет. Но ничего больше не болит, — ответила я.

Наран резко повернулся к другому преподавателю. Тот покачал головой. О чем-то бранились мысленно. Я спиной почувствовала гнев куратора. Выходит, то, что со мной произошло, это серьезный инцидент. Он угрожал моему здоровью и жизни. Хорошо, что все обошлось. Но, что было бы, если бы я плюхнулась в воду? Убиться не убилась, но покалечилась бы сильно.

Когда господин Наран закончил разговор с другим преподавателем, взял меня под руку и повел прочь в раздевалку. Забава не отставала ни на шаг. Я постоянно оглядывалась на нее и пыталась понять ее чувства. Но кроме бесконечного волнения и страха я больше ничего не видела в ее детской головке. Ее расширенные глаза, поднятые вверх, переливались синим перламутром. Это говорило о ее глубоких переживаниях.

Когда мы вошли в раздевалку, там никого уже не было. Даже Лии, что весьма меня

озадачило. Я же обещала ей найти браслет. Почему она меня не дождалась? А может... неужели она все подстроила? Я не успела развить в голове эту тему, так как Наран усадил меня на лавочку и сел рядом с твердым намерением серьезно поговорить. И ничего, что я еще не переоделась? Уже прозвенел звонок с занятий и на другие занятия. Долго же мы промучились там. Но Нарана это не особо волновало. Лицо его немного выровнялось. Он взял себя в руки. Спросил:

— Вы кого-нибудь видели в зале?

Я покачала головой, что его озадачило. Опять тот взгляд, который у него был, когда порезали мою форму. Вот ему задачка.

— Хм... странно...

— А могу я вас спросить? — поинтересовалась я.

— Да, — он глянул на меня, словно вырвался из сна.

— Скажите, пожалуйста, а что меня кинуло на канаты?

— Забава, — он ответил так, как будто в этом не было ничего поразительного.

Я так не считала, удивленно воскликнув:

— Как?

Он немного удивился моему незнанию, а потом сообразил.

— Каждая ниясыть обладает телекинезом. Он является их генетическим наследием. Проявляется он у разных особей по-разному. У королев практически с рождения. Они обладают им почти в совершенстве. Чем старше королева, тем крупнее предметы она может поднимать. Можно сказать, Забава спасла вас от серьезных травм.

Я уронила челюсть. А почему же она тогда не демонстрировала своих способностей раньше?

— Ты не просила, — услышала я обиженный голос в голове.

Я посмотрела на нее.

— А если я попрошу, ты сделаешь?

— Да.

Я шокировано вскинула брови. Надо же! Оказывается, я еще столько о них не знаю. Пока я беседовала с Забавой, Наран о чем-то глубоко задумался, потом звучно хлопнул ладонями по коленям и встал. Бросил что-то вроде: "Переодевайтесь и идите на следующую лекцию. Я сам разберусь" и ушел. Я покорно переоделась, двигаясь как во сне. Затем отправилась на химию. Забава уже к тому времени успокоилась, но не отводила с меня глаз ни на секунду. Всю дорогу я ей твердила, что уже все позади и не нужно так сильно переживать. Молния в одно место дважды не бьет, так что со мной сегодня точно ничего не может произойти.

Остальной день прошел как в тумане. Через час уже весь атконнор знал об этом инциденте. Гудели все. А мне было все равно. Я мало что слышала на занятиях по химии и этике. Пошла сразу по их завершении в комнату. Попросила Фию на большой перемене Забаве покушать принести. Уложила ее спать. Та засыпала плохо. Боялась, что я уйду, и со мной что-то случится, а ее рядом не будет, чтобы спасти.

— Ух, ты моя спасительница, — глажу я ее. — Все со мной будет хорошо. И я теперь сама без тебя ходить не буду. Со мной будет Март. Ты же ему веришь? Он меня обязательно защитит. Так что давай, засыпай. Закрывай глазки и спи.

Она послушно закрыла глаза под мое тихое пение. Она так любила, когда я ей пела колыбельные! Этот обычай я ввела совсем недавно, когда рассказывала ей о своей любви к

песням. Она попросила меня ей продемонстрировать, что это такое. Когда я ей спела, она заявила, что ей очень понравилось и хочет, чтобы я ей пела перед сном. Мое пение ее успокаивает. Через пять минут она уже спала беспробудным сном. Я умиленно полюбовалась на нее и пошла на следующее занятие — историю.

Ее у нас вел господин Наран. Мне нравилось, как он ее преподавал. Еще на первом занятии (в смысле на том, что я была, так как вводное я пропустила) он поведал нам кому знакомые, кому не очень, но явные истины истории Иридания.

Известная всем история началась около трех тысяч лет назад. До этого мало что известно. Лишь легенды и присказки. Согласно им, на Заруне когда-то существовало две расы гуманоидов. Точнее не расы, а вида. Одни были люди, а вторые — герны. Последние были похожи на ящеров. Я видела их рисунки. Милые такие ящерки: два метра роста, на двух ногах, похожих на лапы животных, с руками и толстенным хвостом. Голова была клиновидная на широкой шее. Покрываются мелкой-мелкой чешуёй. И цвета они были песочного. Глаза радужные, с поперечным зрачком. Венчали их голову от бровей до затылка небольшие изящные наросты в виде минихребта. На затылке они соединялись мысиком. Эти герны мне даже очень понравились. Красивые, но по-своему, не такие, как люди.

Согласно этим легендам, люди были у гернов в рабстве. Потом они восстали против своих хозяев. Тогда герны разгневались на них и создали против мятежников страшное оружие — ужасный вирус. Он должен был убить всех людей, которые не хотели вернуться к ним. Все, кто возвратился, прививали вакцину, и те выздоравливали. Но, что-то пошло не так. И люди смогли защитить себя от этого страшного оружия. Они выжили. Нашли лекарство. Но осталось пугающее наследие. Так называемые осложнения после перенесенной лихорадки. Если не углубляться в подробности генетики, то этот вирус отразился особенно на женщинах. Он затронул их психику и нервные окончания. Повлиял на генном уровне. Это ужасное наследие передается по икс-хромосоме. У женщин их две, у мужчин — одна. Именно в результате этого, женщины людей стали такими "холодными". Хотя, я так поняла, заболевание затрагивало больше репродуктивные органы женщин, поэтому эта «холодность» больше касалась нежелания женщин иметь близость с мужчиной, и как следствие, детей, а не их нормы поведения и психологии. Потом это пытались как-то урегулировать. Ведь пострадало от вирусного проклятия всё общество и будущее в целом. И деторождение и отношения в семьях. Конечно, на материнском инстинкте не отразилось влияние вирусного эффекта. Женщины продолжали любить детей. По-своему любить. Однако от мысли их родить, женщины приходили в дикий ужас.

Согласно одним научным исследованиям, было доказано, что количество нервных окончаний у женщин сократилось почти в два раза. А область, отвечающая за инстинктивное поведение, уменьшилась. Конечно, этот печальный факт не создал аксиомы. Все еще оставались особенные женщины. Даже очень эмоциональные. Но их было очень мало. Подавляющее большинство их предпочитало иметь как можно меньше отношений с мужчинами.

Исходя из всего вышесказанного, можно понять, почему численность населения очень сократилась. Возник демографический кризис, требующий решения на государственном уровне. То, как регулировалось все это, какие законы принимались, как чуть не вымерло все население, об этом мы особо не говорили. Говорили же о том, откуда взялись тараканы, нынешние враги ириданцев. Вот тут мне стало даже очень интересно.

Согласно тем же легендам, герны вымерли. По какой причине, не известно.

Поговаривают, что их наказали какие-то «Высшие Силы» за желание властвовать над людьми. Они оставили после себя наследников — генномодифицированных потомков. Гибридов. То есть тараков. Те люди, что вернулись к гернам за спасением от вируса, стали участниками грешных экспериментов тех самых гернов. Что там делали и как, не известно. Тайна канула в прошлое. Но тараки остались. Это очень агрессивная раса гуманоидов. То, что творится там у них, пугает каждого живого человека. На протяжении этих трех тысяч лет люди вели напряженную борьбу с тараками.

Последним рубежом борьбы с ними стало создание биополя вокруг Иридании огромного материка, на котором обосновались люди. Но для этого важно было выгнать со всех своих земель тараков. Поэтому стратегия войны перешла из обороны в наступление. Велись напряженные бои. Многие наездники и ниясыги погибли в тех жутких сражениях. Много было потеряно и забыто, но вскоре люди смогли отвоевать свою землю, доставшуюся им от предков. Последней решающей битвой оказалась та самая легендарная Ернонская битва, о которой говорил мне в столовой Магон. Тогда было пролито столько крови и людей, и ниясыгов, и тараков, что наполнила бы огромное море! Иридании скорбела, оплакивая своих героев, своих крылатых защитников. Королевы скорбели. Поэтому, может быть, давали мало миру новых дочерей и сыновей. Кто знает... Почти перестали появляться на свет молодые королевы. Мир Иридании замер в ожидании новой королевы. В течение десяти лет, сразу после окончания войны, когда было запущено защитное поле, мало появлялось малышей-королев. Может две-три от силы. И то, две из них отказались от предложенных девушек. Последней повезло больше. Ее наездница живет сейчас в Ире. Ее зовут Рия. А королеву — Шима. Она является самой молодой королевой Иридании. Ей всего от роду около шести лет.

Поэтому для многих наездников было делом чести и жизненно необходимо, чтобы молодая королева сразу выбрала себе наездницу, чтобы даже близко не рисковать стать нирой при отсутствии подходящей спутницы. Я думаю, именно поэтому так рвался за меня Наран, когда нашел среди народа поселка Со необычную эмоциональную девушку. В таком случае вероятность того, что королева сделает свой выбор — очень велика. Ведь для ниясыги главное — это эмоции. Они любят эмоции. Это для них сильнейший магнит. Причем, они любят положительные эмоции, такие как: любовь, доброта, забота, терпеливость и тому подобное.

Тараки же по природе своей очень жестокие, поэтому у них нет ни ниясыгов, ни их наездников. Мало того, тараки ненавидят ниясыгов, да и боятся панически их, как огня. Вообще, оказывается, ниясыги очень опасные создания. Они обладают чрезвычайной силой. Телепатия, телекинез и телепортация для них — плёвое дело. Мало того, они обладают еще способностью видеть предметы насквозь и создавать вокруг себя защитное поле. Причем последние способности у них ярко разделены по половому признаку. Самки-ниры — сканеры. Они могут видеть и чувствовать предметы на большом расстоянии и проникать вглубь предмета, видя их внутренности, чуть ли как рентген-аппарат. Так нира может смотреть на здание, и, если захочет, видеть ходящих там людей через стену. Как это у них выходит? Я помню свое приключение в библиотеке. Кстати, благодаря этому особому единению "наездник-ниясыг" наездник может спокойно видеть все, что видит его ниясыг.

А вот самцы-ниясыги или нуры могут создавать вокруг себя эдакий большой энергетический пузырь, способный раздуться и покрыть целый флайер. Это поле генерирует один его орган, находящийся у него в районе печени. Господин Лахрет показывал нам этот

орган. Похож на дулю. Я еще тогда долго хихикала над его видом. Это такой биологический вид генератора защитного поля. Им ниясыть пользуется для того, чтобы защитить себя во время телепортации, когда она входит в подпространство. Однако он может вызвать его и так, по желанию. Через это защитное поле не может пролететь ни один предмет, ни одно оружие не может проникнуть через него. Конечно, долго генерировать это поле ниясыть не может, слишком велика энергозатрата, но спасти себе жизнь и жизнь своего наездника он вполне способен. Да и ниры тоже генерируют небольшое энергополе, но очень ненадолго и слабое, чисто для того, чтобы телепортироваться. Интересно, что ниясыти могут находиться некоторое время даже в вакууме! А вот королевы могут делать и то и другое. Однако кто же пустит воевать королеву и мать рода, хоть они — страшная сила. Я каждый день уходила с урока биологии и истории озадаченная и удивленная. Что за чудеса творятся в этом мире?!!! И я стала его частью, да еще и одной из ключевых ее частей. Наездницей матери ниясытьского рода. Ого! Я сама себе не верила. Иногда даже казалось, что я сплю, и мне снится дивный сон...

Я вырулила к кабинету по истории. Зашла в аудиторию, и сразу прозвенел звонок-мелодия, сообщившая о начале занятия. Куратор уже находился внутри. Я была последней, но успела вовремя. Села на место. Куратор, лишь после того, как я уселась, начал урок:

— Сегодня мы поговорим с вами об эпохах, — Наран выжидающе обвел всех взглядом. — Что такое эпоха? Как вы думаете? Пожалуйста, Саргона.

— Это период истории, в течение которого проходит ряд похожих событий.

— Что-то похожее. В принципе, эпоха — это хронологическая мера исчисления лет. Это время меньше, чем эра. В течение этого периода происходит ряд событий до какого-то резкого изменения. Такие изменения называют эпохальными событиями. По-сути, это промежуток неопределенного времени, выделенный тому или иному событию. Например, эпоха войн, эпоха колеса, эпоха строительства, эпоха художественных взглядов и так далее. Наш мир был полон разных эпох. Современные историки попробовали систематизировать нашу историю по эпохам. Первой они называли Доисторическую Эпоху. То есть, то, что было до того, как стали появляться исторические документы, описывающие нашу историю. В тот момент, мир и цивилизация на нашей Заруне уже существовали. Однако то, чем они занимались, как жили, что делали, чего достигли, до нас не дошло никаких записей. Лишь мифы и легенды, которые сообщают, что мы, люди, отделились от гернов и стали жить и развиваться самостоятельно. Потом наступила эпоха блужданий и междоусобных войн. Далее — становление мира и создание единой цивилизации. Четвертая эпоха — эпоха познания мира ниясытей. Время нашего с ними единения. С этого периода времени в наше общество вошли ниясыти и стали определяющим звеном в властетворении. Кстати, именно тогда произошел переломный момент в борьбе с тараками. Мы вылезли из пещер и ям, и начали строить города и поселения. Пятая эпоха, как логичное следствие большей свободы, — Эпоха Промышленного Развития. Мы с вами живем в эпоху технического прорыва, когда был создан антигравитационный двигатель, как раз то самое эпохальное событие. Во все эти периоды нашей истории помимо их названий происходили и другие события исторической важности, затрагивающие нашу с вами сегодняшнюю жизнь и, думаю, будущую. Кто знает, может быть, мы с вами живем во дни новых эпохальных событий и кто-то из вас станет участником таковых, — при этом он сделал многозначительную паузу.

Мне показалось, что он что-то знает, что-то действительно значимое, что может изменить ход истории, но очень сомневается в реальности его исполнения. Поэтому он

искренне верил в то, что говорил о приближении какого-то значительного события. Это был миг, может, дарованный мне способностями Забавы, но я увидела картину, яркую, как вспышка. Там я увидела старинную книгу. Она хранит в себе какую-то тайну. Никто не знает, где она и что там хранится, но она слишком важна и значима. Наран верит, что она раскроет правду. Но чего? Происхождения Иридании? Что за бред мне привиделся? Наран вздрогнул и бросил на меня удивленный взгляд, будто почувствовал, что его «подслушали». От этого я удивилась не меньше, но в этот момент, когда он говорил, я находилась ближе всех к нему, так что вполне может быть, он сам мне ее спроецировал неосознанно. Наран прищурился. Жаль, что рядом нет Забавы. Она часто мне подсказывала мысли других. Она легко читала окружающих.

Наран продолжил лекцию. Говорил о второй эпохе блужданий и войн. Об этой эпохе мы будем говорить последующие пять занятий. За это время мы узнаем о первых городах, построенных людьми, их расположении, названиях и их правителях. Как они правили и как вели между собой войны. Как в этот период они пытались еще вдобавок ко всему справиться со странным поведением женщин и сопротивление таракам, которые начали появляться. Я так поняла, это было время чёрных блужданий. В те времена женщин ставили ни во что и использовали как вещь. Вполне возможно, это и спасло человечество от вымирания. Ведь общие законы, защищающие область семьи и продолжения рода, еще не были сформулированы. Тогда практиковалось насилие в семье. Женщин никто не спрашивал, хочет она иметь детей или нет, хочет ли она вступать в близость с мужчиной или нет. Она просто рожала и слушалась. Нравилось ей это или нет, не имело значения.

О гернах вообще мало сообщений в исторических источниках.

Рассказывал Наран интересно, но я устала. Пережитый стресс давал о себе знать, и вскоре я начала отключаться и перестала вообще слушать.

Последней лекцией стояла по расписанию техника. Сегодня мы должны были первый раз сесть за пульт управления флайером. Туда меня, такую уставшую, приволок Март. Сидела я за своей партой в позе задумчивого студента, уперев лоб в собранный кулак и пряча лицо за ним. Хотелось к Забаве в постель. Видеть уже никого не имела желания. А тем более красавчика-преподавателя. У меня на него просто нет сил. Так как при виде господина Лахрета постоянно приходилось бороться со странными, и не всегда приятными, ощущениями. Пусть он и вел себя как истинный джентльмен. Учтивый, вежливый, приветливый. Но все одно, от этого легче не становало. Я постоянно боролась внутри с противоречивыми мыслями и чувствами. Страх и притяжение. Смущение и восторг. Паника и волнение. Сколько можно?! Это явно к чему-то должно привести.

На лекцию господин Лахрет опоздал и сразу же всех нас увел в огромный ангар, где стояли учебные флайеры. Там нас ждали студенты старших курсов. Оказывается, к каждому обучающемуся в нашей группе был приставлен старший студент, который будет обучать нас пилотированию. Это большая честь — учить наездника ниясытей. Я досталась угадайте кому? Правильно, самому господину Лахрету. Я же кашياسу! Меня должны учить лучшие. К стати, я недавно узнала от нашего всезнающего Магона, что господин Лахрет имеет звание ятгора. Это что-то вроде адмирала. Я была, мягко говоря, поражена. Он был начальником Службы Безопасности всей Иридании. Я как узнала, так сразу его еще сильнее уважала и еще больше стала бояться. В тот день я еще спросила, почему он тогда здесь, а не в своем ведомстве? Март объяснил, что закон требует от каждого наездника хоть раз в жизни поучаствовать в обучении молодых поколений. Так сказать для передачи опыта.

Каждый старший студент брал приставленного к нему обучающегося, и они вдвоем садились в свой флайер и на практике уже учились летать. Я с обреченным вздохом залезла в свой флайер. Спать хочется и страшно. Внутри и так все сжато. А тут еще и близкое общение с этим загадочным мужчиной! Как же мне выдавать знания, которых у меня нет? Я села за пульт управления и уставилась на него, как коза на новые двери. Лахрет сел рядом на соседнее кресло второго пилота. Я повернула на него голову. Он тепло улыбался. Спасибо ему за это, я хоть немного расслабилась.

— Ну, что, иата Лана. Будем учиться?

Я заторможено кивнула.

— Итак, вы были на лекциях. С чего мы обычно начинаем? — его голос звучал успокаивающе.

Я поморгала, поморгала. Интересный вопрос. Я и сама не против это узнать. Называется, не знала, так еще и забыла! Я указала на консоль перед собой.

— Надо запустить тестирование... — заикаясь, предположила я.

— Хорошо, запускайте, — бесстрастно произнес он.

Я нашла вроде бы знакомую иконку на дисплее. Тыкнула туда пальцем. На экране появилась таблица. Я нервно сглотнула. А чего оно все обозначает? Я же на уроках мух считала, да паукам дули крутила. Как же теперь? Я ссутулилась и отправила ладони меж коленей, ибо понятия не имела, что делать дальше.

— Правильно. Что обозначают указанные в таблице пункты?

Я принялась читать. Там было написано что-то вроде "Тестирование антигравитационного двигателя", "тестирование демпферов", "тестирование генератора" и чего-то в этом роде куча всего. А что надо теперь выбирать? И нужно ли оно все это перед взлетом? Это же надо делать во время технической проверки. Я замешкалась.

— Госпожа Лана, вы помните, что я вам говорил, что тестирование и постоянный контроль проходит в фоновом режиме? Его запуск производится автоматически, но если вы хотите его провести сейчас, то, как это делать?

Я подняла на него виновато глаза.

— Я не помню, — выдавила я из себя, соорудив траурное лицо висельника.

Пусть теперь четвертует, обругает, отправит туалеты мыть. Я не могу родить то, чего не знаю. Пусть ставит мне двойку. Хотя двоек тут не ставят, а только уровни. Их всего двенадцать. Я пока стою на нуле.

— Я знаю.

И все?! Я выразительно вытянула лицо. Он, что, проверял меня на моё упрямство? Так я упряма, где не надо, а так, я даже очень покорная девочка. Лахрет улыбнулся и принялся медленно, чтобы я запомнила, показывать, что надо делать.

Итак, вначале нажимаем стартер. Он включает двигатель и генератор. Запускается проверка наличия топлива, уровень охлаждающей жидкости и фоновое тестирование. Преподаватель включил связь с общей системой воздушным управлением — это автоматический контроль за находящимися в воздухе флайерами. Он был когда-то создан умниками для избегания катастроф и несчастных случаев. Затем он снял фиксатор, и специальные крепежи-захваты отпустили маленький летательный аппаратик. Мы повисли в воздухе. Потом он взял в руки рычаг-штурвал и легко двинул его на себя. Потом вперед и мы мягко тронулись. Оказывается ничего сложного. Больше всяких слов незнакомых, чем действий. Вылетели из ангара. У меня даже дух захватило. Я восхищенно смотрела на

Лахрета. Он вел уверенно и спокойно. Казалось это так легко!

Лахрет почувствовал мое восхищение и расплылся в довольной улыбке. Добился своего. И тут я поняла, чего он хотел. Привлечь мое внимание! Неее поняла! Что это значит? Я нервно сглотнула и спрятала глаза. Мне вспомнились слова Забавы о том, что он может меня чувствовать. Я тогда не поняла, о чем она. Теперь начало немного доходить. Этот господин весьма непростая личность. Но зачем ему мое внимание? Это было мимолетное ощущение, но озадачило оно меня надолго. Лахрет явно догадался о моем недоумении на его эмоцию, но ничего на это не сказал, лишь предложил мне "порулить". Я взялась за штурвал и сразу пожалела об этом. Флайер стало колбасить из стороны в сторону, но мой сосед не стал ничего предпринимать, лишь прокомментировал:

— Учитесь, иата Лана. Вы должны почувствовать флайер. Тогда вы поймете саму суть, — он бросил на меня игривый взгляд.

Он забавляется, значит! Чего тут забавного?! Я воевала долго с штурвалом, но он сопротивлялся изо всех сил. Я уже и ругаться пыталась, и чуть не уронила флайер на какое-то здание. А Лахрет хоть бы дрогнул. Сидит и не шевелится. А если бы я разбила нас? Он словно услышал меня, произнес:

— Мы бы не разбились, — и посмотрел на меня своими глазами-угольками.

Изувер! У меня чуть сердце не стало, а тот хоть бы положил для моего спокойствия руку на штурвал.

— У нас с вами много времени до конца занятий. Тем более мой предмет последний. Так что будем мы с вами много летать, чтобы вы отработали практику управления флайером.

Я подняла на него молящие глаза. Он лишь мило улыбнулся и откинулся в кресле, скрестив безучастно руки на груди. Давай, мол, катай меня, пока я отдохну. Я сконцентрировалась и постаралась штурвал держать прямо и не дергать рукой. Начало немного выходить, а потом, спустя пол часа диких виражей и встрясок, даже неплохо получаться.

— Летите за город. Я хотел бы отработать с вами посадку, — я повернула на него удивленный взор.

А зачем за город? На что он намекает? Он невозмутимо ответил:

— За городом вы ничего не разломаете.

Я буркнула что-то вроде "да сэр", и направила флайер в сторону "за город". Там мы выбрали небольшую полянку, и я продолжила мучить машину теперь уже на приземление. Издалека, это, наверно, выглядело печально. Вверх-вниз, влево-вправо. Словно флайером больной Паркинсона правит. А приземлиться не можем. Лахрету надоело это «волнительное» море, и он, наконец, взял штурвал в свои уверенные руки.

— Вижу, этот маневр мы долго будем разучивать, милая моя госпожа, — и при этом он кинул на меня необычный взгляд.

Я его не поняла. Слишком занята была. Я все-таки как-никак пыталась сама посадить эту летающую штуковину. А преподаватель сделал это с такой легкостью! Я страдальчески вытянула губы в ниточку и виновато повернулась к господину Лахрету. Он лукаво ухмыльнулся и произнес:

— Придется вам, видимо, немного чаще позаниматься, чем другим.

Его слова меня смутили. Нервы, наконец, начали сдавать. Отведя взгляд в сторону обзорного окна, я поджала губы. Глаза заслезились. Плакать я уже хотела, когда увидела флайер на стоянке. Он что надо мной издевается? Почему не может понять моих чувств.

Ведь я первый раз за штурвалом!

— Вы расстроены?

Я молчу. Ком в горле застрял.

— Вижу, что так.

Я резко повернула к нему обиженное лицо с глазами, полными слез.

— Я!... я... — грудная клетка моя часто вздымалась, выгоняя порывисто воздух, а слов я не находила.

Эмоции так и пёрли из меня. Он свел недоуменно брови в линию. Его что-то явно удивило. Эти самые мои эмоции? Или их сила? Мне было не до этого.

— Прошу вас, не расстраивайтесь. Не все с первого раза могут править флайером. Нс этому надо учиться. Вы — наездница. Так должно быть. Вы сможете.

Когда я смотрела в его выразительные, умные глаза, непонятым образом мои переживания начали отступать. Сегодня мы были впервые наедине и так близко. Я всегда видела его со стороны. Высокий, красивый, сильный и отстраненный. Сейчас было все по-другому. Сейчас я видела в его взгляде участливое личное сопереживание. Ему было точно не все равно, что я думаю сейчас. И чем больше я смотрела в его черные глаза, тем сильнее понимала, что теряюсь в их бездне. Проваливаюсь и теряю путь назад.

В итоге, я поймала себя на мысли, что сижу и рассматриваю его. Его губы, глаза, рот, подбородок... О небеса! Как же он красив! Но не это заставило меня засмотреться. Другое. То, что он проявил участие и сочувствие. За этой красотой был не пустой человек, а целый мир, полный скрытых мыслей и чувств. Смутилась, почувствовала себя по-идиотски и сразу отвернулась. Тот же сделал вид, что не заметил. Или действительно не заметил? Трудно определить по его лицу, что он в данный момент думает. Мистер Загадка!

— Хорошо, — продолжил он, глядя вперед через лобовое стекло. — Будем возвращаться назад. Попробуйте поднять машину и правьте его обратно. Это не сложно. Просто повторите то, что было в самом начале. Давайте.

Прямо-таки не сложно! Ему-то легко говорить, а я... Ладно, не будем о грустном. Я напряглась, деваться-то некуда. Повторила все по прежней схеме и уже через минуту мы летели в сторону атконнора. Я даже радостно воскликнула, когда у меня все вышло весьма сносно. Машину тряхнуло лишь пару раз. Лахрет одобрительно кивнул. Почему-то от этой его положительной реакции внутри у меня все смущенно сжалось. Мне вдруг стало не все равно, что он обо мне думает.

Теперь мы летели в сторону альма-матер, и сердце бешено в груди колотилось от переживания, чтобы не рухнуть вниз. Всякие мыслишки, крутившиеся у меня о моем преподавателе, отошли в сторону, и я сосредоточилась на полете. Костяшки пальцев побелели от силы, с которой я вцепилась в штурвал. Господин Лахрет лишь мило улыбнулся, глядя на мои кисти. Было что-то в его взгляде, но я все никак не могла понять... А тут еще и атконнор приближался. В голове закружилось: как же в ангар-то залететь и ничего там не взорвать или покорежить? Меня спас Лахрет:

— Теперь я приму управление. Дальше нужно будет выполнить некоторые маневры, которые, как я понимаю, вы еще не готовы совершить. Так что расслабьтесь и отпустите штурвал... Ну? — я его не сразу услышала, а когда дошло, я так резко оторвала руки от штурвала, что он даже хмыкнул.

Голос его завораживал меня уверенностью и плавностью. Я повернула в сторону Лахрета голову и продолжила наблюдать за его мягкими и ровными движениями. В сердце

зашевелилась черная зависть. Ну, почему у меня ничего не получается? Как бы я не старалась, что бы я ни делала, выходит как-то все через левую ногу. А этот мужчина маневрировал так легко и непринужденно, словно он родился в кресле пилота. Нет, конечно, он уже просидел за штурвалом не один год и наработал массу опыта, но это все равно не задавило во мне завистливого кролика.

Я откинулась на спинку сидения и облегченно вздохнула, уловив, как Лахрет поднял уголок рта, краем глаза наблюдая за мною. Внутри было такое ощущение, будто я целый день тягала мешки с песком. Руки дрожали, сердце бешено колотилось, дыхание прерывалось. Перед глазами стоял густой туман, а в голову будто чугун налили.

Сработали захваты, закрепив флайер на родном месте стоянки — мы прибыли. Лахрет открыл двери и выдвинул трап. Встал с места и пошел на выход. Я не шевелилась. Страшно было пошевелиться.

— Иата? — позвал преподаватель и вывел меня из состояния ступора.

Я вздрогнула, будто меня толкнули, и обернулась. Лахрет стоял у входа и насмешливо смотрел на меня.

— Вы собираетесь выходить? Или будете здесь ночевать? — его голос звучал весело и непринужденно.

Я еще раз вздохнула. Встала. Подошла к выходу, а господин Лахрет уже стоял внизу и протягивал руку, чтобы помочь мне сойти вниз. Какой джентльмен! Как тут не почувствовать себя принцессой? Я невольно смущенно улыбнулась. Ступила на первую, вторую ступеньку, взялась за его руку и... не успела ничего сообразить, как он легко подхватил меня и опустил прямо перед собой. В тот краткий миг, когда он проносил меня мимо, приблизив к себе, я почувствовала, что он вдохнул мой запах. От этого все внутри сжалось. Сердце ёкнуло и пропустило удар. А кожа отреагировала ошалелыми мурашками. Выровнявшись и обрета почву под ногами, я подняла на него вопросительный взгляд. Мгновения мне хватило почувствовать его, его ответное волнение и неподдельный интерес. Лахрет не отрывал от меня пьянящих глаз, игриво улыбался, продолжая держать за талию. Он любовался мной! Как такое возможно?! Просто в голове не укладывается! Почему? Кто я такая, чтобы привлечь его внимание?! А что самое парадоксальное, что мне нравилось это. Дрожь нахлынула на меня волной. Я порывисто вздохнула и попыталась робко отстраниться от него, уперев ладони в сильную грудь. Он не отпускал. Играл со мной.

— Я... — выдохнула я и сильнее надавила рукой в твердую грудь.

Он лишь попустил объятия. В голове бешено скакало миллион мыслей, но ни одной подходящей для объяснения столь необычного поведения ятгора. Самой элементарной мысли я себе не допускала. Я смотрела в его черные бездонные глаза и чувствовала, как снова проваливаюсь в бездну. Он просто обязан что-то сказать! Однако Лахрет не шевелился, не издавал ни звука. Лишь смотрел и улыбался. Я упрямо верила, что он лишь шутит и сейчас легко отодвинется, скажет что-то смешное, и я пойду домой с легкой головой. Но он продолжал пристально всматриваться в мое лицо. Я чувствовала, как кровь ускоряет свой ток по венам, создавая шум в ушах, и заставляя бешено колотиться сердце. Его большая ладонь, лежавшая на моей талии, пропаливала кожу. Вторая, касавшаяся лопаток, гнала непривычные ощущения прямо в мозг. А он стоял и не двигался, будто наслаждался моей реакцией, как кот агонией мышки.

Через несколько секунд я застенчиво опустила взгляд. Пугало то, что мне нравилось находиться в его руках. Тело само тянулось к нему, прогибаясь под большой и мягкой

ладонью. Я рассеянно отвела голову, оглянувшись назад. Заметила толпу у входа — все ждали преподавателя. А он продолжает медлить. Что теперь обо мне подумают одногруппники? Наверное, что я заигрываю с преподавателем, чтобы оценку себе повысить? Ну, или что-то в этом роде. Прошло еще пол минуты и мне пришлось поднять требовательный взгляд. Он должен объяснить столь интимные действия. Пауза затянулась и только я хотела ее нарушить, набрав в легкие воздух, как в мой возбужденный мозг ворвался вихрь образов. Я увидела закат в горах, покрытых лесом. Небо утопало в алых, оранжевых, желтых и белых красках. Я словно стояла на небольшом утесе, смотрела в темнеющую долину, а рядом цвели деревья, покрытые множеством белоснежных маленьких цветочков. От ощущений удивительного вида сердце забилося, как птица в клетке. Я даже отшатнулась от изобилия эмоций. Лахрет лукаво усмехнулся.

— Это то, что я вижу, вдыхая твой аромат, — еле слышно прошептал он мне на ухо и, наконец, отпустил.

Я не знала что ответить. В замешательстве сведя брови, я поднесла пальцы к губам.

— Ты же тоже видишь образы, когда вдыхаешь ароматы других наездников? — его голос томно дрогнул. — Это нормально. Иногда они тебе нравятся, иногда — нет, — мои глаза смущенно забегали. — То, что я тебе показал, я вижу, вдыхая твой запах... Понимаешь меня?

Я ничего не нашла умного, как возразить:

— Нет... но ведь это запах аро моей Забавы...

— Не совсем так, — он покачал головой. — Он смешивается с личным запахом человека...

Вспомнила лес, который представила, когда он в первый раз подошел ко мне довольно близко, и те завораживающие ощущения. Нервно сглотнула.

— Я не знаю, что это значит? — совсем тихо прошептала я.

— Через запахи общаются все живые организмы... — его голос дрогнул. — Они рассказывают о физическом состоянии, о настроении, о желаниях, о совместимости...

— Что вы этим хотите сказать?

Лахрет улыбнулся, как будто я задала глупый вопрос. Его глаза словно говорили: «Ты знаешь ответ». Он не ответил, лишь слегка нагнулся, чтобы снова вдохнуть мой аромат. Я почками чувствовала, что его тянет ко мне. Но мозги отказывались это принимать. Я боялась этого человека. Он являл собой что-то фантастическое, недостижимое, как человек из книги, как главный герой героической фантастики. И тут он намекает на... Не может такого быть! Потому что просто не может и всё тут! А тело моё рассказывало мне совсем другую историю. Оно выдавало дрожь и посылало тучу мурашек. Как они достали меня! Бегают по коже, когда им вздумается. Я что-то чувствовала, но отказывалась принимать. За этими мыслями я не заметила, как он приблизился. Подняла снова на него взгляд. Лахрет слегка нагнулся, так, что мог почувствовать мой запах. Он дышал глубоко, прикрыв с наслаждением глаза. А я сама удивилась тому, что голову кружит от его аромата хвойного леса. Испугавшись этих мыслей, я произнесла:

— Господин Лахрет, я могу идти? Ведь урок уже закончен?

— Да, конечно, я вас не держу... — он расплылся еще шире в улыбке.

Эта улыбка сделала выражение его лица таким глуповато рассеянным, что мои страхи о его величии ушли в небытие. Этот человек предстал в неожиданно новом, приятном для меня свете, и я посмотрела на него совершенно в другом ракурсе. Кем он теперь мне

казался? Какой он на самом деле человек? Неясные сомнения беспокоили меня, скукожившись где-то глубоко в сознании. Чего он хотел достичь? Говорил ли он правду? Стоит ли ему верить? Искал ли он власти, сблизившись со мной? Если да, то зачем? Я мало знала его и поэтому боялась доверять. Поэтому я ретировалась. Лахрет не шевелился.

— До свидания, — робко выдавила я из себя и повернулась к нему спиной.

— До свидания, иата, — ответил он задумчиво.

Шла на негнущихся ногах, а сердце бешено билось испуганной птицей в груди. Разум продолжал рисовать тот яркий образ заката, который он передал мне. Неужели он и вправду видел это, когда вдыхал мой аромат? Какой же прекрасный вид! Просто в голове не укладывалось. Один лишь раз увидишь образ, и, я знала, уже никогда его не забыть.

— Ланка! Что это ты с Лахретом там обсуждала так... кхм... тесно? — подхватил меня под руку Март, когда я, наконец, подошла к группе.

Говорил он мысленно.

— Нам уже можно идти? — спросили остальные вслух.

Я не сразу догадалась, что спрашивали меня, продолжая находиться в туманной прострации. Оглянулась, посмотрев на застывшего в раздумии Лахрета, и кивнула им вместо ответа. Лахрет стоял у флайера, потупив взор и засунув руки в карманы своих выутюженных черных брюк. Все дружно повернули к выходу. Если у них и родились какие-то мысли от виденной ими картины, свои мнения мои одноклассники решили оставить при себе. Только Март.

— Что ты с ним сделала? — буркнул он, косясь в сторону Лахрета, когда мы двинулись в сторону лифтов.

Я вздрогнула от звука его голоса. Вот липучка! Но я не стала раздражаться, вместо этого спросила:

— Март, скажи, ты слышишь мой запах? — спросила я брата.

— В смысле? — он ошарашено вскинул брови и от неожиданности резко остановился.

— Чем я пахну? — я тоже остановилась и стала перед ним лицом.

— Ха! Ты чего?!! — Март слегка наклонил голову и свел недоуменно брови.

Мы стали в таком месте за флайером, который скрывал нас от стоявших у лифтов студентов, и уже не было видно флайера, на котором мы летали с господином Лахретом.

— Я спросила непонятным для тебя языком? Я хочу узнать у тебя, чем я пахну? Что ты видишь, когда стоишь рядом со мной и слышишь мой запах?

Март нахмурился и напрягся всем телом. Веселый настрой вмиг улетучился.

— Лана, ты понимаешь, о чем ты меня спрашиваешь?

— Ответь.

— Я ещё раз повторю, ты понимаешь, что ты спрашиваешь у меня? И зачем это тебе нужно? — Март поджал в замешательстве губы.

Так он строил свою физиономию, когда не понимал, чего от него хотят, и боялся ответить неправильно.

Я отвернулась и попыталась посмотреть в ту сторону, где стоял Лахрет, но ничего не увидела. Грузовой флайер закрывал нас ото всех любопытных глаз. Поднесла пальцы к губам и ничего не ответила. Задумалась.

— Значит, не знаешь. Лана, популярно объясняю несведущим особам, что подобные вопросы задают тогда, когда хотят открыться в своих чувствах к другому. Теперь ты понимаешь, о чем ты меня спрашиваешь? — он повернул моё лицо к себе и заглянул в глаза.

— Март, Лахрет показал мне, что он видит, — взволнованно произнесла я.

Рука брата дрогнула, а челюсть резко упала вниз. Вместо ответа он схватил меня цепко за локоть и повел к лифту. А я все удивленно оглядывалась на него. Марта как подменили. Я не видела его таким серьезным уже очень давно. Угрюмо насупив лоб, молча, он вызвал лифт. Довёз все в том же молчании до моего этажа, ввел в комнату и лишь потом с самым серьезным лицом, какое он мог сотворить, заговорил:

— Лана, тебе нравится господин Лахрет Ноа?

Я прижала руки к груди и ошарашено расширила глаза. Понятно, к чему он клонит. Я еще в лифте сама начала доходить до правильного вывода. Ответила:

— Не знаю.

— Я так понимаю, что ты знаешь, что он признался тебе в своих чувствах, но просто не хочешь себе в этом признаться. Я прав?

— Прав.

— Сомневаешься?

— Да.

— Причина?

— Я не знаю его. А он — меня. Какие могут быть чувства? — я пожала плечами.

Март сел на диван. Я покосилась на белоснежную королеву. Забава спала крепким сном младенца, поэтому разбудить ее почти не реально. Брат похлопал ладошкой рядом, приглашая меня сесть. Я отрицательно покачала головой. Что-то не хотелось сидеть. Вместо этого я продолжила:

— Я всегда думала, что прежде, чем открываться в чувствах, надо узнать человека. Увидеть его характер, качества. Узнать его недостатки. Понять, смогу ли я их принять? Ну, и тому подобное... А тут...

— Ланочка, — Март вскинул очи горе, — у наездников многое происходит по-другому. Мы пару выбираем себе не так, как остальные.

Март уже с большой легкостью относил себя к сословию наездников, чего нельзя было сказать обо мне. Я сомневалась во всем и во всех. Верила с трудом в очевидное и сильно всего боялась. Поэтому Марту часто приходилось напоминать мне, что я — кашасу и наездница ниясыти-королевы. Потом он продолжил:

— У нас очень обострены чувства и инстинкты. Очень. Понимаешь? Мы видим то, что другие не видят. Мы слышим то, что другие не слышат. Мы чувствуем то, что другие не чувствуют. Ты должна уже сама была это давно понять. Твоя Забава очень сильная. Намного сильнее, чем должна быть в ее возрасте любая королева. Она с легкостью в свои два месяца делает то, что не всякая нира сделает в год. Ты легко видишь ее глазами то, что многие нириты через полтора года учатся с усилием воли увидеть. Многие в твоей Забаве видят могучую будущую королеву. Я, например, даже взял смелость думать, что она станет Старшей Королевой! — он сотворил страшные глаза. — Эту уверенность в себе и стремление развивать свои способности Забаву побуждаешь именно ты, Лана. Ты сама не понимаешь, что! значат твоя любовь, нежность и забота для нее. То, что ты с такой легкостью ей отдаешь так искренно и открыто, не сравнится ни с какой кашасу до тебя, Лана. Понимаешь, к чему я веду? — Март посмотрел на меня снизу вверх из-под лба.

— Не совсем, — я качнула отрицательно головой.

Он терпеливо выдохнул.

— Лана, это все говорит о тебе больше, чем все твои слова и поступки. Поэтому нам не

надо долго узнавать человека, чтобы понять, подходит он нам или нет. А твой запах... — тут он дрогнул и нервно сглотнул. — Он очень яркий и сильный. Я уже привык к нему, но все так же продолжаю видеть образы... они мне до сих пор нравятся... Но ты не подумай ничего обо мне! Я просто отвечаю на твой вопрос, и это совершенно не относится ко мне! — он, неожиданно для себя, испугался. — Эти образы вызывают легкость, уют и покой, и в то же время стихию ярких впечатлений... — он замялся.

— Это как смотреть на закат в горах в цветущем весеннем саду? — поинтересовалась я.

Он удивленно вскинул на меня взгляд.

— Что-то в этом роде, — вытянул он удивленно лицо. — Именно это Лахрет показал тебе?

— Да.

Март озадаченно кашлянул и на минуту задумался. Потом продолжил:

— Он не лгал тебе и был искренним. Хотя... в таких вещах нельзя солгать по определению. А еще трудней передать тебе их, если их нет, — он немного закачался на диване от эмоций. — Я тоже... это вижу.

Я лишь заморгала чаще.

— Что это значит?

Март ответил не сразу:

— Прежде я хочу тебе сказать, что всегда буду тебе братом, хоть и не родным. Но те чувства, которые ты вызываешь у других... искренни. Будь это гнев, симпатия, раздражение, зависть. Тебе сложно лгать. Женщины тебе завидуют. И немало. Мужчины же... они восхищаются тобой и... питают особое расположение.

Я слегка наклонила голову в задумчивости. То, что он мне говорил, сложно было сразу принять. Я смотрела на себя совсем по-другому, и явно эта немного заниженная самооценка пришла ко мне с детства, а не здесь.

— Март, но ведь я совсем не красавица! Ведь рядом столько прекрасных девушек! Даже та самая Саргона... Она же невероятно великолепна!

Март засмеялся.

— Ланочка! Ты много, значит, не понимаешь и не знаешь об ириданских мужчинах! Мы привыкли к внешней красоте. Мы живем среди красивых людей. Красота — это обычное дело. В ней нет ничего особенного. Настоящая красота для нас живет в глазах, отражается в сердце, в теплоте, в доброй улыбке. Посмотри в зеркало, улыбнись, — голос Марта задрожал. — Ты же самая красивая девушка в мире! Твои глаза так искренни, так прекрасны, так честны, добры. Поверь мне, Лахрет был весьма искренен с тобой и сказал то, что видел. И ещё. Такие как он долго не думают. Они знают, чего хотят и им достаточно лишь взгляда, чтобы увидеть сущность человека. А твой запах лишь усилил эффект.

— А что ты скажешь по поводу моего положения как кашياسу? Может, он ищет путь к расширению власти?

Март растянул губы до ушей, желая тем самым вызвать доверие к его словам.

— Ну, это еще один жирный плюс в его сторону.

— Посему?

— Меня, например, это крепко пугает. Ты дашь мужу власть, это правда. Большую власть. А вместе с нею и огромную ответственность за жизни других, их успех и благополучие. Он должен уметь их защитить и справедливо судить. Он должен быть сильным духом. Иначе... Ир пострадает... Иридания пострадает! — опять он сделал

страшные глаза. — Лана, не каждый сможет быть хорошим лортом. Ты вообще, понимаешь, что ты! ты, Лана, а не люди Ира, выбираешь того, кто будет вести их в будущее. Каким оно будет? Это будет зависеть от того, каким будет твой муж. Я, например, не хочу брать на себя такое ярмо. Слаб я, не потяну такое бремя.

Я слушала его, и, вдруг, поняла, какая огромная ответственность легла на мои плечи. Об этом говорил и Наран много дней тому назад. Но тогда я не придавала его словам особого значения. Когда же об этом упомянул Март, я крепко задумалась.

— Март, а что ты скажешь в этом отношении о Лахрете?

— О Лахрете? Хм... Мой Нук его боится. Он чувствует его силу и силу его Лирита. Если по чесноку... он крутой мужик. Слава его опережает его. Он — герой Ернонской битвы. Самой страшной битвы, где погибла почти половина всех ниясытей Заруны и их наездников! Говорят, что победили в ней благодаря именно его способному управлению и продуманной тактике. А еще говорят, что он дрался, как бог! Не каждый на это способен. А по мне, так Тирет, наш лорт Ира, должен рыдать в сторонке от зависти. Что говорит твоя Забава о нем?

— Забава? Она мне говорила, что он чувствует меня. Кстати, а что это значит?

Март удивленно вскинул брови.

— Интересно, — он скривил пораженно губы. — Весьма интересно...

— Март! Я иногда готова тебя придушить, когда ты так говоришь. Сказал и не закончил. А мне — догадывайся! Знаешь, чего! я могу понапридумывать?! Я умею, — я угрожающе погрозила ему пальчиком.

Он же, показано испугавшись, вскинул руки вверх. Я возвела глаза к небу, махнула на него и, заложив руки за спину, как товарищ Наран Ниасу, пошла к окну.

— Лана, то, что сказала Забава, значит очень много. Видимо, он — эмпат.

— Чего? Кто? — я даже закашлялась и развернулась к брату.

Он поднялся с дивана и подошел ко мне.

— Какая ты у меня не догадливая... — его рука легла мне на плечо. — Забава тебе попыталась сказать, что за рыбка, этот наш преподаватель по биологии, — хмыкнул какой-то своей идее и продолжил: — Кстати, это многое объясняет... Среди ириданцев встречаются эмпаты. Чаще всего они становятся наездниками ниясытей. То, что Лахрет — эмпат, я не слышал. Значит, он скрытый. Интересно, почему он это скрывает? Наверное, из-за службы...

— Что это все значит? Я не знаю, кто такие эмпаты, — я моляще составила брови домиком.

— Эмпатия — это осознанное сопереживание эмоциональному состоянию другого человека без потери внешнего происхождения этого переживания, — заговорил он книжными словечками. — По-сути, это значит, уметь чувствовать в прямом смысле твои эмоции и даже их направлять. Эмпат — это человек с развитой способностью к этой эмпатии. Понимаешь меня? — я кивнула ему. — Он чувствует людей и может... направлять их эмоции в нужное ему русло.

— Скажи, Март, а мог Лахрет специально вызвать чувства у меня к нему? — один таракан по имени «Сомнение» восторжествовал у меня в голове.

— Я не могу сказать определенно, — брат покачал головой и заглянул в мои глаза. — У тебя возникли к нему чувства? Какие?

Я передернула плечами, отведя взгляд.

— Не знаю... наверное...

— Когда? Как?

— Это имеет значение?

— Тебе же интересно, использовал ли он свои способности?

— Первый раз, когда подошел близко ко мне на одном из первых занятий по биологии.

Я тогда увидела лес, пронизанный яркими лучами солнца... Мне это так понравилось! А потом сегодня, когда... — я прикусила губу и отвернулась, засмущавшись.

— Скажу сразу, эмпатия тут не причем, — он облегченно вздохнул и широко улыбнулся.

— Но Наран... — и тут я примолкла.

— Не понял, а что там у тебя с куратором?

Я обняла себя за плечи, сжалась.

— Я думала, что мне нравится Наран...

Март закашлялся как туберкулезник. Говорили-говорили о Лахрете, уперлись в куратора.

— Ну, приехали! — выдавил он из себя. — Хотя, чего я удивляюсь? Вы так часто... кхм... общаетесь.

Я молчала, потрясенно уставившись в пол. Я и сама уже ничего не могла понять. Эти два человека вызывали у меня совершенно противоречивые чувства. Когда рядом находился Наран, у меня кровь бурлит, голова кружится, ноги подкашиваются. А когда — Лахрет, возникало чувство стабильности, уверенности, конечно смешанные со страхом, волнением и необъяснимым влечением. Сказать об этом Марту уже не смогла. Закрылась в себе. Повернула голову вправо, в сторону от Марта. Коснулась подбородком плеча. Закрыла глаза, нахмутив брови, как от боли. Неопределенность мучила меня.

Я почувствовала, как Март положил руки мне на плечи, уперся подбородком в макушку и с легкой хрипотцой проговорил:

— Любимая моя Ланочка... запутавшаяся моя сестричка... как многого ты не понимаешь ещё и так и не поняла... — я чувствовала, как дрожали его руки.

Меня окружил запах Марта. Цитрусовый, с легкой терпкостью хурмы. Что он имел в виду?

Вот так вот мы простояли довольно долго. Каждый думал о своем. Но то, что один из самых родных мне людей находился рядом, когда я пребывала в душевном смятении, очень укрепляло и успокаивало.

— Я пойду. Тебе лучше поспать. Утром на все смотришь по-другому, — он поцеловал меня по-братски в макушку и тихо ушел.

Я не обернулась, когда он закрыл за собой двери, не ответила, даже когда его не стало рядом. Так и застыла. Грешная мысль возникла в голове: неужели Март тоже меня любит? Нет, не может быть. У меня начала развиваться мания. В этот миг так сильно захотелось плакать и слёзы послушно побежали по щекам. Что только не придумает воспаленный женский мозг!

Фия застала меня все в той же зажатой позе у окна, но слез на щеках уже не было.

— Госпожа, я привезла вам ужин. Мне сообщили, что вы в столовой не ели, — покладисто промолвила каота.

Я уронила руки вдоль тела, обернулась. Покорно села на диван и стала ждать, пока она накроет на стол. Уже успокоилась и начала следить за нею.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Фия, что мужчинам нравится в женщинах? — неожиданно даже для себя, спросила я

девушку.

— Что? — ее удивление выглядело искренним.

— Я о том, почему мужчины в Иридании любят женщин? За красоту? — объяснила я.

— Нет, иата. На Заруне нет некрасивых женщин.

— А за что?

— Я думаю, за эмоциональность, — предположила служанка.

— За эмоции... — вдумчиво повторила за нею я. — Тогда это многое объясняет.

Фия не стала уточнять, о чем это я. Я же принялась за еду, пережёвывая не только то, что во рту, но и то, что в голове. При поступлении калорий в мой организм, соображать легче и тяжелее одновременно. В итоге, я бросила это гиблое дело — понять происходящее со мной, — и решила отпустить проблему на самотек. Как будет, так и будет. А пока пора на боковую, как посоветовал мне Март, хотя на улице было еще светло.

*** **

Очередной день моей учебы с самого начала не заладился. То ногу вывихнула на физической подготовки, то упала в бассейн, поскользнувшись у его края, то неправильно отвечала на уроке социологии господину Хону, позорно краснея и коверкая каждое слово. А еще вдобавок после урока той самой социологии, как вставать, так ногу схватило. Но это ничто по сравнению с тем, что случилось со мной перед уроком биологии. Об этом я еще долго буду вспоминать как о событии, никак не вяжущимся с моей историей. Просто это случилось и все...

Господин Наран поймал меня у дверей и попросил найти Лию. Ему что-то от нее понадобилось, а искать ее не знал, где, так как она не отвечала на его звонки. Я отправилась искать подругу в столовую, где она обещалась быть, так как её позвал туда какой-то знакомый. Что за знакомый? Ну, да ладно, иду. Ногу тянет возле стопы, хромаю. А пить-то как хотелось, просто невыносимо! Спустилась на лифте на первый этаж, где находилась общая столовая для всех студентов. Народу! Обед все-таки. Забава бежит за мной, и, как я, рассматривает всех вокруг. Потешная такая! Вот прямо сейчас так и хочется ее потискать. Да не время. Вот и проход в столовую. Смотрю, возле окна Лия одна сидит за столом и задумчиво смотрит на стакан перед собой с зеленым напитком. О! питье! Хочу. Но что с ней? Да, ладно, спрошу.

— Привет! — радостно к ней обратилась, став рядом. — Чего сидим?

Она подняла на меня голову и кивнула приветливо, а в глазах глубокая задумчивость.

— Чего одна сидишь тут? Ой, как пить хочется! Можно? — выдохнула я и, не дождавшись ответа, схватила стакан, опрокинув его в себя.

Лишь поставив на стол обратно стакан, я заметила во взгляде подруги беспокойство, но та ничего не проронила. Да, что с нею такое?

— Тут, это, тебя господин Наран искал. Хотел тебе, наверное, задание какое-то дать по истории. Доклад что ли? Иди. Он ждет, — сообщила я Лие.

Она медленно поднялась, ответила, что поняла и опрометью побежала прочь. Странно. Я провела ее взглядом, продолжая стоять. Почему она себя так ведет? Услышала легкий смешок и удивленный взглас справа. Обернулась. На меня глядел десяток глаз. За соседними столами, составленными вместе, сидела орава студентов второго потока. Они проходили военное спецобучение. Это мы, наездники, учились особым курсом, больше направленным на управление, руководство. А те, кто без крыльев, учились на другие направления. Эти студенты выглядели старше. Я обратила внимание на то, как странно они

на меня косились. Одни сидели с вытянутыми лицами, другие опустили глаза, некоторые открыли рты. А тот, что стоял возле них, так тот вообще закрыл глаза рукой, словно говорил: «Во, попал!» Я приветливо им улыбнулась и тоже зашагала прочь из столовой.

Был большой перерыв, поэтому я отвела Забаву в комнату, где велела Фие накрыть мне на стол. Поев и уложив свою маленькую красотку, я отправилась на урок биологии. Шла и думала, как мне в глаза господину Лахрету смотреть теперь? Наверное, он ждет от меня ответа, а я не знаю, что ответить. Мне даже страшно было об этом думать. Воспоминания о его прикосновении, когда он опускал меня с трапа, его мимолетный вздох, его слова выгоняли на спину мурашки и долго их там держали. Тряхнув головой, словно желая прогнать таким образом назойливые мысли, я вошла в аудиторию.

Вскоре в кабинет по звонку зашел ровным шагом и господин Лахрет, положил учебник и свой коммуникатор на стол и поднял на нас свой пронизывающий, умудренный взор:

— Приветствую вас на уроке биологии, — произнес он своим как всегда приятным голосом.

Словила себя на мысли, что разглядываю черты его лица, словно вижу в первый раз. И тут!...

— Уррр! — да так громко, что только задние ряды не услышали.

Что это?! Я схватилась за живот. Это у меня! Я прямо почувствовала, что все повернулись в мою сторону.

— Уррр! — мой живот так свело!

Что же это?! Мамочки! Да так резко, ух! Мама-мамочка-мамуля! Надо срочно в туалет. Я вскинула вверх руку.

— Что вы хотели, иата? — Лахрет вел себя спокойно, словно у флайера ничего не произошло.

Я в душе даже поблагодарила его.

— Можно выйти? — как-то странно звучал мой голос.

— Что? Прямо сейчас? Ведь урок только начался, — учитель удивленно поднял брови.

— Уррр! — вот живот, предатель, зачем же так громко?

— Да, господин Лахрет, прямо сейчас, — да, что же за предательское шипение выходит из моего рта?

Тут я услышала чей-то смешок позади. Оглянулась. Кан прикрыл рот ладонью и покраснел от распирающего его хохота. Чтоб его!!

— Раз вы настаиваете, пожалуйста, — преподаватель мило улыбнулся и сделал жест рукой в сторону выхода, мол, я вас не держу.

Я резко вскочила, сопровождаемая громким урчанием живота. Кровь прилила к мозгам. Перед глазами туман. Я сделала шаг и... пукнула. Мамочки! Позор-то какой!!! Тут класс взорвался диким хохотом. Я побагровела, слезы выступили с глаз. Стыдно-то как стало, не передать словами. Рука непроизвольно метнулась туда, откуда выскочил звук. Надо срочно покинуть аудиторию. Не знаю, как я выглядела со стороны, но и не хотела это узнавать. Включила ускорение и побежала к выходу, да так пихнула дверь, что та резко начала распахиваться и сразу же резко остановилась на ком-то, издав гулкий звук: «Бум»! Внутри все опустилось еще ниже, достигнув угрожающего уровня. Кого это я там?

Из-за двери вышел, потирая переносицу, куратор. Я выпучила от испуга глаза и широко открыла рот, не зная, что сказать. Сердце бешено стучало где-то в области желудка. Да что за день сегодня такой?!!

— Извините, — промычала я.

— Куда вы так торопитесь, иата? — его голос звучал мягко говоря раздраженно.

— Я-а-а-а, — начала было я, но предательский звук сзади чуть ниже пояса меня опередил в ответе, красноречиво охарактеризовав мое «смущенное» состояние.

Цвет моего лица постепенно переходил от красновато-розового до бурячного. Такого стыда я еще никогда не испытывала.

Опустив стеснительно взор, полный слез, прикрыв рукой место, откуда все норвило вырваться еще пару звонких звуков, я бросилась бежать в сторону столь вожделенного для меня места. Живот крутило так, что на полпути я забыла обо всем позоре, пережитом мною минуту назад. В голове была только одна мысль: «Лишь бы успеть!» Еще никогда дорога мне не казалась такой долгой.

Вот уже завиднелась заветная дверь туалета. Открываю. Вижу цель — дверка кабинки. Со всего размаху дергаю за ручку и... а там сидят и держат другую ручку дверцы в руках. Оказалось, шпингалет сломался, и девушка ходила по своим делам, придерживая дверцу за ручку, чтобы догадались, что занято. Да не тут-то было. Мои губы задрожали в горькой обиде, глаза забегали, но шевелиться я не могла... уже не могла... Случилось самое страшное...

Девушка оказалась адекватной и понимающей. Бережно усадила меня на унитаз и сбегала за сменной одеждой. А я сижу на горшке и горько рыдаю. Вспоминаю всех родственников, которых не помню, все самые несчастные события в моем многотрудном и многострадальном житии. Потом девушка вернулась, помогла мне переодеться и дойти до комнаты, где я еще не раз совершила побег в нужную комнату. Спасибо ей и за то, что она нашла куратора и сообщила, что я «приболела», и сегодня на учебу уже не выйду.

На ложе я лежала рядом со своей спящей красавицей и думаю гадала. Кто же меня так... обидел? А как же теперь на глаза людям попадаться? Так еще и куратора зашибла. В голове роилось множество мыслей. Бегали, как тараканы в коммуналке, из угла в угол в моем больном мозгу.

Врач приходил. Капель каких-то накапал. Полегчало. Уходя, пообещал, что завтра буду как огурчик. Наведался и Наран. Фия отправила его, сообщив, что я уже отдыхаю и врач уже меня посетил. Ушел. Бедный. Ему от меня так достается. За что же я его так? Перед тем, как заснуть, решила, что буду избегать встреч с ним. Тогда на сердце стало легче, и я уже со спокойной душой ушла в мир снов.

Утро выдалось тяжелым. Даже оздоровление Забавы не помогло. Встала. В зеркалс гляжу. Страшно. Кто в моей ночной рубашке стоит? Мешки под глазами, мутными как болото, на щеках красные пятна. Брр. Как же идти на занятия с таким лицом? Застонала. Забава озабочено свистнула:

— Что с тобой?

— Забава! У меня такой ужасный вид! — оттопырив губу, прохрипела я.

Вот это отходняк! Врач наврал. Никакой я не огурчик и капли его паленые. Или он имел в виду, что буду зеленая и в пупырышку?! Тогда правду сказал...

Зашла Фия и застала меня возле того же зеркала. Я оттянула пальцами нижние веки и стала похожа на гоблина. Повернулась к ней, а та возьми да и дернись. Точно — я страшная!

— Фия! Мне конец! — принимая нормальный облик, простонала я. — Как я в таком виде на люди появлюсь?! — и топнула в огорчении ногой.

— Я вам принесла это, — каота показала небольшую баночку с белым кремом. — Он

вам обязательно поможет. Надо только равномерно нанести крем по всему лицу. Особенно под глазами.

Я не медлила, выхватив из ее рук баночку. Вскоре изрядное количество крема покрыло все мое пятнистое лицо.

— Ой! Не надо так много! — воскликнула Фия.

— Пусть. Я по принципу — чем больше, тем лучше, — отмахнулась я. — Забава поест как обычно, а я попью только кирг.

— Хорошо, — кивнула она. — Вчера доктор просил вас предупредить, чтобы вы на физподготовку не ходили.

Отлично! Повод не встречаться с куратором! Поднесла руки к затылку, взъерошив волосы, и отправилась в умывальную по водные процедуры. Малая побежала за мной. Забава страх любила эти самые водные процедуры.

В общем, первый урок, коей была физическая культура, я прогуляла со спокойной душой. Моя цель не попадаться господину куратору на глаза пока достигалась неплохо. После всяких процедур, оформив себя в более-менее подходящий вид, облачила себя в шелковую учебную форму. Отправилась с Забавой в преподавательскую. Там Нарана быть не должно. А я схожу к преподавателю Шанту Ригосу по химии, чтобы узнать, что вчера я пропустила на последней его лекции и еще поинтересоваться у учителя Лахрета Ноа по биологии, что мне надо учить. Думаю, получу задание и в библиотеку за книгами и файлами. Займусь старательно учебой, чтобы меня не было видно.

В преподавательской застала только господина Лахрета. Тот вежливо поинтересовался моим самочувствием. Совсем не улыбался. Деликатный человек. Спасибо ему. Продиктовал тему прошлого урока и где я могу ее искать. Я записала. Старалась не смотреть в его глаза. В памяти еще красовались картинки, которые он показал мне тогда у флайера. Он не намекает, словно ничего и не было. Опять, спасибо ему.

— Могу я вас попросить, иата?

— О чем? — насторожилась я.

— Вы будете сейчас искать господина Шанта?

— Да, — фух, он не собирается меня о том нашем разговоре спрашивать.

— Он в столовой сейчас. Могли бы вы ему передать его коммуникатор. Он его забыл, — он протянул мне оный предмет.

— Хорошо, — кивнула я и приняла коммуникатор.

— И еще... — он протянул пару книг, — Это тоже надо ему передать.

— Хорошо, — повторилась я.

— Спасибо вам заранее.

— Пожалуйста. До свидания, — и, пряча глаза, я покинула помещение, чувствуя, как меня проводят пристальным взглядом.

Столовая располагалась на первом этаже, а преподавательская на третьем. Настроение поднималось. Все, вроде, уже налаживалось. Легко побежала по коридору к лестнице. До лифта решила не идти, вдруг, там столкнусь с куратором. Я еще не готова пока с ним встречаться.

Так вот, бегу я так легко. За мною по пятам Забава. Преодолела один пролет, второй, третий. Вот осталось последний пропыхать. И тут... только я пропрыгала три ступеньки, как снизу на лестницу подниматься вышли трое: господин Шант, преподаватель Рулит Мохан по этике, а посередине... Наран Ниасу! Моё лицо моментально перекосило, рот

распахнулся до колен, а глаза выпучились как у рака. Сердце активно попрыгало в коленки. Мама моя родненькая! Вот непруха-то! Там, где забилося сердце, возникла слабость, и ноги мои разошлись во мнениях. Одна еще бежала вперед, а вторая решила вернуться назад. Помирить я их не успела. Закон физики сделал свое дело. Инерция повлекла меня вниз, а ноги... Я попыталась крикнуть, вместо этого громко хрюкнула, зажмурилась, взмахнула руками как птица и... полетела.

Шумный грохот. Удивленные возгласы и кто-то подо мной. Лежу. Боюсь открыть глаза. Пытаюсь понять, что я теперь делаю. Чувствую знакомый хмельной сладкий запах ванили. Чьи-то сильные руки обхватили меня в районе лопаток. Открываю несмело сначала один глаз, потом второй. Навела резкость. Такие знакомые черты лица... Кто это? Где-то я их уже видела, правда не так близко... Я резко отодвинулась и вскочила на ноги. Мигом оценила ситуацию. На полу лежало трое. Слева был господин Шант со своими книжками, которые я ему несла. Справа — господин Рулит. Ему достался коммуникатор... или вернее коммуникатором в глаз. Я же угодила в самого куратора.

А думала, что день будет хорошим...

Через несколько секунд все трое поднялись на ноги. Господин Шант чешит правую долю задней части тела, скривился. Господин Рулит схватился за глаз. Бедолага. Теперь недели две будет светить фингалом. И Наран. Тот, вроде, не сильно ушибся. Может, разве что спиной, но крепится, не показывает. Я виновато опустила взгляд. Вокруг сразу же собралась толпа зевак. Пришли покушать, заодно и зрелище увидели.

— Госпожа иата Лана! — услышала я строгий голос куратора. — А вас я как раз и хотел увидеть!

Я залилась краской. Уши словно в кипятке окунули.

— Простите, пожалуйста, — пролепетала я.

— В следующий раз смотрите под ноги, иата — не отпуская руки от глаза, а второй протягивая коммуникатор, произнес господин Рулит.

— Да, иата, будьте в следующий раз поосторожнее, — согласился с коллегой Шант, поднимая с пола книги.

Я протянула ему переданный мне Рулитом коммуникатор со словами, что ему просил его вернуть господин Лахрет.

— Спасибо, я искал его. Думал, где я его оставил? — принимая нужную вещь, кивнул с благодарностью Шант, потом повернулся к толпе зевак: — Так, представление закончено! Можете разойтись. Займитесь своими делами! — химик махнул им и повернулся к Рулиту: — Что с вашим глазом, господин Мохан?

Тот лишь шипнул ему в ответ и развернулся в сторону лифта, буркнув Нарану:

— Вот так и ходи с вами, господин Наран, по лестнице размяться. Спасибо, неплохо размялись! Буду долго вспоминать эту разминку, минимум неделю-две, — голос преподавателя по этике звучал весьма расстроено.

— Ну, что вы, господин Мохан, — Шант подхватил того под руку, поворачиваясь так же в сторону лифта. — Разве господин Наран мог знать, что здесь будет тайфун? Позвольте, я вас провожу к доктору.

Тот кивнул, и они оба исчезли за поворотом. А Наран не двигался, смотрел на меня застыженную с издевкой. Уголки его глаз слегка прищурились в усмешке.

— Вы не ушиблись, иата? — я почувствовала иронию в его голосе. — Как вы себя чувствуете, иата, после вчерашнего? — на удивление, в его голосе звучало настоящее

сочувствие. Я ничего не ответила, вскинув на него стыдливый взгляд. — Печальный инцидент, — продолжил он. — Но он уже исчерпан. Виновник вашего... неприятного вчерашнего состояния найден, — и тут он ухмыльнулся.

— Кто? — мне стало не до обид за насмешки.

— Дело деликатное, — он подошел ко мне, слегка коснувшись плеча, увлек в сторону, чтобы мы не стояли на проходе. — Если говорить прямо, то вы оказались жертвой недоразумения.

— В смысле?

— Сейчас объясню. Может, вы помните вчерашний напиток, который вы выпили вместо госпожи Лии? — я задумчиво кивнула ему, опустив руку на прижавшуюся ко мне голову Забавы. — Так вот, он предназначался не вам, а госпоже Лие Марахит.

— У нее, что, запор? — брякнула я и тут же пожалела об этом.

Вот язык мой, враг мой! Наран широко улыбнулся. Видимо, его разбирало на смех. Он покачал головой:

— Один человек хотел привлечь ее внимание...

— Слабительным?!!

И тут он не выдержал и захохотал от всей души приятным, добрым смехом. Я сама заулыбалась вслед за ним. Ситуация действительно трагикомичная. Давясь от смеха, куратор попытался дальше объяснять сложившуюся ситуацию:

— Нет! Вы, женщины, очень холодны. И нам, мужчинам, очень сложно завоевать ваше внимание.

О ком он говорил? Точно не обо мне. Я легко обращала внимание на окружающих меня мужчин. А как тут не обращать-то? Они, как один, такие привлекательные. Мне сложно понять этих холодных ириданских женщин, если честно. Вот, например, сам куратор. Его мрачноватая харизма, утонченность манер и пытливый ум буквально сшибали меня с ног. А эти его синие глаза? Почему они так часто наполнялись болью? Что он хотел сказать своим объяснением? Я посмотрела пристально в его смеющиеся глаза и вспомнила... Тогда стоял молодой человек неподалеку от столика, где сидела Лия и закрыл лицо ладонью. Словно читая мои мысли, куратор продолжил:

— Молодой человек уже наказан, так что... — но я его уже не слушала.

То, что потом я сделала, не вписывалось в картину моего поведения в тот момент никаким образом. Я не могу объяснить до сих пор, что тогда случилось. Может, гормональный сбой? Или побочные действия привыкания к аро ниясыти? Я ещё долго думала об этой ситуации и пыталась осмыслить, что же все-таки произошло? У меня после этого было много времени подумать. В итоге, поняла одно: это просто случилось...

Я резко развернулась и побежала в сторону столовой. Почему-то я была уверена, что тот парень находился сейчас именно там. Бежала, а в голове билось: «Закопаю!» Залетаю в столовую. Народу! Мне даже показалось, что слишком много. Тут мой глаз зацепился за молодого человека в одежде официанта, несшего поднос с грязной посудой. Он! Я узнала его! Я подпрыгиваю к ближайшему столу, хватаю чье-то недоеденное пирожное и с криком: «Эй! Официант!» со всей своей взбешённой дури с разворота запуливаю в него это пирожное. И! надо же! я не ожила от себя такой меткости! Попала прямо в повернувшееся в мою сторону лицо. Пирожное было мягким и поэтому живописно застряло на носу удивленного студента-официанта. Сразу же к нему метнулась серебряно-белая молния и свалила его с ног. Раздался грохот падающей посуды с подносом. Я подпрыгиваю,

отпихиваю Забаву и начинаю его колотить по чѐм попаду. Горе-юноша даже не пытался сопротивляться.

— Негодяй! Подлец! Недоумок! — изрыгала я знакомые мне ругательства, и каждое слово сопровождала стуком кулака, хотя они больше напоминали укусы комара, учитывая немалые размеры насолившего мне увальня.

Неожиданно, меня подняли в воздух чьи-то мощные руки и оторвали от горемычного официанта. Молочу воздух кулаками, пытаюсь вырваться и продолжить свою экзекуцию, дрыгаю ножками, ору. Я, наверное, выглядела как взбесившийся котенок, которого схватили за шкурку и оторвали от собаки, а тот шипит и махает всеми лапками, выпустив коготки, и фыркает. Меня прижали к груди и крепко сдавили. И снова этот вкусно-сладкий запах ванили. Наран. Он оттащил меня от несчастного, продолжавшего покорно лежать на полу в той позе, в которой был опрокинут. Потом меня потащили вон из столовой. Я же продолжала извиваться, как змея. Мне было глубоко наплевать, что он мой куратор и надо себя вести соответственно рангу кашиасу. Мало кто может понять, что мне пришлось вчера пережить. Именно воспоминания об этом питали мой бесконечно праведный гнев. Глаза пеленой заволочла ярость. Куратор ловко перебросил меня через плечо для удобства транспортировки, и понес в сторону лифта. Забава семенила за мной и негромко посвистывала с тревогой.

— Отпусти! Немедленно отпусти! Он заслужил! Он негодяй! Ты не представляешь, что мне пришлось пережить вчера! Пусти немедленно! — вопила я.

А перед глазами его пятая точка. К слову сказать, ничего так... О чем это я? Он зашел в лифт и поставил на ноги. Прижал локтем к стене, а второй рукой нажал на этаж. В лифт быстро перед закрытием юркнула белая молния. После закрытия двери, куратор нажал на стоп, и лишь после этого я перестала трепыхаться.

— Кричать не будешь, отпущу, — глядя на меня строгими серьезными глазами, прошипел Наран.

Я кивнула, тогда он отодвинулся немного, опершись руками о стену по бокам от моего лица, и возмутился:

— Ты что себе позволяешь?! Что ты делаешь? Прилюдно позволила себе выражать так свое эмоциональное состояние! Это неприемлемо! Ты — кашиасу, или ты забыла?! — глаза его сверкали гневом, но он не кричал, хотя мне казалось, что именно кричал. — Какой ты подаешь пример тем, кого будешь в будущем вести за собой?!

Я вытаращила на него глаза и вжалась в стену. Вот это напор! От его прессинга сердце пошло погулять в область живота, однако гнев еще не прошел, и обида придала мне упрямства и сил сопротивляться давлению куратора.

— Ты не понимаешь, через что мне вчера пришлось пройти! — возразила я, назвав его тоже на ты.

Он раздраженно выдохнул, опалив меня своим горячим дыханием. Я нервно сглотнула, а сердце протестующее сжалось. Как же он близко стоял ко мне. Голова пошла кругом.

— Ты даже не представляешь, насколько я хорошо тебя понимаю! Но это не повод так всенародно позориться и унижать достоинство кашиасу, — его слова отдавались болью в виске, и снизу я слышала возмущенный возглас Забавы.

Наран покосился на нее и отодвинулся. Оказывается, моя королева пресекла его желание манипулировать мною и оказывать психологическое давление.

— Ты не имеешь право вести себя так несдержанно! — он выровнялся и презрительно

опустил уголки губ.

— Я особенная, забыл?! — вырвалось почему-то у меня.

— Я вижу, — в его словах звучало лишь неодобрение.

Кожей почувствовала, что я уже достала его. Да уж, ему со мною непросто приходится. Мало того, что веду себя не как все, память потеряла, так еще залажу во все неприятности, которые только можно. Это еще притом, что в мощном контрасте выделяюсь среди окружающих меня женщин.

— Вы наказаны за неподобающее поведение и нарушение устава атконнора. Неделью будете мыть в столовой посуду после занятий, когда отправите свою королеву на покой, — опять он перешел на «вы».

Я потупила взор, пытаюсь унять дрожь в коленях. Услышала взволнованный свист Забавы и поглядела в ее сочувствующие глаза. Она ощущала мои переживания очень остро. Моя рука легла на ее голову и скользнула до затылка.

— Что с тобой? — спросила она меня.

Я не ответила, посмотрела с укором на куратора, стекла по стене лифта на пол и прижалась к своей малышке, поглаживая ее по шелковистой спине. Она успокаивающе заурчала. Руки дрожали, сердце выпрыгивало из груди. Я подобрала ноги под себя. Вид у меня был, наверное, жалкий. Наран, молча, наблюдал за мной, словно ждал чего-то. Отошел к другой стене лифта. Почесал озадаченно, даже виновато, затылок. Понял, что перегнул палку. Прошелся туда-сюда. Остановился рядом.

— Успокоилась? — через несколько минут, наконец, заговорил он.

Наран протянул ладонь, чтобы помочь подняться на ноги. Уставилась на нее, как на гадюку. Не хочу прикасаться к нему! Но ноги отказывались слушаться. Пришлось воспользоваться его помощью. Быстро оказалась в стоячем, что, конечно, весьма относительно, положении. Ноги продолжали напряженно дрожать. Он вымучено улыбнулся. Как это редко бывало. Когда Наран улыбался, казалось, что все не так уж и плохо и что жизнь может наладиться. Почему он так часто был не в настроении? Что гложет этого молчаливого и мрачного человека? Был ли он когда-нибудь веселым от всего сердца? Так хотелось ему чем-то помочь. Обида начала понемногу отступать.

— Как вы себя чувствуете?

— Скверно. Словно трактором по мне проехали, — мрачно ответила я.

Он не стал спрашивать о том, что такое трактор, видимо, из деликатности, я и сама не знаю, что ему ответить. Откуда мне знать, что такое трактор? Выскочило и всё.

— Прошу этот инцидент считать исчерпанным, — его голос странно засипел.

Мой взгляд скользнул по нашим все еще соединенным рукам, и резко отпустила его. Он сделал вид, что не заметил и продолжил:

— Тогда завершим это так: за нарушение порядка в столовой вы неделю каждый день после обеда, когда у Забавы будет послеобеденный сон, будете мыть посуду.

— А как же мое обучение?

— После работы будете в библиотеке навестывать. Не обсуждается.

Я покорно вздохнула. Тут на лекциях ничего не понимаешь, а в библиотеке тем более... однако спорить не стала. Нет смысла. Куратор нажал на панели управления лифтом четвертую и третью кнопку и лифт тронулся.

— А теперь на урок. Наказание вступает в силу с сегодняшнего дня после обеда, — открылась дверь, и он вышел. Оглянулся на застывшую меня. — Вы идете? Или будете

подпирает стену лифта дальше?

Я послушно, повесив нос, пошла за ним. Урок прошел как в тумане. Ничего не запомнила из того, что говорилось там. Это как раз был его урок, урок истории. Он в мою сторону даже не смотрел, будто меня не существует, а мои одноклассники как-то странно на меня косились. Я же сидела недвижимо, устремив взгляд вперед и ощущая состояние прострации, когда ты не знаешь, что делать и тебе совершенно не понятно, что вокруг тебя происходит. К концу урока, вроде, пришла в себя.

Перед выходом из аудитории господин куратор соизволил обратить свой ясный взор на мою грешную персону и напомнил о грядущем наказании. Тон его не терпел возражений. Зануда! Вот и думай, что чувствовать к этому человеку. Либо гнев, либо обиду, либо дрожь как зайка рядом. Внутри я понимала, что он мне нравился, но причины не видела. Мрачный циник, думающий о чем угодно, только не обо мне, это уж точно. За что же он мне понравился? И стоит ли тратить на него свои нервы? Где-то внутри я мечтала, что рядом возле меня должен быть тот, за которого я смогу спрятаться от любой стихии, жизненных перипетий, в общем, как за каменной стеной. А рядом с господином куратором я чувствовала себя не за стеной, а как на вулкане или возле колючего кустарника, который тебе гляди да и уколёт. Можно ли долго так протянуть? Истощенной, обожженной, хочется укрыться где-то далеко и надолго. В итоге, я решила обидеться на него. И надолго.

После обеда, понурив голову, скрипя сердцем, пошла улаживать уже сонную Забаву спать. Потом в столовую. Там меня уже ждали. Вручили форму. Переделалась и за мойку посуды. Видела того парня, но сразу же отвернулась от греха подальше. Нечего судьбу искушать. А то опять не удержусь, пойду кулаки об него чесать. Смотрю, а моя... э-э-э... атака его совсем не задела. Как с гуся вода! Даже фингала под глазом нет. А ведь я точно помню, побывал там мой кулак! Наверное, я слабо стучала. Возникла мысль о том, чтобы больше поусердствовать, но сразу же откинула ее. А то поди, еще и полы заставят мыть по всему атконнору.

Вообще в столовой установлена автомойка, но для особо провинившихся обучающихся была и раковина, где высились горы грязной посуды. С глубоким вздохом перед экзекуцией, я принялась за работу. Увлелась. Даже понравилось. Мылю, полощу, ставлю на сушку. Снова мылю, полощу, ставлю на сушку.

— Здравствуйте, — услышала я позади несмелый голос и обернула голову назад через плечо. За спиной стоит тот самый парень, которого я мечтала отмутузить по полной программе. — Разрешите попросить у вас прощения, госпожа иата... — его взгляд хранил глубокое раскаяние.

Я полностью развернулась, да так резко, что парень отшатнулся. Думаю, испугался за свое здоровье. Напомнила себе про пол, который могла бы мыть, будь я поусерднее. Стало сразу легче проявлять самообладание.

— Разрешаю. Проси! — а сама так глазами сверкнула, что молодой человек видимо, пожалел, что решил подойти ко мне.

— Прошу, проявите ко мне милость, госпожа иата, — он почтительно склонился до самых колен.

Право! Столько усердия! Мой ты несчастный невезучий бедолага! Сердце сжалось в жалости, но память настойчиво напоминала о туалете, где случилось... В общем, жалость пока проиграла гневу. Выдержала паузу, дождавшись, когда тот удосужится поднять вторую половину тела в прежнее положение. Ответила:

— Хорошо, только с одним условием.

Молодой человек облегченно выровнялся.

— Каким?

— Объяснись.

— Хорошо. Тогда разрешите представиться! Марат Арто. Сын Гната и Улии Арто. Мой отец — ятгор, начальник безопасности пятого сектора.

— Ятгор? Удивил. Хочешь пойти по его стопам?

— Так точно!

— Ты что с военного потока?

— Так точно!

— Можешь неофициально, — я махнула рукой.

— Слушаюсь, неофициально! — ему еще осталось только «мэм» сказать. Меня перекоробило всю. — Дело в том, что я помолвлен с ниритой Лией Марахит. Она моя невеста.

— Невеста? — я почувствовала, как мои брови взметнулись вверх.

Сколько я нового узнала о своей подруге! Вот партизанка!

— Да. Мой отец сосватал ее у наших соседей, ее родителей Цирона и Прии Марахит. Господин Цирон минвот (в смысле министр) энергетики Ира. Ей тогда было около десяти лет, — молодой человек запнулся. — Я был очень счастлив до тех пор, пока она не стала наездницей ниры.

Я прикусила верхнюю губу в задумчивости.

— Значит, теперь она вправе разорвать вашу помолвку? — посмела предположить я.

— Да. А я этого не хочу! — его глаза блестели протестом.

Я затылком чувствовала его волнение.

— И поэтому ты съешь ей слабительное! Очень эффективный афродизиак! Приковывает навеки! — я зло сощурила глаза.

Марат спрятал лицо, склонив голову. Мялся, будто хотел, но не мог что-то сказать. Я закатила глаза. Ох, уж эти мужчины!

— Если трудно тебе «как», Марату ты понравься так! — съязвила я и сразу об этом пожалела, когда он поднял на меня глаза, полные боли.

— Мне трудно над этим смеяться, — выдавил он из себя.

Я почувствовала себя последней стервой. Жалко стало парня. Но хотелось оправдаться:

— Мне тоже трудно было как-то смеяться.

— Пожалуйста, простите меня! — он виновато составил брови домиком.

Опять этот взгляд! Сердце моё явно долго не выдержит и растает. А он продолжил:

— Понимаете, нам, мужчинам, очень тяжело от того, что мы сильно зависим от женщин. Вы такие холодные. Вы не нуждаетесь в нежности, ласке. А мужчины нет. Нам нужен, иногда как воздух, физический контакт. Мы... страдаем от того, что приходится вымаливать ваше снисхождение... — он явно не привык говорить о чувствах с женщинами.

— Объясни.

— Вам ли не знать? — он удивленно вскинул брови. — Конечно, история утверждает, что виноваты не женщины, а вирус, когда-то убивший большую часть нервных окончаний женщин, но... — Марат обескуражено выдохнул и сделал паузу, собираясь с мыслями. — Мужчины узнали, что легче добиться благосклонности женщины, когда она раздосадована чем-то...

Я шокировано заморгала глазами. Вот это чудеса на виражах! Совсем меня запутали!

— Это как? Доведи женщину до сказа и она твоя?!

— В целом, да. То, что я сделал, предназначалось не вам, а Лие. Понимаете, окружающие мужчины к таким шалостям относятся весьма снисходительно. Мне не повезло, что я попадал на вас, а не на Лию.

— Лия знала об этом?

— Скорее всего, догадывалась.

— Случай со слабительным не первый раз?

— Еще случай в спортзале. Вы тогда шапочками поменялись, и я вас перепутал.

Я пораженно хмыкнула. Не ожидала! Но зато все начинало проясняться и становиться на свои места. А я имела грешок думать на Лию. Может, она после того, как увидела меня висящей на канате, отправилась выяснять, не он ли виноват в этом?

— Марат!

— Говорите, иата.

— Вы понимаете, что разозлили не Лию, а меня?

— Да, — он снова принял жалкий вид побитого щенка.

— Ха! — мой всплеск эмоций вывел его из оцепенения. — С такими темпами, молодой человек, вы добьетесь расположения не Лии, а моего! — я насмешливо растянула губы.

Он широко распахнул глаза от шока. Смотрю, рот его чуть до колен не достал.

— Я... я... я не... — начал заикаться мой новый друг.

— Не нервничай ты так, — отмахнулась я. — Видишь ли, я особенная. Меня этим не возьмешь. Ну, разве что контузию заработать можно, а так... — я пожала плечами, насмешливо наблюдая за вытянутым красивым лицом Марата. — Так что, ладно уж, давай пожмем друг другу руки и забудем все, — я примирительно улыбнулась и похлопала по плечу.

Тот лишь продолжал проветривать рот, рассматривая меня, как диковинную зверушку.

— Мало того, — продолжила я, — предлагаю тебе помощь в приобретении дружбы со своей невестой.

— Правда?

— Правда. Объясняю. Это для того, чтобы ты чего не перепутал опять. Видишь ли, я хочу жить и рассчитываю довольно долго этим заниматься. А твои потуги меня пугают. Так что, не напрягайся больше. Ясно?

— Так точно!

Я громко засмеялась и с довольным видом повернулась мыть посуду, жестом махая ему, что разговор закончен, и мне просто необходимо вымыть всю посуду. Так я приобрела себе еще одного друга.

*** **

Вот и закончилась неделя моих мучений в столовой. Но мучения ли это были? Марат оказался очень веселым парнем, полным бесконечных шуток-прибауток и смешных историй. Мне он понравился. Веселый, и никогда не боялся признавать своей вины. Это вызывало у меня большое чувство уважения. Еще к нам приходили после занятий Март, Лия и Магон с целью внушения мне радостных чувств и с целью поддержания боевого духа. Марат же был счастлив до безумия. Ну а как же? Лия же приходила! Март с Магоном в лице Марата нашли родную душу. Я иногда переживала за свой живот, который нескончаемо болел от их шуток. Часто засиживались допоздна, сидели за столом у окна, за которым темнела звездная ночь, и

травили анекдоты или смешные случаи из жизни. Я точно могу сказать, что та неделя была для меня не наказанием, а одним из самых счастливых и беззаботных дней моей жизни. Тогда я была счастлива, спокойна и беззаботна. Потом эти дни сменил другой этап моей жизни, насыщенный, плодотворный, тяжелый и полный тревог. Больше я так себя легко и непринужденно не помню, чтобы чувствовала.

В седьмой день недели, в завершении моего наказания, в столовую завалило завсегдаае трио. Они шумели как никогда. Приволокли мне в подарок плюшевую игрушку, мол, это в награду за тяжелые труды и смирение. И долго с пафосной торжественностью вручали ее смущенной мне. Марат уже закончил работу и ждал друзей. Я их шутливо называла трио «MMM». Мне было уже весело от того, что имена у них были похожи. А характеры, так вообще!

— Лана! — Март находился в весьма приподнятом настроении и привычно загреб меня за плечи. — У нас с ребятами родилась гениальная идея!

— Ха! Мы подумали, а Март решил, — заметил, регоча как конь, Магон.

— Ну, это не так уж и важно, — состроил, оглядываясь, серьезную моську брат. — Мы все идем отмечать окончание твоей практики по мытью посуды в Тифнор! — при этих словах он сделал паузу и многозначительно уставился в мое лицо, словно ожидал, что я упаду в обморок от восторга. Этого не последовало, поэтому торжественное выражение Марта сменилось некоторой досадой. — Это круглосуточный развлекательный центр Ира! — он восторженно выпучил глаза.

Я сделала вид, что понимаю. Но скорее это я сделала для успокоения взволнованной души брата, чем от искренности чувств. Я все равно не понимала этого восторга. Да, я слышала, что Тифнор славился во всем Ире великим разнообразием всяких развлекательных мероприятий. Но представить себе не могла, что на самом деле это такое. Что ж, мне представлялась возможность это узнать.

— Да, Лана, вижу, что ты — темнота дремучая и не знаешь, что такое — нормально развлекаться! — Магон уже давно забыл о формальностях. — Я же соизволил составить список развлечений, дабы просветить твоё дремучее высочество! Так что мы просто обязаны успеть посетить их все! Так, — он начал загибать пальцы, — значит, танцы, коньки, ролевые кужи, средо, кэгож, жизургу и, конечно, хорошо поесть! — глаза нурита горели предвкушением.

Разумеется, я почти ничего не поняла из перечисленного, но это, несомненно, являло собой что-то крепко зажигающее и стоящее, если судить по горящим глазам пришедших и ждавшего Марата.

— Так что, Лана, Марат! — Март повелительным, царским жестом указывая в сторону столовской раздевалки, велел: — Давайте, переодевайтесь и мигом на выход! Нас ждет вечер чудес и смеха! А так же впечатлений и сильнейших эмоций! Времени в обрез!

Я уже загорелась от одних только больших глаз Марта. Представляю, что нас ждет!

Мы с Маратом недолго думали. Через минуту наши передники уже висели на вешалке, а мы летели на всех парах к выходу из атконнора. Еще к нам по пути присоединились два друга Марата: Сног Дигорт и Вирос Жицо с его потока.

И вот, группа из нас, то есть семерых студентов атконнора, полными томления по ярким впечатлениям, уже летела на всех парусах на заказанном Магоном флайере в нужном направлении. На улице всюду светило небесное светило, окрашивая небо в насыщенно синий цвет, по которому кое-где плыли перья белесых облаков. Обещал за всех заплатить Магон.

Мне так неудобно было. На что «деликатный» Магон «вежливо» ответил:

— Неудобно штаны через голову натягивать. Ты — моя кашпасу. Так что, кто знает, когда-нибудь мне вернется, — он хитро прищурил глаза и ехидно подмигнул.

Я и замолчала. Надо уметь принимать подарки от друзей. Им это приятно.

Итак, развлекательная программа началась. Первым делом мы поели. Набрали всяких вкусняшек, запили коктейлями, соками, в общем, намешали всякой гадости в желудке, и пошли на первый этаж. Там располагался самый настоящий каток! Я потеряла дар речи, заведя его за бортиком. Рядом мы в крупной раздевалке арендовали коньки и шумной толпой завалили на лед. Удивительное дело, но я чувствовала на нем себя очень легко, словно до потери памяти только и делала, что каталась на коньках. Это впечатлило друзей, особенно тех, кто оказался на той самой точке, которая завершала часть тела, носящей гордое название «спина». Они делали глазки блюдцами и восторгались моим восхитительным умением держаться на лезвиях. Я же деловито проплывала мимо и махала им ручкой.

После часа катания на льду наша гопкомпания направила усилия на ролевые кужи. Оказывается, это такие двухместные круглые приспособления, которые ездят на шести колесах по специальной площадке. А ты сидишь и крутишь баранку. Мы с Лией залезли в один из них. Ох, и напищались мы! Я тогда почему-то удивилась поведению подружки. Столько эмоций у ириданской женщины? Она была из тех женщин, что умели чувствовать. Поэтому Лия такая отзывчивая. Других женщин я знала мало. Как-то не приходилось сильно близко с ними общаться, кроме Марты да ее детей. К слову скажу, Марта, хоть и была спокойной, но назвать стервой не поворачивается не то, что язык, даже думать противно. Просто она всегда была Снежной королевой и все. Но это я отвлеклась от темы... Итак, отдых!

Следующим стал срэдо. Это что-то. Понимаю, почему Магон настаивал посетить его. Он являл собой круглую площадку, огороженную прочной сеткой, укрепленной металлическими прутьями, и крепящейся на широкой оси. Вдоль сетки строились в рост человека пластины с ремнями на уровне талии, груди и бедер. Желаящие становятся возле этих пластин, куда их крепко-накрепко притягивают ремнями. Я потом поняла, зачем. Когда это железное сооружение на мощной оси начинает крутиться во все немыслимые направления, вспоминаешь, что тебе забыли еще голову как следует закрепить и ноги. Я думала, что я на кужах накричалась. Нет. На срэдо я «вспомнила» всех своих родственников, маму, папу, дедушку, бабушку и еще пару названий, которых значений не знала. По завершении колбасения в этой громадной штуковине, я не только перестала чувствовать гравитацию, равновесие и ориентацию, я еще и поняла, что зря поела перед аттракционом. Еле добежала до какой-то урны. Все содержимое желудка оказалось там. Я потом дико извинялась за такой «бардак». Ну, а о том, что я охрипла, точнее, почти потеряла голос, можно вообще не говорить. Марту пришлось даже меня сводить в местный медпункт и попросить помочь с «плохим» самочувствием. Смеялись с моего хлипкого тела от всей души. Лия тоже не осталась «равнодушной». Она долго сидела на лавочке возле этой проклятушей машины и никого, и ничего не слышала и не видела. По возвращении после медпункта, я картинно заявила, что больше ни на что подобное не соглашусь. Ресурсы моего организма уже исчерпали себя.

— Ладно, Лана, — успокоившись, выдавил из глотки Магон. — Кегож — это культурный отдых в местном океанарии. Там напрягаться не надо. Просто ходи и на рыбок

смотри.

Это предложение мы с Лией одобрили единогласно. Я всегда хотела собственными глазами увидеть водный мир Заруны. Пока что я видела его только по кому и в книгах.

Подводный мир Заруны оставил неизгладимый след в моем неокрепшем сознании, заставив навсегда проникнуться глубоким уважением к силе и грандиозности этой великолепной планеты. Поразило не только разнообразие его, но и размеры некоторых представителей водной фауны. Кое-какие виды достигали, по словам гида, двадцати метров! Те, кто поместился в бассейнах океанариума, были малышами, в сравнении с ними. Мне было страшно даже представлять этих существ. Особенно мне запомнилась одна рыбка, которая все время плавала недалеко от меня вдоль стеклянной стены ее аквариума. Размер ее достигал полутора метра. Четыре плавника, хвост, голова и брюшко имели желто-белый окрас, а все остальное тело переходило серо-черным градиентом. Я обратила внимание на глаза. Они были как у человека, только зрачок имел треугольную форму. Гид назвал ее трудновыговариваемым словом. Я нарекла его просто — филгичик. Гид рассказал, что эти филгичики всегда сопровождают корабли людей, куда бы они ни плыли. Легко шли на контакт с людьми. У них даже присутствует слабый интеллект. Я прилипла к толстому стеклу и строила ему миленькие рожицы. Филгичик пытался их повторять, от чего я хваталась за живот от смеха.

Жизургу оказался небольшим спектаклем мимов. Он обычно показывается на большой сцене с танцами и легкой акробатикой длительностью около часа. Мы успели почти вовремя на начало.

В конце-концов, уставшие, но счастливые, мы вышли из Тифнора затемно. Из-за освещенной площади перед развлекательным центром звезд на небе почти не было видно. Я задрала голову и уставилась в небо. Как давно я не смотрела на небо. Свежий вечерний воздух наполнил мои легкие, от чего закружилась голова. Я счастлива. Я определенно счастлива. Как после такого времяпрепровождения можно подумать, что что-то может пойти не так или настроение можно опустить? Глубоко убежденная, что сегодня точно ничего не случится, я широко шагала к заказанному флайеру.

— Ну, что? — спросил нас Магон возле флайера. — Вам понравилась сегодняшняя программа?

— Надо будет повторить для закрепления, — потягиваясь и кряхтя от удовольствия, протянул Марат.

Все время, что мы провели в Тифноре, Марат не упускал возможности приблизиться к Лие. Поддевал ее, возникал рядом из ниоткуда. Она же весьма благосклонно это все терпела. Интересно, о чем она думает? Нравится ли ей его компания или она привыкла к нему с детства? В самом флайере, пролетая мимо освещенных домов и зданий, я вспоминала, как первый раз ступила на землю этого огромного города. Неужели я тогда могла представить себе, что моя жизнь повернется таким кардинальным образом? Вспоминала, как прошла единение с Забавой. Передо мной предстал решительный образ Нарана. Он знал. Он знал что я пройду единение. Он был на все сто уверен в моем таланте. Откуда? Интуиция? Почему я снова мыслями возвратилась к этому человеку? Не хотела. Он отталкивал меня всячески, как только я решусь приблизиться к нему. Почему? Неужели он не видит моей симпатии? Иногда он казался мне холодным и равнодушным. Чего он хочет от жизни? Ради чего живет? А я? Ради чего мне жить? Чего искать? Пути домой? А надо ли? В эти раздумьях я не заметила, как флайер остановился у подъезда в атконнор.

Когда я очнулась, все уже вышли. Меня позвал у выхода Март. Вышла и тут же замерла на месте в замешательстве. У входа в атконнор стояли два человека. В первом я сразу признала куратора, от чего сердце ухнуло в пятки, а второго видела впервые. Зато его явно хорошо знали Марат и его друзья. Я прикусила губу и несмело зашагала к ним. Мои друзья уже стояли там. Наран походил на тучу. Нахмуренный, с плотно поджатыми губами и бегающими желваками. Руки скрестил на груди.

— Оппа! — услышала я голос идущего рядом Марта.

— Нет, — шепнула я ему в ответ. — Влипли.

— Так я о том же.

Когда мы подошли, Наран шевельнулся в мою сторону и грозно прорычал:

— Почему выключили коммуникаторы?!!

Я вжала голову в плечи. Страшен в гневе наш куратор, в который раз убеждаюсь.

— Вы понимаете, какой сейчас час?!! — его ноздри расширились, он обвел взглядом всех присутствующих и снова поглядел на меня.

Такое ощущение, будто я всех подбила! Я заморгала виновато и опустила взгляд. Наран шагнул угрожающе в мою сторону с желанием схватить меня за руки и отволочить в комнату. И, главное, с таким лицом! Вот, что бы вы сделали на моем месте, если бы в вашу сторону надвигался взбешенный буйвол? А именно буйволом куратор для меня и выглядел.

— Мамочки, — на своем родном всхлипнула я, развернулась и со всех ног помчалась прочь, в темноту стоянки флайеров.

Вот, я, наверное, удивления нагнала! Хе! Явно не ожидали! Они замерли, рты пораскрывали. Ну, и хорошо. Хоть во рту проветрят. А я бегу со всех ног.

— Лана, ты куда?! — услышала я крик Марта.

— Иата!!! — кинул вдогонку Наран.

А я бегу, дыхание сбивается. Ну, не хочу я, хоть убей, перед таким Нараном отчитываться. Спиной почувствовала, что за мной никто не побежал. А то сразу бы догнали, бегаю я медленно и сравнивать меня с ними нельзя. Пигалица. Сначала меня это не озаботило, пока я не остановилась и не оглянулась. Все, как один, стояли и смотрели в мою сторону. Вот я дура!!! Чего бежать-то? Спряталась в тени флайера. Стою, дыхание восстанавливаю, не свожу взгляда с них. Почему они не шевелятся? Вдруг, сзади на меня пахнул порыв воздуха и послышался шелест крыльев. Я медленно повернулась назад. В двух шагах от меня опустился на землю Наранов Натон. Узнала его по запаху. Вон оно что! Они и не думали бежать! Зачем, если есть ниясыть? Я точно дура! Натон сровнял голову вровень с моими глазами.

В голове возник мыслеобраз. Натон просил вернуться. Сначала я опешила. Как быть? Нур смотрел на меня, не мигая. После дикого бега страх ушел, и дыхание вернулось в спокойное состояние. Оглянулась. Далековато я убежала.

— Наран настаивает, чтобы ты немедленно шла назад, — произнес он.

Я обернулась снова к нему. Огромный фасетчатый глаз переливался в свете фонарей атконнора фиолетовым. От нура веяло спокойствием и настойчивостью. Глядя на него сейчас, я вспомнила тот первый раз, когда впервые увидела его. Рука сама поднялась к надбровью и скользнула вниз по шее к плечу. Послышалось довольное урчание. Ниясыти так любили ласку и урчали, как заправские коты, стоит их только коснуться. Я с нежностью засмеялась, уже совсем позабыв о том, что ждет меня впереди, точнее кто.

— Натон, ты такой хороший, — восторженно выдавила я.

Нур одобрительно сверкнул глазом. Я же скользнула взором ему на спину и в уме невольно мелькнула мысль: «Как хочется сесть на нее». Не знаю, почему она у меня возникла. Я всегда восхищалась ниясытями, еще с самого первого раза, когда увидела Натона. Желание сидеть верхом гнездилось во мне глубоко и крепко, но воплотить ее я не могла, так как Забава была очень молода и мала, а других ниясытей я так близко возле себя, кроме Натона, никогда не видела. Как замороженная, я глядела на плечи, где обычно восседали наездники, и желание росло с каждой секундой.

— Садись, — услышала я в голове.

Неужели можно?! Я удивленно повернулась к голове нура. Не могла поверить в то, что он мог это предложить, ведь ниясыти летают только со своими наездниками! Сердце бешено заколотилось, дыхание снова участилось. Надо было сильнее удивиться, но я уже не думала. Уперлась ногой в подставленную мне лапу, легко скользнула ему на плечи, перекинув вторую через шею. Уселась. Уютно так, будто ниясыти специально созданы для того, чтобы на них верхом летали люди. Так комфортно. Натон выпрямился и расправил крылья. Я вцепилась в шейную складку. Затем он слегка прижался к земле, резко оттолкнулся мощными задними лапами и взмыл вверх. Сердце ухнуло в желудок. Это круче, чем все аттракционы вместе взятые! Ночной свежий воздух пахнул мне в лицо, вскинув вверх и назад мои кудрявые волосы. Я со всей силы обхватила ногами шею Натона, чувствуя легкий страх. Он, немного изогнув шею, повернул в мою сторону голову. Послал мне успокаивающие мысли, и сердце вернулось обратно, но бешено биться не перестало.

Полет длился мало, не прошло и минуты, однако впечатлений оставил надолго. Натон мягко опустился возле ступеней главного входа, как-то особенно пророкотав. Я продолжала сидеть верхом, не в силах пошевелиться от восторга. В то же время на меня смотрело восемь опарашенных пар глаз. Странно, чего они так таращатся? Через минуту пришел в себя Наран и подошел к Натону. Похлопал его по шее и протянул мне руку:

— Слазьте, иата, пожалуйста, — уже спокойно проговорил куратор.

Я послушно сползла с уютного местечка, погладив благодарно по шее нура и сказав на прощание:

— Спасибо тебе, Натон.

Тот рыкнул что-то вроде «пожалуйста», и растворился в ночном небе. Я оглянулась на куратора, после того, как взглядом проводила ниясыть. Наран смотрел на меня задумчиво. Очень задумчиво.

— Госпожа иата, ваш поступок с Тифнором был весьма безответственным. Прежде, чем туда отправиться, вам необходимо было меня предупредить, — его голос звучал ровно и сдержанно. — Вы слишком задержались. По времени у Забавы началась вторая фаза сна, и вы обязаны быть с нею.

— Я знаю, — опустив покаянно голову, ответила я.

— Тогда почему вы так себя ведете?!

Я повернулась на окруживших нас и молчаливых друзей. Те не сводили обескураженных глаз с меня.

— Я вас боюсь, — совсем тихо прошептала я.

Куратор удивленно хмыкнул.

— Бойтесь?

Кивнула, не поднимая глаз. Он глубоко вздохнул и глянул в сторону входа в атконнор, потом на моих побратимов:

— Вы свободны, — бросил он им командным тоном.

Те повернули и послушно поплелись по своим домам, то есть комнатам.

— Жаль, что вы чувствуете страх по отношению ко мне, — протянул он задумчиво, глядя вслед уходящим студентам и куратору Марата. — Хотя с другой стороны, он даже полезен и в некоторых случаях приводит к... интересным открытиям. Прошу простить, что был не сдержан, вызвав тем самым ваш страх. Больше такого не повторится, — он наклонил голову и виновато улыбнулся.

Я поджала губы, поглядев на него из-под лба. Отвечать не спешила.

— Кашиасу не должны бояться своих подчиненных. Это вредит их психике и обществу в целом. Моя ошибка, — продолжил Наран, протягивая руку к моему локтю, чтобы увлечь меня в атконнор.

Что за дурная привычка тягать меня за руку? Он что, боится, что я убегу? Хотя... теперь у него есть повод бояться.

— Я понимаю, вы хотели защитить меня... — прорезался у меня голос и тот замер, заглядывая мне в лицо, значит, попала в точку. — Прошу вас и дальше стараться меня оберегать от неправильных действий.

Подумав немного, он ответил:

— Пока это моя прямая обязанность. Что ж. Теперь мы можем пройти внутрь?

В тот момент я хотела спросить его, что он имел в виду, когда сказал «пока»? Не хватило смелости. У лифта я молчала. В холле уже никого не было. Куратор вызвал лифт. Прибыл тот очень быстро. Вошли в него, и он нажал на мой этаж. Но только лифт тронулся, как, вдруг, резко что-то где-то вверху клацнуло, свет погас и кабина замерла. Я испуганно всхлипнула, шагнув в сторону, и уперлась лбом в грудь Нарана. Машинально его ладонь оказалась между моими лопатками. Второй рукой он сразу нашарил в кармане коммуникатор и позвонил.

— Кусгирч, в чем дело, что с лифтом?... — услышала над ухом его удивленный голос. Он с кем-то разговаривал. — Как долго?... Я сейчас в главном лифте... Со мной кашиасу Лана Арамс... Прошу вас поторопиться, — и он отбилсь, обратившись ко мне: — Произошла легкая техническая поломка. Скоро ее исправят. Минут через пять-десять.

Я кивнула и поднесла ладонь к лицу, нервно потеряв щеки. Наран успокаивающе обнял меня и второй рукой. Запах ванили кружил голову. Я понимала, что он подумал о том, будто я испугалась, что мы застряли в лифте. Поэтому приобнял меня, чтобы не боялась, не более того. Однако от этого сердце не переставало бешено колотиться. Что тут говорить? В этот миг я не думала ни о чем. Что это? Просто феромоны или я, в самом деле, влюбляюсь? Он тихо заговорил:

— Я вас искал вечером. Нигде не мог найти. Я, правда, испугался за вас. Сейчас психика Забавы очень уязвима и... вы ценный человек в этом учреждении. Во всем Ире... Вы даже представить себе не можете, сколько вы значите для всей Иридании, — он говорил, а я его плохо слышала. — Наше общество только начало зализывать раны после войны с тараками. Долгой и изматывающей войны. Королевы стали мало рождать и давать миру своих смелых сыновей и дочерей. Нас мало. Мы не выдержим еще одной войны с тараками. Пока еще биополе хранит нас. Пока еще тараки не нашли способа его преодолеть. Но надолго ли этот хрупкий мир? Нам нужны сильные королевы. Вы, Лана, стали символом и надеждой для нас... — я почувствовала поток его мыслей и увидела! Снова увидела что-то, что он не смел говорить иногда даже себе, что знал и скрывал почти ото всех.

Всего лишь краткий миг я видела книгу. Ветхую, запыленную. Вот она лежит где-то в заброшенном здании и ждет... ждет, что к ней придут и прочитают. В его сердце теплилась надежда, что она даст ответы и поможет решить какую-то горестную проблему. Это был всего лишь миг, однако мне этого хватило, чтобы понять, что этот предмет для него ужасно важен.

— Завтра в вашу честь будет организован приём. На нем вы будете представлены высшему обществу Иридании, — говорил он, а я его слушала в пол уха.

Приём? Какой прием? Я собиралась завтра заниматься недвижимостью на кровати. Я так сегодня устала!

— Вы понимаете, о чем я говорю? — он попытался меня отстранить, но я прилипла крепко, схватившись за его грудки.

В темноте так страшно, а у его груди легко и спокойно. Он безысходно вздохнул, согласившись меня потерпеть.

— На этом приёме вам будут представлены все высшие чины Ира. Также придут и некоторые другие наездники с других центральных городов. Ир — столица. Придут наездники с Замбы, Кодосса, Тилитов, Вардов, Сандрии, Милика, Зарвы, Ернона, Досго Туруго, Уторжаии и еще нескольких, — перечислял он самые большие города Иридании, областные центры. — Прием организован огромный. Около пятисот человек в целом. Я так думаю, вы понимаете одну из скрытых целей приёма?... — он сделал многозначительную паузу, словно старался подобрать правильные слова. — Будет много мужчин, интересующихся вашим вниманием. Но прошу вас, будьте осторожны и не доверяйте каждому. Помните, ваш выбор будет влиять на будущее Иридании.

Я зажмурила упрямо глаза. Снова он об этом! Не хочу сейчас об этом думать! Тем более, когда он так близко!

— Лана, вы слушаете меня?

Я коротко кивнула. В темноте и так не видно лица. Кивок он поймет. Говорить ужасно не хочется.

— Утром к вам придёт шиасу Мара. Она ответственна за это мероприятие. Но если она будет на кого-то намекать, не обращайтесь к ней. Это ваш и только ваш выбор! Слышите меня?

Я резко отодвинулась от него, и сразу же появился свет. Почти одновременно. Эффектное совпадение, особенно подчеркнувшее мои чувства. Я недовольно уставилась в его синие глаза. Сказать ли ему, что он нравится мне?

— Я... — начала было я, но он перебил:

— Пожалуйста, присматривайтесь повнимательнее.

Я взволнованно свела брови, не сводя взгляда с его раскосых синих глаз. Смотрела так, будто хотела загипнотизировать его.

— Зачем мучиться? Давайте, я вас выберу, и закончим эти пытки? Чем вы не прекрасный вариант? — выпалила я, сделав вид, что раздражена, а на самом деле хотела узнать, что чувствует он.

Точно говорят, что самые серьезные и искренние мысли мы говорим так, чтобы не подумали, что это правда.

Наран склонился надо мной. Я видела, как выразительно играли желваки на его лице от внутренней борьбы.

— Лана, поймите, это не игрушки.

— А чем вы не подходите? Разве у меня выбор велик? Раз надо выходить замуж, то зачем долго искать? — мои ноздри непослушно раздулись от напряжения.

— Я — не вариант, — отрезал он и отвернулся, больно оттолкнув мои руки от своей груди.

Как я вообще могла об этом заговорить? Самой не верилось.

— От чего же? Вы хорошо знаете историю, происходите от уважаемой семьи, наездник, военный. Чего думать-то? — я старалась сдержать дрожь в голосе, пытаюсь скрыть истинные чувства.

— Лана, вы многого не знаете ни обо мне, ни о том, что предлагаете. Я спишу это на то, что вы потеряли память, и многое не знаете об укладе и культуре мира, в котором живете, — он покраснел от волнения.

Что с ним? Чем дальше я с ним говорила, тем недовольней он себя чувствовал, будто я разбредила давно забытые раны.

— Чего я не знаю о вас? — я глубоко втянула воздух и в этот момент лифт тронулся.

Наран отвернулся, поставив руки в боки. Явно, ему не по душе этот разговор.

— Ладно, хватит об этом, — процедил он сквозь зубы. — Я — не вариант и точка!

Чего это он так взбеленился? Я не говорила с ним прямо о своих чувствах. Может, он догадывался? Я опустила руки, которые прижимала все это время к груди... Попыталась расслабиться, собраться с мыслями. Он не чувствовал меня! Мысль ударила, как пощёчина. Он не хотел понимать меня. Закрывшись в себе, Наран искал выход. Но куда и зачем? Он метался в своем сознании, как тигр в клетке, и не мог найти выхода. Что произошло в его жизни, что сделало его пленником своего же собственного я. Обижаться ли мне или пожалеть его? Больше он ничего не говорил, а я не спрашивала.

Двери лифта с шипением разошлись в стороны. Я медленно, как в страшном кошмаре, покинула кабину лифта и даже не оглянулась на стоящего и понурившегося куратора. Я задела его за живое. Чем? Что именно его задело? Почему я не могу читать мыслей? Еле-еле я дошагала в свою комнату. Она сейчас казалась мне камерой заключения. Если бы не Забава, я отчаялась бы. Затылком слышала, как закрылись дверцы лифта, догадавшись, что Наран поехал к себе.

В темной комнате я разделась, натянув ночную сорочку, и улеглась возле своей маленькой королевы. Та тихо пискнула во сне, прижавшись ко мне. Родной ее запах дикой вишни успокоил мои воспаленные мозги, и я устало закрыла веки. Засыпая, думала о том, что не хочу замуж, и разве в этом меня может кто-то переубедить? Даже этот безразличный Наран...

*** **

Разбудили меня чьи-то голоса. Мелькнула мысль — может, мне замок вставить в дверь, чтобы кто попало не входил в мои покои? Ну, кто там уже галдит? Я нехотя открыла глаза и оглянулась к источнику моей побудки. На диване сидела шиасу Мара. Возле нее стояла Фия. Я протестующе недовольно заворчала:

— Могли бы вы пообщаться в другом месте?

— О! Она проснулась! — воскликнула высоким голосом Мара.

— Госпожа Лана, пожалуйста, вставайте. Уже пора, — Фия подошла к изголовью моей кровати.

Я недовольно простонала, укрылась одеялом с головой, и закрыла снова глаза, намереваясь спать дальше. Думаю, они сами догадаются, что надо уйти. Но не тут-то было.

Фия подняла одеяло:

— Пожалуйста, госпожа Лана! У нас много дел.

— Какие дела?! Сегодня же выходной! — я спросонья напрочь забыла о ночной беседе с куратором.

Повернулась к Забаве, отобрав одеяло у каоты. Маленькая королева сопела в две дырки, почему и я не могу?

— Лана, — это уже был голос шиасу, — тебе необходимо вставать. Надо готовиться к приему в твою честь. Так что без тебя там никак не обойдутся. Тем более Наран должен был тебя вчера об этом предупредить.

Я снова застонала, но на этот раз села в постели. Тело так болело от вчерашнего отдыха. Особенно ноги.

— Ладно, — хрипло согласилась я. — Что от меня требуется?

Оказалось, что требовалось от меня не совсем уж и многое: принять утренние ваннные процедуры, покушать и дать себя нарядить в красивейшее платье, которое принесла с собой Мара специально для этого случая. Во время завтрака Мара объясняла, какое особое значение имеет это событие лично для меня. Создалось такое ощущение, что она хочет внушить мне, что мой выбор — не мой. Что главная здесь она и я просто обязана ей подчиняться во всем. Я сделала вид, что это меня не касается. Еще я обратила внимание на то, что Забава как-то нервно дергает хвостом и подозрительно косится на эту красивую женщину. Я между делом спросила ее о волнении. Она коротко ответила:

— Она давит на тебя. Мне не нравится.

Ого! Но я не чувствовала этого. Бросив удивленный взгляд на малышку, я крепко задумалась. Помнится, Наран говорил о Маре что-то. «Но если она будет на кого-то намекать, не обращайтесь внимания. Это ваш и только ваш выбор! Слышите меня?» — всплыли его слова. Он знал? Что происходит между ним и его матерью? Неужели родственные чувства здесь не при чем? Получается, он намекнул на то, чтобы я не позволяла этой женщине манипулировать мной. Интересно. Я тайком попыталась рассмотреть ее. Вроде бы ничегостораживающего я не заметила в ней. Только эта любопытная фраза Забавы о ее незримом давлении. Тогда я покосилась на свою королеву и попросила, чтобы она следила за тем, чтобы это якобы «давление» не влияло на меня. На что та ответила:

— Я уже слежу за этим. Эта женщина не та, за кого себя выдает, — голос мысли Забавы был даже очень серьезным.

А вот эта фраза меня весьма насторожила. Однако я сделала вид, что ничего не знаю, и вела себя как обычно. Положилась в этом трудном вопросе на Забаву.

— А почему этот приём только сейчас? Ведь я стала наездницей королевы три недели назад, — спросила я шиасу с видом невинной простушки.

— Мы ждали точки невозврата.

— Чего?

— Периода, когда Забава не сможет стать нирой. Понимаешь ли, Лана, когда выклеывается королева-малышка, у нее есть три пути созревания. Первый путь — такой, как у тебя и самый ожидаемый нами, когда все идет хорошо. Тогда она станет королевой-матерью. Второй путь — она не может себе выбрать долго наездницу и становится нирой. В этом случае она начинает не так перебирать и выбирает себе, наконец, наездницу, но природа лишает ее детей, — объяснила Мара.

— А третий?

— Третий путь самый редкий. Малышка покидает мир людей.

— Как? Она же не умеет летать! — удивилась я. — И куда они улетаются?

— Малышки-королевы сильны с рождения и имеют большое влияние на остальных ниясытей. В одиночестве она страдает. Ищет выхода. Инстинкт их зовет в горы Градасса. Они просят других ниясытей, чтобы они увели их от мира тех, кто не чувствует их. Чем они там занимаются, как утешают себя, мы не знаем. Если ниясыти выбирают путь без человека, тогда они становятся неуловимы, — я слушала Мару с открытым ртом. То, что она рассказывала мне, давно тревожило мое сердце. А что, если...

— Значит, есть дикие ниясыти?

— Да, и немало, — кивнула шиасу. — Конечно, никто не знает, сколько их, но мы знаем со слов наших ниясытей, что их немало, только они отказываются идти на контакт. Почему? Не известно. Мы знаем, что в дикой природе ниясыти размножаются много медленнее, чем с людьми. Если рядом появляется человек, они уходят в зияние сразу же.

— В зияние?

— Это простонародное название прохода в подпространство, через которое ниясыти могут попадать в любую точку Заруны. Ученые предполагают, что они способны перемещаться даже среди планет, но не делают этого, так как им для перемещения нужны координаты или ориентиры. Другими словами — картинка. Некоторые фантазеры считают, что дикие ниясыти так и поступают. Перемещаются на другие планеты, — она махнула рукой, — но я считаю это абсурдом. Разве есть еще планеты, такие как Заруна, чтобы там возможна была жизнь в такой разнообразии, что и на ней?

Я лишь пожала плечами. Лично я так не считала. Но заикаться об этом не спешила. Что будет, если я заявлю, что с другой планеты? Поднимут на смех и посоветуют к врачу обратиться. Я и сама в это с трудом верила, хотя все, что было во мне, свидетельствовало, что я не такая как все не без причины.

Нарядили меня в красивейшее платье. Фасон выбирала сама Мара. Сказала, что хотела сделать мне подарок. Я взяла его в руки. Нежный шелк ласкал кожу. Насыщенный бирюзовый цвет радовал глаз. Я быстро нырнула в него. Точно по мне шилось. Откуда у Мары мои мерки? Она сняла их, когда я спала? Глядя на себя в отражение, я потеряла дар речи. Определенно я хорошенькая! Особенно, когда на мне такие роскошные вещи. Горловина имела вырез в форме лодочки с неглубоким декольте. Рукав сзади длиной достигал запястья, а спереди доходил до трех четвертей. Талия немного завышена, а по линии отреза пришита атласная лента того же цвета. От нее клешем спадала до самого полу верхняя юбка. Спереди она была не сшита и красиво разлеталась в стороны. Только я успела налюбоваться платьем, как шиасу ошеломила меня следующим сюрпризом. Она достала из своей маленькой сумочки небольшую коробочку, покрытую замшей. В ней оказались кольцо и серьги. Я чуть не потеряла сознание от восхищения. Столько камней никогда еще в жизни не видела и это великолепие я должна была одеть на прием?!!

— Это мне?!! — всё, что я смогла выдавить из себя.

— Да, — она приятно улыбнулась. — Это тебе подарок от моего мужа, лорта Тирета Ниасу.

Это день сюрпризов? Когда Мара надела кольцо мне на шею, я долго не могла прийти в себя. То, что смог сделать ювелир, обрамив блестящие голубые бриллианты в платиновую оправу фигурной формы, лишало меня дара речи.

— Это его подарок в честь твоего первого и важного приема в твоей жизни. Теперь ты

— полноправная кашасу. С этого дня — ты получаешь все законные права члена правительства Ира. Понимаешь ли ты это?

Я уставилась на шиасу невидящими глазами. Страшно подумать об этом. Способна ли я участвовать в управлении не только городом, но и всей страной, так как Ир — столица Иридания? Конечно, фактически, государством правили не шиасу, а их мужья. Но выбор подходящего мужчины, ответственность за судьбы многих, ложилась на хрупкие плечи избранницы королевы-ниясити. Почему так повелось, я не знаю. Но такая практика оказалась довольно эффективной. Иридания процветала. Люди были счастливы. Порядок соблюдался. Что двигает ниясытиями, как они выбирают себе наездницу, до конца оставалось не ясным, но это почти всегда приносило пользу обществу. После сказанных слов Мары, я лишь покосилась на нее с сомнениями. Умом я понимала, а вот осознавать отказывалась. Шиасу улыбнулась еще шире. Оказывается, сюрпризы еще не закончились. Она опять достала из своей чудо-сумочки еще одну вещичку.

— И еще, — она протянула мне треугольную карточку. — Это карточка, на которой открыт твой счет в денежном хранилище. Это твои деньги, выделенные тебе правительством по праву наездницы. На ней десять тысяч ларов.

— Сколько?! — я округлила глаза.

— Десять тысяч. Это твой лимит. Каждый месяц этот счет проверяется. Если ты сняла конкретную сумму, то из бюджета города на него докладывается недостающая сумма, потраченная тобой за месяц. Не больше. Накапливать не разрешается. Таков закон. Но, поверь мне, этого больше, чем достаточно. Знай, Лана, все наездники находятся на иждивении государства. В зависимости от ранга, они имеют свой личный лимит. Самый большой лимит у шиасу и лортов. Десять тысяч. Но не больше. Такой контроль помогает обществу уравнивать слои населения. Так что теперь каждый получает по способностям, а не по денежному состоянию.

Я сузила глаза, погружившись в раздумья. Еще один впечатляющий нюанс этого мира. Уравнивание слоев населения. Ладно, подумаю об этом потом. Мара держала себя очень любезно и снисходительно, как с малым ребенком. Я старалась не обращать внимания, сконцентрировавшись на своем роскошном облачении. Разве я могла когда-нибудь подумать о таком великолепии, подаренном мне судьбой?

После того, как Фия заколола мне волосы заколкой в причудливую прическу, и наложила макияж (да, женщины, оказывается, пользовались косметикой, хотя я считала это лишним), меня вырядили на улицу. Забава семенила за мной и восторженно восхищалась тем, какая я красивая. Я благодарно принимала ее комплименты. Уходя, я настояла, чтобы Фия отправилась с нами. Мара говорила, что это не обязательно, но можно.

В лифте я старалась заставить сердце биться медленнее, но ничего не получалось. Когда дверь разошлась в стороны, передо мной предстал холл, заполненный народом. Все ожидали появления новой младшей кашасу. Мара толкнула меня первой к выходу, шепнув в ухо, что это мой день, так что придется принимать внимание. Глубоко вздохнув, я вышла из лифта. Со всех сторон засверкали вспышки фотоаппаратов. Люд зашумел в приветствии. Периферийным зрением я заметила, что в атконноре находилось много тех, кто к нему не имел никакого отношения.

Возле входа в атконнор нас ждал грузовой, однако, респектабельный флайер с дополнительными украшениями снаружи. Сели в него. Внутри находился только один мужчина. Даже среди красивых людей Иридания его можно было назвать смело красивым

человеком. Мужественные, волевые черты лица, решительный взгляд. Властность в сочетании с благородством восхитила меня. Разве так может быть? Это был Тирет, муж Мары. Он привстал, приветствуя меня, и предложил сесть. Я послушно взгромоздилась в удобное кресло напротив. Рядом плюхнулась Забава, довольно урча мне на ухо. Около Забавы через сидение села Фия. Мара разместилась возле мужа. В замешательстве, от непривычки, я не знала, что мне делать. Поэтому уставилась на Тирета, и, не скрывая этого, принялась его рассматривать. Как же Наран был похож на него! И в то же самое время что-то неуловимое во взгляде резко отличало сына от отца. Что, я узнала много позже. Сейчас же мне казалось все вокруг ярким, хорошим, добрым и красочным.

Флайер тихо поднялся в воздух и понес вверх, оставив позади шумный земной Ир. В окне мелькнуло два силуэта ниясытей — бело-серебристая и стальная. Я догадалась об этом эскорте по выражению лиц Мары и Тирета. Нас сопровождали их ниясыти, Кара и Гор. Рядом пискнула Забава. Она приветствовала своих родителей. Интересно, есть ли в малышах ниясытей кровная привязанность к своим родителям?

— Красивая она, правда? — обратилась я мысленно к своей крохе.

— Дааа, — протянула она.

— Ты тоже будешь такой. Ты же ее дочь.

Я заглянула в ее глаза. Она не мигая, рассматривала взрослые силуэты ниясытей в смотровом окне. Погладив ее надбровье, положила ладонь на хрупкое плечо, сказав, что для меня она самая лучшая. Та, благодарно блеснув глазами, довольно свистнула и уложила голову на мои колени. Это легко сделать для тех, у кого длинная шея.

Мы покинули Ир, что крепко меня озадачило. Тирет объяснил:

— Мы покинули наземную часть Ира. Сейчас мы направляемся в так называемый Небесный Ир.

Я сначала не совсем поняла его слов, но когда увидела, то осознала, почему его так называют. То, что предстало перед моими глазами, могло лишь присниться в сказочном сне. Парящие горы!!! Они живописно вырисовывались на фоне облачного неба и стоящих рядом скалистых утесов неясными силуэтами фантастических титанов. Поняв мое замешательство, Тирет объяснил, что мы находимся в зоне магнитноэнергетического возмущения Заруны. Здесь творятся чудеса. На одной из таких парящих глыб возвышался целый город! Рядом парило еще множество маленьких утесов, на которые водрузили еще немало зданий. Мы направились к центральной и самой большой парящей скале, где находилась основная масса строений. Пролетая над изумительными постройками с замысловатыми дизайнами, дивными парками и причудливым рисунком улиц, я пыталась заставить себя дышать, словно боялась, что мое дыхание разрушит эту сказочную красоту.

По приближении нашего флайнера к городу, нас окружил десяток ниясытей. Среди них я узнала Натона. Оказывается их тоже можно различать. Я думала, что они все на одно лицо, а нет. Они различались друг между другом так же, как и люди. Не было ни одной похожей ниясыти. Еще, не знаю почему, я обратила внимание на летевшего рядом с ним нура. Тот выделялся среди других размерами (он был крупнее других на пол головы). Но не это удивило меня. Нур держал голову выше над телом, чем другие, что говорило об эмоциональном превосходстве и силе. Лишь пара нуров походили на него, среди которых был и Тиретов Гор. Я восхитилась его грацией, особой манерой и изяществом движений, словно он игрался потоками воздуха, легко паря рядом с нами.

Флайер при... глыбился возле невероятно красивого здания, похожего на раскрывшийся

цветок лотоса, лепестки которого соединялись прозрачными мостами-шахтами лифтов. Машина открыла автоматические двери, и мы вышли. Прямо под ногами стелилась длинная красная дорожка, ведущая прямо к входу в здание. Вдоль нее выстроилась живая стена. Люди вокруг скандировали приветствие своим правителям. Сверкали опять фотовспышки. Не знаю, как я стояла, но идти ноги отказывались. Справа от меня стал Тирет, слева — Забава, рядом с нею в ряд от меня замерла Мара. Я нервно теребила боковой край вставки платья и чувствовала, что если сделаю еще хоть шаг, грохнусь в обморок.

— Улыбайся, Лана, — поощрила меня шиасу мысленно, глянув на мое вытянутое лицо. — Махай им рукой. Они будут рады, — и она показала пример.

Так, махая и улыбаясь всем направо и налево, мы прошествовали к входу. Вдоль дорожки стояли столбики, соединенные зеленой толстой крученой веревкой, служившей ограждением, за которую никто не смел переступить. В который раз я удивилась законопослушанию народа Иридании. Над нами мелькнули две тени. Снова Кара и Гор выказали свое отношение к происходящему. Ощущалась торжественная атмосфера во всем. Я старалась не думать о том, что вообще это организовано ради меня. Так было легче. Забава изогнула шею и тонко протрубила, приветствуя прибывших ниясытей. Те ответили ей тем же.

В самом здании было очень светло. Все сделано в бежево-розово-белых тонах: белый мраморный пол с коричневыми прожилками и бежевыми разводами, большущие граненные белые колонны, которые поставлены больше для декорации, а не для функциональной нужды, высокие сводчатые потолки с замысловатой фреской. Пройдя длинную анфиладу, мы вошли в просторный светлый зал. Одна стена его имела полукруглую форму и упиралась в противоположную, становясь за одно и потолком. Она была полностью прозрачной и имела светло-розовые постоянно плавающие разводы. Вдоль стен вокруг центра стояли кресла и диваны, обитые белой кожей. Между ними красовались резные широкие вазоны с высоченными растениями со всевозможными стволами и листвой. Создавалось ощущение, будто мы находились не в помещении, а в дивной оранжерее.

Когда мы вошли, все присутствующие дружно обратили головы в нашу сторону. Стоявший у входа церемониймейстер в ярком нарядном костюме громогласно объявил о нашем прибытии. Сердце упало в пятки, когда в моем направлении двинула толпа с явно выраженным желанием поприветствовать меня и моих спутников.

Имена, лица, одеяния, слова — все слилось в одну сплошную мешанину. Со всеми надо поздороваться, сказать что-то вразумительное. Знакомых лиц оказалось мало, точнее единицы. Мне почему-то жалко стало, что рядом не было Марта или кого-то из друзей, ведь на это, как оказывается, очень важное и особое событие, были приглашены только высокопоставленные граждане Иридании. Единственными, кого я могла узнать среди множества лиц ириданского бомонда — это преподаватели атконнора, и то не все явились на мероприятие, а только те, что имели ранг и являлись наездниками.

Программа приёма была расписана по часам, если не по минутам. После приветствия присутствующих со мной, следовала на импровизированной сцене у ровной беломраморной стены музыкальная постановка. Поэтому все присутствующие разместились напротив сцены и с почтением вниманием воззрились на разыгрываемую историю. Суть постановки заключалась в повествовании того, как люди познакомились с ниясытями. Специально приглашенные артисты и музыканты очень искусно поведали трогательную историю о девушке Дарине, заблудившейся в горах. Из выдуманной истории я узнала, что девушка была

сиротой и ее воспитывала мачеха. После очередного скандала, виновницей которого мачеха объявила падчерицу, Дарину выгнали из дома. Она ушла в горы в поисках смерти. Но вместе этого встретила там маленькую, недавно вылупившуюся, ниру и прошла с нею единение. Крошка сумела заполнить собою образовавшуюся пустоту в сердце и придала смысл в жизни. Далее история повествовала о том, как ее вообще прогнали из деревни, не приняв ее дружбы с Небесным чудовищем с гор, которых они называли Парящей в небе Смертью. Прошло время и однажды, когда ее малышка выросла и стала сильной ниясытью, которую Дарина назвала Нурка, на ее родное поселение напали тараки. Тогда Дарина вместе с Нуркой спасла своих родных и стала героиней. С тех пор люди искали дружбы с ниясытями и уважали наездников за их смелость и самозабвенный героизм... Тогда у людей появилась надежда на спасение от тараков, сильных и жестоких врагов. В конце этой постановки я даже прослезилась.

После представления объявили о танцах. Вот тут я от всей души запаниковала. Я же совсем не умею танцевать! Деревья не танцуют! Почему меня никто не предупредил?! Я бы хоть пару па выучила.

На середину зала вышли специально приглашенные танцоры для примера и подзадоривания других. Их движения завораживали плавностью и грацией, от чего чувство собственной неполноценности выросло в разы.

Я сидела на широком диване рядом с уже засыпающей Забавой, оцепенев при первых аккордах. Понимала, что сейчас начнут подходить, приглашать. Жутко не хотелось позориться. Но не успела я и глазом моргнуть, как передо мной явился некий персонаж по имени Улдуз Крего. Он прибыл из Ернона. Его нура звали Кока. Отец его служил министром чего-то там в его городе, немелкий чиновник с большой родословной наездников и великим влиянием в округе. На таких сразу обращают внимание. Да и статурой он весьма удался даже для ириданца. Высокий, гибкий, с умными живыми глазами. Возможно, в другой ситуации я бы и обратила на него внимание, но сейчас... единственное, что мною руководило — паника. Чужие лица только пугали. Молодой человек вежливо склонился, протянув руку. Я, широко распахнув глаза, высоко и виновато подняв брови, уставилась на эту руку, словно мне предложили подержать змею.

— Иата Лана, не окажете ли мне честь составить пару в танце? — произнес он, сделав учтиво вид, что не обратил внимания на моё выражение лица.

— Я... я не умею танцевать, — заморгала я смущенно.

Надо отдать ему должное, Улдуз не растерялся, легко сгладил ситуацию:

— Я тоже не мастер, но считаю, что в танце главное — это чувствовать ритм. Я уверен, у вас получится.

Мне ничего не оставалось, как покорно встать и принять предложение. Уж очень он был настойчив. Тот довольно улыбнулся и вывел в середину зала. Нас провели внимательные взгляды. Он показал мне пару несложных движений и легко ввел в танец. Мне даже понравилось. Правда раз пять я наступила ему на ногу, но он мужественно стерпел, сделав вид, что не заметил. За ним подошел второй кавалер, забрав меня в следующей песне, потом третий и четвертый. К пятому претенденту я совсем выдохлась. Прямо целое состязание началось: кто сильнее меня закружит. Это выше моих сил! Отказавшись от шестого предложения, я плюхнулась возле почти спящей Забавы и, схватив стакан с каким-то напитком, опрокинула его в себя, пытаясь осадить дыхание. Положила руку на спину своей королевы, почувствовав под ладонью удовлетворенное урчание, и принялась наблюдать за

танцующими. После многих минут рассматривания гостей, опять перевела взгляд на свою малышку. Забава так потешно скрючилась на этом диване, что мне захотелось громко засмеяться. Я стоически стерпела волну смеха. Маловат диван оказался для ее габаритов. Задняя нога сползла на пол, хвост покоился на спинке дивана, голову спрятала под передней лапой, а спина в середине согнулась горбом и высилась вровень спинки. Крылья плотно прижала к телу. Размером она уже походила на огромного дога.

Отказываясь от постоянных предложений потанцевать на основании довольно веской причины моей усталости, я рассеяно наблюдала за танцующими и всеми присутствующими на банкете. В основном это была элита Иридании. Все персоны не имели чина ниже фагота. В основном ятгоры, министры, шиасу, кашиасу, лорты.

Так, блуждая взглядом по гостям, я заметила в самом углу между полукруглой стеной, ровной и торцевой одинокую пару собеседников. В них я немедля признала Нарана и Лахрета. Они о чем-то оживленно разговаривали. Точнее Наран что-то говорил, живо махая руками, а Лахрет, нахмутив брови, слушал. Вокруг них никого не было. Видимо, они специально уединились. О чем же они говорят? Минуту смотрела неотрывно на них. Любопытство росло по экспоненте. Я подумала о том, что Наран говорит о чем-то важном, о том, что знает только близкий друг. Что же так тревожит этого загадочного человека? Чем может помочь ему ятгор? Снова нахлынула волна любопытства о личных переживаниях фагота. В глазах Лахрета я видела понимание и сопереживание. Его это тоже касалось. Это удвоило интерес. Более не в силах терпеть, я покосилась на Забаву. Уже однажды был момент, когда я пользовалась ее способностями подслушивать чужой разговор. Я поинтересовалась, не может ли она и сейчас мне помочь?

— А кого ты хочешь услышать?

— Я хочу узнать, о чем разговаривают в том углу господин Лахрет и куратор.

Я мгновенно будто оказалась рядом с ними. Продолжал говорить Наран:

— ... поэтому я решил заглянуть в «кан». В ней я нашел короткое упоминание о «Зарунской рукописи». Она точно хранится в атконноре. Я уверен. Но где именно, там не упоминается. Ты же знаешь, что на месте атконнора раньше стояло архивное хранилище. Оно сгорело, а на его месте поставили атконнор. Но подвальные помещения во время пожара сохранились. Их переоборудовали под библиотеку. Я думаю, «Зарунская рукопись» там, ну, или указание, где ее искать. Ты понимаешь, Лахрет, мы, наконец-то, приблизились к ней! — глаза Нарана горели живым огнем. Я никогда не видела, чтобы он так чем-то интересовался.

Вот оно, что! Та книга, которую я все время видела в его мыслях — это та самая «Зарунская рукопись»! Он хочет ее найти. Но зачем? Что в ней хранится? Почему она так важна? Ответил Лахрет не сразу:

— Хорошо, Наран, ищи дальше. Мы уже и так потеряли много времени...

— Нам не хватает полномочий... — поджал Наран губу.

— Да, не хватает...

— И это нам мешает...

Лахрет не ответил, опустив сосредоточенный взгляд. Его силуэт выражал внутреннюю борьбу и сомнения. Заложив руки за спину, он глубоко задумался. Его высокий лоб прорезала морщина тревоги. Что будет, если они найдут эту рукопись и что она значит для этих мужчин? Я загорелась, сосредоточившись еще сильнее, чтобы не упустить ни словечка. Но Лахрет молчал, Наран тоже отвернулся в сторону окна-стены. Неужели даже то, что

Лахрет — ятгор, мало? Ведь его положение многое дает. Но тут меня кто-то позвал, и я резко вышла из сознания Забавы.

— Ты себя плохо чувствуешь? — мягкая рука Мары коснулась моего плеча.

Наверное, из-за того, что я вошла в ум Забавы, вид у меня был отрешенный, и шиасу подумала, что я плохо себя чувствую.

— Нет-нет, я просто утомилась от танцев. Я немного посижу, и все будет хорошо.

— Ты уверена?

— Да, конечно, — закивала я.

— Ну, тогда отдыхай. Только не долго. Не лишай кавалеров удовольствия твоего общения... — она лукаво подмигнула и отошла.

Я рассеянно обвела взглядом окружающих. Догадался ли кто-нибудь, что я проделала с Забавой? Никто не обращал на меня сейчас особого внимания. Для наездников отрешенный взгляд другого обычное явление. Поэтому у меня нет совершенно никаких причин для беспокойства. Но у меня было чувство, будто я что-то украла.

— Ты будешь дальше слушать? — услышала вопрос своей королевы.

Я поглядела на нее, потом перевела взгляд на то место, где разговаривали любопытные мне собеседники. Там уже стоял только один Наран. Он заложил как всегда за спину руки и смотрел на улицу через окно, повернувшись ко всем спиной. Господина Ноа уже рядом не наблюдалось.

— Уже не надо, — покачала я головой и ласково погладила ее по переносице.

— Вы танцуете? — от этого вопроса меня подкинуло на месте.

И даже скорее не от сути вопроса, а от голоса, изрекшего этот вопрос. Внутри будто все скукожилось в изюминку и замерло в испуге. Обернувшись, я увидела за диваном того самого исчезнувшего господина Лахрета. Он склонил голову в почтении. Его красиво очерченных губ коснулась легкая улыбка, а бездонные черные глаза-угли горели огнем предвкушения и азарта. Будто он, наконец-то, на что-то решился.

Танцевать я не хотела, хотя мне польстило его внимание. Где-то в глубине души, я понимала, что чин свой он точно заслужил не за красивые глазки. Титул ятгора достается за незаурядные способности и знания, также за пытливый ум и талантливые навыки в военном деле. Столько воли, мужества и глубины я почти ни в ком и никогда не встречала. Он всегда пугал меня. Пугал этим самым мужеством и бездонной глубиной. Я рядом с ним терялась и чувствовала себя маленьким воробышком возле благородного орла.

Рассматривала его ровно две секунды и быстро отвернулась, выпучив испуганно глаза перед собой. Сразу вспомнилась та ситуация подле учебного флайера. Кожа покрылась гуськами, и свело в области живота. Чего-чего, а его возле себя я меньше всего представляла. Мне виделось это чем-то из области невероятного. Хотелось сразу отказаться, и я даже начала отрицательное качание головой, но тут в поле моего зрения попал идущий в мою сторону господин Улдуз. Он явно намеревался выпросить еще один танец. Кто угодно, только не он! Как напружиненная я вскочила на ноги и стремительно повернулась лицом в сторону господина Ноа, хватаясь за спасительную возможность. Протянула руку, заставляя себя откинуть все страхи. Он довольно ухмыльнулся, бросив взгляд на неудачливого соперника. Затем легко обошел диван, взял протянутую руку в теплую и сильную ладонь и повел в центр зала. Я шла за ним, робко опустив глаза. Неужели я согласилась? Почему я выбрала его, а не этого Улдуза? Один миг, и моя ладонь в его ладони. Как теперь быть? Я же оттопчу ему ноги!

Лахрет остановился передо мной лицом, притянул за талию, и прошептал у самого уха:

— Прошу вас, просто расслабьтесь. Ничего не произошло. Не бойтесь. Танцевать — не целовать, — он очаровательно улыбнулся.

Я, как зачарованная, уставилась на его губы, будто он пригласил меня заняться именно вторым, а не танцем.

— Просто двигайтесь за мной.

Легко сказать! Как можно рядом с ним делать что-то просто? А тем более расслабиться. Волнение накатывало волнами в такт мягкой мелодии. Его большая, теплая рука скользнула по талии, прижав меня сильнее к телу, вторая подняла на уровень груди другую руку, крепко сжав кисть, и он легко ввел меня в ритм музыки. Расслабиться! Надо обязательно расслабиться! Закрыла глаза, пытаюсь услышать ритм и почувствовать его движения, отдаваясь его воле. Закружило голову от его хвойного аромата, от теплоты и близости его тела, от спокойной уверенности и чарующей легкости, с которой он вошел в танец. Как просто и плавно поплыли мы в танце в унисон музыки! Я двигалась вслед за ним, словно всегда умела танцевать, просто забыла об этом. Шаг влево, назад, вправо, вперед. Сердце бешено затрепетало испуганной канарейкой в груди. Внутри все сжалось и задрожало, как тогда, у флайера. В какой-то миг я почувствовала, как он опять привлек к себе, плотно прижав за талию, приподнял над полом и закружил. Ощутила, как он порывом втянул мой аромат возле шеи, от чего мурашки табуном поскакали по всему телу с макушки до пят. Но это меня нисколько не возмутило. Наоборот — понравилось! О небеса! Как же это будоражаще приятно, чувствовать его уверенные руки на себе!!! Чувствовать его тепло, его полуприкрытое желание... В груди мятежно запыхал огонь, незнакомый, волнующий и колышущий непристойные мысли. Я испуганно распахнула веки и потрясенно уставилась в омут черных глаз. Мелодия затихла, и я медленно оказалась снова на ногах.

Невероятно сложно было оторвать взгляд от пьянящих глаз, но я должна... Робко опустила взор, скользнув по его манящим губам, и смущенно оглянулась. Гости обступили нас, оставив пространство для танца. Неужели мы так красиво танцевали? Я отшагнула от партнера и спрятала лицо, склонив голову. Присела в реверансе и спешно пошла в сторону Забавы, желая спрятаться от пьянящих глаз и губ. Но разве можно спрятаться от своих мыслей? Их можно спрятать только от других. Забава, глядя на меня немигающими глазищами, деловито заявила:

— Мне понравилось, как ты танцевала с ним.

Я удивленно покосилась на нее.

— С чего это ты?

— Я смотрела на вас. Мне понравилось.

— Да? Что именно?

— Твои чувства. Они были такими сильными! Хочу, чтобы он тебя еще раз пригласил! Мне нравится, когда ты испытываешь такие эмоции. Мне хорошо, — она капризно моргнула.

— Оказывается, ты очень меркантильна!

— Что тут такого, что мне нравятся твои положительные эмоции?

— Да ничего, — махнула я рукой на нее.

— Наверное, она выразила свой восторг по-поводу нашего танца? — услышала я рядом голос господина Лахрета и вздрогнула от неожиданности.

Подняла на него удивленный взгляд. Он широко улыбнулся, оголив ряд ровных, белых зубов. От чего стал еще более обаятельным. Я смогла лишь озадаченно махнуть ресницами в

ответ. Лахрет протянул мне бокал с напитком и продолжил:

— Спасибо вам за танец, иата.

— Потанцуй с ним ещё! — запричитала у меня в голове Забава, словно маленький ребенок, требующий у мамы вкусную конфету.

— Отстань! — буркнула я на нее.

Оказалось, вслух.

— Это вы мне? — спросил Лахрет.

— Нет-нет! Это просто Забава шалит, — принимая протянутый бокал, улыбнулась я, но вышло у меня это невольно кокетливо.

Он это поймал. Продолжая смотреть на меня пьянящими глазами, спросил:

— И что она говорит?

— Глупости, — отвернулась, пряча смущенный взгляд.

Что со мной творится?

— Глупости ниясытей весьма интересны для таких людей как я.

Я не ответила, а в это время в голове закрутились мысли о его давешних словах. Ведь он мне недавно признался в своих чувствах! Но странное дело, сейчас воспоминания о них не ошеломяли уже меня так, как раньше. Неужели он начал мне нравиться? Не может быть! Я и Лахрет. Нет. Мы небо и земля. Кондор и синичка. Океан и речка. Совсем разные. Разве может быть что-то более разное, чем он и я? А тут еще и мысль возникла о Наране. А, кстати, где он? Его нигде не видно.

— Он ушел, — ответила на мой вопрос разочарованно Забава.

Ну, и пусть. Станный он. Я поглядела на Лахрета еще раз. Тот продолжал стоять рядом. Может быть, потому что он был сейчас рядом, другие уже не решались подойти ко мне и пригласить на танец. С одной стороны это радовало, а с другой — пугало. Я боялась даже шевелиться. Но он вел себя весьма спокойно, собрано и ненавязчиво. Теперь он просто стоял и отрешенно наблюдал за танцующими, лениво попивая напиток из широкого бокала. Я же позволила себе без стеснения уставиться на его профиль. Он пленил еще сильнее, чем анфас. Продолжить ли мне с ним разговор? Или же убедить его уйти. Не хочу, чтобы он уходил.

— Забава говорит, что ей понравился наш танец, — решила ответить на его вопрос я.

Он улыбнулся и повернул голову в мою сторону:

— Хм... Интересно, — он и вправду удивился. — А что именно?

— Танец, — повторила я.

— Вы это уже говорили.

Я кашлянула и в этот момент объявили, что в соседнем зале накрыты столы. Нас пригласили на обед, чему я сильно обрадовалась, подскочив как на пружине.

— Разрешите, я проведу вас? — подставил мне свой локоть Лахрет.

Оглядевшись, поняла, что он самая лучшая компания. Почему? Просто, даже потому, что я его лучше всех знала, чем всех остальных. Усадив возле Мары и Тирета Ниасу, он покинул меня, чтобы найти свое место. Мара, угрюмо проводив его взглядом, наклонилась и произнесла:

— Ты думаешь, что ятгор Ноа — хорошая кандидатура? — я не смогла не посмотреть на нее огорошенным взглядом. — Я так не думаю. Ищи в другом месте. Я не одобряю.

Я распахнула рот от удивления. Затем внутри поднялась волна возмущения. Какое она право имеет мне указывать, на кого обращать внимание?! Я редко была упрямой и часто слушала других, но в этот миг во мне родился глубокий и сильный протест. Страшное

крамольное чувство против такого неприкрытого навязывания своей воли возросло еще больше, когда Мара пальцем указала на того самого Улдуза и прошептала:

— Лучше прими того молодого человека. Он мне нравится.

Я упрямо качнула головой, продолжая ширить на шиасу возмущенные глаза. Та сделала вид, что не замечает моего несогласия и властно произнесла, смерив меня недовольным взглядом:

— Слушайся. И еще, Лана, как Забава поест сейчас, отведи ее спать. Фия уже проинформирована, куда и где. После того как она заснет, можешь возвращаться.

Я не знала, как реагировать на ее слова. Наран меня предупреждал об этом, но я не думала, что она будет так прямо приказывать и навязывать свою волю. Я отвернулась, задумавшись над тем, что делать дальше. Чем больше узнавала эту женщину, тем меньше она мне нравилась. И то, как легко и бесчувственно она решает, что мне делать и кого выбирать, еще меньше нравилось, чем она сама. Конечно, как Забава поела, я ее послушно отвела в назначенное место, решив, что это будет хорошим местом, где можно будет подумать. Однако покорности это во мне не родило. В комнате я пришла к твердому решению самой решать свое будущее. И не позволять никому мною манипулировать. Я не кукла и не марионетка.

Забава заснула сразу, даже без колыбельной. И последней ее фразой было: «Потанцуй с ним еще раз!». Упрямая! Фия осталась дежурить у комнаты, а я ушла назад к гостям. Идя по коридору, почувствовала большую усталость. Оказывается, общение с новыми людьми вытягивает море сил.

В приемной уже все покушали и продолжали танцевать. Никто не обратил внимания на мое возвращение. Время вежливого энтузиазма прошло, и теперь каждый развлекался, как хотел, уделяя время себе любимому. Я села на свое место и рассеянно посмотрела на гостей. Они весело разговаривали друг с другом. Следя за всеми этими светскими беседами, лощеными лицами и фальшивыми улыбками, я поняла — я не рождена для такой жизни. Мне по душе была простая и незамысловатая жизнь. Слава и власть для меня — обуза. Уже при самом ее начале. Не представляю, что будет дальше! Сидя на удобном диване, задумалась о жизни. Кто я? Куда иду? Ради чего живу? Я напоминала себе корабль без причала. Разве будет мне любой ветер попутным? И эти команды Мары еще прибавляли перца. Надо что-то срочно решать для себя. Надо решить, что мне нужно и к чему стремиться. Именно в этих мыслях я и застыла на белом кожаном диване почти в самом углу зала.

На оборудованной сцене готовилось какое-то представление мимов. То самое жизургу, что я наблюдала в Тифноре. Взглядом встретила с Лахретом. Он стоял напротив и не сводил с меня задумчивых глаз. От такого взгляда я чувствовала себя как на раскаленной сковороде. Заметив, что я обратила на него внимание, улыбнулся, слегка кивнув. Не отвела взгляда, несмотря на смущение. Почему, не знаю. Просто хотелось смотреть на уверенное лицо, знакомые черты, умные глаза. Страх медленно уходил прочь, оставляя место коварной неопределенности. Чего же я хочу? Кого хочу? В этот момент вдруг подумала о той «Зарунской рукописи», о которой он разговаривал с Нараном. Может спросить его о ней? Но тогда он узнает, что я их подслушивала. Э, нет, не рискну.

Сидения поставили рядами, создав зрительный зал. Я заняла самое крайнее. Рядом плюхнулся Улдуз, тот самый. Как мне показалось, мое лицо перекосило, поэтому я постаралась не смотреть на него, чтобы не обидеть. Я так устала! А если я засну? Началось

представление. Через полчаса я, как бы ни старалась, начала кунять. Чтобы не заснуть на плече соседа, хотя он явно был не против, поднялась и встала за диваном. Не помогло. Певица так моторошно завывала непонятные моему слуху рулады, что и стоя можно заснуть. Надо что-то решать. Сходить что ли, умыться? Где туалет? Оглянулась и встретила взглядом с господином Лахретом. Опять! Такое ощущение, что ятгор решил изучить каждую деталь не только моего гардероба, но и все выпуклости и изгибы на моем теле. Из-за этого мне все время казалось, что что-то на мне не так торчит, лежит, покрашено или вылезло. Я постоянно одергивалась, поправлялась, прятала глаза, руками проверяла все, до чего дотягивалась. Не пойму, что со мной делается? Лахрет стоял через два человека. Как ни посмотрю на него, так смотрит. Он явно ко мне не безразличен, как бы я ни старалась этого отрицать. Но почему? Ужасный большой таракан в голове шепнул мне на ушко, что этот господин ищет власти. Я ему мало верила, но он был весьма убедителен и настойчив. Как бы то ни было, Лахрет мне улыбнулся, и я четко в голове услышала его голос:

— Хотите, я вас провожу?

Как он догадался, куда я хочу?

— Вы так громко проецируете свои мысли, что очень трудно не услышать, — ответил он, игриво подмигнув.

Неужели все вокруг слышат о том, что мне скучно? Услышала ответ:

— На самом деле мало кто вас слышит, — пауза. — Так вас проводить?

Я робко кивнула и направилась к выходу. Лахрет там оказался быстрее. Он повел меня по коридорам в обход столовой. Первое время шли молча. Через минуты три он все-таки начал диалог:

— Вы, наверное, смущены тем, что я знаю ваши мысли?

Я даже остановилась, распахнув широко ресницы. Кто он такой, что делает то, на что почти никто не способен?!

— На самом деле, мне их трудно видеть, — улыбнулся он мне. — Но вас легко читать по лицу.

— Вы удивительный человек, господин Лахрет! Просто человек-загадка! Вас никто понять не может, зато вы читаете людей, как открытую книгу!

— Вы не первая мне это говорите, — мило улыбнулся он. — Профессия у меня такая.

— Вы о преподавании биологии? — дернула я кокетливо головой.

— Нет. Вы же знаете, что я — ятгор, начальник Службы Безопасности. Разве вы не знали?

— Мне шепнули как-то раз на ушко, — буркнула я.

— Так вот, мне необходимо знать людей. От того, как я работаю, зависит безопасность всей страны. Мне нужно видеть любого, чтобы определить, несет он в себе угрозу безопасности или нет?

— Понятно... — протянула я.

Интересно, а знает он о том, что я его подслушала, когда с ним беседовал Наран? Если говорить об этом, то лучше сейчас. И я решила.

— Значит, вы все-таки не знаете, что у меня на уме?

— Не знаю. Хотите открыть? — он хитро усмехнулся.

— Что такое «Зарунская рукопись»?

Улыбка моментально исчезла с красивых губ ятгора. Он точно ждал не этой фразы. Что угодно, но не это. Он выпрямился и нахмурился. Серьезность тучей легла на его лицо.

— Откуда вы знаете о ней? — теперь его голос был полон серьезности.

Я сжалась внутри от испуга. Правда, что он мне сделает?

— Я... я... случайно услышала, как вы с куратором Нараном разговаривали...

Лицо Лахрета изумленно вытянулось, губы гневно скривились, но тон оставался ровным:

— Когда?

— Сегодня... — язык еле поворачивался.

— Вы не могли нас никак слышать, — его брови еще сильнее сошлись.

— Могла...

— Не могли. Вам Забава помогла?

Я упрямо отвела взгляд.

— Почему сразу Забава? Рядом много было людей. Любой мог услышать.

— Не мог.

— Почему?

— Видите ли, иата, — он поднял на меня серьезное лицо, и теперь в глазах его читалась грусть, — то, что вы смогли услышать нашу беседу с Нараном, это возможно только благодаря вашей Забаве. Она королева и может делать то, что могут не все ниры. Королевы и сканеры, и обладательницы биоэнергетического поля, и еще много чего. Они так сильны, что вам даже не снилось! А подслушать чей-то разговор для них — пустяки! Я установил вокруг нас с Нараном защитное телепатическое поле. Так что, услышать нас не мог никто.

— Простите меня, — спустя неловкую паузу, виновато выдавила я из себя.

— Лана... — он шагнул ко мне.

Неожиданно на меня нахлынул страх, но не мой, а его. Лахрет боялся. Боялся за меня. Но почему? Он сделал еще один шаг и стал совсем близко. Я задрала голову, чтобы продолжать видеть его задумчивый и обеспокоенный взгляд. В нос ударил запах лесной свежести и закружил голову. Сильные руки коснулись моих предплечий. Он склонился над моим запрокинутым лицом и едва слышно прошептал:

— То, что вы слышали, вы не должны были слышать, иата. Знания об этой рукописи может навредить вам. Я бы не хотел, чтобы вы пострадали.

Пострадать? Где? Разве в Ире есть преступность? Ведь я наездница королевы! Да и за что пострадать? Я не понимала. Одно я сейчас чувствовала наверняка — его беспокойство. Сильной волной нахлынули на меня его страх, волнение и... влечение.

— Я хочу помочь... — ответила тем же шепотом я. — Я вижу, что это важно!

Лахрет продолжал держать меня, да так крепко, словно боялся, что я исчезну. Молчал. Я чувствовала, как он борется с собой. В его душе царило смятение.

— Пожалуйста, забудь об этом. Никого и ни при каких обстоятельствах не смей спрашивать о рукописи. Тебе это ясно?! — его губы дрогнули и плотно сжались.

Я стояла как пьяная. В голове туман. Единственное, что могла ответить — это кивнуть головой. Он медленно отшагнул от меня. Отпустил, словно отрывал от сердца.

— Я пойду. Мне надо, — потом развернулся и стремительно ушел прочь.

В этот день я больше его не видела...

Часть 2. Тайная комната

Следующий день после моего первого Приема начался с того, что меня с Забавой из Небесного Ира доставили в атконнор, где уже собралась моя группа. Сегодня у нас была запланирована экскурсия в ботанический заповедник. Нас планировали поводить по специальным теплицам и лабораториям, где выращивают особые лекарственные растения. Интересными будут как те, что являются лечебными для ниясытей, так и, наоборот, вредными и опасными. Конечно же, должна проводить ее дорогая нашему сердцу «сладкая парочка»: преподаватель по биологии и куратор. Все в группе почему-то именно ее больше всех побаивались. Для меня же они отстояли от остальных преподавателей атконнора отдельным островом, загадочным и неприступным. Именно поэтому меня тянуло именно к ним, словно я чувствовала в них что-то родное, мое.

Но сегодня, увидев их, я потеряла дар речи. Перед глазами сразу же пробежали картинки с приёма и последний разговор с господином Лахретом. В голове жгла только одна мысль: как мне теперь себя вести? Подсказал сам ятгор. Никак! Точнее, как обычно. В его манерах, жестах, мимике ничего не поменялось, словно ничего и не произошло. Или мне так почудилось? В общем, когда я прибыла в холл атконнора, где стояла собранная полностью моя группа, приветственно кивнув, Лахрет лишь сказал:

— Хорошо, все в сборе. Можно выдвигаться, — и с этим словами он направился к выходу.

Я даже не успела постоять толком. Развернулась болванчиком и пошла со всей толпой обратно. Тут же ко мне подскочили Март с Лией и Магоном.

— Ну, рассказывай! Как там твой первый приём? — глаза Марта опалили меня любопытством.

— Множество незнакомых лиц, танцы и жизургу. И еще еда. Много еды, — лаконично ответила я.

— И все? Тебя не было целый день! — лицо брата разочарованно вытянулось, видимо, он ожидал большего.

— Если честно, то я очень устала вчера. Настолько, что сейчас, с утра, плохо соображаю, — растерянно скривилась я.

— Так не интересно, — протянул Магон. — Мы уже тут губу раскатали, что ты нам всю дорогу будешь тарахтеть о том, как там в Небесном Ире здорово! — он демонстративно оттопырил нижнюю губу. — Ты же там целый день провела! Что-то же тебя впечатлило? Поделись с нами, смертными! Ведь никто из нас никогда не был наверху. Это же Небесный Ир! — он восторженно выпучил глаза и фыркнул как лошадь.

— Да, Ланка, смилуйся над нашими любопытными душами! — Март сделал бровки домиком.

Глядя в эти жалостливые глаза, трудно отказать, но мне, действительно, нечего было рассказывать, кроме того, что я уже сказала. А то, что я чувствовала, говорить никому не собиралась. Выходит, останутся мои дорогие друзья без порции небылиц о Небесном загадочном Ире. Вырастут их малыши-ниясыти, тогда узнают. Небесный Ир нельзя описать, его надо увидеть! Да что там! Ведь они прекрасно видели видеозаписи, выложенные в сети, а

сборище бомонда слишком не интересное, по моему скромному мнению, чтобы его описывать.

В общем, я мужественно вытерпела молящие взоры и недовольные причитания, и влезла со своей необычно молчаливой будущей королевой в огромный грузовой флайер, где свободно поместились все мы со своими ниясытиями-малышами. Внутри транспортировщика куратор напомнил о соблюдении порядка и попросил прочитать технику безопасности и правила поведения в теплицах. Особенно в тех, где выращивают опасные виды растений. Взяла в руки плоский планшет-ком, куда нам скинули ту самую технику безопасности, и принялась разбирать. Читаю, а боковым зрением ищу Лахрета и Нарана. Из-за них полночи не могла заснуть. Все думала о нашей беседе, о рукописи, о танцах... Лахрет сидел у входа в кабину пилота. Рядом с ним был и Наран. Оба на меня не смотрели. Один лишь раз, украдкой, поймала задумчивый взгляд Лахрета. Всё. Хотелось расспросить его о той странной рукописи, о которой он запретил мне спрашивать. Мысль он ней не давала покоя. Ещё с утра я решила, что обязательно, во что бы то ни стало, узнаю правду об этой «Зарунской рукописи». Чем больше они хотели от меня ее спрятать, тем сильнее я хотела о ней узнать. Мне даже показалось, что я, наконец-то, обрела цель в жизни. От чего выросло желание что-то делать, к чему-то стремиться. И неприятная рассеянность с приема куда-то улетучилась.

Интересно, а сказал Лахрет Нарану, что я слышала их разговор? Или решил это скрыть от друга? А еще, я старалась не думать об этом, гнала мысли, но все равно постоянно случайно ловила себя на том, что думаю не о Наране, как раньше, а о его друге. Что он со мной вчера вечером сделал? Может, все из-за танца? С того момента, как он увел меня в центр зала, когда зазвучала волшебная мелодия, я потеряла себя. До сих пор я ощущаю его большие, горячие ладони у себя на талии. И эти его черные глаза. Его томный, изучающий взгляд. Теперь моя очередь настала коситься в его сторону. Мою загадочную отрешенность заметил Март и принялся подкалывать. Я делала вид, что не обращаю на это внимания. Пусть. Теперь я поглощена, как мне казалось, важным для меня делом — поисками пропажи некой рукописи, которая не дает покоя дорогому куратору и его другу. Правда, с какой стати, это стало для меня важным? Видимо, мало проблем на мою пятую точку.

По прибытии на громадную стоянку флайеров, мы организованной толпой высыпали на улицу. Господин Лахрет объявил о наших планах. Сначала мы отправимся в первую теплицу, где выращивали лекарственные растения. Она находилась в пятом секторе просто необыкновенно огромного комплекса ботанического сада. Его называли Готом. Сверху он напоминал трапедию, окруженную зеленым массивом насаждений и располагался за несколько километров от Ира. Гот считался самым большим заповедником в Иридании и охранялся законом. Здания теплиц все имели прозрачные крыши и стены, за исключением складов и лабораторий, где перерабатывали некоторые растения. Пятый сектор Гота находился сразу за стоянкой флайеров. В него мы и направились. Ходя по длинным вымощенным плиткой тротуарам между разнообразнейшими на вид, цвет и запах растениями, я потерялась в названиях и образах. Забава лишь восторженно пищала и осыпала меня вопросами о том, можно ли их попробовать или потрогать. Она была не единственной. Других студентов их ниясыти тоже замучили теми же вопросами. Есть их нельзя, а они просили. Господин Лахрет завалил нас трудновыговариваемыми названиями. Я, конечно, запомнила от силы штук десять. Все остальное, надеялась, выучить потом. Ну, это же нереально запомнить сразу столько терминов, особенно, когда их трудно даже

выговорить, не то, чтобы запомнить. Все это время, я бродила сзади, прячась за спинами одноклассников. Меня особо не восторгала идея стать ботаником. В целом, ученица из меня была так сказать нерадивая. Только одно на уме: мужчины. Это все Наран виноват, Ирод проклятый! Это он мне велел выбирать себе супруга. Видите ли, это важное событие в истории всей Иридании! Надо к этому отнестись серьезно. Забил голову девушке, понимаешь ли, всякой ерундой! Вот, как мне теперь дальше учиться?

Так я болталась в хвосте везде, куда бы мы не завернули. После лекарственных растений мы отправились в третий корпус, где выращивались средней опасности растения. Там я продолжила свое топтание в задних рядах толпы, хотя то, что рассказывал господин Лахрет, очень захватывало. Некоторые растения я запомнила невольно.

А вот отличилась я в седьмом корпусе, где выращивали особо опасные растения. Они друг от друга отделялись перегородками и дополнительными защитными полями. Некоторые из них источали ядовитые пары. Другие стреляли острыми иглами. Третьи хватали за ноги и руки. Четвертые прилипали так, что не отдерешь и наждачной бумагой. Одни вели себя агрессивно, другие хитростью заманивали жертвы, третьи просто отпугивали непрошенных посетителей, требуя покоя. В некоторые отделения мы заходили с респираторами, в другие в особой одежде. На отдельные растения мы смотрели лишь через стекло. Вот тут мне было очень интересно. Однако под конец ноги меня почти не носили, и я начала часто спотыкаться. Забава постоянно поддерживала меня, чтобы ее дорогая наездница не упала.

В одном из последних боксов Лахрет завел нас к относительно безопасным растениям. Что он говорил, я слышала через раз. Усталость давала о себе знать. Я все удивлялась, как другие стойко все выносят? Неужели я самая хилая? На фразе «ядовитая» я отключилась от лекции преподавателя-экскурсовода. Мое внимание привлек пушистый хвостик от какого-то растения. Он шевелился! И цвет у него яркий, насыщенный индиго. Я присела как маленькая девочка на корточки и посмотрела на него. Он продолжал дергаться. Чудно как! Что-то я не помню, чтобы на входной двери было написано об особой опасности. Да и зашли мы без особых средств защиты. Значит, ничего серьезного. Самое главное, чем дольше я смотрела на кончик этого растения, тем сильнее мне хотелось его потрогать. Я автоматически протянула руку и коснулась его. Ничего не произошло. Только запах какой-то появился. Такой приятный. Запах скошенной травы. Я подняла его и погладила. Пушистый, приятный на ощупь. Удивительно. Я глупо улыбнулась. Забава заглянула через плечо.

— Что ты делаешь?

— Смотри, какая прелесть!

— Смешная кисточка! Смотри, как она похожа на мою, — она положила рядом свой белый пушистый кончик хвоста.

И точно похож. Я продолжала тянуть глупую улыбку и погладила ту кисточку, что лежала в руках. Смотрела на нее и не заметила, как перестала слышать, что кругом происходит. Мир вокруг исчез. Только этот хвостик цвета индиго. Запах скошенной травы усилился и задурманил голову. Я смотрела и смотрела и не слышала, как рядом что-то громко грохнуло, не слышала возгласов, сирены. Просто сидела и гладила волшебную кисточку.

— Лана! Уходим! — услышала я возглас Забавы, выведший меня из необъяснимой отрешенности.

— Что? — я оторвалась от восхитительного предмета, вскочив на ноги.

Мелькала световая сигнализация. Ревела сирена. Забава рядом топталась и звала, расширив испуганно глаза.

— Что происходит?

— Все ушли! Нам надо уходить! — ответила тревожно она.

Я посмотрела в сторону выхода. В проходе исчез последний силуэт моего одноклассника. Тотчас спохватилась, рванула за ними и, сделав два шага, упала навзничь, распластавшись всем телом на тротуар и больно приложившись щекой. Что-то обвило мою лодыжку тугим жгутом. Испуганно оглянулась и тут же ужаснулась. Тот дивный хвостик ожил и крепко обвил мою лодыжку, и постепенно, лихорадочно подергивая кончиком, заползал на ногу выше. Я взглядом провела его до самого растения. Этот хвостик оказался удлинённым рыльцем огромного ядовито-желтого цветка с мясистыми шевелящимися лепестками. Оно тащило меня в себя. Я заорала как резанная, призывая на помощь. Забава подскочила ко мне и раздула вокруг нас защитное поле, но это мало помогло. Сердце бешено колотилось от ужаса, охватившего грудь жгучим огнем. Я стала задыхаться, бессмысленно цепляясь ногтями за слегка выступающие грани тротуарной плитки. Забава схватила меня подмышки и потащила обратно, к выходу, в противостояние хищному растению. Помогло. Я перестала вообще куда-либо двигаться. Горло сдавило рвущей болью, и я уже не могла кричать. В глазах все поплыло. Что делать? Я начала второй ногой пытаться столкнуть схватившие меня путы, но те только сильнее сжимались, от чего кровь перестала поступать к пальцам и стопа затекла так, что я перестала ее чувствовать. Краем глаза заметила черный силуэт.

Наран, двигаясь как кошка между возникшими из ниоткуда шевелящимися тычинками ожившего цветка, подпрыгнул к держащему меня рыльцу и замер над ним. Внимательно изучая его, словно что-то ища, он занес над ним стержнеподобный предмет. Забава было ринулась к нему, желая предложить помощь, но тот жестом остановил ее и велел мне резким голосом:

— Не пускай ее!

Я ей попыталась что-то прохрипеть. Она поняла быстро, причем именно его, а не меня, и застыла. Я лишь беспомощно сипела и с ужасом таращилась на зловещие переливы растения-хищника. Лепестки цветка быстро меняли цвет от фиолетового через красный до черного и обратно, от чего казался еще более жутким, чем вначале. Через несколько секунд рядом оказался Лахрет и тут же прижал к моему лицу кислородную маску. Стало сразу же легче дышать. В голове еще мелькнула мысль о том, как он преодолел защитное поле Забавы? Она его убрала? Может, еще когда Наран подбежал? Лахрет кинул такую же кислородную маску Нарану и тот сразу же одел, продолжая пристально рассматривать стебель рыльца, а надо мною склонился ятгор. Лицо его видно было плохо через стекло маски, но глаза... в его глазах горел неподдельный страх. Я перевела взгляд вновь на куратора. Последний что-то увидел, замахнулся и точным ударом устремил оружие в цель. Послышался громкий противный визг со стороны цветка-хищника и мои путы вмиг ослабли. Через секунду я оказалась на руках Лахрета. Он, не мешкая, понес меня прочь к выходу, неся свою ношу, как пушинку. Я хотела взяться за него, чтобы ему было легче меня нести, но не смогла. Меня словно сцепило, парализовав все тело. Руки безвольно болтались веревкой, мышцы жгуче кололо и сводило спазмами, голова опрокинулась назад, а в глазах стоял густой туман. Все случилось так стремительно и быстро, что я не успела ничего понять.

Выбежав из опасной зоны, Лахрет понес меня в гостевую комнату, где бережно уложил

на диван и лишь тогда снял кислородную маску. Кто-то подsunул под голову тугую подушку и незамедлительно инъектором что-то ввел мне в шею. Сразу по телу разошлась благословенная немота, и расслабило мышцы. Рассеянным взглядом я обвела тех, кто стоял вокруг дивана. Собралась вся группа. Лица у всех, мягко говоря, выглядели весьма обескуражено. Забава запрыгнула на мои ноги и, взволнованно посвистывая, прижалась к ним.

Ятгор склонился, упершись рукой о быльце дивана. Глаза обеспокоенно бегали, оглядывая меня. Я чувствовала затылком его волнение. Он осмотрел мою обожженную ногу, чем-то смазав ее, потом свезенную щеку. Движения его были аккуратными и мягкими, а касания вызывали дивные ощущения. Через минуту, уверившись, что все остальное в порядке, он, наконец, глянул в мои глаза и ровно произнес:

— Объясните, что произошло?

Я лишь выдохнула. Говорить не позволило воспаленное горло. Тогда я сосредоточилась, попытавшись сказать мыслями, может, он меня так услышит?

— Я не знаю. Я просто нагнулась посмотреть чудесную синюю кисточку, лежавшую на тротуаре. Потом я услышала, как меня звала Забава и сирену. Дальше я лежала на полу. Все.

В процессе того, как я говорила, точнее, думала, лицо Лахрета хмурилось сильнее и сильнее. Желваки выдулись от напряжения, но он промолчал. Вспыхнул же стоявший за спиной ятгора Наран:

— Чем ты слушала, когда входила в этот отсек?! Сразу же ясным языком было сказано, что ничего нельзя поднимать, брать и трогать! — его глаза сверкали искрами гнева. — Вы, что не читали технику безопасности, когда я всем велел это сделать еще во флайере?!

Я испуганно вскинула брови, понимая, что прослушала предупреждение, и почувствовала давление вины. Наран снова меня ругает. У него уже выработалась устойчивая привычка орать на меня по поводу и без. Но он прав. Я не должна была трогать это растение. А тот продолжал:

— Вы понимаете, что рисковали своей жизнью и жизнью своей королевы?!

Гневаясь, Наран переставал думать о чувствах других и всегда на всю катушку бранил всех и всё. Мои одноклассники отшагнули назад, желая отстраниться от разгневанного потока куратора. Он сметал все вокруг, глядя на меня перекошенным от досады лицом. Я задрожала. Конечно, я понимала, что виновата, но... теперь что могу сделать? Я быстро заморгала, подтянув руки к груди в желании защититься. В мозг вонзились тысячи игл. Нарана всего трусило от ярости. Понятное дело, ведь я в полной его ответственности. Рефлекторно вжалась в диван и попыталась спрятать от него взгляд, встретившись с задумчивыми и расстроенными глазами Лахрета.

— Ваша невнимательность ввергает будущее ниясытского рода в опасное положение! — пыхтел куратор. — Вашей Забаве пришлось рисковать собой, чтобы защитить вас от вашей же глупости! Если бы вы внимательно слушали, то сейчас бы мы не...

— Остановись, Наран! Достаточно! — я даже вздрогнула от резкого тона господина Лахрета. Сказал, как отрезал!

Наран мигом заткнул фонтан брани, раздув раздраженно ноздри и вперив в друга тяжелый взгляд. Ятгор выпрямился и недовольно уставился на куратора. Можно сказать, что во взгляде последнего появилось замешательство.

— Ты сам прекрасно знаешь, что Менолла Грено легко захватывает внимание жертвы. Тем более что иата невежественна в ботанике. Ее ошибка, что отвлеклась, но хватит так

ругать ее! Тем более, ничего не было бы, если бы Рост не опрокинул смесь ргота, — под таким же нелегким взглядом ятгора Наран отвел глаза.

Впервые я видела, чтобы куратора кто-то так легко и свободно мог утюжить, ставя на место. В первый раз меня кто-то смог защитить от его раздражения и сарказма. Раньше я их только выслушивала. Я чувствовала, как смутился Наран, осаживая своё негодование. Лахрет повернулся ко мне:

— Иата, как вы себя чувствуете?

В ответ я лишь дрогнула ресницами, но ему этого было достаточно. Он глянул на Нарана и сказал:

— Надо сейчас разобраться с рготом (это такое удобрение для растений). В концентрированном виде, сам знаешь, он токсичен, — Лахрет глянул на одного моего одноклассника, которого звали Рост Лош. — Ты и Ганош идете с нами. Надо вашу исправить неосторожность. Все остальные ждут здесь. Вам принесут кирг и закуски, — сказав это тем тоном, который не терпит пререканий, голосом, привыкшим отдавать приказы и уверенным, что его обязательно послушают, он бросил взгляд на меня.

От этого взгляда внутри что-то ёкнуло. Я провела его глазами до выхода. За ятгором последовали Наран, Рост и Ганош со своими нурами.

Как только они вышли, все облегченно выдохнули, будто до этого вообще не дышали. Атмосфера разрядилась. Сразу к моему изголовью припали Март и Лия, а у ног — непривычной молчаливой задумчивости замер Магон. В глазах их горела искренняя обеспокоенность.

— Ты как, сестренка?

— Уже ничего, — просипела.

— Ясно, — хмыкнул брат, — ладно, ты ничего не говори. Хорошо, что все так обошлось. Я уже было подумал, куратор тебя задушит вместо Меноллы.

— Менолла — это то растение, которое хотело меня съесть? — спросила я.

— Оно самое. Только, конечно, оно бы подавилось и не смогло тебя переварить, но пострадала бы ты изрядно, — скривился Март. Я ему лишь моргнула в ответ. — Это растение не питается людьми, но их сок очень токсичный и разъедает кожу до мяса. Я видел картинки жертв Меноллы. Жуткое зрелище. Брр. Оно заманивает запахом жертву, которая начинает терять ориентацию, затем путается сознание. Тогда оно, захватив своими щупальцами, затягивает себе в жерло. Лепестки смыкаются, и растение начинает выпускать сок, который и переваривает жертву.

— Ужас! — шокировано выпучилась на Марта Лия.

Я чувствовала то же самое.

— Март, а почему сработала сигнализация и ревели сирена? — поинтересовалась я у брата.

— Да, Ганош и Рост начали дурачиться. Ганош толкнул Роста и тот налетел на канистру с удобрением. Та оказалась плохо закрытой и разлилась. Сработала сигнализация. Нам сразу же велели покинуть теплицу. А ты, видимо, уже ничего не слышала.

— Не слышала, — согласилась я.

— Тебе повезло, что господин Лахрет услышал твой крик и сразу среагировал. Я даже не успел ничего сообразить, а он уже скоординировал действия. Через несколько секунд все уже знали, что делать, а Наран побежал тебя вызволять. Представляешь, даже куратор первые секунды медлил, думая, что делать! — Март восторженно распахнул свои оранжевые

глаза и поджал губу. — А господин Лахрет сразу такой толкнул его, велел обезвредить Меноллу, а сам за кислородными масками двинул. Вот, что значит, военная муштра! — он сделал еще больше глаза.

— Знаешь, Лана, — шепнула мне на самое ушко Лия, — Саргона рассердилась, когда за тобой кинулись господин Лахрет и куратор. Она сказала что-то вроде «Опять эта вляпалась! Она не может без проблем!». Мне кажется, если бы ты пострадала, она даже обрадовалась!

— За что она меня так ненавидит? — удивилась я и покосилась в сторону, где стояла красавица нашей группы и разговаривала со своей подружкой Готой.

— Нет, не ненавидит. Ревнует, — еще тише ответила Лия, с опаской покосившись в ту же сторону.

— К кому?

— К господину Лахрету.

Я потрясенно округлила глаза и нервно кашлянула, скривившись от жжения в легких. Лия взяла со стола принесенный кирг и подала мне, чтобы я смочила воспаленное горло. Ядовитые испарения удобрения все-таки успели обжечь мне бронхи и легкие, пока Забава не защитила полем.

— Только слепой не видит, что ты нравишься господину Лахрету, — спокойно заметила Лия все тем же тихим шепотом.

Март вспрыснул на холодное замечание подруги.

— А что я не права? — возмущенно вскинула она брови, на что Март лишь пожал плечами. — Я права. Такое не скрыть, — Лия серьезно посмотрела мне в глаза. — Саргона давно уже положила глаз на господина ятгора. А тут ты. Конечно, она ревнует.

— Слушай, Лия, — мое лицо вытянулось в изумлении, — неужели женщины Иридании могут бегать за мужчинами? Я думала...

— Ты глубоко заблуждаешься, Лана, — поучительно заметила Лия с самым серьезным видом. — На самом деле женщины Иридании очень даже заинтересованы в браке. Только они больше смотрят на него с корыстной точки зрения. Они ищут престижа и влияния. Поэтому для них важно положение и значимость кандидата. Не скажу, что чувства не играют роли, но престиж мужчин и положение в обществе для женщин очень важны.

— Чувства? Ты о чем, Лия? — тут уже не выдержал Март и влез в наставления подруги. — У женщин...

— Конечно, есть чувства! — она поучительно подняла пальчик вверх. — Правда, не такие, о каких мечтают мужчины, но есть. Говорю это, как женщина. Для нас важно, как нас будут любить мужчины. Будет ли нам с ними комфортно и уютно. Да, мы не нуждаемся в близком контакте с мужчинами, как вы в них, — Лия осуждающе покосилась на моего брата, — но это не означает, что нам не нужна ласка, понимание и нежность. От того, насколько мужчина умеет их проявлять, зависит выбор женщины. К нам нужно быть очень терпеливыми. Особенно в той самой близости, — Март удивленно повел бровью. Не ожидал такой откровенности. Я же не отрывала глаз от Лии. Она продолжила: — Я думаю, Саргона видит в господине Лахрете не только мужчину с завидным положением в обществе, но и способного быть с женщиной чутким, терпеливым и нежным, — при этих ее словах внутри у меня снова что-то ёкнуло. Я понимала, что Лия говорит правду. Я сама чувствовала это, когда он находился рядом. Потом она продолжила после многозначительной паузы: — Так что, Лана, он — завидный жених и каждая женщина Иридании, а не только Ира, согласилась бы выйти за него замуж! — затем Лия снова повторила для выразительности мысли паузу. —

А тут он смотрит на тебя. Саргона не понимает этого, — после непривычного для нее многословия Лия приняла пустую чашку с моих рук и поставила обратно на стол.

— Чего она не понимает? — поразилась я, не сводя глаз с умудренного выражения лица подруги. — Что во мне не так?

— Полагаю, в тебе даже больше, чем «так», — девушка бросила короткий строгий взгляд в сторону темы нашего разговора. — Она же считает, что ты не достаточно привлекательна, чтобы захватить внимание такого человека.

— Значит, Саргона точно не дружит с мозгами, — ввернул Март. — Моя Лана самая привлекательная женщина на свете!

— Март, я в этом совсем не сомневаюсь! — замахала руками Лия. — Я говорю с Саргоне.

— Эй! — взмахнула я рукой, — Я еще здесь, никуда не ушла. Вы обо мне говорите, помните?

— А ты не смущайся, когда тебя хвалят! — погрозил мне указательным пальцем брат. — А то, что Лахрет не ровно дышит к тебе, все уже давно знают.

— Больно они много знают! Власти он хочет, а не меня! — брякнула я. — Надо мне злые взгляды понапрасну от завистниц? Пусть забирают его!

Март вытаращил на меня удивленный взгляд. По-моему немного переборщила. Я обреченно закатила глаза. Тут уже против его замечания мне нечего было сказать, так и несую всякую чушь. Я и сама всё прекрасно понимала, только продолжала колебаться в искренности господина Ноа. А еще мысль о том, что он скорее хочет власти, чем моего расположения, постоянно не давала мне покоя. Лия, молча, даже с сочувствием поглядела на меня, и ободряюще положила на плечо ладонь.

— Ты не обращай особо на Саргону внимание. Она сделать ничего не может, от того и корежится. Тем более, ты кашаюсу. У нее шансов никаких. И господин Лахрет хороший человек, не стоит его так резко гнать.

— Он и тебе нравится? Забирай! Дарю!

— Лана, зачем ты так? — Лия печально моргнула, вызвав у меня приступ угрызания совести.

— Лия, неужели ты думаешь, что я отвечаю господину Лахрету взаимностью? — я возмущенно вздохнула и высоко подняла брови.

— Ты ничего об этом не говорила, — коротко ответила она и отвлеклась на поправление положенной мне под голову подушки.

— Но ты же у нас эксперт по определению симпатий! — не успокаивалась я.

— Ты хочешь услышать мое мнение о твоём поведении рядом с господином Лахретом? — Лия взвела тоненькие бровки и получала мой утвердительный кивок в ответ. — Я думаю, он тебе стал интересен. Ты очень смущаешься, когда он проявляет к тебе знаки внимания.

— Так вот! — сердито насупилась я. — Довожу до вашего сведения, что не питаю никаких иллюзий на счет многоуважаемого господина Лахрета Ноа!

— Нет, Лана, — упрямо закачала подруга головой. — Он по-настоящему хочет быть с тобой. Как ты этого не понимаешь? На него надо обратить внимание, особенно тебе...

— Спасибо за советы, будет время, подумаю! — сардонически заметила я, собрав губы в серьезную трубочку.

Что можно было ей ответить? Я знаю, что посторонние легко замечают чужие чувства.

В своих сложнее всего разобраться. Когда-то я слышала выражение, что нет более слепого человека, чем того, кто не хочет видеть. Я не хотела видеть очевидного факта и всячески его оспаривала, отрицая любую возможность поверить. Я задумчиво отвернулась, поглядев на засыпающую у меня на ногах Забаву. Сейчас ту мало что беспокоило, кроме голода и желания поспать. Я погладила ее по голове и получила привычное благодарное урчание. В комнате, где мы ожидали преподавателей, уже было не продохнуть. Ниясыти хотели спать и начали концентрировано источать свои запахи. Посторонние бы уже задохнулись от густоты ароматов, а наездники уже привыкли. Но вот сонное состояние, усиленное парой дюжин маленьких телец ниясытей влияло на всех. Вся группа осела вниз. Кто скрючился на креслах, кто сел прямо на пол, кто подпирал стены и клевал носом, а преподавателей все не было.

Пришли они только через полчаса. Рост и Ганаш не имели лица на себе. Наран тоже осунулся. Лахрет находился в легкой прострации. Видимо, проблема серьезная.

Ятгор объявил об окончании экскурсии и велел всем шагать на стоянку флайеров. Мы возвращаемся назад в атконнор. Группа зашевелилась медленно и вяло. Все хотели есть и спать. Легкий перекус киргом не помог. Тем более надо было накормить малышей, которые чем дальше, тем сильнее требовали еды.

Я через силу села на диване и мужественно попыталась встать. Не вышло. Слабость сводила мои попытки к нулю. Март подал мне руку и помог подняться. Простояла я ровно одну секунду и сразу повисла на нем. Он хотел было взять меня на руки, но рядом, откуда ни возьмись, появился Лахрет. Не обращая внимания на удивленный возглас брата, легко подхватил меня на руки и понес на выход. Мне и оставалось, что изумленно воззриться на него. Это после тяжелого-то разгребания шалостей студентов! Где он взял силы?

— Зачем вы? — прошептала я ему на ухо, обхватывая его за шею, чтобы ему было легче нести. — Я и сама могла бы...

— Мне не сложно, — ответил он, глядя вперед.

— Мне неловко. Что другие подумают?

— Они уже не думают, они знают, — ответил он так спокойно, словно я спросила его о том, как ему погода на улице.

— Что они знают?

— Что вы мне нравитесь, — он бросил косой вопросительный взгляд, словно хотел узнать мою реакцию.

Я насупилась и напряглась, съезжившись на его руках. Разговор с Лией был этому подтверждением. Одна я признавать его симпатию упрямо отказывалась. Когда мы покинули помещения теплиц, он замер на минуту и заглянул мне в лицо с глазами, полными теплых чувств:

— Я не равнодушен к вам, иата. Я это искренне и от всего сердца говорю вам прямо сейчас и прошу вас не спешить отвергать мои чувства... — его руки крепче прижали меня к нему.

Никаких тебе уже намеков. А я все равно уперто поджала губы, вперив в него недоверчивый взгляд.

— Разрешите спросить, господин Лахрет...

— Можно на ты...

— Вы, — словно я не слышала его последних слов, — гневаетесь на меня, за вчерашнюю мою шалость?

— Это выо своем подслушивании? — он продолжил идти, спокойно переведя взгляд

вперед.

— Да.

— Я не могу сердиться на... тебя, Лана, — он так трогательно произнес моё имя! — Когда мужчина любит женщину, он терпит все, что она говорит и делает, — от его слов сердце мое забилося быстрее, но разум словно оглох, так как я продолжала сомневаться.

Он только что прямо, без обиняков, признался мне в любви и сделал это так легко и спокойно, будто обсуждал вопрос о полете ниясытей. На его руках, я отчетливее вдыхала его аромат, который помимо воли дурманил мне голову, вызывал учащенное дыхание и сильное волнение. Его слова заставили до боли сжаться сердце. Почему я так сильно хотела ему верить? И почему я продолжала действительно ему не верить? Мы уже подходили к флайеру, когда он сказал:

— Сегодня я улечу. Случилось кое-что очень серьезное и это требует моего присутствия. Возможно, мы долго не увидимся... Прошу вас, подумать над моими чувствами к вам... Для меня это очень важно.

— Я не хочу вас напрасно обнадеживать, господин Лахрет, — спрятала я за его спиной глаза.

— А я многого и не прошу... Лишь не спешить, — он остановился возле широкого трапа и поправил меня так, чтобы увидеть мои глаза.

Поджав губы и сровняв линию бровей, я посмотрела в бездну его умных черных глаз. Вблизи его притягательный волевой подбородок, красивые полные губы, поджатые в решительную улыбку, сводили на нет все мои аргументы против. Сейчас я думать была не в состоянии. Внезапно возникла мысль, поразившая меня до глубины души: я захотела прижаться к его губам!!! Жестоко себя ущипнув, я заставила себя прогнать эту безумную мысль.

Лахрет занес меня в пассажирское отделение, посадил рядом с Лией и пошел на свое место. Рядом сонно плюхнулась Забава и уронила мне на колени голову, пожаловавшись, как сильно она хочет есть и спать. Ласково погладила ее, прошептав, что скоро мы и покушаем и ляжем спать, а сама краем глаза поглядела в сторону ятгора. Он уже не прятал взгляда, смотрел безотрывно на меня. Я обреченно вздохнула и уронила голову на подголовник, закрыв устало глаза. А с головы не шли последние слова Лахрета. Что мне делать? Что решать? Сегодня я увидела огромную разницу между Нараном и Лахретом. Двумя мужчинами, которые до сих пор постоянно занимали мои мысли и чувства. И выигрывал в этом сравнении явно не Наран. Перед тем как отключиться, я еще раз бросила взгляд в их сторону. Куратор недовольно хмурил брови и смотрел в обзорное окно, а Лахрет глядел на меня таким взглядом, словно хотел вытрусить мою душу. Он чувствовал мои сомнения, а Нарана что-то беспокоило и злило...

Дома я быстро заснула и уже ни о чем не думала. Потом, как оказалось, на раздумья мне представилась масса времени.

На следующий день, когда я пришла на физическую культуру, утвердилась, что Лахрет говорил правду. Ни его, ни куратора в атконноре не оказалось. Их заменяли. Март рассказал мне, что случилось. То, что Иридания окружена защитным полем, я знала. Его функцией было не пускать таракров, врагов ириданцев, на территорию страны. На главной станции, генерирующей основную частоту этого поля, произошел саботаж. В одном его месте случился прорыв. Именно через него проникли таракки. Лахрет, как начальник Службы Внешней Безопасности Иридания, отбыл на своем Лирите на место происшествия. Наран

являлся его правой рукой. Там они возглавили целый уот, военное отделение армии численностью до ста наездников, чтобы защитить целостность территории Иридания. Что там происходило, нам приходилось только догадываться. Инцидент был засекречен, чтобы зря не поднимать панику среди населения, но напряжение, не смотря ни на что, висело в воздухе. Никто об этом не говорил вслух, но все боялись войны. Каждый ясно понимал, что сил противостоять страшному врагу у Иридания почти не оставалось. Наездников, единственной силы, что тараки боялись больше всего на свете и, что хоть как-то, их сдерживало, становилось всё меньше. И если сейчас начнется война, Иридания падёт. Страшно становилось и мне, когда Март все объяснил во всех подробностях. Он показал, что могут сделать тараки с людьми, объяснил, что с ними не найти мира, ведь они не воспринимают нас, людей, как равных. Мы для них — генетический материал, рабы и развлечение. Люди для них — то же самое, что домашнее животное, скот на убой. Всё. Конечно, они признают, что люди чрезвычайно смелые и достойные противники, но от этого им еще интереснее, ведь они считают себя великолепными охотниками. Я старалась не думать о том, что может быть, а училась усердно и прилежно. Марту приходилось долго вдавливать в мою голову элементарные понятия, ясные еще с самого рождения каждому ириданцу и удивительные для меня. Я видела, как нелегко ему было мне это все втолковывать, но он пытался. Однажды он мне брякнул:

— Слушай, Лан, ну, ты будто с другой планеты! Неужели так трудно это понять? Я уже тебе в пятый раз объясняю!

— А что если я и вправду с другой планеты? — вроде как бы шутя, спросила я его. — Ну, что тогда?

— Тогда я подземная лягушка! — был его ответ.

Я не убеждала его в том, во что и сама верила с трудом и никак не могла доказать. Напрасная трата времени.

О «Зарунской рукописи» я никого не спрашивала, боялась. А в общей инфосети о ней ничего не говорилось. Лахрет был прав, я ничего о ней нигде не услышу. Решила ждать молча. Ятгор же когда-нибудь обязательно вернется, и тогда я все у него спрошу. Непременно спрошу. Всему свое время.

Дни полетели стремительно и довольно весело. Мои друзья в числе семи штук не давали мне скучать. Приблизительно через месяц после приёма, мы с Мартом слетали к нашей семье в гости на выходные, которые выделила нам администрация атконнора. Сколько было восторга и радости! Особенно, когда в доме Арамсов появилось сразу две ниясыти, одна из которых — настоящая королева! Приходили в гости все соседи, чтобы поприветствовать гордость поселка Со. Такого чуда в поселке еще никогда не было. В первый день Арамсы осторожничали и не подходили к нашим малышам. А на следующий день уже все затискали крылатых гостей до потери пульса. Особенно много висела на Забаве младшенькая Ларта. Забава вела себя весьма терпеливо с ней. Я шутила, что Ларта — будущая наездница как минимум ниры, а так и самой королевы. Та поверила мне и начала мечтать об этом. Она говорила мне, что будет работать над собой, чтобы научиться испытывать те самые нужные для них эмоции, что будет даже заставлять себя и тренироваться. Я поверила ей, ведь мечта легко может стать реальностью, тем более что в родственниках мечтательницы сама кашиасу! Так что все вполне осуществимо. Ларта же успела заглянуть во все мыслимые и немыслимые места моей Забавы, подергала за все ее конечности, пересчитала каждый сантиметр ее крыльев. Умудрилась даже за хвост подергать, за что получила недовольный

толчок от Забавы и подзатыльник от отца. Выходные дни продлились целую неделю.

Расставание же было чрезвычайно слезным и тяжелым, особенно для Ларты. Зато Забава вздохнула с облегчением, когда мы переступили порог нашей с ней комнаты. Ей особенно тяжело давалось внимание маленькой девочки. Я благодарила ее каждый день за терпение. Та благосклонно принимала мою благодарность.

И вот снова начались учебные будни. Я с обреченным вздохом принялась за обучение и, чем дальше, тем тяжелее мне давалась эта учеба. Новые слова, определения, категории, понятия. Началось много практических занятий. В итоге, я, и так не успевающая в учебе в начале, оказалась в списке успевающих на последнем месте. По правде сказать, на многое преподаватели закрывали глаза, причем крепко жмурились, и, если бы я сдавала тесты на поступления в это престижное учебное заведение без пропускного билета в виде Забавы, точно завалила бы в пух и прах.

Росла Забава сначала очень быстро, но после приезда от Арамсов, рост ее резко замедлился. Я еще испугалась, не потому ли, что ее за хвост дергали? Преподаватель по биологии объяснил, что это вполне нормально. Ниясыти растут рывками. Вплоть до того, что могут вообще остановиться в росте на несколько месяцев, а потом вмиг набрать нужный рост. Так что Забава уже к концу второго месяца после приёма дошла в плечах мне по пояс.

В отношении же интересовавших меня мужчин, спустя два месяца я успела немного успокоить свои чувства и здраво оценить ситуацию. За это время я узнала о них не много, спрашивая окружающих так, ненароком, чтобы они не догадались о моем интересе. Люди все чтили их, но об их жизни мало что могли поведать. Лахрета боялись и уважали, а Нарана сторонились из-за склочного характера. Последний часто мог доставать окружающих своим цинизмом и сарказмом, но в то же время все восхищались профессиональными способностями фагота. О Лахрете говорили только хорошее или ничего, словно каждый, только услышав его имя, чего-то пугался. Март говорил, что ятгор имеет большое влияние на людей из всех слоев общества. Его слушали и министры, и лорты, и академики, и профессора, и военные. Все. Стоило ему что-то сказать, и любой выполнял приказ или просьбу беспрекословно, будь-то уборщица или командир. Никто не пытался оспорить его авторитет. Узнавая это, я все больше и больше удивлялась тому, что такой человек посмотрел в мою сторону. Однажды я спросила, почему он работает в атконноре, ведь он военный и еще начальник Службы Безопасности Иридании. Март объяснил, что согласно Закону страны каждый всадник обязан преподавать в учебном заведении хотя бы раз в жизни, чтобы передать бесценный опыт следующим поколениям. Еще одним моим вопросом было то, почему он еще не женат, ведь, имея такое положение в обществе, внешность и влияние, он мог легко найти себе жену.

— Не знаю, — пожал плечами в ответ Март. — Говорят, он боится брака. Наверное, единственное, чего он на самом деле боится.

— А почему?

— Может, ответственности боится или думает, что это сделает его слабым человеком? Или просто не нашел ту самую... — он хитро покосился на меня.

— По-поводу ответственности ты загнул. Чего-чего, а ответственности он не боится, это точно, — покачала я головой.

— Я думаю, он ждал тебя! — плутовски подмигнул братец.

— Март! — я возмущенно махнула на него ладонью.

— Чего ты?! — он пригнулся, защищаясь рукой от меня. — Он же тебе сделал

предложение? Так что, я думаю, он ждал тебя.

— Он хотел жениться на кашпасу, — уперто ответила я ему и сама пожалела, что сказала.

Наконец, тот противный таракан в моей голове дал себе слово.

— Может, и так, — серьёзно ответил Март. — Никто не залезет к нему в голову. Он — человек-загадка. А может, он действительно питает к тебе нежные чувства. Здесь нхур надвое залаял.

Я внимательно посмотрела в лицо своему приемному брату. Он не шутил. От этого мне сделалось ещё хуже. Еще я заметила за собой, что в последнее время все больше стала думать именно о Лахрете, особенно после постоянных хороших отзывов об этом таинственном и непростом человеке. Хотелось его увидеть, почувствовать его задумчивый, умный взгляд. Услышать глубокий тенор. Увидеть его особенную кривую улыбку, которой он так часто насмешливо кривил красиво очерченные губы. После того разговора с Мартом я не начала меньше сомневаться в мотивах ятгора, но больше думала именно о нем. Мое женское эго требовало внимания именно такого человека. Часто вспоминала его последние слова о чувствах. Я хотела, чтобы рядом был именно такой человек, за которым легко спрятаться и не бояться ничего, и в первую очередь его самого. Как говорят? Как за каменной стеной. Интересно, а у него есть недостатки? А страхи? Чего он боится? Чего хочет? О чем мечтает? Он ведь тоже человек. Значит, все у него должно быть, просто он тщательно это прячет от других.

Бывали дни, когда я думала и о кураторе, но чаще эти мысли сводились к обиде и постоянному вопросу о его извечном мрачном настроении и сардонизме. Хотя бывало и другое, когда я с затаенным дыханием вспоминала те короткие минуты, в которые он задумчиво улыбался и вдумчиво смотрел куда-то вдаль, отрешаясь от окружающего мира. Тогда он казался очень красивым и притягательным, особенно когда показывал свои милые ямочки на щеках.

Наконец, по кому сообщили, что инцидент на границе исчерпан. Его громко огласили по всей Иридании. Угрозы войны не было. Виновников саботажа нашли и наказали. Впервые я слышала о суде и судебном решении. Виновников оказалось двое — рыбаки. Они со своими приятелями выходили на кораблях в океан через защитное поле. Это возможно сделать на контрольном пункте. Выяснилось, что их ночью выкрала разведка таракров. Используя внушение, в подсознание этих бедолаг внесли некую подпрограмму, через которую таракри вложили руководство о саботаже. По-сути, таракри сделали их роботами, и люди уже себе не принадлежали. Я слышала, что таракри создали какую-то машину, определяющую слабые места поля. Именно благодаря ей они смогли найти зону прорыва после саботажа и проникли на территорию Иридании у мыса Ко, где находился небольшой рыболовецкий поселок. Произошло столкновение. Но наездники успели вовремя и смогли отразить вторжение. В том бою погибла одна нира по имени Куртеж. Наездницу ее удалось спасти, она сейчас находится в страшной шоковой депрессии и проходит реабилитацию в клинике при атконноре города Шихато. А тех рыбаков-виновников приговорили к стиранию памяти, так как та программа таракров проникла во многие участки мозга. Они тоже после процедуры стирания проходили реабилитацию в той же клинике при атконноре.

Я тогда еще спросила Марта после передачи новостей о том, что люди беззащитны перед таракрами, раз смогли так повлиять на психику и сознание тех рыбаков. Март ответил, что не все таракри умеют внушать и не на всех могут влиять. Те, у кого есть специальная

блокировка, защищены. Блокировку ставят опытные психологи. А у наездников она от ниясытей. Мне отлегло. Еще Март сказал, что наши преподаватели скоро вернуться исполнять свои второстепенные обязанности, при этом он особенно подмигнул мне, за что сразу же получил подушкой по голове.

— Смотри у меня, — шутливо-грозно провозгласила я ему после этого, — а то так и будешь ходить с дергающимся глазом все время!

— Ладно-ладно тебе, и намекнуть нельзя!

Это значило, что я снова увижу Нарана и Лахрета. Внутри все тревожно сжалось. Я уже так привыкла за эти два месяца к порядку обучения. А если они вернутся, то, скорее всего, вернутся и треволнения о чувствах и симпатиях. Не скажу, что мне никто не строил глазки в атконноре. Все-таки кашасу — это лакомый кусочек. Но я не обращала на них никакого внимания, не считая чем-то серьезным и достойным взаимного интереса. Да и Март часто выручал. Брат, как-никак! Я боялась только тех двоих. От них не спасет ни мое равнодушие, ни мой братик.

Вот с такими тяжелыми мыслями и такой же головой я побрела на физподготовку рано утром после выходного дня в первый день недели. Шла и не знала, что готовит мне будущее. Переоделась в раздевалке, а Забава уже отправилась в спортзал. В помещении раздевалки уже тесно было для всех ниясытей и их наездниц. Ниясыти стали достаточно взрослыми, чтобы самостоятельно перемещаться по атконнору и не только. К слову сказать, они легко научились пользоваться и лифтами, и способами отворять двери. Для любой ниясыти не составляло труда самостоятельно перемещаться по коридорам всех помещений.

Я вышла в зал вместе с Лией как всегда одной из последних. На привычном для себя месте стоял наш дорогой куратор, и внутри возникло ощущение, что будто он никуда и не исчезал. Вся моя группа обступила его со всех сторон и шумно расспрашивала о последних событиях. Я же скромно поместила себя с краю толпы и замерла, не отводя от него радостного взгляда. Он нисколечко не изменился. Но уже через пару секунд я была замечена.

— Госпожа иата! Рад вас видеть в добром здравии! — в глазах Нарана блеснул привычный огонек насмешки. Наверное, хотел еще что-то сказать вроде «Как это? Вы еще никуда до сих пор не вляпались?».

Я скривила лицо в якобы приветливой улыбке и ответила:

— Я тоже рада вас видеть в целостности и сохранности, господин куратор!

Он потешно хмыкнул, уловив мой ответный сарказм. За эти два напряженных месяца я осмелела и обрела достаточную уверенность в себе. Прекратила всего и всех стесняться и начала потихонечку привыкать к необычному ко мне отношению. Появилась особая манерность и вольность в движениях. Он это сразу уловил, что явно ему понравилось.

Прозвенел звонок, оповещающий начало занятий.

— Хорошо, господа учащиеся, — обратился Наран ко всем. — Сегодня мы все выходим на парфлет (это такая ровная площадка с невысоким ограждением на крыше, где сиделись флайеры и ниясыти). — С этого дня мы будем помогать нашим подопечным крепнуть в крыльях.

Все шумно загудели. Пришло время. Наконец! Я знаю, что некоторые уже пробовали и хвастались, что у них получалось. А я побаивалась и берегла свою Забаву. Еще налетается. Впереди вся жизнь. Чего спешить?

В общем, мы все толпой по порциям отправились наверх. Все в лифт не поместились. Я оказалась в последней ходке лифта вместе с моими завсегдатаями — Мартом, Магоном и

Лией и нашими ниясытями. На парфлете было ветрено. Порывы воздуха постоянно назойливо закидывали волосы то в глаза, то в рот. Знала бы, что на крышу пойду, так волосы бы заколола.

Первый урок полета наших больших уже «малышей» прошел довольно успешно. Нам помогало значительное количество помощников-ниясытей, которые страшно любили подсоблять малышам становиться на крыло.

Вся наша группа расположилась в центре площадки, а по периметру нас окружили взрослые ниясыти. Среди них стоял и Наранов Натон. Я его сразу узнала.

Наши малыши выстроились в шеренгу, а мы расположились каждый напротив своего. По объяснению Нарана мы должны были поощрять их подпрыгивать, чтобы они отталкивались задними мощными лапами и махали крыльями, а дальше сработает природа.

Итак, наши любимцы начали прыгать и махать всеми частями тела, а не только крыльями. У моей Забавы вышло сразу. Она легко поднялась в воздух и сильно забила крыльями. Рядом возник Натон, подбадривающе урча. На сегодняшний день главным являлось для малышей — научиться держаться в воздухе. Рядом со мною стоял Март и с глубоким сопереживанием потешно махал своему Нуку, будто бы за него пытаюсь взлететь. Тот пыхтел изо всех сил. Выходило плохенько. В очередной раз он припал к земле и замер, недовольно протестуя против поощрений взлететь снова, мол, ему и так пока хорошо пешком ходить. Март ворчливо настаивал, называя его кем-то, кто любит ползать по земле, похожим на червя. К Нуку подлетел Натон и подбодрил его, показывая как правильно. Помогло. Нук покорно попробовал снова. А моя Забава торжествовала, так как у нее получалось легче всех. Мне оставалось только гордиться за нее. Та самодовольно начала подниматься выше и выше, дразня всех насмешливыми возгласами. Другие лишь восторженно косились на нее, посылая ей восхищенные свисты. Подзадоренная их реакцией, она решила на этом не заканчивать и резко повернулась на месте, от чего сразу же потеряла равновесие и канула вниз. Балерина воздушная нашлась! Мое сердце ухнуло за ней же — вниз, и я резко ойкнула, испуганно прижав ко рту ладонь. И тут из ниоткуда возник нур, подхватил ее, осторожно опустив на землю. В движениях его совсем не было гнева, лишь легкий укор, что так не стоит делать на первых уроках полета. Забава встревожено пискнула ему, покорно извиняясь. Я хотела вмешаться, но голос куратора сзади остановил меня:

— Не мешай. Она в надежных руках, — я оглянулась, чтобы посмотреть на него.

Наран не обращал на меня внимания, неотрывно следя за Забавой и тем нуром. Поглазев на него с неодобрительным прищуром полминуты, я все-таки повернулась к Забаве. А те тем временем поднялись вверх, и нур снова отпустил ее, так что она расправила крылья и повисла в воздухе уже самостоятельно. Ветер наполнил ее крылья и легко поддержал на лету. Нур опустил ее вровень, крыло к крылу, и подбадривающе заурчал. Забава повернула в его сторону голову, желая кокетливо ответить, и опять сбилась, хаотично замахав крыльями. Нур вильнул под нее, поддержав в крыле, и неопытная королева снова обрела равновесие. Я заморожено следила за этим крылатым незнакомцем, так легко обучавшим особенную ниясыть парфлета. Он восхитил меня ровными, величественными и спокойными движениями, легкими выверенными взмахами крыльев, уверенностью полета. Этот нур был крупнее Натона, сильнее и выдержаннее. Я узнала его. Это тот нур, что летел рядом с флайером, когда я путешествовала на свой первый прием. Я еще тогда, помню, обратила на него особое внимание. Кто это? Чей он? Какой он необычный даже для таких созданий, как ниясыти.

А в это время Забава сосредоточилась на дыхании и поймала волну. Теперь она не так лихорадочно била воздух и намного легче ловила его потоки, словно сумела почувствовать их и свое крыло. Тот нур одобрительно ей подсвистывал, подбадривал и направлял, паря крыло к крылу. Когда он находился рядом, мне совсем не было страшно за свою малышку. Она действительно в надежных «руках». Потом он предложил Забаве попробовать спускаться и подниматься. Получалось довольно сносно. Уже на первом занятии Забава превзошла остальных на несколько уровней и делала с легкостью то, что другие делали с величайшим трудом.

Наконец, Наран объявил о завершении занятия и велел всем, чтобы малыши спустились. Забава послушно шлепнулась передо мной. Запыхалась бедолага. Рядом сразу за ней сел и тот нур-учитель. На меня пахло до боли знакомым хвойным ароматом и все мигом стало понятно. Я догадалась, кто он. Лахретов Лирит. Я упоенно уставилась на нура, восхищаясь его великолепием и величавостью. Лирит снисходительно поглядел своим большим глазом, послав мне вполне ясное приветствие. От удивления я даже отшатнулась. Забава, вскинув горделиво голову и повернувшись в его сторону, благодарно затрубила. Лирит выдержал паузу, внимательно наблюдая за нею, и повторил то же. Тогда королева кокетливо ткнула носом Лирита в плечо, вызвав у него игривый грудной перелив низкого стопа и довольное урчание.

Я не сводила с них замороженного взгляда, когда к ним подошел Натон, и мордой шутливо ткнул в бок Лирита с другой стороны. Они, похоже, были друзьями. Благодаря тому, что они стояли рядом, я воспользовалась возможностью сравнить Натона с Лиритом. Нур Нарана казался мельче, тоньше, изворотливей. Лахретов нур смотрелся крупнее, сильнее, вальяжнее.

— У Забавы сегодня вышло даже лучше, чем только могло быть, — оказывается, Наран никуда от меня и не уходил, внимательно вместе со мной наблюдая за молодой королевой. Его голос звучал доброжелательно.

— У нее хороший учитель, — ответила я, не отрывая от них глаз.

— Лирит один из самых лучших учителей. Хм, лучшим ученикам — лучших учителей, — деловито заметил он.

Я повернулась к нему и вопросительно подняла брови. Что он хотел сказать этим?

— Ну, что ж, госпожа иата, занятия закончены. Не опаздывайте на следующий урок, — он кивнул в сторону кабины лифта, маленьким куполом возвышавшимся в центре из пола площадки, куда уже ручейком потекли мои одноклассники.

Я кивнула ему и позвала Забаву. Та послушно заковыляла за мной. Положив ей на плече ладонь, я похвалила за старания.

В кабинке прибывшего лифта находились я, Забава и куратор. Все остальные уже спустились. Он нажал на пятый учебный корпус и кабина тронулась. За всю дорогу он не проронил ни слова, задумчиво глядя на мою королеву. Спрашивать его не отважилась, но внимательно уставилась на его профиль. Интересно, о чем он сейчас думает? Его лицо хранило такую сосредоточенную отрешенность, будто он находился мыслями где-то очень далеко. Кто знает, может, это Забава прочитала мое желание, но в тот же момент, как я спросила себя об этом, снова увидела образ старинной книги, о которой часто думал этот человек. «Зарунская рукопись»... Неужели о ней он думает? Внезапно я испугалась, что он мог догадаться о моих желаниях знать его мысли.

— Он не знает, что ты сейчас слышишь его мысли, — оглянулась на меня Забава,

почувствовав мой вопрос.

Я уже начала привыкать к тому, что она часто отвечает на мои мысли, даже если не спрашиваю. Ей нравится читать мои желания и если это возможно, исполнять их. Я погладила ее надбровье и в ответ лишь печально вздохнула. Дверь с шипением разошлась в стороны, открыв путь на этаж учебных аудиторий. Наран жестом предложил мне выходить. Я послушно шагнула, пропустив вперед Забаву, и оглянулась на выходе. Он не двигался, ожидая, что я покину кабину лифта. Как только я переступила порог транспортной комнаты, он ничего не говоря, нажал на самый нижний этаж, в библиотеку, и исчез за дверцей. Я застыла, глупо уставившись на серый гляцевый метал закрывшейся дверцы лифта. Глубоко и обреченно вздохнув, оглянувшись на кабинет, куда должна идти на следующий предмет, застонала. Этика. Как же я ненавидела этот предмет! И как же не хотелось на него идти! В голове мелькнула крамольная мысль. Может, сегодня прогулять этот предмет? Конечно, не правильно, но... Еще одна похожая мысль возникла рядом возле первой: может, Наран пошел в библиотеку, чтобы что-то выяснить об этой загадочной рукописи? Внутри все свело от любопытства. Что делать? В моей черепной коробке тараканы штурмовали ворота благоразумия с транспарантами: «Идти за Нараном!» Как тут устоять? Любопытство одержало верх.

— Забава! Мы идем с тобой на очень важное мероприятие, — хлопнув по шее королеву, шепнула я и развернулась к панели управления лифтом.

Была не была! Уверенной рукой я вызвала лифт.

— Что ты хочешь? — спросила заинтригованно Забава.

— Хочу помочь господину Нарану найти важную вещь!

— Ты о той рукописи, о которой он только что думал?

— Не ты ли его мысли прочитала сейчас? Не я?

— Да. Ты же хотела узнать, о чем он думает?

— Ну, ты даешь! Ты всегда читаешь чужие мысли?

— Если только они интересуют тебя. Ты всегда так переживаешь, что не можешь читать мысли других, — глаза Забавы виновато блеснули в свете светильника открывшегося лифта.

— Будь поосторожнее, пожалуйста! — попросила я свою малышку, заходя в лифт и нажимая этаж библиотеки.

— Я никому ничего не говорю, только тебе, — казалось, мое замечание задело ее.

— Я на всякий случай тебя предупреждаю.

— Хорошо.

Через минуту, когда мы вышли в вестибюль библиотеки, я попросила Забаву:

— Ты сможешь мне?

— Как?

— Я знаю, что ты можешь эээ... сканировать... — я в замешательстве заломила руки.

— Я вижу сквозь предметы.

— Да-да! Оно самое! Та сможешь мне осмотреться?

— Как скажешь, — согласилась она.

А рассуждала я так. Наран недаром пропадает в библиотеке. Видимо, считает, что рукопись может храниться именно здесь. Я помню, он Лахрету тогда, на приеме, говорил, что на месте атконнора когда-то стояло архивное хранилище. Потом оно сгорело, остался лишь подвал. На его месте построили атконнор, а подвал переоборудовали в библиотеку, сохранив массу несгоревших документов и книг. Я думаю, он верит, что сможет найти

рукопись здесь, или же, по крайней мере, хоть что-то, что поможет найти ее. Его желание и вера найти эту рукопись читалось во всем его поведении, как бы он это не скрывал. Мне известно, что, когда подвал переоборудовали, то никакой особой рукописи не нашли. Вывод напрашивался для меня такой: если и есть эта рукопись или указания на нее, то они должны быть где-то спрятаны. То есть, должно быть секретное помещение, не видимое для посторонних глаз. Вот же фантазия разгулялась! Хорошо, хоть ни с кем не делюсь, а то точно бы подумали, что с головой не дружу. По крайней мере, сама проверю. Ничего с этого не станет, ведь верно? Для этого и нужна Забава. Благодаря ее особым способностям, я смогу найти невидимую комнату. Точнее сказать, она сможет найти пустоту в стене. А там уже потом будем искать возможность зайти. Таков был мой план. А если нет никаких пустот, тогда я просто уйду отсюда, и никто ничего не узнает. Безумная идея, знаю. Но что стоит мне проверить ее?

Мы с Забавой вошли в само помещение хранилища знаний. Людей видно не было.

— Что мы ищем? — спросила Забава, задрав на меня голову.

— Смотри на стену и сканируй ее на пустоты, — велела я. — Идем налево.

Забава послушно повернула и включилась в работу. Я медленно шла за нею, оглядывая полуосвещенные круглыми светильниками каменные, грубо отесанные гранитные стены. Слившись с сознанием Забавы и глядя на мир ее глазами как в тот памятный день, мы медленно шагали вдоль стены. После того дня я редко смотрела глазами своей малышки, но сегодня такой час настал. Смотрела во все глаза, иногда оглядываясь по сторонам. Не хотелось ничего пропустить. Что интересно, голову поворачивала и Забава, следуя моему желанию. В один из моментов, оглянувшись, увидела Нарана. Он опять сидел на своем излюбленном месте читального зала и недвижимо склонился над большой книгой. Это хорошо. Не страшно, что засекут ненужные лица. По близости никого не наблюдалось. Во время занятий с утра, в библиотеке мало посетителей. Но даже, если кто-нибудь и заметит меня, что тут удивительного, что студентка идет?

Через двадцать минут, обойдя почти половину пути, я немного подрастеряла свой энтузиазм. Закралось смутное сомнение, что я ошиблась и попусту трачу свое время, тем паче, что я подходила к тому месту, где сидел господин куратор. Встречаться с ним не хотелось в виду того, что меня здесь быть не должно, и он обязательно отправит меня на занятия. Усложнялось все еще и тем, что глядеть постоянно через глаза Забавы тяжело. Мозг напрягается в три раза сильнее, чем обычно. И, вот, когда в очередной раз обреченно вздохнув, я перевела взгляд на следующий метр, увидела! Там точно была пустота! Вся остальная стена виделась сплошной синевой, а это... там показалась темнота. Я, конечно, не совсем уверена, но... Может, это шанс? Легко вышла из сознания Забавы и оглядела стену своим взглядом, при этом облегченно вздохнув, словно с головы упала тонна груза, а на плечах я несла не голову, а наковальню. Передо мною предстал продолжающийся вдоль всей стены стеллаж, прикрепленный к стене и заставленный всевозможными книгами и стопами бумаг. Ничего необычного. Минут пять озадаченно изучала нужный сектор стеллажа. Ничего. В задумчивости принялась делать то, что неприлично делать особе моего ранга — грызть ногти. Ну, что-то же должно указывать на то, что здесь что-то есть? Уфф! Ну, хоть капельку. Но что? Голова и так тяжелая от сканирования, совсем разболелась. Забава села рядом и, вопросительно глядя на меня, неотрывно следила за каждым моим движением. Я подошла к полкам и принялась раздвигать книги, предполагая, что, может, подсказка есть на стене? Ничего. Тогда я, освободив нижнюю полку полностью, уложила книги на пол. Снова

ничего, никаких намеков на скрытый механизм. Ну, конечно! Вот, я дуреха! Неужели я решила, что что-то должно быть видно? Ведь тогда же другие бы быстро нашли! От этого стало труднее думать. Мозги и так отказывались работать, так я бодренько еще и в отчаяние пришла! Оно надо мной совершило злую шутку. Я принялась нервно снимать книги со второй и с третьей снизу полки. Руки трусились от волнения, что кто-нибудь меня застукает и остановит. Этого я, ой как, не хотела! Дошла до полки на уровне груди и первая же книга, за которую я схватилась, толстенная и древняя, как сама жизнь, с громким ляпом плюхнулась на пол. Испуганно шипнув, инстинктивно нагнулась и быстро схватила ее, прижав к груди, словно это каким-то образом уменьшит звук! А в проходах тихого архивного хранилища звук был такой, будто бомба взорвалась. Вот же непруха-то! Я сделала глаза блюдцами и ошалело оглянулась по сторонам, вжав голову в плечи и нервно сглотнув густую от ужаса слюну. Да, ну его! Все так же прижимая книгу к груди левой рукой, не знаю, почему, я стала правой скидывать раздраженно остальные на пол. Те, попадая на ожидаемое место, громко хлопали, создавая впечатление, что случилось стихийное бедствие. Нервы в голове творили такое гулкое эхо, что мне казалось, что грохот слышно даже на крыше.

Дойдя до опоры-перегородки стеллажа, я обо что-то укололась и резко одернула руку, глухо зашипев. Пошла кровь, но ранка маленькая, словно укололась об иглу. Раздражение достигло пика, и я с досадой со всей силы хлопнула ладонью о торец опоры. Через секунду что-то кляцнуло и из того места, где я хлопнула, выехала пластина. Озадаченно моргнув, чтобы убедиться, что это мне не почудилось, и, забыв о пальце, я тут же сунула туда свой нос. Пластина была совсем маленькая, пять на пять сантиметров. На ней крепился медальон на кожаном шнурке. Не задумываясь, я достала его и принялась рассматривать. С одной стороны на нем изображено два существа. Один — точно человек. А вот кто второй? Не тарак. Как выглядят тараканы, я знаю. Герн! Точно! Именно так выглядела вымершая некогда раса ящероподобных. Удивительно! Эти два существа стояли, подняв головы и руки к небу. С неба лился свет, а над ним надпись на незнакомом мне языке. С другой же стороны выгравировано дерево, вокруг которого обвилась громадная змея, глядящая в сторону. Просто загадка какая-то!

— Лана, к нам кто-то быстро идет, — сообщила мне стоящая на стреме Забава. — Среди них и Наран.

Я вздрогнула и механически спрятала медальон в карман, продолжая прижимать книгу к груди и широко распахнув растерянные глаза, задвинула механизм на место. Никто не должен догадаться о моей находке. Я должна прежде все обдумать, а потом что-либо кому-либо говорить. Из-за поворота ряда стеллажей вышло трое. Увидев то, что я натворила, один из них схватился в ужасе за голову, другой замер в нерешительности, зная, кто я такая. Зато третий не растерялся. Им оказался сам господин Наран. Лицо его сперва вытянулось в изумлении, через секунду окрасилось в красный цвет, еще через секунду исказилось маской гнева.

— Что вы здесь делаете?! — он чуть не крикнул.

— Зачем вы скинули все книги на пол? — более мягко спросил схватившийся за голову смотритель библиотеки господин Зунг.

— Я... я... — замялась я.

Обдумывая свои шаги в поисках сокровищ, напрочь забыла продумать оправдания своего здесь пребывания. Я нагнулась и взялась одной рукой подбирать книги, пихая их на место, как попало, и продолжая прижимать книгу к груди.

— Пожалуйста, остановитесь! — смотритель быстро присел рядом и начал перебирать книги, чтобы ставить их по порядку, а не наобум. — Я сам.

Ноздри несчастного работника библиотеки трепетали в сдерживаемом гневе и расстроенных чувствах. Я выпрямилась, уперев взгляд в груды набросанных мною книг, и растерянно замерла, озадаченно глядя на место преступления. Мощный, однако, я погром устроила... Подумать только, а пять минут назад здесь царил идеальный порядок!

— Иата Лана! — навис надо мною Наран Ниясу. — Вы соблаговолите объяснить, что вы здесь делаете?!

Я лихорадочно хватала ртом воздух, пытаюсь придумать логичное объяснение моего здесь пребывания. Единственное, что мне пришло в голову, книга, которую я продолжала прижимать к груди. Я вытянула ее дрожащими от напряжения руками перед собой и ответила:

— Я за нею пришла! Смотритель, можно я возьму ее на личное чтение?

Зунг поглядел на меня снизу вверх изумленными округлившимися глазами и выражением лица вроде: «И для этого вам надо было натворить такой бардак?!».

— Какое название? — просипел он.

— Мифы и легенды Заруны — медленно прочитала я название, удивившись, что нарвалась именно на такую древнюю книгу.

— Хорошо. Только, пожалуйста, верните ее обязательно. Она в единственном экземпляре и очень старая.

— Да, конечно, — лихорадочно закивала я головой.

— Немедленно на этику! — прогремел озадаченный куратор, продолжающий гневно пыхтеть мне в бок.

Мое бессмысленное пребывание в библиотеке в период обучения страшно злило куратора. Я это прекрасно понимала. От того-то и не хотелось с ним встречаться. Глубоко вздохнув, развернулась и послушно почалапала в сторону лифта, пообещав, что отправляюсь «немедленно» на предмет. Наран явно заподозрил во мне прогульщицу и был абсолютно прав. На сегодня, видимо, мои поиски завершены. Показывать господину куратору свою находку я прилюдно побоялась, да и сможет ли он оценить мою находку? Лахрет говорил, что это секретная информация, так что я, молча, покинула хранилище, виновато пряча глаза от сердитого взора курирующего моей группы. Итак, горе-искательница сокровищ или чего-то там на одно место, что сзади, поплелась к выходу из хранилища.

Этику я все равно уже прогуляла, так что идти на нее все-таки отказалась. Отправилась в свою комнату, желая до следующего занятия отсидеться там. Как же удобно жить в самом учебном заведении.

В комнате Забава прямой походкой отправилась на кровать, а я уселась на диван, положив бездумно книгу на спинку.

— Что будем делать? — спросила Забава.

— Ждать, — ответила, доставая из кармана медальон. — Какая красивая вещица! — я восхищенно крутила круглый предмет перед глазами. — Интересно, а сколько ей лет и что означают эти надписи? Я не знаю таких букв... Ладно, — со вздохом одела на шею веревочку, на которой крепился старинный артефакт, и запихнула его за пазуху.

Расслабилась на диване, уронив голову на спинку. Задумалась над тем, как и кому сообщить о своей находке? Вспомнив гневное лицо куратора, решила сообщить Лахрету. Тот все-таки посдержанней будет. Его я не так боялась. Хотя... это с какой стороны поглядеть...

— Я тоже думаю, что лучше Лахрету сказать, — согласилась Забава, задумчиво глядя на меня огромными фасетчатыми глазами и положив голову на лапы. — Он добрее к тебе относится. И Лирит его милый.

Я насмешливо покосилась на нее. Маленькая девчушка восхищается зрелым мужчиной. Чудно выглядит. Так выходит с Забавой. Ничего себе! Но я не стала ехидничать, а то опять обидится на меня, что я ее маленькой считаю.

Значит, Лахрет. Когда у меня там его предмет? Биология завтра. Сегодня химия, социология и... техника! Интересно, а он будет ее сегодня вести, или опять Тирит будет заменять? Тирит был старшим студентом и учился в выпускной группе. Часто строил мне глазки, но я всегда пряталась за Марта. А однажды кто-то шепнул ему, что на меня глаз положил сам Лахрет Ноа, так тот от испуга и смотреть в мою сторону забыл. И чего его так боятся? Я о Лахрете. Не понимаю. Незаметно для себя я опять вернулась мыслями к этому загадочному человеку. Ну, не разумею, почему он до сих пор не женился? Что его останавливало? Ведь он такой видный мужчина! Этот вопрос не давал мне покоя вот уже два месяца с того момента, как он открылся мне в своих чувствах.

Пора было собираться на социологию. В уме мелькнула мятежная мысль прогулять и социологию. Этот предмет находился у меня среди самых что ни на есть нелюбимых. Я считала глупым и бессмысленным сидеть и слушать то, что совсем не понимаешь. Только я об этом подумала, как дверь распахнулась, и в комнату влетел сам Наран Ниасу собственной персоны. И почему я до сих пор не поставила замок?! А если бы я раздетая была? Ну, никакой церемонности.

— Вы здесь?! Я так и подумал! — из глаз его только искры не сыпались. — Вы почему на звонки не отвечаете?! Зачем вам коммуникатор, если до вас все равно не дозвониться?!

Я вдавилась в диван. Опять он меня ругает. Когда же это закончится? Только вернулся в атконнор и уже бранит меня на чем свет стоит. Хотя, у него всегда есть, за что меня утешить, но я никогда к этому не привыкну. Интересно, а будет ли такое время, что и я на него наеду? Это показалась мне глупой и нереальной мыслью.

— Разве вы не понимаете, что вы не имеете права прогуливать уроки?! Вы же иата! На вас вся Иридания смотрит!

— Прямо-таки вся Иридания! — скабрёзно прошипела я и закатила глаза к потолку.

Он дрогнул, искривив губы. А что же тогда с ним будет, когда я о своей находке скажу и зачем я ее искала? Что он со мной сделает? Четвертует? Повесит? Харакири сделает? Нет уж, увольте!

— Что вы делали в библиотеке? — он снизил тон.

— Этику прогуливала, — призналась я и покосилась на него, желая увидеть его реакцию.

Он разве что не позеленел. Сжал кулаки, стиснув челюсти. Наверное, в этот момент он глубоко пожалел о том, что когда-то привез меня из забитой глубинки, но сдержался.

— Иата, это непозволительно!

— Что непозволительно? А какая разница? Я все равно ничего там не понимаю. Что там есть, что меня нет. В голове пусто, а так, хоть в библиотеке что-нибудь почитаю, — видимо мои «железные» аргументы слабо подействовали на мужчину, так как костяшки его пальцев побелели. Я невольно уставилась на них и растянулась в виноватой улыбке. — Я честно-причестно, сейчас же пойду на социологию! — сделав самый покорный вид, который только могла из себя состряпать, с готовностью поднялась на ноги и шагнула к выходу.

— Я прослежу, — проведя меня угрюмым взглядом, он пошел вслед за мной с Забавой.

Подойдя к лифту, я все же набралась смелости, чтобы завести разговор о рукописи — мало ли, может, все-таки выйдет, и я поведаю ему о своей находке? Осторожно покосилась на него. Стоит мрачнее тучи рядом и смотрит ровно перед собой. Попробую прощупать почву. Бояться буду потом.

— А что вы ищите в библиотеке? — на что получила подозрительный взгляд.

— Если вы еще не забыли, иата, я историк.

— Ааа! Вы квали... фикацию повышаете?

По тому, как сверкнули его глаза, поняла, что переборщила и лучше его сейчас вообще не трогать. Я завязала себя в узелок и замолкла до самой аудитории социологии. Забава сообщила мне, что куратор очень сердит на меня, так что я молчала себе в тряпочку и не рыпалась. Наран завел меня в аудиторию, где уже все сидели на своих местах, и остановился на пороге, провожая меня до места угрюмым взглядом. Господин Хон скрючился над своим столом, что-то изучая в своих талмудах, и даже не заметил моего появления. Как он там что-то разбирает, в своих-то корявых иероглифах? Я скорчила кислую мину и плюхнулась на свое место, поймав озадаченный взгляд брата. Наверное, он дико интересовался, где я пропала? Правда, расспрашивать особо не стал, когда получил в ответ отрешенное: «Просто прогуляла». Он, конечно, удивился и попытался приколоться, но на том все и закончилось.

Социологию и химию просидела тихо, как мышка, всё задумчиво глядя в окно. Наконец, пришел черед долгожданной технике. С одной стороны я боялась увидеть Лахрета, а с другой — за пазухой просто жгла одна вещичка. Неужели я о ней никому не расскажу?! Я обязана, даже если это мне будет стоять нелегких минут страха.

В аудитории никого не было, когда мы пришли. Никто не зашел и после звонка. Неужели и сегодня не будет Лахрета и придется все рассказывать Нарану? Я этого просто не выдержу! Меня разбирало на запчасти от желания с кем-то поделиться самой страшной тайной. Минут пять мы тихонько сидели за партами и ждали.

Спустя пять минут дверь распахнулась, и в аудиторию широким шагом с приветливой улыбкой стремительно зашел господин Лахрет Ноа. Он явно бежал на занятие. Извинился, что опоздал и добавил дружелюбным тоном:

— Я очень рад всех вас снова видеть в добром здравии! — его лицо светилось радостью, от чего мне на душе стало намного легче, и родилась надежда...

А как же я была рада его видеть! Сама от себя не ожидала такого! Думала о нашей следующей встрече что угодно, а при его появлении внутри словно все отлегло и неосознанно умом потянулась к этому сильному человеку. Вдруг, я поняла, что очень скучала по нему, по его особой внимательности к моей персоне, спокойному, выдержанному взгляду и удивительному ощущению уверенности, которое он вызывал в каждом.

Группа ответила хором о своей взаимности. Обведя всех взглядом, Лахрет на миг остановил его на мне, от чего я зарделась и опустила глаза. Кольнул в самое оно. Март однажды признался, что когда рядом господин Лахрет, и вправду, кажется, что он может помочь решить все твои проблемы. Его проницательный взгляд, добрая непринужденная улыбка и мягкие движения очень располагали к нему. Этого у него не отнять. Прирожденный лидер. Я облегченно вздохнула и с блаженной улыбкой снова посмотрела на преподавателя, но он уже глядел в другую сторону.

— Я задержался по уважительной причине. Договаривался вам о практике, — оправдался он. — Я узнал, что за время моего отсутствия, у вас было только четыре вылета!

Это не приемлемо! — он широко улыбнулся, заметив радостные лица студентов. — Я вижу, рады. Ладно, собираем вещички и на выход в ангар. Сюда мы не вернемся.

Ребята мигом шумно подхватились и наперегонки с громкими возгласами направились к выходу. Я замешкалась. Лия подошла сзади, и, толкнув к выходу, заметила, шутя:

— Что, соскучилась за ним?

Я не стала что-либо отвечать на мимолетную шутку, лишь бросив укоризненный взгляд. Глубокий вздох вырвался из груди, и я зашагала в указанном направлении. Среди всех, только мы с Лией не уложили своих ниясытей, поэтому Лахрет у лифта велел нам их уложить, дав нам фору.

Когда мы с подругой спустились в ангар, то группы там уже не оказалось. Все улетели практиковаться. Нас ждали Лахрет и Тирит, как инструктора по пилотированию флайеров. Почему-то я не удивилась, когда Тирит взял Лию и увел ее в учебную машину. Я осталась одна с Лахретом. Он стоял у трапа легкого двухместного флайера с грузовым отсеком класса Е, то есть малой грузоподъемностью. Заложив руки за спину в стиле аля Наран Ниасу, он смотрел на меня горящими улыбающимися глазами. Но чему он радовался? Я, молча, подошла к нему и вопросительно посмотрела в лицо.

— Вы готовы к полету? — весело спросил он, явно в предвкушении.

— Да, сэр.

— С каких пор я сэр?

— А разве нет?

— Нет.

— Почему?

— Я — ятгор. Вы — кашиасу. Вот и весь расклад.

— Я — студентка. Вы — преподаватель. А это не расклад?

Лахрет лукаво улыбнулся и жестом указал на трап флайера. Опустив неуверенно глаза, я забежала вовнутрь. Села на место первого пилота, устремив взор на панель управления и сделав вид, что это самое главное занятие моей жизни. Сегодня я планировала удивить преподавателя своими навыками пилотирования. Март мне как-то раз сказал, что, как кашиасу, я имею полное право брать любой флайер для своих нужд. Я им и воспользовалась. Март учил меня каждую свободную минуту искусному пилотированию, когда мы дорывались до ангара и отрывались от книг и комов. Поэтому, когда Лахрет сел на свое место, я, плавно нажав на панели управления нужные команды, легко отстыковала машину и вывела ее из ангара. Без сучка и задоринки. Боковым зрением я заметила одобрительное выражение лица преподавателя. От этого сразу поднялось настроение. Удивила.

На улице небо слепило синевой, радовало ясной погодой и вдыхало свежие силы. Сердце рвалось вперед сквозь потоки воздуха, преодолевая притяжение земли, лететь туда, куда глаза глядят. Чего еще желать? А вот чего. Меня очень беспокоило, что надо сказать как-то о найденной мной вещи, только не знала, как начать. С чего, главное? А еще этот докучливый вопрос... почему до сих пор этот удивительный человек, внушающий восхищение и неподдельное уважение в сердца каждого человека, до сих пор не нашел себе спутницу жизни? Увидев его еще у трапа, я снова задала себе этот липкий вопрос, по-женски оценив безукоризненный вид мужчины. Одет с ниточки, чистый, выглаженный и хорошо пахнущий... Вся слюной изошлась. От чего это вдруг? Неужели сработали долгие часы размышления над его предложением? Глядя на такого красивого и сильного мужчину, я чувствовала уверенность на все сто, что любая бы согласилась на брак с ним. Думая об этом,

я постоянно бросала на него вопросительный взор, одновременно следя за панелью управления и дисплеем.

— Спрашивай, — наконец, заговорил он, заметив, что я мучаюсь от любопытства.

— Вы о чем? — я сделала вид, что не понимаю.

— Ты уже пять минут косишься на меня с вопросом в глазах, — он говорил неформально. — Твои мысли прочитать мне сложно, но я готов тебе ответить на любой вопрос.

— Я не смею.

— Почему?

— Это личный вопрос.

— Личный? Это уже интересно вдвойне.

— Как я могу?

— Задать личный вопрос? — брови Лахрета взлетели высоко вверх.

В голове я сразу четко увидела ясное недоумение ятгора. Он не мог дойти до того, почему я стеснялась задавать ему личные вопросы после того, как он мне столько говорил о своих чувствах. Он понятно спроецировал свое недоумение.

— Вы ответите на личный вопрос?

— Лана, думаю, ты должна понимать, что после того, как я сказал о своих чувствах перед моим отлетом, любые вопросы относительно меня и моей жизни ты можешь смело задавать. Причем, делать это в любой форме и выражениях, — он слегка наклонил голову, и в его глазах мелькнул укор. — Или ты забыла о том, что я тебе говорил?

— Вы о своих... — я замялась и сделала ошибку в управлении, вильнув в сторону. Он и глазом не моргнул

— Чувствах, — продолжил он. — Именно. И поверь, от того, что я не видел тебя два месяца, они несколько не уменьшились.

Я опустила взгляд на интерфейс и закусил губу. Почему, когда он заговаривает о своих чувствах, я так волнуюсь и теряюсь? Я порывисто вздохнула и озвучила свой вопрос:

— А почему вы до сих пор не женаты? — сердце подпрыгнуло до горла и опустилось до коленей.

Он хмыкнул и усмехнулся, словно это его рассмешило. От этой его реакции мне стало еще неуютней. Устремив задумчиво взор вдаль, Лахрет ответил не сразу:

— Я любил однажды. Но она выбрала другого.

Я повернула в его сторону лицо, желая увидеть его глаза, и флайер мигом кинуло вниз. Лахрет легко подхватил управление в свои руки и сам повел машину за город, словно так он мог отвлечься и взять себя в руки. Сказать хоть слово у меня не хватало сил. Я просто таращилась в его сторону немигающим взглядом и пыталась поймать хоть один ясный вопрос. Кто же смог когда-то отвергнуть такого человека? Почему она предпочла другого? Он минуту помолчал, глядя строго перед собой, потом все-таки продолжил:

— Ее звали Ята. Ята Раголд. Она училась со мной в одной группе. Ее ниру звали Унта. Она была доброй, отзывчивой и очень послушной девушкой. В нее, мне казалось, были влюблены почти все парни из нашей группы, — Лахрет покосился на меня, и продолжил: — Она выбрала не меня, а Нарана.

— Нарана? Нарана Ниасу? — от этого имени и удивления я уронила челюсть. — Нс как? И почему была?

Он слегка нахмурился, словно воспоминания о том времени причиняли ему боль,

сосредоточенно нажал на интерфейсе какие-то посадочные команды и опустил флайер на небольшой поляне перед раскинувшимся на север зеленым полем нравы. Повернул голову в мою сторону и замер, поджав нижнюю губу в задумчивости.

— То время было для меня очень тяжелым. Я любил ее, любил и Нарана как друга. Она была всегда вежливой и приветливой с нами. Наран первым предложил ей ближе познакомиться и она, не раздумывая, согласилась. Я же боялся первым подойти к ней. Нутром чувствовал, что она больше смотрит на Нарана, чем на меня. И кем я тогда был? Всего лишь перспективным наездником нура, студентом. А Наран был сыном кашиасу. Недолго после этого она быстро вышла за него замуж, подписав брачный контракт.

Слушая его рассказ, я пораженно распахнула глаза и уставилась на свои коленки, словно там видела всю эту историю в картинках. Наран женат? Ничего не понимаю...

— Вам, наверное, было тяжело это пережить... — протянула задумчиво я.

— Было. Но, разве я мог изменить чувства человека? Я думаю, они или есть, или их нет.

— А я думаю, — перебила я его, — что чувства можно развить!

Он посмотрел на меня пристальным взглядом, словно хотел вывернуть меня наизнанку, желая узнать, что я думаю. Наверное, у него не вышло. Он ответил:

— Ты так считаешь?

— Да. Видимо, Наран сделал что-то, что тронуло ее сердце. Иначе как?

— Нет. Или может быть... — он опустил глаза.

Сейчас передо мной сидел не сильный мужчина, лидер, каким я его всегда себе представляла, а растерявшийся мальчик, пытающийся найти ответы на свои тяжелые вопросы. Мужчины, когда говорят о чувствах, становятся такими беспомощными, словно их раздевают, доставая нечто святое, сокровенное. Я молчала, ожидая, что он продолжит свой рассказ.

— Она была рядом с ним так счастлива. Разве мог я требовать, чтобы она была моей? Одно время я ушел из их жизни, пытаюсь убить свою боль. После выпуска, поступил в погранотряд. Там рвался в бой по случаю и без. Лирит постоянно меня вытягивал из таких заварушек, от воспоминания о которых сейчас стынет кровь! Любовь его не дала мне себя загубить, — он улыбнулся.

Наверное, Лирит сейчас нас слушал и что-то прокомментировал по поводу переживаний своего наездника. Я в ответ тоже глупо улыбнулась, будто от моей улыбки переживания Лахрета о прошлом утихнут. Он в этот момент не смотрел на меня, видно ему об этом нелегко говорить сейчас. Через небольшую паузу он продолжил:

— Зато я заработал там себе славу сорвиголовы и репутацию отчаянного и прямого человека. Благодаря своему уму, который я наследовал от отца, — при этих словах он скривился, словно мысль об отце его мягко сказать огорчала, — и этой славе, я быстро поднялся по карьерной лестнице и через пять лет, неожиданно для себя, я был уже назначен фаготом. Хм... Правда, это меня не слишком радовало. Еще через пять лет в моей жизни снова появился Наран и Ята. Его и ее назначили в новообразованный уот под моим началом. В то время я уже смог взять себя в руки. Был нелегкий разговор с Нараном, и мы постепенно снова стали общаться и сближаться. Тогда шла напряженная война с тараками, поэтому каждый день мог оказаться для нас последним. Не хотелось покинуть жизнь в соре с другом. Война сблизила нас троих... Мир для Нарана рухнул, когда однажды один из дней этой проклятой войны оказался для Яты последним. Это было при Ерhone. В одной из разведывательных миссий Ята пропала. Через время мы нашли ее Унту в ущелье мертвой.

Яту так и не нашли. Нигде. Тогда Наран чуть не сошел с ума. При Ерноне шло сражение с тараками. Мы почти уже начали отступать. В приступе безумия Наран кинулся в гущу сражения, желая отомстить за свою жену. Натон был также в отчаянии. В тот миг я испугался за своего друга, которого я называл братом. Обида, боль отвергнутого, уже ушли из моего сердца. Я старался не думать о плохом, чтобы отпустить негативные чувства. Когда я увидел отчаянно дерущегося Нарана, я понял, что не должен его оставлять одного. Он мой друг. Я должен быть рядом. Должен... — Лахрет прервался, и поднял на меня глаза, а в них слезы. Сердце мое замерло в удивленном сострадании, и душа помимо воли потянулась к нему. Захотелось обнять и сказать, что все в прошлом. Он продолжил: — Я стал рядом с ним в этом безумии. Это не осталось незаметным. Другие, видя наш пример, наше отчаяние, желание, во что бы то ни стало, прогнать тараков с земли Иридания, воодушевились и ринулись в бой. Мы победили. Иридания была спасена. Когда тараки ушли, сразу же была запущена система защиты. Наступил мир. Мы с Нараном стали героями, однако никто не знает, что тогда на самом деле нами двигала не любовь к родине... — Лахрет горестно улыбнулся. — Теперь знаешь ты...

Я чувствовала его боль и в то же время облегчение, словно он наконец-то скинул с плеч то, что так долго носил на себе. Лахрет сглотнул и, глубоко вдохнув, сказал:

— Ты первая, на кого я смог посмотреть после нее...

Я лихорадочно заморгала, снова смутившись. Опять!

— Ты первая, кому я смог открыться. Теперь в твоей воле меня опустить или возвысить, — в глазах его блеснул огонь надежды и мольба.

Я внимательно посмотрела в его грустное лицо. С одной стороны чувства кричали обнять его и заверить, что уже все в прошлом, что все будет хорошо. А с другой стороны внутренние страхи парализовали и росло желание бежать от этого разговора. В замешательстве я медленно поднялась с кресла, пытаюсь спрятаться от его вопросительного взора, и подошла к проходу в грузовое отделение, повернувшись к нему спиной. Что ему ответить? Что я чувствую? Внутри все почему-то дрожало. Обхватив себя за плечи, я старалась унять эту предательскую дрожь. Сейчас мне никуда не деться. Мы одни во флайере далеко от города. А еще ведь я ему не все сказала. Как он отреагирует на другое?

— Лахрет, я еще не все сказала, — я не заметила сама, что назвала его по имени, без официальности. Спиной я почувствовала, что он тоже поднялся и встал за мной, замерев в ожидании.

— Говори.

Я слегка вздрогнула, от ощущения близости мужчины. Вместо слов, я, стремительно повернувшись к нему лицом, достала медальон из-за пазухи, сняв с шеи, и протянула ему.

— Что это? — он изумленно принял его, но не стал рассматривать, вопросительно глядя мне в глаза.

— Я его нашла сегодня утром в библиотеке. Посмотри, что на нем изображено. Что ты можешь сказать об этом?

Лахрет опустил взгляд на медальон и покрутил перед глазами. Через минуту лицо его нахмурилось, глаза посерьезнели.

— Где... где ты это нашла?!

— Я же сказала, в библиотеке.

Он расширил глаза.

— Когда?

— Сегодня утром. После физической культуры.

Говорить ли ему о предмете моих поисков? Возможно, он сейчас думает, что я нашла его случайно. Он напряженно молчал, всматриваясь задумчиво в рисунок на медальоне. Я нерешительно заикнулась:

— Я искала ту рукопись... «Зарунскую рукопись».

Он резко вскинул на меня сердитый взгляд и схватил за плечи, сильно сжав пальцы и причинив мне боль. В глазах возник страх:

— Лана! Я же просил тебя не вмешиваться в это дело!

— Мы с Забавой ничем не рисковали. Просто прошлись и просканировали стены библиотеки и всё! — почему он сердится на меня, ведь я такую вещь нашла! — Я никому ничего не сказала. Никто ни о чем не догадывается, даже Наран. Я решила первому тебе рассказать.

— Ты ещё и Забавой рисковала?! — он, что, меня не слышал?

— Я же сказала, что мы ничем не рисковали, Лахрет, — я попыталась вырваться из его болезненных тисков, однако ничего не вышло.

— Лана, это опасно! — он слегка меня тряхнул, словно хотел вставить таким образом мне мозги, как будто от колыхания что-то может там появиться.

— Я просто хотела помочь... — я согнула руки в локтях и снова попыталась выкрутиться из его рук. — Пусти, мне больно...

Он резко отпустил меня, словно очнулся. Я влипла в косяк прохода, больно ударившись спиной.

— Неужели ты меня не слышишь? — тихо прогремел он.

— Я тебя прекрасно слышала! Я понимаю, это опасно. Но я хочу вам помочь. Я чувствую, что это очень важно. То, с каким усердием вы ее ищите. Ваши постоянные мысли о ней...

— Разве ты знаешь что-то о ней?

Я отрицательно качала головой.

— Нет. Не знаю. Но я уверена, что найти ее жизненно необходимо. Я это чувствую и... — я на миг задержала дыхание. — Я верю тебе...

Он вздрогнул от последнего моего слова. Я ему верю... Словно он ждал их. Лахрет шагнул ко мне и стал совсем близко. Склонился над моим лицом, коснувшись пальцами моей щеки.

— Веришь?

— Верю, — я заторможено моргнула, вжимаясь сильнее в косяк.

— Почему веришь?

Я задрожала под его тяжелым взглядом. Волной хлынули на меня его эмоции. Окутали туманом, закружив голову и подкосив ноги. Он требовал ответа. Я чувствовала его дыхание, его запах, его тепло. Сердце бешено затрепетало в груди, вызывая жгучее желание его объятия. От этой дикой для меня мысли, я зажмурилась и попыталась что-то вразумительное ответить.

— Я... я... я что-то чувствую... - нервно сглотнула загустевшую от напряжения слюну.

Разве можно было ему сопротивляться? Все мое существо внезапно покорилося его воле и готово отозваться на любой его жест.

— Ланочка... — прошептал он мое имя и мурашки осыпали моросью тело. — Я люблю тебя... люблю... я это знаю... я уверен в этом. Примешь ли ты мои чувства? — его голос

дрожал от волнения.

Я не знаю, любовь ли то, что сейчас я чувствовала, но знала одно наверняка. Рядом с ним мне хорошо и уютно. Его чувства жгли меня, наполняли душу, сердце, ум. Рядом с ним я ничего не боялась. В этот миг подумала о женщинах Иридания, вспомнив слова Фии: «Мы не любим. Мы уважаем мужчин. Они нас любят». Лахрета я уважала всем своим естеством. Каждое его слово, решение, поступок вызывали у меня доверие и то самое уважение. Он никогда не позволял себе поднять на меня голос, давить авторитетом. Возле него я чувствовала себя женственной и желанной. Пусть я не питала к нему страсти и жгучего желания, но мне легко и хорошо с ним. Как часто у меня возникало желание спрятаться за него от всех своих невзгод. Я свободно чувствовала его эмоции, мысли, просто понимала его и доверяла. И еще одно льстило мне. Такой самодостаточный, сильный, мужественный человек терялся подле меня. Я чувствовала власть над ним, над его волей.

Я подняла руку и положила ему на грудь. Сказать что-либо было нелегко. Разрешила телу говорить за меня. Он сжал мою кисть в большой и теплой ладони и прижался к ней губами, прошептав:

— Разреши это считать как согласие на мои чувства? — я ощущала его дрожь.

Улыбнулась ему и поднесла вторую руку к его лицу, коснувшись его скул и глядя в его черные омуты. Он просит так мало. Лишь, чтобы я приняла его чувства. Он не просит с взаимности. Память напомнила мне, что ириданские мужчины не ждут той самой взаимности. Они лишь ждут, что женщина примет их чувства. Я кивнула. Не знаю, почему в тот момент я так решительно кивнула, но... он счастливо широко улыбнулся. Его глаза засветились восторгом, и рука легла на мои волосы так осторожно, словно он боялся, что я всего лишь мираж и могу лопнуть, как мыльный пузырь. Я глупо улыбнулась ему в ответ. Мне так нравилось, как он пытался выразить свои сильнейшие чувства так робко, нерешительно, боязливо. А его глаза светились непривычным для меня чувством мужской любви и нежности.

— Я скучал по тебе все эти два месяца. Не было и дня, чтобы я не вспомнил о тебе, — он продолжал гладить меня по голове, от чего мурашки моросили затяжным дождем по спине и затылку. — Так хотел тебя увидеть, услышать твой голос, смех... хоть на мгновение. Ты приходила ко мне во сне...

— Правда? — я лукаво улыбнулась. — И что я там делала? У тебя во сне?

Он хмыкнул, не решаясь ответить.

— Ты целовала меня.

От этих слов мурашки пошли танцевать со своей фонотекой на бедра и ноги. Я сконфужено опустила глаза. Каков вопрос, таков ответ. А что я хотела услышать? Что вместе ромашки на полянке собирали? Смешно! Я повернулась к нему боком, опустив руки.

— Скажи, а что это за медальон?

— Возможно, это ключ. Не знаю. Наран должен знать, — он обнял меня за плечо, став сзади.

Почками понимала, что он искал возможности дотронуться до меня. Я чувствовала, что его невероятно тянуло ко мне, но знала и то, что он не позволит себе большего. Таков нрав ириданцев. Владели мужчины женщинами только по праву брака. Однако это не мешало им искать повода прикоснуться к объекту своей любви. Я помнила это еще по примеру Рода и Марты Арамсов.

— Ты расскажешь мне, где именно ты нашла его?

— Конечно! — обрадовалась, что он уже не запрещает мне вмешиваться в это дело. — Мы с Забавой нашли в стене пустоту, будто там есть потайная комната, — начала я рассказ, попытавшись повернуться, но тщетно.

Он не дал этого сделать. Вместо этого, он обнял меня сзади и положил подбородок на мое плечо. Дивное ощущение...

— Так ты мне расскажешь об этой рукописи? — я повернула к нему лицо, как то позволяла моя поза.

— Какая ты у меня упрямая... — он сказал прямо возле шеи негромко, а я задрожала. Он так собственнически сказал «у меня», будто уже все решилось, и я теперь принадлежу лишь ему. Только, странное дело, это совсем не рассердило меня.

— Да, я такая, — я не шелохнулась. — Так вы с Нараном меня примете в ваше тайное общество и посвятите меня в свои планы?

— Только если ты будешь предельно осторожной и во всем меня слушаться.

— Торжественно обещаю! — я подняла вверх ладонь и попыталась снова оглянуться.

— Помни, Лана, есть люди, которые заинтересованы в том, чтобы тайна о «Зарунской рукописи» осталась тайной навсегда.

— Почему?

— Эта рукопись может перевернуть весь миропорядок на всей Заруне. Некоторым это будет не по вкусу, — он нежно потерся щекой о мою и это погнало очередные табуны мурашек от затылка к пяткам.

— Правда?

— Истины, записанные в ней, откроют нам, как говорил мне Наран, занавес нашего происхождения.

— Ух ты! — Лахрету доставляло удовольствие мое восхищение.

— Тогда мы сможем получить ответы на все свои вопросы.

— Ты в это веришь?

— Наран в это верит. А я верю ему.

— Вы давно знакомы... так дружите, что доверяете так друг другу... несмотря на то событие.

— Мы с детства дружили с ним. Мы познакомились еще в конноре Ира. Он был самым младшим сыном кашиасу Мары и Тирета Ниасу. Я — сын Барета Ноа, министра образования и Лахии Ноа, дочери Исата Кри, ятгора Ира. Мы с ним сразу сдружились. У нас всегда было много общего. А потом и на площадке избрания стали наездниками. Как-то пошло и пошло... Знаешь, Наран до сих пор верит, что Ята жива и... что она в плену у тараков, что когда-нибудь она вернется из плена. Он сам хочет найти дорогу вернуть ее. Знать бы наверняка, что она жива и где она...

После его слов, я наконец-то, поняла, почему Наран такой угрюмый и язвительный. Он никому не верит, кроме Лахрета, и ждет свою Яту. Это выглядит даже романтично. Наконец-то, пазлы начали собираться в картину.

— Лана, — через минуту обратился ко мне Лахрет.

— Что?

— Я хочу, чтобы ты знала.

— Что?

— Я буду любить только тебя, что бы ни случилось.

Я развернулась к нему лицом, все-таки смогла, чтобы увидеть его глаза. Он глубоко

дышала, и я чувствовала, как его тело была легкая дрожь, как и меня.

— Разве ты можешь знать, что будет в будущем? Можно ли обещать, что будешь любить всегда? Мне сложно в это поверить, — я отрицательно покачала головой.

— Разве ты не знаешь мужчин? — удивился он. — Если мы выбираем себе пару, то это навсегда.

Я хотела ему верить. Так сильно хотела. Но почему верила с трудом? Может, в прошлом я не раз убеждалась в обратном? Почему не помню? Лишь чувства и сомнения. Я улыбнулась ему, утопая в любящих глазах, погладила по виску и произнесла:

— Странные вы, ириданские мужчины, — он от наслаждения закрыл глаза. — Как сильно и трепетно вы любите своих холодных женщин! Так преданно и самозабвенно! — и поддавшись сильному порыву и мощному притяжению от ощущения такой теплой близости, я, не думая, прильнула губами к его губам.

Он вздрогнул от неожиданности, оцепенел. Я нерешительно отодвинулась и заглянула в его пораженные глаза, виновато улыбнувшись. Поняла, что сделала что-то не так. В глазах его смешались удивление, смущение, волнение и страх.

— Пожалуйста... пока больше не делай этого... — выдохнул он со сбитым дыханием. Пленительно улыбнувшись, я коснулась пальцами его красивых губ и спросила:

— Почему?

— Разве ты не знаешь? — он поднял бровь. — Милая, тебе бы стоило знать...

О чем это он? Лахрет взволнованно поправил непослушную прядь, упавшую мне на щеку, коснулся моего подбородка, рассматривая задумчиво мои губы.

— Что я должна знать?

В его взгляде вмиг коренным образом что-то изменилось. Он попытался объяснить:

— Условности поведения между мужчиной и женщиной до заключения брачного контракта, — его голос стал ниже и протяжнее, а мое тело обволакивала пелена непривычного ощущения тяги.

Я совсем запуталась. О чем он толкует?

— Прости. Я, наверное, что-то упустила...

— Я не виню тебя, — он тыльной стороной пальцев с трогательной нежностью погладил мою щеку, задумчиво рассматривая мое лицо. — Просто больше этого не делай... это важно. Я хочу сохранить чистые отношения с тобой и проявить уважение к твоей чести и достоинству.

Я распахнула рот в изумлении. Что можно было ответить на его слова? Так вот почему в Иридании нет разводов и внебрачных детей! Вот дела. Чистая мораль, крепкая нравственность — залог крепких семей. Мужчины помнят о чести и достоинстве женщин даже когда могут умирать от желания! Мое уважение к Лахрету поднялось на порядок выше. Появилось ощущение верности в решении принять его чувства. А еще смущение и осознания, что я сделала что-то не так, не правильно. Я выскользнула из его рук и села за пульт управления флайером, потупив взор на консоль. Надо улетать отсюда. Он без слов понял мой жест и молча сел на кресло второго пилота. Я запустила двигатели и подняла машину в воздух, лихорадочно пытаюсь придумать, как разрядить возникшую неловкость.

— Так что, у меня теперь по технике блат? — выпалила я первую «гениальную» мысль, пришедшую мне на ум.

— У тебя везде блат, если ты не заметила, — ухмыльнулся он.

— Вообще-то, подозреваю, — я бросила на него беглый взгляд.

Лахрет задумчиво глядел вперед. Что его так затормозило? Исчезла живость во взгляде, и появился туман. Он медленно моргнул, глубоко вздохнул и положил руку на панель управления, но не с целью что-либо нажать. Так, расслабил руку.

— Лахрет?

— Ммм... — притормозено ответил он.

— Я хотела попросить тебя... А мы могли бы пока никому не говорить о наших новых отношениях?

Лахрет что-то пробубнил о том, что шило в мешке не утаишь, но согласился. Такой покладистый! Это что же выходит, теперь я должна и могу с ним общаться совсем по-другому? Но как? Пока не ясно.

Когда мы прилетели в атконнор, я умело завела в ангар флайер, Лахрет, как в тот первый раз, легко снял меня с трапа, прижимая меня к себе и вдохнув мой аромат. Теперь я не возражала и позволила ему постоять рядом минуту, понимая, что сама получаю от этого неожиданное удовольствие. Оглянулась. В ангаре стояли все учебные флайеры. Значит, все уже вернулись. Мы были последними. Заглянула в затуманенные глаза Лахрета. Он не сводил их с меня с той минуты, как прилетели в атконнор.

— Что мы будем делать? — спросила я его.

— Пойдем в библиотеку. И Нарана прихватим с собой. Надо же разобраться с медальоном? — он отодвинулся от меня и достал коммуникатор, набрав друга. — Наран? Ты где? В библиотеке? Я сейчас буду. Жди. Еще. Я буду не один. Да. Жди, — он отбился и глянул на меня. — Идем? Он уже там. Ты еще не передумала? — Я закачала головой. — Тогда пошли.

Я с готовностью зашагала за ним. В лифте стала к Лахрету боком. Он вел себя весьма сдержанно. Я же продолжила наш диалог:

— Лахрет, а как ты относишься к тому, что я — кашасу? — меня продолжал мучить тот вопрос о его мотивах.

Лахрет сощурился, словно знал, что обязательно спрошу его об этом.

— Положительно. Что именно ты хочешь узнать?

— Ведь ты станешь лортом, когда я стану твоей... — и тут я замялась, пытаюсь выдавить из себя слово «жена». Не вышло.

— Я вижу, ты считаешь, что я ищу власти, ища союза с тобой?

Я опустила глаза. Стоило ли его спрашивать об этом?

— Я знаю, тебя должен волновать этот вопрос. От этого никуда не деться, — Лахрет пожал плечами и стал ко мне лицом. — Так вот, Лана, запомни то, что я тебе скажу сейчас. То, что я обратил на тебя внимание, действительно, из-за твоего положения. Мы с Нараном находимся в стесненных обстоятельствах, и власть облегчит нам наш труд. Она откроет для нас многие двери. Я никогда не буду этого отрицать, — он нажал на стоп. — Но я хочу, Лана, чтобы ты поняла одну важную истину обо мне, — он говорил ровно и спокойно. — Если я считаю что-то неправильным, я никогда этого делать не буду. Я человек совести и принципов. Поэтому, если бы я не испытывал к тебе никаких чувств, не стал бы действовать дальше. Я не иду против себя и своих убеждений, считая, что для достижения цели все средства хороши. Поверь, я не такой, — он ласково коснулся моей головы. — Ланочка... Для меня союз с женщиной являлся, является и будет являться самым святым. Семья для меня — это место, где будут расти мои дети, это мир, где буду находить покой и отдушину. Не иначе. Мои дети никогда не будут лишены любви и понимания. Я никогда не преступлю через это

убеждение, как бы тяжело мне не было.

Семья? Я не думала о семье, детях. А он так легко заговорил об этом, словно для него нет пути обратно. Если встречаться, то только для заключения брака. Не иначе. Он положил руку мне на плечо, подняв мой подбородок, заглянул в глаза.

— Прости меня за этот вопрос, — я виновато составила бровки.

— Я знал, что ты об этом спросишь. Я видел этот вопрос у тебя в мыслях.

— Значит, ты все-таки читаешь мои мысли?

— Да, но не все. Я же говорил. Иногда тебя вообще не понять. Тем более предсказать. Есть что-то в твоём сознании, что скрыто очень глубоко.

— Наверное, это моя память. Она и от меня прячется, — я сокрушенно уронила руки. — Так обидно, что она во мне есть, но я ее не вижу. Это так обескураживает!

Лахрет тыльной стороной пальцев погладил по моей щеке так ласково, словно хотел успокоить меня этим жестом. Ему удалось. Я расслабилась и сровняла дыхание.

— Не волнуйся, ты обязательно ее увидишь. В свое время.

— Мне обидно.

— Что обижает тебя?

— Мои способности. Ты читаешь меня, как открытую книгу, ничего от тебя не скроешь...

— Ты хочешь от меня что-то скрыть?

— Ты не понял меня. Я хочу сказать, что иногда я некоторых своих мыслей сама стесняюсь. Не хотелось бы, чтобы их кто-то видел... — я смущенно спрятала руки за спиной и отвела взгляд.

Лахрет засмеялся так чисто и открыто. А я продолжила свою тираду:

— А я вот, тебя совсем не вижу. Я не знаю, что ты думаешь, чего хочешь, чего боишься... Ничего, — губа обиженно и непослушно выпятилась вперед.

— Ты видишь меня... — он снова поднял мою голову за подбородок, чтобы заглянуть в мои глаза. — И чувствуешь тоже, только не осознаешь этого. Хочешь, я покажу тебе себя, свои мысли?

Я сконфужено замахала ресницами. Мне когда-то еще Род говорил, что посторонние могут читать наши поверхностные мысли, и лишь только когда кто-то откроется сам, то и сокровенные. Он произнес совсем тихо, приблизившись ко мне на шаг, так что между нами почти не осталось пространства:

— Ты боишься?

Сердце застучало у меня даже в ушах. Увидеть его мысли, чувства. Это и впрямь страшно. Он обхватил своими широкими ладонями мое лицо и продолжил:

— Это легко. Просто смотри мне в глаза.

Я заглянула и потерялась в потоке образов и сопровождавших их чувств. Я увидела себя. Разную себя. То смеющуюся, то грустящую, то скучающую, то любопытную. Как забавно видеть себя со стороны глазами другого человека и чувствовать эмоции, которые я вызываю у него. Просто невероятно бесподобно и так чудесно! Потом я увидела Лирита, его теплый, любящий и преданный образ. Все яркие минуты проведенные Лахретом с ним рядом. Сердце сжалось в волнении и восхищении от их нежной и теплой привязанности. Увидела Нарана, ощутила дружбу к нему и глубокое сожаление о его утрате. Впервые увидела его родителей, таких, какими он видел их еще ребенком. Его детскую привязанность к матери и обиду на отца. Не знаю, сколько я находилась в этом трансе, но очнулась я от того, что плакала... и

плакала навзрыд. Это шокировало Лахрета, и он отпустил меня от своих воспоминаний и образов, нежно обнял и стал шептать успокаивающие слова, слегка покачивая. В его объятиях я стихла, ощущая себя совсем маленькой девочкой. Возникла мысль о том, как я могла сомневаться в нем? Он гладил меня по спине, немного похлопывая ладонью.

— Чего ты, глупышка? — приглушенно шептал мне на ухо. — Ничего же не произошло... Ты увидела лишь малую часть того, что могла бы... Чего ты?

Я лишь прерывисто всхлипывала, не в состоянии что-либо сказать. Минут через пять пришла в себя и попыталась освободиться из его объятий, но он не отпускал.

— Лахрет, я все. Больше не буду плакать. Ты можешь отпустить меня, — вытирая остатки слез со щеки, прохрипела я.

— Может, еще так постоим? Мне так хорошо, когда я тебя обнимаю... — я слышала, как бьется его сердце. — И мало того... я... — он сбился и неожиданно спустился передо мной на колени.

— Что ты делаешь?!! Встань немедленно! — испугалась я, пытаюсь вытянуть его наверх. Тщетно.

— Я хочу молить тебя стать моей женой... — он уперся лбом в мое бедро.

— Лахрет, немедленно встань! Что ты делаешь?!!! — я потеряла дар речи. Мозг не мог сложить до единой пазлы, рассыпанные Лахретом. — О чем ты вообще говоришь?

Так вот как мужчины просят выйти женщин за них замуж! Я не могла найти себе места от смущения, захотелось сквозь землю провалиться. Голова закружилась от стремительности событий. То тебе долго ничего, то сразу все! Что за жизнь? Как же все-таки неловко, когда перед тобой на коленях стоит такой человек. Он выглядел сейчас таким беспомощным и слабым. Он словно молил о милости. Мурашки побежали по ногам до пят.

— Я не поднимусь, пока ты не дашь мне ответа, — ответил он, не смея поднимать глаз.

Я согнула колени и опустилась на его уровень, заглянув в его полные любви глаза. Ведь именно так, думаю, смотрят мужчины в глаза любимой женщины. Пальцами коснулась его скул, носа, губ, подбородка, рассматривая каждый изгиб его выразительного, мужественного лица. Выйти за него замуж? Я знала Лахрета около трех месяцев, из которых два он провел вдали от меня. Какой он человек? Каким он будет мужем? Смогу ли я уважать его и дальше? Мне так хотелось быть уверенной, что смогу стать для него той, что придаст сил, не подкосит ровно стоящих ног, той, к которой он будет спешить домой с трудной работы... Ответ я дала не сразу:

— Хорошо.

Медленно, словно с запозданием, точно до него не сразу дошло, он расплылся в широкой улыбке. Вскочил на ноги, подхватив меня под бедра и подняв над собой.

— Лана! Ланочка! Милая!!! — только и смог он ответить.

Но как часто бывает, влюбленных не вовремя перебивают. Зазвонил Лахретов коммуникатор. Он неохотно поставил меня на пол, не выпуская из объятий, и ответил на звонок. Звонил Наран. Лахрет со вздохом ответил, словно его оторвали от жизненно важного дела:

— Да. Мы сейчас будем, — и сразу отключился.

Нас ждут. Ясное дело. Мы уже давно сообщили, что едем. Уже двадцать минут едем. Когда дверь открылась на этаже библиотеки, перед нами предстал опершийся спиной о стену и скрестивший на груди руки куратор. Мы стояли с Лахретом рядом на небольшом расстоянии. Увидев меня, Наран удивленно поднял брови. Он явно не ожидал меня сейчас

увидеть. Кого угодно, но не молодую кашасу из его группы. Однако когда Лахрет взял меня за руку и вывел из лифта, к выражению изумления куратора прибавился и раскрытый рот. Давно я не видела такого шокированного выражения лица. Я попыталась вырвать руку из крепкой хватки Лахрета, да напрасно. Единственное, что я смогла сделать — это опустить очи. Возникла драматичная пауза. Закончил ее Лахрет:

— Я говорил о ней. Она со мной.

Наран захлопнул рот и нахмурился с подозрением зыркнув на меня. В чем он меня подозревает? Тот прокашлялся, рассматривая наши с Лахретом руки, словно хотел найти там ответ на причину их соединения, и, наконец, ожил:

— Ты хотел что-то мне сообщить?

Лахрет, молча, достал из кармана найденный мною медальон и протянул его другу. Тот с вопросительным взглядом принял его.

— Что это? — как он напомнил мне реакцию Лахрета, когда я ему дала этот предмет.

Лахрет глазами велел ему посмотреть. Наран пожал плечами и поднес к лицу. Как и следовало ожидать, лицо его виртуозно вытянулось в изумлении.

— Что... где?! — глаза куратора приняли форму блюдец.

— Его нашла сегодня утром Лана здесь в библиотеке.

Наран с подозрением сощурился. В его глазах читалось недоверие.

— Она знает, — коротко продолжил Лахрет, но Наран все понял, и от этого выражение недоверия переросло в недоумение и сомнения.

Как же стремительно менялось выражение его лица! Его мысли и читать не надо, все и так понятно без слов. Или просто я уже его так хорошо изучила? Лахрет же посмотрел на меня и попросил:

— Покажи нам, где ты нашла его.

Я все-таки выдернула руку и повернулась ко входу в зал хранилища. Там я направилась безошибочно к тому месту, где сегодня мы с Забавой обнаружили в стене пустоту, и я наворотила беспорядок. Там уже все было убрано. Прямой наводкой я подошла к месту, откуда изъехала медальон и указала пальцем двум мужчинам, следовавшим в полном молчании за мной. Не знаю, говорили ли они между собой мысленно, что вероятнее всего, но лицо Нарана стало спокойней и мягче.

— Здесь, — сопровождала я свой жест.

Наран огляделся вокруг, и я сразу поняла, что он признал то место, где сегодня меня обнаружил.

— Значит, на самом деле вам здесь нужна была не книга... — протянул куратор.

— Простите, пожалуйста, что не сказала сразу. Я испугалась, — я робко заломила руки. Ну, не убьет же он меня?

— Я вас не виню, не переживайте, — покачал он головой. Надо же какая перемена! С чего это вдруг? — Лучше покажите, где вы нашли его, — он специально не называл предмет.

Я снова указала на плоскую несущую стеллажа. Но там ничего видно не было. Даже трещинки. Мне нужно было высвободить его, как утром, чтобы они поняли. Я приблизилась к нему и принялась близко изучать секретное место. Виднее не стало. Всё как и везде. Пришлось напрячь мозги. Что я делала, чтобы панель выдвинулась? Так, я хлопнула по нему в сердцах. Тогда я повторила этот жест. Ничего. Все осталось как прежде. Что не так? Снова хлопнула его, но воз и ныне там. Я хмыкнула и разогнала руку, чтобы окончательно добить ее о стеллаж. Ее поймал Лахрет и предупредил, чтобы я себя более не калечила. Я хныкнула:

— Я, правда, ударила по этому месту и пластина сразу же выдвинулась.

Наран крикнул что-то и скрестил на груди руки. О! Новая поза, а то руки все назад да назад! Я обижено покосилась на его звук. Он не хотел мне верить. Но Лахрет верил. В итоге, медальон я-то достала! Он, как яркое доказательство моей правоты, лежал в ладони куратора.

— Лана, вспомни, может ты до этого что-то сделала? — опуская мою руку вдоль моего тела, спросил он.

— Не помню, — я обречено состроила бровки домиком, повернувшись к стеллажу. — Я перед этим скидывала все книги на пол.

Лахрет осторожно принялся снимать книги с полок. Наран вынужден был повторить за ним. Вскоре полки опустели. Я поглядела на выражение лица куратора. В слабом свете настенных ламп лицо Нарана выглядело еще сердитее, чем обычно. Я стояла в стороне, снедаемая разочарованием и растерянностью. Что я делаю не так? Что я делала тогда? Старалась прокрутить в голове каждый свой шаг. Отчаяние жало мои легкие, как хотело. Я нервно грызла ноготь указательного пальца. Лахрет уже спустился на самую нижнюю полку, выстроив рядом высокую пирамиду из убранных книг. Наран, смотрю, начал сердиться еще сильнее. Он очень мне напоминал спичку. Чуть что, сразу зажигался. Пфф. И уже не избежать критики и язвительного словечка, это в самом лучшем случае. Его вопрос меня совсем доконал:

— А ты точно его здесь нашла? — Наран оперся локтем об опустевшую полку и вальяжно скрестил ноги.

— Да, точно, — я обиженно насупила нос и покосилась на него из-под лба самый суровый взгляд, на который только была способна. — А ты сомневаешься в моих словах?

Я панибратски дернула головой и вставила руки в боки. Тот вскинул брови и покосился на Лахрета. Последний сидел на корточках и перебирал книги, укладывая их рядом, чтобы не спотыкаться о них. При моих словах он глянул на меня с беглым изумлением. Я сделала вид, что не заметила этой перепалки глазами, отодвинула Лахрета и подошла к боковой стенке стеллажа. Внимательно поглядела на нее, прищурилась и положила ладонь подле предполагаемого места панельки. Постучала нервно пальцами. Прокрутила в голове свои действия. Так, значит, я скидывала книги с этой полки и укололась. Одернула руку и после этого только хлопнула по стеллажу. Я привстала на носочках и заглянула в глубину полки возле перпендикулярной плоскости стены. Там, в самом углу, выглядывал небольшой выступ из стены и соединялся со стеллажом. Он был слегка обломан и имел рваные острые края в этом месте. Именно об него я укололась. Я протянула руку снова туда и надавила на тот выступ, теперь постаравшись не уколоться. Он туго, но поддался, слегка углубившись в стену. Затем, я спокойно надавила на торец несущей стеллажа и оттуда легко выдвинулась уже знакомая мне панель. Триумфальная улыбка озарила мое лицо. Ага! Вышло! Я не ошибалась. Довольно повернулась в сторону великого скептика Нарана и посмотрела на Лахрета. Наран потерял сразу же недоверчивое выражение и подскочил к панели, грубо пихнув меня в сторону. Куда делась вся напускная вежливость и учтивость. В глазах вспыхнул огонь искателя. Я охнула и уперлась спиной в грудь Лахрета.

— Осторожней! — моментально отреагировал Лахрет, обхватив меня рукой.

— Извини, — буркнул куратор, не отрывая глаз от панели.

Я оглянулась на него. Почему Наран сейчас так меня раздражает? Из-за его сарказма? Недоверия? Ну, теперь-то он мне верит?

— Молодец, Лана, — похвалил Лахрет, не отпуская меня из объятий.

— И что теперь?

— Надо изучить этот механизм! — ответил Наран, суя нос во все мыслимые места пластины и продолжив что-то бубнить себе под нос. — Ага! Значит, здесь находился медальон. Вот его гнездо... А это что такое?..

Я подняла глаза на Лахрета, узрев лишь его подбородок и профиль. Тепло его тела расслабляло меня, призывая волнующие мысли. Он же внимательно следил за другом. А тот уже что-то завидел:

— Ага! Здесь есть какие-то кнопочки. С другой стороны. Над каждой древняя литера, — подойти нам и посмотреть на исследуемый предмет из-за Нарана казалось нереальным. Он ее полностью оккупировал, рассматривая чуть ли на расстоянии длины носа.

— Вы знаете их значение? — спросила я, стараясь сейчас не думать о том, как же хочется самой увидеть эти кнопочки и буквы.

— Я историк, а не лингвист, — он поднес к лицу медальон и принялся сравнивать надпись с литерами над кнопками. — Но определенно тот же язык, что и на медальоне.

— Вы можете прочесть? — не успокаивалась я.

— Могу предположить, что здесь написано что-то вроде «Путь к правде только один», — задумчиво протянул тот. — На пластине же буквы врознь. Поставлены хаотично, бессмысленно. Это не слова, а скорее всего набор букв, указывающих на особый ключ... хм... Я думаю, что их надо нажать в определенной последовательности, и тогда будет приведен какой-то особый механизм в действие. Возможно, откроется дверь куда-то...

— Верно! — подпрыгнула я на месте. — Забава сказала, что там дальше пустое пространство. Возможно, это замок, который открывает потайную дверь туда, за стеллаж! — мои глаза горели.

Наран перевел скептический взгляд на меня.

— Вполне возможно, — кивнул он, глядя на меня как никогда прежде серьезно. — Дело в том, что здесь шесть кнопок. Чтобы дверь открылась, надо их нажать в определенной последовательности, а это тысячи... десятки тысяч вариантов, — Наран с досадой хлопнул ладонью по полке.

— Значит, будем подбирать, — спокойно сделал вывод Лахрет. — Выхода все равно у нас нет.

Наран застонал:

— Легких путей к истине не бывает...

— Он только один, там написано... — протянул ему в унисон Лахрет.

— Точно! — загорелся куратор и сразу же набрал на панели последовательность литер, выгравированных на медальоне. Затих, прислушиваясь. Ничего не произошло.

Лахрет оторвался от меня, подошел к нижним полкам и присел, протянув:

— Может, тут где-то написано?

Мы принялись заглядывать во все места на полках, чтобы найти подсказку. Через пол часа результатов не прибавилось. Мы облазили все. Дули, скребли, терли, мыли, затирали все, что можно, но ничего. Я спросила так, между прочим, а не привлечем ли мы лишнего внимания?

— Не должны, — покачал головой Наран, скрестив снова на груди руки и отойдя от полок. — Смотритель ушел на двухчасовой перерыв. Посетителей здесь немного, все в основном в читальном зале. Он находится в противоположной стороне. Так что мы тут

практически одни. У нас есть время.

Лахрет склонился надо мной:

— Ты не устала? Может, хочешь отдохнуть?

Я не ответила, упрямо поджав губы. Любопытство разбирало меня, но я действительно устала после долгого учебного дня и пережитых эмоций.

— Вы можете идти, — произнес Наран, сделав выгоняющий жест. — Я здесь и сам могу подумать. Если что-нибудь обнаружу, обязательно вам сообщу.

Я глянула на Лахрета:

— Вообще-то я бы хотела покушать...

Тот без вопросов взял меня за руку, отсалютовав другу, повел меня прочь из библиотеки.

— Если что, звони. Я на связи...

— Да-да! Конечно!..

Уходя, обернулась на Нарана. Он задумчиво глядел на пластину и бубнил себе что-то под нос. Таким он стоял, пока мы не повернули за стеллажи, потеряв его из виду. Мы, молча, дошли до лифта, не встретив никого на пути. Только у самого лифта стояли студенты и громко переговаривались. Завидев нас, они притихли. Мы пропустили их вперед, а сами дождались своей очереди, чтобы самим поехать на лифте. В кабине я стояла, задумчиво уперев взор в пол.

— О чем ты думаешь? — услышала я над головой вопрос Лахрета.

— Как жаль, что мы не открыли дверь в секретную комнату.

— А ты хочешь все и сразу? И почему ты решила, что там комната?

— Конечно! Ведь я же женщина! А то, что там есть пространство, я видела через Забаву. Похоже, там действительно спрятана комната!

— Ты не обычная женщина, — он трогательно улыбнулся, поймав мой взгляд.

Я шумно выдохнула, и дверца разошлась, открыв нам путь в вестибюль. У входа стояли студенты, ожидая своей очереди воспользоваться услугами лифта. Лахрет стоял спиной к выходу и полностью закрывал меня собой, не отпуская моей руки. Развернулся. Немая сцена: я с Лахретом стоим в лифте, держась за ручку, а перед нами — мои друзья и брат. Смотрим друг на друга. Лахрет шагнул к выходу, а мои ноги отказались шевелиться.

— Ланка! Где ты была! Я тебя уже везде обыскался! — Март стоял в стороне и не заметил наших с Лахретом сплетенных рук. — Ты вечно выключаешь свой коммуникатор и к тебе никогда невозможно дозвониться! Зачем он тебе вообще... — и тут он увидел, — ... нужен?! — глаза его увеличились в два раза.

Дальше картина рисуется так: я стою, вытянув руку за Лахретом и потупив глаза, Лахрет на пороге лифта, друзья, молча смотрящие на наши руки и Март с распахнутым ртом, глядящий в том же направлении. Лахрет понял, что возникшая пауза должна быть закончена. Выволок меня наружу. Поставил перед собой и положил руки мне на плечи. Ровно произнес, обратившись ко мне:

— Ты сама расскажешь или мне начать?

Я пыталась побороть свою немоту, усиленно моргая веками. Выходило прескверно. Странные звуки вылетали из груди. Усугубляло ситуацию еще и то, что в самом холле находились не только мы. Помимо нашей зачарованной компании, вокруг ходило немалое количество народа. Кто в столовую, кто на улицу, кто уже из столовой. В общем, я запнулась и опустила глаза. Начал Март:

— Лана! Вы что УЖЕ?!

Что он имел в виду под словом «Уже»? Что мы уже поженились? Или уже встречаемся? Или уже сделали то самое?... Какой он неверный вопрос задал. Я тихо пролепетала:

— Мы решили встречаться.

Март выровнялся, сделав жутко серьезное выражение лица, и обратился к Лахрету весьма официально:

— Господин Лахрет! Вы хорошо знаете традиции. Поэтому я не буду объяснять вам, что вы уже нарушили традиции. Но, впрочем, не грубо. Вы обязаны в таком случае обратиться к семье девушки. В данном случае, я являюсь ее ближайшим родственником. Прошу учитывать все нюансы и помнить, что я за нее несу ответственность, — я поразилась тому, как необычно сдержано и уверенно держал себя Март.

— Конечно, господин Арамс, — Лахрет выпрямился, отодвинул меня, поставив рядом, и сжал мою кисть. — Тогда позвольте обратиться, господин Март Арамс... Я, Лахрет Ноа, ятгор, начальник Службы Безопасности Иридании, прошу у вас разрешения встречаться с вашей сестрой Ланой Арамс, кашиасу Ира.

Я, вдруг, представила, как это выглядит со стороны? Высокий, крепко сложенный зрелый мужчина с ровной, военной осанкой, поднятой головой, с лицом, полным выражения достоинства, силы характера, твердой воли, стоящего напротив молодого, стройного и еще не сформировавшегося юнца, просит разрешения встречаться с его сестрой. Если хорошо подумать, то Март должен его умолять об этом, учитывая его положение, власть и силу. А дело обстоит наоборот. Да Лахрет мог глазом моргнуть и веком раздавить Марта, как букашку, но он проявил смирение и с уважением обратился к нему с просьбой. Я поджала в замешательстве губы, и впиалась глазами в слегка подрагивающее от напряжения лицо брата. Ощущение было, словно речь шла не обо мне, а я смотрю представление жизургу об истории незнакомой мне девушки.

— Я хотел бы узнать мнение своей сестры, — Март картинно повернулся в мою сторону. — Лана? Что ты скажешь?

Я вздрогнула, будто меня сверху стукнули по голове, и посмотрела на брата. Потом на Лахрета. Он искоса глядел в мою сторону, слегка сведя брови в ожидании. Вокруг уже собралась толпа зевак, чтобы полюбоваться зрелищем, да еще каким! Кому не интересно увидеть личную сторону жизни младшей кашиасу Ира? Я ощутила, как рука Лахрета, все еще державшая крепко мою, дрогнула. Решительно вздохнув, я обратилась к брату:

— Март, я хочу быть с этим человеком.

Лахрет едва заметно облегченно выдохнул. Я впервые ответно сжала его руку. Затем снова повернулась к брату:

— Лахрет сделал мне официальное предложение стать его женой, — Март удивленно дернул бровью, мол, так скоро? — Я согласилась.

В уже немалой собравшейся на зрелище толпе прошел удивленный шепот. Возникла короткая пауза. Март, наконец, кивнул:

— Хорошо, господин Ноа. Раз Лана приняла ваше предложение, я ничего не имею против. Однако, согласно традициям, ваша семья обязана обратиться к моей для заключения предварительного договора, — снова Март поразил меня выдержанностью и собранностью.

— Ждите в ближайшее время званцев, — согласно кивнул Лахрет.

— В какое время?

— Мы сообщим заранее.

— Хорошо, будем ждать, — Март облегченно выдохнул, точно бы отстрелялся.

— Мы можем идти? — вежливо спросил Лахрет Марта.

— Да, конечно! — Март отступил в сторону, уступая дорогу.

Лахрет учтиво склонился перед моим братцем, подчеркнув еще раз почтительное отношение к родственнику невесты, и повел меня в сторону столовой. Пару раз оглянувшись на друзей, стоявших у дверей лифта с вытянутыми лицами, я посеменила за широким шагом человека, которого выбрала в спутники жизни. Все-таки неловкая вышла ситуация. Но буду об этом думать потом. Сейчас надо наладить общение с Лахретом. О! небеса! Что же это я натворила? Почему так легко на все согласилась? Действительно ли я этого хочу?! Не было ли мое решение сиюминутным порывом и слабостью? Ведь Лахрет являл собой грозного и умеющего легко манипулировать другими мужчину. Голова шла кругом от стремительности и насыщенности событий. Снова всё и сразу навалилось!

Не смотря на то, что в голове царил хаос, я хотела знать наверняка, правильно ли поступила, сказав да человеку, которого мало знала. Он казался мне идеальным, нерушимым, сильным лидером, тем, кто может стать во главе всей Иридании, а не только одного Ира. Я считала его удивительным и добрым человеком, но был ли он таким на самом деле? Мне так хотелось в это верить. Идя за ним, только сейчас до меня дошло, что моя жизнь должна резко поменяться. Вот так вот часто у меня выходит, только я привыкаю к одному укладу жизни, сделав его своим, как мне снова приходится его менять. Теперь я буду принадлежать к другому миру. Миру Лахрета. Миру, который казался мне непостижимым и слишком высоким, чтобы входить в него.

Я всмотрелась в профиль Лахрета, продолжавшего идти чуть впереди меня. Ровный нос, плотно поджатые и красиво очерченные губы, подбородок с невыразительной ямочкой, широкие волевые челюсти, прямой и открытый взгляд. Он казался мне красивее, чем многие мужчины, которых я знала. Это даже пугало. Такие люди, как он, даже если бы не блистали привлекательностью, способны вести за собой массы. А Лахрет... являл собой гремучую смесь красоты и харизмы. Ну, по-поводу красоты, скажу, что пора бы и привыкнуть. Вокруг все такие, а мой разум все тянулся к ней и восхищался ею. Такова моя натура.

Помимо всего перечисленного, больше меня удивлял характер Лахрета. Его нетерпимость к лицемерию и лжи. А его честность и принципиальность доводила иногда до белого каления не одного преподавателя в атконноре, но и в то же время вызывало невольное уважение.

В голове не могу уложить, как он, вот такой весь замечательный, мог выбрать меня, такую нерешительную, шумную, экзальтированную, хрупкую, вечно влипающую в перипетии, девушку с весьма посредственной внешностью? Загадка Вселенной, честное слово. Ответ напрашивался только один — он хочет стать лортом. Как же мне сложно было поверить в те слова, что он только что говорил мне в лифте, уверяя, что видит во мне женщину, а не кашياسу. Я понимала, что должно пройти время, чтобы убедить меня в обратном. Поэтому я приняла решение, что пойду за ним, буду ему преданной, послушной, помогу ему в его мечтах и целях, потому что так правильно и лучше для Заруны. Ведь Наран мне все время повторял, что я — кашياسу и должна думать не только о себе. Ладно, тогда я приму этого мужчину и буду ждать... Ждать убежденности, что он мой по-настоящему. А тогда что? Тогда...

Лахрет усадил меня за стол, сел напротив и позвал официанта. Когда тот подошел, он заказал обед и поглядел на меня. Я хранила робкое молчание от самого лифта, погрузившись

в свои размышления. Он это чувствовал, но не стал выпытывать. Мы сидели у окна, излюбленного места всех наездников, откуда всегда можно было увидеть небо и парящих в нем ниясытей. Их полет всегда завораживал. Легкая улыбка озарила лицо Лахрета, и я почувствовала, что расслабилась, словно ждала ее все это время. Я улыбнулась в ответ. Все так ново. Человек, который казался мне таким недостижимым, теперь сидит рядом и желает быть со мной. Так хочется наблюдать за тем, как он реагирует на меня...

— Рет... — не знаю, почему я сократила его имя, но ни одна мышца на его лице от этого не дрогнула.

— Ммм... — задумчиво отозвался он.

— Я хочу тебя спросить.

— Спрашивай.

— Скажи, а почему ты выбрал все-таки меня, а не кого-то еще? Ну, например, Саргону?

— Саргону? А причем здесь она?

— А ты что, разве не догадался, что она на тебя глаз положила?

— Не замечал.

— Ну, ты даешь! Мне все уже уши протерли, что она к тебе не ровно дышит.

Лахрет засмеялся и прикрыл ладонью мою ладонь, лежавшую на столе.

— Прости, я смотрел только на тебя. Другие меня не интересовали.

— И что же привлекло твое внимание?

Извечные вопросы всех женщин. Она жаждет слышать... она жаждет красивых слов. Он слегка склонил голову и хмыкнул, словно его потешил мой вопрос. Но соизволил ответить:

— Твоя искренность и женственная непосредственность. Рядом с тобой я чувствую, что могу горы свернуть.

— А что, до этого не ощущал в себе такой силы? — я кокетливо дернула подбородком.

— Такой? Нет. В тебе есть что-то неуловимое, что заставляет меня так думать. Мне нравится, когда ты смеешься, открыто и от всей души. Не боишься высказывать своих эмоций, не боишься других, что они об этом подумают. Мне нравится, как ты любишь свою Забаву, как ты нежна с нею. Я люблю наблюдать за тем, как ты стараешься над тем, что у тебя не получается, хотя кажется, что ты с этим не справишься. Мне нравится, когда ты сердишься, когда у тебя что-то не получается. Мне даже нравится, как ты смущаешься моего внимания, хотя, если честно, ума не приложу, почему ты так реагируешь на меня? — он озадачено поднял брови, что как раз и вызвало то самое смущение.

Вот оно чудо слов! Сердце мое заходило в сладостном восторге. Горло сжало тисками волнения. Да, за эти его слова я готова стать его женой прямо сейчас! Пусть горят синим пламенем все сомнения!

— Я думала, это мои недостатки... Я так часто привлекаю к себе излишнее внимание.

Лахрет негромко засмеялся.

— Только прошу тебя, не работай над ними! Они тебе к лицу. Я так люблю, когда ты так честно и искренно говоришь то, что думаешь и не кривишь душой. Спасибо тебе за это. Я никогда не встречал таких женщин, как ты. Ты одна такая, — он любяще привлек к губам мою ладонь и красиво поцеловал ее.

Дыхание сперло, а кровь прилила к голове. От таких слов можно инфаркт получить. Неужели мужчины могут такое говорить женщинам? Или это просто такой Лахрет?

— Рет?

— Ммм...

— Пожалуйста, Расскажи мне о традициях, о которых только что упоминал Март.

Тут принесли кушанья. Лахрет благодарно кивнул официанту и взял приборы.

— Это брачные традиции. Эмил. Их начинают выполнять немного ранее того, что мы с тобой уже сделали. Когда мужчина решает жениться и выбирает себе спутницу жизни, часто перед этим спросив ее мнение, он беседует с одним или двумя родственниками. Потом посылает званцев к ее семье. Когда они приходят, семья уточняет разные вопросы и в итоге оформляется предварительный брачный контракт, в котором описывается приданое, выдвигаются условия со стороны невесты. Например, где она согласна жить со своим будущим мужем? У него или отдельно? Будет ли она работать после подписания контракта? Если да, то, как долго? Сколько детей она согласна родить? Как часто она соглашается вступать в физическую близость с мужем? Кто будет заниматься воспитанием, если дети останутся без родителей и так далее, — он так ровно об этом, говорил, будто описывал, как заваривать кирг.

— Что? Даже физическую... близость в контракте оговаривается?! — я резко поперхнулась и смущенно закашлялась.

Мне казалось это дикостью. Зачем оговаривать то, ради чего, по-сути, и заключается этот контракт? Лахрет же поглядел на меня, словно я в детство впала. Ему, наверное, казалось это достаточно элементарным, чтобы удивляться.

— Насколько мне известно, женщинам неприятна близость с мужчинами, — в его голосе читалось замешательство. — Поэтому законом предусмотрена и эта грань отношений мужчин с женщинами. Ты же в курсе... — он озадаченно наморщил лоб.

— Я немного в курсе... но... — я замялась, боясь ляпнуть ещё что-нибудь лишнее.

Он выровнялся и ошеломленно уставился на меня.

— А разве ты... — он выдержал паузу. — А что ты чувствуешь, когда я касаюсь тебя? Все ли тебе равно? Или...

— Или... — сморщила я лоб и повернула лицо к окну. — Разве ты еще не понял?

Вновь пауза. Лахрет внимательно всматривался в мой профиль, нервно постукивая указательным пальцем по столу.

— Мне сложно это принять.

Я лишь передернула плечами, не желая сейчас настаивать на своих мыслях.

Лахрет завис. Пару раз моргнул. Он давно привык к подобному поведению женщин и усвоил один простой урок: мужчина, когда имеет право, то уже не обращает внимание на равнодушные женщины. Этому учили мальчиков отцы с детства. Просто он получает то, чего хочет, пользуясь своими правами. Женщины никогда не приглашают к себе мужчин. Никогда не хотят их. Мужчины не привыкли получать взаимность. Я правда, слышала, что есть женщины отзывчивые, но их очень мало и поэтому сильный пол особо не питает иллюзий по-поводу них. Они терпеливы, осторожны, добры и ласковы, но настойчивы и решительны. Поэтому, как я поняла, Лахрет и не церемонился со мной. Он просто гнул свою линию, поймав мое согласие и все. Может, он боялся проникать глубже в мои мысли, не желая видеть холод? Я пленительно улыбнулась ему и произнесла:

— Ты же сказал, что я особенная... — мои ресницы игриво дрогнули.

Пусть додумывает сам. Он у меня ведь умный... лучше о таких вещах не буду говорить. Он задумчиво поднес ложку ко рту и прожевал, не сводя с меня задумчиво затуманенных глаз. Что-то неуловимо изменилось в его взгляде. Не приложу ума, что именно...

— А что дальше, после оформления брачного контракта? — я деловито поднесла

очередную ложку ко рту.

Лахрет дернул головой, словно отгоняя остатки сна, и ответил:

— Дальше предбрачная ночь. Эмилум.

— Это как?

— Жених проводит ночь возле спящей невесты в присутствии третьего лица. Наблюдает, как она спит. Это, своего рода, тест на самообладание.

— Пфф, — была моя реакция вместо слов. — Не знала!

— Я так понимаю, что ты мало вообще что-либо знаешь, — он ухмыльнулся и принялся жевать очередную порцию, отправленную в рот. — Таков обычай.

— Ладно, а потом что?

— На следующий день созываются гости, и во время торжества подписывается составленный ранее договор. Всё. С этого момента мужчина и женщина считаются мужем и женой. Контракт действителен до кончины одного из супругов.

— А разводы есть?

— Развод? — его удивил мой вопрос. — К сожалению, возможен.

— В каком случае?

— В случае измены.

— А такое разве бывает?

— Крайне редко. Со стороны закона предусмотрено наказание виновной стороны в стерилизации и стирании памяти. Он лишается всех материальных благ, которые передаются невиновной стороне, и остается ни с чем. Такого наказания боятся больше, чем огня.

— Ого, как строго!

— Этот опыт мы приобрели вследствие больших трудностей и опасности вымирания из-за того опасного вируса, который лишил женщин женственности... — пожал плечами Лахрет. — Мы поняли, что крепкая семья — залог сильного общества и основа психически здоровой личности.

— А раздельное жительство?

— Это возможно и оговаривается в брачном договоре. Но чаще — это наказание для мужчин, чем для женщин, — он иронично ухмыльнулся. — При раздельном жительстве женщина сохраняет все свои законные права, но дети передаются на воспитание родственникам, дабы они не видели ненависти родителей. Прежде всего — это психическое состояние ребенка! — по тону Лахрета видно было, что он полностью одобряет заведенный порядок.

— Рет, — я сделала паузу, желая узнать, как он реагирует на сокращение своего имени. Он тепло улыбнулся. — Скажи, а контракты наездников отличаются?

— Нет. Особо ничем. Но тебе придется в любом случае спать со своей Забавой до наступления ее половозрелости. Это важное отличие. До этого, ты можешь поступать, как желаешь, но законно ночуешь с нею, — он бросил блудливый взгляд в мою сторону и усмехнулся своей особой улыбкой, присущей только ему одному.

В ответ я лишь поджала губы, усердно жуя салат. Он допил сок и отодвинулся от стола, откинувшись на спинку стула. Глаза его скользнули от моего лица вниз и назад. Я густо покраснела, ощутив его мысль. А она была довольно откровенна.

— Скажи, а интимная жизнь наездницы как сказывается на ниясыти? — я постаралась держать себя в руках, хотя почему-то трясло всю.

— Положительно.

— Как?

— Ниясыти любят сильные эмоции. Маленькие королевы становятся более чувственными, и, когда приходит ее время, она летит далеко и долго, что гарантирует богатое потомство, — он довольно причмокнул, загоня остатки пищи в желудок. — Лириту это понравится.

Сейчас он был похож на сытого кота, объевшегося колбасой и сонно моргающего на весь мир.

— А с чего ты решил, что Забава выберет именно Лирита? — подтрунила я его.

— Так происходит всегда. Выбор наездницы переходит на ниясыть.

— Слушай, а ниры тоже летают? Ну, в брачный полет?

— Летают. Только потомства не дают. Такова их природа, — я чувствовала кожей его любовный взгляд.

— Ясно... — протянула я. — А когда ты моей семье будешь званцев посылать?

— Да хоть завтра, — он вальяжно поправил волосы и уронил руку на колено, а вторую руку зацепил за ремень. — Как ты скажешь, так и будет.

— Я подумаю... — хитро улыбнулась я. — Расскажи мне о своей семье. Нужно ли мне с нею знакомиться?

— Отдельно — нет. Ты познакомишься с ними по приезду званцев при заключении контракта. Если о моей семье... — он опустил взгляд и сделал паузу. — Моего отца зовут Барет Ноа. Он сейчас занимает должность министра образования. Он — потомственный чиновник. Мою мать зовут Лахия Ноа. Она дочь Исата Кри, ятгора в отставке, наездника Сиата. Бабушку и его жену звали Роса. Она покинула мир живых, уйдя в последний путь, пять лет назад. У меня еще есть сестра Витария. Она младше меня на двадцать лет и пока еще живет с родителями.

— А сколько тебе лет?

Он сардонически хмыкнул в стиле: «Я знал, что ты задашь этот вопрос».

— Пятьдесят пять.

Я округлила глаза и поперхнулась. Хотя, что тут удивляться. Он еще относительно молодой, учитывая, что ириданцы могут жить до трехсот лет и вступают в брак не рано.

— А мне — не знаю сколько.

Лахрет засмеялся. Я устроила ему допрос, а он даже не пытается возмущаться, показывая, наоборот, что ему это доставляет удовольствие.

— Скажи, а где ты сейчас живешь?

— В атконноре, как и все преподаватели. Это делает процесс обучения наиболее эффективным. Мне выделена отдельная комната в соответствии с моим рангом.

Я отодвинула уже опустевшую посуду и положила на стол руки, подвинувшись всем телом вперед. Желание говорить на данную тему стремительно себя исчерпало, но неожиданно в голове возникла дикая идея. Я ее озвучила:

— Рет, а можно я тебя кое о чем попрошу?

— О чем? — он забавно дернул бровью.

— Я очень хочу полетать на ниясыти. Забава еще мала, а желание так огромно! — я сверкнула глазами и широко улыбнулась, пытаясь создать самое искреннее личико просителя.

— Так ты уже летала... — он ехидно ухмыльнулся, желая показать, что весьма

осведомлен о моих эскападах.

— Так, когда это было! Надо освежить воспоминания, — я невинно помахала ресничками.

Сработало. Лахрет покорно поднялся, взял меня за руку и повел прочь из столовой. Я догадалась, что он ведет меня выполнять мою просьбу. Мы проходили мимо столов, где еще сидели запоздавшие с ужином или обедом (это у кого как) студенты. Они проводили нас любопытствующими взглядами. Интересно, а слышали они наш разговор с Лахретом, о чем я и спросила его.

— Нет. Я изолировал нас.

— Как?

Он пожал плечами:

— Просто могу, ведь это могут делать все специально обученные наездники. Не забывай, я — ятгор. Мне такое надо по статусу. Многую информацию, которую я знаю и обговариваю — не для чужих ушей. Она достаточно секретная, чтобы иметь основания ее скрывать. Я уже давно имею такую привычку закрываться ото всех во избежание случайностей, — он покосился на меня с легкой снисходительной улыбкой.

— Но я тебя всегда слышу!

— Когда используешь Забаву?

— Да ладно тебе! — махнула я, виновато пряча взгляд.

Я всегда сокрушалась от того, что не могу прямо читать мысли других, поэтому не гнушалась помощи своей малышки. И совсем этого не стыдилась! Забава ничего против не имела, ей даже нравилось это проделывать. Да и она сама частенько проявляла инициативу, искренне сочувствуя моему «недостатку».

Мы вышли в холл, где уже почти никого не было и подошли к огромному окну практически у выхода. Он неожиданно остановился, развернулся и посмотрел мне в лицо серьезным взглядом.

— Что? — поджала я губы, ожидая такой же вопрос, как и его взгляд.

— Я хочу тебе кое-что предложить.

— Что? — не люблю я, когда, вот так глядя, что-то говорят. Ощущение, что я в чем-то провинилась и меня будут воспитывать.

— Можно мои званцы прибудут к твоей семье на шестой день этой недели?

— Ты так торопишься?

— Есть причины...

— Ууу... ты меня пугаешь... — я скосила подозрительный взгляд.

— Не пугайся... — он тепло улыбнулся. — просто это... — и тут я впервые увидела как Лахрет смущается! Удивительное зрелище!

Он опустил глаза и зарделся. Но с чего это он вдруг?

— Почему ты так торопишься? — повторилась я. — Ведь брак — это важное событие, и к нему нельзя подходить в спешке, — я поучительно нахмурилась. — Вдруг, я тебя не устрою, обижу, спустя время, и ты во мне увидишь кучу недостатков! Тогда тебе не захочется со мной быть. Что тогда? Ведь развод невозможен!

Лахрет поражено вскинул на меня все тот же смущенный взгляд. В нем царило смятение.

— Недостатки? Я знаю о них, — в его глазах мелькнул страх. Да, что с ним? В один день я увидела в этом человеке то, что не замечала за всё то недолгое время, когда пыталась

за ним наблюдать. — Обиды неизбежны, конечно, но их можно простить... — он недоверчиво наклонил голову, сведя в ровную линию брови. — Однако если ты так решила мне отказать сейчас... — нервно сглотнул, — как же тогда мне быть, когда ты посадила меня на себя?.. когда мне нет возврата...

— В смысле?.. — вздернула я брови. — Что ты имеешь в виду?

Он стиснул челюсти, раздув в досаде ноздри — Лахрет явно не мог что-то сказать, что-то настолько явное и очевидное, что о нем трудно говорить. Что-то щекотливое? Он шагнул ко мне ближе, сократив дистанцию к минимуму и навис надо мной, обхватив за предплечья. Я неловко сжалась, испугавшись его непредсказуемых действий. Чего он хочет? Или я знаю, чего он хочет?

— Я заболел тобой...

Пфф! Будто это что-то мне объяснило! Ясный перец, что его тянет ко мне, я это и без телепатии вижу, но почему он говорит, что нет возврата? Что я не так сделала?

— А что ты скажешь о том, что я вредная, строптивая, непоседливая, упрямая и шумная? — я попыталась вывернуться из его рук.

Он шумно с досадой выдохнул, опалив горячим дыханием мою щеку, и резко выровнялся, повернувшись в сторону лифта. Сжал мою ладонь и повел к нему. Я семенила за ним как привязанная, и, насупившись, глядела на него из-под лба. Я его совершенно не могу сейчас понять. Ни его действий, ни его поведения, ни взглядов, ни жестов, ни мимики. Как же мне с ним общаться? Если я сейчас не могу с ним общий язык найти, то как же я буду дальше с ним жить? У лифта мы стояли, молча. Он отвернулся от меня, нервно постукивая носком ботинка по полу. Когда приехал лифт, к нам хотел присоединиться еще один студент, но встретив недовольный взгляд ятгора, попятился назад, почтительно кивая нам и показывая, что дождется следующего. Затащив озадаченную меня в кабину лифта и дождавшись, когда он закроется, послав его на верхний этаж парфлета, только тогда заговорил, видимо придя к какому-то консенсусу сам с собой:

— Недостатки есть у всех, Лана, но их можно прощать, если плюсы перекрывают минусы. Понимаешь меня? — я коротко кивнула, не отводя от него немигающего взгляда. Он продолжил: — У тебя плюсов больше, чем минусов... тем более, что ты... ввела меня в зависимость от себя. Мне нет пути обратно, Лана. Ты потом поймешь...

— Что пойму? Может, ты объяснишь мне? — я возмущенно поджала губы.

Он закрыл веки и втянул мой аромат. Потом открыл их и с затаенным желанием уставился на мои губы. Я вздрогнула от его взгляда, почувствовав это самое желание, но он ничего не делал, просто стоял и смотрел, ничего не ответив мне.

— Лахрет, ты меня пугаешь... — прошептала я ему.

Вместо ответа он любовно склонил набок голову и тыльной стороной ладони коснулся моей щеки, провел ее до скулы и вниз до угла челюсти. Запустил пальцы в мою кудрявую гриву за ухом и трепетно поцеловал меня в лоб. Его мягкие теплые губы оставили жгучий след на коже. Переместив свое лицо к моей шее, он втянул шумно ноздрями воздух, наслаждаясь моим запахом. А мне пришлось пустить лавину из миллиона мурашек на спину. Мамочки!!! От его касаний волосы на голове зашевелились, будоража дивные чувства и желания, до этого мне не знакомые.

— Лахрет... — простонала я.

От звука моего голоса он дрогнул и резко отстранился, убрав руки вниз. Я растерянно посмотрела в его тревожные глаза. Что с ним? Лифт уже давно остановился и убрал свои

двери, открыв путь на пустой парфлет, но мы не двигались, рассматривая друг друга. После того, как Лахрет отодвинулся от меня, внутри возникло жуткое ощущение голода и неудовлетворенности. Тело колыхнулось в его сторону, но разум остановил его. Так, глядя друг на друга волнующими взглядами, полными необъяснимого желания, мы простояли около двух минут. Потом, нехотя отведя от меня глаза, Лахрет повернулся к выходу и пошел на парфлет. Я за ним. Что с нами? Что со мной? Только что чувствовала себя преспокойно и ничего не хотела, и уже минуту спустя, после его нежных касаний, я потеряла всякое ощущение реальности.

На площадке для тренировок, нас ждал уже заинтригованный Лирит.

— Он что, знал, что мы будем здесь? — отвлеклась я на нура.

Подойдя к другу, Лахрет обернулся на мой голос, положив руку ему на шею.

— Я позвал его. Он меня всегда слышит, — уже спокойно ответил ятгор.

— Понятно, — протянула я и подошла к его клиновидной голове, положив ладонь на предложенное надбровье.

— Лирит говорит, что ты ему очень нравится. Он одобряет мой выбор, — тепло глядя на своего друга, доложил мне Лахрет о мыслях своего нура.

— Это потому, что я наездница будущей королевы, конечно... — выдала я, не подумав.

— Нет, Лана, — серьезно глядя на меня, покачал головой ятгор. — Он говорит о тебе не потому, что ты наездница потенциальной брачной партнерши.

— Прости, Лирит, я не хотела тебя обидеть... — погладила я довольно вытянувшуюся морду нура.

— Лирит хорошо разбирается в людях, — гордо проговорил Лахрет, глядя своего красавца. — И то, что он говорит о тебе, правда.

— Все-все, — подняла я покорно руки, — я верю, верю!

Лахрет шагнул ко мне, заглянув в глаза.

— Он готов взять тебя на спину, — я не успела даже моргнуть, как оказалась на спине ниясыти.

Через мгновение, позади уселся Лахрет, плотно прижав меня к себе, от чего внутри все екнуло и расслабилось до предела. Голова отказалась соображать. Пластично вжавшись в мужчину, я закрыла глаза, продолжая терять ощущение реальности. Сверху словно издали слышала слова:

— Я пошлю Лирита в одно место... Там сейчас вечер. Так что не удивляйся.

— Угу, — скорее выдохнула я, чем произнесла, уронив голову назад на грудь Лахрета.

Нур прежде прижался к полу, потом, резко подпрыгнув, легким взмахом крыла вспорхнул в воздух. Я схватилась за руки ятгора, крепко державшиеся за кожную складку ниясыти. Невероятный коктейль ощущений смешался внутри. Сзади обнимает меня мужчина, который вызывает глубокое волнение, а под низом сильное тело крылатого существа. Я распахнула веки, чтобы не упустить ничего из яркого события этого удивительного дня. Неужели мы войдем в зияние? Я только видела это издали, а теперь... Лирит завибрировал слегка, и я скорее почувствовала, чем увидела, как вокруг нас образовался прозрачный бесформенный пузырь — природное защитное биополе ниясыти, необходимое для прохождения через подпространственный коридор. Мне объясняли, что когда ниясыть входит в него, создается невероятное трение и давление. Это поле защищает их и их наездников от таких неудобств. Тогда живое существо способно безопасно телепортироваться в целости и сохранности в любую точку Заруны за считанные секунды.

Впереди возникло что-то похожее на... волнующуюся прозрачную воду — Лирит открыл вход в подпространство, ловко ворвавшись в его пределы. Внутри него ничего не изменилось, чувства остались те же. Вроде дышишь, видишь, шевелишься, но в то же время понимаешь, что находишься нигде! Вокруг оказалось светло и размыто. Будто за пределами защитного поля Лирита разлилось море кремового перламутра, быстро волнующегося и текущего в горизонтальном направлении, играя переливами всех цветов видимого спектра, оно смазанными контурами стремилось в никуда. Мир вокруг исчез, ввернув нас в вихрь мерцающего света и чуда красок.

— Красиво, правда? — услышала я легкий шепот позади.

— Невообразимо! — восторженно воскликнула я.

— Досчитай до десяти, и мы вернемся в наш мир, — я чувствовала, как он широко улыбался.

— Угу, — кивнула я, но считать не стала. Потом.

Раздался негромкий щелчок, и мы выскочили в нормальный и привычный для нас мир. Вокруг полновластно царила ночь, раскинув над землей широкие крылья густой синевы. В темном небе Заруны ярко светили два ее неизменных спутника, Диго и Огид. Внизу медленно плыли синеющей темнотой лесной массив и начинающиеся старые заросшие склоны гор. Заложив вираж, Лирит плавно спустился на широкую пологую террасу, покрытую короткой мягкой травой. Справа виднелся крутой обрыв, заканчивающийся своим подножием у поросшей густым вековым лесом долины, изрезанной венами рек и тонких ручьев. Вода на них серебрилась таинственными бликами в свете полных лун Заруны, навевая ощущение присутствия сказки. Вдохнув с восторженным всхлипом свежий прохладный ночной воздух, я лишь сильнее вжалась в горячее тело мужчины, все еще сидевшего позади меня. Оглянувшись налево, взглядом уперлась в крутой каменистый подъем утеса. Лахрет спрыгнул со спины нура и легко снял меня, поставив прямо перед собой. Мягко отстранившись от него, я повернулась в сторону долины, заморожено глядя на темно-синие краски ночного леса, смешанные с серебром бликов рек и ручьев, пытаюсь ощутить все волшебство великолепия открывшейся картины. Казалось, если расставить руки и прыгнуть, ты легко воспаришь над огромными вековыми деревьями.

— Тебе нравится? — голос Лахрета хранил отпечаток благоговения.

— Ооочень! — обернула я на него восхищенные глаза.

— Я знал, что тебе понравится. Сейчас редкое время, когда две полные луны находятся в одной точке неба. Тогда ночью становится очень светло.

— Это волшебное зрелище! Я такого никогда не видела! А где мы? — повернув голову снова в сторону долины, спросила я.

Совершенно потрясенная и ошеломленная, не могла прийти в себя. Лахрет неслышно приблизился, обняв сзади за плечи, и уперся подбородком в мою макушку.

— Здесь начинается горный массив Градасса, — загадочно протянул он.

— Градасса... — повторила я эхом. — Это не те ли горы, куда все уходят в последний путь?

— Они, — согласно кивнул Лахрет, — но это лишь их край, куда еще может ступить стопа смертного, далее начинается линия, называемая Крайним Рубежом. Через него даже не может пролететь ни одна ниясыть, и не пройдет ни один человек...

— Звучит таинственно...

— Да. Многие положили головы, пытаюсь разгадать тайну Крайнего Рубежа и самих гор

Градасса, — все так же загадочно произнес Лахрет. — Но так и не сумели.

— А как же те, кто уходит в последний путь? — испугалась я. — Ведь они же где-то умирают?

— Да. Есть одно место у подножия гор, о существовании которого знают только наездники. Там между Крайним Рубежом и вековым лесом есть огромный грот, который испускает особое электромагнитное излучение, распространяемое по всей планете. Именно оно в какой-то момент нашей жизни начинает звать готовых... В этот грот никто прежде времени не заходит, так как это место очень опасно для жизни. Что потом происходит с теми, кто туда входит, не известно, но оно никогда не переполняется.

— Вы рабы этого зова?

— Хм... какое странное сравнение... Может, и так...

Вот тебе еще одна тайна Заруны! Удивительная планета!

— Лахрет...

— Ммм...

— А здесь живут дикие ниясыти?

— Да.

— А они людям показываются?

— Очень редко. В этих джунглях обитают племена людей, которые отказались присоединиться к цивилизованному обществу. Дикие ниясыти не любят их эмоций и часто уходят от них...

Я притихла, вообразив себе парящих в ночном звездном небе диких ниясытей, которые с интересом рассматривают нас с Лахретом и стоящим позади Лиритом. В теплых объятиях этого удивительного мужчины я готова была простоять вечность, слушая дивные истории о Заруне и ее тайнах. Он не шевелился, боясь нарушить возникшую идиллию и спугнуть меня. В эти волшебные мгновения я и решилась на самый важный шаг в моей жизни. Повернувшись к нему лицом, уверенным тоном я произнесла:

— Я хочу, чтобы званцы пришли, как ты и говорил, в шестой день. Я согласна...

Лахрет широко и счастливо улыбнулся и, более ни секунды не думая, накрыл мои губы горячим поцелуем, всколыхнув все мои внутренности и вызвав могучую слабость и истому во всем теле. Голова и все вокруг в хороводе завертелись в дикой пляске, кружась и скача бешеным галопом. Фейерверк захлопал над нами, шумно шелестя в темном небе и освещая все вокруг разноцветьем. Казалось, все внутри меня взорвется, сердце в бешеном беге ускочет в далекую даль и прихватит с собой сознание. В этот момент я захотела от этого человека детей. Много детей! Сколько он попросит!

Медленно отстранившись от меня и оставив сладкое послевкусие своего поцелуя, Лахрет виновато заглянул в мои ошалелые глаза. Все вокруг плыло и искрилось, дышать мешали спазмы в грудной клетки, подло выталкивая неровным потоком воздух.

— Прости, я не должен был, — выдохнул он виновато.

— Что? — я недоуменно моргнула на него.

Ласковое касание его пальцев моей щеки не способствовало моему здравому мышлению.

— Я не должен был тебя целовать, — зачарованно повторил он, глядя затуманенными глазами на мои губы.

В ответ хотелось огреть его чем-то страшно тяжелым и заставить повторить содеянное. Я несмело потянулась к воссозданию начатого, но он отшагнул, словно испугался чего-то и

уже тверже произнес:

— Нам надо лететь. Поздно уже. Ты должна быть с Забавой.

Я недоуменно моргнула, сгоняя остатки искристого фейерверка. Раззадорить, раззадорил и на попятную! Что за человек?! Я потянулась упрямо в его сторону, желая продолжения, но он решительно поймал мою кисть, мягко забросил меня на шею Лирита и сел позади. Я расслабленно прильнула к нему, потершись об него, как мартовская кошка. Робким откликом послужило его судорожное дыхание, которое он силился контролировать. Что со мной происходит?! Я не могу себя узнать! Где делась моя выдержка? Мои страхи? Гормоны и феромоны лишили меня рассудка, и это сказочное место... Спасите меня! Я проваливаюсь в бездну желаний!

Лирит легко и быстро доставил нас прямо на балкон моей комнаты, где Лахрет скоро ссадил меня со спины, поставил на пол, и совсем ослотившую, оставил стоять на балконе, исчезнув на спине своего нур в темной синеве ночи.

*** **

Проснувшись я мокрой от пота. Снилось какая-то ерунда! Ночь. Кромешная темнота. Лишь кое-где мелькают сквозь густые ветви проблески лунного света. Я бегу, задыхаясь от дикого бега, по сосновому лесу. Мне мерещится, что кто-то грозно дышит мне в затылок с жадным желанием сделать что-то страшное. Не то зверь, не то человек. Огромные исполины-деревья, кажущиеся в черноте ночи еще больше, устрашающе нависали надо мной, и казались чудовищными творениями, готовыми в любую секунду схватить корявыми ветвями-пальцами. С ужасом оглядываясь по сторонам, я усилием нечеловеческой воли заставляю себя бежать. Бронхи дико жгут от частого дыхания. В боку острая резь мешает сосредоточиться. А впереди лишь изрезанные трещинами в коре столбы деревьев, колючие кусты ежевики и дикой малины, пучки пырея и дерна. Часто оглядываюсь, пытаюсь определить, далеко ли преследователи? Спотыкаюсь, падаю, вскакиваю и снова бегу. А потом вспышка света и пустота. Я проваливаюсь бездну и с ужасом понимаю, что не могу остановиться.

В последнее время я нередко вижу этот кошмар, и с каждым разом он становится все яснее и яснее. Сегодня я увидела лица тех, от кого бежала. Двое мужчин среднего возраста и лица их некрасивые, не ириданские. А еще у одного что-то было на носу перед глазами, в тонких оправах и со стеклом, от чего сон лишь становился еще страшнее.

Сев резко в постели, задыхаясь, как будто действительно бежала, я обернулась на Забаву. Она возвысилась надо мной, стоя на кровати, и блестит своими большими глазами. Я сначала не сообразила, откуда идет легкое свечение, лишь моргнув пару раз, поняла, что от моей королевы. Вся ее белесая шкура источала неясный успокаивающий свет. Он особенно завораживал в темноте комнаты. В ее переливающихся глазах трепетало беспокойство.

— Что с тобой? Тебе плохо?

— Ничего, милая, просто плохой сон приснился, — уронив лицо на ладони и массируя виски, ответила я.

— Мне не нравится этот сон. Ты боишься. Мне не нравится, когда ты боишься, — тревожно запричитала она.

— Ты тоже их видишь? Мои сны?

— Только некоторые, — мигнула она вторым веком. — Там я видела плохих людей. Они хотели причинить тебе вред! Я бы оставила их в зиянии!

— Ты же там не была!

— Ну и что! Я могу туда попасть в любой момент! — гордо задрала Забава голову.

— А! — махнула я рукой. Бесполезно с ней спорить о ее способностях. По ее словам, она может слишком много для ниясыти ее возраста. Ну, да ладно.

Глубоко вздохнув, с силой потеряв лицо, я оглянулась по сторонам. Плотные портьеры еще закрывали окна. В комнате почти ничего не видно. Лишь мягкие неясные контуры мебели отражали неяркое свечение моей Забавы. Рассеяно обведя все взором, подумала о том, что хотела что-то сказать ей. Что именно? Мгновенно перед глазами пробежали события вчерашнего вечера. Одно за другим сложились пазлы памяти. Полет на флайере. Признание Лахрета. Мое согласие. Сладкий поцелуй. Его предложение о браке. И! о небо! Я согласилась! Теперь, когда я поспала, и его рядом не было, я могла немного по-другому посмотреть на всю ситуацию. Правильно я поступила? Тогда я застонала и уронила голову на согнутые колени.

— Тебя что-то мучает... это не сон. Ты думаешь о Лахрете? — услышала я обеспокоенный голос мысли Забавы.

— Да. Он сделал мне вчера предложение стать его женой. Я согласилась. Как ты думаешь, я правильно сделала?

Забава задумчиво мигнула, потом спокойно ответила:

— Мне нравится его Лирит.

— Пфф! Я о другом. Что ты думаешь о Лахрете?

— Ты много о нем раньше думала. Тебе он нравится. Тебе хорошо рядом с ним. Пусть он будет с тобой. Он сильный и может тебя защитить. Его многие боятся. Даже некоторые ниясыти.

Я закатила глаза к потолку. Единственное, что радует, так это то, что Забава его одобряет. Она готова принять любое мое решение. После своего безмятежного одобрения, она уткнула мне в плечо свой твердый нос и обожгла горячим дыханием. Ласково потерлась лбом и заявила, что будет поддерживать меня во всем, независимо от моего решения. Если это будет Лахрет, значит, Лахрет. Значит, она примет его Лирита. Я благодарно обняла ее клиновидную голову и прошептала:

— Как же я счастлива, что у меня есть ты...

— А я — что у меня есть ты...

Вот так вот в обнимку мы просидели до тех пор, пока не пришла Фия и не привезла столик с завтраком. Я легко поднялась с кровати и, поздоровавшись с каотой, направилась в ванную. После завтрака и переодевшись, направилась к выходу. Все это время я думала о Лахрете. Из головы все не шел его образ. Я вспоминала его любящие глаза, нежные руки, мягкие пьянящие губы...

У двери девушка спросила меня об указаниях на день, буду ли я обедать здесь или же в столовой, на что ей ответила, что, скорее всего, в столовой, и, выпустив вперед Забаву, вышла. По дороге к лифту шла и думала о том, как же теперь мне вести себя с ним? Ведь он теперь мне не просто преподаватель. Интересно, а чем он сейчас занимается? Ладно, потом подумаю. Сейчас физическая культура. Сегодня мы снова на парфлет, как говорил вчера куратор. Переодеваться нет смысла, но все-таки правила есть правила.

В раздевалке уже никого не было кроме Лии. Она ждала меня, стоя у окна и разглядывая с пятого этажа посадочную площадку флайеров. Когда я зашла, она обернулась. Вышло это очень картинно, хоть фотографируй на портрет и вешай на стену.

— Привет! — улыбнулась я ей. — Где твоя Резотта?

— Привет! — кивнула она. — Резотта дежурит у входа, чтобы никто не зашел сюда со стороны спортзала.

Мои брови удивленно взлетели вверх. Лия редко проявляла любопытство, но когда все же она это делала, выглядело это мило.

— Ты хочешь что-нибудь узнать о вчерашней ситуации у лифта? — подходя к своему шкафчику, спросила я ее, разглядывая темный силуэт подруги.

— Да. После того, как мы вас с господином Ноа увидели у лифта, я все думаю о вас. Как же ты решилась? Ведь ты же мне говорила, что он не вызывает у тебя интереса. Помнишь? Еще во время нашей экскурсии в ботанический сад, — она подошла ко мне ближе и плечом уперлась в соседний шкафчик.

— Помню. Говорила, — кивнула я, снимая с себя учебную форму и доставая спортивную.

— Что-то изменилось?

— Да. Мое мнение. Я кое-что узнала о Лахрете, что меня очень тронуло и потом... потом я подумала, что он хороший мужчина, что рядом с ним, как за каменной стеной. Я об этом всегда мечтала. Я так же понимаю, что он — лучшая кандидатура на титул лорта. Мне кажется, что править народом Ира должны именно такие люди, как Лахрет. Я не признавалась сама себе в этом, но он всегда привлекал мое внимание, даже против моей воли. Я не хотела верить, что он заинтересован в моей персоне, так как он казался очень далеким и слишком правильным для меня... ты понимаешь, о чем я?

— Да, понимаю.

Меня всегда поражало в Лие то, как она умела выслушивать других и проявлять искреннее сочувствие. И вот сейчас, она с глубоким сопереживанием внимательно смотрела мне в лицо и старалась понять каждое мое слово. Я порывисто вздохнула и продолжила, чувствуя глубокое облегчение, что есть тот, кто готов выслушать и подсказать:

— Тем более он вчера открылся мне в своих чувствах, и я решила их принять... — я отвела взгляд.

— Ты сделала правильный выбор, — кивнула Лия, не сводя с меня задумчивых ясно-зеленых глаз.

— Ты так думаешь?

— Да. Он чрезвычайно видный мужчина и завидный жених. Ты и сама знаешь. Я уверена, из него выйдет хороший лорт. Наран бы не смог править Иром так, как господин Лахрет.

— А почему ты Нарана, вдруг, вспомнила? — сидя на лавочке и поправляя штанину, спросила я подругу, внутри досадуя, что совсем не умею прятать свои чувства.

— Было видно, что он тебе нравится, — передернула плечами девушка.

Я промолчала, поджав в досаде губу, и поднялась, направившись к выходу.

— Ладно, — махнула я и позвала за собой сидевшую у выхода Забаву. — Что будет, то и будет.

— Это твое решение. Мы примем любое, — как-то загадочно протянула Лия, следуя за мной из раздевалки.

Нас проводил звонок на занятия. Там нас Наран собрал, и мы снова отправились на парфлет, чтобы продолжить тренировку малышей на крыльях.

Наверху собралось много ниясытей, как, впрочем, и вчера. Все радели за успехи

малышей. Наш дорогой куратор выглядел весьма потрепанно. Видимо, пролазил целую ночь под полками, желая открыть тайную комнату. А как же по другому? Ведь он сделает еще один значительный шаг в разгадке тайны Зарунской рукописи. Даже жалко его стало. Глядя на него, мне очень хотелось подойти и спросить, смог ли он найти механизм открытия комнаты? Но взяла себя в руки. Тогда Забава сообщила, что он ничего не обнаружил. Я довольно покосилась на маленькую королеву и в который раз порадовалась, что она у меня есть и читает каждое мое желание.

Когда мы заняли свои места, как и на прошлом занятии, Наран хрипловатым голосом велел нам повторять вчерашнее. А там взрослые ниясыти примутся за воспитание малышей самостоятельно. Наше дело маленькое — стоять внизу и искренне сопереживать их активным стараниям.

Мы с Лией заняли самое крайнее место. Через нее стоял Март, подмигивающий мне задорно обоими глазами. Бросив в его сторону строгий взгляд stile «Не кривляйся! Отстань!», демонстративно повернулась к нему спиной. Вот же кривляка! Чего у него там на уме? Подколоть меня хочет по-поводу вчерашней сцены у лифта? Не выйдет! Пуцай остынет маленько, а потом поговорим. Сегодня попрячусь за Лию. Меня еще смущали косые взгляды одноклассников. Они, явно, уже в курсе произошедшего вчера в холле у столовой события. Прав был Лахрет, когда намекнул еще во флайере, что шило в мешке не утаишь. Как его не ложи, все равно игла где, да и вылезет.

Как только мы заняли свои места, позади за Забавой сразу приземлился Лирит. Он ждал именно нас. Слаживая крылья, он опустил голову на уровень моей Забавы и приветственно ей проурчал. Та ему что-то крикнула деловито в ответ и, кокетливо вздернув голову, повернулась ко мне. Еще та штучка! В общем, начались тренировки. Забава, как и вчера, принялась активно махать своими крылами, выпучив от усердия свои и так большущие глазищи. Я силилась не засмеяться, чтобы ненароком не обидеть мою «крошку». Лирит подбадривающе курлыкал ей что-то и показывал, как правильно. Так что уже через десять минут они взлетели на довольно приличное расстояние и тренировали правила ловли воздушных потоков. Иначе и не назовешь. Ибо для моей Забавы это казалось целой охотой за блохами — учеба ловить воздушные потоки.

Наблюдая за учебным процессом, я подошла к Лие, желая кое-что у нее выпросить. Только как это сделать, чтобы это выглядело аккуратно и не явно.

— Лия, я хотела у тебя кое-что спросить... — начала я диалог, слегка отодвинув ее от других, чтобы нас, чего доброго, не подслушали.

— Спрашивай, — кивнула она, не отводя взгляда от своей Резотты и ниры, занявшейся ее обучением.

— А что имеет в виду мужчина, когда говорит... эээ... «Я заболел тобой»?

Лия так резко обернулась и потрясенно посмотрела мне в глаза, будто я сказала, что хочу сброситься с крыши? Интересно... я крайне редко вызывала у этой девушки вспышки потрясения. Значит, только что я сказала что-то действительно дивное! Она пару раз махнула длинными ресницами и распахнула рот.

— Что? — насупилась я, смутившись ее удивленным выражением лица. — Что-то не так?

— Это тебе сказал господин Лахрет?! А ты случайно... не может быть! — она вытаращила на меня глаза и боролась с изумлением ещё целую минуту.

— Да, что не так?!

— Ты, случайно, не целовала его... — выразительная пауза, словно она пыталась поверить в то, что хочет сказать, — в губы?

Пфф! Приехали! Это-то тут при чем? Влюбленные часто целуются, причем, даже в губы?! Представьте себе! Что не так? Или я чего-то не догоняю? Я возмущенно заморгала, выпучив подобно ей глаза.

— А что, нельзя?

Лия даже повернулась всем телом ко мне и продолжила ширить на меня глаза.

— Разве ты не знаешь?! Каждая женщина Иридании в курсе, что этого лучше не делать до подписания брачного контракта! Иначе... — она озадаченно замялась.

— Что не так? Почему? — я закатила глаза, растерянно подняв руки. — Прости, Лия, мне Лахрет так ничего и не объяснил...

— Он более чем объяснил!

— Тем, что сказал, что болен мною?

— Да. Может, ты и не знаешь, но... когда женщина целует мужчину в губы, она запускает в его организме целый ряд ферментных процессов, которые вызывают у мужчины сильные желания, которые устремляют его на... — она сглотнула. — их утоление. И пока они не удовлетворятся, они не успокаиваются. Это выше их разума. Это сильнее рассудка и воли! Это мощное оружие, которое природа вложила в них, ради продления рода. Иначе бы они не справились с нашей «сдержанностью», — пыталась объяснить девушка, заикаясь на каждом слове. — Мощное выделение этих мужских гормонов лишает их сна и разума, и тогда мужчина словно заболевает лихорадкой. Некоторые называют ее лихорадкой любви. Если ты это сделала... — она жалостливо закачала головой, — несчастный господин Лахрет...

Я виновато опустила глаза, заломив руки. Что же я наделала?! А он еще и там на горе меня... Ой! А может, это уже процесс тот химический запустился?... Какой ужас! Лия шагнула ко мне, сочувственно погладив по руке:

— А как долго они испытывают... желание? — спросила еле слышно я.

— Чаще всего, пока не удовлетворят.

— А как долго они могут терпеть?

— Это зависит от самого мужчины. Нет особой нормы.

— А если женщина сделала это случайно? — искала я выход.

— Я так понимаю, если мужчина не любит женщину, то он более-менее легко переносит это. Я слышала, что есть даже какие-то лекарственные препараты. Но, если мужчина любит, то... — она пожала плечами. — Она не сможет не выйти за него замуж.

— Неужели он силой может взять?

— Нет. За это есть суровое наказание. Но есть суд...

— Пфф, — я печально расширила глаза.

— Но, вы же решили пожениться! — попыталась меня утешить подруга. — Так что это не должно быть проблемой! Или нет?

— Лахрет приведет званцев к шестому дню этой недели, — внимательно изучая кончики своих спортивных балеток, ответила я.

— Тогда нет причин бояться и расстраиваться, — улыбнулась она. — Все должно быть хорошо. Господин Лахрет сильный мужчина.

Это должно что-то значить? Ну, если учитывать физические потребности, то его самообладание, наверное, и значит. Чувство вины росло в геометрической прогрессии. А

еще память выдала мне воспоминания о вчерашнем моем поведении у гор Градасса. Терлась об него, как кошка во время гуляний! Что же он чувствовал тогда? Так! Держусь на расстоянии пушечного выстрела, и терпеливо ждем шестого дня недели! Или ну его?! Да нет! Нормы морали не позволяют... И как пережить эти дни? Захотелось даже плакать. В своих эмоциях я совсем затерялась, но тут меня вывел из оцепенения крик. Откуда? Я не поняла, но когда вскинула глаза, в ужасе закричала сама, прижав ладони к лицу. Забава, сложив крылья, камнем летела вниз.

— Нееет! — вырвалось из моей груди.

Забава резко распахнула крылья, желая затормозить свое пике, как сильный поток воздуха вывернул их, заставив ее перевернуться. Она истошно всхлипнула, закинув голову, и продолжила кувыркаться. Леденящий ужас сковал мое тело, и я с замиранием сердца не отрывала глаз от моей стремительно мчащейся вниз малышки. Казалось, она не сможет справиться и остановить оглушительное падение с большой высоты, где она тренировалась, и разобьется в лепешку. В эти ужасающе длинные мгновения, мне почудилось, что мир вокруг замер в ожидании неизбежного и печального исхода. Как вдруг, откуда ни возмись, явился стальной силуэт, захватил в свои крепкие объятия уже было обреченную крошку и без труда расправил мощные крылья. Затем легко затормозил свободное падение, мягко опустив на парфлет мою Забаву. Вокруг стояла гробовая, прямо таки оглушающая, тишина, лишь изредка нарушаемая шелестом крыльев. Не думая более ни секунды, я кинулась к своей королеве. Она стонала от дикой боли в поврежденных плечах. Ей было так больно, что казалось, болели плечи не у нее, а у меня!

— Милая моя! Хорошая! Что же ты так не аккуратно? — глядя ее по спине и крыльям, шептала я.

— Тебе было плохо, я хотела к тебе! — заскулила она.

— Глупышка, зачем же так резко? — начала я ей разминать плечи, точно зная, где у нее болит.

Она не ответила и лишь закатила глаза, продолжая тихо стонать. Я поглядела на возвышающегося над нами Лирита, спасшего мою королеву и тихо просипела:

— Спасибо!

Он мигнул обеспокоенным глазом, что означало «Всегда готов!» и успокаивающе засвистел, желая поддержать Забаву.

— В чем дело?!! — услышала позади гневный голос куратора и вздрогнула.

Я сама испугалась, так еще и этот! меня будет опять чихвостить! Я повернула лицо в его направлении, устремив виновато-страдальческий взгляд.

— Забава вывихнула плечо, когда резко тормозила, — ответила за меня Лия.

— Какого нхура?!! Почему она это сделала? Как это произошло?! — он вопрос обратился Лириту, что удивило меня. Неужели чужие ниясыги могут отчитываться другим наездникам?

Лирит недовольно заворчал в сторону Нарана, и я услышала! его ответ: «Я почувствовал ее страх. Она хотела защитить свою Лану. Я лишь остановил ее». В шоке распахнув рот, я перевела взгляд на куратора. Он его точно не услышал, но ему передал его Натон, стоявший рядом и обеспокоенно наблюдавший, как и все ниясыги, в стороне. Забава спрятала морду у меня в объятиях. Осознав ответ, Наран сделал звериное выражение лица, готовый удушить мою несчастную персону.

— Иата Лана! Вы понимаете, что виновны в возникшей ситуации?!!

Я вздрогнула, будто он влепил мне пощечину, и, молча, опустила виноватые глаза,

стиснув челюсти и сжавшись, как испуганный котенок.

— Что здесь происходит?! — раздался со стороны окружившей нас толпы до боли знакомый голос.

Лахрет растолкал плотную живую стену из моих одноклассников и замер рядом с Нараном, бегло оценивая взглядом сложившуюся ситуацию. В его глазах горела тревога. Что он здесь делает? Его еще тут не хватало для полного счастья раздавленной от замешательства и осознания многоуровневой вины меня! А Наран продолжал тираду:

— Иата Лана! Я же говорил всем, и вам в том числе, чтобы следили неотрывно за своими ниясытиями, а не трепались неизвестно о чем со своими друзьями?! — яростно ударяя меня словами и мыслями, Наран готов был размазать мое лицо по полу. — От вашего разгильдяйства могла погибнуть королева! Это немыслимо!!!

Я шарахнулась к Забаве, испуганно спрятав лицо у ее плеча. Спиной почувствовала, как кто-то приблизился ко мне и стал между мной и куратором. Лахрет.

— Достаточно, Наран! — железный голос Лахрета обухом огрел напряженного куратора. — Она уже все прекрасно поняла! — от его тона даже у меня внутри все похолодело.

Наран осекся и замолчал, хотя эмоциональный фон его продолжал зашкаливать. Я понимала, что виновата, но когда за мои ошибки выговаривал мне сам господин Ниасу, казалось, что он режет меня скальпелем без анестезии. Больно и неприятно. Моего плеча коснулась нежная теплая рука Лахрета:

— Милая, ты как?

Я прерывисто всхлипнула и подняла на него влажные глаза. Увидев мое перекошенное от вины и испуга лицо, Лахрет нахмурился и сердито покосился на друга. Тот лишь надменно дернул упрямой бровей.

— Отведи ее в медчасть, — бросил гневный куратор и повернулся к толпе стоящих вокруг студентов: — А кто сказал, что занятия закончены? Немедленно продолжать! И не повторять хорошо продемонстрированных ошибок! Всем ясно? — все пулей убегая от сурового взора преподавателя, кинулись исправно выполнять его слова.

Наран отошел в сторону, недовольно и демонстративно отвернувшись от нас. Лахрет протянул руку, предлагая подняться.

— Идем, моя хорошая, — от этой фразы у меня отлегло.

Его заботливая нежность дарила покой и тепло. Я послушно поднялась, приняв предложенную помощь, и обернулась на мою страдалицу. Та тревожно попискивала, но я чувствовала, что её боль начала униматься. Направилась к выходу с парфлета, поманив Забаву за собой. Потом Лахрет. У лифта я оглянулась на полную моими одноклассниками площадку и встретила взглядом с Лией. Она понимающе и подбадривающе кивнула мне, посылая мыслеобраз вроде «Все будет хорошо!»

В лифте не проронила ни слова, боясь поднять на Лахрета глаз. Однако кожей чувствовала, что он не сводит с меня задумчивого взгляда. В медпункте я тоже избегала его внимательных глаз. Там врач намазал Забаву каким-то гелем и велел его втирать утром и вечером, а также избегать два дня каких-либо физических нагрузок. Я послушно приняла протянутую баночку с необходимым веществом и пошла к выходу. Лахрет переглянулся с врачом и поспешил за мною следом. Я чувствовала, что он хотел со мной поговорить, однако боялась и избегала этого. Он это понял и просто шел рядом, молча, все время бросая на меня тревожные взгляды. Всю дорогу до раздевалки я размышляла над тем, как же мне теперь

себя вести с ним после того, что я узнала от Лии. Спросить самого Лахрета стеснялась, боясь его огорчить или задеть. Перед тем, как оставить меня у дверей раздевалки, он внезапно обнял меня, поцеловав в макушку, и ушел, не оглядываясь. Пораженно вздохнув от его неожиданного жеста, я быстро скользнула в раздевалку вместе с Забавой. Та сообщила, что благодаря той мази, ей уже не больно. Хоть что-то наладилось!

На следующее занятие я опоздала, но преподаватель по правоведению заблаговременно был предупрежден, так что не ругал, когда мы вошли с Забавой на урок. Лишь спросил, как себя чувствует королева. Я ответила, что уже хорошо, поблагодарив за внимание, и заняла свое законное место. Просидела я все занятие в полной прострации. По звонку, ко мне подскочили Март, Лия и Магон с обеспокоенно-заинтересованными морщинами.

— Ланка, что с Забавой? — Магон уже давно обращался ко мне неформально.

— Как ты? — Лия заботливо погладила меня по спине.

— Ланка, что нхур тебя возьми здесь происходит?! — рассердился братец, глядя на меня взором аля «Наран Ниясу в гневе». — Это из-за Лахрета?! — он сердито хмурил брови.

— Лахрет-то здесь при чем? — вздернула я бровями, одарив братца осуждающим взором, но было ли это правдой? Может, частично и нет, но я думала, что так.

— А чего он на парфлет приперся?! — выпучился он возмущенно.

Я покачала головой. Не хочу что-либо сейчас с кем-то выяснять. Потом как-нибудь все утрясется, и я поговорю с Мартом обстоятельно. Медленно встав, как в кошмарном сне, я поплелась на следующее занятие с большой неохотой.

Биология. Войдя почти перед самым звонком, я не глядя на Лахрета, села на свое место и потупила взор. Он сидел уже за своим столом и что-то читал или делал вид, что читает. Когда я проходила мимо, Лахрет поднял голову и проследил за мной вдумчивым пристальным взглядом. Прозвенел звонок. Преподаватель поднялся со своего места и заговорил своим приятным мягким голосом с привычной интонацией учителя:

— Сегодня будет несколько необычное занятие. Я хочу, чтобы вы сейчас задавали вопросы о своих ниясытах. Все, что вас волнует, о чем вы переживаете и хотите решить. Да, господин Паре.

— А можно вопрос не по теме?

— Какой? — лоб Лахрета прорезала морщина удивления.

— А это правда, что скоро вас можно будет поздравить с повышением? — в тоне моего одноклассника скользнула издевка.

— В смысле?

— Вы скоро станете лортом?

Боковым зрением заметила, что Лахрет скрестил руки на груди и бросил короткий взгляд в мою сторону. Я упрямо глядела прямо перед собой. В голове от смятения все смешалось. Он не спеша подошел к моей парте, опершись об нее бедром. Я нервно сглотнула, чувствуя, как сердце затрепыхалось в груди, а руки забила мелкая дрожь. С чего вдруг? Страшно, что обо мне говорят другие? Или потому что он стал так близко?

— Я вижу, что слухи уже быстро распространились по атконнору, господин Паре, о наших отношениях с кашиясу Ланой Арамс, — спокойно констатировал Лахрет, а я сжалась и осела на стуле, желая провалиться на месте сквозь землю.

Как тут слухам не пойти по милой альма-матер, когда пол атконнора созерцали вчерашнюю сцену с Мартом у лифта? Все зашептались. Сделала лицо кирпичом, желая не выдавать мандраж. Положив мне на плечо руку, и послав успокаивающую мысль, Лахрет

отошел от стола и произнес:

— Моя личная жизнь не должна вас касаться, уважаемый. Прошу далее задавать вопросы исключительно по теме, — меня восхитило, как выдержано он это сказал. Даже завидно стало.

Отреагировали все адекватно, и никто более ничего не спрашивал и ни на что не намекал. Преподавателя начали спрашивать о цвете ниясытей, о способах ухода за их потрескавшейся коже, состава выделяемого ими фермента, о трудностях с их испражнениями и тому подобное. Я старалась слушать ответы внимательно, всячески избегая его взгляда. Трудно смотреть на него и не думать о том, что произошло вчера. Особенно ярко в памяти горел миг нашего вечернего поцелуя у гор Градасса. Всякий раз, как всплывал этот момент в голове, внутри все поднималось волной восторга и жажды повторения. И что самое обидное, я не могла эти мысли контролировать.

В общем, хоть и старалась быть внимательной, все-таки мало что услышала. Поняла только, что у нир неразвит яйцеклад, находится в зачаточном состоянии, что кожу быстро растущим малышам надо натирать специальной мазью, взятой в медчасти и т. п. Но вот, моя попытка закончилась — прозвенел звонок. Все мухой покинули аудиторию, одна я двигалась заторможено, будто вокруг не воздух, а вода. Встала, последней поплыла к выходу, глядя исключительно на дверь, как тут меня поймал за руку Лахрет и прошептал молящим тоном:

— Останься...

Я замерла, стоя к нему спиной. Он подошел очень близко и замер, положив мне на предплечья руки. Я повернула в его сторону голову, устремив вопросительный взгляд. Он смотрел на меня затуманенными глазами, полными волнения и... трепетного желания! Вот он, запущенный мной химический природный механизм, требующий завершения действия! Я встревожено повернула голову в сторону выхода, испугавшись, что нас кто-то увидит в столь интимной позе. Встретилась взглядом со стоявшей у двери последней из всех Лией. Она ожидающе глядела в нашу сторону. Увидев, что я ее заметила, она кивнула мне все с теми же мыслями о том, что все будет хорошо, и вышла прочь, плотно затворив за собой двери. Забава остановилась на полпути и села, в ожидании устремив взор на нас. Как только дверь, закрывшись, щелкнула, стремительным движением Лахрет прижал меня к себе, обхватив сильными руками со спины, и спрятав лицо в моих волосах. Я повернула голову к нему, и ухом уперлась в его грудь. Его сердце громко и часто билось, отдавая эхом в моем мозгу. Руки его дрожали и лихорадочно заскользили по моему мягкому животу.

— Лахрет! — выдохнула я смущенно.

Я никак не ожидала такого жеста от него.

— Ммм... — его ответ звучал больше похожим на стон, чем на обычный отзыв. — Я так соскучился по тебе...

— Прости меня! — я стремительно развернулась к нему все телом и задрала голову, чтобы видеть его склоненное лицо.

— За что?

— За то, что поцеловала... — говорю, а сама чувствую, как бежит шумным потоком кровь по венам, пульсируя у меня в висках и затылке.

— Ты уже поняла? — его глаза прикрыла нега, и он потянулся к моему лицу, прижавшись губами к щеке в явном поиске моих губ.

— Да... — я слегка отодвинулась и заглянула в его лицо, силясь увидеть там сейчас отголосок разума. — Прости, пожалуйста!

— Я не сержусь, — он вяло улыбнулся и уткнулся в мой лоб носом, опалив его горячим дыханием. — Мне так хорошо сейчас! Кажется, весь мир замер вокруг и существуешь только ты одна! Это невероятные чувства! Захватывающие, сильные, безбрежные. Я не хочу их менять на свободу... — прошептал он, опустившись к моему уху, от чего ливнем вся спина осыпалась мелкими мурашками и возникло жгучее желание ответа. Чем дальше, тем чаще он дышал, все сильнее прижимая меня к себе.

Я ответно прижалась к нему всем телом, желая впитать в себя его тепло. Он скользнул губами от виска к скуле. Мысли о желанном поцелуе вновь всплыли в голове, и я послушно подставила ему губы. Но он замер на щеке и прошептал:

— Теперь ты можешь идти...

А мне совсем не хотелось, поэтому я упрямо уткнулась в его грудь и ответила:

— Не хочу. Мне так хорошо сейчас...

— Ланочка, наверное, тебе лучше уйти... я начинаю терять над собой контроль...

Вспомнив слова Лии, я отстранилась от мужчины и виновато посмотрела ему в лицо. Он с нежностью поправил непослушный локон, выбившийся из основной кучи моих непокорных кудряшек, и любовно заглянул в глаза:

— Я люблю тебя...

Я взволнованно взвела брови, ощущая стремительно растущее желание... не его, моё. Он любит меня! Эти слова сейчас прозвучали как-то особенно нежно и трогательно. Потом он отшагнул и оперся о стул.

— Иди. Тебе надо идти дальше на занятия...

Да. Он прав. Сейчас на самом деле мне лучше уйти. Я покорно кивнула и шагнула в сторону выхода, наткнувшись на Забаву. Та притаилась за нами, как мышь под веником, и тихо сидела, наблюдая за нами. Когда мы разошлись, она недовольно мурлыкнула.

— Что? — воззрилась я на нее.

— Почему вы остановились?

— А почему это тебя волнует?

— Мне понравились твои чувства!

— Ууу, — прогудела я и, обойдя ее, пошла прочь, стараясь не оглядываться, так как боялась, что вернусь и наброшусь на мужчину с требованиями продолжения банкета!

Шла, а сама поражалась самой себе. Как я могу себя так вести? Лахрет так легко вызывал у меня такие сильные эмоции. Почему? Ведь я еще совсем недавно не допускала и мысли быть с ним. Нонсенс! В голове тараканы устроили восстание и творили погром всех моих взглядов и целей. Единственное, что сейчас мне на самом деле хотелось — быть с Лахретом. Всё. Больше меня ничего не тревожило.

На социологии господин Хон Цирот начал занятие:

— Сегодня мы поговорим о социальных институтах. Ими называются общество людей, влияющее на их поведение, цели и реакции. Такими институтами являются семья, атконнор, правовая и законодательная палата и тому подобное. По-сути, это особые формы социальной организации, регулирующие поведение людей в отдельности и в общем. Они отражают потребности людей. Например, в ответ на потребность в воспроизводстве рода — был создан институт брака. Или потребность в безопасности и порядке — государство, потребность в добывании средств к существованию — производство и так далее. Не всегда он требует «законов», «правил» или наличия четко выраженной структуры или кодифицированных правил поведения членов института. Часто социальные институты могут

быть организациями или ее системой. Но бывает, что и не являются ни тем, ни другим.

В общем, понесло как всегда нашего дорогого господина Цирота. Я потухла, точнее, потухла еще при входе в аудиторию, но еще вначале я настраивала себя на восприятие темы, дабы отвлечься от всяких там мыслишек о мужчине... одном, особенном мужчине. Не вышло. Только к концу урока я вышла из транса и услышала задание на дом — институт брака. Написать самостоятельную работу и скинуть ему по сети. Брр! Ненавижу самостоятельные!

В обед я повела Забаву укладывать спать. Упала на кровать и принялась ждать Фию с обедом. Через минут десять открылась дверь и в мою комнату вошла не только каота. Лахрет с широкой улыбкой переступил порог вслед за нею и замер. На столике, который везла Фия, стояло еды и приборов на две персоны. Видимо Лахрет хотел покушать со мной вместе.

— Привет! — улыбнулся с порога довольно Лахрет, словно не видел меня два дня. — Отдыхаете?

— Ждем обед! — я не сводила озадаченного взгляда с приятного визитера.

— Ты не против, если я пообедаю с вами? — продолжая мне улыбаться, спросил он и прошел в комнату.

— Я вижу, что ты уже все продумал, — кивнула я, вставая с постели.

— Конечно! — он сел на диван и похлопал рядом, приглашая меня сесть.

Я покорно присела, не сводя пристального взгляда с его профиля и пытаюсь для себя уяснить причину, по которой решила выбрать именно этого мужчину. Он игриво подмигнул мне и помог Фие накрыть на стол. Внимательное изучение внешности Лахрета привело мои мысли в затруднительное состояние. Ничего нового там я совершенно не обнаружила. Все тот же красивый ровный нос, выразительные черные глаза, полные очерченные губы, навевающие волнующие воспоминания, и открытый лоб. Но что-то неуловимо изменилось в нем лично для меня. Я уже не видела пугающего чужого мужчину с несломимой волей, твердым духом и упрямым характером. Что-то близкое почувствовала, родное и притягательное. Тот невидимый барьер, стоявший между нами начал расплываться и перерастать в хрупкий мост.

Лахрет же с энтузиазмом, делая вид, что сосредоточен на еде, принялся активно жевать, кивком пригласив и меня. Закончив, Фия отошла в сторону и учтиво откланялась, сообщив, что придет позже за грязной посудой. Я провела ее рассеянным взглядом и присоединилась к трапезе Лахрета. Забава вытащила из-под стола огромную рыбину, и, не уронив и хвостика на пол, быстро расправилась с ней в два укуса. Зубы у нее были острее акульих.

— Ну, и что решила? — прервал паузу Лахрет, хитро подмигнув мне.

— Ты о чем? — я спрятала глаза в подносимой ложке.

— Я о твоём изучении моего лица.

— Пфф, — сделала я оскорбленный взгляд и не посчитала нужным отвечать.

— Значит, понравился? — он самодовольно растянул губы. — Ты тоже ничего.

В ответ он получил лишь наигранно недовольный косой взгляд.

— Ладно, лучше расскажи, чему вас учили на социологии? Не тему ли института брака в социуме? Наверное, интересную работу на дом дал? — перевел он тему.

Я передернула плечами и, сделав пародию на преподавателя социологии, прокомментировала задание Хона Цирота:

— Угу... «Пожалуйста не забудьте сдать самостоятельную работу об институте брака. У кого будет интересно сформулировано название темы, тому дам хороший балл», —

скривилась я. — И что можно интересного сформулировать на эту тему?

— Так это же море вариантов!

— И каких же? Как лучше не утонуть в проблемах брака? Или нет! Почему женщинам не нравится брак? Или наоборот, почему я вступаю в брак?!

— Откуда столько недовольства?

— Не знаю... просто я ничего не услышала из-за тебя на предмете.

— Из-за меня? А я тут при чем?

— Думала о чем не нужно думать на уроке.

— Обо мне? Это хорошо...

— Кому? Тебе? Вот теперь как мне делать самостоятельную работу?

— Так тебе помочь? Я могу. Что ты хочешь узнать об институте брака?

Я вздохнула, готовая начать излагать вопросы, как тут Забава доложила, что наелась и смертельно хочет спать. Сообщив, что королева наполнила чрево и готова к отходу ко сну, я решила пока прикрыть эту тему и попробовать проанализировать все самой. Потом переместилась с Забавой на кровать, где она заняла почти все пространство, и легла рядом, принявшись ласково ее поглаживать.

Лахрет же, поев, лениво откинулся на диван и закинул по-хозяйски руки на спинку. Он не сводил с меня сытого и расслабленного взгляда, задумчиво и молчаливо наблюдая за моими мягкими успокаивающими движениями. И меня совершенно не смущало его присутствие. Создалась умиротворенная домашняя обстановка. Лахрет ничего не требовал, больше не шутил и не говорил, спокойно отдыхая. Забава медленно засыпала. И я погрузилась в раздумья. Когда Забава, наконец, заснула, я нехотя сползла с кровати и остановилась перед развалившимся на диване мужчиной:

— Я уже должна идти учиться дальше... Хочешь, оставайся тут.

— Нет. Я тоже пойду. Узнаю, как там дела у Нарана в библиотеке, — поднимаясь и слегка потягиваясь, произнес он, — но прежде проведу тебя.

— Зачем? — скосила я взгляд в стиле «Я не маленькая!».

— Чтобы подольше побыть с тобой, глупенькая. Неужели не понятно? — он игриво подмигнул и отворил двери комнаты, пропуская меня вперед.

— Как все просто!

— А то!

В кабине лифта мы стояли, молча. Он бесцеремонно обнял меня, и, не говоря ни слова, уткнулся носом в мою кудрявую шевелюру. Нам не нужно было ни о чем говорить. Просто быть рядом. И это почему-то мне так нравилось. Зачем напрягаться, придумывать о чем говорить? Все и так хорошо и понятно без слов. Я не заметила, как начала легко его принимать и понимать. По взгляду, по жесту. Как же быстро у меня это получилось? Но причины я не могла осмыслить. Просто так получается и все.

— Когда закончатся занятия, приходи вниз. Я буду там, — прощаясь со мной на учебном этаже, произнес ятгор, и отправил лифт вниз.

Отправилась я в аудиторию лишь, когда дверца медленно скрыла Лахрета за собой.

Придя на программирование, столкнулась с Мартом. Видимо, отнекаться уже не выйдет, так что пришлось объясняться с ним. Вначале мой всегда веселый братишка хранил мрачное молчание, угрюмо хмурия красивые брови. Под конец немного расслабился и велел быть с Лахретом поосторожнее, не подпуская к себе близко, а то посягнет на мою честь (информацию о том, что целовала ятгора, я благоразумно упустила, побоявшись бурной

реакции Марта). Также сообщила, что Лахрет приведет званцев в шестой день этой недели. На что получила замечание, что слишком рано, но не более.

После занятий, отказавшись идти в столовую с друзьями, раздираемая любопытством, я скоро помчалась в нижние пределы атконнора. Там отыскала двух мужчин, сидевших на принесенных стульях с видом озадаченного барана, что у новых ворот, глядящих на пустые полки стеллажа. Дело твердо стояло на мертвой точке. Наран, подперев подбородок на ладони, насупил черные брови и перил усталый взгляд на выдвинутую еще мной секретную пластину. Когда я подошла, на меня оглянулся только Лахрет и тут же поднялся на ноги. Куратор не соизволил на меня даже покоситься, с головой погрузившись в невеселые думы о страшной загадке тайной комнаты хранилища.

— Что? Сидим? — приветливо улыбаясь, весело произнесла я.

— Сидим, — кивнул Лахрет, подходя ко мне и беспардонно заgreбая меня в объятия.

Я испуганно покосилась на Нарана, переживая, что он будет задавать неуместные вопросы. Но он вообще ничего не видел, погрузившись в глубины дум. Ловко вывернувшись из рук ятгора, я скользнула к выдвинутой пластине.

— А ничего, что вы тут бардак навели? На вас смотритель хранилища не наезжал? — я любопытно заглянула на пластину, наконец-то, увидев, что там изображено.

— Он уже в курсе, — отрапортовал Лахрет.

— Ааа, — протянула я и принялась изучать пластину.

На ней виднелось несколько небольших выдвинутых панелек, похожих на квадратные кнопки, с надписанной над каждой древней буквой. Для меня это оставалось лишь набором закорючек. Лахрет пристроился за мной, заглядывая через плечо на уже сто раз изученные буквы и кнопки. Его магнитом тянуло ко мне, не важно, что я делаю. Это и сердило, и в то же время нравилось. Оглянулась на стоящего позади мужчину, спросив:

— Уже все перебрали?

— Только что не плевали туда! — ожил, внезапно, Наран, я даже прыснула удивленно.

— А почему? Может, надо было попробовать? — съязвила я, получив от Нарана посыл недовольства.

Куратор хранил задумчивую раздраженность, образовав на лбу две неровных складки огорчения. Я понимающе поджала губы и покосилась на изучаемый предмет. В это же время бесцеремонная рука Лахрета скользнула по моей талии, прижимая вызывающе тесно к нему. Недовольно двинула его локтем, одарив подозрительным взглядом, от чего он немного ослабил хватку, но все-таки не отступил. Закатив обреченно глаза, я вновь обратила взор на панель. Пусть, лишь бы мне не мешал! Любопытство — прежде всего! В конце концов, я сама виновата в его желаниях...

— Ну, пробуй! Плюй. Разрешаю, — сморщился Наран с видом обреченного висельника, задумчиво крутя в руках найденный мною медальон.

Лахрет вспрыснул позади и уперся подбородком о мою макушку. Да уж, унылая картина. Мужчины утомленно повесили носы. Напряжение росло. Хотелось разрядки, особенно Лахрету. Поэтому, при моем появлении, он отбросил гиблые попытки что-либо разгадать и занялся мной. Это страшно отвлекало, особенно его руки, пока безуспешно и неутомонно ищущие приюта на моей талии. Я сердито оглянулась на него и сосредоточенно, как меня учила Забава, подумала, желая, чтобы Лахрет меня услышал:

— Ты не мог бы остановиться? Иначе я уйду!

Подействовало. Он замер, но отпускать не собирался, входя в какое-то состояние транса

и отключаясь от действительности. Облегченно выдохнув, я устала снова на чудо-панельку. Воцарилась тишина. Наран так кривил лицо в потугах думать, что казалось, будто мысли наружу полезут. Через пять минут моего стояния я поняла, что Лахрет сзади совсем выключился. Это навело меня на мысль, что сегодня ночью кто-то вообще не спал. Чувство вины не позволило мне скинуть его с моего хрупкого тела, учитывая, что чем дальше, тем сильнее он на меня наваливался. Так, поди, и совсем огрузнет на мне.

Я постаралась об этом не думать, начав задумчиво гулять глазами по помещению, где мы стояли. Принялась от скуки корчить рожицы. То нос сморщу, то губы вытяну в дудочку, то брови нахмурю. Устала на нос. Вокруг все расплылось и, странное дело, мне что-то померещилось! Я даже встрепенулась. Что не так? Повторила процедуру с косоглазием. Прямо передо мной на следующей боковой несущей стеллажа с моего ракурса я увидела царапину, но как-то уж очень закрученную. Не может это быть лишь случайностью. Я присмотрелась на другие и о, чудо! На каждой виднелась закорючка. И если смотреть на них с моего ракурса, они сливались в отдельные буквы, так как каждая последующая несущая боковая стенка стеллажа выдвигалась дальше от предыдущей на некоторое расстояние. Это возможно благодаря тому, что стена хранилища имеет форму круга, и постепенно заворачивает. Первая от меня закорючка сливалась со второй и образовывала букву, такую же, как и на панели. Настроившись на другие, я увидела, что там тоже написаны буквы, только в некоторых местах слегка затертые. Странно... В этот миг в голове возникла идея. Но чтобы не выглядеть глупой, не поспешила ее озвучить.

— Наран! — обратилась я к куратору, запустив ладонь в густую шевелюру стоящего сзади, чтобы привести в чувство.

— Что? — вырвавшись из раздумья, выпрямился куратор.

— А у тебя есть что-нибудь пишущее?

Лахрет позади меня зашевелился, нехотя отрывая нос от моей макушки. Наран удивленно вскинул брови:

— Есть. А что?

— Дай, пожалуйста! — я протянула раскрытую ладонь, высвобождаясь из рук Лахрета.

Тот недовольно укнул, но отпустил, опершись локтем о полку стеллажа. Наран, скривившись и, продолжая сидеть, достал из кармана нечто похожее на стило. Дал. Интересно, почему он никак не реагирует на поведение Лахрета в отношении меня? Неужели он уже все знает? Скорее всего. Ведь они друзья и должны были объясниться.

Я же, торжественно улыбаясь, с горящими от волнения глазами, подбежала к каждой из боковых стенок и навела закорючки. Потом, в сопровождении озадаченных взглядов мужчин, вернулась обратно и снова посмотрела на них. О! Намного лучше! Теперь четко вырисовывалась последовательность из незнакомых мне иероглифов узловатого вида. Те лишь моргали, заинтересованно следя за моими действиями. Поднеся руку к панельке, принялась последовательно нажимать обозначенные буквами кнопки, как написано на стеллажах. Нажав последнюю, замерла, ожидая чуда, но ничего не произошло. Обиженно поджав губы, я расстроено еще раз посмотрела на образовавшиеся буквы. Что не так? Присмотрелась к панельке и заметила пустую, неподписанную кнопку. Может, ее надо нажать последней, как в некоторых кодах команду запоминания? Нажала. И, вдруг, в глубине стены что-то клацнуло. Потом тихо зажужжало. Я отодвинулась и замерла возле изумленных мужчин. За стеллажом что-то начало шуметь, скрипеть, клацать, щелкать. А потом... стена с негромким стоном отошла вместе с прикрепленным к ней стеллажом назад

и в сторону. На нас пахнул застоявшийся спертый воздух давно закрытого помещения. Пауза потрясения длилась минуту, в течение которой, Лахрет и Наран, распахнув широко глаза, потрясенно созерцали открывшуюся перед ними округлую комнату. Мое удивление было так же велико, как и их.

— К... к... как? — еле выдавил из себя Наран.

У Лахрета, может, и вернулся дар речи, но он не захотел что-либо комментировать. И, если куратор хотел узнать, как я догадалась о ключе, то ятгор, недолго думая, направился в комнату, где медленно загорелся приглушенный свет. Я подозвала куратора к панельке и указала на слившуюся надпись на несущих боковых стенках стеллажей. Тот ошарашено выдохнул:

— Надо же, а ответ был прямо под носом! — я впервые видела куратора таким ошеломленным и искренним. — Как же ты догадалась?

— Случайно, — застенчиво опустила взгляд, и скользнула вслед за Лахретом, желая избежать подробностей моих изысканий...

Наран пробубнил себе что-то невнятное под нос и последовал за нами. Я же уже стояла рядом с Лахретом и вместе с ним разглядывала округлую комнату. Она была поделена на семь стрельчатых арочных углублений. В центре комнаты стоял круглый стол и двенадцать окружностей вокруг на полу. Мое внимание привлекли арочные углубления, подле которых я себя и разместила. Каждая из них возвышалась над полом где-то на полметра, а в середине виднелась ниша сантиметров тридцать на сорок. Ниша сверху до середины прикрыта ажурной решеткой с вычурным узором. Перед арками стояли пюпитры с небольшими углублениями в форме книги. Над всеми арочными углублениями виднелись стертые временем надписи на древнем карском языке, языке, на котором говорили в давние дни и люди и герны. Вокруг ниши до краев арки изображены удивительные картины, но в каждой отдельный, свой сюжет.

Я рассматривала картины, созданные талантливейшим художником. Его стиль мне чем-то напомнил стиль того художника, что написал картину, повешенную у меня в комнате. Такая удивительная прорисовка деталей, глубокая передача света и тени, насыщенные цвета. Создавалось ощущение, что картины живые, совсем недавно созданные мастером. Лишь пыль и небольшие потертости напоминали, что им уже лет и лет...

На первой арке слева была изображена на черном фоне, забрызганном вспышками света звезд, планета. Вторая показывала толпу людей, устремившуюся в горы, третья содержала сюжет с гернами. На четвертой герны разговаривали с людьми. Пятая повествовала о полете человека верхом на ниясыти. На шестой на нас с ожесточенным и презрительным взглядом смотрели тараки. Седьмая словно дарила надежду, ведь на ней было изображено красивое звездное небо с яркими красно-белыми разводами, а сверху лился неяркий приятный свет, будто свет надежды и веры. Подле каждой арки я стояла около десяти минут, как и мужчины, изучая все детали удивительных изображений.

— Что это? — от этого удивленного возгласа я резко подпрыгнула на месте, развернувшись на сто восемьдесят градусов.

На входе в наше дивное открытие стоял смотритель книжного хранилища. Я его мало знала. Только то, что он очень любил книги и часто ругал студентов за то, что они не аккуратно расставляют назад взятые предметы. Как реагировать на его появление? Расстраиваться? Может подпрыгнуть и быстро его оглушить, потом связать и спрятать в подвале, чтобы не распространялся? Я переполошено покосилась на Нарана, стоявшего у

пятой арки. Он лишь спокойно повернул в его сторону профиль и произнес:

— А! Зунг! Хорошо, что ты пришел! Для тебя тут работа есть. Присоединяйся.

Лахрет стоял рядом со мной и тихо объяснил:

— Зунг — хороший лингвист и знаток карского. И, кстати, он знает о наших поисках. Не удивляйся.

Я коротко кивнула, не отрывая взгляда от медленно входящего в тайное помещение зрителя. Тот, с вытянутым от изумления и восторга лицом, подобно нам, когда мы только вошли, оглядывался по сторонам, видимо, убеждая себя в том, что это ему не мерещится.

— Хорошо, что я первым вас обнаружил! А, что если кто другой бы был? — он недовольно нахмурился на куратора, чем немало меня удивил.

Надо же! Куратора, кроме Лахрета, еще кто-то укоряет! Но Наран не дал себя в обиду, равнодушно передернув плечами:

— Ты же сторожишь!

Зунг театрально фыркнул и отправился к первой арке, но его интересовала не картина, а надпись.

— Я хоть и присматриваю, но за всеми уследить не могу... хм... очень древние надписи... весьма-весьма... — затихал в своем монологе хранитель, поднеся к губам сжатый кулак и сосредоточенно сведя брови.

Я хмыкнула, рассматривая озадаченного ученого. Неожиданно зазвонил коммуникатор Лахрета. Он с хмурым лицом ответил, поняв, кто звонит. Выслушал, и, коротко ответив, что скоро будет, наклонился ко мне:

— Милая, я должен идти. Не знаю, когда вернусь. Если хочешь, оставайся здесь, с Нараном.

— Хорошо. Что-то не так?

— Ничего, что я бы не решил, не беспокойся. Я позвоню, — совсем у самого моего уха прошептал он и, чмокнув в висок, быстро испарился.

Наран лишь задумчиво покосился ему вслед, даже не спросив, куда он. Проводив его отсутствующим взглядом, продолжил внимательно изучать картину, где сидели люди верхом на ниясытях.

Как ушел Лахрет, я немного расслабилась. Его излишнее внимание слишком смущало и сковывало особенно в присутствии других. Зритель медленно перемещался по комнате и, суя нос во все щели, громко восторгался всем, что видит:

— Потрясающе! Как сохранилось! Да этому месту не меньше двух тысяч лет! Удивительно! Невероятно! Восхитительно! — еще он перебирал множество описательных эпитетов, чтобы выразить свой восторг.

Не особо обращая внимания на Зунга, господин куратор оккупировал пятую арку и с особым интересом рассматривал нарисованных на стене людей на ниясытях, водя носом по каждому завороту изображения. Наблюдая за осмысленными взорами этих ученых мужей, я почувствовала себя пятой ногой у лошади. Чувство было такое, будто я попала в музей истории. Посмотрев на диковинные экспонаты без комментариев гида, все становится мало интересным. Ну, дивные картинки. Ну, пюпитры стоят напротив них. Ну, стол посредине. И что? Сначала это конечно очень захватывающе, а потом глаз быстро привыкает, особенно таких дилетантов, как я.

Побродив еще минут десять по комнате и рассмотрев все рисунки, задрала голову

сверху. Откуда свет льется? Он исходил со всего потолка. Интересно, где он берет энергию? Ведь нынешние источники энергии атконнора намного младше этой комнаты. Значит, источник находится где-то в другом месте. Где? Еще одна загадка. Пожав плечами и заложив руки за спину в стиле аля «Наран Ниасу», опять побрела бесцельно по комнате, скользя невооруженным и необразованным взглядом по уже осмотренным закоулкам. Чем себя занять? Что искать?

— Господин Зунг, а вы можете прочитать эти надписи? — спросила я смотрителя, указывая пальцем на письма над арками.

Тот оторвался от странного длинного цилиндра, лежавшего в нижней части первой арки, и посмотрел на меня, как корова на седло. Наверное, подумал, что я здесь делаю? Поднял взгляд вверх, но ответил довольно снисходительно:

— Это страшно древняя форма карского языка. Им почти никто не пользовался. Чтобы его перевести, нужно полистать справочники по этому языку и... еще нужно время, — рука Зунга медленно поднялась к подбородку. — Очень... очень редкая форма грамматики... хм... — и он снова погрузился в ученые бубонения-размышления, при которых невозможно ничего абсолютно понять, но явно помогает думать умному человеку.

Вместо того чтобы внимательно слушать его измышления, я принялась рассматривать этого человека, словно увидела в первый раз. Худощавый, высокий, жилистый мужчина с большими выразительными виридоновыми глазами и прической в стиле «утро в курятнике». Такой себе типичный библиотекарь с умными бегающими глазами и выражением отрешенности на узком лице. При моем вопросе куратор обернулся на нас, сделал для себя какие-то известные только ему одному выводы, хмыкнул и продолжил далее изучать картину маслом с присущим ему энтузиазмом. Скучно. Даже сесть некуда. Зунг, вдруг, очнулся из научного забытья, положил цилиндр на место и поковылял к выходу с невнятной фразой вроде:

— Сейчас принесу справочники и распоряжусь, чтобы сюда придвинули стеллажи и закрыли здесь проход. Не нужно, чтобы лишние глаза и уши здесь были... — и он исчез за поворотом.

Теперь в тайной комнате остались только я и куратор. Я посмотрела не него. Видели ли вы когда-нибудь полностью поглощенного делом муравья? Он занят делом и не видит вокруг ничего. Так и Наран. Отключился от окружающего мира, погрузившись в свои глубокие думы. Трогать его бесполезно, даже вредно для здоровья. Скорее психического, чем физического. Я отвернулась от него, упершись взглядом о стол. Провела указательным пальцем вокруг столешницы, пройдясь кругом. В центре стола я узрела очерченный диск и задумалась о том, что будет, если его надавить? Неслышно потянулась к нему и надавила.

— Ааа! — вырвалось из удивленной меня, когда что-то снизу зашевелилось и стало поднимать меня вверх, прямо на стол, так, что я быстро улеглась сверху.

Наран от неожиданности даже подскочил, и, с муштрой военного, принял боевую позицию, готовый к обороне.

— В чем дело? — его брови полезли на затылок, когда он увидел меня, лежащую на животе, на столе, а вокруг появились стулья из тех самых окружностей, что виднелись на полу возле стола.

Оказывается, когда я надавила на диск в центре столешницы, я стояла на одном из них и, активировав какой-то механизм, подняла их и себя заодно. И вот, лежу на столе и глаза испуганно таращу, не понимая, что случилось. Встретив взгляд куратора, прочитала в них

что-то вроде «Опять! Неужели нельзя без экссессов?»

— Там, где вы, иата! одни неприятности! Неужели нельзя ничего не трогать?! Что вы снова сделали? — сработала его хорошо выработанная привычка костить меня по чем зря.

Я вообще, не понимаю, чего он на меня так окрысился? Я что ему, на ногу наступила? Что бы они тут без меня делали? Еще б сидели и мозги ломали, как дверь открыть. А я вот, быстро решила эту проблему. Да еще и стульчики выдвинула. Ну, подумаешь, на стол забралась. С кем не бывает? А он опять распыхтелся! Как же он меня уже достал! Лучше бы спросил, как я себя чувствую!

— Хорошо, что ваши усилия увенчались лишь этим! А если бы тут была какая-нибудь ловушка? — посыпались из его глаз искры.

Опять психует! Ууу! Как же это мне надоело! Почему Лахрет ушел? Мне он здесь так сейчас нужен. Я даже потерплю его нежные приставания. А этого Нарана я, чем дальше, тем меньше могу выносить. Я, конечно, понимаю его обстоятельства, и то, что стала для него однажды обузой, когда он решил меня уломать лететь в атконнор. Но зачем же так часто меня ругать? Вспыхнув и слезиши со стола, я одарила его обиженным взглядом и бросила ему:

— Неужели у вас, господин Наран, для меня есть только одни упреки? Ничего хорошего не можете придумать? Я ведь могла пострадать! Почему вы не спросили прежде, что со мной? Цела ли я? Не надоело меня постоянно одергивать?

Мужчина дрогнул и осекся. Мигнул и пожевал воздух в замешательстве. Я присела на стул.

— О! А как вы это сделали? Откуда взялись стулья? — в проходе возник смотритель хранилища с огромным томом словаря, и изумленно уставился на обновления в помещении.

Зайдя, он уронил книгу на стол и продолжил глядеть на новое чудо.

— Это вы, иата, смогли раскрыть секрет? — ему не нужно было объяснять, кто сделал открытие. — Как хорошо! Теперь будет, где сидеть. А то, я так думаю, мне здесь придется провести немало времени в исследованиях и переводе! — милый человек, этот Зунг!

Я же не сводила взгляда с ощерившегося куратора. Он понял меня прекрасно и еще то, что сказать ему нечего. Я начала защищаться сама. Недовольно дернув рукой, он театрально развернулся к предмету своего предыдущего исследования, продемонстрировав, что не желает о чем-либо сейчас говорить. Зунг подошел и негромко спросил, как мы нашли эту комнату и открыли дверь? Я с удовольствием поведала ему без лишних подробностей наши поиски, после чего Зунг восторженно изрек:

— Как здорово, что вы с нами! Я всегда считал, что участие в исследованиях людей случайных и не сведущих в науке, весьма полезно! Они смотрят на изучаемый объект со стороны и видят то, что ученые не видят, — он искренне улыбался, излучая добродушие и восхищение.

Наран же во время моего негромкого рассказа бросал на нас из-под лба косые взгляды и ворчливо бубнил себе что-то под нос. Честное слово, похож на вечно ворчливого старика из моего неизвестного прошлого! А Зунг — милашка! Мы с ним обязательно подружимся!

Прошло уже около трех часов, как мы открыли комнату. Зунг и Наран успели подсунуть стеллажи так, что скрыли вход. Теперь они сидели и занимались переводом надписей над арками. Все, что я могла сделать, уже сделала и последний час просто сидела и тупенько смотрела на картины. В какой-то из моментов неожиданно заурчал мой желудок.

— Ух! Что-то есть хочется! — потирая живот, лениво протянула я.

— Никто тебя здесь не держит, — проворчал Наран, не отрываясь от шестой арки. —

Можешь пойти и поесть.

— Но... — возмутилось было я, но слов не нашла продолжить.

Только и того, что сжала кулачки и вытянулась по струнке. Зунг поднял глаза, отвлекшись от изучения энциклопедии, и улыбнулся:

— О! Иата! Я, думаю, что мы вдвоем с господином Ниасу сами можем справиться. Если, что заходите. Мы вас будем всегда рады видеть.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Понимая, что от меня сейчас действительно мало толку, решила поддаться зову желудка и покинуть данное помещение. Конечно, фраза Нарана задела меня, но уходить все равно надо было. Поэтому подарив затылку куратора красноречивый и негодующий взгляд, я махнула на прощание хранителю библиотеки, и ушла.

На следующий день добросовестно прогуляла физическую культуру, так как моя большая малышка вывихнула себе плечи, и сразу пошла на историю. Там Наран с видом не выпавшегося мученика и с помятым лицом задал нам самостоятельную работу на тему какой-то там войны. Я старательно написала про нее ровно две строчки, поскольку о ней ничего не знаю, кроме того, что между собой воевали два города за месторождение меди. Все. Кто победил, не помню. Сдала и вышла, не сказав куратору ни слова. Сидит, смотрит на меня волком, словно я у него почку украла. Злится. Что? И сегодня на ногу ему наступила? Или не выпался? Выяснять не стала.

Этику промучилась. Пошла на правоведение. В терминах, изрекаемых в аудитории, узнала лишь «имеем право», «запрет» и «закон». В столовой Март усиленно пытался вбить в мою голову, полную опилок и отрубей, несколько понятий типа «кодекс», «статья» и «поправка». Я поняла на второй раз. Прогресс на лицо! Раньше раза с пятого доходила. Думать приходилось с трудом. Что с моим организмом происходит? Наверное, настал период, когда тот самый организм пресыщен информацией и требует отгула.

Лахрета я сегодня не видела, и он мне не звонил, что сильно меня удивляло и нервировало. Наверное, началась любовная лихорадка и у меня. Почему он не звонит и не пишет? Я уже дыру просмотрела в коммуникаторе. Лия ненавязчиво спросила:

— Ждешь его звонка?

— Угу.

— Позвонит.

— Угу, — я силилась не думать о нем. Выходило плохо.

Глядя в окно холла, где остановилась, желая отстраниться от учебы, я отвечала односложно и вяло. Лия с пониманием погладила меня по плечу и произнесла:

— Сейчас у Лахрета критический момент. Если он справится со своей «лихорадкой», значит, он не любит тебя.

— Как это? — я повернулась всем телом к подруге.

— Дело в том, что после поцелуя, мужчин лихорадит около двух суток. Потом, если он не любит женщину, у него все проходит. А если любит... — она пожала плечами.

— Вчера ты говорила немного другое.

— Я весь вечер разговаривала с мамой на эту тему.

— Обо мне? — я напряглась.

— Нет. Просто так. Она мне много об этом рассказала. Так что, если господин Лахрет тебе сегодня вечером или завтра утром не позвонит или не явится сам, делай верный вывод.

Я нервно сглотнула и заморгала. Хочу ли я, чтобы он не пришел сегодня? Да я уже

сейчас его хочу видеть! Где его носит?! Как же быстро привыкаешь к хорошему. Его нежности еще вчера меня раздражали, а сегодня их напряженно жду. Забава утешала меня, как могла в своем возрасте. Говорила, что все будет хорошо. Как же она любила повторять мои излюбленные фразочки. Но в этот момент они и в самом деле были мне нужны.

После занятий спустилась вниз в тайную комнату в надежде встретить там Лахрета. Но он так и не появлялся там. Как только я переступила порог, на меня набросились с возмущениями:

— Неужели нельзя было запомнить хотя бы название воевавших городов?! — кое-кто уже проверил самостоятельные работы по истории.

Проигнорировав нападки недоспавшего взъерошенного ворчуна, приступила к Зунгу:

— Ну, что? Удалось что-нибудь перевести?

— Да! — в глазах смотрящего горел огонь азарта археолога. — Первых две надписи.

— И что? — я села рядом и заглянула в записную книжку Зунга. Он не любил электронные устройства, не доверял им.

Удивилась тому, как он разбирает свои каракули. На них нужен отдельный словарь.

— Смотри, — он пальцем указал на запись в своей книжке, — первая гласит: «И был мир после создания», а вторая: «Люди повиновались Создателю во всем».

— Создателю?

— Да. Согласно одной малоизвестной легенде, у Заруны было начало. Того, кто дал ей это начало легенда называет Создателем. Потом он поселил на ней гернов. Ну, ты поняла, ту древнюю расу, что когда-то вымерла. Так вот, они жили в мире с Ним и друг с другом. А потом Создатель решил, что они обрели зрелость, и поэтому дал им на воспитание людей, чтобы герны научили их поклоняться доброму и любящему Создателю. К тому времени они построили дивный город, который называли Зарнар. Много лет они жили в мире и гармонии, как внезапно что-то произошло. Как будто что-то стало известно о событиях среди звезд... Это я читал где-то в другом месте... — он запнулся и оглянулся на замершего у арки Нарана. Тот тоже внимательно слушал увлекательную историю хранителя. — О чем это я? — Зунг усиленно потер красные от напряжения глаза. — Ах, да! Дальше герны восстали против Создателя. Он их наказал и перестал общаться с ними. Как наказал, не ясно. Герны обиделись на Него, отвернулись и перестали искать Его руководства. Уничтожили для себя все напоминания о Нем, и покинули город, который посвятили Ему. В исходе забрали и всех людей вместе с собой. Однако Создатель оставил для потомков людей надежду. Он подарил им руководство, которое легенда называет Путем Примирения. Герны же спрятали это руководство и от себя и от своих «учеников», то есть людей, но уничтожить не смогли. Некоторые «верные» сумели сохранить тайну об этом Руководстве и оставили своим потомкам подсказки или ключи, как найти этот Путь Примирения. Они верили, что их потомки сумеют избавиться от гнета гернов и прочитают их подсказки, вернут людей к своему Создателю. Тогда Он восстановит с ними мир и люди перестанут умирать, уходя в небытие. Тогда они станут по-настоящему счастливыми и, самое главное, Он уберет угрозу войны с Заруны. Тогда Он откроет Свою Могучую руку и вернет к жизни ушедших. В тот день наступит Золотая эпоха Возрождения! — глаза Зунга благоговейно блестели в неярком свете комнаты.

Он искренне верил в то, о чем говорил. Правда это или вымысел, но каждый человек хочет верить во что-то хорошее и красивое. Зунг выбрал это. А во что верить мне? Любой человек, как я считаю, подспудно стремиться к чему-то Возвышенному и Могущественному,

словно внутри на подсознательном уровне вложена потребность в этом. Помигав на Зунга, я восторженно выдохнула ему:

— Какая красивая легенда! Почему я никогда не слышала ее ни от кого?

— И вряд ли услышишь, — покачал головой зритель. — Это история «Зарунской рукописи». О ней мало кто говорит.

— Вы читали ее?

— Нет, конечно! Однако в одной ветхой книге еще мальчиком я прочитал о ней и загорелся ее найти. Я много исследовал, много читал, изучал, поэтому я здесь, — Зунг развел руками, расплывшись в счастливой улыбке того, кто чувствует приближение вожеленного.

Впервые я услышала что-то вразумительное о Зарунской Рукописи. Теперь ко мне пришло понимание стремления Нарана и Лахрета найти этот предмет. Внутри что-то шевельнулось. Скорее всего, это желание найти ответы на мои личные вопросы о моем происхождении. Возможно, когда я найду эту рукопись, тогда получу ответы на вопросы о том, кто я? Зачем я здесь? Откуда?

Слушая Зунга, не заметила, как рядом сел Наран, потупив взор и погрузившись в свои мысли. Он тоже мечтал найти ее. Наверное, он верил, что тогда сможет встретить свою пропавшую жену. Именно эта вера давала ему сил бороться. Кто знает, может, и мне она поможет найти путь к моему прошлому?..

Контракт на всю жизнь

Новый день начался с кошмара. Я уже начала привыкать к ним. Почти каждую ночь за мной кто-то бежит по пятам, хочет сделать что-то ужасное. Бегу, спотыкаюсь, падаю. Затем вспышка света, леденящая тьма и я проваливаюсь в пустоту.

Резко проснулась, ощутив холодный пот по всему телу. Проклятие! Забава снова надо мной стоит и испуганно смотрит своими большущими переливающимися глазищами. Еще бредовая мысль возникла: неужели память таким образом возвращается? Неприятно. Сердечно заверив свою малышку, что у меня все хорошо и кошмары на самом деле ничего не значат, я отправилась в ванную по нужным делам. Большая кроха за мной.

Когда процедуры были окончены, и я покинула мокрое помещение, на столе в комнате уже стоял завтрак для меня и будущей королевы ниясытей. Ела без удовольствия. С головы не шли мысли о тайной комнате и Лахрете. Неужели сбежал? Да нет. У него, как главы Службы Безопасности дел по горло, если не по ухо. С Фией не разговаривала. Не хотелось. И в голове вообще была большая черная пустота с гуляющими сквозняками. Пока пришла в себя, не знаю после чего, уже прогуляла первый урок.

Собравшись с силами и духом, выкинув из головы бредовые мысли, потянула со своей вечной спутницей на географию, где встретила странные осуждающие взгляды соучеников и удивление друзей. Молча им кивнув, плюхнулась одновременно со звонком на стул и устремила взор на многоуважаемого преподавателя предмета. В голове выстроилась очередь из противных тараканов о том, куда исчез мой жених? Предположений родилось море. Страшно захотелось его увидеть. Неужели я в него влюбилась по-настоящему, а не из чувства долга перед приютившей меня Ириданием? Боролась с этой назойливой мыслью как с мухой.

После программирования подошла к Лие поговорить. Надо же кому-то душу излить. Пожаловалась, что уже сутки не вижу Лахрета, и он не отвечает на звонки. Что и говорить, наяривала я на его коммуникатор настойчиво, хоть и убеждала себя, что за мужчинами бегать женщинам не полагается по статусу. Правда, у меня не понятно какой статус. И вообще, я особенная. Мне можно!

— Ланочка, — погладила подруга меня по плечу. — Ты же знаешь, что он — ятгор. Начальник Службы Безопасности. Он имеет много дополнительной работы, кроме как преподавать в атконноре. Он — востребованный человек. Не дергай его понапрасну. Когда он решит прийти, он придет обязательно. Наберись терпения.

Я пристально посмотрела девушке в глаза, продолжая диву даваться, как же все-таки она сильно отличается от других девушек! Да, впрочем, почти все девушки-наездницы — особенные, не такие как все. Но Лия их переплюнула в человечности и понимании в сотни раз. Повезло мне с подругой.

— Понимаю, — уронила я плечи, — но все равно внутри так беспокойно...

— Все будет хорошо, — снова ее рука скользнула по моему плечу.

— Спасибо тебе за ободрение, — моя улыбка вышла какой-то вымученной.

Обед приполз верхом на черепахе. Отвела Забаву в столовую, затем спать. Посидев рядом и получив массу удовольствия от ласкания теплой шкуры своей королевы, я заставила себя встать и пойти дальше на уроки. Больше мне ничего не оставалось.

И тут, только я переступила порог, как сильные руки загребли меня в охапку и прижали

к широкой твердой груди. Я даже охнуть не успела, как носом уткнулась в чье-то тело. По запаху определила чье.

— Лахрет!!! — прохрипела я в его тесных объятиях.

— Ланочка... Звездочка моя, — его голос хранил столько тепла и нежности, что у меня сердце ухнуло вниз и забилося где-то в области коленей. — Я так соскучился...

Мир вокруг лихорадочно закружился, запрыгал в разные стороны, словно решил потанцевать. Он здесь! А я тут переживаю, куда он запропастился! Моё ухо слышало бешенный бег его сердца, глубокое дыхание и мелкую дрожь.

Минуты через две я попыталась вырваться из плена рук:

— Лахрет, ты меня раздавишь... мне трудно дышать!

— Прости... — он дал свободу и, отодвинув на расстояние вытянутой руки, заглянул в глаза. — В голове шумит от чувств и желаний...

— Негодяй! — оттопырила я губу. — Я тебе целый день звонила, а ты не отвечал!

— Я знаю. Не мог. Прости... И сейчас меня не должно быть здесь, — он виновато усмехнулся. — Сбежал с работы, как подросток с коннора! Понял, что там от меня толку, как от ниры — яйцо! Вообще перестал соображать что-либо! — он это говорил с таким запалом, словно маленький разбышака о своих шалостях корешам.

Я осуждающе сощурилась и наклонила голову. Нахлынуло волной обиды.

— И ты, значит, бросил работу, чтобы на меня поглазеть? Посмотрел? Что дальше собрался делать?

— Спать! — он блеснул красными, не выспавшимися глазами.

— Спокойной ночи, — и я, вывернувшись из его рук, развернулась идти по намеченному курсу, демонстрируя, что обижена по-поводу неотвеченных звонков.

Бесцеремонные руки снова притянули меня спиной к знакомой груди.

— Ты не поняла, я буду спать у тебя, и хочу, чтобы ты была рядом... Иначе я не засну.

Я повернула ему свой возмущенный профиль и, вскинув брови, прокомментировала:

— Я как бы не против, но ведь нужно вроде бы подписать контракт и... потом... все остальное... — я пару раз махнула ресницами.

Лахрет глухо засмеялся, еще сильнее прижав к себе, и дружелюбно поправил:

— Глупышка, я имел в виду, что ты побудешь рядом и посторожишь мой сон. Гормоны мне не дают спать, а когда ты рядом, то я легче себя чувствую. Поняла? — и он чмокнул меня в висок.

Я сморщила лоб, пытаюсь понять смысл его слов. Вышло что-то вроде того, что он так и не спал с нашего первого поцелуя. Это что значит? Неужели и в самом деле у них происходит в голове мощный гормональный взрыв в момент поцелуя? Рядом возле обиды выросло чувство вины. Но пока что сильнее была обида.

— Поняла, — я вывернулась из его рук и шагнула в сторону, — но как же моя учеба? Надо идти на занятия. Мне по рангу положено учиться примерней всех, а выходит все строго наоборот.

— Тебе можно прогулять. Никто тебя не посмеет выгнать из атконнора. Тем более что последний урок у тебя — техника. А по ней у тебя, помнишь, давно уже блат. Так что, — он за плечи развернул меня к комнате, — зови Фию и пой мне колыбельную. Договорились?

Я притворно возмущенно вскинулась.

— Ты посмотри, какие мы! Уже все решил!.. — я смирила его взглядом, потом одарила пленительной улыбкой. — И, кстати, Фия в ванной убирается, так что звать ее не надо, —

отворила створку двери и вошла.

Он криво усмехнулся и вошел за мной. Потом ухватил за кисть и, усадив на диван, плюхнулся на него сам. Мои колени разместил у изголовья в виде подушечки, сложил ладоши под щекой и сладко, как младенец, улыбнулся.

— Все! Теперь все как надо! — Лахрет потянулся. — Сон, родимый сон! Как давно я не спал! Кажется всю вечность.

И дорогой гость закрыл глаза. Я не заметила, как счастливо улыбнулась, наблюдая, как умиротворенно он уходил в мир снов у меня на коленях. Было такое уютное чувство, будто это самое лучшее место на свете — быть его мягкой подушечкой и нежно гладить его черный ежик волос. И вышло как-то само собой петть ему колыбельную...

Уносит ветер лепестки цветов,
Это значит — ты рядом.
Уносит ветер обрывки слов,
А ты не отводишь взгляда.
Как долго тебя я ждала
И забыть я не смогла
Как ты обнимал меня за плечи,
Как шептал мне сладкие речи...
Живу я лишь тобой одним,
Ведь в сердце моем любовь поселилась.
Живу я лишь тобой одним,
Мое сердце тебе покорилося.
Хочу, чтобы ты в душе сохранил
Мой мерцающий образ,
Хочу жить тобою одним,
И мой молящий возглас
О том, что я навеки твоя...
Позови, я приду к тебе тотчас...

Фия бесшумно скользнула из ванной, и хотела было уйти, но я жестом остановила ее и указала на кресло рядом с диваном. Она покорно села, кивнув головой, словно спрашивая, чего я хочу. Чтобы не разбудить моего спящего принца, я пальцем указала на него и то, что пока мы не должны по его желанию находиться наедине. Она прекрасно прочитала мою мысль, и я в который раз обрадовалась, что иридане — телепаты.

Лахрет расслабился, задышал ровно и тихо. Выключился сразу. Я сидела, не двигаясь, боясь разбудить его неаккуратным движением. Взгляд скользнул от его широкого открытого лба по линии носа к фигурным, словно вырезанным из мрамора, губам, и остановился на волевом подбородке. Палец несмело коснулся его бровей. Как часто он хмурил их в задумчивости... В этот дивный миг я увидела его совсем другим. Таким родным, своим, близким. Далее палец скользнул к переносице, разгладив серьезную складку меж бровей, и чуть касаясь кожи, прибыл к губам. Там задержался на миг и остановился на скуле. Лахрет словно почувствовал фонтан нежности, захлестывающий меня сейчас, и довольно улыбнулся во сне. И странное дело, меня совершенно не смущало присутствие постороннего рядом.

Хотелось бы мне сидеть вот так неподвижно до тех пор, пока Лахрет впитывал силы через сон, но всем известно такое неприятное ощущение, когда затекает все тело от неподвижного сидения. Затерпают колени, сводит мышцы спины и плеч. Так вот через пару

часов мое тело назойливо начало разъяснять мне все прелести этих ощущений. Я пыталась пересесть, поправить, переместиться в более удобное положение, но всякий раз встречала неосознанное яростное сопротивление со стороны спящего. Иногда завистливо косилась на дремлющую в кресле Фию, которая выбрала себе удобную позу и чувствовала себя преспокойно! Зазвонил коммуникатор Лахрета. Попыталась проигнорировать, но после пятиминутного настойчивого жужжания, я достала его из кармана спящего и приняла вызов. По ту сторону говорил знакомый голос куратора. Очень раздраженный знакомый голос куратора:

— Какого ты меня так подставил! Неужели нельзя было хотя бы в курс дела ввести?! Ушел и с концами! Меня спрашивают, а я не знаю, что говорить. Да еще не отвечаешь на вызовы! Ты где?! — ни тебе здрасти, ни до свидания, а сразу с обвинений. Как привычно!

Как видно, не только со мной наш прямолинейный друг так позволял себе разговаривать. Как всегда и слова вставить не дает. Я приложила динамик к уху спящего. Пущай сам слушает ругань друга. Даже веко не дрогнуло, а тирада продолжалась довольно долго без пробелов и запятых. А вот только я шевельнулась, как возмущенно была помещена в прежнее удобное для него положение. Видимо, сейчас у Лахрета существовал только один раздражитель — я. Пришлось отвечать мне, ибо кое-кто не соблаговолил даже замычать в микрофон.

— Это Лана. Лахрет сейчас не может ответить тебе, Наран. Он спит мертвецким сном праведника!

На другом конце пауза. Потом сбивчивое кряхтение и недовольное бубонение.

— Все с ним ясно... Спасибо, друг, удружил, так удружил! Ничего не скажешь... Ладно, вырулю как-нибудь ситуацию сам.

— Спасибо. Ты будешь настоящим другом, — не подумав, ляпнула я.

С какого это перепугу я перешла на такой фамильярный тон с куратором? А! Не важно! Я быстро отбилась, не желая слушать дальнейшие возмущенные возгласы, кои могли последовать после этой фразы.

Знал ли Наран о нашей с Лахретом небольшой трагедии? Ну, если эту неясную ситуацию можно было таковой назвать... Может, он сам догадался или друг поделился? Не существенно! Важно, что он готов выручить в трудную минуту.

Я со вздохом отложила коммуникатор в сторону. Сон начал смаривать и меня. Устало уронила голову на спинку дивана и прикрыла глаза. Не заметила, как и сама задремала.

Посреди ночи меня разбудил скулеж Забавы. Она требовала моего присутствия. Когда на этот раз я попыталась выскользнуть из-под головы суженого, меня благосклонно отпустили. Осторожно положила подушечку вместо себя и скользнула к своей крохе. Сейчас она была для меня более важным объектом. Так и заснула, но только теперь в удобной позе и уже с привычным грузом на себе и возле себя. Сегодня я стала подушкой для двоих. И как так вышло, что они не могут без меня заснуть?

*** **

Пробудилась от ощущения, что на меня кто-то смотрит. Открыла глаза, сощурившись от падающего в комнату через огромное окно света. На его фоне черный силуэт мужчины, сидящего у кровати, с трудом узнала. Лахрет, заметив, что я ожила, широко улыбнулся. Оказывается, он притащил пуфик от дивана к кровати, чтобы сидеть рядом и смотреть на меня.

— Доброе утро! — сладко потягиваясь, протянула я. — Давно ты тут сидишь?

— Не знаю, не засекал, — он нежно отодвинул непослушную прядь волос, упавшую мне на лицо. — Ты, когда спишь, улыбаешься...

— Хм... не всегда, — я оглянулась на лежавшую рядом Забаву.

Та, вывернувшись на бок, уложила заднюю конечность мне на живот, и мирно сопела. Фии нигде не наблюдалось. Я снова повернулась к Лахрету.

— А где Фия?

— Ушла за завтраком.

— Ааа... — я приподнялась на локтях и задумчиво произнесла: — Ты знаешь, мне часто снится страшный сон... Будто я убегаю от преследователей, страшно боюсь, что они схватят меня... — я жалостливо воззрилась на сидевшего рядом мужчину, но что-то он не очень-то меня слушал.

Его взгляд скользнул от моего лица к плечу. Невольно проследовала глазами туда же и обнаружила беспорядок: бретелька ночной сорочки наглым образом переместилась на середину предплечья и задержалась у локтя. Я скромно поправила соблазнительное обстоятельство, и села в постели, обхватив колени.

— Ты выспался? — попробовала сосредоточить его внимание на своем лице.

Он неохотно оторвался от моего плеча и ответил:

— Почти. Но это первый раз за трое суток. Так что можно сказать, я как на свет снова родился, — его губ коснулась сладостная улыбка, от которой екнуло внутри. — А ты?

— Да. Кстати, вчера Наран тебе звонил на твой коммуникатор. Ничего, что я ответила вместо тебя? Он был так настойчив!

— Ничего.

— Он так бранился!

— Догадываюсь. Я его конкретно подставил, — невозмутимо произнес он, словно говорил о погоде. На его лице не мелькнуло и тени сожаления.

— Расскажешь?

— Да что тут рассказывать? Сбежали те рыбаки, что устроили саботаж на контрольной Кодосской станции. Мы их ищем. Но мой мозг совершенно отказывался работать. Вчера вообще дошел до ручки. Начал имена всех путать. Лирита Забавой назвал. Короче, докатился. Все-таки трое суток не спать... В общем, плюнул я на все, решив, что толку от меня там мало, даже больше вреда. Заснуть без тебя все равно не мог и, вызвав на место Нарана, прилетел сюда, так его и не дождавшись. Ты уж прости, что так на тебя вчера набросился. Просто я уже на пределе.

Я смотрела в его честные глаза и удивлялась той простоте, с которой он так откровенно говорил мне о своей достаточно интимной проблеме. Виновато опустила глаза. Услышала рядом насмешливый вздох и вскинулась. Лахрет ухмылялся, поняв мою мысль. Ох, уж эти телепаты! Ничего нельзя от них скрыть. Я сползла с постели, стала сзади него и погладила по голове. Он, как котенок, отозвался на ласку и довольно замычал. Легкий шелест простыни сообщил, что моя серебристая прелесть на кровати решила пробудиться от сладостного младенческого сна. Первый ее вопрос был:

— А где Лирит?

Я передала ее вопрос Лахрету. Тот насмешливо фыркнул и большим пальцем указал на балкон. Там, действительно, красовался темный силуэт нура. Его клиновидная голова заинтересованно рассматривала нас через окно. При его упоминании, нур довольно прорычал и фыркнул подобно своему наезднику, просунув нос в щель балконной двери.

Гардина порывисто дернулась в такт потока воздуха из ноздрей Лирита и медленно вернулась назад.

— Хочешь, иди к нему, поздоровайся, — обратилась я к будущей королеве вслух, чтобы Лахрет слышал нашу беседу.

Та скромно скрутилась в калачик:

— Я просто так спросила!

— Как хочешь, — прыснула я и направилась в сторону ванной.

Меня ловко поймали за талию и прижали бедром к голове, так как Лахрет продолжал сидеть.

— Погоди... Побудь еще рядом...

Никогда не думала, что подобные нежности, да еще и с самого утра, могут доставлять столько удовольствия! Каждая секунда, проведенная рядом с этим удивительным мужчиной, влияла все больше и больше на меня, делая смелее, увереннее в себе, женственнее. Через минуту обтирания щекой моего бедра, он отпустил меня в ванную комнату, куда мне очень надо было попасть. Когда я вернулась, Фия уже привезла завтрак и расставила его на столике подле дивана. Лахрет с сосредоточенно-задумчивым лицом, расставлял приборы. Села напротив. Он покосился на меня все тем же задумчивым взглядом.

— Ты куда сегодня? — спросила я его, беря в руки что-то похожее на вилку.

— Буду с тобой, — он ответил мысленно, явно не желая, чтобы каота нас слышала. — Я уже перешел тот рубеж, когда могу быть вдали от тебя. Прости, но придется тебе меня терпеть. Сегодня пятый день недели. Завтра мы летим в твой поселок к твоим родителям. Я уже связался со своими. Они вроде бы оба довольны моим выбором. Мама уже нашла званцев. Так что переживем эту ночь и... — в его глазах блеснул подозрительный огонек.

— Ясно... — выдохнула я вслух.

— Может, мне выйти? — Фия догадалась, что мы перешли на мыслеобразы.

Я бросила вопросительный взгляд на жениха. Тот пожал плечами.

— У тебя есть дела? — спросила я каоту

— Да. Так что, если я вам не нужна, я пойду. За столиком вернусь позже.

— Хорошо, — я взглядом провела прислужницу, пока та не затворила за собой дверь.

Лахрет, молча, продолжал кушать. Прогонар, привезенный Фией, сегодня был особенно вкусным. Я задумалась о его словах.

— А о каком ты только что рубеже говорил?

— Только что?

— Угу, — я отправила в рот кусок прогонара.

— О физическом. Ты не знаешь... но до интимной связи с тобой, я привязан к тебе. Рубеж, о котором я сказал — это возможность быть без тебя. Теперь мне одна дорога. Ты знаешь, о чем я...

Я почувствовала, как неловкая волна смущения окрасила мои щеки. А в животе запорхали бабочки. Но я постаралась сделать деловой и серьезный вид и продолжила:

— С какого момента? Еще с того дня?

— Почти. Скорее со вчерашнего. Я думал, что то, что рассказывали мне о гормональной привязке к женщине, поцеловавшей мужчину, ерунда. И что ее легко преодолеть. Увы, я ошибался. Видимо, моя самоуверенность сыграла надо мной хорошую шутку. Это действительно, сильнее разума.

— Мне сказали нечто другое...

— Что?

— Что мужчина может пережить эту самую гормональную привязку относительно спокойно, если не любит женщину... — при этих словах я засмушалась.

Создалось ощущение, что я выпрашиваю у него признание в любви. Он широко растянул губы в согласной улыбке.

— А ты сомневалась в моих к тебе чувствах? Думаю, все очевидно.

— Я... — глаза сами опустились вниз и встретили вопросительно-изучающий взгляд Забавы.

Та, проглотив почти целиком принесенную рыбу, внимательно следила за нашим диалогом, тихонько сидя подле кресла.

— Ты не переживай, я не трону тебя. Я выспался и полон энергии. Тем более Забава, уверен, меня удержит от необдуманных действий, — произнес Лахрет, думая, что успокаивает меня.

Но я не слышала его, уйдя в мир войны моих тараканов. Если честно, мне трудно было понять, почему он так держится, и эти все правила о подписании контракта... Я не знаю, что произошло со мной, но со вчерашнего дня, точнее с вечера, поняла, что и у меня где-то есть некая кнопка желаний. Я каким-то образом нажала ее. Теперь внутри росла жажда его объятий в арифметической прогрессии. Лахрет был настолько нежен и аккуратен, что это еще больше раззадоривало меня. Любое его прикосновение вызывало во мне приливы голода близости. Он мне сейчас что-то говорил о контракте, о том, что делают званцы, а я, вместо того, чтобы слушать, рассматриваю его губы, подбородок, глаза. Стыдно признаться, но мне так хотелось сейчас всем телом прижаться к нему, впитать его силу, слиться с ним воедино и будто пить его нежность и желания. Мужчина замолчал, заинтересованно вглядываясь в мое лицо.

— Лана?

— Ууу? — я словно вырвалась из забвения.

— Пожалуйста, осторожнее с мыслями. Я их слышу.

— В смысле? Что не так?

— Ты часто бываешь скрытой для меня, но сейчас я отчетливо слышу... ощущаю кожей...

— Что? — удивленно вскинулась, выпрямив спину.

— Я чувствую твое желание, — он нахмурился.

— Какое желание? Ты о чем? — я попыталась претвориться дурочкой, хотя прекрасно понимала, о чем он говорит.

— Ты знаешь, о чем, — быть строгим у него не вышло. — Это мне льстит и нравится, но я тогда начинаю терять самообладание.

— Скажи, а зачем нужен этот контракт? Может... — я кокетливо взмахнула ресницами, и послала ему пленительную улыбку. — Ну его... а?

Он слегка отодвинулся, чтобы не искушать судьбу, и с собранным видом мученика ответил:

— Ради законности наших отношений. Многое стоит на кону. Если я вступлю с тобой в связь без контракта, меня могут обвинить во многих грехах. Мы пострадаем оба. Ты должна была уже узнать это из некоторых уроков этики, — на лице Лахрета мелькнула тень напряжения. — Я не могу уйти от тебя, но прошу о помощи с твоей стороны. Если ты будешь сдержана, я справлюсь.

— А как они узнают? Мы никому не скажем... — я кокетливо скосила на него взгляд, и приблизилась, опершись на руку.

В этот момент я казалась себе грешной обольстительницей и коварной искусительницей. Он устремил на меня ломающийся взгляд. Внутри у него все протестующе сжималось и толкало ко мне, однако в глазах горело здравомыслие.

— Поверь мне, узнают. Тот, кто ищет, всегда найдет. Врагов у меня достаточно, так что этот необдуманный шаг пойдет им на руку. А ты сейчас...

— Хочу, чтобы ты меня обнял? Да, это правда. Хочу, — его тирада почему-то меня рассердила. — Но эти твои... «нельзя, у меня полно врагов», меня добивают! — состроив трагичную гримасу и закатив глаза, я выровнялась и медленно встала из-за стола. — Тогда уж лучше я пойду! До встречи вечером! Забава, на выход!

И я демонстративно развернулась к выходу.

— Пстой!

— Что не так?! — я деланно нахмурилась и театрально повернула в его бок профиль.

Он поднялся, подошел, и через пару секунд я оказалась в его объятиях. Его губы страстно прижались к моей шее. Растаяла, довольная, что осуществила свое желание, правда таким диким шантажом... Но кому сейчас легко? Кровь вулканом взорвалась в жилах и забурлила горной рекой. Я мгновенно ощутила его желание, волнами хлынувшее в мою взволнованную голову. Большая мужская рука скользнула от моих лопаток до талии и остановилась чуть-чуть ее ниже, не смея опуститься далее. Фантазия бурно написала картину маслом под названием «Мы вдвоем чрезвычайно близко...»

— Ланочка, я люблю тебя, и все твои эмоции ощущаю очень отчетливо, — его губы уже шевелились в области моей макушки, а голос напряженно дрожал. — Я понимаю тебя и хочу тебя всем своим естеством, но нам нужно соблюсти правила. Ты ведь не простая женщина, ты — кашасу. Ты принадлежишь Иридании. Ты, благодаря своей Забаве, имеешь просто немыслимую власть, о которой даже не догадываешься. Завладев тобой, я заявлю права на положение лорта, и если начну с такого шага, то с самого начала вызову на себя неодобрение всего общества. Как я буду дальше участвовать во взятых на меня обязательствах тогда? Я ведь прекрасно понимаю, что на меня наложит чин лорта.

— Ах! Это... я как-то и забыла, что являюсь наездницей не простой ниясыти, а будущей королевы-матери, — я недовольно скривилась, чувствуя как бабочки в животе многочисленным роем запорхали по всему телу.

Уронив затылок на плечо мужчине, и вжимаясь всей спиной в его тело, я устремила взгляд в пьянящие голодные глаза. А ведь он прав. И то, что я кашасу, действительно налагает на меня не только привилегии, но и обязанности. Лахрет о них помнит, я — забыла. И кто из нас под контролем гормонов? Это еще надо проверить! Где эта моя кнопка желаний? Надо как-то выключить всякие «хочу его» и тому подобное, а то доведу мужчину до греха. Недовольно всхлипнув и покорно вздохнув, я отодвинулась от него и, не смея поднимать глаз, трагично хмыкнула. Он произнес:

— Сегодня в арреторге состоится ежемесячное собрание. Я должен быть там.

— Хорошо. Лети, — безропотно кивнула я.

— Я без тебя не могу.

— Так, как я туда полечу?

— Ты же помнишь, что ты — кашасу?

— Угу, — я, наконец, посмотрела в его черные глаза.

— Хотя от тебя не требуется пока участвовать во всех мероприятиях, пока ты учишься, но ты имеешь полное право на них присутствовать. Твой долг сейчас — Забава. Но, когда она поднимется в свой первый брачный полет, твое обучение в атконноре закончится. На тебя ляжет вся ответственность кашиасу. Тогда тебе нужно будет присутствовать на всех подобных мероприятиях...

— Что ты мне сейчас пытаешься объяснить? — перебила я его.

— Что, если ты сегодня пропустишь учебу и полетишь на это собрание, тебя никто не посмеет осудить.

— Ты хочешь, чтобы я все-таки сегодня полетела туда с тобой?

— Так.

— Так бы сразу и сказал, а то какие-то обязанности, долг! Тогда мне стоит переодеться?

— Как считаешь нужным. Но лучше одень что-нибудь удобное. Мы полетим на Лирите.

— Ладно. Я буду готова через пять минут.

— Я предупреджу администрацию атконнора и буду ждать тебя на балконе, — и он, скользнув губами по моей щеке, вышел прочь из комнаты на балкон.

Я оглянулась на Забаву, которая терпеливо сидела на пороге и ждала, когда я куда-нибудь пойду.

— Ну, что, Забава! Сегодня мы прогуляем с тобой не урок, а целый день! Мы летим в арреторг, то есть в небесный Ир!

Та послушно крикнула и поковыляла в сторону балкона. Она прекрасно понимала, что за разговор состоялся у нас с Лахретом и, молча, все принимала. А я же периодически забывала о том, что это создание живет моими эмоциями и чувствует практически то же самое. Наверняка, и мои желания чувствует, но молчит. Милое и тактичное дитя. И в кого она такая? Я провела ее взглядом до балкона и подошла к комоду.

Однако, порывшись в своем комоду, я обнаружила, что совершенно нечего надеть! Я так привыкла к учебному комбинезону, что даже не задумывалась, в чем ходить в неучебное время.

— Лахрет! — крикнула я мужчине.

— Что, — он заглянул через дверной проем балкона.

— У нас сколько времени до собрания?

— Три часа.

— Мы можем в Ире залететь в какой-нибудь магазин и выбрать мне что-нибудь из одежды? Мня нечего надеть! Я как-то об этом не заботилась раньше, а теперь... — голос мой явно не звучал радостно. — У меня уже деньги есть, так что...

— Хорошо, — быстро согласился он. — За деньги не переживай. Тогда пошли? — он жестом пригласил меня на выход, когда я облачилась в привычный учебный комбинезон.

— А как же Забава? — спросила я ятгора, когда мы все стояли перед краем балкона-терассы. — Она же не умеет толком летать! А особенно через зияние!

— Об этом не беспокойся. Лирит ее понесет в лапах.

Я скептически осмотрела нура, нахмутив лоб.

— А он выдержит нас троих?

— Выдержит, — легко подкинув меня на спину, ответил Лахрет и сел сзади. — Ты только вели Забаве прыгнуть с балкона самостоятельно. Он ее поймает. Пусть лишь слегка напряжет свои крылья.

— Она уже умеет летать. Ну, почти. Не долго.

— Конечно. Я знаю. Но через зияние пока нет, так что лучше пусть доверится Лириту.

Забава, поняв Лахрета и без моего толкования, ловко нырнула вниз, распахнув еще не совсем окрепшие крылья, и самостоятельно подвернулась нуру в лапы. Тому лишь стоило ее захватить в свои объятия.

Дальше все, как и в тот первый раз. Воздух впереди заволновался. Потом вокруг возник перламутровый пузырь защитного биополя Лирита. А далее смазанная радужность «белого ничто» зияния. Забава сообщила мне, находясь в лапах нура, что ожидала большего. И ее совсем не впечатлило это зияние. Мало того, она прекрасно и сама могла бы его открыть и впустить нас в него.

— Практики у тебя нет, чтобы так рисковать нами всеми, — поучительно заметила ей я.

На что получила ответ в стиле, что она королева и у нее перемещение в зиянии в крови. Что это так же легко, как и дышать. Спор мы закончили у огромного торгового центра. Он собой снаружи представлял высоченный монолитный прямоугольник со сплошными стенами из зеркального стекла. Лахрет велел Лириту присмотреть за Забавой, объяснив, что в общественных местах лучше оставлять своих ниясытей где-нибудь на настэ и тому подобном. Некоторые люди до сих пор побаиваются ниясытей.

В торговом центре Лахрет ориентировался довольно легко. Видимо не в первый раз здесь. Он быстро нашел нужный отдел. Когда мы шли вместе, люди учтиво кланялись и уступали дорогу. Моя диадема, зуру то есть, говорила красноречивее всего. Во мне сразу признавали кашасу. Но я заметила, что и Лахрета все легко узнавали, и весьма почтительно кланялись ему. Он относился к этим знакам почтения сдержано и старался не обращать на это внимания.

— Я вижу, тебя все хорошо здесь знают, — прокомментировала я.

Он лишь пожал плечами, не желая ничего объяснять. Явно это ему не доставляло удовольствия, что меня не сколько удивило, сколько впечатлило. Я сделала для себя вывод, что выбранной мною мужчина не страдает честолюбием. Очень интересно... Возьму себе на заметку.

В самом отделе одежды продавцы оказались очень расторопными. И вскоре в моей примерочной было несколько подходящих костюмов и платьев. Их мне выбирал сам Лахрет. Хочу сказать, что вкус у него весьма не дурен. На цену он не смотрел и велел мою платежную карточку засунуть в... куда подальше, в общем, заявив, что в состоянии оплатить покупки своей невесты. Я на первых порах сделала робкие попытки возражать, но встретив непреклонный взгляд мужчины, заткнула фонтанчик. Меня иногда пугала личность этого человека. Бывало, так вот глянешь на его лицо и понимаешь, что спорить просто бессмысленно. Но попытку возразить сделать стоило.

Многие вещи он велел брать не думая, потом буду носить, раз у меня совсем нет, чего одеть. А на сегодня он выбрал мне голубую тунику с восхитительной вышивкой от горловины в форме лодочки по всей ее длине и мысом посередине до линии талии. Иридане вообще любят вышивки больше, чем вычурность фасонов. Вышивка была выполнена перламутровыми нитями с брызгами бисера. И под эту тунику легкие свободные штанишки того же цвета. Все остальные наряды он велел доставить на адрес атконнора на имя кашасу Ланы Арамс. Девушки-продавщицы часто тихо перешептывались, делясь своими впечатлениями друг с другом. Все-таки, несмотря на всю свою физиологию, женщины Иридания умели удивляться. И вообще, проводя долгие и пристальные наблюдения, я

пришла к выводу, что ириданские женщины холодны только с мужчинами. Словно отношения с ними доставляли им, мягко говоря, дискомфорт. Для меня это казалось диким. В остальном, в принципе, их эмоции довольно часто можно было увидеть на их лицах и, скажу вам, довольно выразительные.

Но это отклонение от темы. Выбрав кое-какую одежду, Лахрет потащил меня в ювелирный отдел. И там нас тоже быстро узнали. Сразу начали предлагать новинки и жемчужины коллекций. Я только и делала, что охала да ахала на все эксклюзивы. Мне нравилось абсолютно все, что показывали. Моему же искушенному кавалеру не все пришлось по душе. Он выбрал мне дорожущее ожерелье, похожее на брызги инея на тонких нитях. Такие же серьги и кольцо... Кольцо...

Что-то больно кольнуло меня в памяти. Что-то напомнило это ювелирное украшение. Где-то, скорее, на подсознательном уровне, чем в здравом уме, я выбрала отдельно мужское кольцо и, состроив гримасу в стиле «не смей со мной спорить!», велела ему примерить его на безымянный палец правой руки. Потом, со словами: «Это мой подарок!», я протянула свою платежную карточку продавцу. Лахрет был в стопоре. Однако, спасибо ему, не стал спорить. Причем подарок я захотела ему надеть сама. Когда надевала, механически прошептала:

— Обещаю быть с тобою и в печали и в радости, в болезни и в здравии, в нищете и в богатстве, в славе и в бесславии. Обещаю всегда любить тебя и быть верной только тебе одному... Любить тебя, пока смерть не разлучит нас...

Он удивленно взвел брови, а в глазах вспыхнула необъяснимая радость, смешанная с потрясением. Одев, он поднес руку к губам и поцеловал простое золотое кольцо, произнеся: «И в печали и в радости... Буду любить тебя всегда...» Прямо целый ритуал вышел! А потом, при продавцах и малочисленных покупателях, он наклонился ко мне и нежно, еле слышно коснулся губами моего лба. Некоторые ахнули то ли от глубокого изумления, то ли от шока, то ли от возмущения. Однако не посмели осуждать. Для окружающих людей поведение наездников, их неожиданные эмоциональные порывы и непредсказуемые поступки уже давно воспринимались как норма. Те, кто их хорошо знал, вообще не удивлялись ничему. Я не обратила на их любопытные лица никакого внимания, вскинув на своего суженого глаза полные невыразимого счастья и восторга. Потом все расплылось в слезной пелене.

— Что ты... — прошептал он и обнял за плечи. — Откуда слезы? Ланочка...

— Это мне что-то напомнило... что-то из моего прошлого, но что...

— Звездочка моя, я не могу выдержать слез в твоих глазах. Что мне сделать, чтобы их не было?

— Ничего. Это от счастья...

Он потрясенно уставился на меня.

— Я никогда не видел, чтобы женщины плакали от счастья... — его брови выровнялись в задумчивую линию. — Лана, никто из ириданских женщин не плачет от счастья...

— Значит, я первая, — я шмыгнула носом и вытерла непослушную слезинку из-под глаз.

Он пораженно выдохнул и прижал меня к груди. Через мгновение отодвинулся и произнес:

— Надо лететь. Уже время.

— Угу, — я спряталась за спиной Лахрета, чтобы скрыться от любопытных глаз.

На улице ясно светило солнышко, согревая каменные тротуары и дороги. Облака скрылись за горизонтом, оставив территорию полностью небесному светилу. Я задрала

голову, слегка прищурившись летнему небу, и довольно прильнула спиной к телу сидящего сзади на Лирите мужчины. Мы летим в небесный Ир. Велев нуру подняться высоко, Лахрет посмотрел сверху на земные строения, терявшиеся в густоте зеленых насаждений города, а потом скомандовал целиться к арреторгу. И опять волнующая радужность зияния. Я, наверное, не скоро привыкну к этому удивительному ощущению «ничего» подпространства.

В небесном Ире я уже была второй раз. Весь Ир так и не смогла увидеть сегодня. Лирит доставил нас прямо к входу в то самое здание арреторга (так иридане называли свой белый дом).

Арреторг являл собой законодательное учреждение Ира. По-сути, это место, где решается судьба всей Иридании. Строение это не отличалось какой-либо архитектурной креативностью и замысловатостью, как другие сооружения небесного города. Чем, скажу, и выделялось. Простотой и невыразительностью. Однако, несмотря на это, внушало восхищение. Находясь на возвышенности, оно было видно со всех сторон и построено в идеальной симметрии. Со всех четырех сторон здание имело четыре тождественных фасада с крытыми галереями, перекрытия которых опирались на колонны. Последние поддерживали то самое перекрытие с помощью арок. К ним с каждой стороны вела широкая и длинная лестница с балюстрадой, к низу раскрывавшаяся в виде лилии. Сам центр здания походил на ротонду, увенчанную куполом в середине и возвышающуюся над плоской крышей окружающего строения.

Когда мы с Лахретом вошли через портик арреторга, отправив Лирита с Забавой занять отведенные для них особенные места вверху на настэ, оказались в длинной галерее. В ней с продольной стены со стороны входа был сплошной ряд больших окон, а противоположная глухая стена уходила высоко вверх. На этой стене были размещены произведения живописи и скульптуры.

Мы прошли в противоположную дверь и оказались в коротком коридоре. Он вел в большой холл, в котором у противоположной от выхода стороне располагалась лестница, разветвляясь у стены на две стороны и уходя к узким и невысоким дверям в углах холла. Строго под каждой дверью под лестницей, как под козырьком, были раскрыты подобные двери на первый этаж.

В холле толпилось много народа. Негде и яблоку упасть. Воздух дрожал от гула голосов общающихся присутствующих. Но как только мы с Лахретом переступили порог, наступила гробовая тишина. Десятки глаз обратились в нашу сторону. Такое ощущение, что они все это время до нашего прихода говорили о нас, а теперь притихли, как пойманные врасплох заговорщики. Лахрет остановился, давая всем как можно лучше нас рассмотреть. Нател! Любуйтесь! Я же занялась аутотренингом, внушая себе, что все будет хорошо. Повторив это «заклинание» себе раз десять, я чуть слышно выдохнула. Искренне хотелось верить, что никто не догадался, как мне сейчас было страшно! Мой спутник крепко сжал мои пальцы, желая успокоить меня, но ему это удалось слабо. Лахрет же держался выдержано и спокойно. Еще бы! Он здесь как рыба в воде! Его каждый хлыщ тут знает. Он обвел всех пронизывающим цепким взглядом.

Через несколько мгновений послышался легкий шепот. То, что сейчас они увидели, было красноречивей всех слов и слухов. Теперь они могли воочию убедиться в довольно очевидных отношениях странной девушки из поселка Со, наездницы молодой королевы, и весьма известного ятгора Ира Лахрета Ноа. Рассмотрев нас с особым пристрастием, люд зашевелился, сделав вид, что потерял к нам всякий интерес. Лишь тогда мы двинулись

дальше.

Из толпы выделился один мужчина в черном мундире с белым воротником, манжетами и эполетами. Подошел. Вежливо поклонился:

— Приветствую вас! Довольно неожиданно видеть вас здесь, иата Лана Арамс.

Мужчина имел невысокий рост, где-то по плечо Лахрету, кудрявые волосы, что было немалой редкостью среди ириданцев, и острый нос. Смотрел он на нас травянистыми зелеными умными глазами. Надо что-то отвечать... Но что? От страха горло свело судорогой.

— Добрый день, — кивнула я, — господин... — сделала паузу, ожидая, что он представится.

— Простите мою невежливость! — он учтиво склонился. — Меня зовут Ханам Кос. Министр внутренних дел Иридания. Почти коллега вашему спутнику, — его улыбка показалась мне неискренней.

— Очень приятно, господин Ханам. Я решила посетить это мероприятие, желая узнать лично его порядок проведения и обсуждаемые темы. Хочу с самого начала отнестись со всей серьезностью к своим обязанностям, как кашасу Ира, — я старалась говорить мерно и спокойно, сдерживая предательское дрожание голоса.

Тот растянул свою лживую усмешку еще шире:

— Чрезвычайно восхищен вашей ответственностью, иата, восхищен!

У меня аж зубы свело от его лицемерно-елейного выражения лица.

— И тебе здравствуй, Ханам! — съехидничал Лахрет, обратив на себя внимание.

Тот иронично хекнул, кивнув ятгору.

— Здравствуй, Лахрет, здравствуй. Что ж, позвольте с вами проститься. Хотел проявить почтение и другим.

— Да-да, конечно! — с готовностью кивнула я, радуясь, что этот скользкий тип уходит.

Лахрет увел меня от прохода. Далее к нам стали подходить другие важные персоны. Имена! Имена! Имена! У меня с ними крупные проблемы. Стыдно будет, если снова кто-то подойдет, а я забыла имя, но я все-таки почтительно кивала и вежливо улыбалась. Пока не подошла Мара Ниасу. Ее я, конечно, узнала, но не узнала ее взгляда. Что-то в нем в корне поменялось с последнего раза, как я ее видела. В нем было что-то весьма нехорошее, неприятное, от чего стыла кровь.

— Правду ли говорят, что ты уже нашла себе избранника? — меня удивило, что она обратилась только ко мне, хотя Лахрет стоял рядом.

Боковым зрением увидела, как он недовольно сощурился, сдвинув брови.

— Да, правду, — в замешательстве кивнула я. — Я выбрала Лахрета, — мой взгляд упал на хмурое лицо моего спутника. Эти слова я еле выдавила из себя. — Мы завтра будем оформлять контракт.

— Так быстро? — она взвела удивленно брови. Потом недовольное выражение лица сменилось возмущением. — Почему вы не сообщили об этом мне?! — теперь она уже обращалась к нам обоим, переводя широко распахнутые глаза то на меня, то на Лахрета. — Это вам не игрушки! Это дело государственной важности!

— Это разве бы что-то изменило? — не ожидала от себя такой смелости, которая росла параллельно возмущению шиасу. — Я сделала выбор и, думаю, никто не имеет ничего против. А если и имеет, это его личное дело. Это мое решение и Лахрета.

— Ошибаешься, милочка, — мне показалась, или она это прошипела сквозь зубы? —

Ланочка, деточка, выбор лорта — дело государственной важности и тебе должны были сообщить, что в этом должна участвовать старшая шиасу города! Ваш союз всецело зависит от моего одобрения. А я не одобряю!

— Правда?! — у меня выросло большое желание ударить ее чем-нибудь твердым, но сдержалась. В чем-чем, а в выборе мужа я хочу участвовать самостоятельно. — Мне сказали, что в мой выбор никто не должен вмешиваться, ведь это касается продолжения рода ниясытей. И чем добровольнее будет мое решение, тем лучше! А Ир примет мое решение.

— Кто тебе это сказал?! — она потрясенно вздернула подбородок.

— Мой куратор, Наран Ниасу! — я повторила ее движение.

Она вспыхнула, раздув в негодовании ноздри, но сказать не имела что, будто имя ее сына закрыло ей рот. Лахрет наблюдал нашу беседу молча, переводя угрюмый взгляд с меня на старшую шиасу, и назад. Что он думал сейчас, было сложно понять. Но почему она сердится? Что я сделала не так? Не спросила ее мнения? А если бы она была против, разве бы это что-нибудь изменило? Может, другая бы и побоялась ее влияния, а я... я не хочу позволять никому влиять в подобном решении на меня. Это слишком серьезный шаг, чтобы слушаться руководства других. Мне жить с этим человеком, целовать его, спать с ним, решать трудности, радоваться жизни. И если не любимый, то зачем он мне? Но Мара явно была другого мнения. Она с силой сжала кулаки, стиснула зубы, сверкнув глазами.

— Он тебя ввел в заблуждение. Уже веками лорта для кашиасу выбирает старшая шиасу города. Ты не имеешь право что-либо решать без моего ведома!

Я даже не заметила, как все вокруг затихли, прислушиваясь к нашему разговору. Что я могла ответить на это? Нервно сглотнув вязкую слюну, я оглянулась на стоящего рядом Лахрета и впервые увидела в его глазах злость и презрение. Я понимала, что в этот момент с его стороны вмешиваться в нашу «милую беседу» с шиасу Ира было бы неправильно. Я должна сама отстоять свое решение. От этого сердце испугано сжалось. Что он сделает сейчас? Я выпрямила плечи и произнесла:

— И что же вы сделаете, если я послушаюсь?! Казните меня?

Она дернулась, как от удара. Видимо, шиасу не ожидала такого отпора.

— Послушайте, Мара! — я постаралась сделать тон голоса более уверенным. — Это мое решение. Я ничего не нарушила из основных правил Иридании. Лахрет Ноа — не только наездник нура, как того требуют основные положения, но и влиятельная особа нашей страны. Он — ятгор! Я не представляю более подходящей кандидатуры на пост лорта! Он — человек сведущий во многих законах и нюансах не только госуправления, но и многих серьезных моментах и проблемах всей Иридании. Я бы поняла ваше несогласие, если бы я выбрала молодого и неопытного юношу с моего потока, а так... у ваших претензий нет явных оснований. Скорее это ваша личная неприязнь. Так что я попрошу её оставить при себе, иата Мара Ниасу.

С каждым моим словом лицо правительницы не только Ира, но и всей Иридании, вытягивалось все сильнее и сильнее. Видимо, она никак не ожидала подобного отпора от какой-то там простушки из забитого пригорода.

— Ну-ну, — наконец, выдавила она из себя, сверкнув гневно глазами.

Затем, гордо вскинув упрямый подбородок, она круто развернулась и ушла прочь к лестнице, ведущей в главный зал Совета. Я подняла глаза на Лахрета и облегченно выдохнула, будто задыхалась и вылезла из воды. Он смотрел на меня задумчиво-благодарным взглядом. В голове возник его вопрос:

— Ты действительно так считаешь, или ты просто по природе упрямая?

Мои губы слегка дрогнули в улыбке, и я ответила чуть слышно:

— Я выбрала тебя. Это мое решение. Почему она так ведет себя? Я не ожидала от нее такой реакции. Ранее она показалась мне более приветливой

Лахрет иронично вспрыснул и выпустил мою руку, положив ладонь на мою талию, сдерживая порыв обнять при всех.

— Это особенная женщина, — Лахрет говорил мне на мыслеобразах, пряча свои слова от посторонних ушей. — Мара слишком опасна, чтобы тягаться с ней. То, что ты сейчас говорила, указывает скорее на твое неведение, чем на смелость. Каждая женщина в Ире знает, насколько Мара может быть опасна в гневе. Ее надо на самом деле бояться.

— Ты ее боишься?

— Не совсем. Опасаюсь. От этой женщины можно ожидать всего. Пока все идет так, как она хочет, она бывает доброй и приветливой. Если же нет... Мне жаль того, кто вызвал ее неодобрение.

— Тебе и меня жаль? Лахрет, ты меня пугаешь...

— Не стоит. Мы не из тех, кто должен ее бояться. У нас есть защита, которую она преодолеть не в силах. Но нам лучше с ней быть поосторожней пока, Лана. Пожалуйста, избегай ненужных встреч с ней. Особенно после этого разговора. Поняла? — я озадаченно кивнула, бросив косой подозрительный взгляд туда, где шиасу скрылась за дверями. — Через пять минут начало. Тебе надо наверх. Там этаж лортов и шиасу, — он кивком указал на лестницу. — Иди, потом поговорим еще об этом. Мое место пока еще внизу среди министров.

Только он это сказал, из зала вышел мужчина в красном лакейском одеянии с черными воротником, лацканом и манжетами, и выкрикнул, что до начала осталось действительно пять минут, приглашая всех занимать свои места. Я кивнула Лахрету и несмело зашагала к лестнице. Теперь я осталась одна и мужество мое куда-то улетучилось.

Я понимала, что там наверху сидит недовольная мной Мара, которая уже заимела первый зуб на меня. И так понимаю, если продолжу упорствовать, это будет объявлением ей холодной войны. Но по-другому я не могла. Выбрать кого-то другого, а не Лахрета?! Уже в голове не укладывалось. Никогда! Пусть подавиться слюной от злости, изойдет беленой, воеет как белуга, но плясать под ее дудочку не буду! Правда после слов Лахрета, всерьез задумалась над своим поведением возле этой, оказывается, непростой женщины. Размышляя над его словами и вяло перебирая ногами, я незаметно для себя очутилась перед дверью на второй этаж. Открыла створку и замерла.

Зал Заседаний я увидела в первый раз и была ошеломлена до глубины души его грандиозностью и помпезностью. Это был огромный зал, где-то на 500 мест, округлой формы, увенчанный куполом. Сразу под куполом, по всему диаметру там, где начиналась стена, белел узким кольцом оконный проем. От него наружу отходил широкой площадкой настѣ, на котором восседали ниясыти всех присутствующих. Там были и королевы. Среди них я узрела и мою малявку. Она выделялась габаритами. В стальном силуэте сидящего рядом нура узнала Лирита. Он не мог ее оставить одну. Таков приказ Лахрета. Оторвав взгляд от яркого оконного кольца, свет из которого освещал весь зал, опустила его вниз. Сама я стояла на узком балконе, опоясывающем зал посередине. С него хорошо просматривалась на маленьком пятачке трибуна оратора с пюпитром для выступающих. Вокруг сей возвышенности невысокими ярусами поднимались ряды с сидениями для членов

совета.

Я посмотрела направо, куда заворачивал балкон от двери, у которой стояла. На нем на мягких роскошных креслах, обитых пурпурным бархатом, удобно развалившись, сидели члены Высшего Совета, то есть лорты и шиасу. Все с властными выражениями лиц, самоуверенные и самодовольные (главная частица здесь «само»). Поглядев на меня ленивыми взглядами, прекрасные лица властимущих равнодушно отвернулись от меня. Моя персона была им не особо интересна. Лишь две молодые кашиасу Ира приветливо кивнули. Я скромно села недалеко от выхода, не желая присоединяться ни к кому. С первым, сидящем ближе всего, меня отделяло два кресла. Видимо, это не сильно озаботило остальных. Гордость от них разила так же, как и их отличительные ниясытские запахи.

Я постаралась не обращать на это внимания. Попыталась взять себя в руки. Сжала кулаки и на минуту зажмурилась. Досчитала до десяти. Выдохнула. Открыла глаза. Все будет хорошо! Эту мантру я должна повторять каждую секунду. Итак, до начала Заседания оставалось где-то минуты две. Попробовала снова повернуть голову к сидящим рядом. Все-таки нужно проявить уважение и, в конце концов, искать союзников. Для чего? Потом придумаю. Самым крайним и ближе всего ко мне сидел муж самой младшей кашиасу Ира Рии. Молодая женщина сидела рядом с ним. Увидев, что я посмотрела на них, она даже улыбнулась мне. Надо же! Я ей приветливо кивнула в ответ. Может быть, смогу с ней подружиться? Другие равнодушно-скупающим взглядом глядели вниз. Ладно. Я тоже обратила свой взор туда же. За небольшими выдвижными столиками сидела ближе к центру наша так сказать Законодательная власть. Тот самый Совет. Высшим Советом считалась группа из лортов и шиасу, как я и говорила.

Итак, прозвенел негромкий звонок, оповестивший всех о начале Заседания. В центр вышел тот самый мужчина в красном фраке. Как я потом узнала, это был председатель Совета, то есть Говорящий или спикер. К основным функциям Говорящего относится организация заседаний палаты Совета (надзор за соблюдением регламента, предоставление слова отдельным участникам, оглашение результатов голосований) и руководство его должностными лицами. Именно он и объявил о начале Заседания.

— Двенадцатое Заседание Палаты Советов объявляю открытым! Главной повесткой дня является ситуация на границе. Ситуация нестабильности Защитного поля Иридании. Доклад подготовил Глава Службы Безопасности Иридании ятгор Лахрет Ноа. Прошу, господин Лахрет, вам предоставляется слово, — он легко сошел с возвышения трибуны.

Вот так вот тебе, сходу! А Лахрет не говорил, что он должен был первым выступить. Но, итак... Я начала искать его глазами. Увидела лишь, когда он поднялся со своего места и, делая неспешные обманчивые движения, полные уверенности и силы, направился к трибуне.

Вышел. Стал. Медленно обвел всех невозмутимым взглядом. Потом без излишнего пафоса заговорил:

— Приветствую всех здесь собравшихся! Моя задача раскрыть ситуацию на границе. Первое: на проливе Сантароне, вследствие сильного шторма, было разрушено рыболовецкое поселение. Из-за этого пропускной пограничный пункт закрыт, — затем он начал перечислять комбинаты и филии рыбоперерабатывающих фабрик, которые тоже были закрыты.

Все прекрасно понимали, что прекращение поставок рыбы сильно скажется на состоянии ниясытей, ибо сие продовольствие является основным источником пропитания крылатых защитников Иридании. Этого никак допускать нельзя. Поэтому многие

недовольно загудели. Лахрет вскинул руку и призвал всех к тишине, так как обсуждение должно быть только после того, как он закончит доклад. Далее он сообщил о повышении мер контроля на этих самых пропускных пунктах. Сообщил об увеличении количества нападений таракон на рыболовецкие суда за пределами поля. Дело в том, что для получения достаточного улова для удовлетворения всех потребностей населения Иридания, многим рыбакам приходится покидать кордон. Таких смельчаков всегда сопровождал как минимум один наездник. В основном нириты, так как они являются самыми лучшими дозорными.

Но это я отошла от темы. После этого сообщения, все-таки, поднялся шум. Стали кричать о льготах рыбакам, чтобы поощрять людей идти на такой риск. Даже предложили улучшить систему образования Иридания, чтобы научить рыбаков не только ловить рыбу, но и уметь защитить себя. Это коснулось министра образования. И тут я впервые увидела отца Лахрета. Он приподнялся, махнув рукой, мол, потом будем это обсуждать, а пока желает дослушать все до конца. Этот мужчина оказался выше своего сына сантиметром на десять. Очень рослый, широкоплечий, мускулистый человек с широким лицом, тяжелой челюстью и ямочкой на волевом подбородке. Видно в кого пошел Лахрет. Правда, сын был более изящным, чем отец. Старший был похож на угловатого мужлана с квадратными формами шкафчика. Если бы не мозги, которые, как оказалось, блистали невероятным IQ, из него бы вышел неплохой вышибала где-нибудь в баре.

Я сидела наверху и понимала, что я ровным счетом ничего здесь не понимаю. Вот такая вот тафталогия. Будто я вторая пятка на ноге.

— Господин Лахрет! — я повернула резко голову вправо, ибо голос этот, зычный, громоподобный, исходил с балкона. Правитель Ира, да и всей Иридания, лорт Тирет, муж Мары и отец Нарана, подался вперед, ближе к бортику, ограждавшему балкон, и положил локти на перила. — Что вы скажите о расследовании дела о пропаже двух рыбаков из клиники при атконноре Шихато?

Что-то было в этом Тирете... Сухое, жесткое, безжалостное. Я раньше этого в нем не замечала. А что я могла вообще заметить своими восторженными глазами в свой первый Прием?

Лахрет иронично ухмыльнулся, показавшись достаточно самодовольным, чтобы спокойно ответить столь высокочтимой персоне, и ответил:

— Возле палаты реабилитируемых пациентов было найдено четыре мертвых тела санитаров. Дверь была открыта. Улики доказывают, что сбежавшие вышли на свободу, когда санитары посещали их палаты. Камеры видеонаблюдения этого специального учреждения показали, что заключенные пациенты действовали четко, слажено и весьма осознанно. Согласно этим данным, можно сделать вывод, что процедура стирания памяти потерпела провал.

— Это нам уже давно известно, господин Лахрет! — Тирет презрительно скривил губы. — Пожалуйста, сообщите последние данные расследования.

Я вздрогнула, будто по лицу заехали оплеухой. Я знала, что Лахрет не знает. Как? Он все это время был со мной и ни с кем не разговаривал, ну, кроме администрации атконнора. Или уже успел еще с кем-то на балконе поговорить? Я придвинулась к краю кресла, сжала с силой до белизны костяшек подлокотники и впиалась взглядом в его невозмутимое лицо. Я бы, если честно, разрыдалась от подобного напора. А он и бровью не повел.

— Следствие ведется.

— Последние действия, господин Лахрет! — безапелляционно прогремел лорт.

— Я не имею последних данных, — ни один мускул не дрогнул на лице ятгора.

— Это ваши прямые обязанности! — небрежно бросил лорт.

От этих его слов у меня возникло сильнейшее желание вцепиться ему в волосы и выцарапать ему хотя бы один глаз!

— Нет, не прямые, — сотряс напряженную тишину ровный ответ ятгора.

Лахрет лишь слегка приподнял голову, чтобы легче видеть лорта. И почему это его не выводит из себя? Может, у него есть козырь?

— Объяснитесь!

— Параллельно этим делом занимается министерство Внутренних дел. Моими прямыми обязанностями в первую очередь является граница.

Тирет хмыкнул, оценив крепкого орешка, и перевел взгляд на кого-то из сидевшей внизу толпы:

— Ханам Кос! Доложите ситуацию!

Муж Мары был негласным императором. Хозяином положения. Господином всей страны. Этого никто не смел оспаривать. Теперь я понимала слухи об этом человеке. Его действительно боялись все. Или почти все. Одни старались избегать его пристального внимания, вторые уважали, третьи искали возможности его скинуть, четвертые пресмыкались перед ним. Как бы там ни было, он крепко схватился за власть и нерушимо сидел на незримом троне Иридании.

После вопроса в первом ряду поднялся кудрявый мужчина. Я узнала в нем того, кто первым подошел к нам в холле перед Залом Заседаний Совета. Тот заговорил менее уверенно, чем Лахрет, глядя строго перед собой. Ему сложно было оглядываться на второй этаж сзади и говорить. Да, впрочем, от него этого никто и не требовал.

— Сегодня рано утром был найден труп одного рыбака, Сиргона Мшикра. Патологоанатом на данный момент устанавливает причину смерти.

— Отчет об этом событии мне не стол! — отрезал главный лорт и жестом велел Лахрету продолжать.

Ятгор легко кивнул и продолжил:

— Вторым пунктом моего доклада я хочу внести предложение, — боковым зрением я заметила, что Тирет, продолжая облакачиваться на бортик балкона, повел удивленно бровью. Видимо, Лахрет не сообщил ему о своем предложении. — Я прошу перевести полномочный контроль над всей границей и вышками Защитного поля в Ведомство Службы Безопасности. Без консультаций и правопрощений, — мне показалось, что Лахрет еще сильнее выровнял спину. — Полную автономию работы. Это должно ускорить быстрое реагирование во время каких-либо нарушений работы поля.

Поднялся шум. Что бы это значило? Что означает это прошение? И какое сейчас положение вещей? Чего хочет этим добиться Лахрет? Иногда, я смотрела в его глаза и видела мир, полный тайн и нерешенных вопросов. Когда он был рядом, я чувствовала, что он чем-то постоянно озабочен, что-то обдумывает в голове. Конечно, спрашивать его о работе — не мое дело. Зачем вмешиваться в дела, которые не понимаю? Так я всегда думала. Он о них не говорил тоже. Порой, я спрашивала себя, а чего он хочет от жизни? К чему стремится? Этот мужчина был для меня сплошной загадкой. Загадкой, которую хотелось разгадать.

— Не тебе вносить подобные предложения! — надменно дрогнул Тирет, нервно постукивая пальцами по перилам ограждения балкона. — Полномочий мало!

Я перевела озадаченный взгляд на лорта. Брови правителя сошлись в одну недовольную линию, а в глазах читалось недовольство. Видимо, он не ожидал это вообще когда-либо услышать. Получается, Лахрет намеренно пошел против существующего порядка. А, значит, полный контроль над вышками излучателей поля принадлежал Высшему Совету. Что значит контроль над вышками в реальности? Почему он мне ничего не сказал об этом? Стоит ли мне его поддерживать? Стать ли на его сторону? И что я могу вообще сделать? Что-то нехорошее я увидела в лице правителя Иридания. Что-то злое. Через секунду размышлений я выровнялась, осененная безумной идеей. Встала на ноги и, не чувствуя пола под ногами, громко выкрикнула:

— Я вношу это предложение! Моих полномочий достаточно?! — сердце колотилось в горле, пропуская от страха удары.

Неужели это я сказала?! Медленно, не веря своим ушам, Тирет повернул голову влево, туда, где стояла я. Ошалело расширил глаза и не мог пол минуты от изумления проронить ни звука. Еще никто не смел перечить ему. Тем более какая-то пигалица, выскочка из глуши. Но правила есть правила. Я — кашياسу, хоть моя королева еще не поднялась в брачный полет и не снесла ни одного яйца. И я сказала то, что сказала. Отступать куда-либо было уже поздно.

— Или у вас есть, господин Тирет, возражения против моего слова? — я слышала, как сердце бешено колотилось под коленками и те предательски дрожали. Но отступить я не желала.

Он презрительно скривил губы. Совладал с собой. Все-таки мое положение спасло меня от тирады и унижения. На моей стороне закон и, что более важно, заинтересованный взгляд сидящей на настѣ молодой королевы. Чтобы не упасть лицом в грязь и не доводить ситуацию до абсурда, он хмыкнул насмешливо и ответил:

— Что ж... Раз это предложение поддерживает сама кашياسу... Закон есть закон! Предложение должно быть рассмотрено! — он пренебрежительным жестом велел обсуждать.

Отвел от меня раздраженный взор и остановил его прямо перед собой. Я же перевела глаза на мужчину, стоящего на трибуне. Его глаза были полны признательности и удивления. Я поняла, что его сердце дрогнуло... дрогнуло уважением. Я решила, что этим шагом стала для него не просто женщиной, я стала другом, соратником в его борьбе. Но как он отреагирует на мой выпад на самом деле? Может, последнее я себе придумала? И он отчихвостит меня за это при возможности?

Внизу же зал зашумел, как море во время шторма. Гул поднялся невообразимый. Это было фурором. Во всем этом беспокойстве мы стояли нерушимыми утесами и смотрели друг на друга, не сводя глаз, молча, недвижимо. Что вокруг только не выкрикивали, и возмущенно, и согласно, и непонимающе. В общем, эта вакханалия длилась довольно прилично, пока громоподобный возглас справа не привел всех к порядку:

— Хва-а-атит!!! Прекратить немедленно этот балаган!!! — в ответ гробовая тишина. — Обсуждение этого вопроса будет перенесено на следующее собрание Палаты Совета! Всем будет дана возможность и время подумать и взвесить все за и против. Потом выступить со своими доводами. На сегодня эту тему объявляю закрытой! — Тирет, скривив в недовольную дугу губы, обвел всех грозным взглядом, не терпящим пререканий.

А рядом Мара... она сидела с мужем и глядела прямо перед собой невидящими распахнутыми глазами, вытянув лицо в глубоком отрешении. Она не видела перед собой ничего и никого. Что все это значит? Что же все-таки не так с этим полем? Во что я только

что себя втянула? Что за интриги плетутся за кулисами этого зала? Что я могла знать, прожив шесть месяцев в забитом поселке и два с половиной месяца учась в учебном заведении, отрешенном от всего мира. Я ведь даже за стены своего атконнора почти не выходила. Поход в Тифнор не в счет.

Лахрет занял свое место и к пюпитру вышел другой оратор. Тот сообщил о каком-то экологическом бедствии и необходимости помочь пострадавшим. Далее выступали с докладами и просьбами, связанными с трудностями в аграрной сфере — проблемы с какими-то насекомыми. В медицинской сфере (оказывается, иридане тоже болеют, только редко) — о научных открытиях и изобретении какого-то диагностического блока.

Под конец мои мозги стали отключаться. Они категорически отказывались принимать столько информации! Голова шла кругом от имен, обязанностей, проблем и предложений. Близились время укладывать Забаву. И вот, наконец, наступил перерыв. Я сразу сползла с кресла и покинула зал первой, не желая встречаться ни с Марой, ни с Тиретом. Что-то меня не вдохновляли их мрачно-постные лица с недовольными глазами. Тягаться с ними у меня, и впрямь, силенок маловато, особенно в одиночестве. И мне показалось, что не сойдет мне с рук сегодняшнее выступление. Они заточили на меня зуб, точнее уже два зуба, и судя по выражению их лиц, очень большие зубы. Размером с кулак. Или мне это привиделось? Я чувствовала сознание Забавы рядом, словно она следила за каждым моим шагом. Незримо, неощутимо для других, маленькая королева действительно стояла за мной. Я понимала, что и королевы других шиасу невидимо поддерживали своих наездниц. Странное это чувство. Еще не ясно, но я начинала понемногу приходить к пониманию, что не зря эти люди становятся во главе всего государства, если не города. Их внутренний потенциал их ниясыти увеличивают в несколько раз. Вот о себе это я точно могла сказать. Раньше, чтобы понять кого-то, не будучи телепатом от рождения, я очень страдала и просила высказывать свои мысли вслух. Теперь я понимала даже то, чего не увидит и самый талантливый телепат. Я ощущала людей, их настроение, мысли, даже те, которые они скрывают. Правда, такое я могла только тогда, когда Забава бодрствовала. Она специально тренировала себя, чтобы быть сильной за нас двоих. В моей слабости маленькая королева видела плацдарм для работы над собой. Мои личные расстройства стимулировали ее делать то, что другие королевы и не думали делать. Именно поэтому многие уже сейчас восхищались моей Забавой и пророчили ей грандиозное будущее и немалую силу и способности. Вот, например, редко какая королева пыталась использовать свою способность к телекинезу, а Забава уже в первые месяцы своей жизни спасла мою жизнь, используя эту способность. И так можно много перечислять. Об этом мне говорил Март. Он часто сравнивал мою Забаву с другими ниясытиями и иногда крепко поражался ее незаурядным способностям.

А теперь вот я чувствовала ее сознание, словно она шла рядом и охраняла меня. Думаю, другие наездники это тоже чувствовали. Особенно шиасу, потому что я не замечала за ними желания со мной спорить о моем выступлении. Лишь косые взгляды в мою сторону. Один раз я только услышала чью-то удивленную мысль (по-моему, это была Рия) о том, что странно, что эта (в смысле я) так стимулирует свою королеву...

Сбежала с лестницы. Остановилась у ее подножия и смотрю в уже открытую дверь в нижний зал. Хотела дождаться Лахрета. Когда он рядом, я все-таки, чувствовала себя более комфортно. Мимо мелькали министры, учтиво кланялись, проходя, и пряча глаза. Почему, меня это не сильно трогало. А Лахрет все не шел. И где он, я не могла рассмотреть.

— Иата! Разрешите обратиться? — низкий голос с приятным тембром оторвал меня от

поисков своего спутника.

Ко мне сзади подошел мужчина среднего роста с задумчивым выражением глаз. Присмотрелась. Черты лица, как и почти у всех ириданцев были правильными, пропорциональными, лишь губы казались слишком тонкими, как ниточка. А вот выражение глаз мне понравилось сразу — доброе, проникновенное. Внутри возникло неясное расположение. Я растерянно отступила и кивнула ему.

— Мое имя — Краф Элогир. Я — помощник министра юстиции, — склонился он.

— Очень приятно...

— Позвольте выразить вам свое почтение и благодарность.

— За что?

— За вашу решительность и смелость. Я о том, что вы поддержали ятгора Лахрета Ноа в его предложении. Годами никто не смел об этом заговорить, хотя это создавало немалые трудности, большие задержки и проволочки в так необходимом быстром реагировании. Часто это порождало крепкие проблемы и даже потерю на время контроля поля, из-за чего страдали прибрежные поселения. Тараки каким-то образом находили бреши в поле и нападали на наш материк, похищая многих наших соплеменников... И часто многие говорили, что если бы у Службы Безопасности были развязаны руки... пострадавших было бы много меньше. А так... ятгор с этим борется уже годами. А сегодня впервые заговорил об этом на Заседании Палаты Совета. Вы развязали ему руки, — он почтительно снова поклонился.

— Я вижу, вы его во всем поддерживаете.

— Так и есть, иата.

— Я рада, что у него есть те, кто искренне его поддерживает и верит ему.

— О! Иата, ему нельзя не верить! То, что он делает, — тут он сделал паузу, осторожно оглянувшись на проходившего мимо человека в синем костюме. Когда рядом никого опять не было, он продолжил: — то, что он делает — просто необходимо для безопасности нашей страны. Все уже давно знают, что поле дает серьезные сбои и может в любой момент рухнуть. Счет идет на годы, если не на месяцы. Об этом мало кто знает. Все продолжают верить, что поле было установлено однажды раз и навсегда. Но при его запуске лишь единицы знали, что это был экспериментальный вариант. Перебои работы вышек и станции стали учащаться. Причины до сих пор никто не знает. Я думаю, это потому, что кто-то, — он закатил глаза кверху и совсем приглушил голос, — сверху стоит за этим и прикрывает. И, я думаю, ятгор это знает, но доказать не может.

Таинственность и осторожность, с которой он говорил, заставили и меня насторожиться. С каждым его словом многое начало проясняться и становиться на свои места. Но почему об этом мне ничего не говорил Лахрет? Почему он не просил помощи? Ведь мы сюда летели... Может, он не хотел, чтобы я подумала, что он использует меня? Побоялся, что я соскочу? А то, что он все-таки меня сюда приволок и затронул эту тему во время своего доклада? Может, он надеялся, что я все-таки вступлюсь за него без просьбы? Рассчитывал ли он на это? В голове завертелась карусель вопросов. Этот молодой человек подвернулся весьма кстати, чтобы я смогла разъяснить для себя многое. Итак, пользовался ли мной Лахрет? Или же все не так запутано и действительно прозрачно, как тот и говорил. Но, исходя из слов этого Крафа, получается, что Лахрет уже давно задумал этот шаг и искал удобного случая. А я оказалась как раз тем самым удобным случаем? Ведь, если бы я не вмешалась, Тирет бы не дал ему даже шанса продвинуть свою идею. А эти слова, что «кто-то

сверху стоит за этим»... О чем Краф говорил? Уууф!

Я сощурила глаза и спросила мужчину:

— Вы сказали, что уже годами он с этим борется. Что же он только сейчас об этом заговорил? Разве его мало кто в этом поддерживает?

— А разве он вам не говорил ничего об этом? — удивился Краф.

Я прикусила губу в досаде. Зря это лягнула. Теперь он подумает, что я ничего здесь не понимаю, не в курсе событий и мной манипулируют. Как же выкрутиться?

— Ну... я хотела просто узнать, как вы думаете, кто его поддерживает? Будут ли у нас союзники?

— О! Это! Да, союзников немало, только многие молчат. Боятся Тирета. И Мару тоже. Понимаете ли, эта поправка, о которой заговорил господин Лахрет, свяжет им руки и они потеряют абсолютную свободу и контроль над всей территорией Иридании. Видите ли, они считают, что Верховный Совет — главное орудие защиты и единства нашей страны. И если власть начать делить, это разрушит гармонию и подставит под удар таракон! Но, я думаю, что они просто боятся потерять власть над людьми. Это особенно невыгодно Тирету. Если вы заметили, — голос Крафа снова перешел на шепот, — наш высокочтимый лорт весьма честолобив и властен. Он не любит инакомыслия и неповиновения. Все, что не согласуется с его мнением — неправильно. И вообще для него существует только два мнения, одно — его, другое — неправильное.

— А остальные лорты? — возмутилась я.

— А что остальные лорты? Вы видели их? Они же и пикнуть боятся против него, — он презрительно скривил рот. — Он их держит в кулаке. Всех их.

— Но почему?! — мои брови взлетели вверх.

— Да, потому, уважаемая иата, что их для кашас выбирала Мара. А девушки не смели перечить властной Маре и соглашались с тем, кого им подсовывали. По-сути, это люди лорта Тирета.

Я крепко задумалась над ситуацией в верхах Ира. Получается, я — незапланированная неприятность или бельмо в глазу. Теперь понятно, почему Мара взбесилась, когда я выбрала не того мужчину. И видимо, очень не того мужчину. По-сути, я развязала руки оппозиции нынешней власти. И тут для меня как пелена спала с глаз благодаря этой короткой беседе с этим странным человеком.

Я поняла, чего добивался Лахрет, когда стал ухаживать за мной. Да, я чувствовала еще тогда, что ему нужна была власть. Только никак не могла понять, для чего. Теперь дошло. И шаги такой человек не сделал бы к простой девушке из провинции, если бы она не давала ему столько возможностей действовать дальше. Я поняла, против кого он борется. И на что он готов был пойти, лишь бы преодолеть немыслимые преграды страха и предубеждения. Но одного я не могла понять, ради чего? Что не так в правлении Тирета и Мары? Почему Лахрет так неистово бьется против них? А теперь передо мной стоял вопрос: стоит ли мне обижаться на столь явную манипуляцию? Или же стоит узнать все до конца? И хочу ли я, чтобы Лахрет отступил от меня? Внутри все сжалось. Я снова заколебалась. Ведь побуждения у него были чистые и обоснованные, благородные, так сказать. Ооо! Дайте мне мудрости и самообладания!

— Я вижу, что весьма вас озадачил и вызвал сомнения, — вывел из оцепенения меня голос Крафа. Он все еще стоял рядом. — Вы уж простите меня, иата, я не знаю, какие у вас отношения с ятгором, но восхищаюсь вашим мужеством! Я всегда считал господина Лахрета

достойным и действительно великим человеком. Может быть, вы не всё знаете о нем, о его подвигах на Великой войне, когда таракы навсегда покинули наш край. Я не думаю, что он бы хвалился ими перед вами. Но... если он станет вашим мужем... это может спасти Ириданию! — его глаза горели. — Поймите меня правильно, но вы — первая женщина за последние десятилетия, которая впервые пошла против мнения Тирета! Конечно, может, вы просто многого не знаете и смелость ваша именно от незнания. Но, — в его взгляде появилась надежда, — у вас есть невероятная защита, какой нет ни у меня, ни у Лахрета, ни у кого бы то ни было из наших единомышленников! Ваша Забава! Дочь самой Кары! Она даст вам то, что вы попросите! И если вы сможете правильно этим воспользоваться, — он качнул головой, — то это поможет всем, кто действительно хочет спасти человечество от самой страшной угрозы! Таракской угрозы!

Мое сердце зашлось от волнения, от слов, которые только что сказал мне незнакомый мужчина. Я еще кое-что поняла! Я совершенно не знаю Лахрета! О небеса! Что за человек-загадка мне попался в женихи! Если верить словам моего собеседника, то мой ятгор — единственная надежда на спасение от гибели не просто города, а целого человечества! Что он — единственный, кто самозабвенно борется за свой народ. Что он отчаянно ищет пути спасения от настоящей и ужасной угрозы человечества на Заруне — таракон. Аж волосы на голове зашевелились. Но я до конца так и не могла понять, кто такие таракы, и почему они — страшная угроза для нас? Да, мне про них рассказывали. Да, я видела много видеофильмов о них и об ужасах, которые они могут сотворить с людьми, но принять и осознать... для меня это казалось сказкой, страшилкой для детей. И что там за полем на самом деле — я не знаю. Я там никогда не была. Так что я стала сомневаться во всем. Станет ли все на свои места? Продолжать ли верить дальше моему Лахрету?

Я смотрела блестящими от волнения глазами на Крафа и внутри дрожала от нерешительности.

— Иата, — Краф склонился, — я хочу вас заверить в своей искренней и преданной поддержке. Знайте, что за вами пойдут немало самоотверженных и честных людей. А те, кто боится, когда увидят, что за ятгором стоит наездница КОРОЛЕВЫ, — и слово «королевы» он прочеканил каждой буквой, — тогда за вами пойдут многие. Тем более что за Лахретом стоит правда. Пожалуйста, прошу вас, не отступайте!

Я мигнула на него влажными глазами. Прерывисто, напряженно, кивнула:

— Спасибо за ваши сердечные заверения, господин Краф. Я запомню их.

— Мое почтение, — он снова склонился и отошел в сторону, явно, желая не привлекать к себе больше лишнего внимания, ибо и так на нас косилось множество глаз.

Не думаю, что кто-то слышал наш разговор, но то, что мы стояли рядом, могло вызвать лишние вопросы.

Итак, я осталась одна. Оглянулась. Встретилась взглядом с Марой, стоящей в углу холла рядом с какой-то женщиной. Та подозрительно щурилась, и взор ее не обещал ничего хорошего. Она сдала шаг в мою сторону с явным намерением со мной продолжить наш «разговор». Вспыхнув, я резко развернулась и скорым шагом шмыгнула под лестницу к входу в нижние ряды, искать Лахрета. Очень хотелось прояснить с ним некоторые вопросы и заодно сбежать от шиасу Ира. Зашла в коридор с треугольными станами — скос мест зала, — который упирался в трибуну. Подошла к месту, откуда можно было выглянуть и осмотреть ряды слушателей.

Лахрет стоял на своем месте в двадцати метрах от того места, где была я. Рядом с ним

стояло еще двое мужчин. Обоих я сразу узнала. Один — Барет Ноа, его отец, второй — Ханам Кос, министр Внутренних дел. Они о чем-то оживленно спорили, но разобрать их слов я не могла. Значит, Лахрет, закрылся ото всех. Вот же! Привычка у него выработана годами. Никто и никогда не должен подслушивать ятгора Службы Безопасности страны! Зато можно было видеть лица. Барет был в бешенстве. Яростно махал руками, хмурил лоб, сверкал глазами. Ханам хранил постное выражение сосредоточенности и смотрел вниз, смуро изучая свои ботинки.

Значит, Лахрет, закрылся ото всех. Ничего. Я сосредоточилась, как уже давно научилась, связалась с сознанием моей Забавы. Она мгновенно откликнулась, словно этого и ждала. Милая моя, хорошая моя Забава! Она сразу поняла, чего я хочу, и уже через секунду я слышала их разговор. Говорил, точнее, кричал, отец:

— Неужели ты думаешь, что станешь лортом и сможешь изменить миропорядок Иридании, который уже стоит десятилетиями?!

Лахрет не смотрел на отца, отведя взгляд в сторону и спрятав руки в карманах брюк. Я видела, как неприятно было ему слышать эти слова, как играли желваки на его щеках. Но он не собирался уступать. Это мне было ясно по его плотно сжатым губам. Я приникла к стене так, что из-за рядов можно было увидеть только мою макушку, да любопытные глаза. Подойти не решилась.

— Так вот, послушай, упрямец! Говорю тебе это уже не в первый раз! Я не только не одобряю линию твоего поведения, но и осуждаю! И поддерживать тебя не собираюсь! И твою аферу с браком с этой мелкой и глупой сошкой из провинции, которой невероятно подфартило с королевой, я поддерживать так же не буду! Мне этот фарс не нужен! И разве после всего этого я захочу назвать тебя сыном?! Нет, Лахрет! Я с глубоким стыдом думаю, что ты — мой сын!

Лахрет непроизвольно дрогнул, будто его ударили, и впервые я увидела в его глазах настоящую и глубокую боль. Он бросил на отца оскорбленный взгляд, полный невыразимого страдания. Когда-то я слышала, как он говорит об отце, и тогда он тоже испытывал подобные ощущения. А еще тогда, в лифте, когда он дал заглянуть ему в голову. Там я тоже видела эту затаенную обиду на отца, который никогда не поддерживал сына. Ни в чем. Как бы тот к нему не тянулся, сын всегда от отца получал лишь строгие и критичные замечания и осуждение. И вот сейчас, то же самое. Мое сердце сжалось от жалости к Лахрету. Я понимала эту боль. Может быть, все, что он делал или пытался делать, где-то на подсознательном уровне, было стремлением доказать отцу, что он чего-то стоил. А в ответ очередное осуждение. Жалел ли Лахрет в этот момент о своем решении связать свою судьбу со мной? В тот момент, когда его отец, единственный, кто всегда был для него тем, чье одобрение он по-настоящему хотел обрести, осуждал его решение вступить в брак. Точнее, осуждал избранницу сына. Вот теперь я расстроилась еще и за себя. Почему ко мне такое отношение?

— И еще! — громыхнул он молчаливому мрачному сыну. — Выкинь из головы эту свою дурь под названием «Зарунская рукопись»!!! Не смей позорить меня этим! Будешь продолжать в таком же духе, я отрекусь от тебя! Ты меня слышал?!

Лахрет дрогнул в плечах и поднял на отца оскорбленные глаза. Но лицо выражало упрямую решительность. Он не намерен был отступать, я это знала. А тут еще этот Ханам добавил дров:

— Послушай, Лахрет, совета давнего знакомого. Оставь ты эту идею с правами на поле.

Тирет это так не оставит. Он предпримет весьма решительные шаги, чтобы этого не допустить. Смотри, как бы не пострадала девочка, которую ты втянул в эту игру, — он сочувствующе покачал головой.

В этот раз я увидела во взгляде Лахрета другое — чувство вины, смешанное с сомнениями. Неужели он в этот миг думает обо мне и о том, стоит ли все это меня? А если я действительно могу пострадать? Он тряхнул головой, словно прогоняя плохие мысли, выпрямил плечи и ответил:

— Я не думаю, что это вас касается каким-то боком. Лана — моя проблема и я не буду впутывать ее в это.

— Ты ее уже впутал, Лахрет! — бросил отец. — Она уже встала на твою сторону, даже если ты ее об этом не просил! Если она выбрала тебя, то она пойдет за тобой и свою королеву потащит с собой. Будь умнее. Пожалей ее. Не впутывай, мала ведь да неразумна. Куда ей тягаться с Марой! — Барет даже сочувствующее выражение лица состроил.

В голове мелькнула мысль, что мог бы подумать сейчас Лахрет. Что он один в этой борьбе и не на кого опереться. Но как же? Нет! Конечно же, есть те, кто его поддерживает! Есть его друг, Наран, его Лирит, я, Зунг! Он не должен это забывать! С этими думами я решительно поднялась на ряды и подошла к Лахрету, надев на себя маску радушия:

— Лахрет! Ты здесь! А я все жду тебя в холле! — я наивно моргнула, будто ничего не знаю и не слышала, и взяла его за руку.

Он вяло улыбнулся мне, но в его глазах я увидела неподдельное облегчение. Он точно не знал, как прекратить этот «теплый» разговор.

— Прости, я задержался.

— Приветствую, — угрюмо пробасил господин Барет Ноа.

— Очень приятно познакомиться, господин Барет. Я вас еще никогда не встречала. А так хотелось увидеть отца того, кого я выбрала в спутники жизни! — я попыталась нарисовать радость на лице.

Видимо, получилось хило и не убедительно. Барет не поверил. Поджав губы, он коротко кивнул, буркнул что-то вроде «Прошу прощения, мне надо идти!», развернулся и ушел. Ханам довольно скоро тоже раскланялся, и мы остались в зале одни.

Лахрет отвел взгляд в сторону, и негромко спросил:

— Слышала все?

— Ты о чем?

— Уверен, любопытство тебе не позволило подойти сразу. И Забаву, наверняка, как всегда привлекла к этому.

— Ну и что?! — я вскинула упрямо подбородок. — Я не должна была этого знать?

Он покачал головой и как-то облегченно вздохнул.

— Что ты сразу все в штыки воспринимаешь? — повернулся ко мне и бережно поправил непослушную прядь на моем лице. — Просто хочу быть в курсе, что ты уже знаешь.

— Последние две минуты вашего разговора.

— Ммм... — он опустил взгляд на пол и устало выдохнул. Через минуту раздумий, которые я не посмела нарушить, он заговорил: — Зачем ты вмешалась?

— Ты о чем?! — вскинулась удивленно я. — Ты о Защитном поле? Или то, что я сейчас подошла?

— О Защитном поле. Я не просил тебя об этом.

— Да, не просил. Но разве не мой голос был решающим в принятии разрешения на его

обсуждение? А на что ты надеялся, когда вносил это предложение? Ты думал, я не встану на твою сторону?

— Я думал, ты будешь осторожно сидеть и молчать, — он строго покосился на меня.

— Когда тебя унижают?

— Меня не унижали.

— Да ладно!

— Ланочка, раз ты слышала, что мне говорил Ханам, то должна понять, что это опасная игра. Ты можешь пострадать. И Забава не сможет тебя защитить. Поверь мне.

— Неужели ты на самом деле боишься Тирета и Мару?

— Дело не в страхе, милая моя... — он нежно коснулся пальцами моего лица. — Я знаю, на что реально способен Тирет. Поверь, не понаслышке. Работа у меня такая. И Мара ему под стать. Хищница она. И отец был прав, когда сказал, что ты не сможешь тягаться с Марой. Она опытней и умней тебя во много раз, — он нежно погладил мои волосы.

— Тогда зачем ты заговорил о передаче прав на Защитное поле сегодня? Мог бы подождать, когда станешь лортом. И не было бы этого концерта сегодня.

— Сроки поджимают.

— Какие сроки?

Он вдохнул и выдохнул.

— Сложно объяснить в двух словах.

Я насупилась и вырвала руку из его руки.

— Почему вы все считаете меня такой глупой? Неужели ты думаешь, что мне сложно понять, что ты хочешь Тирета сбросить с трона, потому что он делает что-то нехорошее?!

— Не в этом дело! — голос Лахрета прозвучал строго, от чего даже дернулась. — Я. Не. Хочу. Тебя. В. Это. Впутывать.

— Зато я хочу! — вспыхнула я. — Ты уже впутал! Как ты не можешь меня понять! Я хочу быть на твоей стороне! Ты позвал меня! И я пошла за тобой! — почему-то слезы обиды брызнули из глаз. — Я выбрала тебя! Я поверила тебе! Слышишь, Лахрет? И Зарунскую рукопись мы обязательно найдем!

Он слушал меня, нахмутив брови. Я, поджав обиженно губы, резко развернулась и пошла прочь.

— Ты куда?

— К Забаве!

Он догнал меня и остановил. Развернул и прижал к себе.

— Я хочу, Ланочка, чтобы ты знала и верила мне дальше. Ты даже не представляешь, какая ты уникальная. Поэтому, я боюсь тебя вмешивать во все, чем я раньше жил и к чему стремился. Но ты права, мне нужна твоя помощь, я не справлюсь без нее, — проговорил он в запале. — Однако я хочу, чтобы ты была осторожна и слушалась меня. Твоя инициатива может повлечь за собой непредвиденные последствия. Прежде чем помогать, ты должна спросить меня, а потом действовать.

Я тихо всхлипнула и прижалась к нему, спрятав лицо.

— Почему я уникальная? Чем?

— Мне Наран говорил, что ты сидела на его Натоне. Это так? — он отодвинул меня и заглянул в глаза.

— Да.

— В этом твоя уникальность. Ты можешь сесть на любую ниясыть.

— И что тут такого? — я опустила голову так, что смотрела на собеседника из-под лба подозрительными глазами.

— В том, звездочка моя, что это очень особенный, редкий дар. Такое в истории Иридания было всего несколько раз. Это были женщины. Шиасу. Их называли... заметь их, а не их ниясытей... Королевами ниясытей, — и чем дальше, тем больше горели его глаза. — Пойми, никто не может сесть на чужую ниясыть. Наездники летают ТОЛЬКО на своих ниясытях. Именно поэтому, это уникальный дар.

— Но я сидела только на Натоне!

— Я спросил у Лирита, не возьмет ли он тебя без меня?

— И что он ответил?

— Возьмет. И мало того, понесет туда, куда ты ему прикажешь без каких-либо вопросов.

— А как же ты?

— Он останется навсегда моим нуром, но если ты позовешь, он откликнется. Ты не думай, что ниясыти слишком привязаны к своим наездникам. Да, меж ними есть невероятно крепкая связь, но ниясыти не зависят от людей настолько, что не в силах отказаться от связи с ними. Они наши партнеры, а не зависимые придатки. Были редкие случаи, когда после долгого времени совместных полетов, нуры и ниры оставляли своих наездников. Не спрашивай, почему. Не знаю. История это умалчивает. Но такое было. И бывало такое, что человек умирал, а ниясыть выбирала себе другого человека в наездники. Они сами решают, кого брать на спину, а кого нет. Мир ниясытей, как и их возможности, до сих пор остаются нераскрытыми. Это тебе говорю я — человек, изучающий биологию ниясытей всю свою жизнь. К разгадке тайны привязанности ниясытей к тем или иным личностям я так и не пришел. Как и к тому, почему они ценят в людях не их таланты и возможности, а их качества, такие как способность любить, понимать, сочувствовать, — Лахрет пожал плечами.

Я слушала его, а в голове внезапно родилась идея. Говорить Лахрету о ней не решилась, но попробовать стоило.

— Лахрет...

— Ммм...

— Разреши, я пойду к Забаве. Я переживаю, как она там одна на настэ без меня.

— С нею Лирит, не переживай.

— И все-таки...

— Хорошо, — он улыбнулся, взял меня крепко за руку и повел вверх по рядам между секторами.

Мы подошли к узкой высокой двери под балконом.

— Это путь на настэ, — произнес Лахрет, открывая мне дверь.

Я оглянулась, задрав голову вверх. Там, у окна по всему радиусу зала восседало на настэ много ниясытей. Я иду к вам! Ждите! Поймала заинтересованный взгляд маленькой малышки, прильнувшей к стеклу. Она поняла, чего я хочу. Перед тем, как закрыть за мной дверцу, Лахрет шепнул:

— У тебя пол часа. И пожалуйста, будь осторожна. Я сказал Лириту, чтобы он за тобой присмотрел, чтобы ты случайно не свалилась с настэ.

Я обернулась, одарив его загадочным взглядом:

— Все будет хорошо.

Я оказалась в узком коридорчике, который вел к винтовой лестнице. Сверху откуда-то лился яркий свет. Прижав к груди кулак, попыталась собраться с мыслями и унять лихорадочную дрожь. Я должна всем доказать, что я не маленькая глупышка. У меня есть дар. Уникальный дар. И, чтобы помочь Лахрету, придать вес и его, и своим словам, я должна утереть всем нос! И я это сделаю!

— Лана! Лана! Лана! Ты здесь! — завопила Забава, когда я ступила на решетчатую довольно широкую платформу.

Я присела и раскрыла объятия, куда с удовольствием устроилась моя кроха. Ощущение полноты захватило меня. Быть рядом с нею — счастье. Она стала мне нужна, как воздух. Столько радости, восторга. Нет ничего лучше, чем быть рядом с тем, кто любит тебя. Это наибольшая потребность любого человека. Любить и быть любимыми. На миг все потеряло значение. Сердце затрепетало в горячей любви к этому еще маленькому, неокрепшему созданию.

— Лана! Мы погуляем теперь? С Лиритом хорошо, но я ведь люблю тебя! — она мигнула глазом. — А ты меня любишь?

— Моя хорошая девочка! Конечно, я тебя люблю! — я смеялась и гладила ее подставленные надбровные дуги.

— Я же говорила! — она горделиво оглянулась на некоторых ниясытей. — Она мне всегда говорит, что любит меня! — потом она снова обратилась ко мне: — Я всем здесь похвасталась, что ты часто мне это говоришь! А они не верят! Говорят, что люди скупы на чувства и слова, а особенно женщины. Я же им всем сказала, что ты — особенная. И ты меня очень любишь! Я это знаю. Чувствую, — она самодовольно расплылась в счастливом подобии улыбки в ниясытском исполнении.

— Ты хвасталась другим?

— Да!

— А ты не боишься, что они меня у тебя украдут?

— Нет! Ты моя! Я тебя слышу! Везде и всегда! — она даже собралась обидеться на меня, что я в ней сомневаюсь.

Я ощутила на себе любопытные взгляды и оглянулась. Рядом восседало две королевы и три ниры. А за ними выглядывал Лирит. Все, не мигая, следили за мной и Забавой.

— Слушай, Забава, а если я сяду на кого-нибудь из них, ты рассердишься? — неожиданно спросила я ее.

Она непонимающе мигнула. Я попыталась объяснить:

— Вот смотри. Ты похвасталась. Они согласились. Я попросила их прокатить меня на их спине. Они опять согласятся. Ты обидишься?

Она опять мигнула.

— Но ты же сидишь иногда на Лирите. Я не сержусь. Ведь я же знаю, что ты меня все равно любишь...

— Конечно, моя хорошая! — я пожурела ее. — Ну, тогда давай, знакомь меня с теми, кому ты хвасталась!

— Ладно! Тогда пошли, — Забава проскользнула мимо меня и деловито подошла к той, что сидела к нам ближе всего.

Это была королева! И в ее глазах горел немалый интерес. Забава, величаво выпятив грудь, уселась рядом, и я ясно услышала ее возглас:

— Шима! Вот моя Лана!

Я внимательно всмотрелась в королеву. И хочу сказать, кстати, впервые видела королеву вблизи. Если моя Забава была по-детски угловата и корява, то эта... все линии словно вырезаны искусным мастером из серебряного гранита. Она поочередно моргнула двумя веками, верхним и внутренним. Во всей ее позе читалась заинтересованность. Я постаралась произнести как можно мягче и теплее, думая только о том, какая она красивая и хорошая:

— Ну, здравствуй, Шима!

Восхищение возрастало с каждой секундой. Появились уже знакомые ощущения восторга, как когда-то, когда я впервые увидела Натона. Снова появилось сильнейшее желание погладить, сесть на плечи. И в то же время сомнения. Я машинально подняла руку и коснулась носа королевы. Сначала меня ударило как статическим напряжением, но я не отдернула руки. Потом усилился ее особый аромат, аромат клубники с примесью каких-то специй. Кожа ее была горячей, как и у моей Забавы, мягкой и шелковистой. Я скользнула ладонью по надбровной дуге через затылочную пластину к шее. Она довольно прогнулась и уже так знакомо заурчала. И тут внутри родилось ощущение, что Шима приняла меня! Осознание этого холодной волной окатило меня. Лаская ее плечи, предплечье, я продолжала думать о том, как я рада, что познакомилась с нею. Она уткнулась носом мне в спину, и я отчетливо стала ощущать поток ее мыслей.

— Ты добрая... хорошая... — голос взрослой королевы был более шершавый, если так можно сказать о языке мыслей.

— Спасибо тебе, — кивнула я и оглянулась, чтобы видеть ее глаза.

Они переливались всеми цветами радуги.

— Я знаю, чего ты хочешь, — снова произнесла она.

— Ты не против?

— Нет, — и в подтверждение она подставила свою лапу, чтобы мне было легче взобраться на ее спину. — Я буду слушать тебя.

Удивительное обещание чужой королевы. Это заставило меня замереть и внимательно всмотреться в ее глаза.

— А как же твоя наездница?

— Я ее слышу. Я не отказываюсь от нее. Я тебя понесу, куда ты скажешь. Я хочу тебя понести. Говори.

Я благодарно ей улыбнулась.

— Какая же ты хорошая, Шима! Ты могла бы просто покатать меня здесь, по небу?

— Да. Как ты скажешь, — был ее ответ.

Через несколько секунд я уже сидела у нее на спине. Еще через десяток секунд Шима, расправив крылья, прыгнула с настэ и легко воспарила в потоке воздуха. Меня охватил дикий восторг полета. Я закричала, что есть мочи. Шима благосклонно вторила мне трубным ревом. Краем глаза я увидела усердно махающую малюсенькими по сравнению со взрослой королевой крылышками Забаву. Неужели она летела?! Ведь только недавно Забава училась держаться в воздухе, а теперь пытается нас нагнать! Я ощущала, как бешено бьется ее маленькое сердечко, как неистово махает крыльями, чтобы не отставать, как отчаянно хочет быть рядом и видеть меня. Но то, что я увидела за нею, заставило охнуть от изумления. Ровным клином за нами выстроилась дюжина любопытных ниясытей, соскользнувших с настэ арреторга. Они упоенно трубили вслед за королевой. Их голоса сливались в странную завораживающую песню. Разве могут ниясыти петь? Но они и вправду пели свою особую песню. Каждый выводил свою тональность, свою ноту, протяжную, тревожащую слух.

Сердце и без того готовое выпрыгнуть из груди, застучало в горле. Мурашки побежали по рукам и спине. А затем отовсюду стали появляться ниясыти. Снизу, сбоку, сверху. И каждый присоединял свой голос. Их голоса напоминали звуки горных рожков, соединенные в изумительный ритм. Такого я не слышала никогда. А шелест их кожаных крыльев создавал какое-то особое фоновое звучание, придавая пикантность странной музыке голосов ниясытей. Ведущей была Шима. Я прильнула к ее шее, зажмурилась, и заставила себя расслабиться, чтобы слушать. Слушать их песню.

Не знаю, сколько прошло времени с того момента, как я села на спину этого чудесного создания, но мне почудилось, что лишь один миг. Ниясыти перестали петь, и только шелест крыльев говорил мне, что они рядом. Их было так много, что трудно сосчитать. И тут я услышала голос Шимы:

— Лана, меня зовет Рия.

— Ты ей ответила?

— Да. Она спрашивает, что происходит.

— Что ты ей сказала?

— Что ты просила тебя покатать, и я согласилась.

— Она сердится?

— Нет. Она в замешательстве. Просит спускаться. Мне спускаться?

Я впала в ступор. Почему Шима меня спрашивает? Ведь Рия ее наездница.

— А ты, что думаешь? — спросила я ее.

— Я должна ее послушать.

— Правильно думаешь. Тогда спускайся.

Шима заложила вираж, и начала по спирали спускаться вниз. Сердце продолжало бешено колотиться. И что теперь дальше делать? Какотреагируют те, кто увидит меня верхом на чужой королеве? Буду действовать по обстоятельствам. Боковым зрением я заметила, что остальные ниясыти остались парить вверху, а за нами последовали только Забава и Лирит. Причем Забава уже начала выбиваться из сил, и движения ее были хаотичными и рваными, и уже через секунду ее захватил в свои сильные объятия нур Лахрета, заботливо заверив ее, что до земли она самостоятельно долетит только в одном случае. И то, лишь благодаря всемирному тяготению.

Разогнав тучу песка, старшая королева мягко приземлилась на землю недалеко перед парадной лестницей арреторга, куда высыпало множество народа. Все, как один, стояли с вытянутыми лицами. Значит, вот, такая у них реакция. Прекрасненько. От толпы отделилось две фигуры. Первой бежала молодая кашиасу. Ее черные кудрявые волосы вздрагивали на каждом шагу, а длинная туника, облепив тонкую фигуру, колыхалась от потока ветра. Я поспешила спешиться.

— Шима! Шима! — причитала она, прильнув к клиновидной голове своей королевы.

Я в волнении опустила голову. Рия бросила на меня возмущенно-шокированный взгляд.

— Зачем ты это сделала?!

— Что?

— Села на нее! Она моя! И только моя! — наконец, в ее широко распахнутых глазах появилась ярость.

— Я и не собираюсь ее у тебя отбирать, Рия! — вскинула я руки, чувствуя, как совесть оголила острые зубки.

— Так нельзя! — только и смогла сказать молодая женщина.

— Нельзя было бы, если бы она не захотела. Но ведь твоя, — я выделила это слово паузой, чтобы подчеркнуть, что я действительно не хочу забирать ее королеву, — Шима согласилась. Она не отказывалась от тебя ни в коем случае!

Рия спрянула лицо у груди своей королевы, а потом быстро взобралась на ее спину, и вскоре серебряное тело королевы исчезло в зиянии. Им предстоит еще долгий разговор. Теперь ожившая совесть перекрыла мне дыхание вообще. Вот ведь и вправду, зачем я без разрешения полезла на чужую королеву? Проблем теперь у меня явно прибавилось и та, что не испытывала ко мне неприязни (и скажу, наверное, единственная) теперь будет ненавидеть меня всей душой. Вот так и вижу ее злые глаза. Стало еще и досадно ко всему прочему.

Я стояла, задрала голову в небо и уставившись в то место, где исчезла взрослая королева. Забава прильнула ко мне тихонько и довольно замурлыкала:

— Как здорово мы летели, Лана! Они меня приняли! И еще я пела вместе со всеми! — в тоне моей малышки не было и тени расстройства — для нее в этом не было ничего противоестественного.

— Лана? — до боли знакомый голос вывел меня из ступора.

Я оглянулась. Лахрет на меня смотрел не шокированными глазами, как у толпы, что стояла поодаль, продолжая перешептываться и тарашиться на меня, а скорее задумчивыми и серьезными. На восторг лицо его никак не тянуло. Ему не понравился мой полет. По лицу вижу. Я повернулась к нему всем телом, но не стала подходить. Что-то меня насторожило в его выражении.

— Что-то не так?

— Ты почему меня не предупредила о шоу, которое собралась тут устраивать? — его голос звучал несколько натянуто.

— А ты бы разрешил?

— Нет.

— Я должна была проверить твои слова.

— Разве ты не понимаешь, что сегодня — не время для этого?! — он строго хмурил лоб.

— Почему? — я тряхнула головой.

— Потому что ты перед всеми раскрыла все свои способности.

— Ты хотел оставить этот козырь про запас?

— Козырь? Лана, как ты не понимаешь, что твои спонтанные действия могут тебе навредить.

— Или тебе?! — я почему-то стала сердиться на него. Мне думалось, он по-другому отреагирует на мою выходку.

— Ты многого еще не знаешь! — с нажимом произнес Лахрет и свел брови в сердитую линию.

— Так ты не рассказываешь! Все держишь в секрете! Я обо всем узнаю от совершенно посторонних людей! Ты все скрываешь от меня! — забил фонтан моих обвинений. — Если бы ты мне говорил о своих планах и намерениях, тогда бы я тебя не подставляла. А то все, что я не делаю, перечит твоим планам, о которых я ничего не знаю! — я вскинула сердито руки. — И теперь ты злишься из-за того, что я сделала что-то не так! Я не знаю, что для тебя так, а что — не так! Я сделала сейчас то, что посчитала нужным! Если это тебе не нравится... — я дернула головой. — Я тебя не держу!

Он вспыхнул и в его взгляде промелькнул гнев, но уже через секунду он совладал с

собой и шагнул ко мне ближе.

— Лана, пойми, я хочу обезопасить тебя.

— Ты не можешь полностью обезопасить меня! Если ты хочешь быть со мной, я хочу знать о тебе все! Все твои цели, мысли, желания. Слышишь? Всё! Иначе, зачем мне такой союз?! И как ты меня обезопасишь, если уже потянул за собой?! Уже то, что ты хочешь быть моим мужем, тянет за тобой. Или уже не хочешь?

Лахрет непонимающе дрогнул. Явно, он не понял того сумбура, что я только что тут нагородила. Оратор из меня не очень, это уж точно. Но он ясно понял мои эмоции. Что я сердита на него за то, что он мне много чего не договаривает и при этом что-то ожидает.

Он молчал, угрюмо глядя в мои глаза. Я видела, как в его душе боролись желания и разум. Ну, вот, наконец, мы с Лахретом и поссорились! А то, даже как-то не интересно с ним общаться. Все такой ласковый да терпеливый. А вот и пошло ему поперек. Как теперь будет выкручиваться? Хотя, что я думаю? Привязан он ко мне и никуда не денется. Только вот радоваться ли мне?

Позади него, стремительно протолкавшись сквозь толпу, отделилась женская фигура. В ней я легко узнала шиасу Ира. Движения ее были резкими и отрывистыми.

— К нам идет Мара, — доложила я с безрадостным видом.

Только ее здесь не хватало. Когда она подошла, Лахрет повернулся к ней и сделал шаг в мою сторону. Как бы там ни было, что мы тут выясняем друг с другом, ей это знать не надо. Она замерла в трех шагах от нас и одарила взглядом, не сулившим нам ничего доброго.

— Весьма впечатляющее представление! — нажимисто протянула она. — Чего ты этим пыталась добиться? Фурора? Пытаешься что-то доказать? — она обвела взглядом и меня и Лахрета. — В общем, послушайте меня. Вы. Оба. Играть с вами у меня совершенно нет времени! Я думаю, тебе, Лахрет, не стоит объяснять, что следует за тем, когда кто-то НАМ перечит. В общем, так. Отзови свое предложение. И ничего не произойдет.

Я увидела, как Лахрет сжал кулаки. Эта дамочка явно его достала. Но произнес он довольно спокойно:

— Я даже благодарен вам, иата, за вашу прямолинейность! Теперь хоть буду знать, откуда ждать удара в спину. Нет. Я не подумаю отзываться предложение. А угрозу вашу я учту.

Она презрительно фыркнула:

— Смотри не надорвись с нами тягаться. Ты еще в горшок ходил, когда я правила Иром. Неужели ты думаешь, что у меня не хватит сил задавить и тебя, и твою... — она надменным взглядом окинула мое тело, — ширму? Я на один зуб положу и тебя, и ее, а другим легко раздавлю. Тирету даже моргать не нужно в вашу жалкую сторону, — она повернулась ко мне и следующие слова ее были исключительно в мой адрес: — Ты, дрянь такая, возомнила, что раз пролетела на чужой королеве, то стала Королевой ниясытей? Сопли вытри. Мала еще! И не думай, что я посмотрю на то, что в Иридании королев мало, да пожалею тебя. И глазом не поведу! В общем, так. У вас на размышления — месяц, до следующего Заседания Палаты Совета.

Бросив это, она, не прощаясь, круто развернулась на каблуках и быстро зашагала к уже рассасывающейся толпе. Уже наступило время возвращаться в Зал Заседания. Время перерыва истекло. Но кое-кто еще продолжал стоять и задумчиво таращиться на нас. Издалека трудно различить их лица, но мне было не до этого.

— Лахрет, отвези меня домой, обратно. Уже время укладывать Забаву... — я не хотела смотреть на него.

— Лана, — он схватил меня за локоть и поднял мое лицо за подбородок так, чтобы видеть глаза. — Я понимаю, что многое тебе не сказал. Прости меня. И отношения у нас завязались как-то сумбурно и резко. И то, что ты меня совершенно не знаешь, тоже понимаю. И понимаю то, что обязан тебе многое объяснить. Но здесь не время и не место. Нас связало мое желание изменить политическую ситуацию в Иридании, поиск Зарунской рукописи и твой поцелуй. Это правда. Но знай, что мотивы мои чисты и честны. Ты оказалась не так проста, как показалась на первый взгляд. И многое в тебе меня продолжает удивлять и шокировать. И я тоже хочу открытости в наших отношениях. Просто как-то времени не было. Но я обещаю, что все обязательно тебе расскажу. Однако... говорю сейчас тебе... если ты решишь сделать шаг назад... если боишься... если не хочешь... Я пойму, хоть мне будет трудно. Очень трудно отпустить тебя.

Я задумчиво моргнула и глубоко вздохнула. Голова шла кругом. Сегодня за один день я узнала и поняла столько, сколько не узнала за все эти месяцы моего здесь пребывания. Лахрет и этот арреторг открыли мне глаза на другую сторону мира Иридании. Черную ее сторону. Пришло время для настоящих объяснений... Хотя его слова успокоили меня, я поняла, у нас с ним и вправду как-то все сумбурно получилось. И я полезла в воду, не зная броду. Просто меня охватили чувства восторга и собственная глупость. Меня поразило внимание такого человека. Видного и сильного. Целеустремленного и слишком притягательного, цельного и самодостаточного. Такого, какой мне никогда не быть. Да, я хотела бы видеть рядом такого человека, как Лахрет, но потяну ли все это. Я имею в виду, войну, войну политическую. То, что я здесь увидела, помогло мне понять, куда я вступила. И это меня не обрадовало. Однако дороги назад нет. У меня теперь есть только два выхода: идти за Лахретом или быть под каблуком Мары. А она оказалась злой и страшной женщиной. Лахрет мне импонировал больше. Отказаться от всего — не вариант. Я — наездница королевы, это меня обязывает. А от Забавы я отказаться не в силах. Вот такой замкнутый круг выходит. И еще... пристально взглянув на Лахрета, вдруг, я поняла, что не хочу отказываться от него. Хотя я и считала, что он слишком хорош для меня, все равно, он мне нужен. Он для меня как стена для плюща, как дерево для лианы, как прут для винограда.

Я положила ладонь ему на грудь и тихо произнесла:

— Я не отступлю от тебя, Лахрет...

— Мне важно знать, хочешь ли ты этой дороги... меня...

Его страх обволакивал меня густой тягучей пеленой. Я чувствовала его, чувствовала безумный страх моего отказа. Я даже представить не могла, как крепко я связала его, сделала слабым и зависимым. Но он был готов от всего отказаться, только я скажу «нет». Я сглотнула застрявший в горле ком и хрипло произнесла:

— Я хочу идти этой дорогой... я хочу тебя... Только молю, не скрывай от меня то, что я должна знать. Особенно, что касается этого предложения, что ты внес на этом Заседании. А также... о Маре и Тирете. Видимо, я многое не знаю о них, раз их так боятся.

— Я в состоянии защитить тебя, Лана. Только ты должна меня слушаться во всем. И избегать безлюдных мест. А Марины угрозы не беспочвенны. Она загубила не одну жизнь. И это сошло ей с рук. Не говоря уже о ее муже. Поверь мне, он еще страшнее.

— И ты дружишь с их сыном!

— Знают ли они, что он их сын? Они никогда Нарана не воспринимали всерьез. И на самом деле давно прервали с ним всякие родственные связи. Он отказался от них уже давно. С тех пор, как потерял свою Яту. Как Наран узнал, не знаю, но именно их он винит в ее

исчезновении и гибели ее ниры.

Я кивнула, машинально продолжая гладить приникшую ко мне Забаву по голове. Это меня крепко успокаивало.

— Лахрет, я должна укладывать Забаву спать. Я чувствую, как она начинает засыпать. Продолжим наш разговор позже?

Он кивнул и подозвал стоявшего недалеко от нас на площадке Лирита и преградившего к нам путь от лестницы арреторга. Тот покорно отнес нас через зияние в атконнор, где в молчаливой задумчивости мы покормили Забаву, и я уложила ее спать. На вопрос о том, собирается ли Лахрет лететь назад в арреторг, он ответил, что вторая часть Заседания не требовала его обязательного присутствия. Он остался со мной. Все то время, пока я убаюкивала свою кроху, он в сосредоточенной, молчаливой задумчивости сидел на диване, закинув руки на спинку, и следил за моими движениями. Видимо, обдумывал, что и как мне будет говорить. А я думала о том, что узнала за эту половину дня и что успела ощутить. Снова в голове воцарился Его Величество бардак.

Но вот Забава крепко уснула. Я медленно оторвалась от нее и подошла к Лахрету. Стала перед ним и смотрю. Он задрал голову и посмотрел на меня.

— Садись, — похлопал он рядом с собой по сидению дивана. — Поговорим?

Покорно села. И села боком, чтобы лицом полностью быть обращенной к Лахрету. Он отвел взгляд к окну и насупил отрешенно лицо. Когда он говорил, казалось, он смотрел какую-то видеоленту.

— Мара и Тирет правят Ириданием сколько я себя помню. Они пришли к власти еще, когда Великая война была в самом разгаре. После победы никто не спрашивал, как она досталась. Все ликовали и не хотели знать, почему мы победили. Главное — результат. И тогда Мару и Тирета стали носить на руках. Однако после победы, когда все страсти и радость немного поутихли, на границе стали происходить странные случаи исчезновения людей. Мне, как главе службы Службы Безопасности приходилось подолгу разгребать эти горестные загадки и странности. И каждый раз, когда я почти раскрывал дело, все нити следствия исчезали в никуда. Я каждый раз нарывался на стену. И чаще всего мне блоки ставил Высший Совет. Каждый раз я сталкивался с запретами и ограничением моих полномочий. «Это тебе нельзя знать, это не твоего ума дело. Туда не иди, так не поступай, этого делать нельзя. За это спроси обязательно у лорта! А это вообще будет решать Тирет», — слышал я постоянно. Поэтому почти все странные случаи исчезновений людей, а то и целых групп, оставались нераскрытыми. Однако, со временем, благодаря работе целой группы хороших специалистов, я смог много чего накопать. В конце концов, пришел к убедительному выводу, что за всеми случаями исчезновений людей стоит Тирет и его приближенные. Он благоразумно и предусмотрительно окружил себя проверенными и преданными ему людьми. Поставил их у власти и закрыл все точки доступа к границе. И, хотя я являюсь начальником Внешней Безопасности, это лишь на бумаге. Мне не хватает полномочий делать большее. Наран считает, что, если мы найдем загадочную Зарунскую рукопись, это даст нам свободу и заткнет Тирета и его компанию. Я верю ему, а теперь, после того как мы сделали еще шаг в приближении к разгадке этой тайны, я еще больше стал верить в существование этой Рукописи. Но нам все равно перекрывают со всех сторон кислород. Как бы мы не выискивали пути. Тирет блокирует все. Мара в этом ему усердно помогает. В общем, люди до сих пор продолжают исчезать. И, что самое страшное, чем дальше, тем чаще и больше. Это начинает напрягать конкретно. А еще эта история с

Кодосской станцией, — Лахрет устало потер переносицу. — Мы с Нараном зашли в тупик. Еще год назад мы потеряли всякую надежду на решение этого вопроса. Просто начали опускаться руки. И тогда Марина Кара поднялась в свой очередной брачный полет и отложила второе за последние десять лет королевское яйцо! А это значит, в Ире появится новая кашасу. Претендентка в правительницы Ира и одна из вероятных претенденток на трон всей Иридании. Ведь это выключнется на свет дочь Старшей и самой сильной королевы за последние десятки лет. Шима, первая рожденная после Великой войны, не смогла обрести силу, достойную Кары. Рия не дала. Но так уж повелось, что именно наездницы из Ира по линии королев, прямым потомком которых является Марина Кара, получают власть над всей страной.

— А почему? Я как-то пыталась узнать, как решают, кто будет главной шиасу, но так и не поняла толком, — я подсунулась ближе к Лахрету и положила голову на спинку дивана, не отрывая глаз от профиля мужчины.

Он глянул на меня и поджал губы в задумчивости.

— Это зависит от королевы. От ее силы. Чем сильнее королева, тем больше шансов в ее избрании как самой главной среди остальных матерей рода.

— А как видна сила королевы?

— Это сложно объяснить, — Лахрет пожал плечами и снова отвел взгляд. — Это чувствуют другие королевы и начинают ей подчиняться. Тогда это определяет и положение ее наездницы. До сих пор еще ни одна королева не смогла осилить Кару.

— Они что, дерутся?

— Да нет, это бывает крайне редко. Но у них на подсознательном уровне должна определяться лидирующая самка. Иначе они не могут. Часто они соперничают в своих силах, давя друг на друга в разных спорных для них ситуациях. Ну, например, где она хочет сидеть и уступают ли ей место, или когда они кормятся... Главная королева всегда начинает есть первой. Другие ждут, пока она насытится, и так далее. И еще... она повелевает всеми ниясытями. Некоторые верят, что она может созывать и диких ниясытей, но никто этого при моей памяти не пробовал. В общем, если появится в Ире сильнее Кары королева, мы сразу об этом узнаем. Вся Заруна это узнает. Так всегда бывает. Думаю, поэтому Мара весьма пристально следит за отбором кандидаток на претенденты в Избрание. Ведь если наездницей королевы станет слабая женщина, которой Мара может манипулировать, то и ее королева будет слаба. Кстати, это одна из причин, почему до сих пор в Ире нет достойной шиасу, как и наездницы королевы. Всех кормят баснями о том, что королевы стали привередливыми, но на самом деле привередлива Мара, — он вздохнул и повернулся ко мне лицом. — Так вот, у нас с Нараном созрел план. Его реализация была с самого начала сплошной авантюрой. Мы решили в обход Мары найти подходящую девушку, которая не стала бы марионеткой в руках правящей шиасу. Особенную девушку, способную затронуть маленькую королеву. Эта задача оказалась невероятно трудной. Мы объездили всю Ириданию. Главным для нас была интуиция Натона и Лирита. Мы решили, что кого выберут наши нуры, которым мы конкретно объяснили, чего хотим, та и будет нашим спасением. Шли дни высиживания Карой яиц и их выводом до состояния выделения аро, когда можно вести на Церемонию Избрания, а Натон и Лирит молчали. Никто им не нравился. Я начал уже не по-детски волноваться. Тем более что уже решился на второй шаг в нашем плане — договорился о преподавании в атконноре, где должна учиться будущая шиасу. С моей стороны я сделал все, но девушки мы так и не нашли.

— Погоди, погоди! — я резко отодвинулась от спинки дивана и расширила глаза. — Дай догадаюсь о сути вашего плана! Вы решили выбранную вами девушку подготовить и... ты с самого начала хотел жениться на ней, кем бы она не была! — я возмущенно распахнула рот, сведя трагично брови домиком. — И почему же тебя решили поставить на обстрел?! Почему ты должен был тогда жениться? Почему не Наран?

Лахрет мрачно насупился.

— Он считает, что его Ята жива. А это значит, что он — женат. Двоеженство в Иридании запрещено. А я — холост. И я — ятгор. Мое положение многому дает дорогу.

— И ты решил пожертвовать собой, чтобы войти в круг лортов и получить законные права на решение проблемы на границе?!

— Проблемы исчезновения ни в чем не повинных людей, у которых есть своя история, свои родные, близкие, любимые, — уточнил Лахрет. — Да, на решение именно этой страшной проблемы, как ты говоришь, я решил пожертвовать собой, — он тряхнул головой. — Какую игру ведет Тирет, я до конца не знаю, поэтому я просто обязан иметь права лорта. Иначе никак, — его лоб прорезала напряженная морщина.

— Значит, ты меня обманывал о любви и тому подобном?! — я отодвинулась и выпрямила спину, пыща негодованием.

— Лана, дослушай меня, пожалуйста, до конца и не перебивай. Мне сложно тебе все это объяснять.

Я прикусила губу, заставив себя расслабиться.

— Ладно, рассказывай дальше.

— Итак, — он ровно глубоко вздохнул. — Мы уже были в отчаянии. Приближался день Избрания, а мы в своих поисках не продвинулись ни на шаг. Вот наступил этот день. Наран отправился собирать прошедших тестирование будущих учащихся атконнора. И тут, прямо за несколько часов до главной Церемонии, он звонит мне и сообщает, что нашел девушку. Проблемную девушку, но ее выбрал Натон. Причем выбрал и настаивал на своем выборе. Он сказал Нарану, что она лучшая из всех, что он когда-либо встречал. Натон уверял Нарана, что она обязательно пройдет церемонию. Наран говорил, что это даже и лучше, что мы не нашли подходящую девушку раньше. Таким образом, она никак не могла встретиться с Марой. Так что, если она пройдет Церемонию, то Маре придется принять это уже как свершившийся факт. И это большой шаг к нашей победе. Только, сказал Наран, есть одна проблема... девушка страдает амнезией. Она почти ничего не помнит ни о себе, ни о своем прошлом. Мы решили пойти и на такой риск, прикрыв тебя, — Лахрет нервно постукивал носком по полу. Сделал паузу. Продолжил: — В тот день я увидел тебя в первый раз. Робкая. Запуганная. Несмелая. Нерешительная. Со страхом оглядывающаяся по сторонам. Я чувствовал твой страх, твое смятение. Уже тогда я рассматривал тебя, как будущую свою избранницу. Я уже тогда внушал себе эту мысль. Я видел в тебе спасение не только Ира, но и всей Иридании. Ты была чистым листом, на который можно было вписать все, что захочешь. Наран активно принялся оберегать тебя ото всех возможных воздействий со стороны Мары. Лишь самые необходимые. Вроде первого твоего Приема. Я следил за тобой. Как ты учишься, как общаешься с другими, кто твои друзья, как ты относишься к своей малышке. Вот тогда я понял, что Натон действительно оказался на удивление прав. Ты была необычной девушкой с самого начала. Ты заставила других тебя уважать и бояться. С самого начала ты активизировала в своей Забаве все возможные силы, затаенные в ее генах. Она — дочь Кары, самой лучшей, самой сильной королевы за последние десятилетия. Я наблюдал, и понял, что

ты — не просто объект для достижения власти. И тогда я испугался... испугался чувств, которые стали во мне рождаться. Каждый твой жест, взгляд, слово, вызывали во мне бурю противоречивых чувств. Я никогда не думал, что смогу снова почувствовать подобное. Даже больше, чем чувствовал когда-то. Я понял, что попал, глубоко и надолго. И это меня ужаснуло. Я действительно испугался, потому что понял, что не смогу тобой пользоваться. Я испугался, что в моих руках ты можешь пострадать. Ты и твоя необычная королева. Лана, твоя Забава уже сейчас, в свои три с лишним месяца, сильнее любой королевы Ира. Она... даже больше, чем Кара. Это не все знают, но ниясыти это уже чувствуют, — Лахрет нервно сглотнул. — Мы с Нараном нашли бриллиант в тебе, Лана! Я не ожидал подобного! Как и того, как наша интрига повернет дальше. А потом твой спонтанный поцелуй! Он вообще выбил почву у меня из-под ног. Теперь не я контролирую ситуацию. Теперь ты владеешь ею. И тебе решать, как дальше рулить её. Нам нужна ты и твоя Забава. И не только нам. Ты нужна всей Иридании. А сегодняшний день вообще подвел жирную линию под всем. То, как легко ты сопротивлялась давлению Мары... — он покачал головой. — Слушай! Скажи, что ты чувствовала, когда разговаривала с нею?

— В смысле? Только гнев на нее. Я не люблю, когда на меня давят и говорят всякие гадости!

— Лана! Она бесилась! Видимо твоя связь с твоей Забавой колоссальная! Ты, значит, не поняла, что эта женщина попыталась применить к тебе свой излюбленный метод внушения. В этом ей усердно помогает Кара. Но ты не поддалась ее воздействию. Это невероятно! — он восхищенно вскинул брови. — Теперь ты можешь меня понять?

Я смотрела в пол, пытаюсь осмыслить долгую речь Лахрета. Он был весьма убедителен. Но во всем этом я так и не смогла понять, любит ли он меня? Или же просто восхищен и в любом случае готов создать союз. Я подняла взгляд и внимательно всмотрелась в уже полюбившиеся мне черты лица, уверенный взор, волевой подбородок, желанные губы. Меня неимоверно тянуло к нему. И пусть, я та, которой они хотели воспользоваться, чтобы достичь своих целей. Пусть. Как бы там ни было, что бы меня к нему не привело, случайность, рок, мнение Натона, я видела лишь один путь — рядом с ним. Мое сердце настойчиво тянулось к нему, стирая все преграды и все «но». Я хочу быть с ним, даже если он верит, что быть со мной — это долг перед Ириданием. Быть с ним, целовать его, обнимать, ласкать. И только в голове мелькнула эта мысль, подалась к нему и нежно обвила его шею:

— Я хочу быть с тобой. Я верю тебе. Веди нас с Забавой туда, куда ты считаешь правильным. Я чувствую тебя... — я крепко зажмурила глаза и ощутила, как его руки скользнули по спине, крепко прижимая меня к себе.

Где-то родилось чувство, что ему стало легче и проще. Как бы там ни было, наш союз с ним важен не только для нас, но и для многих и многих. Так пусть он состоится!

В объятиях друг друга мы просидели довольно долго, пока Лахрет со стоном не отодвинул меня на расстояние вытянутой руки.

— Давай на этом остановимся...

— Ты о чем? — ословев от охватившей меня неги, заморгала я.

— Не прикасайся пока ко мне, — он поднялся и подошел к окну, скрестив на груди руки. — Я уже на грани.

— Прости... Просто меня так тянет к тебе...

Он ответил не сразу.

— Ты не представляешь, что значат для меня твои слова, но чем дальше мы рядом, тем сильнее мое желание. Ты стала проникать мне в душу...

Я почувствовала себя виноватой и ляпнула, что первое пришло в голову:

— Давай поговорим тогда о другом? Отвлечемся.

— О чем? — Лахрет бросил через плечо косой удивленный взгляд.

— Ну, например, о Наране. Меня интересует, почему он идет против своих родителей? Ведь Мара и Тирет его родители! Как можно идти против крови? — я положила ладони на сидение дивана и немного подалась вперед, продолжая сидеть и поджав ногу в колене.

Лахрет снова перевел глаза к окну.

— Это сложная история... — пожал он плечами. И лишь через минуту раздумий начал рассказ: — Наран родился у Мары последним, седьмым ребенком. У Мары есть еще одна дочь и пятеро сыновей. Двое старших погибли при Ерhone. Самого старшего, Нара, Наран очень любил. Нар часто конфликтовал с родителями, и в смерти его Наран винит отца. Трое других сыновей Тирет, после того как те стали наездниками, всех, как одного, отправил по другим городам. Старшая сестра Нарана Нана была ниритой. Ее нира погибла при Ерhone. Она вышла замуж и теперь живет в одном из маленьких поселений недалеко от гор Градасса. Дело в том, что Нана смогла отойти от смерти своей Гоши. Тирет выдал ее замуж за какого-то предпринимателя, и она ушла из семьи. А в отношении Нарана... его воспитанием занимались в основном каоты. Отец и мать были слишком заняты. Потом его отдали в военный коннор при Сандрии. Это очень престижный коннор, где проходят обучение дети видных деятелей и элиты общества Иридания. Туда отправили и меня. Отец считает это традицией. Дед там учился. Он учился. И меня туда отправил. Нам было тогда по восемь лет. В то время мы с Нараном очень сдружились. О родителях он почти ничего не рассказывал. Отношений с ними особых не имел. Только имя, генная наследственность и зависть окружающих были всегда его уделом от родителей, ведь он — сын самих Тирета и Мары Ниасу! — Лахрет взвел указательный палец вверх. — Но он никогда этим не кичился, даже скрывал и был готов каждому намылить лицо, кто тыкал бы ему этим родством. Думаю, он с детства в обиде за то, что родители предоставили его самому себе. Он рос, как бурьян, без родительского внимания, словно не был им нужен, поэтому Наран хотел всего в жизни добиться сам. Как и я. В этом мы очень похожи с ним. Мы никогда не считали свое происхождение чем-то особенными и верили, что имя себе нужно сделать своими поступками и умом, а не родственными связями. Именно это прославит нас в веках, а не подвиги родителей. Мы должны стать лучше их.

Когда мы закончили коннор, перед поступлением в атконнор Сандрии, мы прошли Единение с Лиритом и Натонм. Они — дети Уции, королевы-матери города Сандрии. Наездники ниясытей часто посылают детей учиться в другие города, где они находят себе ниясытей других пометов других королев, чтобы, вернувшись в свой родной город, принести в племя ниясытей своего города свежую кровь. Так было и с нами. Точнее с Нараном. Мой отец был и есть простым министром, хотя в моем роду есть наездники. Так вот, однажды, в атконноре, мы познакомились с подругой Наны, которая старше Нарана на год. Ее звали Ята. Эта девушка училась с Наной в одной группе. Наран влюбился, как я потом узнал, с первого взгляда. Я тебе уже рассказывал эту историю. Так что упущу некоторые подробности. Так вот, когда Наран стал старше, Мара, вдруг, вспомнила, что у нее есть младший сын и стала активно вмешиваться в его жизнь. Уж не знаю, что у нее там в мозгу замкнуло, но не взлюбила она Яту. Очень не взлюбила. Однако это их не остановило. Через некоторое время

они тайно поженились. Я думаю, причиной был опрометчивый поступок Яты... они совершили ту же ошибку, что и мы. Только они не сдержались. После ночи любви, они, ничего никому не сказав, заключили брачный контракт. Мара узнала об этом. Не знаю как, но узнала. И это ее еще больше взбесило. Так как подобное не является примером, то Нарану и его Яте были закрыты все пути к повышению в службе и карьере. Правда, это не пугало ни Нарана, ни Яту. Они были счастливы друг с другом. Ята вообще была особенной девушкой. Одной из тех, кто умеет чувствовать. Как ты, — он оглянулся через плечо на меня. — Их тайный брак рассердил и самого Тирета. У лорта были свои планы на счет самого младшего сына и его женитьбы. К тому моменту Кара Мары отложила королевское яйцо. Тирет хотел, чтобы хотя бы его младший сын пошел по пути отца и стал лортом. Скажу тебе, что Наран оказался больше всего похож на Тирета, только с одним, как считал Тирет, маленьким минусом... Он был слишком мягок и снисходителен, и нечестолюбив. В один из дней по этому поводу Наран поругался с отцом, и они десять лет вообще не общались. А потом усилилась война, которая уже сотни лет то утихала, то разгоралась... — Лахрет сделал паузу, задумчиво глядя на заходящий Раголар.

Красные лучи солнца мягким светом ложились на загорелое лицо мужчины, подчеркивая мягкими тенями его красивый профиль. Я решилась его спросить:

— А дети у них были?

— Нет. Ята оказалась бесплодной. Это еще больше бесило Мару. Эта женщина всегда считала Нарана лучшим своим отпрыском. Весьма перспективным. А тут такое! Да еще и жена оказалась бесплодной! Вообще, с ума можно сойти! — Лахрет презрительно фыркнул. — Нарана это ни капли не смущало. А Мару — да, — он опять умолк.

— И что дальше?

— Дальше была битва при Ерhone. Есть подозрение, что именно Мара подстроила гибель Яты и ее ниры. Не погнушалась этим. Это тогда, когда каждая нирита была на счету! От каждой наездницы мог зависеть исход битвы. Бредовая мысль о том, чтобы у Нарана все-таки были дети, толкнуло шиасу на преступление. Конечно, прямых доказательств нет. Свидетелей нет. Но косвенных улик навалом. И есть мотив. Но разве их пришьешь к делу? Не знаю, как тараканы смогли заманить ниру Яты в ловушку и прорвать поле ниясыти, лишив ту жизни... но Унта погибла. На дне пропасти нашли тело истерзанной зверями Унты через несколько дней. Но Яты рядом нигде не было. Потом, когда запустили Защитное поле и война осталась в прошлом, Наран еще долго искал свою Яту. Поиски ничем не увенчались. Ни следа, ни тела. Ничего, — Лахрет покачал печально головой. — Наран до сих пор верит, что она жива... Хотя с тех пор прошло десять лет. Десять долгих, мучительных лет... — он замолчал, отрешенно вглядываясь вдаль, словно рассматривая тот давний день, когда случилась та страшная трагедия.

Поддавшись порыву, я встала с дивана и подошла к застывшему мужчине. Обняла со спины, сомкнув в кольцо руки у него на талии и прижавшись щекой к широкой сильной спине. Он вздрогнул, но не отстранился.

— Знаешь, о чем я сейчас подумала? — еле слышно произнесла я.

— О чем?

— А если я так исчезну, ты тоже будешь меня искать?

— Лана! — он стремительно обернулся. — Не смей так даже думать!

— Почему не смей? Разве Наран хотел, чтобы Ята исчезала? А она пропала. И он до сих пор ее ждет. Как это романтично и прекрасно...

— Это трагично и ничего, кроме слез не вызывает!

— И все-таки, если я исчезну, ты будешь меня искать? И если не найдешь, будешь ждать?

Лахрет нахмурился, обхватил мое лицо ладонями, заглядывая в мои серые глаза, и ответил:

— Разве я могу поступить иначе?

Довольно улыбнувшись, я обвила его талию снова и пристроила щеку уже у него на груди:

— Я верю тебе... пусть даже если это не правда...

Он отстранился, ухватив меня за предплечья, и поставил перед собой:

— Лана! Почему ты продолжаешь сомневаться в моих к тебе чувствах?! Я не привык лгать, тем более так долго и об одном и том же! — его лоб прорезали морщины непонимания. — Слышишь? Если тебе надо, чтобы я поклялся, я поклянусь, стану на колени. Лишь бы ты поверила мне... — он было ринулся вниз совершать изреченное, но я его удержала.

— Не надо. Мне просто нужно время! — и я снова потянулась к его теплу.

Он порывисто обнял меня и прижался губами к макушке:

— Помнишь, там, в магазине, ты сказала странные слова, одевая мне кольцо?..

— Какие?

— «Обещаю всегда любить тебя и быть верной только тебе одному... Любить тебя, пока смерть не разлучит нас...»

— Ах! Это... — я спрятала лицо, чтобы он не видел смущение на нем.

— Что это все значило?

— Не знаю, просто это действие, в смысле, одевание кольца на палец, что-то мне напомнило из моего забытого прошлого, — я прерывисто вздохнула. — Просто само как-то получилось. Какой-то прямо обряд вышел.

— Красивый обряд, мне понравился. Особенно слова... Так вот о смерти, — он прижал меня посильнее. — Даже если смерть разлучит нас, я буду любить только тебя одну...

— Как ты красиво сказал... — и я прижалась к нему посильнее, словно боясь, что он сейчас испарится как по волшебству.

Чудесный миг. Пребудь с нами вечно!

— Идем, — вдруг, ожил Лахрет.

— Куда?

— Увидишь. Идем.

Он увлек меня на балкон и поставил перед перилами. Раголар уже почти скрылся за горизонтом, окрасив небо в ярко-алый цвет зарева. Темно-серые полосы облаков с подчеркнутыми почти лимонными линиями своих окраин создавали довершение невыразимого великолепия вечернего неба Заруны. Лахрет, пристроившись сзади, обхватил кольцом меня за плечи, и томно прошептал мне на ухо:

— Я хочу тебе тоже пообещать... Я обещаю тебе, что буду любить тебя всегда, несмотря на невзгоды, расстояние, время и непонимание. Обещаю, что буду любить тебя, даже когда ты мне не будешь верить, даже когда злой рок отнимет тебя у меня. Любить, когда наши дети покинут наш дом, пойдя своим путем. Любить, когда пойду в Последний Путь к горам Градасса... Любить до последнего удара сердца, до последнего вдоха. В тот момент я буду молить у судьбы уйти из жизни с твоим образом в глазах и в сердце... с образом любимой

женщины. Женщины, которая заставила биться мое сердце чаще, которая тронула мою душу и вывернула ее наизнанку, — а потом он развернул меня, заглянув в мокрые от слез глаза, и приник губами к моим губам.

Пол под ногами поплыл, ноги ослабли и подкосились, тело абсолютно отказалось слушаться всех моих приказов. А о сердце вообще сложно что-либо сказать, ибо оно вообще остановилось. Я потеряла рассудок, ощущение реальности и провалилась в бездонную пропасть. В глазах все поплыло и закружилось. Его руки прожгли на моей спине линию от лопаток до талии и, не останавливаясь, вниз. Все бы случилось, если бы...

— Иата! Куда прикажете поставить ужин? — голос Фии доносился до моего сознания, точно бы откуда-то издалека.

Я даже не пыталась ответить, зато Лахрет резко оторвался от меня, уперев в меня ошалелый и испуганный взгляд. Он потерял контроль! Он не заметил сам, как потерял этот пресловутый контроль! Фия повторила вопрос. Из нас двоих, Лахрет оказался все-таки сильнее, поэтому ответил он:

— Сюда, на балкон.

— Слушаюсь, — ответила каота и вернулась в комнату за столиком на колесиках, на котором привезла ужин.

А я продолжала смотреть на мужчину затуманенными глазами, потеряв ощущение окружающего мира. Лахрет же схватился за голову и прошелся по балкону туда-сюда. Потер лицо. Подошел к боковой стене. Оперся одной рукой об нее, другую упер в бок. Потом, прорывав и хлопнув ладонью, резко от нее оттолкнулся и прошелся мимо меня еще пару раз, как зверь в клетке. А я стою столбом и ничего перед собой не вижу. Ловлю дыхание. И то место, где только что были его руки, что ниже талии, горело диким огнем.

Стук посуды и звон приборов понемногу выводил меня из ступора.

— Фия, остаешься здесь и на эту ночь! — долетел до меня как из погреба приказ ятгора, обращенный к каоте.

— Хорошо, господин Лахрет, — покорно ответила та.

Потом он быстро ушел в комнату, и я услышала, как хлопнула дверь ванной.

— Ужин подан, иата. Можете садиться, — доложила девушка и только сейчас я смогла хоть как-то адекватно среагировать.

Села и положила руки на стол. Жду Лахрета. Не хочу начинать ужин без него. Его не было достаточно долго, и ужин успел уже остыть. Но это меня не сильно волновало. Думала о случившемся. Если мы завтра не подпишем этот... проклятый контракт, то следующую ночь мы точно не выдержим... вдвоем.

Лахрет вернулся и сел напротив. Немного посвежевшим и чистеньким. Интересно, под каким он душем мылся? Холодным? Точно, холодным. Зато взгляд уже трезвый. Я поморгала на него и глубоко вздохнула. Принялась ковыряться вилкой в тарелке. Даже не рассматривала, что там. Просто ела, молча, и больше не смотрела на мужчину. Может, мне тоже пойти под холодный душ? Брр. Никогда не любила. Придется мучиться.

Спали мы сегодня отдельно. Не знаю про Лахрета, он устроился возле Лирита на балконе, а я вот долго крутилась возле Забавы на постели. Фия легла спать на диване.

*** **

Просыпаться совсем не хотелось. Проворочалась полночи и заснула только под утро, поэтому глаза открываться отказывались. Однако подозрительная тишина заставила меня совершить героический поступок: я подняла веки. В комнате никого не было. Забава

приладко сопела у меня под боком. Посмотрела на балкон. Пусто. На диван — тоже. Посмотрела на хронометр. Уже пора вставать!!! Сегодня моя свадьба!!! Посмотрела на коммуникатор. Десять пропущенных вызовов. Звонила Марта, Март и даже Лахрет! А я ничего не слышу. Бывает же такое! Принялась всем перезванивать. Марта спрашивала, когда ждать нас и званцев. Они уже себе все ногти изгрызли от волнения. Сказала, что после обеда. Март спрашивал, как ему добираться домой в Со, самому, или с нами на флайере полетит вместе. Ответила, что надо дозвониться до Лахрета. Последний не брал трубки. И что делать? Решила сперва посетить ванную, потом. После ванной Лахрет все-таки ответил и сообщил, что будет через пол часа. А я в одном халатике! Порылась в шкафу. Нашла алое платье длиной чуть ниже колена. Его вчера выбрал мне Лахрет в маркете. Сказал его одеть на торжественный случай, после того как я продефилировала перед ним, выйдя из примерочной. Чем сегодня не торжественный случай? Одеда и замерла перед зеркалом. Хотя я сама светловолосая и красный цвет идет больше черноволосым, этот цвет явно мне шел. Силуэт простой, незамысловатый. Но я давно уже поняла, чем проще, тем красивее. Правда вырез, кажется, глубоковат, но ничего. Зато красиво. К платью шла золотистая вольная декоративная цепочка. Вот, застегнула. Неотразима! Волосы... Что с ними делать? Схватила с трюмо золотую заколку с филигранным узором в виде диковинного цветка. Кое-как заколола, и поняла, что самая красивая прическа — сделанная наспех! Один локон страсти вырвался наружу и соблазнительно упал на щеку. Ну, все! Просто красotka! Ах, да! Подвести глазки... все, мисс Заруна!

И только я завершила обряд облачения и украшения себя любимой, дверь аккуратно отворилась, и в комнату вошел жених. Я оглянулась через плечо и чуть не ахнула! А я думала я — неотразима! С зализанными стильно волосами назад, в белом пиджаке, небрежно накинутом на белый облегающий мускулистую грудь гольф, и такими же белыми брюками, идеально сидящими на его длинных ногах, Лахрет казался принцем горных снежных вершин, сошедшим с небес. Он, наверное, был другого мнения. Ибо он уставился на меня с распахнутым ртом и долго пытался что-то произнести. Немое кино длилось около двух минут, потом все-таки я ожила и, кокетливо махнув ресничками и одарив главного героя моего романа обворожительной улыбкой, пошутила:

— И куда это ты такой красивый собрался?

— Наверное, туда же, куда и ты, о дева, сошедшая с небесного Ира!

Я игриво хихнула и подошла к нему ближе. Он не сводил с меня обожающего взгляда.

— Сегодня наш с тобой день, — прошептала я, положив ему на грудь ладонь. — Ты действительно решил свою жизнь связать с такой девушкой, как я?

— Станный вопрос, особенно после вчерашнего моего признания, — он обвил меня за талию и шепнул на ушко: — Я сегодня вообще не спал от... кхм... волнения.

Я потянулась к его губам с твердым решением, во что бы то ни стало, получить поцелуй, как в этот момент зазвонил коммуникатор Лахрета. Он ответил, не отпуская меня. Звонил Наран. Через минуту его коротких повторяющихся «угу», все-таки отпустил меня и подошел к окну, став ко мне спиной. Решив, что лучше не лезть к нему с вопросами, пошла будить до сих пор спящую красавицу. Та расплющила веки неохотно, но без ропота. В тот момент, как Забава соизволила спрыгнуть с постели, в комнату, толкая столик с едой, вошла Фия. Мне интересно, как она узнает, когда везти завтрак? Ведь я сегодня встала много позже, чем обычно. У нее, что, здесь установлена видеокамера? А! Ладно! Главное, что есть еда. И ничего, что уже одета. Я умею есть аккуратно.

Лахрет присоединился через минут десять. Но есть не стал. Просто сидел рядом и наблюдал, как я, ничуть его не стесняясь, аппетитно уплетала что-то похожее на мясной салат.

— Наран звонил? — спросила его.

— Наран.

— Что хотел?

— Доложил ситуацию.

— И как?

— Тебе во всех подробностях?

— Ну, если не хочешь, не говори, — пожала я плечами.

— Нашли беглецов.

— Это тех рыбаков что ли?

— Их самых.

— И что?

— Оба мертвы. Только второго успели поймать живым. Агент нашла его чуть раньше на минуту, прежде чем он успел на себя наложить руки.

— Он на себя руки наложил? Вот это да...

— Нира агента успела прочитать беглеца.

— И?

— Она сказала, что этот человек хотел сбежать на Арк.

— Арк? Таракский материк?! — я чуть не поперхнулась.

Лахрет говорил с сосредоточенной мрачностью.

— Так. Таракский материк. Агент сообщила, что он себя вел очень агрессивно. Так себя люди не ведут. Специалисты сейчас разбираются. Наран прибудет сегодня в поселок Со на составление контракта и предоставит отчет.

Он повернул немного голову, продемонстрировав мне задумчивый красивый профиль. Я залюбовалась. Сегодня Лахрет выглядел как-то особенно привлекательно.

— Рет...

— Ммм... — он обратил взор снова на меня.

— Я хочу тебе признаться...

— В чем?

— Я... да нет, не буду говорить...

— Ты о чем?

— Сегодня ты особо красивый... Что-то в тебе изменилось. Или это я на тебя по-другому смотрю... — я смущенно опустила глаза.

Он громко и от всей души засмеялся.

— Ты чего? — я удивленно вскинулась. — Тебе никто не говорил, что ты хорошо выглядишь?

Он еще сильнее зашелся хохотом. Некоторое время спустя, вытирая выступившие от смеха слезы, он выдавил из себя:

— Лана! Ты — нечто!

— Что я такого смешного сказала? — я тупенько наблюдала за тем, как он приходит в себя от приступа необъяснимого веселья.

— Лана, сказать человеку, что ты очень красивый, это — то же самое, что сказать ниясыти, как хорошо, что у него есть крылья! Я не понимаю твоего восхищения внешней

привлекательностью людей. Ты хоть на себя в зеркало смотрела? Да от тебя глаз нельзя отвести! Но, если ты еще не поняла, здесь люди ценят другую красоту. Слушай, ты будто с другой планеты! Тебя удивляют такие банальные и элементарные вещи, и в то же время, делаешь то, что не вкладывается ни в какие рамки окружающего общества! Ты плачешь от счастья, обнимаешь и целуешь каждый день свою Забаву, ласкаешь ее. Ты так отзывчива на все мои ласки и сама ласкова со мной, что удивляет меня больше всего! Откуда ты?

Он первым задал мне за все это время подобный вопрос. Я печально опустила глаза, не в силах что-либо ответить.

— Прости, милая, — он подсунулся ко мне и положил ладонь на мое плечо. — Я забыл... совсем вылетело из головы, что у тебя амнезия, — он прищурил глаза и, сделав паузу, спросил: — Ты до сих пор ничего не вспомнила из своего прошлого?

— Так... только неясные обрывки и образы. И еще сны... кошмарные сны. Я часто просыпаюсь от них в поту. Забава за меня переживает, — я передернула плечами. — Но я уже смирилась с тем, что у меня нет прошлого. Я живу настоящим и хочу верить в хорошее будущее, которое я построю здесь, в Ире.

Его большой палец скользнул по моей щеке.

— Ты обязательно вспомнишь свое прошлое. Тогда мы узнаем, почему ты такая особенная. Не теряй надежды. Я изучал этот вопрос как-то. Некоторые источники говорят, что память может вернуться спонтанно. Что-то или кто-то может стимулировать процесс воспоминания. Мы подождем, — он тепло улыбнулся, желая утешить меня.

Глубоко вздохнув, ответила:

— Хотелось бы в это верить, — я положила ладонь на сытую и довольную мордочку маленькой ниясыти, уложенную в привычном на моих коленях месте и ласково погладила.

— И я в это верю! — послышалось ее детское добродушное заверение.

— Спасибо тебе, — моргнула я ей.

И в рот отправилась последняя ложка завтрака, которая была запита в полном молчании сладким нектаром не помню какого-то там растения. Прогудел звонок коммуникатора Лахрета. Он ответил.

— Да... да... ясно... Хорошо... сколько тебе еще нужно времени? Завтра будем, — и он отбился.

— Кто это звонил? — поинтересовалась я, вытирая салфеткой уголки губ.

— Зунг.

— Зунг?! — я даже подпрыгнула на диване от волнения. — Что он сказал? Уже перевел надписи?

Лахрет покосился на вышедшую из ванны Фию, и лишь коротко ответил весьма общими фразами, что-то вроде того, что потом расскажет подробно, но переводчик еще в процессе и перевел все, только хочет кое-что уточнить. Завтра он представит полный отчет. Я даже затанцевала на месте. Столько событий за такой короткий промежуток времени! Теперь любопытство смешалось с переживаниями сегодняшнего дня, совсем разорвав мой мозг. Мой собеседник поднялся с дивана и шагнул к выходу:

— Ты готова? Нас уже ждет флайер. Март уже там. Когда Лия узнала от него, что сегодня за день, очень сильно настаивала на своем присутствии. Пришлось согласиться, учитывая твоё к ней теплое расположение. Ты ведь этого хотела?

— Вы, телепаты, меня иногда пугаете! — буркнула я себе под нос.

— М-да, это еще одна загадка, — беря меня за руку и выводя из комнаты, протянул

задумчиво Лахрет.

Кивнув на прощание склонившейся над опустевшим столом с грязной посудой каоте, удивленно спросила мужчину:

— Ты о чем?

— О том, что ты не слышишь чужих мыслей. Это странно, учитывая, что каждый человек в Иридании — телепат.

— Ну, почему не слышу? Уже слышу. Благодаря Забаве, — я ласково почухала вовремя подставленный нос маленькой королевы, когда мы остановились у створки лифта.

— Вот именно, благодаря Забаве!

— Ладно, согласна. Это тоже загадка. Но согласись, эта проблема весьма кстати! Моя Забава в три раза усерднее над собой работает, чтобы мне помочь с этим... недоразумением природы в моем исполнении.

Лахрет лишь многозначительно хмыкнул и шагнул в лифт.

Во флайере нас уже ждала компания. Март довольно лыбился у смотрового окна и махнул мне приветливо рукой. Лия вела себя много скромнее. Кивнув им, мы с Лахретом заняли места рядом и машина тронулась. Флайер вел пилот, которого я не знала. Его позвал Лахрет, да я особенно этим и не озаботилась. Забава, Мартов Нук и Лиина Резотта сидели каждый возле своего партнера. Флайер Лахрет взял достаточно большой, способный вместить в себя достаточно пассажиров. Лахретов Лирит летел рядом. Я всегда поражалась, с какой скоростью могут летать взрослые ниясы. Лахрет объяснял, что когда ниясы не пользовались зиянием, а хотела быстро лететь, она генерировала свое биополе и таким образом уменьшала силу трения воздуха и его сопротивление, а также уменьшала инерцию. Так что взрослая особь могла развить скорость до скорости выпущенного камня из пращи.

Собрали нужных людей мы довольно быстро и уже через пару часов были в поселке Со.

Там нас уже заждались. Когда мы ступили на землю, нас облепило большое количество ликующего народа. Обвесила Арамсовская малышня. Не передать той радости, которую источал каждый присутствующий здесь человек. Особенно я. Я была рада видеть таких родных на самом деле для меня людей. Арамсы встретили меня как родную дочь. Марта, в силу своей природной сдержанности, все-таки умудрилась меня даже нежно обнять и поцеловать. Род чуть не раздавил в объятиях. И Лахрет... я его не узнала. Из всегда собранного и сдержанного мужчины, он превратился в мягкого, улыбчивого и слегка рассеянного добряка. И уже через пол часа все дети висели на нем, как гирлянды на ветвях. А вот маленькая Ларта, покинув своих мелких родственников, преследовала свою новую мечту, причем в буквальном смысле. Забава, как маленький звереныш, улепетывала от маленьких и цепких ручонок куда подальше. Выходило крайне потешное зрелище. В конце концов, подобрав все легко хватающиеся конечности, она стойчески терпела пощипывания, тыкания, смыкания и похлопывания со стороны младшенькой из семьи Арамсов.

К составлению договора мы приступили через час по прибытию. В комнате присутствовали Марта, Род, я, Лахрет, Лахия (мама Лахрета) и двое званцев. Барет так и не прилетел (я старалась об этом не думать). Оказывается, званцы — не свояки со стороны жениха, как думала, а представители власти Иридании, своего рода работники органов власти, занимающиеся регистрацией актов важных событий ириданцев вроде рождения ребенка, заключения контрактов. Туда же входит и заключение брачного договора, покупка недвижимости, заключение торговых договоров и тому подобное. Договор оформляется письменно на бумаге в пяти экземплярах. Один дается родителям невесты, второй —

будущей жене, третий — будущему мужу, четвертый — его родителям и последний, пятый, — званцам. Они его отправят в городской архив.

В общем, стали мы составлять этот договор. Все идет по стандарту. Есть пункты вопросов. Мы говорим свое мнение по их поводу и приходим к компромиссу. Потом вносим в контракт. Первым пунктом обсудили мое приданое. Лахрет настаивал на его полном отсутствии. Но Род решил сопротивляться до последнего. Он утверждал, что в состоянии обеспечить своей старшей дочери достойное приданое. Лахрет был непреклонен, заявив, что у Рода достаточно дочек, чтобы им выплачивать достойное приданое. Спорили довольно долго. В итоге, согласились на предложенные Мартой кое-какие украшения. Потом следовал вопрос, где мы будем жить? Порознь или вместе? Лахрет сказал, что до половозрелости Забавы мы обязаны жить порознь. Потом можем жить вместе. Спросили мое мнение. Я активно закивала, что считаю правильным мужу и жене жить вместе по взаимному согласию. Вопрос о детях вообще не застрял. Число мы вычеркнули. Сказав, что не хотим ограничиваться определенным числом. Сколько получится. По-поводу работы, то тут все ясно. Я — кашасу. И это не обсуждается. Он станет лортом. Тоже аксиома. О воспитании детей, мы так же пришли к единогласному и быстрому решению: совместное воспитание и без вмешательства посторонних. В случае кончины кого-либо дети остаются с одним из родителей. А если обоих смерть заберет, то... Арамсы потребовали, чтобы первыми опекунами записали их. Лахия подписалась второй, это на случай, если Арамсы не будут в состоянии исполнить свои обязанности согласно данного контракта. Смутил, даже скорее вверх в шок, вопрос о физической близости супругов. О! Небеса! Неужели это должно быть оговорено письменно в присутствии посторонних. Исходя из постных лиц присутствующих, данный пункт контракта — дело обыденное и привычное. Удивилась одна я. Я, пряча глаза, выдавила из себя согласие на пункт «По взаимному согласию. Не ограничено». Когда подняла взгляд на Лахрета, в тот момент, когда его об этом спросили, он сверлил меня взглядом. Я так поняла, что он до последнего боялся, что я ограничу его... доступ к... эээ... моему телу. Вот. В ответ на заданный ему такой же вопрос, он ответил коротко:

— Согласен.

Званец еще кое о чем спросил, затем зашелестел листами бумаги и промолвил:

— Ну, в целом, всё. Все пункты обсуждены, так что...

— А можно их сейчас подписать? — прервала я его.

У того брови взметнулись удивленно в сторону макушки. Видимо, мужчина не ожидал такой ретивости от невесты. Он переглянулся со своим напарником.

— Но согласно традициям...

— У нас уже была предбрачная ночь! Это... как его... эмилум? — выстрелила я. — У нас есть свидетель! Моя каота. Она вызвалась присутствовать. Если есть вопросы, можете обратиться к ней. Она подпишет, что надо.

Пауза. Долгая пауза. Потом ожил первый званец, проскользив беглым взглядом по лицам присутствующих.

— Нет, подписи каоты не нужно, — он огорошено пожал плечами. — Ну, раз участники контракта соблюли все традиции и желают ускорить процедуру, то мы не смеем возражать, — он поглядел вопросительно на Лахрета.

— Я только за! — с улыбкой ответил тот, подняв руки.

— Тогда прошу вас! — первый званец протянул нам пять листов контракта, где птичками указал места, где мы должны поставить свои подписи. — Поставьте свои знаки

согласия, и контракт вступает в силу с сегодняшнего дня.

Я приняла бумаги с торжественно-взволнованным видом. Подписала. Передала Лахрету. Он также поставил свою подпись и вернул обратно представителям закона.

— Что ж, — выдохнул званец. — Поздравляем вас с заключением самого важного в вашей жизни договора. Объявляем вас мужем и женой.

Затем званцы быстро откланялись и улетели на флайере, на котором мы сюда прилетели. Мы провели их до самой машины. Раздав нам документы, они исчезли за закрывшимися дверцами флайера.

Проведя взглядом улетающую машину, Род объявил, что желает праздновать и веселиться! Очень хочется порадоваться такому великому событию Иридании, ибо он верил, что девушка, которую он однажды имел честь назвать дочерью, пусть и не родной, станет великой шиасу Иридании. А это значит, что сие великое событие надо отгулять на славу. Поэтому он позвонил туда, где заказал на завтра площадку для веселого гуляния, и перенес на сегодня. Там легко согласились. Оказывается, они уже почти завершили приготовления. Так что ура! Свадьба! Свадьба пела и плясала! Нас обнимали, целовали, носили на руках. В общем, что бывает, когда люди женятся? Шум, гам, балаган. Наелись до отвала, как пауки. Натанцевались до боли в пятках. Напелись каких-то застольных песен до хрипоты в горле. Не заметили, как и вечер наступил. Забава еще в обед, нажравшись, именно нажравшись, а не наевшись, плюхнулась спать в одной из отведенных для меня когда-то комнат и мгновенно вырубилась сладким сном младенца.

Вечером прибыл еще один гость. Обстановку оценил быстро и правильно, но был очень сдержан. Поздравил нас и сразу увел Лахрета в сторону. Шептались долго, так, что я успела ощутить отсутствие виновника торжества.

— Прости, что долго. Дело серьезное... — извинился жених, вернувшись после диалога.

— Где Наран?

— Остался здесь. Покушает и назад. Еще много дел.

Я передернула плечами и отвлеклась на заводную песенку, которую пели на наспех сооруженной сцене местные музыкальные аматоры. Но долго отвлекаться мне не дали. Большая горячая рука Лахрета легла на мою ладонь и услышала его негромкое приглашение:

— Потанцуем?

Сегодня, несмотря на то, что именно мы были виновниками торжества, мы ни разу не танцевали вдвоем, хотя у меня не раз возникала такая мысль. Ведь Лахрет превосходно танцует. Помню я очень хорошо его умения. Он взял меня за руку и вывел на танцплощадку. Обхватил за талию и легко повел под медленный ритм игравшей мелодии. Закружил. Слилсь со мной в плавных и мягких движениях, незаметно лаская мою спину. Тепло расходилось по всему телу горячими реками нарастающего желания. С каждым шагом, с каждым па, волной за волной, на меня накатывали чувства жажды, неутолимой, сильной и сжигающей дотла. В какой-то из моментов я поняла, что это были его желания, его чувства. Но они сливались в неистовый поток совместно с моими. А музыка только разжигала страсть, стирала рассудок и пленила ядом безумия. Я чувствовала, как бьется в унисон с его сердцем мое, как моя дрожь входила в фазу его волнения, как наше дыхание сливалось в один поток могучего желания. Казалось бы невинные касания щеки, ласковое поглаживание горячей руки как струны натянутой спины, теплое дыхание у шеи, не могут так влиять на ощущения, но уже под конец мелодии я готова была на все, лишь бы скрыться от любопытных глаз зрителей и остаться с ним наедине. С ним... уже законным супругом... в нашу первую брачную ночь...

— Давай сбежим, — слегка коснувшись мочки моего уха, прошептал мужчина.

— Но как? Здесь же везде люди!

— Нас уже ждет Лирит.

— Куда?

— Туда, где будем только я и ты... — от этих слов свело внизу живота.

— А если нас кинутся?

— Уже не кинутся. Уже пришло время.

— Какое время?

— Наше время, Лана, наше, — он сжал мои пальцы и через минуту мы уже бежали по темно-синему переулку.

На небольшой площадке ждал нас нур и в холодном свете луны его глаза блестели драгоценными алмазами. Я быстро оказалась на спине Лирита. Так же стремительно сзади меня на его спине очутился Лахрет. Лирит не ждал и уже через миг взмыл в синее сумеречное небо. Еще через пять минут мы уже стояли на балконе моей комнаты. Забава сегодня впервые за все эти дни ночевала не дома, и это было нам на руку. Здесь, в Ире уже наступила ранняя ночь. Прохладный воздух наполнял наши часто вздымающиеся грудные клетки. Поставив меня перед собой, Лахрет отправил Лирита на настэ. Тот послушно упорхнул, обдав нас порывом густой хвойной свежести. А потом... горячие жадные губы припали к моим, вызывая прилив новой волны вожделения...

— Лахрет! — выдохнула я, обнимая его плечи.

— Ланочка! Как же я ждал этого... девочка моя... ласковая моя... желанная моя... я так люблю тебя... — он покрывал поцелуями мое лицо, шею, плечи. Потом на миг замер, посмотрел в мое покрасневшееся лицо и с придыханием прошептал: — Ланочка... прости меня сейчас... я буду сильно спешить... так не будет всегда. Потерпи, пожалуйста, сейчас, хорошо? Я просто так долго ждал... — он нервно сглотнул.

Я прерывисто кивнула, и через секунду он подхватил меня на руки и внес в сумрак комнаты. Затем платье оказалось где-то на полу, за ним гольф, брюки и все остальное... А потом... потом случилось то, что бывает тогда, когда нельзя, а после можно...

Он любил меня, любил страстно, дико, жадно и неистово...

Новые трудности

Уже ничего не тревожило его сон. Расслабленный, безмятежный, мне он казался самым лучшим мужчиной на всей Заруне. Неужели он стал моим мужем? Он мой муж?! Неужели я теперь принадлежу ему? Только ему? Да. И я этого сейчас хотела больше всего на свете. Продолжать быть его. Ночь... точнее, минуты любви пролетели мгновенно. Я чувствовала наше единение каждой клеточкой тела и была на небесах. А потом он просто отключился. Как свет. Клац. И все, темно. Словно сдохла батарейка. Но о чем мне жалеть? Он приложил все усилия, чтобы мне было хорошо. Очень хорошо. Ну, и что, что он спит! Ему надо. Не спать несколько суток. Тут и супермен не выдержит. А кто, кстати, этот супермен? А! Проклятая память! Снова эти пугающие проблески.

Улыбка упрямо не сходила с моих уст, отражая мое внутреннее ликование. Я склонилась над ним, уперев голову на подставленную руку и рассматривая его черты лица в холодном свете звезд и лун, лившемся через незашторенное окно. Его ровный выточенный нос, густые черные брови, вычерченные губы, которые он часто кривил в насмешливой улыбке. Я невольно коснулась их контура и обвела вокруг указательным пальцем. Сколько восторга во мне вызвало это движение! А он лишь сладко усмехнулся и продолжил мирно спать. Вот она — первая брачная ночь! Точнее после всего главного. Просто лежишь и любишься им. Какой он красивый, мужественный и... мой! Просто мой!

Лахрет дышал ровно и спокойно. Все. Позади страхи и тревоги ожидания, терпения, самообладания. Теперь все можно. Теперь я его. Он верит мне. Я знаю. И как же мне не хочется рушить его надежд и иллюзий. Я хочу, чтобы он во мне находил уютную гавань, укрытие от невзгод и непонимания. Я хочу быть для него миром, куда он может прийти, отдохнуть, и не услышать упреков и критики. Выйдет это у меня? Не знаю. Но, хочется попробовать. Вдруг, получится? Хотя внутренний голос подсказывал, что перед нами непростая дорога, полная непонимания и тех самых упреков. У всех так, я знаю. Надо друг к другу привыкнуть. Научится жить с недостатками и терпеть их. Это будет нелегкий путь, но я хочу верить, что мы будем идти по нему вместе, рука об руку. Мой Лахрет... Я положила голову ему на плече и поводила пальчиком по обнаженной груди. Он не откликнулся. Спит богатырским сном мой любимый. Надо вставать и лететь к Забаве. Уже вторая половина ночи и ей нужна я. Что будет, если меня не будет рядом, когда она проснется?

Полежав минут пять у груди мужа, я с глубоким вздохом все-таки оторвалась от него и сползла с постели. Переоделась и вышла на балкон. Чувство, что меня зовет Забава, росло с каждой минутой. Лирит, скрутившись в калачик, спал почти у самого края балкона. Начала его толкать, чтобы пробудить. Он неохотно открыл сперва верхнее веко, затем внутреннее.

— Лирит! Сможешь отвезти меня в поселок Со, обратно? Меня Забава зовет, — говорю, а сама думаю, ответит он мне или нет? Ведь ниясыти часто общаются только со своими наездниками.

Но попробовать стоит. Будить Лахрета — бессмысленная трата времени. Попробую пока сама. Каково же было мое удивление, когда я услышала в голове мысль, похожую на интонации Лахрета:

— Могу.

Лирит послушно поднялся на лапы и подставил мне переднюю, чтобы я смогла легко

залезть на его спину. Усевшись поудобнее, я сообщила, что готова. Правда, я не представляла, что нужно говорить и делать, чтобы послать нура в зияние. Понадеялась на опытность зверя. Тем более что он понял, куда лететь.

В ночной синеве неба едва заметно заколебался воздух и нур легко окутал нас своим полем. Потом уже знакомая перламутровость так называемого гиперпространства, то есть пространства вне времени и места. Сердце бешено колотилось в груди от волнения. Все-таки сама первый раз. Лирит послал мне мысль, чтобы я не волновалась, он знает, что делает. Тогда я зажмурилась и сделала глубокий долгий вдох и выдох.

Резкий порыв все такого же ночного влажного воздуха отправил мои волосы колыхаться флагом позади головы, а глаза заслезились от сильного ветра. Мы стремительно спускались вниз, где неяркими уличными фонарями блестел ночной поселок Со у горы «Мохнатой горы», как я всегда ее называла. Вот крайний высокий двухэтажный домик семейства Арамсов, утопающий в темно-синем саду. Мягкая посадка и я легко соскользнула со спины нура.

— Спасибо, мой хороший, — поблагодарила я ниясыть, покорно склонившую передо мной голову и получая порцию благодарности в виде поглаживания по голове. — А теперь лети к своему Лахрету.

Лирит довольно заурчал и соорудил удивительно довольную морду, а потом вспорхнул, как птица, и исчез в звездной ночи. Я зачарованно проследила за ним, а потом отправилась искать то место, где положила свою умную «зверушку». Переступая через спящих на матрасах гостей, лавировала по комнате, как корабль меж айсбергами, стараясь никого не разбудить. Забава обнаружилась там, где ее оставила. Она ворочалась на широкой кровати и жалобно всхлипывала, проснувшись от ощущения пустоты. Пристроившись рядом, я тихонько прошептала:

— Все хорошо, моя крошка, я здесь. Я с тобой.

Она прижалась ко мне всем телом и, закрыв глаза, умиротворенно засопела. Засыпая, я еще подумала о том, как же все-таки мне повезло, что попала сюда, в этот мир, откуда бы ни пришла. Заруна начала мне по-настоящему нравиться. Я чувствую здесь себя нужной и важной. А что еще надо человеку для счастья?

Утро встретило меня интересным визитером. Она сидела у окна на длинном диване, и ее темный силуэт казался мне продолжением мебели, пока она не зашевелилась. Пришлось напрячь зрение, чтобы понять, кто сидит напротив моего ложа. И долго она там сидит?

— Доброе утро, Лана, — ее голос был низким и мягким, как бархат.

— Лахия?

— Да. Это я. Приятно, что ты меня запомнила, ведь мы с тобой виделись только один раз, — она тепло улыбнулась, и на ее красивом лице появились морщинки вокруг рта.

— Вы же мама Лахрета! Как мне вас не запомнить! — я села в постели и подобрала колени.

— Это очень приятно, — она продолжала улыбаться, но ее улыбка казалась очень уставшей и немного натянутой, будто она надела ее на лицо.

— Простите, я еще не проснулась толком... — я сощурилась, так как свет из окна резал мне глаза и мешал рассмотреть гостью.

— Ничего, я ненадолго. Разговор у меня есть к тебе.

— Я слушаю.

— Лахрет ушел? Его нигде нет.

— Он в атконноре. Я думаю, он должен уже скоро быть здесь, — я пыталась понять, чего хочет от меня эта загадочная женщина.

— Он тебя не замучил сегодня ночью?

— А что? Должен был? — не знала, как мне реагировать на нее.

— Мужчины в первую брачную ночь по вольному договору крайне настойчивы и требовательны. Особенно в первую ночь. Как голодающий, что дорвался до еды, — Лахия старалась быть приветливой и учтивой.

— Он почти сразу заснул после... — я заикнулась и смущенно смолкла.

— Если не хочешь, не говори. Это просто мое любопытство.

— Любопытство? — я удивленно склонила голову набок.

— Да. Я могу быть крайне любопытной. Тебя это удивляет?

— Ну... не совсем.

— Хм... — задумчиво протянула она, внимательно всматриваясь в мое лицо. — Ты и впрямь необычная девушка.

Я смущенно опустила глаза и положила руку на расположенную на моих коленях запчасть от моей Забавы именуемую хвостом. Ее маленькое величество перебазировалось в левую часть кровати, спихнув меня почти на самый ее край и продолжая сладко дрыхнуть.

— Ты прости меня, что я так зашла сюда без предупреждения, — продолжила она, неуверенно поправив распущенные волосы. — Я просто очень хотела рассмотреть поближе ту, что тронула сердце моего упряма Лахрета.

— Ну и как? Ничего? Или есть возражения?

— Нет-нет! — замахала она руками. — Ты не подумай, я не судить пришла. Ни в коем случае! Это действительно мое простое женское любопытство. Да-да, я отношусь к категории особенных женщин Заруны, способных к глубоким переживаниям! Мой отец был наездником, и я с детства знала ниясытей. Они во мне пробудили много глубинных качеств... Понимаешь, я много времени намекала сыну, что ему пора жениться. Уже пришло время. А он все не хотел. Говорил, что ищет особенную. Ту, которая способна... кхм... чувствовать, как и я. Таких очень мало. Ты сама знаешь, — она на этот раз улыбнулась искренне. — А тут я узнаю, что он женится, да, еще и так скоро! Поразительно. Конечно, я тебя видела и не раз по кому, но в живую... Говорили, что новая кашасу очень отличается от предыдущих и даже от Мары... — при упоминании этого имени она немного запнулась. Потом продолжила тараторить без пауз (наверное, долго сочиняла, что будет мне говорить): — Я так боялась, что он, то есть мой сын, всегда отличавшийся особой потребностью в ласке и заботе, встретит особенно холодную персону, и тогда будет очень страдать. Ты, наверное, уже знаешь, что он — эмпат. Это многого стоит и много требует от него и для него. Понимаешь, когда он рос, я уже тогда видела в нем особенные черты... я понимаю, что каждый родитель видит в своих детях что-то особенное и для них они — самые лучшие в мире, но в отношении Лахрета я говорю не по этой причине. Он умел в людях уже с детства вызывать эмоции и очень сильные эмоции. Влиять на них и заставлять делать то, чего он хочет. Я учила его контролировать свои способности и слишком боялась за него. Именно поэтому Барет его побаивался и избегал, что очень обижало сына. Как-то так получилось, что умом Лахрет пошел в отца, а вот эмоциями в меня. Это причиняло ему массу неудобств и трудностей, пока он не научился правильно пользоваться тем, что ему подарила природа. Я еще тогда, когда он был подростком, боялась, что ему будет сложно найти подходящую девушку в спутницы жизни. Когда он стал взрослым и редко посещал мой дом, я потеряла

возможность наблюдать за ним и направлять его. Потом, однажды, я поняла, что он научился закрываться от людей. Как бы создавать вокруг себя защитный кокон и это не раз его выручало, однако я перестала его видеть, видеть изнутри, как раньше, — Лахия наклонила голову набок. — Прости, я не утомляю тебя своим многословием? Я просто так долго ждала и думала над этим, а теперь не могу остановиться...

— Ничего-ничего! — я свесила с кровати ноги и села уже по-человечески, поправив задрывшуюся ночную сорочку. — Мне даже интересно знать о детстве Лахрета от других. Он особо не распространялся об этом периоде своей жизни.

— Он не говорил, наверное, тебе, что эмпатам особенно трудно найти подходящую жену? — она прищурилась, ожидая моего кивка. — Дело в том, что им для подпитки нужны эмоции других людей. Они, как ниясыти, тоже нуждаются в них и тянутся к ним, как мотылек на свет. Так что... я рада, что ты вот такая вот необычная. Я тоже чувствую это. С детства Лахрет был очень серьезным ребенком и все воспринимал буквально. Он крепко боялся отца. Дело в том, что Барет чрезмерно гордый и упрямый человек и всегда был строгим отцом. Он никогда... никогда сына не хвалил. Говорил, чтобы тот не зазнался и больше старался, — она замолкла и отвела взгляд в сторону.

Видимо она так же очень сильно обижалась на мужа за это, но ничего с этим поделать не могла. Я пересела на диван, рядом с нею и положила руку на ее ладонь. Лахия подняла на меня блестящие выразительные глаза и произнесла:

— Но я пришла поговорить с тобой немного не об этом.

— А о чем?

— О себе. Если хочешь, можешь потом рассказать ему об этом, но, я думаю, что он всё знает. И достаточно давно. Он, вообще, о многом знает. Работа у него такая, — она поджала губу в задумчивости. — Славный все-таки у меня сын вырос. Я не думала, что у нашего с Баретом союза что-то хорошее может выйти.

Я мягко улыбнулась своей свекрови и тепло ответила.

— Вам надо было пожениться уже только потому, чтобы родить Лахрета. Он великий человек! — мои глаза горели восхищением.

— Ты так думаешь?

— Он покорила меня, разве я могу думать иначе?

— Ты славная девочка, — Лахия сжала мои пальцы. — Иногда я думала, может, и хорошо, что Лахрет рос вдалеке от отца. Он там, в конноре Сандрии, нашел друга и многому научился. Барет ему не помог ни на грамм. Но гены — великая сила. Он всего в своей жизни добился сам, и, мне кажется, где-то внутри, очень глубоко внутри, Барет все-таки гордится сыном, но никому об этом не говорит. Пусть будет проклято его упрямство и несоразмерная гордость! — Лахия вспыхнула и презрительно искривила губы. — Но я и не об этом пришла рассказать... Все отхожу и отхожу от темы... Какая я болтушка... — ее милое лицо озарила настоящая любезная улыбка. — Я хочу рассказать свою историю. Это важно. Пожалуйста, выслушай, не перебивая, хорошо? — я кивнула (будто до этого слишком ее перебивала). — Так вот. Все началось, когда я училась в конноре перед тем, как поступить в атконнор. Мой отец, Исат Кри, ятгор в отставке, поспособствовал, чтобы я училась в самом престижном учебном заведении Ира. Правда, ему это не составило труда. Он верил, что я стану наездницей, как и он, и не простой ниры, а самой королевы. Он видел все задатки и не сомневался, что меня обязательно выберет королева. У меня была подруга. Близкая подруга. Ты ее знаешь. Мара Ницре. Потом она стала Ниасу, — я удивленно вскинула брови. — Она

— дочь одного малоизвестного военного в отставке и простой девушки из рыбацкого поселка. Единственная дочь. Отец сделал все, чтобы устроить свою любимую дочурку в тот же престижный коннор, где училась и я. Над нею все смеялись и унижали за ее простое происхождение. А я ее жалела. Мы часто ели вместе, отдыхали вместе, учились вместе. В общем, делали все вместе. В параллельной группе учился один мальчик... я ему очень нравилась. И он мне, если честно, тоже. Однажды он мне даже в любви признался и сказал, что хочет жениться на мне, когда мы закончим коннор. Я тогда по детской глупости, выдала ему, что я собираюсь стать кашиасу и не желаю сейчас играть во всякую там любовь. Он, конечно, не сильно обратил внимание на возражения женщины, как любой мужчина. Продолжал оббивать пороги моего дома. Я ему постоянно говорила, что, мол, станешь наездником, и тогда я подумаю. А пока пусть идет на небо за звездочкой. Но как же он меня доставал! Ох, и натерпелась я! Пока не сдалась. Тогда, почти перед самым окончанием коннора мы договорились, что поженимся, как только пройдем церемонию единения с ниясытиями, куда были приглашены, как кандидаты. Мы считали дни до Церемонии. Но я тогда не знала, что его любила еще одна девушка... Мара. Я лишь потом узнала, насколько сильно она любила его. Она всегда скрывала это, даже стыдилась этого чувства, учитывая, что женщины не ищут отношений с мужчинами. Нам, если ты не знаешь, не приятны их ласки, а особенно близость с ними. Ну, правда, не у всех женщин так... Кхм... Так вот, — Лахия вострепелась, словно отгоняя неприятные мысли, — Мара даже однажды призналась ему в своих чувствах, но тогда мы уже с ним обо всем договорились и поэтому он отверг ее. Она затаила обиду, которая прорвалась в день Церемонии. Мы тогда шли в гассэ и очень спешили, так как опаздывали. А потом... почти на самом верху лестницы она толкнула меня. Я стремительно покатила вниз. Никто этого не видел. Я же сломала ногу и ребро. Тогда, толкая, она прошипела мне на ухо: «Ты никогда не станешь наездницей! Будь проклят день твоего рождения!»... — Лахия с грустью опустила взгляд и глубоко вздохнула. — Эти слова до сих пор пульсируют в моих ушах, словно это было только вчера. Как ты понимаешь, попасть на Церемонию я не смогла. А она — да. И, как ты, наверное, уже догадалась, ее выбрала королева. Его тоже выбрал нур... — она совсем смолкла.

Я сочувственно сжала ее руку и спросила:

— А как его звали?

— Тирет... Тирет Ниасу. Смешно, правда? Я стала ненавидеть ее за то, что она сделала, а наши дети... стали лучшими друзьями и наша история повторилась снова, только у них... — она нервно сглотнула ком в горле. — Только Лахрет смог простить Нарана, а я... Мара до сих пор ненавидит меня.

— За что? Ведь она добила своего!

— Да. Тирет выбрал ее, так как оказалось, что он любил власть больше, чем меня. Однако он так и не смог полюбить её, хоть она и родила ему семерых! детей. Почему я так уверена, что он ее не любит? Я встречалась с ним много лет спустя... но тогда уже было поздно. Тогда он мне признался, что до сих пор любит меня... а дороги назад уже нет. Через пару лет после не случившейся церемонии отец заставил меня подписать брачный контракт с весьма перспективным молодым выпускником атконнора. Я согласилась. А что мне терять? В условиях брачного контракта было оговорено двое детей и раздельное жительство. Одно время мы все-таки пытались жить вместе, но его холодность и жесткость убили во мне все надежды. Я научилась его лишь бояться. Уважать... может, как человека, талантливого министра, гениального политика и успешного деятеля... но не мужа. Поэтому, родив второго

ребенка, я ушла из дома, воспользовавшись условиями контракта. Я не могла терпеть его наглых притязаний на мое тело. Он страшно рассердился, но сделать что-либо не мог. Он, конечно, приходит раз в год требовать от меня исполнения супружеского долга, но не больше. Приходится терпеть. Контракт есть контракт, — Лахия поежилась. — Если бы он был нежнее и терпеливее... может, я бы смогла звать его чаще, но... слишком больно и не приятна его близость. Он слишком торопится и не учитывает моих просьб, — она подняла на меня глаза и в них я увидела обиду. — У тебя, наверное, все по-другому... Лахрет, я думаю, был нежен с тобой... — я отрывисто кивнула. — Понимаешь, нам больно, когда мужчина... входит в нас... и, конечно, поэтому нам неприятны эти отношения. Правда, у некоторых женщин все наоборот, но это редкость. И счастливы их мужья!

Мне было неловко обсуждать с нею такие интимные темы, но я понимала, что кто-то должен был мне объяснить этот аспект супружеской жизни. Ведь близость — одна из основных областей этой самой семейной жизни. Поэтому я слушала со всем вниманием.

— Тирет остался в моем прошлом. И я думаю, что он терпит моего Лахрета и все его смелые поступки в политике из-за памяти к нашей несбывшейся любви. Даже как-то романтично выходит... Кого-то другого бы он раздавил и не моргнул, а мой сын... не знаю, что он чувствует к нему. Ненавидит, да... но не смеет его уничтожать, иначе он уничтожит и меня, ту, кого он до сих пор любит.

— Вы так уверены в этом...

— Мое сердце чувствует это. Мы ведь встречаемся иногда с ним на всяческих мероприятиях. Я вижу его взгляд. Но, что мы сделаем? Мара из-за этого истерит и нервничает. Готова убить меня, но у меня иммунитет на ее злость. Одного звать Тирет, а другого — Барет. Однако для меня, что прошло, то прошло, отболело, отлегло. Всё.

Она облегченно вздохнула, словно скинула с плеч камень, тяготивший ее много лет.

— Знаешь, — продолжила она через минутную паузу, — я думаю, что Лахрет сможет добиться с тобой то, о чем мечтал мой отец. Он станет лортом. Мало того, он будет правителем всей Иридании! Ведь ты — особенная, а значит, у тебя все перспективы стать главной шиасу.

— Мне Мара не позволит. Скорее она удавится на своих чулках, чем уступит нагретое место, — покачала я с сомнением головой.

— Если твоя Забава сможет покорить Кару, то пусть давится, — Лахия загадочно растянула губы и подмигнула мне. — Но вот еще что! Меня беспокоит идея Лахрета о Зарунской рукописи...

— Вы считаете, что ее не существует?

— Не знаю... — она пожала плечами. — Может, где-то и спрятана эта загадочная Рукопись, но никто не знает точно, где и как ее искать... однако Лахрет верит...

— И я верю! — выпрямилась я.

Она смерила меня сощуренным взглядом, покачала задумчиво головой и произнесла:

— Это хорошо, что ты поддерживаешь его даже в таких безумствах. Вам будет легче найти общий язык.

— Я думаю, Зарунская рукопись — не безумство. Просто о ней умалчивают и не хотят, чтобы она была найдена.

— Почему ты так считаешь?

— Ведь она сможет положить конец войне с тараками! А кому-то не выгодно, чтобы она заканчивалась.

Лахия протяжно выдохнула:

— Сколько запала в твоих глазах... Возможно, ты и права. Только смотрите, чтобы потом не случилось страшного разочарования. Потому что в жизни нет ничего тяжелее, чем когда все во что ты всегда верил — оказывается ложью и иллюзией, — она вяло улыбнулась и посмотрела во двор через окно. — О! Лахрет прилетел... он будет искать тебя. Ладно, я пойду.

Лахия подвелась на ноги и подошла к двери. На выходе застыла и повернулась через плечо:

— Пожалуйста, будь и дальше такой... — теплая улыбка озарила ее приветливое лицо.

А потом она исчезла за поворотом коридора. Я отрешенно смотрела ей вслед и думала. Думала о том, что только слышала от Лахии, о Зарунской Рукописи, о комнате, которую мы нашли. Интересно, что уже перевел Зунг. Неужели мы на пороге разгадки тайны?

— Привет! — с порога донесся лахретов голос.

Я вскинулась. Вот бывает же такое, что смотришь куда-то и ничего не видишь. Так и сейчас. Смотрю на дверной проем и ничего не вижу. Не увидела и Лахрета, застывшего там. Освеженный, с ясными глазами и широкой улыбкой на лице, он казался еще красивее. В ответ на его приветствие я лишь рассеяно улыбнулась. Он быстро пересек комнату и присел передо мной, сжав мои пальцы.

— Я так и знал, что найду тебя здесь. Там внизу все бродят по дому, как сонные насекомые после спячки. Ты как?

— Все хорошо. А ты, я вижу, выспался!

— Не то слово! Никогда еще так легко и свободно себя не чувствовал! — он обернулся на все еще спящую Забаву. — Я вижу, королева спит...

Я поглядела на развернувшееся на постели создание. Она лежала на спине, сложив передние лапы вдоль тела, как человек, и раскорячив задние. Смешно!

— Лана, я хочу кое-что тебе сказать.

— Что? — я рассеяно посмотрела на него сверху вниз. — Звонил Зунг и сказал, что перевел надписи?

— Вообще-то, о другом, — он уперся подбородком в мои колени. — Прости меня...

— За что?

— А! Ты не сердишься? Ну, тогда ни за что! — он насмешливо усмехнулся, но, встретив мой недоуменный взгляд, посерьезнел вмиг. — Я об этой ночи. Вырубился сразу, как только... сделал свое дело. Даже стыдно. Простишь?

— Хм... — я сделала напускной вид недовольства. — Тебе придется отработать!

То, что у него возникло на лице, было похоже не на шок, не на удивление, не на потрясение, а на их гремучую смесь. Чего-чего, а этого он от женщины не ожидал.

— Ты серьезно?

Я хихикнула и провела пальцами по его щеке.

— Очень. Как тебе этой ночью? Время удобное? Ты ничего не планировал?

— Кхм... нет, не планировал.

Я склонилась над его озадаченным лицом и коснулась губами его щеки, а потом томно прошептала:

— Уже жду с нетерпением... — потом, с присущей мне резвостью, как ни в чем не бывало, вскочила на ноги и громко воскликнула: — А пока я умираю с голода!

Надо было видеть это потрясенно-довольное выражение лица молодого ятгора. Он еще

несколько минут приходил в себя, с зависанием рассматривая, как быстро я переодеваюсь в брючный синий костюмчик. Когда я уже подошла к выходу, поманив его за собой, то столкнулась на проходе с Родом. Он звал нас на немного запоздалый завтрак. Я посмотрела на спящую Забаву и решила ее пока не будить. Та может проспать и сутки, если ее не дергать. Все-таки растет девочка...

За столом в столовой собрались почти все, за исключением младшеньких Арамских отпрысков. Да я на это и не обратила особого внимания. Мы с Лахретом заняли место посередине стола и принялись с аппетитом уплетать остатки вчерашнего богатого ужина. Шумное общение сотрясало воздух столовой. Все активно делились своими впечатлениями о вчерашнем празднике. Я любовно обвела взглядом все собравшиеся здесь родные лица и думала, что это один из самых счастливых дней в моей жизни. И все было бы хорошо, если бы...

— Ааа! — заорала я и неведомым мне способом очутилась на столе.

Ноги жгло неимоверно. Все присутствующие инстинктивно поотскакивали от подозрительной мебели. Серая пушистая шестилапая фурия с диким воем и шипением выскочила из-под стола на мой стул, потом на его спинку и на стол. Далее Сур (именно это домашнее животное Арамсов явилось на общий завтрак) с истошным «Фсшх!» прыгнул мне на уже исцарапанные ноги и покарабкался выше. Теперь вопила я. Очень громко вопила. От боли. Что-то, вроде, про маму и папу, но явно не на ириданском. Ибо Суровы острые когти впивались с силой в мою плоть и нещадно сдирали кожу и рвали мышцы. Я пыталась его скинуть с себя, но получив пару болезненных укусов, руки отправились к лицу, дабы защитить хоть его. Через считанные секунды это дико вопящее существо уже забралось мне на плечи, и, вертя хвостом, как пропеллером, попыталось забраться на мою макушку. Чьи-то руки умело стянули его с меня и через следующую секунду Сур уже, вывернувшись и оттуда, прыгнул на стену и по ней до окна на шторы. Я отступила назад и поскользнулась на каком-то блюде. Нога взметнулась вверх и инерция с гулким бумом уложила меня на лопатки. Тем временем бешенный бег домашнего питомца снова завершился на столе. На нем, изогнувшись кольцом, Сур принялся гоняться за своим задом, раскидывая и переворачивая все, что было на столе в стороны. Посуда с шумным грохотом валилась на пол. Затем, Сур снова выпрямился, и повернулся в мою сторону с явным намерением опять запрыгнуть на лежащую меня. Однако предупредительные руки Рода умело его поймали в прыжке и быстро обездвигили. Все зрители ошарашено наблюдали за столь необычным стремительным поведением обезумевшего существа, прижав руки ко рту. Род дождался, пока домашний питомец не затихнет на его коленях, и осмотрел беспокоивший того участок тела, то есть зад. Сур жалобно выл, кряхтел, пытаясь укунить хозяина, чтобы выбраться из сильных пут. На лбу главы семейства прорезалась гневная морщина. А потом его громогласное: «Сон! Рит!» прорезало напряженное молчание. Все глаза вопросительно взирали на Рода.

— Что там? — Март склонился над изучаемым «предметом» и изрыгнул виртуозные ругательства. — Они ему зад перцем натерли! — а затем помчался прочь из столовой со словами «Кто-то сегодня будет спать стоя!», чтобы найти спиногрызов и натереть теперь им то самое место перцем.

Марта предложила мужу помыть бедолашного Сура, чтобы тот не мучился, и смазать заживляющей мазью пострадавшее место.

Я медленно начала сползать со стола и сквозь слезы смеяться над событием. Лахрет ловко меня подхватил на руки, и я его одарила болезненными воплями:

— А! Больно-больно-больно! Печет!

Он, виновато скривившись, поставил меня на ноги и произнес:

— Прости...

Марта, услышав мои причитания, достала из стола шкатулку и протянула ее Лахрету.

— Иди, смажь ей раны, — указав на лестницу, велела она моему ятгору.

Он слегка подтолкнул меня в непострадавшие места к лестнице. Уходя, я услышала, как женская половина гостей хором начала предлагать помощь Марте, чтобы прибраться с беспорядком.

В комнате, закрыв за собой дверь, Лахрет приказал ровным тоном:

— Раздевайся!

Я вздрогнула, бросив на него подозрительный взгляд и обернувшись на спящую Забаву. Она, интересно, собирается сегодня просыпаться? Или же мне обязательно надо ее будить? Мимоходом коснулась ее сознания. Должна скоро пробудиться, если ее раньше не разбудить. Потом повернулась назад к Лахрету. Он ждал.

— Что? Прямо здесь?

— Тебя что-то смущает? Здесь никого нет. Я не смогу обработать тебе раны через одежду, — он мягко приподнял тонкую рубашку, побуждая меня ее снять.

Послушно, с громким шипением я стянула одежду, оставшись в одном нижнем белье. Мурашки пробежались по коже от смущения. Я стояла при дневной свете перед мужчиной почти обнаженная. И это ощущение было весьма необычным и будоражащим. Он, с лицом врача-исследователя, принялся аккуратными и осторожными движениями проходить по окровавленным царапинам.

— Хорошо же он по тебе пробежался, — прокомментировал он, повернув меня к себе спиной.

А у меня внутри все сжимается от его прикосновений. Конечно, ранки болели, но анестезирующая мазь, мгновенно обезболивала. Я чувствовала, как его умелые руки спустились по бедрам к голени. Теплыми волнами набежали новые ощущения. Лахрет истолковал мои шипения и постанывания по-своему:

— Потерпи немного, скоро боль пройдет...

— Угу... — а сама чувствую, как накатывает огнем, учащая дыхание.

— Вот. Все, — он повернул меня к себе лицом и заглянул в глаза. — Как? Уже проходит? — его низкий заботливо-мягкий голос довершил свое дело.

Сердце громко застучало в висках, а дрожь толкнула к его груди.

— Что? — недоуменно спросил он. — Сильно испугалась?

— Нет, — порывисто выдохнула я, слушая шумный поток крови в ушах.

Он нежно скользнул ладонью по моей обнаженной спине.

— Тогда почему дрожишь? Холодно?

— Нет, — я всем телом прильнула к нему, чувствуя, как слабость сводит колени.

— Лана?

Я не заметила, как потянулась губами к его губам, а руки обвились сильные плечи.

— Что? — я приоткрыла веки, ощущая под губами его мягкую кожу щеки.

— Я правильно тебя сейчас понимаю?

— Ты о чем? — я смотрела на него из-под ресниц, чувствуя, как горит кожа под его руками на спине.

— Ты хочешь меня?

Эти слова ударили обухом по голове, и я смущенно отстранилась, пытаюсь осознать, что сейчас делаю. Он не сводил вопросительного взгляда. Признать это после брачной ночи можно было, но почему-то неловко. Я опустила глаза и промолчала, рисуя узор на его широкой груди. Он насмешливо sprysнул и, крепко обхватив руками, прошептал на ушко:

— Чудная ты... Ты вот что лучше мне скажи. Как ты сюда добралась из атконнора? Лирит сказал, что он тебя принес. Но как же вы прошли зияние? Он мне так и не объяснил.

Рассматривая спящую королеву на постели и прижимаясь щекой к теплой груди, я рассеяно ответила:

— Я просто сказала, что мне надо в поселок Со, назад. И он полетел.

— Но для того, чтобы пустить ниясыть в зияние, необходимо представить то место, куда лететь. Ты представила его?

— Ну, да. Я тогда подумала о ночном поселке. Я вообще, часто образами думаю. И сны мне красочные снятся.

— Интересно, — хмыкнул он.

— Ты о чем?

— Ириданкам редко сны снятся. Причем только черно-белые, — он глубоко вздохнул. — Все в тебе не так, как у всех женщин. И все-таки, откуда же ты?

— Я бы тоже хотела это знать...

Вот так, обнимая друг друга, замерев, мы простояли довольно долго. Потом проснулась Забава и изумленно взвела на нас глаза. Она доложила, что выпалась и желает кушать. Отлипнув от мужа и быстро накинув платице, я повела ее вниз. Лахрет, подобрав аптечку, пошел за нами.

Внизу все уже прибрали. Выпросив у Арамсов пару рыбинок для Забавы, мы сообщили что улетаем в атконнор. Расцеловав нас всем семейством и благословив в дорогу, Арамсы вручили нам некоторые драгоценности и отпустили домой. Все гости возвращались на вызванном флайере, а мы с Лахретом решили лететь на Лирите. Так что простились заодно и с гостями.

Прилетев в атконнор, решили немного потренировать Забаву на парфлете на полеты, ведь она пропустила довольно много тренировок. Лирит старался помогать, как мог, но моя девочка требовала самостоятельности. Она мне твердила, что хочет скорее окрепнуть и исполнить мою мечту — понести меня на своей спине в небесных просторах, как недавно Шима. Лахрет пожал плечами, что природу ей все равно не опередить, так что сяду я на нее как положено, лишь, когда ей исполнится полтора года. Потом мы проголодались. Сообщили Фие, что будем обедать в комнате, чтобы та привезла еду. Войдя в свои апартаменты, я плюхнулась на кровать, раскинув, как звезда, руки, и расцвела в счастливой улыбке. Забава забралась рядом и устроила голову у меня на животе. В общем, настоящая семейная идиллия...

Тут Лахрету позвонили. Он вышел разговаривать на балкон и я не заметила, как отключилась от мира, уйдя в водоворот раздумий. Краем глаза заметила, как Фия вошла в комнату и начала накрывать на стол. И только лишь когда пошла звать Лахрета на обед, обнаружила, что его нет. И Лирита тоже. Вот тут я и зависла. Недолго же длилась эта семейная идиллия у нас... аж целых пол дня! Не поняла. А почему он не предупредил меня?! Вот так, ни пока, ни до свидания! Я, недовольно хмуря брови, вернулась в комнату и с мрачным «Я сама буду есть» принялась за еду. Забава чавкала внизу свою жирную океанскую рыбу. Фия ничего не спрашивала, стоя в стороне. И вообще из нее вышла весьма

плохая собеседница. Сколько не пыталась ее разговорить, все сводилось к вопросам и ответам, как допрос. Так что я давно уже смирилась с ее молчаливым присутствием.

После того как уложила Забаву и вымылась в ванной, Лахрета я так и не обнаружила в комнате. Попробовала дозвониться. Ничего. Не отвечает. Начала волноваться. Потом решила крепко обидеться на него. Ведь мы хотели пойти вместе в библиотеку и, наконец, узнать, что там перевел Зунг, а он!.. В общем, решила идти одна.

Шла, оглядываясь. В пустой темноте коридора робко прорезался желтый свет маленьких светильников. Стоя у лифта, я напряженно отбивала пальцами канонаду по откосу. В голове вертелась нескончаемая карусель вопросов о загадочном исчезновении мужа. Обидно до слез. Ладно, ушел. Но хоть предупредил бы!

Лифт опускался в подвальные помещения с обычной скоростью, но мне казалось, что его кто-то сверху тянул назад, и он нескончаемо медленно тащится по своим шахтам. В библиотеке масса учащегося народу сновало туда-сюда с книгами и коммуникаторами, читая на ходу. На меня никто не обратил никакого внимания. Слишком все заняты своими учебными делами. Комнату я еле нашла. Ее заставили стеллажами так, что только если знаешь, что там что-то есть, то сможешь найти. Протиснувшись в узкую щель, я очутилась в небольшом окружении стеллажей с глухими стенками. Они легко закрывали комнату (даже открытую) от посторонних глаз.

Сейчас она оказалась открыта. Зунг явно был здесь только что. Об этом красноречиво свидетельствовали разбросанные на столе записи и книги, обрывки бумаги, недоеденный обед и еще парующий недопитый кирг. Я заглянула в записи. Множество непонятных символов, зачеркиваний, надписей, вставок. В общем, рогатый голову сломает. Да еще почерк, как левой ногой через форточку. Ужас! Я оторвалась от закорючек профессора по языковедению и отправилась рассматривать картины в арках. Не спеша прошла вдоль, почесала подбородок, поморщила лоб. Задумалась возле последней, рассматривая красоту звездного неба и льющегося сверху таинственного синего света. Завораживающее чудо красок. Не заметила, как отвлеклась от загадочных картин, и задумалась о странном исчезновении мужа. Хм. Как не привычно звучит... мужа... Неужели я замужем? Отсутствие одного внушало некоторые сомнения. Где же его носит? А главное, почему не предупредил и не отвечает на звонки? Вот обижусь к такой-то бабушке и пусть подъезжает как хочет. Ишь ты! Господин нашелся! Потом оторвалась от созерцания комнатных красот и села на стул, где по счастливой случайности ничего не оказалось. Протянула руки на стол и уронила на них голову. Замерла. Ну, пусть только попробует заявится сегодня ко мне! Вот просто не знаю, что сделаю! И не посмотрю, что большой!

— Иата Лана? — изумленный голос библиотекаря вывел меня из дремы и заставил поднять голову.

Шея противно заныла. Видимо, долго пролежала так, в задумчивости. Потерла ее, скривившись на ноющую боль.

— Да, я. Как видишь.

— Давно вы тут?

— Не знаю, не засекала.

— Простите, я отлучился. Думал ненадолго, да задержал один учащийся...

— Ничего. Как-нибудь переживу, — махнула я. — Вы лучше расскажите, что вы там перевели уже!

— О! — он плюхнулся рядом и начал суматошно рыться в куче бумаг. — Да-да! Я еще

вчера их перевел и сообщил об этом господину Лахрету. Он вам не говорил?

— Намекнул, — вильнула я от ответа.

Вот же! Конспиратор! Не буду вспоминать плохие слова в его адрес. Что-то не припомню, чтобы он что-то говорил. Или говорил? Я глубоко вздохнула и выдохнула. А Зунг тем временем лепетал дальше:

— А где он, кстати?

— Не спрашивай, не знаю, — мрачно покосилась я на собеседника. Вот и он мне «селея» на рану льет! — Лучше расскажите мне, что вы там узнали!

— Да-да, иата! Дело в том, что я так углубился в определение каждого слова, чтобы понять значение самого предложения, что совсем запутался! Выражения вроде бы понятны, но и в то же время намекают на что-то другое, — он продолжал энергично тараторить, лихорадочно перебирая все на столе. — Где же она?! — начал нервничать он.

Я отстраненно наблюдала за его хаотичными движениями. Этот человек мне напоминал какое-то животное. Не могу сказать точно... Роемся, роемся, потом вытянется, оглянется, замрет. Потом снова рыться. Не суслик ли?

— О! Вот он! Нашел! — он с торжественным видом вытянул из-под толстенной книги довольно чистый листик, который предательски прятался под энциклопедией карского языка, выставив наружу только маленький свой кончик.

На нем было аккуратно выписано и пронумеровано семь коротких абзацев.

— Я специально переписал его, чтобы было понятно и наглядно, — он выпрямился и направил на меня ликующий взгляд.

Вид настоящего кладоискателя, нашедшего сокровище! Словно он по крупичкам выискивал скудные знания о древнем языке. Вымывал, просеивал, как старатель у горного холодного ручья, выискивая золото. А теперь светился, как лампочка.

— Читайте! — протянул он мне рукопись.

Я дрожащими руками приняла лист и заглянула в него. Там уже понятным почерком было написано:

И был мир после создания. Творения (я поначалу подумала, что люди, но потом, оказалось, что не только) во всем покорялись Создателю. Он велел Старшим воспитывать Младших. И они вместе служили Ему. Создатель подарил им силу и связал их с нею. Но герны восстали против Его власти и сотворили того, кого не должно было быть. Тогда Создатель отвернулся от них и настала тьма, покрыв умы гернов. Она убила их, лишив детей Воспитателя. Но знай, о! жаждущий правды! Свет укажет тебе путь!

Зунг театрально вытянул лист из моих рук, положил его на стол и, многозначительно покосившись на меня, слегка вскинул подбородок. Я задумалась. Словно в этих словах написана краткая древняя история Заруны до доисторической эпохи, откуда не сохранилось никаких сведений. Далее последовали эпохи блужданий и междоусобных войн. А здесь... даже если эта комната не приведет нас к Зарунской рукописи, все равно это историческое событие, так как здесь письменно зафиксирована информация о жизни людей до эпохи блужданий. Некоторые археологи бы голову отдали за такую находку. Наран еще раньше на уроках истории говорил, что с тех давних времен почти ничего не сохранилось. Считается, что материк Иридания в те дни заселен не был. Что герны жили на каком-то из других пяти материков Заруны, а люди заселились на континенте, желая укрыться от тараков. Тараки, почему-то не особо жаловали самый большой материк. Словно боятся чего-то. Но чего? Опять меня что-то занесло не в то русло. Зунг нетерпеливо топал ногой и не отводил от меня

внимательных глаз.

— Вы уже разобрались со значением этих слов? — оторвалась я от своих дум.

— Вот, занимаясь этим до того, как сбегать по нужным делам, — он жестом указал на стол, как на поле битвы за знания.

— Даа, вижу, активно вы этим занимались... — скептически скривилась я, многозначительно расширив глаза на указанное место.

— О! Простите за беспорядок! Но мне так легче работать. Все под рукой! — он виновато составил брови. — Я вот, что подумал. Каждая надпись каким-то образом связана с картиной под нею. Я пытался это связать. Поднял некоторые исторические сведения и... в общем, зашился я. Нужен свежий взгляд.

— Значит, будем смотреть, — пожала я плечами и оглянулась, снова взяв в руки лист бумаги с переведенным текстом.

Встала со стула и подошла к первой. Заруна. Вид из космоса. Словно фотография. Удивительная реалистичность. Неужели такое могли в доисторическую эпоху? Читаю: «И был мир после создания...» Зунг сказал, что каждая надпись связана с картиной, словно пояснение к изображению. Ну, тут ясно. Нарисована планета, значит, ее создали и все было хорошо. Следующая: «Творения покорялись во всем Создателю». И тут все ясно... Я прошлась возле каждой картинке и задержалась у последней. Если предыдущие были повествовательного характера, то последняя была обращена к читателю. «Но знай! О! жаждущий правды! Свет укажет тебе путь!» Хм... что бы это могло значить? Ну, «жаждущий правды» — это мы, искатели. Путь... ну, это то, что приведет нас к правде. Но что значит свет? Свет. Свет. Свет...

— Может, свет — это знания? — вслух предположила я.

— Я тоже так подумал, — устало потирая переносицу, ответил Зунг. — Но что-то не вяжется с поисками. Какие именно знания тогда? Откуда? Если от той самой рукописи, то почему неизвестно, где она? Но, если же это слово имеет двойное значение... — он пожал плечами.

— М-да. Если свет буквальный, то он должен откуда-то светить, ведь так? — оглянулась я на зрителя библиотеки. Тот согласно кивнул. — Тогда откуда и куда? Где он должен светить? — я положила в размышлениях руки на стоящий перед аркой пюпитр и шумно выдохнула. — Хм... тупик.

— А может и нет, — возразил он. — Вы, иата, правильные вопросы задаете. Это может к чему-нибудь нас привести...

— Да? — я приободрилась похвалой незаурядного человека и заскрежетала жерновами разума. Они недовольно завозмущались, ибо совершенно запутались.

Те самые вопросы только заводили в тупик, а не проясняли ситуацию. Через минут пять напрасных усилий моего слабого разума, я раздраженно хлопнула ладонью по пюпитру. Вековая пыль взмыла вверх, попав в мои бронхи. Я закашлялась. Фу! Стоп! А зачем здесь стоят эти пюпитры? И у всех одинаковая выемка под какую-то книгу...

— Зунг!

— Да, иата... — зритель оторвался от рассматривания картины.

— А для чего тут стоят эти штуковины? — я пальцем указала на пюпитр.

— Сам над этим долго думал. Для меня это очередная загадка.

— Я заметила, что на каждой из них одинаковая выемка. Очень похожа на форму книги.

— Я тоже так подумал.

— А ты сравнивал их размеры?

— Да. Все идентичны.

— Интересно... мне кажется, что здесь должна лежать какая-то особенная книга.

— Но какая? — Зунг уронил голову на подставленную ладонь. — Это вопрос.

— Да уж... действительно вопрос, — прикусила я губу и снова повернулась к изучаемому предмету.

Во время этой паузы зазвонил коммуникатор. Надо же! Лахрет соизволил позвонить. Видимо вспомнил, что у него уже есть жена, с которой надо иногда общаться. Не хочу с ним говорить! Проигнорировала его звонок. Тот еще пару раз попытался дозвониться и бросил это гиблое дело. Я старалась не обращать на него внимания, а затем вообще выключила звук. Зунг подозрительно косился на меня, но деликатно промолчал. Я же поднесла пальцы к губам в глубокой задумчивости.

— Я думаю, что это должна быть какая-то особенная книга... — негромко протянула я и хмыкнула.

— И она должна быть очень древней! — озарило моего собеседника.

— Наверное, когда они создавали эту комнату, они должны были понимать, что ее могут найти не скоро... поэтому должны были использовать такую книгу, чтобы она была популярной и читаемой... — каждый раз я делала паузу и хмурила брови сильнее и сильнее.

— Но они не хотели, чтобы кто-нибудь из врагов мог догадаться, что эта книга — ключ... — вторил мне в задумчивости Зунг.

— Угу... — я с шумом выдохнула. — Может, если ее положить сюда в это углубление, то что-то должно проясниться.

— Но где ее искать?

— Может быть, она спрятана где-то здесь? — предположила я и раздраженно отбила звонок Лахрета, так как он снова позвонил.

Зунг же опустил отрешенный взгляд в пол, копаясь в закромах своего незаурядного разума. Мое предположение натолкнуло его на какую-то мысль и он, видимо, пытался ее оформить в слова.

— У нас в распоряжении целая библиотека! Я подумаю над тем, что именно нам надо искать. Если учесть условия, что у искомой книги есть размер и возраст, то область поисков сужается в сотни раз, — его глаза лихорадочно забегали по полу, будто там он читал ответ.

— Я думаю, она должна быть очень старой... — в унисон с ним произнесла я.

— Да-да! Даже старше этого здания! Времен, когда только построили архив, на фундаменте которого стоит атконнор.

Он закопался в кипу бумаг и чуть слышно забубнил:

— С того времени осталось совсем мало книг. Они хранятся отдельно... хотя не исключено, что их могли случайно переместить в другие отделы. Ага! — он торжествующе откопал из свой плоский ком, затем внес в строку поиска известные только ему данные и просветлел, когда получил результат. — Вот! Атконнор стоит здесь две сотни лет. До этого здесь был архив... так-так-так, — он листал в своем коме страницы. — Он был основан тысячу лет назад... хм... надо же... я этого не знал...

— Что там? — я подскочила к нему и заглянула через плечо.

— Вот, смотри, — он худым пальцем ткнул в замысловатую вязь букв, составляющих слова. — Здесь говорится, что до основания архива на этом месте стоял чей-то дом. Его снесли и решили его не рушить, а просто расстроить дальше. Строители говорили, что это

был дом одного хранителя знаний... ну, ты знаешь, раньше людей, писарей и переписчиков манускриптов называли хранителями знаний... ага, так вот, этот хранитель был особенный. Он был прямым потомком одного человека, который пришел со стороны гор Градасса. Ходят непроверенные слухи, что в кольце этих гор существует малочисленное поселение людей, которые ни с кем не общаются. Их наездники называют отшельниками. Этих людей можно встретить и сейчас в топях болот, окружающих со всех сторон горы, но весьма редко... они сторонятся людей из окружающего мира.

— А, это те дикари с дубинками?

— Нет-нет! Те довольно «общительны». Я о другом поселении. Их сейчас, наверное, уже и не осталось. Говорят, что это был целый культ. Они из поколения в поколение хранили какой-то секрет, который завещали им древние.

Я широко распахнула глаза, стараясь запомнить каждое слово, произнесенное этим гениальным человеком. А он продолжал читать:

— Именно из уважения к этому человеку... у него, кстати, не было детей... его дом не стали разрушать... хм...

— Что? Что? — топталась я на месте, так как плохо понимала стиль написания этого документа, коий он читал.

— Тут говорится, что он имел воспитанника, который был первым смотрителем этого архива и который активно участвовал в его строительстве. Этот воспитанник был талантливейшим архитектором, а также прекрасным сочинителем и писателем. Он создал несколько художественных произведений, которые стали классикой, читаемой каждым ириданцем. Самой популярной была книга... эх! — и он расстроено смолк.

— Да что такое? Договаривайте!

— Здесь не говорится, какая именно книга была самой распространенной. Но это не беда! С того времени сохранилось книг около нескольких десятков. И тем более, у нас есть подсказка! Размеры! — он вскочил и вытащил, как по волшебству, небольшую линейку из кармана. Ну не фокусник, а?

Принялся измерять выемку и продолжил что-то бубнить. На этот раз я уже не могла расслышать, что именно. Но и не пыталась, так как меня отвлек снова звонок Лахрета. Я тупенько уставилась на имя, написанное на экране, и молчала. Пусть звонит. Пусть знает, что это такое, когда ты звонишь, переживаешь, а тебе не отвечают! Можно просто с ума сойти от бурной фантазии. Я, может, тоже занята.

— Есть! — воскликнул ученый муж, подошел к столу и на клочке бумаги написал размеры. — Держите! Я покажу вам отдел, где хранятся старинные книги. Мне будет нужна ваша помощь. Их слишком много, я буду долго копаться там.

— Хорошо-хорошо! — я с готовностью пионера шагнула к выходу, спрятав в ладони записку и линейку.

— А я пока пойду, пороюсь в главном коме. Надо выяснить все списки древних книг, — продолжил он говорить, выходя вслед за мной из комнаты и гася свет.

У длинного и высокого стеллажа с ветхими запыленными книгами, как артефактами библиотеки, я почувствовала, как подкашиваются ноги. Вот подумаю, что мне каждую надо измерить, так и сводит дыхание. Но, как говорят, глаза боятся, а руки делают. Помахав с натянутой улыбкой Зунгу ручкой, я приступила к стеллажу. В общем, работа закипела. Одна книга, вторая, третья и так далее. Некоторые я сразу откладывала, из-за явного несоответствия. То маленькая слишком, то слишком большая. Не заметила, как и время

полетело.

Вдруг, из полной сосредоточенности вывел меня довольно знакомый голос:

— Так и знал, что найду тебя здесь!

Я вскинулась и резко обернулась, точно застуканный на месте преступления воришка. Лахрет стоял рядом, опершись левой рукой о полку стеллажа и скрестив ноги. Глаза полные укора. Где-то внутри у меня даже что-то сжалось от радости, что он пришел, но роль обиженной велела себе играть до конца. Я демонстративно, молча, отвернулась, взяв с полки очередную книгу, и приложила к ней линейку. Конечно, все перед глазами расплылось и заплесало, но все-таки.

— Лана! Я с кем разговариваю? — ого! Меня даже передернуло от его сердитого тона.

Так! Лана, держись! Не поддавайся на давление! Веди борьбу до конца!

— Я занята, разве не видишь? — фух! Голос не дрожит.

— Я тебе звонил несколько раз. Почему отбивалась?

— Я была занята, я же сказала, — надо же, даже получилось сказать с недовольством!

Брови мужчины изумленно взлетели резко вверх в сторону затылка. Он перевел свой вес на вторую ногу и оторвался от полки. Я нутром почувствовала, как растет его недовольство и непонимание. Видимо, я одна из немногих, кто так неожиданно неадекватно реагирует на него. Ланочка, ты обязана победить эту битву! Он должен научиться меня уважать. Может, выбрала не тот метод, но, пока, знаю только его.

— Лана, я звонил тебе семь раз! — он выхватил из моих рук книгу и отправил ее на место, призывая мое внимание.

Театрально не поднимая на него глаз, беру следующую, процедив:

— Я тебе днем больше звонила.

— Ах, вот оно что! — он закатил очи горе. — Значит, обиделась?

Так! Ничего не отвечаем. Пусть молчание ответит за меня. Меряю сторону другой книги. Не совпадает. Слышу, отбивает раздраженную дробь на полке стеллажа. Начинает нервничать.

— Мне необходимо было срочно улететь. Это связано с делом тех беглецов. Кое-что прояснилось. Мое присутствие было необходимо.

Я снова не ответила. Присела. Беру следующую книгу. Он раздраженно цокнул, захватив меня за плечи, поднял на ноги и развернул перед собой так, чтобы смотреть в глаза.

— Ты, наконец, поговоришь со мной?!

Я, молча, отвела влажные глаза в сторону. Внутри все сжалось от волнения. Все-таки спорить с ним сложно. На меня тяжело груженым возом накатывали смешанные чувства. С одной стороны я хотела на все плюнуть и прижаться к его груди, а с другой — развернуться и уйти, показав свою гордость.

— Пойми же ты, у меня есть долг! Я должен был...

— Меня не волнует сейчас твой долг! — выпалила я, наконец, перебив его, и, наконец, подняла на него глаза. — У тебя есть долг теперь и передо мной! Или уже забыл?! Я не сержусь, что ты отправился выполнять свои обязательства перед родиной, но неужели тебе так трудно было заглянуть в комнату с балкона и просто сказать: «Лана, я отлучусь ненадолго по работе»?! Неужели ты думаешь, я бы тебя не отпустила?! Я думаю, что заслуживаю твоего уважения. Даже в мелочах, — я сверкнула глазами. — Ты бы хотя бы подумал, что я могу переживать. Да ещё на звонки не отвечаешь. Я звонила даже больше, чем ты!

Лахрет с досадой застонал. Вот тебе и семейная ссора. А хотела, чтобы без этого. Эх! Мечты наивной девочки... Он покачал головой и составил виновато брови. Дошло. Однако не захотел сдаваться. Проклюнулась природная мужская гордость и упрямство.

— И из-за такой мелочи дуться?!

Я возмущенно дернула головой и вырвалась из его рук.

— Мелочи?! Это, дорогой мой, элементарное уважение, а не мелочь! — и слово «дорогой» у меня получилось как ругательство.

Он вздрогнул и упрямо выдвинул челюсть. Боец!

— Я не думаю, что на это стоит обращать внимание.

— Значит, не стоит?!

Не действует. Тогда пускаем в ход мощное оружие. Антимужчин называется. Правда, стараться особо не надо было. Слезы обиды сами хлынули бурным потоком из моих глаз. Кто-то мне когда-то говорил, может быть даже в прошлой жизни (я имею в виду до потери памяти), что мужчины очень боятся женских слез... О! подействовало! Он растерялся. Расширил глаза и потерял всю свою боевую хватку.

— Ланочка... — его пальцы нежно коснулись моего лица и принялись вытирать соленую воду со щек. — Прости меня... я не хотел... только не плачь... я... я... прости, милая моя... — я пару раз для выразительности всхлипнула и засопела носиком.

Его руки, устав бороться с непрекращающимся потоком сырости, ухватили за плечи и ласково прижали мое заплаканное личико к груди. Все. Победа! Теперь все в порядке. Мир и покой. Повсхлипывала еще пару раз для убедительности и затихла, торжествуя над победой. Теперь будет сообщать об уходе. Точно извлек урок. Его нежные руки ласково гладили меня по голове, спине, плечам. Как же тепло и уютно в его объятиях! Привыкай, родной, возиться с женщиной. Это тебе не взвод солдат, на которых надо командным тоном рыкнуть и все всё поймут. С нами надо нежно, с сочувствием. А там мы умеем быть благодарными... ну, по крайней мере, я так точно.

— А что ты тут делаешь? — через пару минут молчаливого стояния подле стеллажа, спросил он меня, желая перевести тему.

А я уже и забыла! Вот же странное дело, сколько раз уже за собой замечала, что забываю обо всем в его руках...

— Чем ты тут занимаешься важным? — в его голосе уже не было звона холодного металла.

И я рассказала ему о том, о чем мы с Зунгом додумались. Лахрет слушал внимательно и нахмутив напряженно лоб. Только я закончила рассказ, подошел Зунг с весьма сосредоточенным взглядом. Увидев Лахрета, он почтительно склонился в приветствии и произнес:

— Я просмотрел архивные данные библиотеки только что. Узнал, что с тех пор не сохранилось ни одной книги... — лицо его хранило невысказанное расстройство.

— Что, совсем никакой? — поднял брови ятгор.

— Да. Но я еще кое-что узнал... В то время существовала группа переписчиков, называемых мазоредами. Не буду уточнять историю об этих людях. Скажу лишь, что они считали своим долгом сохранять и распространять самые выдающиеся книги их времени и те, которые дошли до них в неизменном виде.

— И что? — Лахрет сложил руки на груди.

— Так вот, копии, вышедшие из-под их рук, есть в нашей библиотеке и хранятся в

отделе раритетной литературы. Это здесь, почти в самом конце. Их всего осталось пятнадцать штук. Единственная проблема, что они могут оказаться не на месте, а среди остальных, — он поманил нас в тупиковый конец изучаемого мной отдела. — Только в коме нет их изображения, одни названия. Надо их найти и посмотреть, не подходит ли какая-либо из них под ту выемку в этих стойках возле картин.

Мы слушали его очень внимательно, медленно бредя следом. Он пальцем вел возле книг, внимательно высматривая каждую. Остановился возле ряда старинных книг.

— Вот они! — ткнул Зунг пальцем в тот ряд, что находился на уровне груди. — Хотя здесь не только упомянутые. Но они есть точно среди этих старых книг, — он заглянул в список на бумажном клочке, прихваченном с собой от центрального кома, затем на книги. — Хм... так эта, эта и эта, — он указывал на старые дряхлые книжонки.

Мы с Лахретом сразу же достали их с полки и принялись вертеть в руках. Я достала линейку и мигом измерять. Одну сразу убрали, даже без линейки было понятно, что маленькая. Вторая вроде и подходила, но толщина и длина оказались немного меньше. Так мы просматривали все, что указывал нам Зунг, однако ни одна не подошла под указанное описание. Это повергло хранителя в обеспокоенное замешательство. Что-то не так.

— Странно, здесь нет трех книг... — он озадаченно поднес палец ко рту и оглянулся в сторону длинного стеллажа. — М-да...

— Что?

— Я даже ума не приложу, где их искать...

— Ну, значит, пойдем и продолжим перебирать, как я только что делала... — пожалала я устало плечами.

Меня пробирало до дрожи, когда я представляла себе, как снова буду перебирать и мерить. У меня уже болела голова, а что тогда будет дальше?

— Я не думаю, что вы, иата, сможете так долго здесь сидеть... — передернул плечами хранитель. — У вас такой уставший вид...

Лахрет обхватил меня за плечи и посмотрел на Зунга:

— Я, наверное, отведу иату спать. Она действительно, устала.

Я возмущенно вздернула подбородок и вывернулась из его рук.

— И с чего вы взяли, что я устала? — моргнула я слезящимися глазами.

Моё неправдоподобное храбрение лишь рассмешило мужчин. Лахрет упрямо развернул меня в сторону выхода и, нагнувшись к моему уху, громко прошептал:

— Зунг узнает, как выглядят недостающие книги, и даст завтра нам их описание, а заодно просмотрит сам возможные места. Ты сегодня слишком много событий пережила. Наша дорогая кашиасу должна тоже отдыхать, как и ее королева.

Я шагала перед ним, как кукла, понимая, что действительно устала и хочу спать. Поэтому сопротивлялась больше для виду. Махнув Зунгу на прощание рукой, мы скрылись за поворотом стеллажей. Через пять минут молчаливого шествия по извилистым коридорчикам библиотеки, мы подошли к лифтовой круглой комнате. Вызвали лифт. Молчим. Я смотрю строго перед собой и чувствую, как глаза непослушно слипаются. На хронометре, что светился на табло над дверцами лифта, цифра указывала на приближение полночи. Лахрет стоял чуть позади, поэтому я не видела его лица, но чувствовала, как он пристально рассматривает меня. О чем он думал, не могла услышать без Забавы. А она сладко спала у меня в комнате на постельке, так что приходилось только догадываться.

Приехал лифт, и мы вошли в кабину. Лахрет нажал на какие-то кнопки, но я не

удосужилась посмотреть, куда именно. Устало прислонившись к стенке лифта, я запрокинула голову и закрыла устало глаза:

— Да, ты был прав, я действительно устала...

Хотелось только одного, доползти до постельки к своей Забаве и выключиться. Лифт монотонно тихо гудел, сообщая о своей работе. И все. Я не вижу Лахрета, но продолжаю чувствовать его пристальный изучающий взгляд. А потом тепло. Совсем близко. Потом жар на губах. Распахнула от неожиданности глаза и осознала, что Лахрет целует меня, страстно и жарко. Только и смогла, что взмахнуть руками, как крыльями, и замычать. Вырваться не представлялось возможным. Позади стена лифта, впереди Лахрет, а по бокам его руки, упертые в ту самую стену. Но сопротивлялась я ровно две секунды. Потом приток адреналина и эндорфина ударил в мою сонную голову оглушительной наковальней, а сердце лихорадочно забилось в животе. Я чувствовала бешеное сердцебиение мужчины под упершейся в его грудь ладонью. Напившись всласть поцелуем, он отодвинулся и заглянул лукаво в мои глаза. На его губах играла довольная улыбка.

— Наглец! — выдохнула я.

— Прости, случайно вышло. Ты так манила меня, беспечно расслабившись у стены, что я просто не смог удержаться...

Я одарила его взглядом, полным укора.

— Вообще-то ты еще Зунгу сказал, что мне пора на отдых, а теперь ты вынуждаешь меня... уже ученая...

— Какая ты у меня догадливая... — он обольстительно расширил свою шаловливую усмешку.

И тут дверца раскрылась. Это был не мой этаж.

— Где мы? — удивилась я.

— Я хочу показать тебе свои апартаменты. Ты ведь никогда у меня не была еще в гостях... — он, продолжая пленительно мне улыбаться, взял за руки и увлек за собой.

Мы были на этаже преподавателей-наездников. Длинный светлый коридор с желто-оранжевыми стенами, освещенными слабыми светильниками в виде свечей, казался загадочно-тихим. Ноги ступали по бардово-коричневому мягкому ковру. Лахрет подвел меня к четвертой справа двери с надписью «8». Открыл дверь через свой коммуникатор, используя его как ключ. Довольно дорогое в Ире удовольствие.

Комната его была в несколько раз скромнее моей. Кровать без балдахина. Картин нет. Голые зеленые стены с замысловатым абстрактным узором. Стол, стул, кресло, шкаф, прикроватная тумба и, пожалуй, все. Он подошел к столу, оставив меня у двери рассматривать помещение, и положил на него коммуникатор. Надо же, я первый раз в комнате у мужа. Смешно! А он у меня сутками пропадает. Видно, я не такая смелая и решительная.

— Ну, как тебе? — спросил он, обводя взглядом свое жилище.

— Скромно... — единственное, что я смогла из себя выдавить.

Он снова лукаво ухмыльнулся и подошел, как хищник, мягкой походкой.

— Я чувствую твое волнение... Ты до сих пор меня боишься? — он ласково провел ладонями по моей голове и задержался на подбородке.

Грудь непослушно взволнованно взмыла вверх, и я блажено прикрыла веки. Странно, мне кажется, или я чувствую его эмоции? Словно они текли ко мне через его ладони. Он приблизился и совсем рядом у моих губ прошептал:

— Ты не против сегодня эту половину ночи провести со мной?

— У меня есть выбор? — я загадочно моргнула, пленительно улыбнувшись мужчине. —

По-моему, ты мне его не оставил, поцеловав в лифте.

Тепло его тела, горячее дыхание на моих губах, независимо от моего желания, пробуждали уже знакомое чувство влечения. Мои руки стремительно взвились вверх, обвив его мужскую шею, а тело пластично прижалось к нему.

— Я люблю тебя, моя Лана... — прошептал он прежде, чем я покорила желанием.

А потом все закружилось, завертелось, заплесало. Лишь его руки, губы, тело имело сейчас какое-то значение. Он что-то шептал мне в порыве страсти, но я почти ничего не слышала, отдавшись бурному порыву влечения, охватившем меня благодаря его нежным ласкам. Не знаю, как вещи слетели на пол, но уже через несколько минут меня аккуратно уложили на постель и...

*** **

Привычное тепло лежавшей рядом Забавы всегда успокаивало меня и создавало чувство уюта. Поэтому рядом с ней я всегда спала крепко и сладко. После того, как меня провели до моих апартаментов, попрощавшись сладким поцелуем в... щечку, я еле долезла до своей малышки и заснула, в чем была.

А теперь, утром в выходной день, когда я могла выспаться досхочу, кто-то наглым образом ввалился в мою комнату и громким шорохом одежд заставил открыть глаза. Нехотя села в постели. Вставив руки в бока и ходя туда-сюда у моей кровати, ждала моего пробуждения шиасу Ира. Заметив, что я, наконец, соизволила продрать глаза, она остановилась и вперила в меня красивые синие глаза, полные злого яда и презрения.

— Проснулась, наконец-то! — вскинула вверх руки Мара.

Нет! Всё! Сегодня же займусь тем, что поставлю замок в двери. Надоело, что в мою комнату вваливаются все подряд, кому только влезет в голову желание созерцать моё лицо. Меня ее разгневанный вид не впечатлил, а наоборот, взбесил, и я раздраженно уронила тело на постель, не обращая внимания на возмущенный возглас незваной гостьи о том, что я проявляю дикое неуважение к ее персоне. Надо же, честь какая! Завалилась без спроса и жаждет, чтобы ей были рады. С последнего раза, послушав нелестные комментарии обо мне, у меня отпало всякое желание лицезреть эту дамочку. Думает, я ее испугалась что ли? Я огляделась. Забавы нигде не наблюдалось.

— Забава! — позвала я свою кроху, продолжая игнорировать Мару.

Слева из-под кровати высовывается перископ в виде головы моей королевы. Глаза испуганно блестят в свете утреннего солнечного света, льющегося из отшторменного окна.

— Что? Я уже проснулась, — мигнула она большим фасетчатым глазом и перевала его на ошалелую фурию у моей постели.

— Госпожа Мара, я бы с удовольствием проявила бы к вам достойное уважение, если бы вы, — ответила я ей, все-таки поднимаясь с постели и поправляя неснятую с ночи одежду, — соизволили предупредить о своем визите. А так, — поднялась с постели, — извините. Я совершенно не готова вас принять.

Она распахнула возмущенно рот от моей неучливой речи. Я же присела возле Забавы и ласково погладила ее по голове. Та была явно напугана. Чем? Мои раздумья прервала пришедшая в себя от моей беспардонности шиасу:

— Как ты посмела меня послушаться!

Я оторвалась от ласкания лежавшей у кровати на коврик Забавы и вскинула на гостью

голову.

— Что вы имеете в виду?

— Я прямо тебе сказала, что не довольна твоим выбором спутника! Ты же, не смотря на мой протест, заключила с ним брачный контракт!

— Так я же вам ответила, госпожа Мара, что не нуждаюсь в вашем одобрении. Неужели я неясно выразилась? — я спокойно поднялась на ноги и выпрямила спину. — Лахрет — мой выбор и я не жалею о нем ни на секунду. Поэтому ваши претензии, пожалуйста, оставьте при себе, уважаемая.

Она вздрогнула и дернула головой.

— Как ты смеешь со мной говорить в таком непозволительно хамском тоне?! — если бы гнев был похож на искры, то Мара бы была бенгальский огонек.

— Ой! — я деланно хлопнула в ладони. — Простите! Это, видимо, из-за того, что я пока не пробудилась толком ото сна. Поэтому так веду себя. Думаю, пришли бы вы позже, когда я была бы выпавшейся и собранной, наверняка бы говорила мягче. А так, я не люблю, когда ко мне вламываются в комнату без разрешения и начинают сыпать претензиями! За кого выходить замуж — мое личное дело! И я не собираюсь выслушивать ваши претензии. Так что будьте добры, госпожа, покиньте помещение! Вон дверь, — я указала на выход. — Я вас не держу.

Та разве что не булькала, кипя от ярости. Как же я ее задела! Она поджала упрямо губу, но, явно, уходить не собиралась. Видимо, пришла не для того, чтобы поругаться со мной. Поэтому, пропустив мимо ушей моё последнее «приглашение», продолжила свою тираду:

— Ты вообще, понимаешь, что теперь Лахрет стал лортом?!

— И что? Теперь надо стать на балкон и кричать во все горло, что я вышла замуж?!

— Нет, — она понизила тон, но от этого речь ее не стала ядовитее. — Тебе должно быть известно, что после заключения брачного договора, кашياسу обязана организовать обед в честь этого события. Это для того, чтобы сообщить общественности о случившемся.

— Хорошо, я скажу об этом Лахрету. Что-нибудь придумаем, — я присела за накрытый стол, желая показать, что не желаю больше с ней говорить.

Мара сжала кулаки и произнесла довольно сдержано и уже спокойно:

— Я понимаю, что ты чувствуешь большую свободу из-за того, что рядом с тобой твоя королева, но учти, что моя Кара сильнее ее во много раз. Только я не собираюсь сейчас тебе что-либо доказывать. Мое дело сообщить, что моя прямая обязанность — организовывать подобные мероприятия для кашياسу и мне придется сделать это и в данный момент. Так что от тебя ничего не требуется, только прийти на него вместе со своим новоиспеченным мужем.

— Оччень интересно, — съязвила я.

Она презрительно скривила губы. Да, я сейчас сильно загнула в общении с этой особой, но беседовать с ней у меня, сонной кашياسу, совершенно не имелось желания. И я действительно не до конца понимала, с кем имею дело. Так что всячески старалась ее выпроводить из комнаты. Она вздернула подбородок и величавой походкой с гордостью правительницы целой страны, уплыла прочь из комнаты, даже не попрощавшись. И отличненько! Надо рассказать об этом визите Лахрету. Правда ему может не понравиться, когда он узнает, как я с нею разговаривала. Ну, и пусть.

Дверь за шиасу хлопнула так, словно она спасалась бегством от землетрясения. Из-за кровати выползла Забава, как партизан из засады.

— Она уже ушла? — послышался ее робкий вопрос в моей голове.

— Угу, — я принялась за завтрак. — Иди кушать.

Хорошо, еще не успел остыть. Все-таки есть польза, что меня разбудили вовремя, а то бы ела холодное. Я посмотрела на подползшую королеву:

— Ты что, пряталась?

— Да.

— А почему?

— Я испугалась.

— Испугалась? Чего? Она же женщина?

— Ее чувства больно бьют.

— Не поняла... А как же тогда другие? Ведь они тоже испытывают какие-то чувства, но ты мне никогда не жаловалась и они тебя не пугали...

Забава озадаченно мигнула, словно спрашивая «Разве ты не понимаешь?»

— Объясни... — попросила я ее.

— Она наездница королевы-матери.

— И что? А ты — королева.

— Я еще маленькая. А ее Кара...

— Твоя мать...

— Кара сильная. Она всегда с ней. Она ведет ее всегда. Всегда слышит. Мне страшно, когда она начинает давить.

— Ух ты! А теперь поподробнее, — я даже оторвалась от своего любимого прогонара. — Я об этом уже слышала и не раз, но так ничего и не поняла.

— Это трудно объяснить... Я это чувствую.

— Ну, пожалуйста!

— Кара сильная. Она заставляет ей подчиняться. Она приказывает. Мы слушаем ее.

— А как это выражается? И почему она сильная?

— Я не знаю. Она сильная. Мара сильно чувствует. Их связь сильная, — отрывисто говорила Забава. Ей и вправду, было сложно объяснять.

Ведь она еще ребенок чуть больше трех месяцев от роду. А Кара уже немолодая и славная королева. Да еще и ее мать, хоть Забава никогда об этом не упоминала. Тогда я решила пока на этом остановиться. Пока достаточно. Забава принялась за свою еду. Вошла Фия.

— А где ты была? — спросила я каоту.

— Меня иата Мара попросила выйти. Я послушалась.

Спорить было бесполезно. Все в Ире были приучены беспрекословно слушаться своих шиасу.

— В следующий раз, Фия, я попрошу тебя, предупреждай меня. Мне не нравится, что в мою комнату заходят все, кому не лень. И вообще, я поставлю замок здесь. Моя комната — мое личное пространство. Ты меня поняла?

— Да, иата.

— Отлично! — и когда это я стала таким командиром? Власть почувствовала? — И еще. Найди мастера, что делает замки и пусть установит. Не забудь.

— Слушаюсь, иата. Еще будут указания?

Сначала я зависла от слова «указания». Потом поняла, что стала привыкать к тому, что у меня есть прислужница. Махнув на эту мысль рукой, я покачала головой, поблагодарила ее

за завтрак и вышла на балкон. Забава за мной.

Там я решила набрать Лахрета. Невыносимо захотелось услышать его родной голос, чтобы успокоиться. Тут еще невольно промелькнули нежные воспоминания о прошлой ночи, вызвав довольную улыбку. Он ответил сразу. Надо же! Сработала моя вчерашняя мелодрама. Правда, он долго говорить не мог, сказал, что занят. Потом перезвонит. Я лишь успела ему сообщить, что Мара заходила. Он был удивлен, но ничего конкретно не сказал, лишь, что будет сегодня вечером. Ладно. Чем занять себя?

Отправилась на парфлет, где с Забавой потренировались с полетами. Она уже легко держалась в воздухе и быстро ловила потоки воздуха. Я решила, что моя девочка выросла. Уже умеет летать. А всякие там воздушные пируэты, это уже потом, со временем нарабатается. Как же мне хотелось, чтобы она поскорее выросла, и я смогла бы сесть на ее спину. Но пока я стояла на земле, а она пробовала свои тонкие и слабые крылья. Наблюдая за старательными попытками моей девочки учиться хорошо летать, я погрузилась в раздумья. Чего хотела добиться Мара, придя ко мне? Просто поскандалить? Не похожа она на простую скандалистку. Логика подсказывала, что она что-то зондировала, прощупывала почву. Что-то задумала? Но как ее раскусить? Эта женщина действительно была непростой и властной. И мое чрезмерно пофигистское поведение ее только распаляет. Конечно, меня Лахрет предостерегал против нее, но мое женское самолюбие не позволяло на нее реагировать так раболепно, как это делали другие. Может, это и впрямь — следствие моего незнания, но я по-другому не могла. И это тоже меня настораживало. Почему я так упрячилась? Мне что-то не давало покоя. Интуиция? Последний взгляд, брошенный этой женщиной на выходе, заставил меня осечься. Она точно что-то задумала, но что? Легкомыслием я не страдала, но и быть всегда бдительной не привыкла. Мне здесь, в атконноре, все казалось ясным и прозрачным. Все просто и понятно. Мир власти и политики — темный лес при густом тумане. Ни с кем я бороться не собиралась, но оказалась втянутой в нешуточную борьбу за какие-то интересы.

Потом я подумала о таинственных исчезновениях, о которых мне рассказывал Лахрет. О людях, которые однажды ушли из дома и уже никогда не вернулись. Куда они исчезают? Каким образом? Замешаны ли наездники в этом? И зачем люди нужны таракам? Кто-то что-то смутно пытался мне объяснить, но я мало, что поняла. Якобы эти странные существа — продукт генной инженерии гернов, вымершей древней ящероподобной расы. Они, не знаю по какой причине, были лишены возможности иметь потомство, потому и вымерли. Поэтому они пытались найти способ сохранить свою расу. Единственным разумным способом для них явилась генная инженерия. Они каким-то известным лишь им одним методом соединили гены свои и людей. Тараки стали результатом их экспериментов. Затем герны исчезли с лица Заруны. А их наследие осталось. Зачем люди нужны таракам, я не ведаю. Говорят, для рабочей силы. Но почему люди никогда не возвращаются с этого рабства? Не сбегают? Ведь мне известна сила жажды свободы... Хотя... кто-то вроде рассказывал, что кто-то сбегал однажды. Давно. Очень давно. И рассказывал ужасные страсти. Многие посчитали их небылицами и бредом больного человека. Помню, что тот говорил, что тараки никогда не брали наездников в плен. Они их убивали сразу. Или же убивали их ниясыть. И это еще одна загадка. Почему? По словам очевидцев, тараки больше смерти боятся ниясытей. Так ли это? Я глубоко вздохнула, от вихря неразгаданных тайн этого мира. Одни вопросы. И чем дальше я что-то понимала в нем, тем больше убеждалась в том, что я совершенно ничего не смыслю. А еще эта история с Зарунской рукописью. Действительно ли она существует?

Что на самом деле в ней записано? Найдём ли мы её когда-нибудь? И когда именно? Я решила, что хоть на что-то я смогу получить ответ. Надо искать книгу, которая нам поможет прояснить вопрос о Рукописи.

После парфлета мы спустились с Забавой в библиотеку, где нашли Зунга в том же отделе книжного хранилища, где находились ветхие манускрипты. Застали его на том же занятии, что делала и я вчера. Успехов у него не наблюдалось — он ещё ничего не нашёл. Я присоединилась к нему и не заметила, как пролетело время до обеда. Конечно, поиски наши результата никакого не принесли, словно мы не там искали. Зато убили кучу времени. И все-таки этот вариант надо было проверить, поэтому мы старательно пытались приложить все силы. Забава лежала в сторонке и скучающе наблюдала за нашей монотонной и однотипной работой, однако ни разу не возмутилась. Какой же все-таки святой ребенок!

Долго ли я была в хранилище знаний печатных, рукописных и электронных, не знаю. Время пролетело быстро. Особенно после обеда, когда отвела Забаву спать. Глаза слипались от перенапряжения, слезились и отказывались что-либо видеть. Даже, как мне казалось, неугомонный Зунг клевал носом над очередной книгой. Где-то глубоко я понимала, что надо остановиться и пойти спать. Тем более завтра учебный день и прогулять его уже не имела морального права ни по каким стандартам. Попрощавшись со своим соратником по поискам, я, еле передвигая ногами, побрела к себе в комнату. Набрала Лахрета, чтобы спросить, где он. Он ответил лишь на второй раз и коротко сказал, что занят и говорить не может, что перезвонит. Меня весьма насторожил тон, с которым он мне ответил. Очень тревожный, немного протяжный, словно он о чем-то думает жутко важном и нешуточном. Будто что-то произошло из ряда вон выходящее. Конечно, уставший от поисков мозг не воспринял все слишком в серьез и вырубился, как только я уронила голову на подушку. Я так утомилась, что даже не стала ужинать и раздеваться. Так в одежде и заснула. В который раз. Это уже стало входить в привычку.

Мне снова приснился кошмар. Я бегу по ночному лесу. Позади раздаются тяжелые шаги и хриплое мужское дыхание. Хрустят сухие ветви, хвойный игольчатый ковер прогибается под ногами. Слышу, как бешено колотится сердце в груди, готовое вот-вот выпрыгнуть вон. Задыхаюсь, спотыкаюсь, падаю. Руки больно саднят от сильного удара о поваленный ствол. Снова поднимаюсь и бегу. Выскакиваю к обрыву и... Тьма.

Резко открыла глаза. Фух. Это лишь сон. В комнате темно. Все еще ночь. Лишь лунный свет холодным потоком проникал сквозь окно, освещая все предметы в помещении. И еще мужской силуэт, сидящий на самом краю моей постели, повернутый ко мне спиной. Лахрет. Он смотрел в окно, о чем-то отрешенно размышляя. Почему он здесь? Почему не у себя в комнате? Пришел ко мне и просто сидит. Ему так легче думается? Я, молча, некоторое время просто рассматривала его темный контур, не желая прерывать его раздумий.

— Я разбудил тебя? Прости. Не хотел, — не поворачиваясь, глухо произнес он.

Я приподнялась и нахмурилась.

— Что-то случилось?

— Случилось, — выдохнул он, но продолжал недвижимо сидеть у моих ног.

Этот его ответ заставил мое сердце испуганно сжаться. Я села. Меня напугал его тон. Такое вообще с ним первый раз. Я никогда не видела, чтобы Лахрет был чем-то так обеспокоен. Воспоминания о кошмаре вмиг рассеялись, и уже через пару секунд сидела рядом, положив ладонь ему на колено. Он повернул слегка голову, предоставив мне для обозрения свой резной хмурый профиль.

— Что? — теперь я была не на шутку встревожена.

— Сегодня вышла из строя вышка излучателя защитного поля, — он напряженно сглотнул. — Никто не знает, почему.

Я, правда, не поняла, о чем он, но явно это не обещало быть чем-то хорошим.

— Объясни... — я сжала его ладонь.

Он глубоко и шумно вздохнул. В ночном свете его лицо казалось особенно осунувшимся и утомленным. Начал он хриплым уставшим голосом:

— Видишь ли, не каждый в Иридании знает, как действует защитное поле. Дело в том, чтобы постоянно поддерживать все поле одновременно, необходим мощный источник энергии. В Иридании такого не существует. Просто не реально держать его запущенным везде и всегда. Ученые создали целую систему защиты. Поле поделили на сегменты, за каждый из которых отвечает определенная вышка, излучающая отражающее поле зонтичным способом. По-сути, все защитное поле — это сеть таких излучателей, способных работать как автономно, так и в системе. Источник энергии у всех личный. Но программное обеспечение у них централизованное, за которое отвечает главная станция в Кодоссе. Правда, у каждой вышки существует свой личный автономный программный пункт и кодировка каждого излучателя своя особенная. Это было создано во избежание цепной реакции выключения всей сети. Так, если одна вышка будет выведена из строя, тогда другие, стоящие рядом, перекроют ее поле работы. Конечно, тогда энергозатраты повысятся у них, но целостность поля не будет нарушена. Об этом знают единицы. Вокруг всего континента находится целая сеть сверхчувствительных сенсоров, которая настроена на ДНК тараков и их оборудование. Как только хоть один тарак сунет нос чуть ближе километра к берегу Иридании, срабатывают датчики и посылают сигнал на ближайшую вышку-излучатель поля. Срабатывает система защиты и запускается вышка. Потом все. Те, кто попадают в зону его действия, тут же отталкиваются на безопасное расстояние.

— А как рыболовецкие судна? Я знаю, что существуют контрольные пункты. Как они действуют тогда?

— На каждый корабль устанавливается особенный маяк с одноразовым ИК-кодом и передатчиком. Этот код передается на нужную вышку и, когда корабль проходит в ее радиусе, вышка не реагирует на него. Все время их пребывания за полем радары контрольных пунктов фиксируют их передвижения. Когда они возвращаются обратно, сообщают через передатчик о желании пересечь границу, и дежурный пропускного пункта сообщает им новый код. Они смело пересекают в условленном месте границу.

— А разве таракы не могут захватить корабль и притвориться, что они рыбаки?

— На каждом судне есть наездник. Именно он охраняет передатчик и маяк. Если уточнить, он находится на амуниции ниясыти. И как им пользоваться, знает только наездник и капитан судна. Так что вероятность того, что таракы воспользуются этим методом проникновения на континент, сводится к нулю. Но и на этот случай, есть предосторожность. Пограничная служба проверяет каждый корабль, возвращающийся из-за границы. Это обязательная процедура. При любом подозрительном поведении корабля и экипажа судна, активируется особая проверка. Такой корабль ставится на карантин, — Лахрет измученно потер ладонями лицо и обхватил голову за затылком. — Не хочу сейчас вдаваться в подробности. Прости, не время как-то... устал я.

Я уселась сзади и принялась массировать его широкие плечи. Он блаженно застонал.

— Прости и ты меня. Набросилась на тебя с вопросами...

Он выдохнул.

— Это сводит меня с ума...

— Что? Я?

— Нет. Эта история с вышкой. А до этого — постоянные случаи исчезновения людей. Свидетели сообщают, что приплывают суда тараков. Они высаживаются на берег поздним вечером. Вылавливают людей, и исчезают. Следы все ведут в океан. Никто не знает, каким путем они приходят, обманывают датчики и уходят.

— Это везде происходит?

— По всему периметру. И нет никакой закономерности! — Лахрет звонко хлопнул себя по колену.

— Ну, я думаю, закономерность есть, — протянула я, стягивая с него кожаную черную куртку и рубашку, продолжив разминать натянутую, как струна, спину, — просто, вы ее не можете пока найти. Ведь закономерность есть даже в хаотичном движении атомов. Есть причина, есть и следствие. Причем взаимосвязь между ними находится ближе к вам, чем вы думаете и ищете. Так всегда бывает. Чем сложнее ситуация, тем проще развязка и ее причина. Она чаще всего находится где-нибудь под самым носом, там, где труднее всего догадаться, что она там есть. Я так сужу по себе. Вечно что-нибудь ищу, а оно под самым носом. Вот вчера искала линейку в библиотеке, а она была у меня за ухом! Смешно, правда? — мои ладони скользнули к его пояснице вдоль позвоночника и снова к лопаткам. Он мрачно молчал. — Вот скажи мне, можно ли пройти датчики, обманув их? Ну, хоть малая вероятность? Так, будто корабль плывет, а датчики их не видят.

Слышу, стучит нервно носком по полу.

— Ну, есть одна возможность... — протянул он задумчиво. — Но доступ к ней есть только с нашей стороны и знают о ней единицы.

— Вот я тебе скажу так, что часто то, что кажется менее всего вероятным и является объяснением самой запутанной и сложной ситуации... — умудрено протянула я.

Он оглянулся на меня через плечо.

— Откуда ты это знаешь?

— Фильмов насмотрелась! — хихикнула я и отодвинулась назад, уронив уже уставшие руки на колени.

— Фильмов? Что это такое?

— Как что? — удивилась я и сразу осеклась.

А и вправду, что это действительно? Я насупилась, вздохнула. Опять загадочное прояснение памяти.

— Я не помню, — через несколько мгновений продолжила растерянно я. — Просто выскочило как-то и все.

— Ладно... потом разберемся... — его лоб прорезала напряженная морщинка. — Но твои слова имеют зерно смысла. Мы можем действительно искать не там, — он устало потер переносицу.

— Слушай, Рет... — склонилась я к его уху. — Зунг говорит, что свежий взгляд придает ясности неразрешенной загадке. Послушай его совета. Тебе надо поспать. Отдохнуть. С утра что-нибудь, гляди и придумаешь.

Он изогнулся и обхватил меня за талию:

— Хорошо, что у меня есть ты... — его губы скользнули по моей шее.

— Рет... ты же устал...

— Угу... можно я тут посплю? Сил идти в свою комнату — нет.

— Прямо здесь, со мной и Забавой? А разве так можно? — изумилась я.

— Нет. Я лягу на диване.

— А. Раз так...

Он чмокнул меня в щечку и со вздохом оторвался. Потом медленно поднялся и потопал на диван. Лег, поправив под головой подушку, и заложил руки под затылок. Я сползла с кровати, подобрала покрывало с постели и заботливо накинула на него.

— Спасибо, родная, — смыкая веки, протянул он, скользнув пальцами по моей щеке.

— Не за что, — тихо прошептала я, наблюдая, как он легко уходит в мир снов.

Потом, убедившись, что муж сладко спит, я нырнула к своей спящей принцессе и уснула сама. Здравствуй, сон, родной сон.

Вот бывает такое, что вроде проснулся, а глаза не открываются? Так и я этим утром. Вроде не сплю, а глаза открывать не хочется. А надо. Сегодня первый день учебы после выходного. Мне необходимо собраться с духом и идти на первый урок. Подняла непослушные тяжелые веки и устремила взор через окно на пасмурное небо. Серые тучи затянули его, обещая разразиться сильным ливнем с грозой. Из открытой двери балкона, настойчиво дергая гардину, в комнату заходил насыщенный влагой утренний прохладный воздух. Приближался короткий сезон дождей. Так что скоро будет на улице зябко и сыро. Надо будет прикупить теплых вещей.

Продолжая смотреть на смурое небо, я встала с постели и затворила дверцу. Поежилась от непривычного холода и оглянулась в сторону дивана. Лахрет, забив под щеку ладонь, сладко спал на боку. Меня охватило чувство умиления. Ноги сами понесли к нему. Присела на краю и застыла, наблюдая за его умиротворенным лицом. Сколько я его знаю? Трудно сказать. Будто бы мы знакомы чуть больше двух месяцев, а мне кажется, что целую вечность. Такое всегда бывает, когда встречаешь родного человека. Что же меня так влекло к нему? Мужество? Сила духа? Уверенность в себе? Неуёмное стремление восстановить справедливость? Или же то, как сильно он меня любит? А, может, все вместе?

Большая теплая рука легла мне на колени, и веки медленно открыли черные сонные глаза. Лахрет нежно улыбнулся и хриплым голосом поприветствовал:

— Привет!

— Доброе утро... Как спалось?

— Мне снилась ты. Ты шла по полю в длинном тонком платье среди множества желтых маленьких цветов.

— Как ты красиво описываешь...

— А видеть это еще лучше, — он сжал мою ладонь и поднес к губам.

Я не удержалась от смущенной улыбки и посмотрела на Забаву. Та, лежа на пузе и раскидав лапы во все стороны света, вывернула голову на затылок. Хорошо, длина шеи позволяет так изворачиваться. Лахрет проследил за моим растроганным взглядом и хмыкнул:

— Малыши все так любят спать... — и завис.

— О чем думаешь?

— О нашем вчерашнем разговоре. Ты навела меня на одну мысль. Хочу кое-что сегодня проверить.

— Ты о вышках?

— Угу.

— Не скажешь?

— Потом. Вначале надо проверить... — он закинул руку за голову. — Чем ты вчера занималась?

— Да так... с Зунгом книгу искали.

— Что-нибудь нашли?

— Да нет, — расстроено махнула я рукой. — Зато изрядно начихалась от многовековой пыли и заработала себе миозит плечевых мышц и спины. Зунг говорит, что мы, наверное, не

там ищем, но проверить надо.

— Верно, — он сел, согнув ногу в колене, и поправил мои растрепанные волосы. — Милая, я, наверное, пойду. Сегодня много дел. Увидимся на уроке.

— Завтракать со мной не будешь?

— Нет. На ходу перекушу. Надо еще много сделать до урока. Я сегодня веду биологию, — он выскользнул из моих рук и встал с дивана.

— Хорошо, — рассеяно кивнула я ему.

Он подошел к кровати, чтобы подобрать свои вещи. Я следила за игрой мышц на обнаженном торсе мужа, как он нагнулся и с пола подобрал рубашку и куртку. Накинул их на себя и шагнул к выходу. Я поднялась на ноги и скользнула к нему, обвинив его за талию со спины. Так не хотелось, чтобы он уходил.

— Люблю тебя, — поцеловав меня в носик и вывернувшись из моих объятий, он игриво мне подмигнул и открыл дверь.

А там, на пороге, протягивая руку, чтобы открыть дверь, уже стояла Фия с завтраком. Удачно вышло. Один уходит, другой входит. Лахрет кивнул каоте и быстро ушел. Девушка с видом равнодушного тазика ввезла завтрак и затворила за собой дверь.

— Сегодня обещал прийти специалист и вставить замок, — сообщила невозмутимым тоном она.

— Отлично! — обрадовалась я, плюхнувшись возле Забавы, и принялась ее будить.

Та неохотно подняла веки и заскулила, что хочет еще спать. Я настояла на своем и уже через минуту мы сидели за столом и помогали Фие накрывать на стол. Правда, Забава делала это неряшливо и уронила рыбину на пол. Недолго думая, она ее вообще проглотила, не церемонясь с чистотой, прямо с того места, куда уронила.

Вот так вот мило и приятно я встретила новый учебный день. Так бы всегда, да видно не для того я сюда прибыла невесть откуда...

В это утро мы на парфлет не пошли, так как на улице разразился сильнейший ливень. Поэтому мы занимались физическими упражнениями в спортзале. Наран сегодня не отлынивал и старательно выполнял свой долг перед атконнором и своей группой. Гонял нас до упаду. Сегодня он был каким-то уж слишком отрешенным и печальным. Уже на выходе из спортзала, обратила внимание на то, с какой грустью он поглядел на дождливое небо, и тут же в моей голове всплыл размытый образ женщины. Я с прищуром оглянулась на Забаву. Опять ее проделки. Та лишь невинно мигнула.

Я закатила глаза к потолку и пошла переодеваться. Но теперь в мыслях продолжал крутиться увиденный мной образ женщины. Очень красивой женщины с длинными волосами до бедер. Скорее всего, он думал о своей Яте. Столько лет прошло, а его до сих пор не отпускает. Но почему сегодня особенно его так терзали воспоминания? Мне стало его очень жалко. Наран продолжал верить, что его Ята жива, и от этого мне становилось как-то моторошно.

Уроки химии и социологии еле высидела. По социологии была проверочная работа. Я почти ничего не написала и еще раз поняла, что учеба моя в атконноре весьма символична. Еще на первой перемене подступили мои закадычные друзья и принялись меня расспрашивать. Ну, о семейной жизни. Конечно, я мало, что им рассказала, но их присутствие рядом взбодрило и отвлекло от мыслей о кураторе. Март с Магоном как всегда шутили. Лия учтиво улыбалась. А в отношении учебы... В общем, училась Забава, а не я. Нет конечно, я старалась и даже кое-что выдавала из приобретенного в аудиториях. Но давно

зарубила себе на носу, что относятся ко мне здесь уважительно уж точно не за мои успехи в учебе.

И вот настал черед биологии. Лахрет сидел за своим столом, внимательно просматривая какие-то записи у себя в коме. Я прошла мимо, слегка задев его плечо. Он поднял глаза и задумчиво провел меня взглядом. Села и, так, чтобы никто не заметил, прикрывшись рукой, кокетливо подмигнула ему. Он лишь тепло усмехнулся и снова принялся смотреть в свой ком. Теперь я сидела в аудитории в образе ученицы, а вот только с утра мы обменивались нежностями. Мне даже понравилось это. Интригует. Лахрет был весьма задумчив и отрешен. Интересно, он успел сделать то, что хотел? Я не сводила с него взгляда. Но это, видимо, его совершенно не смущало. После звонка на занятие он подвелся из-за своего учительского стола и всех поприветствовал.

— Да, господин Паре, вы что-то хотели сказать? — громко спросил он моего одноклассника.

Я оглянулась и увидела, как курносый Паре чуть не выскакивает со своего места, вытягивая руку. Снова собирается что-то сострить.

— Да, господин Лахрет. Я хочу быть одним из первых, кто поздравит вас с повышением! Теперь нас будет учить сам лорт Ира. Для нас это великая честь! — мне показалось, или Паре не издевался?

— Я вижу, новости быстро пронеслись по атконнору, — усмехнулся Лахрет. — Но спасибо, Паре, за поздравление, — он остановился рядом и положил ладонь на мое плечо. — Однако думаю, сейчас лучше поговорить о предмете. Сегодня я хочу обсудить с вами тему довольно интересную с моей точки зрения. Мы узнаем, почему ниясыти серебристого цвета и почему их тело намного прочнее нашего. Мы поговорим о костях, скелете и структуре скелета ниясыти, — он сделал выразительную паузу, чтобы все зафиксировали в уме тему урока, и продолжил: — Итак, кости, как вы знаете, являются основой экзоскелета как ниясытей, так и любого организма на Заруне, имеющего позвоночник, в том числе и нашего. Они выполняют опорно-механическую и защитную функции всех позвоночных. Это, что касается определения. Конечно, вы много и мне можете рассказать о строении и составе любой кости. Но организм ниясытей стоит отдельным островом на всей планете. Об их биологии и химических особенностях была создана целая наука. Если честно, то мне кажется, что ниясыти пришли в наш мир, мир людей и Заруны, вообще из другого мира. Их химический состав клеток в корне отличается от нашего, хотя создается из тех же химических элементов. Белки, которые формируются в их клетках, имеют совершенно иную структуру и последовательность. Ученые уже давно пытаются понять, какими принципами руководствуется ДНК ниясытей, создавая тот или иной белок, фермент или гормон. Так вот, состав костей ниясыти, — Лахрет снова сделал паузу, бросил взгляд на улицу через огромное окно, затем продолжил: — Как и у людей, в состав их костей входят как органические, так и неорганические вещества. Чем моложе организм, тем больше в них будет первых. В связи с этим кости молодых особей отличаются большей мягкостью и гибкостью, чем у взрослых. У взрослых особей же минеральная составляющая образует от 60 до 70 процентов. Остальное — белок коллаген. Ученые обнаружили особое отличие коллагена людей от коллагена ниясытей. Как и у людей, коллаген составляет основу соединительной ткани, является самым распространенным белком в организме. Он есть у нас в волосах, ногтях, сухожилиях, костях. У них тоже он является основой рогового покрова, когтей, сухожилий и костей. Но если у людей молекула коллагена представляет собой правозакрученную спираль из трех

цепей и имеет высокое содержание аминокислотной кислоты и низкое содержание серосодержащих аминокислот, то... — он перевел дыхание, — у ниясытей молекула имеет четыре цепи в правозакрученной спирали и высокое содержание серосодержащих аминокислот. Плюс... — Лахрет сделал многозначительную паузу, — в состав последних аминокислот входят легко соединяющиеся с серой атомы теллура!

Если честно, все эти замудрения я слушала лишь из чувства уважения к Лахрету, ибо ничего не понимала. Благо он подошел к столу и включил видеопроектор на доску, где была изображена некая последовательность структуры кости в упрощенном варианте. А также всякие химические уравнения, объясняющие все это изображение. Лахрет продолжал:

— Теллур имеет немалую атомную массу, плотность и температуру плавления. Относится к семейству металлов и имеет родной серебристый цвет. Исходя из всего сказанного, мы находим причину их блестящего серебристого цвета, прочность костей и кожного покрова. Многие ученые считают большое количество теллура в их организме объяснением способностей ниясытского рода. В частности, их способность генерировать энергетическое поле и открытие прохода в подпространство.

Лахрет опять сделал паузу, затем продолжил дальше говорить о строении костей, их плотности и крепости. В общем, было весьма занятно, так что я не заметила, как пролетел урок. Но прозвенел звонок с урока, и все зашевелились выходить. Я решила, что во время учебы с Лахретом буду иметь строго официальные отношения, поэтому решила вместе со всеми покинуть аудиторию. Однако была ловко поймана за запястье и задержана у учительского столика.

— Ты чего? — я удивленно забарахталась в любимых руках, смущенно оглядываясь по сторонам. — А если кто-нибудь увидит?!

Что-то не очень хотелось быть уличенной в любовных играх с преподавателем в учебное время. У дверей стояла только Забава, выжидающе глядя на меня. Догадавшись, что это займет некоторое время, она села и с любопытством принялась наблюдать за нами. Я же возмущенно уставилась на мужа.

— Ничего. У нас есть оправдание... — тихо шепнул он мне на ушко.

— И какое же?

— Я люблю тебя...

— Правда?! — мои брови деланно взлетели вверх. — А другим об этом обязательно знать?Пусти, я не хочу, чтобы нас вот так видели. И так до сих пор часто рисковали...

— Да ладно тебе, никого же нет.

Я замерла и подозрительно уставилась на него.

— Ладно, только недолго...

— Что недолго?

— Ну, пообнимай меня. Недолго... Пообнимай... — он громко засмеялся и ласково потерся щекой о мою щеку.

— Чем ты будешь сегодня занята?

— Буду старательно учить уроки, которые пропустила по вашей милости, господин Лахрет. И чтобы никто не отвлекал, приглашу в помощники брата. Вот, — я деловито вскинула подбородок и вывернулась из его рук.

— Ну, Март — мне не помеха, — он упрямо прижал меня к себе и уже серьезно тихо произнес: — Я приду вечером.

— Ладно... — меня насторожил его серьезный тон. — Вечером. Буду ждать... Только

если не придешь, предупреди, пожалуйста. Чтобы я не переживала зря. Хорошо?

— Договорились...

Я простилась с мужем и пошла далее на занятия. Сегодня его снова увидела лишь только вечером и довольно поздно. И я действительно пригласила к себе брата, желая нагнать то, что пропустила. Тот долго не отнекивался и, не заходя к себе, отправился в мои апартаменты. Там он с пристрастием выпытал некоторые подробности моей семейной жизни (в разумных пределах) с целью определить, любит ли меня муж. Удовлетворившись довольно расплывчатыми ответами, Март принялся вдабливать в мою забитую не учебными проблемами голову сложнейшие понятия и определения. Ушел он очень поздно, так и не дождавшись Лахрета. Да и я уже начала кунять в ожидании одного над последними записями своей самостоятельной работы.

На улице уже давно стемнело, когда дверца балкона бесшумно отворилась, и вместе с порывом сырого воздуха в комнату зашел Лахрет. Я сидела в полуосвещенной комнате на кресле возле приглушенного бра. Скинув мокрую от дождя кожаную куртку с теплым шерстяным внутренним ворсом, он подошел и присел на корточки, заглянув в мое сонное лицо:

— Привет, родная... Чем занимаешься?

Лицо его хранило отпечаток напряжения и усталости, но во взгляде горела искра радушия. Я ласково коснулась его щеки и тепло улыбнулась. Как же хорошо, вот так вот, сидя в уютном кресле, ждать любимого человека, чтобы услышать его «Привет! Чем занимаешься?».

— Скорпею над самостоятельной по социологии. Отрабатываю прогул... — я глазами оценивающе окинула его силуэт, задержавшись на заляпанных грязью штанинах. — Устал?

— Угу, — он положил голову на мои колени и глубоко шумно вздохнул. — Как же с тобой хорошо... Ты такая теплая... мягкая...

— Кушать хочешь?

— Нет. Я перекусил час назад. Хочу лишь побыть с тобой...

Я нежно провела ладонью по влажным слипшимся волосам мужа. В свете ночного настенного светильника он казался обреченно изможденным. Он ничего не говорил, просто так сидел возле моих ног и обнимал колени, словно таким образом мог набраться сил для своей нелегкой собачей работы. Через минут пять расслабленного молчания, я тихо спросила:

— Проблемы с вышкой? Расскажешь?

Лахрет оторвался от моих коленей и упер в них подбородок, продолжая сидеть в прежней позе.

— Я нашел кое-что...

— Что?

— Место высадки тараков. Они вложились ровно в час, прежде, чем вышка снова заработала. Потом, через часов двенадцать она вообще вышла из строя. За час они успели обойти поселок и собрать страшную дань из людских душ. Много погибло, много пропало. Очевидцы сказали, что тараки знали, что и где искать и сильно спешили. Странно то, что в этом поселке не было ни одного наездника, хотя должен был быть хоть один. Во всех пограничных рыбацких поселках всегда дежурит патрульный. А в этот раз никого не было, словно кто-то перед этим «почистил» территорию для нашествия.

— Действительно, странно, — я выровняла в задумчивости брови.

— Причем, когда специалист просмотрел последние записи вышки перед выходом из строя, то на ее ком пришел секретный код, отключающий ее на час. Помнишь, я тебе говорил, что есть одна возможность пересечь границу поля незаметно? — я, нахмутив брови, кивнула, что помню, и он продолжил: — Так вот, существует способ пересечь границу, если на ком вышки послать особенный код, который меняется каждый месяц. Знают его только лорты и приближенные к ним. Это — засекреченная предохранительная система от внешнего вмешательства. Любой лорт ближайшего к вышке города знает его с той целью, чтобы следить за несанкционированными перемещениями рыболовецких кораблей. Видишь ли, некоторые смельчаки пытаются рыбачить без нужного разрешения и продают рыбу на нелегальном рынке. Особенный вид рыбы, очень редкий и за выловом которой ведется специальный контроль. Так вот, код всякий раз меняется через каждый месяц. И лорты знают код только ближайшей вышки. И лишь Высший совет Ира знает все коды по всему периметру... Они воспользовались именно этим кодом.

— Ты хочешь сказать, что таракам кто-то сообщил этот код? Но как?! — я сделала страшные глаза. — Разве такое возможно? Кто осмелится сотрудничать с тараками? И, самое главное, зачем?!

— Это вопрос, — Лахрет все-таки встал с корточек и сел рядом на диван, забросив усталую руку на спинку.

— Ты подозреваешь какого-то лорта? — я отложила ком, лежавший на моих коленях, чтобы не уронить, на стол и пересела к мужу ближе.

— Да.

— Скажешь?

— Тирета.

— Тирета?! — я ошарашено вскинула брови. — Неужели... но почему? На каких основаниях?

— Это лишь мое личное предположение. Я ни с кем это не обсуждал. Нет прямых доказательств. Но возможности и полномочия, чтобы пропустить таких врагов и остаться в тени, есть только у него. Никто не посмеет перечить главному лорту Иридании и идти наперекор ему. Поэтому, если кто и знает что-то, то молчит и не рыпается, если хочет жить.

— Мамочки... — я поднесла пальцы к раскрытому от шока рту и расширила глаза. — Что же тогда выходит? Что Тирет отдает таракам людей? Но почему?

Лахрет передернул плечами и уронил утомленно голову на спинку дивана. Тяжело выдохнул и закрыл измученные глаза.

— Я должен это доказать и объяснить. А потом... обвинить его. Тогда мне нужно, чтобы за мной стояло как можно больше сторонников, дабы задавить его и спасти ситуацию.

— Это страшно...

— Это безумие! Ради чего тогда мы воевали?! Чтобы наши дети все равно боялись и попадали в плен врагам?! — он гневно нахмурился и резко подался вперед, уперев локти в расставленные колени. — Он должен за это горько поплатиться! Ой, как горько! — в глазах его пылала ярость смешанная с болью.

— Я верю, ты сможешь это доказать. А я буду рядом. И моя Забава тоже. И Лирит... — я подбадривающее погладила его по широкой спине, продолжая морщить лоб от шокирующей информации.

— Я просто не представляю, как это сделать? — он в отчаянии обхватил голову руками, переплетя пальцы на затылке.

Я, молча, смотрела на силуэт мужа, черным пятном вырисовывающимся в желтом свете бра. Как же я хотела ему что-то сказать подбадривающее и утешающее, а в голове было пусто. Ничего. Я не знала, что сказать. Как подсказать? Эта молчаливая сцена длилась еще минут пять. Затем Лахрет вырвался из плена отчаяния и снова откинулся на спинку дивана. В глазах его тлела лишь усталость. Я прильнула к нему и нежно провела рукой по его медленно вздымающейся груди.

— Спасибо тебе... — хрипло произнес он.

— За что? — удивилась я, не понимая причины благодарности, ведь я так ничего и не смогла сказать.

— За то, что хотела поддержать. Я слышу твои эмоции, помнишь?

Я кивнула и еще сильнее прижалась к нему.

— Тогда я рада. Ты сильный, Лахрет. Я знаю, ты справишься...

В этот вечер Лахрет не стал долго задерживаться и быстро ушел, оставив меня с Забавой. Больше мы ни о чем особо не говорили, но когда он уходил, мне казалось, что что-то вырывают из груди. Так сильно хотелось, чтобы он остался. Однако долг перед моей маленькой королевой пока превышает желаний...

*** **

Приближался выходной. День, когда весь мир Заруны должен узнать о новом лорте Иридания. День официального приема в честь важного события. Лахрет предстанет перед ириданцами в новой роли. Роли правителя. После того вечера я его видела лишь мельком. Он пару раз забежал с утра на завтрак и быстро убегал, чмокнув в щечку на прощание. Правда, звонил регулярно каждый вечер и требовал отчет о прожитом дне. Сам о себе почти ничего не говорил. Совсем зашился в своем расследовании. В атконноре его заменяли. Так что он в учебном заведении, по-моему, только числился преподавателем. Увольнять его, однако, никто не смел. Как? Самого лорта? Нарана я тоже видела лишь издалека. И только на физической культуре каждое утро. Он хранил отрешенную задумчивость, перемешанную с нотой печали.

Я же решила старательно учиться и выкинуть всякие глупости о тайных заговорах из головы. Хотя все-таки не переставала думать о нашем последнем разговоре с Лахретом. Неужели и в самом деле Тирет замешан в таком ужасном деле? Отдавать таракам людей. Давать им возможность безнаказанно проникать на земли Иридания и губить человеческие души... Это вызывало бурю моего внутреннего протеста. Ещё меня интересовало, догадывается ли кто-нибудь из окружающих о том, что вообще творится на границе? Поэтому пыталась разведать обстановку у одnogруппников. Старалась делать это незаметно. В ходе моего скрытого «расследования» поняла, что никто ничего не знает о происходящем. Всё, выходит, было засекречено. Посему я старательно хранила тайну.

Пыталась у башковитого Марта намеками выудить совета, но и он ничего не знал и никак не мог понять, чего я от него добиваюсь. В общем, создалось такое ощущение, что люди живут в иллюзорном мире, созданном Верховным Советом. Всё вокруг казалось мирным и безмятежным, так зачем о чем-то переживать? Так и я раньше жила, а теперь боюсь... до смерти боюсь за Лахрета. Боюсь потерять его, ведь он впутался в такое опасное предприятие. Его могли убить, убрать, как-то «повлиять» на него. А еще я стала бояться, на самом деле бояться, Тирета и Мары. Они поистине оказались ужасными людьми. Благо, не видела ни одного, ни другого, погрузившись в мир знаний. Наверное, они не считают меня кем-то реально стоящим серьезного внимания. У них все налажено, все хорошо и плавно

работает. Так что парочка выскочек их пока особо не напрягала.

Пару раз я вырывала время из загруженного учебной графикой, чтобы спуститься вниз в библиотеку, чтобы вместе с Зунгом искать книгу. Ничего не нашли. Только в комнате в одной из ниш за ажурной ширмой мы обнаружили странный подсвечник. Зачем он там стоял, мы так и не догадались. Но артефакт тщательно спрятали. Потом подумаем. Надо было вначале найти книгу. Это мы считали первоочередной задачей. Поэтому ползали по всем стеллажам, вытирая многовековую пыль, и мерили, мерили, мерили...

Утром в день приема я проснулась в холодном поту. Опять снился тот кошмар. Когда же он отпустит меня? Приподнявшись на локтях, поглядела на Забаву. Она еще спала, но беспокойно дергающийся хвост предвещал ее пробуждение. Решила ее не будить и встала с постели. Подошла к окну и обхватила себя за плечи, поежившись от неприятной свежести. За окном уныло моросил мелкий дождь, прорезая редкий туман едва заметными росчерками. Уже который день погода не баловала нас ясным небом. Тяжелые дождевые тучи медленно плыли по нему на запад, орошая водой плодородные земли континента. Мокрая погода начинала действовать на нервы. Хотелось тепла и солнца.

Потерев для согрева предплечья, я оторвалась от созерцания унылой картины за окном и направилась в ванную комнату, где набрала горячей воды и забралась погреться в ванную. Расслабившись в горячей водичке, мысленно потянулась к Лахрету. Захотелось его... кхм... тепла и нежности. А он пропадает на своей работе! Где мой муж?! И вообще, он у меня есть?! Обреченно вздохнув и уверив себя в том, что Лахрет не по доброй воле лишает своей супруги внимания, выбралась из воды и, накинув ватный халат, потопала в комнату. Забава еще спала. Надо подумать над тем, в чем идти на прием. Забралась в шкаф в поисках «чего-нибудь» на сегодняшнее мероприятие. Выбрала безрукавное ярко-алое платье с глубокой линией проймы и высоким воротником-стойкой. От линии кокетки под грудью и до горловины красовалась черная атласная вышивка с замысловатым абстрактным узором. Низ платья мягкими фалдами ложился по бедру и доходил до колен. Осмотрев себя в зеркале и подколол еще влажные от утреннего купания кудрявые волосы, я решила, что сегодня буду неотразима.

— Уже готова? — голос Лахрета, донесшийся со стороны дверного проема, заставил меня подпрыгнуть на месте и развернуться на 180 градусов.

— Фу! Напугал! — вытаращила я на него глаза.

— Ты делала что-то непристойное? — он быстро очутился рядом и обхватил за талию.

— Да! Прыщи давила! — сверкнула я грозно очами.

— Прыщи? А что это? — он смеялся глазами и настойчиво пытался поцеловать меня в нос.

Я же упрямо выворачивалась от него, но потом сдалась и счастливо прильнула к родной груди.

— Я соскучилась. Ты совсем забросил свою жену. Не балуешь ее своим присутствием...

— Прости. ЗашилсЯ совсем. Так ты уже готова?

Я кивнула и отодвинулась от него на расстояние вытянутой руки, чтобы осмотреть его облачение. Белый облегающий гольф, китель с черными погонами и воротником с лацканами — знаки лорта. Выутюженные белые брюки и наблещенные ярко-белые туфли. Красавчик!

— Нравится?

— Очень! — сделала я объективный вывод. — Хорош, как всегда! — весь мой вид

излучал деловую серьезность, от чего он не сдержался и начал смеяться.

Однако через его веселый смех я почувствовала нервное напряжение. Он почему-то волновался. Надо же! Это удивило меня и вызвало ответное напряжение. Что не так? Лахрет оглянулся на Забаву и отошел от меня. Прошелся пружинистой походкой по комнате и позаглядывал по закоулкам. Потом открыл шкаф, достал теплый черный жакет и накинул мне на плечи. Затем, молча, вывел меня на балкон. Я уже начала волноваться не по-детски.

— Лахрет, что случилось?! В чем дело?

Поставив меня ровно перед собой, он уже с серьезным смурым видом произнес:

— Зунг под стражей.

Я уронила челюсть, распахнув с ужасом глаза.

— Как?! Я же его только вчера видела. Мы же попрощались и... и... — я задыхалась в возмущении.

— Тирет сегодня утром приказал его арестовать. Он каким-то образом обнаружил найденную нами комнату в библиотеке, — Лахрет говорил тихо и бегло. — Я не знаю, как он узнал о ней. Есть подозрения, что он следит за тобой...

— Как?!

— За тобой легко следить. Ты очень неосторожна, уж прости. Но тебя никто и не предупреждал. Скорее всего, здесь установлена прослушка, — я непонимающе моргала ему в ответ. — Может быть, тут замешана и твоя каота...

— Фия? Ты шутишь!

— Кто ее тебе дал?

— Мара... — и тут до меня начало медленно доходить.

Я чувствовала, как подкашиваются ноги. Хотелось сесть. Лахрет повернулся к краю балкона и оперся на перила, глядя на пестрый квартал атконноровской территории сквозь уже рассеивающийся туман. Его лоб прорезала морщина гнева. Я попробовала представить, что сейчас творится в его душе. События развивались очень стремительно и совершенно не тем путем, которым хотелось бы. Лахрет не хотел сейчас так скоро начинать борьбу с главой Иридании. Он еще не окреп в своем новом статусе и не нашел союзников. Может, это понимал и Тирет, да хотел задавить потенциального врага в зародыше? Но... Я, не отрывая глаз от мужа, нашарила сзади пенопластовый стул и плюхнулась в него. Ком стоял в горле и не желал проходить.

— Что теперь будет с Зунгом? — еле слышно прохрипела я.

— Его сейчас допрашивают. Наран на границе.

— Ты его отослал?

— Да. Не хочу, чтобы он сейчас был близок к этой истории.

— В чем обвиняют Зунга?

— В сокрытии государственной информации. Эту комнату объявили народным наследием и теперь туда посторонним доступ закрыт.

— Я так понимаю, мы — посторонние? — я тряхнула возмущенно головой.

— Да. Пока. Я это не собираюсь так оставлять.

— А что Зунг?

— Молчит. Я уверен в нем... — он порывом оторвался от перила и подсел на одно колено передо мной. — Лана, боюсь, Тирет будет требовать от тебя ответа. Он знает, что ты причастна к этому. Твой статус кашиасу тебя защищает. Поэтому он не тронет тебя, но... он будет спрашивать. И я не хочу, чтобы это было вне моего присутствия. Ты меня поняла?! —

он строго заглянул в мои глаза.

Я понимающе нервно кивнула. Страх внутри рос по экспоненте. Лахрет успокаивающе сжал мои пальцы и произнес:

— Держись сегодня рядом со мной. Ясно? — я снова кивнула, глядя на мужа широко распахнутыми глазами. — Тирет хочет перекрыть мне кислород. Надо ему помешать. Внимательно следи за Марой. Она может что-то сделать. Будь осторожна.

— Лахрет... Я не хочу идти на этот прием... его ведь Мара организовала.

— Боишься ее ухищрений? — я лихорадочно закивала. — Правильно. Она не зря взялась сама устраивать это мероприятие самостоятельно. Точно что-то удумала. Я кое-что разведаль, так что, можно сказать, предупрежден. Ты главное держись меня и будет все хорошо.

— Может, не пойдем? — я чувствовала, как дрожь лихорадочно начинает бить мое тело.

— Нет, Лан. Нам надо идти. Это важное событие, на которое приглашено почти все высшее общество Иридания и информационные агентства. Так что мы обязаны там быть. Мы просто будем очень осторожными... — он поднял согнутым пальцем мой подбородок, чтобы видеть мои глаза. — Слышишь? И еще... Лана. Нам сегодня надо определить, кто поддерживает нас. Сегодня — лучшая возможность это узнать. Я буду внимательно сканировать людей. Ты же просто будь рядом. Хорошо?

Я глубоко вздохнула и выдохнула. Нельзя было панике позволять лишить меня рассудка. Если Лахрет говорит, что будет рядом и защитит, то чего мне бояться? Ведь так? Его уверенный взгляд меня в этом убеждал. Он словно говорил мне: «Я знаю, что делаю. Положись на меня».

— Хорошо, — выдавила я из себя. — Мы сможем. У нас получится!

— Умница моя! — пожурил он меня, улыбаясь моей детской решительности.

Затем он поднялся и поманил за собой. Мы подошли к перилам балкона и посмотрели на раскинувшийся перед нами город. Он еще мирно отдыхал от насыщенных трудовых будней, встречая восьмой выходной день недели безмятежной тишиной извилистых улиц и проспектов. Солнечные лучи Раголара прорывались сквозь мутную пелену затянутого тучами неба, впервые за эти дни, и обещая ясный солнечный день. Исполнится ли это робкое обещание? День покажет... Я же повернула голову к Лахрету. Его нахмуренный профиль казался мне потерянным изваянием из прошлого, из забытых легенд Заруны о великих героях, вершивших судьбы народов. Людей, приведших малочисленных выживших через беды войн, междоусобиц и распрей к шаткому и хрупкому миру. Словно он сошел со страниц древней баллады о воине, спасшем мир. Его вдумчивый взгляд, от глубоких дум прорезанный морщинами лоб, поджатые резные губы навевали внутреннюю уверенность в том, что такой человек не предаст, не отступит, будет идти до конца. Таков мой Лахрет. Он был искателем, он был мятежной душой, непримиримой и целеустремленной. Он верит в светлое будущее, он верит, что когда-нибудь мы сломаем барьеры и покорим Заруну, навсегда искоренив ужасную угрозу гибели. Люди справятся, люди будут жить, они прорвутся сквозь пелену неизвестности и страха. Нам нужен тот, кто твердо верит в это и тот, кто не позволит себе сломаться, сойти с пути. Заруне нужен Лахрет.

Стук посуды из комнаты сообщил, что Фия привезла завтрак. Как мне теперь смотреть ей в глаза? Смогу ли я делать вид, что ничего не подозреваю, чтобы не вызвать ненужной преждевременной негативной реакции? А может, Фия ни в чем и не замешана?

— Иди, разбуди Забаву. Нам надо уже вылетать. И еще... веди себя как обычно. Мы не будем показывать виду, что о чем-то догадываемся. Поняла? — Лахрет оглянулся назад. — Я

подожду тебя здесь. Иди.

Забава уже проснулась и, не отрывая головы от лап, скучаяще наблюдала за каотой. Когда я зашла, она радостно вскинулась и поприветствовала счастливым выражением морды. Затем быстро прыгнула с возгласом «Хочу есть!» и стащила с Фииного столика громадную рыбёху. Видать, мое появление резко стимулировало ее аппетит. Кивнув работающей девушке и стараясь не глядеть ей в лицо, я села у стола и попыталась что-то поесть. Фия с полным равнодушием поставила мой любимый прогонар на стол и отошла в сторонку. Я ничего не сказала ей. Не смогла выдать ничего из себя. Однако ее это, смотрю, не сильно огорчило. На языке мысли обратилась к своей Забаве:

— Мне кажется, или ты действительно сегодня выглядишь крупнее, чем обычно?

— Да, я сегодня ночью росла! — деловито заявила моя королева.

— А откуда ты знаешь?

— Я всегда знаю, когда расту! — она важно подняла голову над столом и облизала губы. — Это вы, люди не знаете этого, а я знаю. Я — королева!

— Вы посмотрите, какие мы важные! — я деланно взвела брови, не заметив, что произнесла это вслух.

Фия продолжала хранить выражение бездушного тазика. Она уже привыкла, что я могла вслух разговаривать со своей девочкой и никогда не задавала лишних вопросов. Интересно, она школу специальную проходила, что ли, где учили, как можно лучше и выразительнее прикидываться диваном или подсвечником? С трудом проглотив пару кусочков прогонара, и удостоверившись, что моя Забава не голодна, я встала из-за стола.

— Как приберешь, можешь быть свободна, Фия, — обратилась к каоте. — Сегодня я дома планирую быть поздно.

— Хорошо, — равнодушно ответила та и принялась убирать со стола.

Лахрета я нашла там же, где и оставила — на балконе у перил. Забава семенила за мной следом. Муж пребывал в глубоком раздумье. Когда я подошла, он лишь кивнул и позвал Лирита. Тот появился через несколько минут и послушно принял нас на свою спину. Затем прыгнул с балкона, широко расправив крылья. Забава пока парила рядом. Лахрет не спешил посылать его в зияние, желая насладиться, как и я, видом земного Ира. Небо уже прояснилось и впервые за эти дни теплые лучи Раголара, прорываясь сквозь прорези серых туч, ласкали теплыми пальцами влажные земли города. Из среды густых зарослей зеленых насаждений, гармонично вписываясь в панораму, вырывались всевозможных конфигураций архитектурные строения. Меня более всего восхищали пять мостов, переброшенных через пересекающую город широкую и извилистую реку Хор. Зелено-сине-бардовый вид города изрезали во всех местах серые жилы улиц и проспектов. Город еще спал. Где-где пройдет редкий прохожий или пролетит над землей аэрокар. Все это создавало ощущение умиротворенности и безмятежности. Неужели этот город стал моим домом? Глядя на него с высоты птичьего полета в этот день, я не думала, что не скоро увижу его снова...

Проходя через зияние, никогда не перестану удивляться той дивной скорости, с которой ниясыть перемещает себя и своего всадника через пространство и время. Лирит возник над парящими глыбами небесного Ира и легко спланировал к лилиеподобному зданию, где я отмечала свой первый Прием, как кашасу. Теперь, вдоль красной бархатной дорожки выстроилась живая стена в желании приветствовать уже не сколько свою кашасу, сколько нового члена правительства — ее мужа и новоназначенного лорта. Ныне Лахрет должен был подписать присягу и сказать речь перед всеми. Речь о своем новом назначении и работе.

Глядя на профиль своего мужа, я видела, как он излучал сосредоточенную собранность и уверенность в себе. Легко соскользнув со спины своего нур, он поманил за собой. Предстояло многое сделать. Мы махали приветствующим нас людям, собравшимся вдоль дорожки и представителям информационных агентств, и шли к фасаду здания. Навстречу нам торжественно шествовала красивая (приходится признать) пара Властителей Иридании. Их лица лицемерно сияли улыбками и притворной радостью. После традиционного приветствия, полного пафоса, они пригласили нас войти в здание, в зал для торжеств, где нас уже ждала вся элита Ира. А Забава с Лиритом отправились на положенное им место вверху на настэ. Теперь моей уже крупненькой малышке нужно привыкать к отдельному от меня пребыванию где-нибудь рядом. Тем более она всегда, как говорила, «слышит меня» и может видеть моими глазами. Я позволила себе проследить за нею, пока силуэт королевы не исчез за стеною Дома Торжеств. Она уже неплохо держала крыло и с каждым днем чувствовала себя увереннее в воздухе. Она росла быстро. Даже очень быстро для своего возраста. Я невольно проникалась уважением к упрямству Забавы, жаждавшей во что бы то ни стало стать сильнее и больше ради меня. Она хотела быть сильной за нас двоих.

В торжественном зале нас уже ожидало множество народу! Перед тем, как нам перешагнуть порог, прозвучал громогласный возглас церемониймейстера:

— Лорт Лахрет Ноа и иата кашиасу Лана Ноа!

Я вздрогнула при последних словах и поняла, причем, только сейчас, что теперь я ношу имя Лахрета. Я нынче не Лана Арамс, я — Лана Ноа! Мурашки побежали по спине от осознания этого. Нас провели к небольшой красивой сцене, где стоял пюпитр для говорящего и встроенные микрофоны для усиления громкости голоса. Лахрет занял место прямо перед ним, а я пристроилась чуть поодаль, за его плечом. Глазами я пыталась рассмотреть присутствующих, узнать хоть пару лиц. Нарана нигде не было видно, хотя я, почему-то хотела более всего увидеть именно его в этот торжественный момент. Не знаю почему, но...

Я крепко сжала ладонь мужа и взвела на него глаза. Он, опустив плечи и выровняв спину, гордо и с достоинством победителя осмотрел всех тяжелым и волевым взглядом. Зал затих, не желая пропустить не одного слова нового члена Верховной Совета и героя Таракской войны. Затем прозвучал его ровный сильный голос:

— Приветствую всех вас в этот торжественный и символический день! Я сердечно благодарю вас за то, что вы проявили уважение ко мне и моей спутнице жизни тем, что присутствуете сегодня здесь! Согласно уже давно устоявшимся традициям нашей страны, правителями городов становятся не по праву рождения, как это было в давние времена, в эпоху Блужданий, а по праву выбора! Выбора тех, на кого мы возлагаем все свои чаяния и надежды! Выбора наших крылатых спасителей, несущих нам надежду на своих спинах. На наших ниясытей. Однажды, приняв решение, будущая королева-мать определяет для нас правительниц. Женщин, призванных природой быть любящей и заботливой, верной и беззаветной. Такие женщины способны дать народу понимание и преданность. Они самоотверженно выбирают себе спутника жизни не из среды простых людей, а среди Парящих в Небе! Я благодарен иате Лане за ее выбор! — он оглянулся на меня и тепло улыбнулся, подтверждая свои слова. — Она возложила этим решением на меня грандиозную ответственность за мир и благополучие нашей страны, — он снова обратился к зрителям. — Я осознаю всю тяжесть и серьезность своего нового положения! И хочу заверить всех вас в том, что весь мой опыт и знания буду использовать на благо и процветание нашего народа! Я

буду старательно и самоотверженно бороться до конца за право людей жить и быть счастливыми на землях нашей Заруны! Я не допущу, чтобы таракская угроза опустошала наши сердца и умы, порождая страх и неуверенность в будущем. Я обещаю, что мы с Ланой будем усиленно и самозабвенно искать пути решения этой ужасной угрозы. Я прошу вас продолжать верить нам и поддерживать нас, как вы делали это и раньше, чтобы облегчить эту нелегкую ношу ответственности и обязательств. Пусть наша роль в жизни Заруны будет достойной и значимой для всей истории людей Заруны! — он смолк, обводя решительным взором всех присутствующих.

Зал зашумел овациями. Люди радостно приняли своего нового члена правительства. Они будут поддерживать его. Волна смущения и радости заполнила мое сердце. Я ликовала, что Лахрет смог впечатлить и тронуть публику. Да я и не сомневалась в его ораторских способностях. Он умел заводить толпу и вызывать всеобщее почтение.

Лахрет еще сказал пару пафосных фраз и пригласил всех отдыхать, наслаждаться общением и времяпрепровождением. Затем он отвел меня в сторонку, где к нам могли легко подойти желающие нас поздравить и поговорить. Церемониймейстер объявил, что скоро будет обед в нашу честь, а пока будут танцы. Музыканты заиграли заводную мелодию и специально приглашенные танцоры вышли в центр зала. К нам подходили разные люди. В основном здесь присутствовали министры и вельможи из Ира и других больших городов, а также титулованные наездники и военные чины. Где-то среди элиты общества я заметила лицо Барета Ноа. Однако он оставался вдалеке от нас, всем своим видом показывая, что продолжает гневаться на сына. Лахрет же сделал вид, что не видит его и тепло отвечал на все приветствия и поздравления, попутно легко «сканируя» (как он говорил) каждого, проверяя искренность их слов и мотивы. Многие были истинными политиками. Лицемерами до мозга костей. Но некоторые выявили неподдельную заинтересованность в расположении нового лорта, о котором они знали как о личности, независимой от влияния ныне «царствующего» лорта Ира, Тирета Ниасу. Из намеков Лахрета я поняла, что не все довольны руководством правителя Ира, и, что весьма существенно, догадываются о его махинациях, но боятся заикнуться о своих подозрениях и предположениях. Лахрет таких выделял особо, планируя связаться с ними позже.

Через час «интересных» бесед, вызывавших у меня только зевоту, когда я начала ощущать тяжесть в голове и теле от непривычной усталости, муж решил немного расслабиться и увлек меня на танцевальную площадку. И снова, как когда-то, навевая приятные воспоминания, он закружил меня в чарующем танце, который я почему-то назвала вальсом. Почему? Спросите у тех, кто лишил меня памяти. В эти минуты мне казалось, что я — легкий крошечный мотылек, порхающий над яркими ароматными цветами. Его руки будили во мне совсем неуместное волнение и жгучее желание близости. Я соскучилась по нему. Я в самом деле дико, до боли соскучилась по нему! Эти дни мы почти не виделись, и так хотелось быть с ним рядом, близкой и любимой им. А эти все приемы и театральные представления в стиле «свой-чужой» у меня вызывали лишь нервное напряжение и злость.

После танца Лахрет ненадолго оставил меня на приятную компанию Крафа Элогира, улыбчивого фагота, работника юстиции. Молодой человек оказался на редкость приятным и очаровательным собеседником. Он знал много шуток и не давал мне скучать. Мы даже покружили с ним в одном танце. А еще я узнала, что он всецело предан моему Лахрету и готов за него отдать, не раздумывая, жизнь. Когда-то мой муж спас его отца от гибели и теперь Краф считает своим кровным долгом служить верой и правдой новому лорту

Иридании. Рядом с ним мне было не страшно.

Пока Лахрет решал свои дела, я раз пересеклась с Марой и то, что она послала мне мысленно, сильно озадачило меня. Она угрожала мне, напомнив, что ждет ответа о том вопросе, что поднял Лахрет на Ежемесячном Совете Палаты о вышках. Я лишь сделала равнодушный жест, что ничего не изменилось с того момента. Что мы решительны и дальше твердо настаивать на переходе контроля над вышками в юрисдикцию Службы Безопасности, начальником которой Лахрет продолжал оставаться. Маре это дико не понравилось и вызвало волну гнева, скрытого под маской лживой гримасы радушия. Она продолжала всем казаться приветливой и доброй, но моя Забава сообщила мне, что Кара Мары настроена на раздражение и, поощряемая своей наездницей, заставляет других королев сторониться ее. Это говорило об очень плохом настроении наездницы. Все вокруг предупредительно шарахались от Старшей Королевы, только она приблизиться к их месту восседания. Кара считала, что все настэ в Ире и вообще во всей Иридании — ее собственность и любой должен ей уступать место, только она об этом потребует. Лишь Шима сопротивлялась сегодня и становилась на сторону моей упрямой и своенравной Забавы. Что меня больше всего восхитило в реакции Забавы, так это ее спокойствие. Она совершенно не боялась Кары, как другие. И, как я поняла, Шима, та королева, что еще неделю назад меня носила на своей спине, выражала свое негодование от поведения главной королевы.

Так что, толкуя и выясняя всю эту ситуацию среди королев-ниясытей, я пропустила львиную долю интересных случаев, рассказанных мне Крафом. Хотя... мне показалось, что он прекрасно понимал, что я его не слышу, но старательно продолжал что-то лепетать, чтобы создать видимость милой беседы. Лишь потом, анализируя все, я поняла, что это был неплохой ход в его поддержке и защите. Меня же насторожила информация с настэ. Я поняла, что то, что сейчас происходит там, намного важнее интриг здесь, в зале. Сейчас начал шататься несомненный авторитет Кары, а значит... Мара теряла статус главной шиасу Иридании. Если Кара не защитит свою позицию, королевы перестанут слушаться ее. Тогда будет борьба за лидерство. Но кто посмеет выступить против опытной и сильной Старшей Королевы? У какой королевы хватит сил и смелости? И еще отчаяния? Пока что против восстают лишь две... одна слишком мала, а другая... слишком нерешительна. И скорее даже нерешительна ее наездница, чем королева. У Шимы было достаточно шансов и предпосылок восстать против Кары, но она молчала.

Во всех этих мелочах я не заметила, как подошел Лахрет и тихо кое-что прошептал. Я вздернулась и охнула от неожиданности:

— Ох! Лахрет! Я испугалась!

Он нахмурился и с прищуром спросил:

— Что творится на настэ? Ниясыти слишком беспокоятся.

Я удивленно вскинула брови и расширила глаза:

— С чего ты взял?

— Лирит говорит. И ты разве не слышишь?

— Что?

— Мой Кенон тоже беспокоится, — кивнул Краф.

Я осмотрелась и заметила, как стали оглядываться по сторонам и прислушиваться другие наездники. И точно, из открытой двери на широкий и длинный балкон слышался низкий гул. Ниясыти. Я непонимающе уставилась на Лахрета. Он, сдвинув еще сильнее брови, впился в меня взглядом:

— Что делает Забава? Что между королевами происходит?

— Я не понимаю... — я покачала головой, чувствуя, как бегут мурашки по бедрам.

Лица всех обратились в нашу сторону.

— Лана, останови Забаву и... Шиму, — я видела, как пустеют его глаза.

Так всегда бывало, когда он общался с Лиритом.

— Но я не знаю, что они делают!

— Такое было уже давно, — покачал головой Краф. — Никто не смеет возмущаться против Кары.

Я сделала глаза блюдцами. Выходит...

— Лана, сейчас не время решать, кто сильнее! — еле слышно процедил сквозь зубы Лахрет. — Вели Забаве подчиниться! Она еще слишком мала тягаться с Карой!

Внутри все сжалось от ужаса и понимания спровоцированной мной и Забавой ситуации. Лахрет прав. Сейчас не время выяснять среди королев лидерство. Моя кроха слишком слаба и неразумна, чтобы тягаться с весьма опытной и грозной королевой. Поэтому я сосредоточилась так, как обычно делала, когда желала соединиться разумом со своей королевой. И вот я уже стою на настэ и надо мной нависла Кара. Она требовала, чтобы я сошла с... ее места! Здесь она, видите ли, всегда сидит. Никто никогда не перечил ей, а я, Лана-Забава, изогнувшись, как дикая кошка, грозно шипела на взрослую королеву. Конечно, это выглядело очень нелепо, но сама воинственность и решительность Забавы вызывала восхищение. Рядом сидела Шима и расправила крылья, готовая ринуться в защиту. Меня обуревают негодование. Я хочу разорвать наглуую и злую королеву. Я стыжусь, что она моя мать! Дрожь охватила все тело и, взывая к природным силам своего организма, я, Лана-Забава, раздула вокруг себя биополе, готовая противостоять Старшей Королеве! Вокруг усиливался возбужденный гул. Другие ниясыти обеспокоены. Они потрясены и заинтригованы. Они понимают значение происходящей ситуации. Волнение королев автоматически передавалось остальным. Потом я узнала, что королевы являют собой не только предмет продолжения рода ниясытского, но и точку усиления эмоций, словно они — источник подпитки всем ниясытям этой удивительной энергией. Получая ее от человека, королевы усиливали ее в сотни раз и проецировали на остальных, тем самым, влияя на настроение всего рода ниясытей. Сейчас, в возбужденном состоянии, королевы генерировали сильную эмоцию гнева и раздражения. Другие же физически ощущали эту силу и выявляли крайнее беспокойство. Я еще подумала, а что же тогда будет, если кто-то решиться бороться за первенство? Как это отражается на остальных? Что было раньше? Мне еще предстояло это увидеть. Но не сейчас...

— Нет! — следуя указанию мужа, командовала я своей малышке и сосредоточилась на уверенности в своем слове. — Подчинись!

Мгновенно исчез пузырь биополя, и моя Забава покорно прильнула к решетке настэ. Она подчинилась. Внутри горело негодование, но она подчинилась. Шима отшагнула назад и сложила послушно крылья. Забава медленно отползла в сторону, уступая место главной королеве. Кара, самодовольно и высокомерно вскинув голову, села на излюбленное место, успокаивая свое задетое эго. Она ликовала и презирала малышку, посмевавшую бунтовать против нее, главной и самой сильной королевы!

Тяжело шатнувшись, я почувствовала, как пришла в себя и снова стою в зале торжеств возле Лахрета и Крафа. Они внимательно следили за мной, прищутив изучающие глаза. Лахрет сжал мою ладонь и тихо произнес;

— Правильно, милая, сейчас не время. Потом. Молодец...

Я чувствовала холодное напряжение мужа и видела восхищенный взгляд Крафа и некоторых наездников. Еще я ощущала возбужденный эмоциональный фон, ведомый только наездникам. Вопрос первенства решился в пользу прежнего лидера, но все ясно понимали, что он снова всплывет. Сможет ли тогда Кара отстоять свое место главной королевы? И еще... все поняли, что родилась та, что не будет всегда подчиняться ей. Некоторых это испугало. Другим это дало надежду и определило их отношение ко мне и Лахрету.

После этого небольшого инцидента некоторые проницательные наездники задумались и начали осматриваться. И еще... я увидела глаза Мары... в них царил гнев смешанный со страхом! Она почувствовала, как под ногами зашевелилась почва. Неожиданно дрогнул ее годами хранимый прочный авторитет. Мара не могла позволить случившемуся развиваться дальше. Надо было незамедлительно действовать, нужно рубить угрозу ее власти на самом корню, и она решилась...

Церемониймейстер объявил, что столы накрыты, и пригласил нас на балкон-террасу, опоясывающий с округлой стороны зал Торжеств. Лахрет увлек меня за собой, продолжая держать за руку, словно боялся, что кто-то возникнет из ниоткуда, схватит меня и украдет. Я тихо следовала за ним, продолжая осмысливать то, что сейчас произошло. Эта ситуация была настолько короткой и со стороны наивной и неприметной, что сложно понять непосвященному, что по-сути случилось. А получается, что моя Забава, отражая мое отношение к Маре, с презрением отнеслась к банальному повелению Кары уступить место. Другая бы подчинилась безропотно. Моя же Забава уперто возмутилась, заявив, что первой заняла этот участок настэ и на нем не написано, что там должна сидеть именно Кара. Собственно это и вызвало удивление других королев и присутствующих ниясытей. Но потом Забава подчинилась, и инцидент был исчерпан. Всё снова стало на свои места. Однако в умах окружающих встал вопрос: надолго ли?

Теперь моя Забава парила в небесах вместе с Лиритом. Недалеко от них летела и Шима. Это немного смущало и удивляло меня. Эта молодая королева питала ко мне слишком теплые чувства. Она тянулась ко мне искренне и безропотно. Я ощущала поток ее мыслей, звучащий фоном на голосе моей Забавы. И чем сильнее я прислушивалась, тем громче он звучал. Я будто начала ее слышать. Слышать отдельно от других голосов ниясытей, которые передавались мне, когда я прислушивалась к Забаве. И это пугало. Я косилась на Рию, наездницу Шимы, и видела ее вопросительные взгляды, перемешанные с непониманием. Я не хотела забирать у кого-то ниясыть, и уж тем более королеву! Поэтому я заглушала в голове голос Шимы, запрещая себе прислушиваться к ней.

В этот момент я смотрела только на Забаву. Я видела, как на фоне парящих глыб камня, почвы и паутины корней диковинных гигантских растений кружила в воздухе моя Забава. Она уже легко держалась на крыльях. Этот факт немало удивлял посторонних. Для ее возраста, она неожиданно быстро становилась на крыло. Можно сказать, даже слишком быстро. Права была Забава, когда утверждала о себе, что она особенная. Что ж, какова наездница, такова и ниясыть.

Мы стояли с Лахретом у самой балюстрады и слушали тихую мелодию, доносившуюся от группы музыкантов, собравшихся у входа в зал Торжеств. Гости равномерно распределились по искусственному газону, чудесным образом постеленному на широком балконе-террасе, на который мы были приглашены для обеда. Столы с кушаньями стояли под широкими квадратными зонтами. Воцарилась мирная идиллия. Ничего не предвещало

беду. Лахрет склонился и на ушко прошептал мне:

— Я разговаривал с одним министром...

— И что?

— По-поводу Зунга. Он сказал, что юридически я, как лорт, имею полное право вмешаться в дело с комнатой, и взять на личную поруку заключенного. Тирет ничего не сможет сделать. Так что скоро Зунг будет на свободе.

— Отлично! — на сердце отлегло и даже показалось, что все снова налаживается.

— Но есть проблема...

— Какая?

— Тирет требует отчета о проведенном расследовании.

Я поджала недовольно губы. Не хотелось бы, чтобы этот человек вмешивался в наши поиски. Иначе мы ничего не найдем. Это уж точно!

— И другие лорты тоже этого хотят?

— Они имеют право.

Я шумно выдохнула.

— Что будем делать?

— Я думаю.

— Ну, думай. Я не хочу, чтобы он вмешивался.

— А как я не хочу! — он пригубил бокал вина и оперся локтем на перила, всматриваясь в туманную даль, где терялись висячие корни реющих глыб Небесного Ира.

Я уткнулась в его плече, втягивая родной любимый запах, и постаралась успокоить колотящееся сердце. Лахрет приобнял меня за плечи и продолжил всматриваться вдаль. Мне так хотелось в этот момент сказать, что я люблю его, но почему-то остановилась и вместо этого произнесла:

— Я так соскучилась...

Он носом потерся о мою макушку:

— Все будет хорошо.

Будет ли всё по-настоящему хорошо? И когда? Я вновь устремила задумчивый взгляд на парящую в небе Забаву. Она медленно приближалась в нашу сторону. Лирит летел в стороне, постоянно следя за своей подопечной. На фоне красивых грациозных тел взрослых ниясытей, моя маленькая королева казалась угловатой карикатурой, нарисованной первоклассником коннора. Подлетев довольно близко, она сообщила, что голодна и хочет спать.

— Я сегодня тоже буду расти! — деловито заявила она и требовательно протяжно свистнула.

Я сообщила Лахрету о ее желании.

— Хорошо, — кивнул он. — В комнате, куда я договорился ее уложить для сна, все осмотрено и проверено. Так что не бойся, что там что-нибудь случится. Если кто-то решит тебя пригласить куда-нибудь в другое место, игнорируй. Скажи, что уже все решено. Поняла? Все здание охраняется. С тобой пойдет Краф, — он поманил жестом названного парня к нам и тот с готовностью оторвался от соседнего столика.

— Ты боишься, что мне могут что-то сделать? — повела я бровью.

— Я хочу быть готовым ко всему, — он смуро оглянулся на приземлившуюся рядом Забаву. — Зови ее сюда. Возле того столика, что у входа в зал Торжеств, есть для твоей Забавы положенная ей порция рыбы. Не задерживайся долго. Я буду ждать тебя здесь, и решу

некоторые проблемы, — он сжал на прощание мою ладонь и шагнул к какому-то видному наезднику из города, название которого я не запомнила.

Тот по его словам проявил немалое сочувствие к становлению моего мужа и был перспективным союзником. Лахрет хотел прозондировать почву более тщательно. Меня же отпустил под бдительным присмотром верного человека.

Я сделала все, как велел Лахрет. По пути в отведенные нам с Забавой апартаменты, к нам на удивление никто не подходил. И в том, что мы ушли, никто не увидел ничего подозрительного. Все прекрасно понимали, для чего я увела свою королеву. Набив свое ненасытное брюхо и пожаловавшись, что мало, Забава послушно поковыляла со мной в отведенное место. Там она довольно свернулась в калачик и сравнительно быстро уснула. Мне даже не пришлось ей петь ее любимую колыбельную. У входа дежурил Краф. Идти назад к гостям не хотелось. Моя голова шла кругом от неимоверного количества полученной информации. Поэтому я попросила Крафа сходить к Лахрету и сообщить, что полежу немного, поэтому приду позже, чем он просил. Мотивировала я просьбу тем, что коммуникатор с собой не брала, да и у мужа он был выключен, так что надо лично ему сообщить... Если честно, можно было это сделать и через Лирита, но мне хотелось побыть наедине с собой и подумать. Краф это понял и покорно оставил меня одну, велел мне предусмотрительно закрыть дверь на замок, чтобы никто не мог зайти без приглашения. Я с понятливым кивком затворила за ним дверь, приведя механизм замка в положение «закрыто», и блажено растянулась возле Забавы, чувствуя, как пульсирует кровь под коленями от усталости.

Прошло минут десять, прежде чем я резко встала и беспокойно прошлась по комнате, заложив руки за спину. Внутри все сжималось от ощущения надвигающейся опасности. Родилось странное чувство, будто вот-вот должно произойти что-то нехорошее... очень нехорошее. Я подошла ближе к окну и посмотрела через плотную тюль на улицу. Балкон, куда вела дверца возле окна, был затемнен от ветвей широколистного высоченного дерева. Поэтому в самой комнате становилось от этого довольно мрачно, что вызывало еще большее беспокойство. Я приоткрыла дверцу, желая выйти на балкон, и замерла, так и не сделав шага наружу. С соседнего балкона доносился знакомый голос. Говорила Мара:

— Ты уверен?

— Да. Тараки взяли шестерых, — голос отвечавшего неприятно хрипел и больше походил на скрип несмазанной двери.

— Они начали наглеть... — угрюмо ответила она.

— Иата! Но что мы можем сделать? У них какие-то трудности с кладкой яиц. Они сердятся, что мы даем им плохой материал.

— Ишь чего им подавай! — резко выдохнула она. — Они слишком обнаглели!

— Иата! — голос ее собеседника дрогнул. — Но они ясно дали понять, что иначе...

— Да знаю я! Знаю!

Я мигом прилипла к окну, пытаясь рассмотреть говорящих. Мара опиралась о тонкие ажурные перила и сурово хмурилась. Рядом стоял долговязый мужчина с крючковатым носом. Его длинные волосы доставали до плеч и скрывали некрасивый шрам на щеке. Он нервно стучал носком налакированных туфлей и сердито кривил губы.

— Я привел одного посланника. Он лично вам доставил какое-то сообщение от хаягетты. Он хочет сообщить что-то важное именно вам, — нервно дергая подбородком, прокрипел ее собеседник.

Шиасу раздраженно раздула ноздри и прикусила губу.

— Где он?

— Я вас отведу, — он поманил ее зайти в комнату.

Я остолбенела. Что делать? Ведь это возможность узнать правду о связи Мары с тараками. Они говорили о какой-то хаягетте. Кто это? Может так зовут главного тараков? Тараки... она сотрудничает с ними, а не Тирет? Я должна проследить и убедиться в этом. Но как? Я ведь обещала никуда не выходить! Я сжала нерешительно губы, а время нещадно отсчитывало секунды. Искать Лахрета нет времени. Они к тому времени успеют скрыться. Что делать? Забава уже спит. И тогда я решилась...

Просчитав, что соседний балкон ведет в соседнюю комнату через коридор, я скользнула к входной двери и приоткрыла ее. В темном полуосвещенном коридоре никого не было. Значит, комната, в которой находилась Мара с тем подозрительным типом выходит в параллельный коридор. Я, оглянувшись на прощание на спящую Забаву, бесшумно скользнула прочь из комнаты и пробежалась до поворота.

Выглянула. В сторону от меня отдалялось два силуэта. Мара и тот крючконосый тип. Они направлялись к лифту. Что делать? Я кусала в напряжении ногти. Выходить в открытую глупо и безрассудно. Когда они войдут в кабину и нажмут кнопку в лифту, то с того места, где я находилась, не увидеть, куда они направляются. Прислушалась, но слов не расслышать. Они явно спорили. Мара раздраженно дернула локтем и одарила собеседника недовольным взглядом. Он опустил глаза и что-то невнятно проворчал, виновато кланяясь. Через пол минуты прибыл лифт. Они сели и нажали куда-то на нижний этаж. Я дождалась, когда дверцы сомкнутся, и со всех ног кинулась к лестничному пролету. Значит, они направились куда-то вниз. Но куда? Бежала наобум, просто вниз. Главное — найти. Здание само по себе весьма запутано, но все лифты ведут вниз только на одно нижнее помещение. Оттуда есть дорога на выход из самого строения и еще в подвальные помещения. Как я узнала об этом? Не помню.

Перепрыгивая через ступеньку, летала вниз как оглашенная, и по пути успевала думать. Рискнула предположить, что они будут встречаться с посланником тараков в безлюдном месте. Может, они идут к своим ниясытям? И им нужно покинуть лурс? Тогда мои бега бесполезны. Но что, если этот посланник спрятан где-то здесь и ждет госпожу? Тогда он должен находиться внизу, в подвальных помещениях, где почти никого нет. Если он сумел проскользнуть незамеченным мимо охраны, о которой упоминал Лахрет, значит, скорее всего, посланец ничем не отличается от остальных людей, имеющих доступ в это здание. Либо его провела особа, обладающая достаточной властью. Тарака сюда бы никто не пустил. Выходит, что посланник от тараков — человек! Но как такое может быть? В голове мысли прыгали как блохи. Прискакав к последнему этажу, я стремительно приблизилась к входной двери и по инерции чуть с грохотом не вывалилась из пустого лестничного пролета в огромный холл. Вовремя остановилась и аккуратно выглянула наружу через узкую щель. Дыхание сбивчиво с шумом вырывалось из груди. Сердце бешено колотилось, пытаясь выпрыгнуть из положенного места, однако мыслила я достаточно трезво. Мне несказанно повезло. Я успела к тому моменту, когда дверца лифта неспешно отъехала в сторону и в холл вышли преследуемые мною персоны. Они, молча, шагнули из лифта. В холле находилось лишь пару человек и на появление шиасу, обыденного явления в лурсе, никак не отреагировали. Мара со спокойным лицом горделивой правительницы проследовала до другого лифта, идя чуть позади своего провожатого. Тот лифт вел в подвальные помещения.

Значит, я была права — посланник некой хаягетты находился внизу.

Дождавшись, когда они уедут, вышла в холл. К тому моменту там никого уже не наблюдалось. Так что никто не видел, как я подошла к лифту и нажала на кнопку вызова. Через минуту двери разошлись в стороны, и я нерешительно шагнула внутрь. Нажала на единственную кнопку вниз. Не знаю, о чем я в этот момент думала. Помню, в голове пульсировала только одна мысль: что хотел сообщить этот посланник? И лишь когда кабина лифта почти доставила меня вниз, в мозгу запоздало засветился фонарик благоразумия: вдруг, там дежурит охрана, и меня повяжут?.. Последнее, что я увидела, прежде чем меня бесцеремонно схватили — это был длинный белый коридор и распахнутая дверца, ведущая в большое хозяйственное хранилище. Там стояла Мара, вставив руки в бока, и строго смотрела на молодого человека в потрепанной рваной одежде. Затем меня потащили туда же. Шиасу удивленно обернулась, подняв тонкие брови.

— Не поняла? Что она здесь делает? — обратилась она к охраннику, когда меня грубо толкнули на деревянное креселко.

— Она прибыла сюда на лифте. Нам пришлось ее связать, чтобы не растрепала языком лишнее, — доложил амбал, доставивший меня к повелительнице.

Я испуганно оглядывалась на присутствующих тут людей. Кроме охранников здесь находились Мара, тот крючконосый тип, что беседовал с ней, и ещё два других подозрительных лица. Меня шокировали глаза последних. В них не было никаких эмоций. Они бездумно смотрели на Мару и чего-то ждали. Мара же раздраженно уставилась на меня:

— Что ты здесь делаешь?!

— Я попутала лифт, — попыталась я сыграть дурочку.

Она недовольно свела брови и фыркнула.

— Лифт, значит, попутала! — в ее голосе прозвенел металл недоверия. Она явно меня заподозрила в слежке. Такую женщину сложно провести. — Хм... а знаешь что, Гунг... — повернулась она к тому патлатому крючконосу, спустя несколько секунд, — а я имею идею... — тот непонимающе дернул головой.

Шиасу подошла ко мне и презрительно скривила губы:

— Думаешь, я поверю, что ты лифт попутала? Я предупреждала тебя? Почему ты столь неосторожно потащилась сюда? Ты должна понимать, что переступила черту моего терпения, — она сделала многозначительную паузу, размышляя над ситуацией, а потом решила: — Раз все так вышло неожиданно... мне придется немного поторопить события. Я заставлю твоего Лахрета умерить свой пыл! — Мара подошла к белому столу, на котором лежал инъектор с синей жидкостью, и взяла его в руки. — Я говорила тебе, что не терплю непокорности? Но ты упрямо слушала своего муженька. Так что... — она склонилась надо мной и злорадно усмехнулась: — Я думаю, хаягетте понравится мой подарок!

Она оглянулась на бездушного посланника:

— Значит, хаягетте нужен хороший образчик? Она его получит! — и холодная игла пронзила кожу моей шеи, в тот миг, когда один из охранников с каменным выражением лица держал мои руки.

Я лишь дернулась, взведя на шиасу вопросительный взгляд, как мир вокруг заколебался, расплылся и потемнел...

По ту сторону Забавы

Часть 6. По ту сторону Забавы

Темно и сыро. Где-то в стороне капля за каплей, оглушая эхом и раздражая воспаленный слух, ныла капель. Кап. Кап. Кап. Слишком сыро. Шероховатая подстилка давит в локоть и бедро. Не могу поднять тяжелые веки и пошевелить затекшими руками. Глаза затянуты затхлой тряпкой, а руки впереди крепко связаны ершистой веревкой. Вздохнула и закашлялась от холодного и гнилого воздуха. Где я? Кряхтя и постанывая, попробовала сесть. Ноги не связаны, это хорошо. Осмотреться не реально, поэтому стараюсь прислушаться к окружению, чтобы хоть что-то понять. Тишина. Лишь эта нервирующая капель. Кап. Кап. Кап. Поежилась от холода и попыталась сосредоточиться. Но вместо трезвой мысли в груди настойчиво захныкала паника. А потом этот странный звук...

— Тут кто-нибудь есть? — настороженно прошипела я, не узнав свой голос.

В ответ тишина и эта капель. Кап. Кап. Кап. Дрожь колотит все тело так, что цокотят зубы. Послышался снова этот короткий легкий шорох и негромкий звон метала о метал.

— Есть тут кто-нибудь? — жалостливые нотки моего голоса пугающе хрипели. — Пожалуйста, ответьте... Кто-нибудь!

Опять пугающий загадочный шорох и звон. Жутко. Мозг лихорадочно принялся анализировать ситуацию, в которой я оказалась, и что к этому привело. Помню, как я безрассудно пустилась в преследование, чтобы узнать, с кем должна была встретиться Мара. Потом, не подумав, вошла в лифт, чтобы спуститься вниз, в подвальное помещение Дома Торжеств. Там меня сразу связали и дальше это недовольное лицо старшей шиасу. Потом ее фраза про таинственную хаягетту и что она получит то, что требует. А далее темнота. Сейчас, придя в себя, я обнаружила, что нахожусь в гулком пустынном помещении с мерзкой капелью и эхом как в пещере. Еще связаны руки и завязаны глаза. Ладно, руки, но почему закрыты глаза? Зловещая тишина, разбавляемая жутким звонким капанием, приводила меня в ужас. Плюс эта противная сырость, заставляющая меня трястись, как осиновый лист. Я снова крикнула:

— Кто-нибудь! Пожалуйста! Отзовитесь!

— Что вопишь, как резанная?! — услышала я, наконец, чей-то недовольный скрипучий женский голос. — И так тошно!

— Мамочки! Кто вы?! Скажите что-нибудь. Где мы? Что мы здесь делаем?

— Какая разница?..

— Как какая?! Я ничего не вижу. Помогите мне, пожалуйста!

— Вот трындычиха! — голос недовольно переместился чуть в сторону. — Не могу я тебе помочь. Я прикована к стене цепью. И меня предупредили с тобой не разговаривать.

— Кто предупредил? Зачем? Что им от меня нужно?

— Сколько текста! Прикрути фонтан, и так тошно!

— Кто вы? Скажите хоть что-нибудь. Мне очень страшно! Пожааалуйста!

Она со стоном выдохнула и зашевелилась, звонко зазвенев цепью.

— В пещере мы! — соизволила ответить моя соседка. — Заключили нас сюда. Тебя принесли в отключке часов десять назад. Стража велела с тобой не разговаривать, иначе мне будет несладко, но, видимо, мне будет несладко, если ты будешь вопить, как умалишенная.

— Зачем они меня сюда притащили?

— А мне почему знать? Они не отчитывались.

— А что это за место?

— Мне откуда знать? Пещера. Огромная пещера. Эта долбанная капель уже достала меня! И эта дурацкая сырость!

— Ты давно здесь?

— Два дня.

— А почему ты здесь?

— Ууу! Сколько вопросов! Тебе не сложно помолчать?! Так было хорошо, когда ты спала.

— Умоляю вас! Только не молчите! Это хоть как-то спасает меня! — взмолилась я. — Что это за пещера? За что вас сюда посадили?

— Ты что, разве еще не догадалась? Ты вообще откуда? Верно, из центральных районов... — цепь снова зазвенела и я догадалась, что она села поуютней.

— Я из Ира.

— Ааа... значит, еще веришь в сказки о добрых наездниках.

— О чем вы? Я вас не понимаю!

— Пещера эта — тайник, где держат недовольных и провинившихся. А потом передают таракам. Тебе бы нужно знать об этом. Все, кто живет на побережье, уже давно знают, что наездники заключили договор с тараками и потихоньку подкармливают их людьми взамен на вольную рыбную ловлю за границей поля. Ведь бедненьким крылатым дружкам наездников так хочется рыбки! А если прервется поставка свежей рыбы, что будут кушать несчастные ниясыти?! Вот и расхлебываем мы, простые люди, нужды правителей Иридании. И сказать, главное, ничего не можем. Ведь как противостоять наездникам? Говорят, тараки бояться ниясытей. Да их все боятся! И люди тоже! Столько силищи! — женщина недовольно фыркнула и активно заерзала.

— Не говори так! Ведь наездники — защитники Иридании! Без них мы бы никогда не выгнали тараков из Иридании и люди бы навсегда остались рабами!

— Наивное дитя... — голос ее прозвучал даже сочувствующе. — Ты еще веришь в эти рассказы? Когда такое было? Много лет назад. А теперь... — она иронично цокнула. — Когда-то они нас защищали... теперь продают... — глубокий вздох сообщил, что моя собеседница пребывает в апатии.

— Но ведь тогда можно их наказать за это!

— Глупая ты! У них все шито-крыто. Поди докажи, что это они делают. Знаешь, как бывает. Факт преступления есть, а доказательств нет. Нет, деточка. Они знают, что делают. Там все повязаны. Брюхо ниясыти дороже жизни людей.

Волосы на голове встали дыбом от сказанного. Неужели это правда?

— Но ведь ятгор... Лахрет Ноа! Он же постоянно на границе! Он ищет пути решения этой проблемы! Он знает и хочет помочь!

Пауза. Женщина задумалась.

— Таких, как этот парень, осталось очень мало. Что он сделает против налаженной системы? Этот... главный... Тирет. Он же ему палки в колеса постоянно тычет. Что может этот ятгор против лорта? Видела я его один раз. Правда, честный человек, но таких как он слишком мало и они не имеют силы.

— Лахрет теперь лорт! Он сможет! — выпалила в сердцах я и приподнялась на колени,

повернувшись лицом к голосу.

— Лорт? — она была явно удивлена. — Хм... все равно. Он слаб против Тиретовой машины. С ним Мара. Она страшная язва и гремучая пещерная змея. С ее королевой никто не справится. Так что не стоит напрасно тешиться его повышением. Его быстро поставят на место.

— Он сильный! Он сможет!

— Чего ты так его защищаешь? Родственница что ли? — я закусила губу, не решившись признаться, кто я. Но она не слишком и докапывалась: — А! Неважно! Может, что-нибудь когда-нибудь и сдвинется. Но что нам до этого? К тому времени нас уже оприходуют тараканы... — голос ее дрогнул и затих.

От этих слов у меня внутри все связалось в тугой узел.

— А ты как сюда попала?

— Поймали на браконьерстве. И вместо суда, сюда посадили.

— Браконьерстве?

— Угу. Веришь, что все в Иридании послушны закону? Может, в центральных районах еще кто-то и чтит закон, а на границе все пытаются выжить. Признаю, я одна из тех, кто выживает. Захотелось хорошей жизни, и поддалась на уговоры дружка. Мол, деньги легкие. Подумаешь, порыбачим немного в запретной зоне... не тут-то вышло. Поймали нас на первом же деле. Вот, теперь буду отдуваться с тараканами. А ты как сюда попала?

— Перешла дорогу одной шиасу... — и тут до меня отчетливо дошло, что со мной произошло, и какая участь меня ожидает.

— Не Маре случайно? Только она сюда может запраторить.

— Маре... — у меня внезапно к горлу подступил ком, и сперло дыхание от безнадежности моего положения.

— Змея пещерная... — зло прошипела моя собеседница. — А звать-то тебя как?

— Лана... — мой голос уже предательски дрожал, и я еще силилась сдержать нахлынувшую обиду.

— Хм... знакомое имя... Эй! Ты чего! — вздернулась она, увидев мою реакцию.

Я плюхнулась набок и скукожилась от панического ужаса, внезапно охватившего меня. Сначала тело затрусил от судорог немой истерики. Затем, через стоны прорвались всхлипы и плач. Слезы потоками полились из моих глаз, моча зловонную тряпку. Больная фантазия рисовала печальный исход. Я подумала о Забаве, моей маленькой и смелой девочке. Что будет с ней? Ведь я столько времени уже не была рядом, а ее детский сон очень чуткий. А как же Лахрет? Что он сейчас делает? Он должен искать меня. Но как он будет искать? Где? Надо верить, что он сможет, но сейчас верилось во все очень плохо. Паника запеленала мой разум, туго утянув сознание. Я конвульсивно дергалась от истеричных рыданий и не могла обуздать себя. Не знаю, сколько это длилось. Но потом медленно пришла в себя и продолжила, молча, лежать на полу, ощущая гулкую опустошенность.

— Все? Закончила? — услышала я настороженный голос.

Я ничего не ответила, продолжая по инерции медленно туда-сюда сгибать и разгибать колени.

— Эй! Как там тебя! Лана! Успокоилась?

— Да... — еле слышно просипела я и, наконец, замерла. — Что теперь будет...

— Слушай... я тут подумала... от тебя так разит ниясытским запахом. Ты, случайно, не наездница?

— Да.

— А ненароком, не та ли ты Лана, что прошла обряд единения с дочерью королевы Мары, Кары? Лана Арамс? — осторожно предположила она.

— Я.

— Обалдеть!!! — она еще выпалила пару нецензурных фраз. — Мара точно рехнулась, раз решилась на такой дикий шаг!.. Неее... она правда умом тронулась...

— Что теперь будет с моей малышкой, — снова всхлипнула я, ощущая, как к груди подступает очередной приступ.

— Ее не посмеют тронуть. Другие ниясыти защитят, пока...

— Что значит «пока»?! — я немного протрезвела от тумана слез.

— Пока... Она ведь королева, хоть и маленькая. Но надолго ли, я не знаю. Мара, скорее всего, сделает все, чтобы замести все следы и придумает, как избавиться от последней улики и связующей нити мира с тобой. Я знаю, что ниясыти слишком привязаны к своим наездникам. Они видят их везде. Слышат их везде... Хм... Твою кроху не тронут, пока она полна сил. Но разрыв с тобой ее ослабит. Насколько мне известно, малыши в первое время очень сильно нуждаются в своем наезднике, особенно во время сна. Ей осталось мало времени. И тогда Мара что-нибудь придумает, уж не сомневайся. А глаза тебе завязали, чтобы скрыть место, где ты находишься, чтобы ниясыти тебя не нашли... — женщина на минуту смолкла, в то время как я пыталась совладать со следующим приступом истерики. Потом она торжественно воскликнула: — Это многое объясняет! Но вопрос в другом. Почему Мара рискнула пожертвовать молодой королевой — надеждой всего Ира и даже Иридании? Ведь во всей Иридании осталось так мало королев. Словно кто-то активнс занимается их истреблением. Единственная королева, которая дает дочерей-королев — это Кара. И та уже давно не приводила королевы. Столько лет... А теперь, когда в мир пришла надежда... и лишит наездницы самую перспективную королеву! Это... это... — она задохнулась от возмущения.

Я продолжала всхлипывать. Слышу, женщина зашевелилась и подобралась ближе ко мне.

— Слушай! А это идея! Лана! Прости... иата Лана. Я знаю, наездники и ниясыти теснс связаны друг с другом и слышат друг друга, где бы ни были. Это правда?

— Не пробовала. Я всегда была рядом с моей Забавой. Мне не зачем было ее звать издалека.

— Теперь есть такая потребность. Попробуй! Может, мы сможем выбраться отсюда раньше, чем придут тараканы?

— Ладно... я попробую... — я успокоилась и прибодрилась.

Села. Сделала глубокий вдох и выдох. Успокоиться после такой мощной истерики — дело ни из легких. На это я потратила массу времени и силы воли. Мысли разбежались по полкам и помогли сосредоточиться. Потом попыталась коснуться сознания моей малышки. Я думала только о ней и представляла ее образ.

— Забава! — звала я ее. — Забава! — но в ответ ничего не могла услышать.

Я продолжала снова и снова звать свою малышку, все сильнее и сильнее сосредоточивая свой разум на ней. А потом, вдруг, вспышка и яркий свет. Меня куда-то потянуло, как в топь. А далее... Моргнула. Что-то не так. Тело как-то по-другому ощущается.

— Забава? — снова позвала я.

— Я здесь, — слышалась ее робкая мысль.

Я попыталась оглянуться и увидела... это не мое тело! Вроде бы понимаю, что лежу на циновке в пещере, и в то же время, я уже не я, а мое тело имеет четыре лапы, крылья, хвост и серебристую гладкую лоснящуюся кожу. Я сознанием в Забаве, как будто контролирую ее. Она нерешительно отозвалась и спросила, где я.

— Меня спрятали в какой-то пещере, — ответила ей.

— Я хочу к тебе. Мне очень плохо... — грустно ответила моя девочка.

— Я не могу, крошка. Но что сейчас происходит? Я чувствую тебя.

— Я пустила тебя в себя. Тогда я лучше тебя слышу. Ты далеко. Мне сложно находить твой разум. Я дала тебе зацепиться за себя. Я буду слушаться. Веди меня.

На глаза накатились слезы, только теперь слезы облегчения. Я могу найти выход. Мне его укажет Забава. Надо только правильно всем воспользоваться. Что делать? Надо срочно найти Лахрета и поговорить с ним! Но как? Потом решу. Пока что ищем Лахрета. Я захотела встать и понимаю, что тело Забавы легко слушается моих приказов. Как будто куклой управляю, только издалека.

И вот теперь я, Лана-Забава, поднимаюсь с постели, где оставила ее, выходит, около суток назад, и увидела рыбу на столе. Ее любимая. Желудок жадно сжался в приступе голода. Я велела есть, и она поела. Ощутила, как силы наполняют мышцы. Дальше что? Подхожу к дверям. Легко открыла и выглянула наружу. Уже знакомый сумрачный полуосвещенный коридор. Выхожу. Куда идти? Где Лахрет может быть? Он не должен оставить после моего исчезновения Забаву одну. Но кто может знать, где Лахрет? Лирит. Это идея. Надо найти Лирита. Он точно знает, где его наездник. Значит, ищем выход на улицу и на настэ. Повернула голову направо и увидела выход на узкий балкон, огражденный ажурными коваными перилами. Направилась туда. Ступила на теплый пол балкона и остановилась. Посмотрела на ясное небо. Раголар стоял в зените.

— Забава, ты слышишь Лирита?

— Нет. Я его не слышу. Он не здесь.

— Значит, и Лахрета здесь нет, — расстроилась я.

Но тогда что? Надо найти тех, кого я знаю. А кого? Натона Нарана. Еще... ммм... Шиму. Но разве она тут будет? И главное, захочет ли мне помочь? Велю Забаве взлетать. Тяжелый взмах крыльями и я уже парю в воздухе. Взмахи крыльев короткие и лихорадочные. Много сил уходит на то, чтобы держаться в воздухе. Теперь я понимаю, чего стоит малышам учиться летать. Организм растет быстро и крылья никак не могут соотнести силы и систему внутреннего равновесия с собственным размером. Но все-таки лечу. Поднимаюсь вверх. Сверху лурс или Дом Торжеств, где только вчера громко играла музыка и все поздравляли нас с Лахретом с заключением союза, казался пустым. Лишь изредка кое-где выскочит во двор какой-то слуга помахать тряпкой или метлой. Вверху парило около семи ниясытей. Все незнакомые. Что делать? Настэ на концах «лепестков» лурса образовывали ровные решетчатые шапки, едва заметные снизу. Не буду тратить напрасно силы на полет. Сяду на настэ и оглянусь. Попробую просканировать здание. Забава подскажет, как это сделать. Крылья послушно сложились на спине, и я легко расставила лапы на мягкой сетке настэ.

— Забава, ты можешь просканировать здание? Надо найти кого-то знакомого.

— Хорошо, — откликнулась она и закрыла первые веки.

Вокруг все посинело и приобрело размытые контуры. Неодушевленные предметы светились белым светом, а одушевленные переливались перламутром и светились разными оттенками от розового до фиолетового.

— Кого ты видишь и знаешь? — спросила я ее.

— Я не вижу Лахрета. Здесь есть Краф. Тот мужчина, что был с тобой вчера. Вот он идет по среднему коридору.

И она навела резкость на ярко-белый силуэт человека с синим светящимся шлейфом. Он спокойно перемещался по коридору. Остановился, открыл двери. Не шевелится. Затем он развернулся и быстро помчался прочь. Он, видимо, что-то искал, но не нашел. Как же мне с ним связаться? Он, наверняка, знает, где мой Лахрет. Смотрю, он еще бежит. Замер возле шахты лифта. Потом пустил его вниз. Я решила проследить, куда он выйдет. Если на улицу, тут же подлечу к нему и попытаюсь установить связь. Вот он уже в нижнем холле. Быстро идет к выходу, поднеся руку к голове. Видимо, звонит кому-то на коммуникатор. Я было уже собралась прыгнуть с настэ и подлететь к парадному входу, откуда должен был выйти Краф, но тут...

— Что ты здесь делаешь?! Ты должна быть в своей комнате и ждать! — строгий голос мысли заставил меня вздрогнуть и оглянуться назад.

Кара! Старшую королеву трудно не узнать. Горделивая осанка, мягкие и плавные переходы линий тела и крыльев. Тонкая изящная шея. Ровная спина. Чистая порода! Ни одной лишней горбинки и неровности. Лучший образчик. Королева... Старшая королева!

Она грозно изогнулась и опустила голову на уровень груди. Мой-Забавы хвост нервно ударил об бок — признак нервного напряжения и несогласия. Я ответила за Забаву:

— Ищу Лирита.

— Он улетел. Немедленно отправляйся назад в свою комнату.

— Не хочу! — я упрямо вскинула голову. — Я должна найти Лирита!

— Я еще раз повторяю! — Кара грозно сверкнула глазом. — Он улетел со своим наездником. Ты должна быть в своей комнате.

— Почему?

— Так велела Мара!

Меня всю перекосило от упоминания этого имени и тут же вызвало бурю протеста и гнева. Я НИКОГДА НЕ БУДУ СЛУШАТЬ МАРУ! Грозное шипение вырвалось из груди вместо ответа. В животе судорожно свело, и уже через две секунды вокруг образовался перламутровый пузырь поля. Сработала естественная защита на внутреннее негодование. Потом, следуя сильнейшей эмоции, испытываемой мной, Забава опрокинула голову и протяжно тоскливо затрубила, громко и призывно. В этот стон вошла вся ненависть и обида, рожденная мною в сырой пещере моего заключения. Кара дрогнула, изумленно подняв голову над спиной. А затем изогнулась в спине как кошка и гневно затрубила в ответ. Ее голос звучал глубоко и страшно. Его эхо отразилось ото всех зданий глыбы, на которой гнездились человеческие строения и полетело в белый туман, теряясь среди каменных парящих громадных скал. Затем Кара расправила широко крылья, закрыв ими Раголар. Темные извилины жил и сосудов рисовали замысловатый узор на ее светло-кремовых перепонках крыльев. Она слегка приоткрыла рот и грозно зашипела.

— Ты немедленно пойдешь в комнату! Иначе... — Кара наклонила голову.

— Что иначе?! — я повторила ее жест, ощутив, как крылья Забавы зашелестели над спиной, словно отражая действия старшей королевы.

— Я раздавлю тебя, как насекомое! — она тоже раздула пузырь своего поля.

Внутри все задрожало от страха, но боялась Забава. Я же пребывала в гневе. Я не собиралась уступать. Ведь что может сделать мне королева? Разве Забава может пострадать?

Так я тогда думала. Наши поля столкнулись и! слились в одно целое. Еще миг, и Кара шагнула ко мне. Я слышала, как рокотало у нее в груди. А потом она замахнулась и с силой опустила лапу на плечо Забавы. Дикая боль обожгла плечо, и Забаву откинуло в сторону. Я выпустила когти и успела вцепиться в решетку настэ, поэтому мою девочку не выкинуло с площадки. Плечо мгновенно опалила жгучая боль и я почувствовала, как кровь тонкой струей потекла вниз на решетку. Кара грозно нависла надо мной, повторив свое требование. Она посчитала, что силовое «наставление» подействует на непокорную «дочь». Однако старшая королева глубоко ошибалась. Я услышала, как несогласный стон вырвался из горла Забавы. Затем, качнув протестующе головой, она упрямо изогнулась и, ловко вывернув из-под нее, прыгнула ей на спину, вонзив тонкие и слабые коготки в бархатную нежную кожу. Кара дернулась и попыталась скинуть Забаву, как репях, но мы держались так, чтобы она не достала нас. Она замерла, думая, что делать. Наверное, со стороны это выглядело странно. Взрослая королева, сильная и уверенная в себе, пытается стряхнуть неприятное маленькое обстоятельство со своей спины.

— Что вы делаете?! — услышала я грозный возглас со стороны и обернулась.

Рядом приземлилась на площадку Шима! Королева излучала непонимание.

— Остановитесь! Кара! Ты же погубишь ее!

— Не лезь! — зашипела Кара на вмешавшуюся молодую королеву. — Это не твое дело!

Я-Забава, повернулась к Шиме и, понимая, что я не справлюсь, всхлипнула:

— Шима! Она меня не пускает отсюда искать мою Лану! Она заставляет меня слушаться Мару!

Шима на мгновение замерла, выражение ее морды изменилось, и она смерила меня взглядом.

— Я чувствую в тебе силу человека! Ты ведома своей наездницей, — сделала она вывод и сверкнула глазами.

— Не вмешивайся! — взбешенно взревела Кара, оскалив ряд коротких, но острых акульих зубов. — Я раздавлю ее строптивый характер! Никто не смеет ослушиваться меня, Кару! Я — Старшая королева!

— Шима! — всхлипнула я, взывая о помощи, так как чувствовала, как из меня стремительно уходила сила.

Мне говорили, что защитное биополе ниясыти забирает у них массу энергии и лишает сил. Я ощущала, как слабеет каждый мускул тела. Я понимала, что не смогу дальше держаться, а покориться не имею права. Кара вынуждала меня сдаться и не искать саму себя. Как я могу? Ведь тогда я погибну! И тут Шима неожиданно раздула свой пузырь поля и решительно слилась с нашим. Теперь она была рядом со мной, и я почувствовала, как медленно спало напряжение. Изогнув спину, Шима угрожающе зарокотала, как только что делала это и сама Кара. Она задрала голову, пугающе закатив глаза, и велела мне стать рядом. Я проворно соскользнула со спины Кары и отскочила в сторону, послушно подойдя к младшей королеве. Теперь я не одна и мы с Забавой сумеем противостоять старшей королеве. Она расправила свои широкие крепкие крылья и бросила Старшей королеве;

— Не смей ее трогать! Она еще слишком мала и слаба, чтобы противостоять тебе! Ты погубишь ее! Она принадлежит Лане!

— Я не собираюсь ее губить. Только проучить, чтобы она знала, как это — не подчиняться Старшей королеве! И кто такая Лана? Я не знаю никакой Ланы! — гордо задрала голову Кара и еще сильнее прогнулась. — Если ты не отступишь сейчас, я тебя

раздавлю! Так что лучше не вмешивайся.

В глазах Шимы на миг промелькнуло сомнение и навязанный с детства страх перед Карой, но уже через несколько секунд, смерив меня теплым взглядом, младшая королева встряхнулась и упрямо ответила:

— Не сможешь!

— Тогда не смей обижаться! Ты получишь по своему упрямству!

Они начали кружить, а меня резко выбросило из их круга. Чувство было такое, словно выкинуло из-под теплого одеяла в ледяную комнату. Однако я продолжала их слышать. Они не разговаривали, а закружили в странном медленном воинственном танце, угрожающе друг на друга шипя и воя, как это делают дикие коты. Не кидались друг на друга, не били, лишь кружили и на высоких децибелах выли друг на друга. Затем они замерли и замолчали. Стало легче дышать. Я смотрела на двух взрослых королев и только сейчас начала бояться. Это было пугающее зрелище. И скорее не визуально, а изнутри. Они давили внутренними силами, источая звуки в невероятном диапазоне. От миллинизких до мегавысоких. От этого даже воздух волновался. Бой королев! Я-Забава встревожено протяжно протрубила и опустила взгляд. Внизу вокруг Дома Торжеств высыпало море людей. Они стояли, задрав головы, и с вытянутыми лицами следили за происходящим в небесах. Тогда я подняла голову и остолбенела в шокирующем недоумении.

Небо плотно затянуло стальными и серебристыми телами. Шелест крыльев в своем многоголосии оглушал и делал эту сцену еще более значимой и из ряда вон выходящей. Такого я никогда не видела. Они все, как один, опустили головы, пристально и молчаливо наблюдая за происходящим на настэ. Никто не собирался вмешиваться. Никто не возмущался. Никто не выдавал ни звука, от чего становилось еще моторошнее. Они лишь молчаливо парили, напряженно и взволнованно взирая на происходящее внизу. Слышались хлопки, сообщающие о прибытии все новых и новых ниясытей, словно кто-то невидимый созывал всех на роковое зрелище. Казалось, что воздух вокруг весь дрожал от их взмахов. А потом... они, вдруг, затрубили низко и глухо. Этот протяжный, тревожный зов заставил перевернуться все внутренности от потрясения. Рядом из зияния, разорвав пелену пространства, возникло еще три королевы. Одна из них отделилась и села рядом со мной, распахнув надо мной защитное крыло. Она была очень стара, но от нее исходила энергия, которая утешала меня и расслабляла одеревеневшие мышцы.

— Объясни, что здесь происходит?! — спросила она меня, хотя это было видно и невооруженным глазом.

Ответить я не смогла, лишь поглядела на борющихся королев. Они продолжали смотреть друг на друга, переминаясь с лапы на лапу, словно в каком-то забытом ритуальном танце. Перестав оглядываться по сторонам, я-Забава опустила голову до самой земли и зашипела в сторону противостоящих королев. Я попробовала раскрыть крылья, но стоящая рядом королева, не дала. Позади снова слышались хлопки. Боковым зрением, заметила, что теперь прибыло много ниясытей с наездниками. Они опускали их на землю и поднимались в небо, присоединяясь к странному небесному хороводу, как к древнему танцу.

— Что здесь происходит?! — повторила стоящая рядом старая королева. — Я не могу слышать их.

— Кара требует моего подчинения, — коротко отмолвила я, не отрывая взгляда от противостоящих королев.

— Я — Орта, — представилась старая королева. — А ты — Забава? Не так ли? Я

чувствую в тебе силу человеческой воли. Ты со своей наездницей... она тебя ведет, не так ли?

Я оглянулась на нее, удивившись чутью старой королевы. Они знают. Они чувствуют, когда что-то в других меняется. Вдруг, она зарокотала и в момент раздула вокруг себя пузырь. Она хотела войти в радиус борьбы младших королев, чтобы остановить их. Но Кара не дала. Повернув на нее голову и недовольно оскалившись, она недовольно дернула головой. Пузырь поля Орты не смог слиться с их пузырем, как бы она не старалась.

— Кара не пускает! Она все еще сильна! — потрясенно произнесла Орта и легко убрала свое поле.

Глаза Кары зловеще перелились фиолетовым перламутром, от чего сердце испуганно ёкнуло. Орта глянула на меня:

— Шима слабеет... Она долго не сможет противостоять Каре... Она одна. Ее наездница сопротивляется и боится. Это плохо...

Я обеспокоено подняла глаза на старую королеву. Эмоция обреченности и тоска заставила меня издать грудную трель, переросшую в трубный зов. Парящие вокруг ниясыти повторили за мной, от чего мой зов стал еще более печальнее. Орта не решалась. Позади продолжались слышаться хлопки выхода из зияния ниясытей. Небо потемнело от тел и крыльев. Орта сложила крылья и просто, молча, стала наблюдать за развитием ситуации. Она не могла ничего сделать и вмешаться. Я застонала, и воздух дрогнул от отзыва многоголосого хора на небесах. Я словно почувствовала, что они поддерживают меня, вторя моему сильному беспокойству. Страх сковал тело. Я не знала, что делать.

— Забава! — среди какофонии звуков я услышала знакомый, громкий зов.

Оглянулась влево, откуда меня звали. И увидела. Верхом на Лирите с искаженным от сильного волнения и страха лицом сидел Лахрет. Он боялся. Дико боялся. За Забаву. За то, что могла сделать с ней Кара в этой ситуации. Сердце бешено затрепыхалось в груди от волнения. Он здесь! Только одно его присутствие придало мне сил. Я должна с ним встретиться! Но я не могу позволить, чтобы кто-то по моей вине погиб, защищая меня. И тогда я поняла, что делать. Развернувшись к противоборствующим королевам, игнорируя зов нура, я легко раздула пузырь поля и шагнула к ним. Мое поле свободно слилось с их, и я снова оказалась рядом. В памяти всплыли слова, однажды сказанные Забавой о Маре: «Ее чувства больно бьют». Я знала, что причиняет боль ниясытям, особенно королевам.

— Кара, остановись! — крикнула я ей со всех все ещё хранимых мною сил.

Она дернулась и окинула меня презрительным взглядом. И тогда я сконцентрировалась и попыталась почувствовать... собрать всю свою обиду и боль, вызванную разлукой с Забавой и Лахретом, всколыхнув всю ту бурю эмоций, что еще час назад колотила в истерике меня в пещере, и направила всё это на Старшую королеву. Я буквально ощущала, как они узким потоком выливаются из меня на нее. И Кара удивленно вздрогнула. Она испуганно шарахнулась, расширив на меня-Забаву шокировано глаза. А потом... Кара припала к настё и заскулила, как маленький испуганный щенок. Пузырь ее биополя мгновенно испарился и она, беззащитная, прижимаясь к платформе, протестующе стонала. А далее, уже не сдерживаемая, боль, в сотни раз усиленная моей Забавой, мощным потоком хлынула в разные стороны, ударив молотом по остальным. Я не сумела ее удержать. Я просто чувствовала, закрыв глаза, а эмоции продолжали транслироваться в окружающий эфир. В ответ воздух дрогнул их болью и мольбой остановить посыл мощных эмоций. Им было тоже больно. Распахнув изумленно глаза, я поняла, что делаю. Собравшись с духом, я перестала о

чем-либо думать, успокаивая себя. Небеса затихли в ожидании. И тогда я смогла снова посмотреть на Кару. Она прижималась к настэ и продолжала скулить, выражая покорность и страх, словно ее со всего размаха ударили по голове. Шима обессилено, как кукла, упала на бок и затихла. Я, было, шагнула к ней, но Орта опередила меня и накрыла мою спасительницу своим телом. Мерный рокот успокаивающего урчания послышался из груди старой королевы, и я услышала ее слова:

— Еще чуть-чуть и мы бы не спасли ее...

Тогда я подумала о том, что только что могла сделать Старшая королева. Так вот почему, многие боялись ее. И почему люди бояться борьбы королев. Определяя первенство, одна королева могла лишить другую не только сил, но и жизни! И еще в тот день затрагиваются чувства всех ниясытей, причиняя невыносимую боль каждому парящему в небесах... Они напряженно наблюдают и ждут... ждут новой Старшей королевы! Я поглядела на Кару. Та испуганно сжалась, как загнанный звереныш, подобрала под себя лапы и плотно прижала к телу крылья. От еще недавно цветущей и сильной Старшей Королевы не осталось и следа. Теперь это испуганная ниясыть, замкнувшаяся сама в себе. Выходит, что сейчас появилась новая Старшая Королева. Но кто?.. Я не могла допустить мысли, что это моя Забава. Она еще слишком мала. Тогда это Шима?

Не хочу сейчас об этом думать. Я-Забава выпрямилась и, ликуя о победе, гордо вскинула голову. Наверное, это выглядело странно: три взрослые королевы взволнованно прижимались к настэ, и только я, точнее Забава, маленькая, еще неокрепшая в крыле малышка-королева, возвышалась над ними. Как возможно такое? Или возможно? Торжественно расправив крылья, я сосредоточилась на эмоции радости и триумфа, довольства и покоя. Я понимала, что сейчас они ощущают меня каждым оголенным нервом своего тела. Кожей я почувствовала, как изменился эмоциональный фон вокруг. Внезапно, все ниясыти, парившие над нами в виде водоворота, замахали крыльями, создавая эффект блеска вверху, словно небеса стали водой и по ней в свете яркого солнца, бежала мелкая блестящая рябь. Они приветствовали меня! Они называли Забаву Старшей Королевой! Они готовы были покориться! От этого дрожь потрясения пробежала по спине. Не может быть! Неужели это значит то, что в голове не могло и явиться в страшном сне? Знала ли я в тот момент, что этот день стал для всех ниясытей важным и решающим событием в их жизни? Понимала ли я, что моя Забава стала для них новой Старшей Королевой, которой они готовы беспрекословно подчиняться? Нет. Я лишь просто удивленно озиралась, рассматривая восхитительную красоту сверкающего блеска массы стальных тел.

Но вечно длиться эта феерия не могла, и реальность позвала меня обратно. Особенно это было ощутимо из-за мерзкого холода, который продолжал бить мое человеческое тело там, в пещере. Я должна спастись. Я должна рассказать Лахрету, где нахожусь, чтобы он пришел и вызволил меня. Поэтому я собралась с мыслями и принялась искать среди этого фантастического блеска один, самый нужный и дорогой мне. Где он? Ведь он был где-то совсем рядом.

Кто-то отделился от основной массы и начал приближаться к настэ. Со стороны ситуация на платформе казалась весьма печальной. Четыре королевы приходили в себя после борьбы. Одна была почти без сознания, другая в панике, третья — пребывала в замешательстве, укрывая ото всех пострадавшую Шиму. И лишь Забава, маленькая малышка, едва стоя на ногах, лихорадочно оглядывалась по сторонам и искала глазами того, кто теперь летел к ним. Кто решился сделать первый шаг? Зацепившись за край настэ и дав спуститься

со спины всаднику, нур оттолкнулся и снова воспарил в небо, оставаясь висеть в воздухе недалеко от человека. С обеспокоенным, полным страха и боли лицом, мужчина смотрел на Забаву глазами, полными вопросов. Лахрет. Он рискнул ступить близко к королевам. Почему?

— Забава? Как ты? — голос его слегка дрожал, но это было вызвано не испугом, а внутренним глубоким беспокойством.

Он знал, что ниясыти прекрасно могут понимать человеческую речь, но отвечать хотят не всем. Услышит ли Забава? Захочет ли ответить? Я выпрямила спину маленькой королевы и велела сложить крылья.

— Лахрет! — это я, моя мысль метнулась к нему, полная страха и волнения.

Он здесь, он ищет, он рискует быть задетым растерянными королевами. Услышав мой зов, он свел с сомнением брови и напрягся. Глаза пристально впились в силуэт Забавы. Словно что-то понял, но не верит столь смелым и невероятным догадкам. Через несколько мгновений потрясенного раздумья, он снова заговорил:

— Лана?

— Лахрет! — снова позвала я. — Спаси меня!

— Где ты?!

— Я лежу связанной в пещере, и скоро меня отдадут таракам. Мне страшно! Пожалуйста! Забава — единственная, кто слышит меня и отвечает.

Он оглянулся на притихших королев, с тревогой ожидающих действий маленькой королевы. Потом посмотрел снова на Забаву.

— Значит, это не Забава сделала? А ты?!

— Я не знаю... Спаси меня... найди меня!

Его ноздри напряженно раздулись, а жилы выдулись на скулах. Он недоумевал и пытался сложить все пазлы, будто не верил, что такое возможно. Потом он, словно собравшись с мыслями, произнес:

— Мне нужна твоя помощь, чтобы найти тебя. Расскажи, где ты находишься, что видишь? Что произошло до этого?

— Я ничего не вижу... глаза завязаны. Это Мара меня похитила. Последнее, что я помню, что она обещала странному человеку, что даст хаягетте то, что та требует.

На лицо Лахрета легла тень гнева, исказив красивые черты черной ненавистью и бесконечной яростью. Кулаки с силой сжались так, что костяшки пальцев побелели до молочной белизны. А глаза загорелись диким огнем жажды мести и действий. Сердце мое судорожно сжалось от ощущения беды и неизбежного кровопролития. Я обернулась на застывших рядом королев. Они все слышали. Кара повернула голову так, что ее глаза, полные замешательства и нерешительности, переливались в лучах Раголара розовым перламутром страха. Это была правда. Она знала это, но противилась своей наезднице. Та не слушала ее и действовала по-своему, поэтому Кара теряла силы. Она уходила в свой мир, закрываясь от других.

— Кара, — обратилась я к ней. — Ты знаешь, где я?

Она дернула головой и закрыла глаза, полностью замкнувшись в себе. Она ничего не скажет, я поняла это сразу. Шима рядом всхлипнула и резко глубоко вздохнула, приходя в себя. Орта подняла голову над телом и протяжно протрубила. Ее зов был успокаивающим и повелительным. Через мгновения небо стало проясняться. Орта велела всем очистить небо. Улетать. Другие ниясыти почтительно повиновались ей, уходя в зияние или спускаясь вниз,

к своим наездникам. Лахрет стоял черной тучей, в задумчивости опустив глаза. Он думал. Думал о том, что делать, с чего начинать. Я вопросительно повернулась к нему.

— Что делать? — слышала я вопрос Орты и оглянулась на нее.

— Ты о чем? — удивилась я.

— Вели. Кара молчит. Она отказалась от своей роли. Она не главная. Шима будет слушаться только тебя. Говори.

— Я не понимаю... Почему?

— Ты забрала право Кары решать... Она тебе покорилась. Другие будут слушаться. Говори.

— Но что я должна решить?

— Что делать с Карой?

— Пусть она идет к своей наезднице! Она должна пробудиться!

Орта повернулась к уже бывшей Старшей королеве и грозно ей повелела лететь к своей наезднице. Та покорно развернулась и спрыгнула с настэ, расправив дрожащие крылья. Я изумленно проследила за ней, пока та не скрылась внизу за «лепестком» здания. Орта выпрямилась и сказала:

— Я пока решу проблему с Шимой. Ты решай свою. Но помни, они вернуться к тебе, — она загадочно блеснула глазом.

— Кто? Зачем?

— Чтобы выбрать тебя главной. Они запомнили твою силу. Они уважают тебя. Они будут слушаться тебя.

— Кто?!

— Другие ниясыти. Они видели твой триумф.

Я озадаченно моргнула Забавиными двумя веками. Что же произошло на самом деле? Неужели эта стычка перевернула весь мир? Орта поманила за собой Шиму и повела ее на широкую травянистую площадку, где собралось много народа. Там, поднеся к лицу, полному ужаса, руки, упав на колени, находилась Рия и плакала навзрыд. Мне жалко было эту девушку, но некогда сейчас об этом думать. Я снова посмотрела на мрачного Лахрета. Теперь в нем уже виднелся трезвый рассудок и собранное хладнокровие. Он взял себя в руки и уже прикинул план действий. Он шагнул ко мне и смуро заглянул в глаза. Затем он хлопнул перчатками, все это время сжимаемыми в кулаках, по бедру и резко развернулся к краю, призывая Лирита. Достал коммуникатор и набрал кого-то:

— Наран! Немедленно вылетай к лурсу! Я... связался с Ланой! Она в пещерах Нодсронского побережья!... И еще зови Минота, Агора, Нигида, Килару, Рогнеду и Сланцию. Через минуту вы уже должны быть здесь! — затем он повернулся в сторону Забавы снова и спросил: — Что ты еще можешь сказать о месте, где ты находишься?

Я мигнула и опустила глаза, от чего сразу же стала плохо его слышать.

— Я ничего не могу тебе сказать. Только то, что вокруг сыро, холодно и... рядом со мной есть еще одна женщина. Она тоже пленница. Она говорит, что ее тоже отправят к таракам.

— Спроси у нее, где вы находитесь, может, она знает?

— Нет.

Лахрет раздраженно выдохнул и положил ладонь на шею севшего рядом Лирита.

— Это хуже...

— Но ты же только что сказал, что я на этом... Нордм... Норс... на том побережье!

— Это огромное побережье, усеянное гротами и пещерами. На нем очень легко спрятаться даже от ниясытей. Сильное магнитное излучение и запутанные фьорды мешают что-либо отыскать. И еще... там только что вышла из строя вышка. Но это лишь предположение. Нужен хороший ориентир! — он постучал раздраженно носком и повернул голову в сторону запада. — Нужен тот, кто скажет, где ты...

А потом, ничего мне более не сказав, прыгнул на спину своего нура и велел ему спустить его к парадному входу. Я осталась одна на настэ. Что делать? Лахрет мне ничего не сказал. Лететь за ним? Подняла голову в небо. Оно уже почти опустело, если не считать двух парящих в синеве патрульных ниясытей. Они постоянно прочесывали периметр Ира: правило, установленное еще много веков назад.

Глубоко вздохнув, я прислушалась к Забаве. Она ответила далеким робким окликом. Она боялась. Ей было страшно, что она здесь одна, а я где-то далеко в темной пещере. Посмотрела вниз. Лахрет спешил и остановился возле парадного входа в ожидании.

— Лирит! — позвала я его нура. — Что мне делать?

— Лахрет сказал, чтобы ты никуда не летела и оставалась на месте. Я буду рядом, — подлетая, ответил он, пахнув на меня порывом хвойной свежести. — Я защищу тебя.

— Не думаю, что меня кто-то тронет... — оглянулась я вокруг. — Расскажи, что здесь было, пока я была без сознания, а Забава спала. Ее кто-то пытался тронуть?

— Нет... Забава все это время спала, кроме того момента, когда ты должна была прийти к ней продолжить сон. Она очень тебя звала, но ты не отвечала и тогда мы с Лахретом забеспокоились серьезно. До этого мы искали тебя только на территории Небесного Ира. Потом, когда поняли, что тебя здесь нет, полетели в атконнор и даже в твой родной поселок Со.

— Как? Я не...

— Не переживай, мы не беспокоили жителей, только просмотрели территорию. Когда поняли, что тебя там нет, стали тщательно обыскивать весь атконнор. Тебя искали по всему Земному Иру. Как вдруг, почувствовали Всплеск Силы... Когда королевы вступают в бой, все из нашего рода это чувствуют. Мы с Лахретом, как и все наездники, полетели по зову всплеска. Тут мы увидели вас... Кара раздавлена. Она не скоро придет в себя... — Лирит моргнул нижними веками, смерив меня, то есть Забаву, с ног до головы. — Еще там, в небе, когда вы только боролись, мы с Лахретом поняли, что сама бы Забава не справилась. Ей нужен был стимул и сила эмоций. Поэтому мы поняли, что ты связалась с нею, но боялись в это поверить, так как это под силу не каждой женщине... Такое было лишь несколько раз в истории Иридании.

Если бы у Забавы были волосы на голове, они, наверное, зашевелились от полученной информации. И вправду, мир перевернулся и притаился, ожидая действий королев и наездниц. Что будет далее. Я посмотрела вниз, где ходил взад-вперед Лахрет в ожидании тех, кого он позвал. Я ощущала его напряженную работу мыслей. Он продумывал ходы, просчитывал и... боялся... за меня... его сердце дико сжималось в страхе, что со мной что-то могут сделать. Это мешало ему трезво мыслить. Он постоянно заставлял себя собраться и откинуть негативное. Из здания выбежал стройный мужчина и остановился возле Лахрета. По плавным жестам узнала Крафа. Он спросил что-то. Я прислушалась, и удивительная способность Забавы сразу услужливо усилила слух в десятки раз так, что мне показалось, что они разговаривают рядом:

— Где она? — молодой человек говорил с прерывающимся дыханием.

— Она не знает. Говорит, где-то в пещере. Ей завязали глаза, — Лахрет выжидающе смотрел в небо. — Я думаю, в районе Нодсронского побережья.

— Как она туда попала? — Краф источал искреннюю обеспокоенность и чувство вины. Лахрет кинул на него мрачный взгляд и снова поднял голову:

— Мара.

Этого Крафу было достаточно. Дальше он себе все объяснил сам. Он закинул руку за затылок, задрал высоко локоть, и шокировано расширил глаза.

— Она все-таки решилась на это... Я думал, что побоится тронуть кашиасу, тем более наездницу дочери ее Кары. Она, что, действительно не понимает всю безумность этой идеи? Она же себе подписала смертный приговор! Если это все обнародуется... ее же четвертуют! — в голосе Крафа дрожал ужас.

Лахрет смерил друга взглядом и хмуро ответил:

— Если узнают... чтобы обнародовать эту информацию, нам нужны самые веские доказательства. И самым лучшим будет Лана. Живая, — при этом его голос дрогнул. — Если Мара учует опасность, она пойдет и на крайние меры...

Краф превратил глаза в блюда и распахнул рот:

— Она не посмеет убить наездницу королевы!!! Тем более, после сегодняшнего инцидента!!!

Ноздри Лахрета расширились в гневе, а лоб прорезало три суровых морщины:

— Нет, Краф, как раз это событие ее и подтолкнет. Лана своим необдуманным поступком выбила у нее почву из-под ног. Неограниченная власть вытекает сквозь пальцы Мары. Ее Кара пала! Мир вокруг нас дрогнул. Все в ожидании. Ты видел, что сегодня было? Это конец правлению Мары. Ниясыти в ожидании действий Забавы. Они готовы ее слушать. Они уже ее слушаются!

— Но ведь она же маленькая! — брови Крафа взлетели до макушки.

— Ниясыти знают. Но они видели и другое. Они почувствовали ее наездницу. Все. И они видели действия Шимы. Эта королева действовала против своей наездницы, что, если честно, меня очень озадачило. Неужели, Лана сумела затронуть эту королеву настолько? — говорил Лахрет, скорее размышляя вслух, чем желая поделиться информацией с Крафом, но тот мотал себе на ус и внимательно слушал лорта. Лахрет же продолжал: — Теперь ниясыти в замешательстве. Впрочем, как и люди... Власть ушла от прежней шиасу, но и в руки Ланы еще не перешла. Ее нигде нет. Это очень плохо... — он прерывисто вздохнул и сморщил лоб. — Мы с тобой в курсе, что кое-кто не хочет, чтобы она вернулась. Тогда полетит много голов. Если Забава будет и дальше действовать в таком же духе, мы можем потерять и Лану, и Забаву! Мы должны опередить Тирета и Мару. Нам нужно действовать быстро и без промедлений. Каждая секунда приближает нас к поражению... — Лахрет поджал губы и стиснул челюсти.

— Как ты думаешь, Тирет уже в курсе случившегося сейчас?..

— Ниясыти в курсе. Все. А значит, и Тирет тоже... Я не буду тебе объяснять, что может произойти... Он так просто не отступит.

Краф ничего не ответил, лишь потрясенно глядел на моего мужа. И я тоже. Он говорил о поражении, словно моя жизнь — это не жизнь любимой, а жизнь политически важной персоны, от которой зависит будущее всего государства. Это причинило мне боль. Лахрет осудил меня, назвав мои действия необдуманными. Но я не могла поступить иначе! Как?! Подчиниться Каре и не искать возможности спастись? Позволить Забаве всю жизнь

безропотно прятаться в стороне, как это делают все королевы? И вообще, если меня не станет, то что будет тогда с моей Забавой? Не хочу об этом пока думать. Но Лахрет рассердился на меня! Мои действия действительно рушили все, что он с таким трудом строил. Ведь и вправду, Мара может от отчаяния натворить страшных дел, только чтобы не потерять столь вожделенной и дорогой власти. То, что сейчас произошло, может ее побудить к радикальным действиям, и, скажу, не во благо мне и моей Забаве! Страх сковал легкие, мешая дышать.

Последние слова Лахрета молотом о наковальню звенели в мозгу, и я уже не слышала их дальнейший разговор. Он слишком холодно говорил обо мне. Не как любящий муж, потерявший жену, а как следователь, стремящийся разобрать дело. Может, так и надо. Паника и слезы сейчас не помогут. Однако я посмела спросить себя, что его больше расстроило, что я в плену и могу лишиться у тараков жизни, что его любимую похитили, или то, что его планы рухнули и столь трудно доставшаяся власть уходит из рук? По его каменному сосредоточенному лицу ответить было трудно. Больно ли ему? Или он расчетливо думает о своих действиях? И почему я задаю себе эти вопросы и никак не могу отделаться от сомнений в его чувствах? Одно сейчас поняла точно, что сомнения рождаются у меня из-за власти, которую мне навязали против моей воли. Она мешает мне понять его истинные намерения и мысли. Она мешает мне распоряжаться моей жизнью так, как мне хочется. Такова участь всех властимущих.

Раздались резкие хлопки и из зияния выскочили шесть ниясытей с наездниками. Прибыли вызванные Лахретом соратники. Что он будет дальше делать? Я попыталась просчитать его шаги. Прежде ему надо узнать, где Мара спрятала меня. Но если она не скажет? Что тогда? Уверена, он подумал уже и об этом. Но что же он тогда придумал в запасной план? Ведь он должен быть. Иначе как? Или он еще думает? Уходя, Лахрет ничего не сказал, что решил. Так, намек. Может, он запланировал прочесывать это Норд... ну, то побережье? Или знает, кого еще прижать? У него люди во всех инстанциях. Недаром же он — начальник Службы Безопасности Иридании. Однако он оставил мысли у себя в голове.

Когда прибывшие спешили, Лахрет кивнул головой на вход в здание и стремительно исчез в двери. Остальные, угрюмо вытянув лица, последовали за ним. Позади всех ступал Краф, опустив лицо вниз и пытаясь осмыслить сказанные ему слова. Видимо, в шок Лахрет вверх не только меня. Другие о чем-то перешептывались до лифта. Рядом с Лахретом шел Наран. По пути Лахрет вкратце всем объяснил, что произошло. Друзья, молча, слушали. Все прекрасно понимали, что за собой влечет мое исчезновение, возможная гибель (от этой мысли желудок мой скручивало в тугий узел), и падение статуса Кары. Если меня не найдут, другие королевы будут возмущаться против Кары, возьми она попытку вернуть себе прежнее влияние. Что весьма сомнительно, исходя из ее нынешнего потрясенного состояния. А если найдут, тогда Мару ждет суд.

Мир в Иридании висел на волоске. Грядет гражданская война. Узнай народ о поступке старшей шиасу, он взбунтуется и поднимет меч. Такое не прощается! Неужели Мара считала, что ей это так легко сойдет с рук? О чем она думала? Ведь существует много способов устранить противника менее заметными способами. Или я ей не дала времени хорошо подумать? Она в отчаянии из-за тараков? Что означало требование загадочной хаягетты? Сложно понять. В общем, факт остается фактом. Я в плену и меня хотят отдать таракам. Как теперь поступит Лахрет? Став лортом, он обрел власть, влияние и, исходя из сегодняшних событий, его статус резко поменялся. Я продолжила вслушиваться, но когда они вошли в

помещение, могла лишь видеть их. Что делать?

Я решилась... Что-то мне подсказывало, что Лахрет решил надавить на Мару, пока она пребывает в потрясении от эмоционального взрыва Кары. Она сейчас неуравновешенна и может себя выдать. Тирета здесь не было и это еще один плюс, на руку Лахрету. Значит, надо искать Лахрета там, где эта женщина. Попросила Забаву найти ее, так как она знала особое «свечение» старшей шиасу Ира. Мара, обхватив руками колени, сидела на балконе в уголке и плакала навзрыд, как малое дитя. Неужели это из-за унижения Кары? Может, она испугалась разоблачения? Странно. Сложно определить истинные чувства этой женщины. Но удивительно и то, что женщина Иридания плачет! Тем более — навзрыд! Мара, действительно, была и есть необычной и особенной женщиной этой планеты.

Решение пришло само собой. Не обращая внимания на сидящего рядом Лирита и его предупреждающий возглас, я велела Забаве соскользнуть с настэ и лететь. Расправив дрожащие и неокрепшие еще крылья, она спикировала на балкон, где находилась эта женщина. Замерев в двух шагах от шиасу, Забава повернула на нее один глаз так, чтобы полностью оценить обстановку. Мара вскинула голову и застыла. Зрачки резко сузились, она с силой стиснула зубы и оскалилась, как дикий загнанный зверь.

— Будь ты проклята! — выплюнула в бешенстве она и вскочила на ноги.

В руках она держала боевой нож. Где она взяла его, остается загадкой. Подняв его над головой, она с воплем подпрыгнула к перилам и замахнулась, чтобы ударить им по шее Забавы. Королева среагировала молниеносно, и Мара пролетела мимо, наткнувшись на перила так, что чуть не вылетела по инерции за них. Перегнувшись пополам и свисая над высотой, она продолжала изрыгать проклятия и вопить. Затем, извернувшись, как змея и горя бешеными глазами, она повторила нападение. Реакция ниясыти в десятки раз быстрее человека, поэтому взбешенная женщина с грохотом ударилась в высокое окно балкона, ведущее в кабинет. Мара резко повернула голову, прогнувшись в спине и злобно зашипела:

— Тебе никогда не быть Старшей Королевой! Сдохни так же, как сдохнет и твоя наездница! — она снова подняла нож, и намерилась повторить бессмысленное нападение на Забаву, но тут ее ловко схватила мужская рука и вывернула за спину.

— Остановись, безумная! — голос Лахрета звенел тверже стали.

Он легко вывернул и вторую руку, вытащив из цепкой хватки опасное оружие. Мара, не обращая внимания на схватившего ее мужчину, извиваясь змеей, вперила в мою королеву безумные глаза и продолжила шипеть:

— Как ты посмела задавить мою Кару?!!! Да я на тебе живого места не оставлю. Ты будешь биться в диких муках от пыток, которыми тебя одарят тараканы!

Жестко дернув за руки, Лахрет привел в чувства обезумевшую женщину и повернул ее лицо к себе.

— Закрой свой рот! — прорычал он, больно стиснув ее локоть. — Не смей поднимать своей гнилой руки на королеву Ира! Задавлю на месте и не посмотрю, что ты — наездница! За твои грязные дела тебя надо не только четвертовать, но и повесить на дереве на обозрение всем, чтобы каждый знал как это, поднять руку на королеву! Никто! Слышишь? Никто не смеет убивать ниясытей! Тем более королеву!

Мороз прошелся по коже от этих его слов. Я изумленно вскинула на него взгляд, не веря глазам. Неужели Лахрет может быть таким суровым?! Презрительно скривив в гнев губы, он с ненавистью смотрел на правительницу Ира. В проеме возник Наран. За ним выглянул Краф. Глаза Нарана хранили холодную задумчивость. Ни капли сочувствия! Наран

ненавидел родную мать! Он знал! Он знал, кто был виноват в смерти Унты и исчезновении его жены! В его остекленевших глазах была лишь боль и презрение. Неужели у такой женщины мог родиться такой сын? Мара крикнула от боли и только сейчас, видимо, поняла, что происходит. Она застыла и повернула изумленный профиль на схватившего ее мужчину, скривив рот в насмешке.

— Это ты мне говоришь?! Ты посмел мне, шиасу, приказывать?!! Как ты смеешь вообще ко мне прикасаться?! Червь земной! Я тебя раздавлю, как насекомое и глазом не моргну! Немедленно меня отпусти! — ее голос неожиданно сровнялся и обжигал самоуверенным холодом.

— Я имею полное право тебя арестовать, по обвинению в похищении кашиасу Ира! — Лахрет повернул ее ко входу в кабинет.

— Ты не имеешь права это делать без разрешения Высшего Совета! Я — главная шиасу! — ноздри женщины гневно раздулись, а подбородок гордо вскинулся вверх.

— Имею, Мара! Имею! — он грубо толкнул ее в кабинет, когда стоявшие в проходе молчаливые его спутники сделали шаг назад.

Она споткнулась на пороге, но Лахрет удержал ее под локоть и завел внутрь. Я подошла за ним к проходу, продолжая внимательно и молчаливо наблюдать за его жесткими действиями. Лахрет находился на грани. Я понимала, скольких сил ему стоило держать себя в руках. Мне показалось, что он был готов ее задушить на месте за то, что она сделала, но не мог. Она знала, где я и она действительно была шиасу.

С силой надавив на плечо, он усадил ее на кресло и навис над ней, упершись в подлокотники.

— У тебя нет доказательств! — бросила зло Мара, вжимаясь в мягкое кресло.

— Есть, — он головой кивнул в сторону балкона. — Лана об этом сказала.

Мара покосилась в сторону балкона, понимая, что Забава, имея со мной связь, является свидетелем и доказательством ее вины. На ее лице мелькнула разочарование. Она не успела учесть этого. Но это ее ничуть не обезоружило. Она насмешливо вспрыснула и подняла на Лахрета упрямые глаза:

— Ты не посмеешь мне ничего сделать, если хочешь, чтобы твоя женушка осталась жива!

Сколько яда хранила в себе эта женщина! Она ни перед чем не остановиться в достижении своих планов. Теперь я это ясно поняла.

— Ты скажешь мне, где ты спрятала мою жену, иначе... — Лахрет выдвинул в гнев челюсть и резко выдохнул, оттолкнувшись от кресла.

— Иначе что? — она дернула подбородком.

Лахрет оглянулся на присутствующих, угрюмо наблюдавших за допросом. В глазах их горело потрясение, смешанное с гневом. Лишь Наран слегка опустил уголки губ в пренебрежении. Он давно охладил свое сердце к сидевшей сейчас в кресле женщине. Давно. Очень давно. Мара пробежалась взглядом по остальным и вернула его к Лахрету:

— Ты, Лахрет, оказался весьма недальновидным. Я предупреждала тебя отозвать свой запрос в Палате, но ты упрям, как ос! И свою девку за собой потащил! В этом я хочу тебе отдать должное, сумел меня опередить и подпихнуть ее под себя. Но я сильнее! Даже если на твою сторону стала наездница королевы! Она ничто, в сравнении с моей армией! Тебе меня не одолеть! И то, что ты сейчас вломился в мой кабинет, ничего тебе не даст. Я под защитой закона Иридании. Я — Закон Иридании! Что я скажу, то и будет! Тебе никогда не

совладать со мной, что бы ты ни делал! И то, что я упрятала твою упертую и глупую девку — лишь урок тебе!

Щека Лахрета нервно дергалась, когда она говорила свою безумную речь.

— Ты забываешься, Мара. Закон — это не ты, это правила, которые защищают мир Заруны. Он останавливает таких, как ты. И еще... — он покосился на меня, точнее Забаву, всунувшую голову в дверной проем, чтобы лучше видеть происходящее. — Где твоя Кара? Лирит говорит, она замкнулась. Она не слышит тебя.

От этих слов лицо Мары перекосилось в дикой боли и ненависти.

— Она придет в себя! И тогда я раздавлю всех вас! — она обвела всех красными глазами.

— Мы все прекрасно знаем, что пришел конец правлению твоей Кары, — холодно заметил Лахрет. — Уже нет ее авторитета.

— И кто их поведет?! Мелкая пигалица? — она презрительно скривилась. — Забава слаба! То, что сегодня случилось — случайность!

— То, что сегодня случилось — твой конец! — не выдержал Краф, стукнув кулаком по столу, стоявшему напротив кресла.

Она бросила насмешливый взгляд на смельчака и снова обратилась к Лахрету:

— Это ничего не значит!

— Тогда свяжись сейчас со своей Карой, — иронично кивнул мой муж. — Спроси ее, хочет ли она сейчас бороться за власть?

Ее глаза послушно остекленели, а потом наполнились слезами. Кара не отвечала ей. Она закрылась ото всех. Мару начали сотрясать судороги сухой истерики. А безумная гримаса исказила прекрасные черты лица. Разум ее на миг отключился. Хорошо встряхнув женщину, Лахрет привел ее в чувства и заставил посмотреть себе в глаза:

— Где. Лана?!

Она расширила глаза и покосилась на рабочий стол. На прозрачной столешнице среди книг и бумаг лежал ее черный коммуникатор.

— Еще раз спрашиваю! Где Лана?! — Лахрет с силой стиснул подлокотники кресла.

Мара лишь, молча, покосилась вбок опустевшим взглядом. Лахрет оттолкнулся от нее и прошелся вдоль кабинета, заложив руки за спину. Остановился у дверей, где стояло двое его охранников: женщина и мужчина. На миг замер. Картинно оглянулся через плечо и тяжело вздохнул. Его воля была на пределе и, казалось, он был готов наброситься на женщину, чтобы встряхнуть из нее душу. Тут ожил Наран и шагнул к матери.

— Признай же! Ты проиграла. Остановись, пока не поздно! — голос ее сына устало дрогнул.

Она подняла на него невидящий взгляд, но все-таки ответила:

— Тирет отправил ее на западное побережье. Через несколько часов ее отдадут таракам. Вы не найдете ее. Никогда! Слышишь? Лахрет! Никогда! И Забава ее скоро сгинет от тоски, как все малыши-नियाсыти без своих наездников.

— Ты вообще понимаешь, что ты наделала? — Наран потрясенно уставился на мать.

— Да. Избавила Ир от наездницы, способной подорвать мир всей Иридании! — Мара действительно верила тому, что говорит. — Она не поддается контролю. Ей не место в нашем обществе! Она угроза. Гниль в кости.

— Это ты — угроза миру Иридании! Ты так до сих пор и не поняла?! Ты подписала себе смертный приговор! — стоя у дверей, бросил шиасу Лахрет.

— И что вы мне сделаете? Кто посмеет убить ту, кто единственная в Ире может дать новую королеву! — ее глаза самоуверенно блеснули.

— Откуда ты так уверена, что другая королева не даст Иру достойную замену? — удивился Лахрет.

— Потому что их наездницы слабы! — самодовольно выпрямила плечи Мара. — Они бесстрастны! Они не способны пробудить в королеве сильное желание в полете! От этого их полет недолог и бескрасочен! Их королевы тогда дают мало своих детей! А моя Кара всегда далеко и долго летит! Она в состоянии породить еще много королев!

Нарана всего нервно передернуло, и он с перекошенным лицом отвернулся к окну. Лахрет стремительно подлетел к Маре и снова навис над ней.

— Так вот почему так мало шиасу в Иридании! И от Ланы, единственной достойной соперницы, ты жаждешь избавиться! — он, черный как смерть, собрав в жесткую линию брови, казался воплощением негодования.

— У тебя нет доказательств и твои обвинения — лишь пустое сотрясение воздуха. Тирет тебя не пустит к власти. И, поверь, зубы обломаешь при первой же попытке! — Мара прямо источала презрение к Лахрету. — Ты слаб, когда нет поддержки со стороны твоей Ланы. Она далеко и скоро пойдет на мясо таракам или на каторжные работы. Так что сворачивайся и прячься подальше! Тирет пошел на тебя войной. И даже мой сын тебе не поможет! — она покосилась на Нарана.

Лахрет нервно сглотнул и посмотрел на Забаву, то есть меня. Он знал, что я все слышала. Во взгляде его промелькнуло отчаяние. Я вдруг зашипела и шагнула в кабинет, желая задавить ее вместо взбешенного мужчины. Мара оглянулась на меня со звериными глазами.

— Лана, я тебе не советую вмешиваться! И пора бы оставить сознание своей Забавы. Ты его разрушаешь своим постоянным присутствием! — шиасу покачала головой. — Хотя чего это я?

Я застыла от ее слов. Только что она брызгала слюной ненависти в сторону моего мужа и тут же раздает советы. Что-то здесь неладное. Я посмотрела на Лахрета. Тот оторвался от допрашиваемой и полностью повернулся в мою-Забавы сторону. В глазах его мелькнуло замешательство.

— Она права, Лана, — услышала я голос стоящего рядом Нарана и оглянулась на него.

Воцарилась немая тишина. Лишь мерное цокание дергаемой сквозняком занавески у балкона нарушало вязкую тишину. Она хочет, чтобы я не вмешивалась. Она чего-то боится. Видимо, я могу что-то сделать, но не знаю этого, так как не обучена. Но слушать ли мне ее? Хвостом ударила по боку и повернула глаз к Лахрету. Он раздраженно стучал костяшкой пальца по столу.

— Я сам с этим разберусь! — бросил он в сторону Мары. — Ты должна сказать мне, где Лана и я обещаю, что с тобой обойдутся по статусу.

— Не угрожай мне, Лахрет. Я тебе ничего не должна. Ты — никто! И все твои трепыхания — предсмертная агония. Уходи! И я закрою глаза на то, что ты так дерзко посмел обойтись с шиасу Ира!

— Значит, ты не скажешь, где Лана?

— Нет!

Лахрет повернулся ко мне и произнес:

— Тогда я велю Лане, чтобы она уничтожила твою Кару. Я ей объясню, как это

сделать... — он сказал это ровным хладнокровным тоном.

— Нет!!! — она дернулась и широко распахнула в ужасе глаза. — Она этого не посмеет сделать!

Значит, это возможно... вот чего она побоялась и поторопилась отозвать меня.

— Лахрет! Но ведь это опасно! — вмешался Наран. — Она может погубить свою Забаву!

Внутри у меня от ужаса все перевернулось. Я была в растерянности, не зная, что делать. Лахрет повернул голову к Маре:

— Она другого языка не понимает, — его слова о Маре были обращены к другу.

Непонимание Нарана, каменное лицо Лахрета, замешательство остальных на вытянутых лицах. Все это взволновало меня пуще прежнего. Неужели Лахрет готов был рискнуть жизнью моей Забавы ради достижения своей цели? Или же он блефовал? Где-то в подсознании я догадалась, что он не мог рисковать моей Забавой в любом исходе. Она ему необходима даже, если ему нужна только власть. И почему я снова возвращаюсь к своим сомнениям? Однако угроза Лахрета подействовала на Мару.

— Тирет не слушает меня... — через минуту напряженного переглядывания, наконец, произнесла сокрушенная женщина в кресле. — Он уже давно не слушает моих слов... С тех пор, как Унта ушла в долгий путь...

Наран вздрогнул от упоминания имени ниры его жены, подошел ближе к столу, возле которого сидела Мара, и всей тяжестью тела навалился на него, чтобы приблизиться к женщине.

— Ты убийца! — он сказал это негромко, но мне показалось, что воздух вздрогнул от напряжения.

Мара дернулась как от удара и отвела глаза в бок.

— Ты не оставил мне выбора, сын.

— Я тебе не сын! И никогда им не был! У тебя вообще никого из детей не было! Лишь твоя проклятая власть и мой отец!!! который тебя никогда не любил!

Она зажмурилась и прикусила губу. Сколько боли было в словах Нарана. Он взволнованно заморгал, сгоняя непослушные слезы еще детской обиды, и резко оттолкнулся от стола, повернувшись к ней спиной.

— Я должна была так поступить! — ее голос задрожал. — Ята тебя уничтожила! Она не могла даже родить тебе ребенка!

— Я любил ее!!! Ты слышишь? Любил! — он повернул профиль в ее бок, и я увидела океан невыразимой боли в его глазах. — Ты даже не представляешь, что мне пришлось пережить, когда я потерял ее! Я ненавижу тебя!

Наран скрестил руки на груди, запершись в себе и пытаясь собраться. Скучная слеза блеснула на его щеке, и он отвернулся, желая скрыть ее от других. Мара же потупила взгляд, сжав плотно губы. Голова моя шла кругом. Вихрь сильнейших эмоций давил на мою Забаву и теперь я поняла, почему она так их боялась. Они разрушали психику ниясыти, причиняя почти физическую боль. Накал эмоций, растущий в арифметической прогрессии, заставил отступить к балкону, за которым парил угрюмый Лирит. Он также наблюдал за сценой, и я чувствовала, что он тоже физически ощущает накал эмоций. Как хорошие эмоции притягивали магнитом ниясытей, так негативные — пугали и причиняли боль. Шаг за шагом я отступала назад. Это все разрушало связь с моей Забавой. Мне казалось, что меня словно насосом вытягивало обратно. Отступая, я еще видела как Лахрет положил сочувствующе ладонь на плечо друга и оглянулся на Мару. Покачал утомленно головой, повернулся к

Крафу:

— Лети к западному побережью. Если таракы захотят пересечь границу по привычному пути, им нужен будет код. Они его получают от Тирета. Как, видимо, мы не узнаем, — он покосился на женщину в кресле. — Пошли дополнительно наших людей на каждую вышку. По двое. Мы не должны пропустить их. Нам нужно найти, где сейчас Тирет. Килара, — он посмотрел на фигуристую девушку в облегающем черном кожаном костюме и с длинной тугосплетенной косой, — лети в Ернон. Он отвечает за работоспособность пяти западных вышек. Ищи там. Агор, — он повернулся к тому парню, что стоял у выхода. — Организуй связь со всеми западными пограничными контрольными пунктами. Через границу не должна пролететь незамеченной ни одна птичка!

Трое названных людей быстро покинули кабинет. К выходу шагнул Наран, не оборачиваясь к матери, и бросил коротко другу:

— Я тоже пойду... есть у меня одна идея.

Лахрет коротко кивнул. В кабинете остались только Лахрет, Мара, стройная девушка тоже в кожаном обтягивающем костюме и густым черным хвостом на макушке, да еще один незнакомый молодой человек. Они, молча, стояли в стороне. Я же все созерцала с балкона, ютясь на нем почти у края. Хотя Мара и предупредила, что мое длительное пребывание в голове Забавы может разрушить ее сознание, я решила рискнуть и узнать продолжение разговора.

Лахрет сел рядом, поставив кожаный стул с торца стола. Уперев локоть в угол стола и уронив другую руку на колено, он выдержанно обратился к шиасу:

— Я всегда считал, что женщина, которая проходит обряд Единения с королевой — особенная женщина, обладающая весьма положительными качествами. Как такая женщина как ты, корыстная и эгоистичная, стала наездницей?

Она вскинула на него взгляд из-под лба.

— А ты не думал о том, что я тоже могу быть жертвой? — меня даже удивило ее утверждение.

Лахрет повел бровью.

— Ты? И жертва? Ты шутишь?

Мара сощурила глаза и тихо прошептала:

— Кому, как ни тебе знать, что шиасу легко манипулировать таким как ты! Ты ведь эмпат! Тебе ли не знать... — Лахрет наклонил заинтересованно голову, вслушиваясь в слова и эмоции говорившей женщины. — Наверняка, твоя Лана еще не заподозрила, как легко ты управляешь ею и ее желаниями. Я вот поняла это только после десяти лет совместной жизни... Тирет легко меня контролировал. Всегда. Ты, наверняка, в курсе, что он весьма похож на тебя... — она медленно закивала, когда увидела удивленную реакцию сидящего рядом мужчины, а потом резко встала и шагнула в сторону балкона, где была ловко поймана подскочившим мужчиной. Она же крикнула в сторону балкона, где сидела я-Забавы: — Слышишь? Лана? Он манипулирует тобой! Он такой же как и Тирет! Иридания страдает от таких правителей и ничего хорошего не выйдет от них. Иридания уже проклята из-за Тирета! Она будет в проклятии и от твоего Лахрета!

— Замолчи! — схватил ее за руку Лахрет и с силой усадил обратно в кресло.

— Он не любит тебя, Лана! Он любит только власть! Поверь мне! Они все такие — эмпаты! — вопила она с места истеричным голосом.

— Закрой рот, Мара! — грозно грымнул Лахрет на разбушевавшуюся женщину. — Я не

Тирет. Заруби это себе на носу! — его глаза гневно сверкнули.

А я слышала ее слова. Они больно резали по ушам, вызывая давно задавливаемые чувства в груди. Будоража забытые в глубине души старые сомнения и внутренние беспокойства. Я так сильно хотела верить в любовь Лахрета, но ее слова... Сердце тревожно сжалось. Мара сжалась на кресле, как маленький воробушек перед коршуном, выпучив на него глаза:

— Тирет часто так делает, когда я надоедаю ему с претензиями! Это его конек! Я знаю, когда он пользуется своими способностями! Ты не обманешь меня! Не смей давить на меня! Я уже учена!

Лахрет отшагнул в сторону и посмотрел на балкон, желая знать мою реакцию.

— Тебе точно уже Лахия рассказала нашу с ней историю? — продолжила шипеть она, но уже не так громко и смело. — И про ее вечную любовь с Тиретом? И о том, как я ее жестоко толкнула с лестницы? Да-да... рассказала! А она не рассказала о том, почему я ее толкнула? Ах! Как же? Она ведь не знала! И я тоже не знала! — Мара сжала кулаки так сильно, что кровь побежала от ран прорезанных ногтями. — Пусть она радуется, что избежала участи быть вместе с этим ужасным человеком! Я бы с удовольствием сейчас с нею поменялась местами!

— Мара! Тебе незачем об этом говорить! — дернул локтем Лахрет и уставился на нее тяжелым взглядом. — Где Лана?!!

— Я хочу! — она вздернула упрямый подбородок. — Я скажу! Я думала, что быть рядом с ним — самое большое счастье. Как я ошибалась. Это великое проклятье! Он всегда любил только власть. И ничего, кроме нее. И сейчас она для него дороже жизни. Он ни перед чем не остановится, чтобы ее сохранить! У него на это хватит и ума, и связей. У него все схвачено! — она шипела, как гремучая змея. — Он легко моргнет и раздавит тебя одним веком! Вы, эмпаты, единственное, что в жизни любите, это манипулировать людьми. И никакой бред о Зарунской Рукописи тебя не остановит! Рассказни о ней оставь для сказок деткам на ночь! — она смолкла, тяжело и хрипло дыша. — И то, что я похитила твою жену — это попытка защитить мир от таких, как ты, перекрыв тебе дорогу к власти! Ты все равно не любишь свою жену! Пусть она об этом знает! Не любишь, потому что вы, эмпаты, боитесь открыть свои сокровенные чувства и потом быть от кого-то зависимыми и уязвимыми. Мало кто знает ваш секрет! А я знаю... Ваш маленький и страшный секретик. Тирет боится этого, как огня. И ты тоже не позволишь себе эту роскошь!

Я перевела непонимающий взгляд на мужа. О каких секретах она говорила? Неужели мои сомнения — правда? Не хочу этому верить! Лахрет же мрачно хмурился, но не делал никаких попыток ее остановить. Почему? С каждой минутой голова болела все больше и больше от длительного слияния с моей Забавой. Я понимала, что не могу долго находиться с ней. Сила, вытягивающая меня из нее, становилась все больше и больше. Посмотрела на Лирита и лишь успела сказать ему перед тем, как вернулась в себя:

— Найдите меня...

— Мы найдем... — были последние слова Лирита.

Все поплыло в глазах и меня потянуло назад, будто кто-то ледяными металлическими руками схватил за голову и сдавил со всей силы. Судорожный вздох вывел из пустоты. Хотя я понимала разумом, что продолжаю лежать на жесткой циновке в сырой пещере, сознание мое блуждало где-то глубоко в безграничной прострации. Я еще минут пять приходила в себя, пытаюсь собраться с мыслями и оценить ситуацию.

Где-то все так же капала вода. Все так же пробивала сырость до самых костей, и душило жуткое ощущение одиночества. Все так же эхо от капель отражалось от высоких влажных сводов пещеры, делая надоедливый звук еще тошнотворней. Приступы головной боли сводили тело в судороге. Вот, что имела в виду Мара, когда сказала об опасности. Связь нетренированного разума с ниясытью вызывала адские боли. Особенно, если она длительная. И еще... появилось сильное жжение в плече. Откуда? Неужто я отлежала так плечо? Стон вырвался из горячей груди, раздражив воспаленное горло.

— О! Очнулась! — прозвучал чей-то грубый мужской голос. — Эй! Вставай! — меня больно пхнули ногой в бок.

Я снова застонала. Каждое движение отдавало нечеловеческой болью и судорогами в мышцах. Тело так ломило, словно я сутки носила мешки с песком, а потом копала глубокую траншею. Крепатура сводила с ума. С всхлипом втянув воздух, я дернулась, когда меня болезненно схватили за плечи и попытались поставить на ноги. Они тут же непокорно согнулись и уронили меня вниз. Кто-то подхватил под локоть и ворчливо пробубнил:

— Женщины с центральных равнин такие хилые!.. — а потом поволок за собой.

Холодный камень пола опалил босые ступни. Почему я разута? Конвоир жестко дергал меня за руку, заставляя идти куда-то. Слышались звонкий лязг цепей и неясная возня. Я протестующе стонала и шипела от боли.

— Куда вы меня ведете?! — проронила я болезненный вопрос.

— Куда надо! — ответил все тот же грубый мужской голос.

— Пожалуйста! Отпустите меня! Я вам ничего плохого не сделала! Прощу вас! — взмолилась я.

— Заткнись! Тут все ничего никому не сделали! — с ироничной издевкой прогудел мужчина. — Не мне решать, что с тобой делать! Пшла! — меня с силой пхнули в бок так, что я согнулась пополам от очередной острой боли и закричала.

Но мои стоны, протесты и возгласы никто не слушал и больше не отвечал ни на один вопрос. Как дикого зверя меня тащили по каменному туннелю. Потом мы вышли куда-то на берег. Я слышала шум прибоя, и прохладный соленый ветер раскидал мои волосы по влажному лицу. Ступая по щебнистому грунту, лишь болезненно всхлипывала. Где я? Почему я не слышу Забаву? Я должна ей сообщить, что меня перевозят, но не могу сконцентрироваться и позвать ее. Боль путала все мысли в тугую косичку, лишая всяких сил. И эти постоянные «Быстрее! Куда прешь! Туда!»... Потом мы ступили на палубу деревянного корабля. Там шум голосов увеличился, и прибавилось множество других, страдальческих, молящих и полных безысходности голосов. Некоторые плакали, другие кряхтели и тяжело храпели от одышки. Затем меня по лестнице спустили в трюм и пхнули куда-то в угол, где я скрючилась в калачик и, упершись подбородком в ключицу, тихо заплакала. А дальше мозг снизошел ко мне в своей великой милости и выключил сознание, лишив возможности стойко переносить все тревожнения долгого путешествия, морской качки и мучений организма...

Часть 7. Тараки

Мелодичный птичий щебет растревожил мои смутные сновидения. Я видела длинную темную дорогу. Вдоль нее стена из зеленых рослых деревьев. Мокрый асфальт после дождя блестел в свете фар приближающихся машин. Они, слепя глаза водителей встречных автомобилей, с воем пролетали мимо. Гудя мощными моторами, проезжали огромные фуры. Дорога была до боли знакомой, и в то же время не такой, как все безупречные трассы Ира. Это был другой мир. Мой. Родной. Я в нем выросла...

Солнце уже почти зашло за горизонт, опалая развидневшееся небо алыми красками заката. Я стою в легком голубом сарафане на краю дороги и машу рукой. Мне надо куда-то срочно ехать, а никто не хочет остановиться. От яркого света фар щурю глаза. Куда я так спешу? Сердце в груди бешено колотится от волнения. «Пожааалуйста!» — почти пританцовывая, молю проезжающих. Уже столько времени пробежало, как пришла сюда, стало прохладно, и я зябко ежилась. Переживаю. Кто-то очень близкий мне попал в больницу, и я спешу к нему. Вот, наконец, остановилась одна. Жигули... так ее называют. Точно. За рулем сидит лысоватый мужчина в очках и дополнительной подушкой безопасности в виде шарообразного живота. Рядом — худой и с усами.

— Садись деточка! — махнул рукой водитель.

Я заглянула через окно к ним и спросила, не могут ли они довезти меня до... Киева! Они слащаво усмехнулись и кивнули на заднее сидение. Что-то было в их глазах. Подозрительное. Но мне некогда было об этом думать. Надо срочно ехать и я уже начала замерзать.

— Спасибо, — облегченно выдохнула я и захлопнула за собой дверцу.

Машина тронулась. Они о чем-то меня спрашивали. Я смущенно отвечала. Что — не помню. А дальше все как в тумане. Одна картинка за другой. Лес. Корчи. Кусты маличника и ежевики. Темнота. Я бегу. Сердце испуганно рвется из груди. Я знаю, они бегут за мной. Я их боюсь. Спотыкаюсь. Падаю. С ног соскальзывают босоножки. Поднимаюсь со стоном и снова бегу. Босая. Ветки и сучья больно режут подошву. А потом... вспышка света, бездна и леденящая кровь темнота...

— Ааа! — вырвался крик из груди и я резко села.

Где я? Что не так? Руки развязаны и глаза свободны от зловонной тряпки. Лихорадочно оглядываюсь. Маленькая комната с высокими каменными стенами. Прямо у дощатого деревянного потолка длинное узкое окошко, из которого лился яркий солнечный свет. Сажу на деревянной кровати с грубо подогнанными досками. На нее брошена новая циновка и одеяло из мешковины. Рядом корявый деревянный стул, явно сбитый кое-как еще лет сто назад. Замасленный и с кучей заусенец, торчащих со всех боков. У стены на четырех ножках ютился грубый стол с необтесанной столешницей. На нем стояла миска с еще парующей желтой... эээ... консистенцией.

Но больше всего меня взволновала и удивила девушка, сидевшая у моих ног. Одета в темно-зеленый балахон грубого переплетения и с нечесаными волосами, торчащими в разные стороны, она была похожа на чучело с огорода. Хотя ее лицо... она была прекрасна. Каждая черта ее лица словно вычерчена самым талантливым художником мира. Каждый

изгиб, контур, линия завораживала изяществом и утонченностью. Ровный маленький носик, пухлые губы, большие выразительные синие глаза. Ириданка. Лучшая из них. Красивейшая из них. Только ее глаза... от этого пустого, ничего не видящего взгляда, у меня пошел мороз по коже. Создавалось такое ощущение, что она смотрит сквозь меня. В них не видно и толики разума. Девушка ровно, без какой-либо эмоции тихо произнесла:

— Тебе надо поесть, — и потянулась за миской.

Мурашки жутким маршем зашагали по спине от ее бездушного голоса. Предо мной сидело тело. Она ничего не чувствовала, ничего не хотела, ничего не спрашивала, ничего не думала.

Я нервно сглотнула и, заикаясь, спросила:

— Ты кто?

— Тебе надо поесть, — снова повторила она и протянула мне миску с так называемой едой.

Не отрывая взгляда от девушки, я приняла миску и механически замахала ложкой. Бее... Гадость несусветная. Постная и без вкуса. Девушка же продолжала смотреть прямо перед собой. Ничего не спрашивала, не шевелилась, медленно дышала и редко моргала, точно кукла без сознания.

Когда я освободила посуду, она подала мне стакан с прозрачной густой жидкостью. Вкусом та напоминала сладкий сироп. Ну, хоть это порадовало. По завершении моей скудной трапезы, названной мною «абы не издохла», девушка взяла посуду и вышла прочь через двухметровую тяжелую дверь, сбитую из грубых толстых досок и стянутую корявыми железными пластинами. Скривилась от противного скрипа несмазанных навесов и уныло уронила лицо на ладони. Где я? Чего от меня хотят? Что будет? Через минут десять бессмысленных раздумий со страдальческим стоном растянулась на постели. Мамочки-мамочки! Что же будет? Что же будет?! Попробовала коснуться сознания Забавы, как в прошлый раз. Мгновенно голову сковала адская острая боль.

— Ааа! — я с ужасом схватилась за голову.

Что со мной?! Только я бросила любые попытки связаться с нею, боль начала отступать. Неужели, это та самая опасность, о которой предупреждала Мара? Единственное, что я сумела все-таки услышать — сонное ворчание. Значит, она спит. Начала размышлять о последних событиях. Вспомнились мимо воли слова шиасу Ира, обращенные Лахрету: «Вы эмпаты, единственное, что в жизни любите, это манипулировать людьми... И то, что я похитила твою жену — это попытка защитить мир от таких, как ты! Ты не любишь свою жену! Пусть она об этом знает!» Волосы на голове зашевелились от мысли, что это правда. Сколько я помню себя, я всегда задавала себе этот вопрос и постоянно гнала его, убеждая, что даже если Лахрету нужна власть, он все равно будет со мной. Я нуждалась в его уверенности, защите, целеустремленности. А теперь лежу и думаю снова над этим. Неужели он и вправду лишь манипулирует мною? Нужна ли ему я, а не мой титул? Подумала о его отсутствии последнюю неделю после свадьбы, когда я ждала его, а он словно забыл о моем существовании и вспомнил только в день Официального приема в его честь. Нет! Конечно, может быть, он действительно занят историями загадочных исчезновений на побережье... Мамочки!!! Так я тоже, выходит, попала в это страшное число исчезнувших!!! А ведь еще никто не вернулся! Я резко села от этой мысли. Надо что-то срочно делать! Надо бежать. Бежать без оглядки и как можно дальше! Но как? Здесь даже окна находятся на немыслимой высоте. А эти двери проломить в сила только динозавр или плазменная пушка! Я в

безвыходной ситуации. Тогда что? Тогда надо затаиться и ждать удобного момента. Поэтому, заставив себя дышать ровно, я постаралась успокоиться и снова легла.

Не знаю, сколько я вот так вот лежала в тревожных раздумьях, но вскоре послышались за дверью звонкие и гулкие шаги. Много шагов. Словно к моей двери направлялась целая делегация. Заскрипел засов и замочный механизм. Дверь со стуком распахнулась, и я впервые в жизни увидела живых тараков!!! Мамочки! Роди меня обратно, чтобы я не познала всех ужасов этой дивной планеты!!! Пусть мои предки бы никогда не родились или погибли где-нибудь на войне перед тем, как родить своих потомков!!! Ибо то, что я увидела, я бы не хотела видеть никогда! Вмиг забылись и головная боль, и Лахрет, и то, как меня зовут. Я со свистом втянула воздух и, издав неразборчивый звук, вжалась спиной в угол между бильцем кровати и ледяным камнем стены.

Первым в место моего заключения вошло существо ростом выше двух метров. Мордой оно напоминало жабу, безгубый рот которой окантовывал частокол белых пилообразных зубов. Глаза маленькие, как у свиньи, и тупые-претупые. Голова крепилась на толстенной чешуйчатой шее, плавно переходящей в тело, похожее на человеческое, только с сильно покатыми плечами. Кожу покрывала мелкая чешуя нежно-бежевого цвета. А ноги были похожи не то на лапы собаки, не то на перекаченные ноги конькобежца. Стопы напоминали человеческие, только с огромными острыми когтями, свисавшими с подошвы, от которой кожаная тесьма поднималась по всей голени до колена. Словно передо мной восстал монстр из диких экспериментов какого-то безумного профессора. Оно держало в когтистой руке длинный (выше него самого) толстый стержень с овальным вытянутым наконечником, похожим на древнее оружие дикарей. Его устрашающий воинственный вид довершала короткая и широкая складка кожи за затылком и спадающая сверху в виде накидки до завершения шеи. Мурашки маршем ужаса зашагали по моей коже вниз до пяток и обратно. Я прижала ладони к стене, широко расставив руки. Мне показалось, что если я еще сильнее вдавлю себя в стену, то смогу слиться с ней и стать незаметной. Сердце бешено заколотилось где-то в области щиколоток.

Этот монстр сделал пару широких шагов в бок и застыл возле противоположной от меня стены, угрожающе направив в мою сторону «острие» своего копыя. Овальный наконечник с еле слышным шипением раскрылся, как бутон цветка, засветившись розовым пугающим огоньком. Наверное, он думал, что я испугаюсь этого диковинного орудия убийства. Глупец! Мне и одного его вида было уже достаточно! Я медленно начала подниматься на ноги, скользя ладонями по холодному камню стены.

За этим ужасным жабо-монстром вошло еще три существа и, скажу честно, намного симпатичнее первого, если так можно сказать. Первые два ростом не уступали жабо-монстру. Последний, неуверенно прятавшийся за их спинами, статурой более всего походил на человека и доставал им только до плеч. Его я меньше всего рассмотрела.

Мордой вошедшие больше напоминали ящериц, и зубы прятались за приятного вида губами. На этих чудищах была даже одежда, правда, походящая больше на скопление широких ремней, но все-таки честно прикрывающая тело. Жабо-монстра прятала только чешуя да пару широких ремешков на поясе, где крепилась кобура и ножны. Глаза «красавчиков» были много больше, выразительнее первого и в них горел хоть какой-то разум. Зрачок узкой вертикальной полосой пересекал всю роговицу, за которой едва виднелся белок где-то почти у самого края. Со лба до затылка выступал холмовидный нарост, соединяющийся двумя ветвями в один мыс. Та же складка кожи, что и у первого

громилы, ютилась на задней части толстой шеи. О ее предназначении я узнала довольно скоро. Руки имели вид человеческой кисти, только с четырьмя узкими и проворными пальцами.

Самой выразительной их особенностью, отличавшей их друг от друга, был плащ. У того, что стал ближе всего ко мне, плащ имел темно-синий цвет и доходил до самого пола. У второго — белый и доставал только до лопаток. А у третьего, худосочного, которого я так и не смогла толком увидеть, плаща не наблюдалось, а только широкий черный ошейник. И еще... хотя мое изучение страшных объектов длилось считанные секунды, я обратила внимание на то, что у того, кто прятался за спинами двух увальней-«красавчиков», в глазах светился глубокий и пытливый ум, переплетенный с отголоском человеческого сострадания. Он смотрел как-то по-другому, не как хищник на добычу, а как ботаник на бабочку.

Я глядела на эти творения (не знаю чего там, или генной инженерии, или природы, не важно), и все глубже и глубже входила в состояние неподдельного животного ужаса. Некоторое время они просто на меня изучающее смотрели и пару раз переглянулись друг с другом, словно договаривались о чем-то. А потом, вдруг, тот, что был в белом плаще, резко подпрыгнул ко мне, упершись коленями в край кровати, и, как павлин, вздыбил кожаную складку за затылком. Она разошлась ореолом у него над головой и мелко задрожала. Не знаю, чего он этим хотел добиться. Если жаждал вызвать во мне очередной приступ дикого ужаса и паники, то у него очень хорошо получилось. Истошно завопив громче сирены военного склада, я вдавила себя еще сильнее (если это вообще можно было сделать) в угол комнаты, и выпучила глаза так, что они чуть не повыпрыгивали из орбит. Эхо моих воплей летело на долгие метры вдоль всего длинного коридора за их спинами, отражаясь от высоких сводов старинного каменного замка. Сердце бешено заколотилось в груди, готовое взорваться от неистовой скорости сокращений, а голова ощутила всю полноту тисков невидимой силы. Однако больше ничего не произошло.

Через минуту моих бесполезных криков, обещавших лишить меня голоса суток на трое, это существо так же неожиданно, как и в начале, сложило свое «грозное» оружие. Удивленно вперилось в меня своими жуткими глазищами. Тот «парень», что имел темно-синий плащ, заквакал что-то на своем родном наречии. Слова были похожи на звуки, издаваемые животом в сочетании с клацаньем языком. Потом и он повторил тот же «запугивающий» прикид со складкой за затылком. Снова я заорала, будто меня собрались резать без анестезии. И опять эта странная боль в висках, сжимающая мозги, как под прессом. Ничего. Хотя нет... Я активно начала хрипеть. Моя сногсшибательная опера перешла в жалкое бление барашка перед загнутым ножом мясника.

Через минуту созерцания мною раздутого полукруга над головой тарака-синего-плаща, я устало затихла, продолжая испуганно таращиться на пришедших «гостей» с высоты моего паучьего положения. Второй экспериментатор, спокойно сложил свое орудие запугивания и озадаченно оглянулся на своего партнера в белом плаще. Они принялись о чем-то активно переговариваться и довольно горячо. Видимо, то, чего они хотели добиться, не вышло, и теперь решали, что делать дальше. Интересно и то, что когда они перестали топорищить свои чудо-складки, головная боль быстро ослабла и перешла в фоновый гул в ушах. Я продолжала стоять на кровати, вдавливая себя в угол, но чувствовала, как силы стремительно покидали меня, оставляя место чувству опустошенности, словно из меня выжали все соки. Ноги дрожали, кровь с шумом пульсировала в висках, сердце то быстро ускоряло бег, то замирало на секунду. С моим телом творилось что-то невероятное. Но я продолжала чувствовать себя

такой, какой я была и раньше. Я оставалась сама собой. Ланой Арамс... то есть Ноа. А они явно добивались другого эффекта. Откуда я это понимала? Не знаю. Просто догадалась по их выражениям мордо-лиц. И этот странный карлик-тарак все выглядывал из-за спин этих громил, удивленно рассматривал меня, что-то бубня себе под нос, словно делая какие-то заметки.

Через пару минут эти двое в плащах, наконец, о чем-то договорились и, став рядом, плечом к плечу, раздули вместе свои шейные складки-страшилки. Но теперь они сопровождали свое устрашающее «шоу» шипением. Головная боль резко усилилась втрое. Орать я уже не могла, поэтому лишь зажмурила глаза крепко-крепко и начала вспоминать всех родных, которых даже не знала. А потом... начала молиться. Почему? Кому? Не знаю... это пришло ко мне из прошлой жизни. И все, словно меня рукой накрыло. После этого медленно начало приходить внутреннее успокоение, забиравшее с собой острую головную боль. А потом тишина...

Когда открыла глаза, то в комнате остался лишь один тарак. Тот, что был в ошейнике. Первые трое вышли и закрыли за собой двери. Я не видела, как. Этот коротышка-тарак сидел на краю кровати и глядел на меня спокойными, даже добрыми глазами. Это потрясло меня еще больше, чем первое представление. Я недоверчиво косилась на него испуганным взглядом, боясь предпринимать какие-либо движения. Он похлопал когтистой ладонью возле себя, словно приглашал сесть рядом и произнес на ломанном ириданском:

— Я не причинить тебе вред. Ты не бояться. Можешь сесть.

Я лишь недоверчиво повела головой. Он терпеливо вздохнул и продолжил:

— Я — Мэнона. Так меня звать. Я не внушать. Я исследовать гены. Ты не надо меня бояться. Я не причинить тебе вред. Я — гадак. Лишенный, — хотя голос его больше походил на кваканье, смешанное с шипением, тон его казался успокаивающим и дружелюбным.

И его глаза. Они, правда, излучали спокойное добродушие. Я медленно сползла по стене на кровать, согнула колени и обхватила их руками. Что-то в этом странном существе вызывало во мне доверие, которое сложно объяснить словами. Подождав минуту, он снова заговорил:

— Мне Гуто сказать, что тебя дорого купить. Ты дорого стоить. Очень ценность. Нам нужна твой ген. Матка старая. Ей будет замена. Она отложить гето. Их надо оплодотворить. Почистить род таракков. В этот раз герак участвовать не быть. Ты меня понимать? — он явно очень напрягался, подбирая слова, чтобы передать как можно точнее мысли.

Я продолжала подозрительно коситься на него и угрюмо молчать.

— Кто ты? — спросил он, оголив ряд белоснежных зубов в якобы доброжелательной улыбке, похожей больше на милую усмешку акулы перед тюленем, чем на гостеприимного хозяина.

Видимо он знал о культуре общения людей и хотел подражать им, желая вызвать во мне доверие к себе. Но зачем это ему?

— Кто ты? — повторил он вопрос. — Петрокар удивлен. Он хочет знать, кто ты. Почти никто не может устоять внушению Петрокара и Гуто. Они сильный внушать. Ты устоять. Почему?

Я продолжала молчать, но чувствовала, как внутри медленно возвращалось прежнее спокойное состояние. И теперь я уже могла трезво оценивать ситуацию.

— Пожалуйста, не молчать. Говори мне. Я должен знать, кто ты. Это поможет мне.

— Я пленница? — наконец, выдавила я из себя и обвела взглядом комнату.

— Да. Мы тебя купить у ваших правитель. Они отдать тебя за большая цена. Они говорить, что ты — носить хороший ген. Откуда ты?

— Из Ира.

— Ира? — он шокировано распахнул глаза. — Это город — центр ваш континент! Туда мы никогда не заходить последний десять лет! Там много ниясыть!

— Меня похитили и продали вам, — хрипло ответила я, поглядев в его умные темно-зеленые глаза.

Щель его зрачка потрясенно расширилась, и он удивленно дернул головой.

— Тебя не любить кто-то?

— Да, уж... — выдохнула я и уперлась лбом в колени, спрятав лицо от тарака.

— Ты очень сильная, — услышала я его восхищенный голос. — Я таких не встречать никогда. У тебя был ниясыть?

Я не ответила, болезненно всхлипнув над своим горем.

— У нас быть много тех, у кого быть ниясыть. Но мы их тоже ломать. Они ставать пустыми. Особенно это делать легко Гуто. Петрокар подозревать, что ты есть наездница. Что твой ниясыть жить. Так как ты не сломаться. Но Гуто сильно сомневаться. Так никто не делать в ваш мир. Это удивлять! Ты сильная! Это очень хорошо! Твои гены хорошо! Новая matka быть тоже сильная! Это большая честь — быть матерью matka!

Я вскинула на него влажные глаза и пораженно спросила:

— Я должна радоваться?! — голова продолжала болеть, и каждое его слово болезненным эхом отдавалось в затылке.

— Конечно! Это же честь! Тебя не делать пустой! Тебя сохранить целой и долго. Очень долго. Ты не понимать!

Уронив снова голову на колени, я обхватила ее руками. Сдавила в области висков, желая выгнать безумную головную боль. Однако стало еще хуже. Я страдальчески застонала.

— Тебе болеть? — услышала его заботливый вопрос.

— Невыносимо болит голова...

— Такое бывает при пачо... но твой ум остаться в тебе! Это очень хорошо! Ты не стать пустой! Ты выдержать проверка! — его голос был полон ликования.

Если честно, я мало что понимала из его слов. Единственное, чего я больше всего сейчас хотела — чтобы он как можно быстрее оставил меня одну, и я могла спокойно упасть в постель и попытаться забыться. А он продолжал сидеть.

— Не бойся. Боль уйти. Надо немного подождать.

— Как долго я еще здесь буду? — подняла я вопросительный взгляд на моего «доброжелательного» собеседника.

Он удивленно расширил глаза.

— Как долго? Навсегда! Теперь ты — собственность тараков. Тебя продать другим роям. Ты будешь чистить род тараков! Весь род! Не только наш улей! Это честь! О тебе заботиться. Это хорошо. Ты нужна нам! — его голос был полон энтузиазма. Ему все казалось таким элементарным.

Я протестующе вскинула руки и выпрямила спину, словно желая наброситься на него, но Мэнона даже бровью не повел.

— Не дождетесь!

— У тебя нет выбора! — дернул он головой. — У всех в улье есть место. У меня есть место. У тебя — есть место. Это не обсуждаться. Таков наш путь!

— У меня место не здесь! Мой путь в другом месте!

Мэнона закачал головой, так по-человечески цокая языком!

— Нет, теперь твое место здесь. Мы много заплатить, — он поднялся на ноги. — Все. Я уходить. Дальше трудно терпеть твой эмоция.

Он подошел к двери и у выхода, закрывая дверь, сказал через плечо:

— Я скоро вернуться.

Оставшись наедине в тишине, я облегченно вытянулась на своей жесткой постели и закрыла глаза. Боль звонким молотом о наковальню пульсировала в висках, прогоняя все посторонние мысли. Но сквозь поток боли, я снова попыталась связаться с Забавой. И вновь ничего. Может быть, она была слишком далеко или спала, либо я растеряла силу. В любом случае, связь с моей Забавой откладывалась на неопределенный срок. А мне ведь так надо срочно с ней связаться. Надо заверить Лахрета в том, что я жива. Рассказать, что со мной случилось за все это время и узнать, как продвигаются дела в моих поисках. Но, увы... я лежу здесь, в старинном замке, неизвестно как далеко от моих родных и близких, от дома, и мучаюсь от дикой головной боли.

Через час чуть слышно отворилась дверь и в узкую щель протиснулась уже знакомая мне красивая особа с бездушными глазами. Она держала в узких руках небольшой круглый поднос с маленькой железной миской и чашкой с парующей жидкостью. Я приподнялась на локтях, щурясь от острой боли. Девушка поставила поднос на стол и села на край постели.

— Ешь, — бездушно произнесла она. — Мэнона сказал, что чай должен снять головную боль.

После того, как до меня дошел смысл ее слов, я резко села и схватила чашку, как утопающий — спасательный круг. Сейчас для меня не было ничего важнее, чем прекратить адские мучения от нестерпимой головной боли. Я должна вернуть здравый рассудок и трезвость ума.

Сделав пару глотков, почувствовала, как горячая горьковатая жидкость потекла по пищеводу, согревая озябшее от сырости тело. Потом посмотрела на девушку. После разговора с Мэноной, я поняла, что произошло с этой бедолашкой. Она стала пустой, благодаря мозговой чистке такого, как этот Гуто. И еще поняла, что значит быть пустой. Нет ни прошлого, ни эмоций, ни чувств, ни мыслей, ни желаний. Ничего. Одно тело. Также поняла, что делают люди у таракров. Они — рабы. Бездушные рабы. И еще догадалась, почему никто не сбегает от них. Никто не хочет этого, потому что они уже ничего не хотят. Тараки стирают личность человека. Стирают все, что связывает их с прошлым, с другими людьми, с родиной, с домом, с семьей. Это так ужасно! Но почему они не смогли этого сделать со мной?! Что во мне не так? Опять этот вопрос. Со мной точно что-то не так. И, может, тот сон, что я сегодня утром видела, и есть ответ? Станные образы всплывали в моей памяти. Машины, дорога, люди — все это я никогда не видела в Иридании. И названия какие-то странные. Какой-то Киев, куда я так сильно хотела попасть и машина... ее название. Я точно запомнила ее название. Жигули. Я не помню, чтобы кто-то так называл в Иридании машину. Неужели я, и вправду, из другого мира? С другой планеты? Но тогда, как я сюда попала? Или же это все плод моего больного воображения, пострадавшего от разлуки с Забавой и плена?

Я не заметила, как боль начала отступать, уступая место вопросам. Сжимая крепко чашу со спасительным напитком, устремила взор вперед, отключившись от реальности. Девушка же просто сидела рядом и молчала, ожидая, пока я не опустошу не только чашу, но и миску с едой. Я поела, и девушка ушла, защелкнув за собой замок. Что теперь? Вытянувшись на

кровати, почувствовала, как не спеша отпускала боль. Тело медленно прекращало нестерпимо ныть. Теперь я могла думать. Теперь я могла сосредоточиться. Зажмурился крепко глаза, я позвала Забаву:

— Забава! — я повторяла и повторяла, но ощущала лишь пустоту. — Забава!

Она не слышит меня. Вот, уже целый час повторяла ее имя, все сильнее стискивая зубы в отчаянии.

— Забава!!! — мне казалось, я кричала. — Ты слышишь меня, Забава?! Отзовись! Ты нужна мне! Прошу тебя... молю... отзовись... не молчи!

— Лана? — ее голос казался таким слабым и безвольным, но она все-таки ответила. — Это ты?

— Да, моя хорошая! — слезы текли по щекам от радости и невыразимого отчаяния. — Это я... Что с тобой? Милая моя, хорошая... я так долго тебя звала!

Я слышала ее вялый голос, но не понимала, что с ней. Я видела только черную пелену и бесконечную слабость.

— Я искала тебя. Ты не отзывалась. Я устала тебя ждать, — тяжело отвечала она мне. — Я соскучилась. Ты где? Я хочу к тебе...

— Я в плену, хорошая моя. Мне нужна твоя помощь.

— Что мне сделать?

— Я хочу связаться с Лахретом.

— Он здесь.

— Где? Я ничего не вижу!

И тут узкой щелью прорезался свет в бесконечную тьму. Он залил все вокруг. И уже через минуту я поняла, что все это время была с Забавой, но глаза ее были закрыты. Я снова ощутила полноценную связь с ней, только тело совершенно отказывалось слушаться. Забава была слаба. Даже веки поднять сейчас для нее оказалось сложнейшей задачей. Но она смогла и теперь я видела, где она. Она лежала в нашей комнате атконнора. Моя постель. Все, как тогда, когда я оставила ее. А на диване, уронив голову на руки, опертые локтями в расставленные колени, сидел Лахрет. Забава шевельнула головой и застонала. Звук сразу взбудоражил Лахрета и он резко вскинулся. Подскочил к ней и, заботливо положив ладонь на ее переносицу, спросил:

— Забава? Как ты? Кушать хочешь? Тебе надо поесть! Тебе нужны силы, чтобы продолжать искать Лану, — его уставшие красные от недосыпа глаза почти погасли, и лишь искра надежды все еще теплилась в них.

Я заставила Забаву поднять голову и осмотреться. Возле кровати стоял стол, на котором лежала рыба. И, хотя желудок свело в приступе голода, всплыло противное чувство апатии, и забрало вмиг все желание есть. Стиснув зубы, я приложила титанические усилия воли, чтобы подавить это чувство и заставить малышку подняться и съесть хоть один кусок рыбы. Желудок благодарно отпустил режущую боль, послав волну тепла и энергии. Все это время Лахрет следил за младшей королевой, не отрывая глаз. С трудом проглотив рыбину, я оглянулась на мужчину. Он ждал.

— Хорошо, — его голос хрипел. — Скажи Лириту, слышишь ли ты Лану? Можешь ли ее найти?

Забаву глубоко вздохнула и повернула голову в сторону балкона. Через большое окно смотрели блестящие глазища нура. В голову хлынула мощная волна беспокойства и вопросов. Забава моргнула обоими веками и позволила мне ответить за нее:

— Лирит, я жива!

Нур вскинул голову и закрыл нижние веки. Крылья приоткрылись над крупным телом, словно излучая восторг и радость.

— Лана? Где ты? — это был Лахрет, которому Лирит мгновенно сообщил ответ Забавы. Я повернула голову и увидела в родных утомленных глазах лучик надежды.

— Лана, если ты меня слышишь, кивни!

Я опустила и подняла голову. Забава сейчас тревожно молчала. Лахрет облегченно вздохнул и подсунулся ближе.

— Ты жива! Где ты? Можешь сказать?

Чтобы сказать напрямую что-то человеку, необходимо было в два раза больше сил, чем если говорить ниясыти. Их у Забавы было мало. Поэтому я снова повернула голову к Лириту и, чувствуя, как силы медленно меня покидают, произнесла:

— Я у таракон в плену. Они хотят меня использовать для чистки генов. Так мне сказал один из них. Они сказали, что я продана им за большую цену. Я нахожусь в заключении в маленькой комнате, где окна находятся очень высоко. Поэтому я не могу увидеть местность, чтобы показать ее вам. Не знаю, что будет дальше...

Лирит передавал Лахрету все слово в слово. Тот кивнул и повернул голову Забавы в свою сторону.

— Послушай меня, Лана. Ты долго не сможешь поддерживать связь с Забавой. Она слишком слаба. Мы ищем тебя, но потеряли след на побережье Эдоса... — он покачал головой. — Единственная, кто может нам помочь — это Забава. Она сможет указать нам направление, как стрелка компаса указывает на север, но ей нужны силы. Она должна есть. Иначе все будет напрасно. Экспедиция уже готова. Мы лишь ждали тебя... твоей связи с ней. Слышишь? Уговори ее принимать пищу! Дай ей надежду! Она сильная, она сможет нас повести! Лана! Скажи, ты поняла? — каждое его последующее слово становилось все тише и тише, как будто я отдалялась от него.

Словно издалека, дотягиваясь изо всех сил рукой, я снова коснулась утомленного сознания Забавы. Она медленно кивнула головой. Силы опять покидали Забаву. И тогда я, собрав оставшуюся волю, приказала ей:

— Ты слышала, Забава? Ты должна им помочь! Ты нужна мне! Ты должна кушать! Я жива. Со мной все будет хорошо! Только не сдавайся! Слышишь?

Перед тем, как оборвалась с нею связь, я почувствовала ее слабое покорное согласие и радостное обещание. Как жаль, что я не смогла толком поговорить с Лахретом, узнать, что там произошло, после того как я покинула их с Марой в том ее кабинете. Что было с моей Забавой? Как долго я пребывала без сознания? Может в следующий раз, когда получится связаться с Забавой, то обязательно спрошу его об этом. А пока...

Я резко подняла веки и с силой вздохнула. Села. Лихорадочно оглянулась по сторонам, ощущая, как холодный пот струиться вдоль позвоночника. Меня словно выкинуло из ледяного океана. Неужели связь с ниясытью забирает столько сил? Из-за чего так? Тяжело дыша, я пыталась привести себя в чувства. Не знаю, сколько продлилась эта загадочная «эксекция», пока я не пришла в себя. Встала с постели и прошлась босой по холодному каменному полу моей камеры.

Потянулись долгие часы ожидания. День сменил ночь. Опять день промчался в ожидании. Единственное живое существо, которое я могла видеть, это та бездушная девушка, которая регулярно приходила меня кормить загадочной консистенцией в миске. Лишь один

раз я, коротко, связывалась с Забавой. На этот раз она была сильнее и уверенней в себе. Лахрета я не видела. Лирит сказал, что со дня моего похищения прошло больше недели. Я долго приходила в себя от этой новости. Уже больше недели я находилась вдали от своей Забавы! Лахрет говорил, что это опасно для здоровья девочки. Где в этот раз был он сам, я не успела узнать, но Лирит заверил, что он делает все возможное, чтобы найти меня.

В третий раз, когда я связалась с Забавой, обнаружила ее на щебнистом берегу у открытой двери грузового флайера. Рядом стояла группа наездников, в том числе и Лахрет. Они обсуждали план экспедиции. Когда я попыталась связаться с ним, он сдержанно попросил меня не расходовать силы Забавы и сохранять связь с нею только эмоциональную, чтобы она знала, куда им лететь. Лахрет говорил, что времени остается очень мало, но почему и что он имел в виду... не поняла. Я поразились его спокойной сосредоточенности. Когда я посмотрела в его глаза, увидела решительность и целеустремленность. Он знал, что делал. Он все спланировал и обо всем договорился. Участи Мары и Тирета я не узнала. Он сэкономил время во всем. Сейчас для него было чрезвычайно важным найти и спасти меня, все остальное — потом. Это я видела и в глазах его спутников. Узнав, что я связалась с Забавой, они подошли ко мне, чтобы поприветствовать и заверить, что готовы жизнь отдать ради той, кто сумел разоблачить и согнуть колени Мары Ниасу. Эти слова остались для меня загадкой. Затем я оставила Забаву. «Уходя», чувствовала, что моя малышка уже набралась сил и готова бороться до самого конца. Ее вела надежда, которую я теряла с каждым днем.

Прошло уже три дня с того момента, как я пришла в себя в этой злосчастной комнате, но ничего не изменилось. Проснувшись в холодном поту, как всегда, и с размытым воспоминанием о кошмарном сне. Он снился мне каждую ночь, но обрывался всегда на одном и том же: я бегу, спотыкаюсь, падаю, поднимаю голову и вижу обрыв, а потом вспышка света и темнота.

Со скрипом отворилась дверь и в комнату с подносом вошла Шука. Так она себя назвала, когда я с десяток раз спросила о том, как ее зовут. Это единственное, что девушка выдавила из себя, отвечая на мои вопросы. Сегодня она принесла только один стакан с желтой густой жидкостью.

— Мэнона велел тебе это выпить, — произнесла она как всегда бездушным тоном.

Я безучастно приняла стакан и послушно опрокинула жидкость в себя. Сильно хотелось пить и этого объема мне показалось даже мало, но больше у девушки не оказалось. Поэтому я, молча, вернула ей стакан и села на постель, ожидая, что она уйдет. Но она продолжала стоять. Словно чего-то ждала. Удивленно покосилась на нее, но не стала спрашивать ни о чем. Она все равно не ответит. Равнодушно отвернувшись в сторону, обреченно выдохнула, сложив ладони на коленях. Шука столбом стояла рядом, словно охраняла меня от невидимых врагов. Я перестала обращать на нее какое-либо внимание и прилегла.

Послышался скрип открывающейся двери, и в комнату едва слышно ступила нога моего знакомого таракана. Мэнона держал в руках какой-то маленький приборчик с небольшим экраном. Я приподняла голову и вопросительно посмотрела на таракана:

— Пришли меня убивать?

— Нет. Пришел проверять количество эм-гормонов, — качнул он головой, уставившись на меня своими пучеглазыми глазищами.

— Что это? — удивилась я, садясь в кровати.

— Гормон, который стимулирует яйцетворение, — довольно отмолвил он, растянувшись в весьма смешной улыбке.

Я непонимающе моргнула. Тот снисходительно кивнул головой и сел рядом на постель.

— Что вы со мной хотите сделать? — у меня засосало под ложечкой.

— Я тебе говорить. Я чистить гены тараков! Это очень важно! Я три день готовиться! Хаягетта сердиться, ей надо быстро, но я не хотеть спешить! Это очень сложный и кропотливый работа! — он вскинул палец вверх. — Я не хотеть ошибаться! Я тебе давать стимулятор ДЗР-7! Это мощный вещь! Он влиять на твой плодовая клетка! Их выделяться очень много! — его глаза горели как у безумного ученого.

— Не понимаю, — я испуганно дернула головой.

— Тебе не надо понимать. Я — понимать. Я — гений! Я знать все гены. Наизусть! Поэтому я жить! — он самодовольно вздернул подбородок. — Хаягетта довольный мой работа! Но она хотеть больше! Ей надо идеальный потомок! Самый сильный. Ты — идеальный материал!

Я шокировано расширила глаза. Что-то в голове прояснялось, но до конца понять этого злого гения еще не могла. Ладони вспотели, а по телу побежала мелкая дрожь. Я сначала подумала, что это от страха, но когда он провел своим аппаратиком вдоль моего тела и довольно ухмыльнулся, я поняла, что самочувствие мое изменилось отнюдь не от страха.

— Хорошо... хорошо... очень хорошо, — довольно хмылясь, закивал тарак. — Даже лучше, чем я ожидал. Твоя реакция на ДЗР-7 удивительна!

— Что вы в меня ввели? Как?

— Ты сама выпил! — он поднял указательный палец.

— Этот сок?! — я бросила шокированный взгляд на пустой стакан, который принесла мне эта бездушная красивая особа женского пола.

— Гениально! Правда? Но нам еще надо подождать. Еще не выделился нужный количество. И я тебе ввести еще ДЗР-7. Теперь через укол. Он медленно накапливаться. Ты не бойся. Тебе будет хорошо. Это особый препарат. Он заставлять женщин желать родить! Вам, женщинам такое надо, чтобы продлить род людей, чтобы нам, таракам, дальше жить, — он продолжал поучительно тянуть пугающую улыбку и приводить меня в состояние ужаса. — Ваш плодовый клетка содержать половину информации ген. Это очень удобно для слияния. Я все уже просчитать. Теперь надо много материал для работа. Ты давать мне. То есть я взять его из твой тело. Ты не бояться. Ты — радоваться. Теперь ты — мать рода. Это честь!

Будь проклят тот герн, который решил скрестить гернов и людей! Пусть будет проклят тот первый тарак, вдохнувший воздух Заруны и увидевший синие ее небеса! Меня затрясло как при ознобе. Волнами накатились неожиданные желания, и мысли невольно потянулись к Лахрету. Как же я хотела его сейчас увидеть! Почувствовать его нежные ласки, горячие губы, услышать его безумные слова, что он мне шептал в страсти близости... О небеса! О чем я думаю?!!! Это что, так действует лекарство? Я испуганно забралась на кровать и уперлась спиной о холодную стену, желая охладить кипяток, поднимающийся с потоком крови к мозгу и всему телу, превращая его в комок неожиданных и неуместных желаний. Мэнона повернулся ко мне и одобрительно кивнул.

— Хорошо... препарат действовать даже раньше, чем я думать. Это говорит, что ты особенная. Ты не такая, как много женщины Иридании. Хорошо... хорошо... очень хорошо! — он встал с постели и подошел к выходу. — Я звать охрану и мы идти в лаборатория. Там уже все готово. Я советовать тебе слушаться добровольно. Тогда тебе не делать больно. И не советовать бежать. Ты не сможешь. Ухуны не дать.

Я часто дышала, желая сосредоточиться на чем угодно, только не на глупых и бессмысленных ощущениях. Упрямо смотрела перед собой, не желая оглядываться и делать лишние движения.

— Ты меня слышать? — обратился ко мне тарак. — Я сказать тебе, чтобы ты вставать! Надо идти! И не думать сбежать.

Я обратила взгляд на источник голоса. На пороге стоял Мэнона с Шукой, а позади — два жабо-монстра с плазменным копьём наизготове. Покорно сползла с кровати и, босая, направилась к выходу.

Холодный камень пола обжигал подошву ног, но я не обращала внимания, разгоняя огонь внутри себя, растущий с каждым шагом. Мое изорвавшееся серо-красное платье, оставшееся на мне еще со дня похищения, неприятно скользило по телу и вызывало желание его скинуть. Сжав кулаки и до боли вонзив ногти в ладони, я прикусила губы и послушно следовала за гением-таракком. А он поучительно тарактел:

— Со мной тебе бояться нечего. Я тебя защищать. Тебе не надо уходить. Ухуны могут покалечить. Мы идти по коридор. Потом лифт. Потом мы уйти из старый замок Акнор. Моя лаборатория находится в новый помещения нре-Акнор. Если будешь вести себя хорошо, я дать тебе экскурсия и буду говорить на все твой вопрос. Поняла?

Я покорно кивнула и сильнее стиснула зубы, выдув жилы на шее и щеках. Голова шла кругом. Сердце бешено колотилось в груди и гнало потоки горячей крови. Впереди шагал Мэнона, иногда оглядываясь на меня. Рядом шла Шука, глядя вперед пустыми глазами. А позади двое жабо-монстров. Возле одного из ухунов шло существо немного похожее на них. Морда, как у жабы с рядом острых зубов. Кожа без намека на шерсть. Круп скошен. Короткие лапы и дивный хвост, сложенный как веер. Видимо, они иногда его раскрывают. Но где? В воде? Так, надо думать о чем угодно, только не о том, что назойливо лезет в голову.

Мы шли по длинному сумрачному коридору, освещенному странными светильниками в виде грибочков, прикрепленных к холодным серым стенам. Такое ощущение, что я переместилась во времени сотни лет назад и попала в древний замок какого-то суверена. Мэнона постоянно оглядывался на меня и радушно улыбался. Только улыбка его не внушала покоя, а вызывала запоздалый страх и желание бежать как можно дальше. Через минут пять ходу и пяти поворачиваний по похожим коридорам, минув с десятков дверей, подобных тем, что запирали мою комнату заключения, мы подошли к дверцам лифта. Последний ни в коей мере не вписывался в средневековый интерьер своей лощеной глянцевой поверхностью и являл собою резкий контраст креативности на фоне исторического каменного «классицизма». Диафрагма лифта разошлась в стороны, и мы вошли в огромную кабину, способную вместить в себя около дюжины таких амбалов, как эти ухуны, что следовали за нами. Кабина оказалась вся белоснежной и ярко освещенной, что больно резануло по глазам, привыкшим к полусумраку прежних помещений. На панели управления лифтом виднелся ряд светящихся цифр. Мэнона уверенно нажал на самую верхнюю, и мы тронулись. Перемещения кабинки почти не ощущалось. Лишь легкая вибрация и совсем неслышное гудение свидетельствовало о движении механизма.

Я стояла и, молча, изучала пальцы своих ног. Удивительно, но пол лифтовой кабины не был таким холодным, как каменный пол коридоров старой части этого строения. Ехали мы недолго. Когда дверцы лифта разъехались в стороны, мы вышли в небольшое помещение, похожее на маленькую пещерку с огромным светлым выходом. Пол идеально отполирован,

чего нельзя сказать о ломаных линиях стен. Мы подошли к выходу в длинный прозрачный туннель, похожий на стеклянную трубу, ведущий в современную часть Акнора, как его называл тарак-карлик.

То, что предстало моему взору, не влазило ни в какие рамки моей фантазии о способностях и возможностях тараков. Мне всегда казалось, что таракки — это бездушные дикари, сидящие в темных пещерах возле яркого костра и обгладывающие кости добычи, махающие топорами и плохо обтесанными дубинами.

То, что я видела, потрясло меня до глубины души. Длинный стеклянный коридор-туннель вел к грибообразным купольным гнездам-пристройкам, крепившимся на изогнутых «ножках» к старинному каменному замку по всему радиусу. Их насчитывалось десятки и от каждого куполообразного «дополнения» к старинному дворцу с башнями и защитной стеной вели соответственно их числу прозрачные туннели-коридоры. Пристройки возвышались над береговой внутренней линией вокруг небольшого озера в центре острова, где ютилось поселение тараков. К озеру вел большой грот, через который виднелась синева неба и линия морского горизонта. На самом озере массивным сооружением громоздилась солидная верфь, на которой усердно работали как таракки, так и люди! Небольшой и легкий корабль уже был почти готов, и оставались мелочи до того, чтобы спустить его на воду. Озеро окружала от песчаного берега узкая полоса тропического леса, где изредка выглядывали остроконечные макушки барачков, где жили люди. А по всей окружности ободом окружали остров высоченные голые угловатые и обрывистые скалы.

— Нравится? — услышала я справа квакающий голос Мэноны и скривилась от разочарования, что меня вырвали из мира восторга.

Я и забыла, кто я и куда меня ведут. Он довольно кивнул и расплылся в одобрителной усмешке:

— Это мой дом, — промурлыкал горделиво он, словно был архитектором удивительных строений. — И теперь, на время, это быть и твой дом! Отсюда бежать нельзя! Мы на острове! Твой Иридания далеко! — он самодовольно утвердительно кивнул в знак подтверждения своих слов.

Я одарила его злобным прищуренным взглядом и язвительно спросила:

— А не боитесь, что сюда нагрянут наездники на своих ниясытях?

— Это будет глупо! — качнул он отрицающе головой, словно это нереально так же, как если Раголар пойдет обратно. — У нас мощная система защищать! — он вскинул вверх когтистый палец. — Ты знаешь, что такое ЗЕМО-9? Так вот, это мощный парализатор! Он замирать нервы ниясыть! Они плохо двигаться и падать. Тогда таракки их добивать! Правда они слишком большой, чтобы передвигать! Но эффективный!

— А как же защитное поле ниясытей? — возразила я, сердито сверкнув глазами.

— В состав ловчей системы входит теллур! Он впитывать электроны поля и подстраиваться под его частота. Потом проходить и доставлять парализатор! До нир они быстро долетать. Они плохо защищать себя поле. А нур может спастись. Но это ничего, они бояться ЗЕМО-9. Так что, если ниясыть прилетать, то мы иметь защита. На всех башнях улья есть эта установка! — он горделиво вздернул подбородок. — Я не бояться. Но хватит говорить! Надо идти. Скоро надо колоть тебе второй доза ДЗР-7. Надо делать анализ. Проверять, — Мэнона пхнул меня в бок, и я медленно ступила на белую дорожку прозрачного туннеля. Голова пошла кругом от высоты, мелькнувшей внизу. Я шагала по узкой матовой дорожке. И больше ничего не было. Ни перил, ни ограждений. Ничего.

Мэнона шел легко и уверенно. Шука тоже ничего не видела. А я задрала голову вверх, чтобы не видеть раскинувшейся внизу пропасти над макушками высоченных деревьев тропического леса.

Где-то на середине пути я резко остановилась и упала на дорожку, схватившись за низ живота от дикой боли.

— Ааа! — застонала я, корчась от колик.

— Что такое? — Мэнона склонился надо мной, испуганно скривив лицо. — Болит? Чтс болит? Живот? Этого не должно быть! Надо срочно в лабораторию!

Я слушала его в пол уха. Боль была настолько резкой и режущей, что заглушала все чувства и мысли. Меня подхватил на руки один из этих ужасных жабо-монстров и быстро понес к белой двери. У самого входа, где Мэнона торопливо нажимал секретную комбинацию на замочной панели, боль так же резко отпустила, как и схватила. Но тело абсолютно перестало слушаться, и я стала безвольной куклой. Конечности расслабленно болтались, свисая веревкой с рук несущего меня ухуна. Голова непослушно опрокинулась назад, сдавив трахею так, что сложно было дышать. Из горла вырывались странные хриплые звуки и явно торопили замешкавшегося у замка гадака. Меня так расслабило, что я не в силах была даже пальчиком пошевелить! Все вижу, понимаю, чувствую, а шевелиться не могу.

Меня положили на белоснежный стол, видимо операционный, и быстро удалились из лаборатории, суеверно озираясь по сторонам. Наверное, эти урки недолюбливали это место, и оно у них точно ассоциировалось не с местом удовольствий. Зато Мэнона здесь себя чувствовал как рыба в воде. Он быстро поставил Шуку возле стола с инструментами и бросился к одному стеклянному шкафчику, где лежало много всевозможных ампул, пробирок, шприцов, колбочек и всякой медицинской дребедени. Схватил инъектор и заправил его какой-то капсулой. Подбежал ко мне и скорым движением ввел мне в шею этот препарат.

— Вот, — успокоено прошептал он. — Теперь тебя должно отпустить. Хркм... Странно... такого никогда еще не быть. Ни на кого этот препарат так не действовать... — Мэнона озадаченно почесал подбородок и замер, задумавшись над чем-то.

А потом из его рта полилась какая-то тарабарщина. Он заговорил на своем родном. Чухая себя по всему периметру своей карикатурной головы, он взял со стола шприц и выкачал из меня пол-литра крови. Но мне уже было все равно. Лекарство, которое он мне ввел, подействовало мгновенно, расслабив каждый мускул моего измученного тела. Я рассеянно принялась блуждать взглядом по его громадной лаборатории, пока гадак склонился над микроскопом и что-то бубнил себе под нос. Шука, к слову сказать, стояла столбом возле стола с инструментами и ни на что не реагировала, словно она — очередная тумбочка в помещении. Интересно, зачем он ее за собой везде таскает? Может, он питает слабость к человеческому роду и находит удовольствие в общении с ними большее, чем со своими сородичами? Или сородичи не желают с ним общаться?

Бросив бессмысленные размышления о необъяснимом, я «увлеклась» интерьером лаборатории. Она была просто огромных размеров. Выходит, что тот купол, что я видела перед собой — и есть все помещение лаборатории. По кругу теснились шкафчики со стеклянными дверцами. На их полках аккуратно выставлены пробирки, колбочки, ампулки с различными препаратами, пакетики с загадочными разноцветными порошками и еще всякой нужности для лабораторных исследований. А один отсек под стеной до самого закругления был уставлен сетками и клетками, где сидели подопытные животные, собранные со всех

континентов. Они хрюкали, квакали, цвиринькали, щебетали и храпели, но до моего слуха доносились лишь редкие звуки, словно в уши засунули вату. Ближе к центру помещения замысловатым рисунком стояли столы разнообразной формы и высоты, консоли, подставки и ящики, оставляя небольшое пространство в центре. Стол, на котором я лежала, находился слева от единственного входа. Свет лился из сводчатого потолка. Он наполовину был прозрачным и окантовывался тонкой линией видимого указателя ограничителя прозрачности. Не знаю, мог ли быть весь купол прозрачным, либо же только его макушка, но сейчас синее облачное небо хорошо просматривалось с моего места.

Мэнона скрючился у одного из столов с электронным микроскопом. Рядом с последним светился экран с увеличенным изображением изучаемого предмета, то есть моей крови. Он нажимал на всякие иконки на сенсорном мониторе и что-то бурчал себе под нос.

— А! — резко воскликнул он, когда на экране высветилось окошко с результатами. — У тебя острая реакция на дезур! Но ничего, это скоро пройти. Хорошо, тогда можно вводить второй доза ДЗР-7!

Мэнона с глазами безумного ученого достал из ящичка стола, возле которого он стоял, инъектор с желтой жидкостью в прозрачном дозаторе и подошел ко мне.

— Не бойся. Это быть не больно. Ты даже не почувствовать ничего! — он склонился надо мной и ввел в шею очередную дозу.

Я лишь отрешенно моргнула. Все вокруг медленно плыло и теряло очертания, а чувства притупились, оставляя одно, сильное и жгучее. Однако я, пытаюсь собрать волю в кулак, старалась не думать об этом, пока волна за волной на меня не нахлынули непристойные мысли и желания. Дыхание участилось, и тело забило в мелкой дрожи.

— Не волнуйся, — все так же нависая надо мной, произнес гадак, — это должно скоро пройти. Это естественная реакция на процессы в твой организм... Мне надо много плодовой клетка, чтобы чистить гены тарак. Ты иметь их много! Это удивлять меня. Странно... ты не такой, как все женщин Иридания. Они слабые на воспроизводство. Мало давать плодовой клетка. А ты иметь их много и легко выделять...

Его глаза излучали сострадание, такое неожиданное в этой ситуации. Я закатила глаза и шумно выдохнула. Когда же закончатся эти тартаровы муки?! Где мой Лахрет?!!

— Ты лежи. За тобой присмотреть Шука. Надо теперь ждать. Целый день ждать. А потом я брать твой плодовой клетка. Хорошо... — Мэнона, потирая ладоши, оторвался от изучения моего лица.

Затем привязал меня к столу и, мурлыкая какую-то мелодию себе под нос, вернулся к микроскопу. Я поняла, зачем он меня привязал, только через пол часа. Тело начало лихорадить и неистово дергать из стороны в сторону. Поднялась температура и начало ломить суставы. Что он в меня вколол? Гадак ненадолго оторвался от своих исследований. С равнодушным видом всеведающего профессора что-то вколол мне со словами: «Это от высокий температура» и продолжил заниматься своими делами, ходя по всей лаборатории. Шука присела на край стула возле меня и не шелохнулась почти ни разу за все то время, пока сидела.

Муки после укола немного отпустили. Я смотрела в прозрачный потолок на плывущие в небе пушистые облака бездумными глазами, пока милостиво не выключило из сознания.

*** **

— Ты как себя чувствуешь? — этот голос был мне до боли знакомый.

Сквозь шум приборя он прорывался настойчиво и уверено. Я попробовала открыть глаза,

но с первой попытки не удалось. Что-то тут не так. Я же точно помню, что отключилась в лаборатории, с невероятной тяжестью в теле. А сейчас тактильные ощущения подсказывали, что подо мной щебень. И этот звук прибоя... Где я? Снова повторили вопрос и я смогла открыть глаза со второй попытки. Надо мной склонился... Лирит!!! О, небо! Что случилось, пока я была без сознания? Оглянулась. Я лежала на щебнистом берегу небольшого пустынного острова. Высокие скалы окружали небольшой каменистый пляж, нависая глыбами, как суровыми великанами над нами. А вокруг бескрайний синий горизонт, зачеркнутый темной линией океана. Недалеко лежали пятеро ниясытей со своими наездниками рядом. Среди них была и Шима. Возле меня сидел Лирит и ждал моего ответа.

— Забава, ответь же мне! Мы должны лететь. Время не ждет, — его голос хранил хмурую обеспокоенность.

Забава? Я же Лана. Не поняла. Вернулась к ощущениям. Точно! Тело не мое! Забава! Я позвала ее и она откликнулась.

«Что происходит?» — спросила я ее.

«Я позвала тебя»

«Но я тебя не слышала!»

«Я знаю. Ты потеряла сознание»

«Но... до этого ты меня звала... но я не отзывалась!»

«Я уже близко. Я тебя слышу очень хорошо. Поэтому я могу тебя звать, даже если ты без сознания»

«Странно как-то»

Я услышала снова обеспокоенный вопрос Лирита и увидела взволнованное лицо Лахрета. Он подошел к нам и заглянул через плечо друга.

— Что происходит? — спросил он у своего нура. — Она опять перестала откликаться? Забава, ты слышишь нас?

Я поняла, что надо что-то срочно отвечать.

— Лахрет?

Мужчина резко нахмурился и шагнул ближе.

— Лана? — он дернул головой и быстро обернулся назад, где начали собираться в группу его спутники. — Мы уже близко! Забава ее забрала к себе! — потом Лахрет снова обернулся ко мне: — Лана, скажи, что с тобой сейчас? — его глаза блестели волнением и скрытым за ним отчаянием.

— Я в лаборатории. Из меня пытаются взять какие-то плодовые клетки. Они хотят очистить гены. Я потеряла сознание. Забава меня вызвала. Я не знаю как.

Лицо Лахрета исказила маска боли и гнева. Он выпрямился и оглянулся на подошедших спутников. Среди них я узнала Нарана и Крафа. Они мрачными тенями замерли за шаг от хвоста Лирита и вопросительно кивнули Лахту. Лишь Рия почему-то была печальна, что озадачило меня, как и то, что в спасательной экспедиции участвует кашасу.

— Немедленно выступаем! — был Лахрета приказ,

Я посмотрела на стоящих рядом людей. Догадаться было не сложно, что это те отчаянные, что решились рискнуть жизнью, чтобы найти меня. Но что делала среди них эта молодая кашасу? Рия обеспокоенно ломала руки и хмурила лоб. Она не хотела лететь, но заставляла себя. Почему? Неужели ее Шима заставила? Лахрет привлек мое внимание:

— Лана, мы летим за тобой. Тебе надо еще немного продержаться. Слышишь? Не переставай звать Забаву. Она нас ведет к тебе.

— Лахрет... — мой голос был слабым, а мысли прорывались как из густого тумана. — Мне страшно...

Его щека дернулась в тике. Он зло шумно выдохнул и покачал головой. Усталость сочилась из каждого его жеста. Он едва стоял на ногах, но не позволял себе это признать. После моих слов Лахрет развернулся и быстро запрыгнул на спину Лирита. Это повторили и остальные. Хочу заметить, вид у них тоже был не свежий. Они уже много времени провели в пути и этот привал, что сделали они на маленьком необитаемом островке, не ободрил их.

Лирит расправил крылья и пригласил меня подняться в воздух, где он снова возьмет Забаву в свои лапы. Лететь она была еще не в состоянии. В принципе, ее использовали только как указатель направления. О том, что же происходило с моими друзьями все это время, пока я томлюсь в плену и продолжаю это делать, я не смогла узнать. Лирит не шибко и говорил-то. Лишь по существу. Единственное, что я поняла, так это то, что мой Лахрет собрал небольшую спасательную экспедицию и использует Забаву, как компас. Что случилось с Марой, Тиретом я не узнала. Как и то, как отреагировало общество на мое исчезновение. Может, это держат в тайне?

Еще некоторое время я побыла с Забавой, наблюдая, как внизу скользила смазанным контуром водная бескрайняя рябь океана. Легкий спокойный ветер обдувал гладкую кожу. Впереди виднелось розовеющее небо горизонта. Близился закат. А потом я снова погрузилась в темноту...

*** **

Негромкое бубонение выказывало месторасположение Мэноны. Когда я открыла глаза, гадак все так же гнул спину над монитором своего кома и решал свои генетические задачи. Его угловатый силуэт никак не вписывался в утонченный интерьер лаборатории. Казалось, такое существо, несуразно сложенное, не может быть сердцем этого места. Хотя его уверенные движения, спокойствие и легкая ориентация в помещении, указывало на обратное. Как и на его причастность к сложнейшим вычислениям и формулам, изображенным на экране. Он страшный гений, знающий тайны генов всех тараканов. Знающий все их проблемы и слабые места. Он — непризнанная уязвимая часть тараканской системы. Без таких, как этот гадак, тараканы выродились бы, как вид.

Услышав негромкий стон с моей стороны, Мэнона обернулся и расплылся в смешной корявой усмешке:

— О! Ты, наконец, прийти в себя! Ну и странный твой организм. Необычная реакция на ДЗР-7. У других никогда не быть спазмы. А ты так дергаться, что я тебе колоть препарат против спазмы, — он нахмурил брови и искренне склонил голову в беспокойстве. — Как ты чувствовать себя?

Я сосредоточилась на себе. Лишь вялость. И все.

— Зачем вы со мной так поступаете? Зачем так мучаете? Я же вам ничего не сделала... — простонала я.

Он сочувствующе качнул головой. Измученно вздохнул.

— Мне нет выбор. Я для этого в улей и оставлен. Если я это не делать, меня убивать... — он немного помолчал и продолжил: — Я только что изучать твой кровь. В нем много гакте. Он блокировать работа твой женский орган. Это фермент ниясыть. Детский ниясыть. Откуда он в тебе? Ты — наездница? — я не ответила, лишь отвела глаза, тогда он продолжил: — Где твоя нира? Она умирать? Ты должна была сказать. ДЗР-7 действовать на наездниц не так, как на других. Их организм сопротивляться. Много боли. Надс

нейтрализовать гакте. Скажи что-нибудь, — он толкнул меня в плечо, желая привлечь внимание. — Отвечать! У тебя слишком много гакте! Даже для ниры. Ты случайно... нет не может быть!

Я посмотрела на него слезящимися глазами. Что-то в нем меня удивляло и смущало. Не может тарак быть таким... чувствующим, что ли? Для меня они были всегда воплощением зла, грубости, ненависти, а этот... разбивал все сложившиеся в голове стереотипы.

— Ты меня понимать? В тебе слишком много гакте! Я столько ни видеть в людях. Он полностью подавлять твой яйцеклад. Говори!

Я, может, и ответила что-нибудь, но в этот момент послышалось звонкое шипение расходящихся входных дверей. Макушкой сложно что-то увидеть, так как я лежала головой к выходу, поэтому напрягла слух. Громкий стук каблуков сообщил, что в лабораторию кто-то вошел. По выражению лица Мэноны я догадалась, что это кто-то вышестоящий. Мой многоуважаемый эскулап с грохотом рухнул на колени и стукнулся лбом о пол, возвысив свое филейное место с коротким хвостом выше головы. Снизу послышался глухой голос гадака:

— О! Хаягетта! Повелительница! Приветствовать покорно вас. Что привести вас в мой лаборатория?

Легкий шорох одежды сказал, что кто-то приблизился к самому моему изголовью, но увидеть гостя я пока не могла.

— Мэнона, ты со мной говоришь на ириданском? Ты, вижу, делаешь успехи... — ее бархатный голос, до боли приятный и завораживающий, как горный дудук, звучал уверенно и властно, и совсем без акцента. — Как мило...

Мэнона что-то залепетал на таракском, но она его перебила:

— Говори со мной на ириданском. Мне нравится его практиковать. Как жаль, что это удается так редко... — слева скользнул темный силуэт, и я увидела обладательницу бархатного голоса.

Я всегда думала, что женщины-таракы очень страшные. В этом заблуждении я утвердилась, увидев ухунов, жабо-подобных монстров. И те парни, хуны, что были с Мэноной в первом его визите, хоть и были симпатичнее, но не внушали надежды, что их женщины лучше. Однако представления оказались страшнее реальности. То, что я увидела, изумило меня.

В этой женщине было все гармонично и красиво, почти по-человечески. Слегка вытянутое лицо, с переносицей и намеком на брови. Пухлые губы, большие глаза, легкое окончание носика, плавно переходящее в верхнюю губу, острая линия подбородка и два бездонных синих океана глаз. Заметив мое изумление, она слегка усмехнулась и шагнула в сторону, остановившись у моих ног так, чтобы лучше видеть мое лицо. Только тогда я увидела ее особенность. Чуть ниже линии бедер, прикрытое бирюзовым бархатным плащом, виднелось удлинение ее тела. У других там находился хвост. У нее же это был яйцеклад. Небольшой по размеру, он лишь увеличивал визуально ее бедра и чем-то напоминал муравьиный зад. Она, не отрывая взгляда от меня, обратилась ко все еще горбатившемуся на полу гадаку:

— Встань! Мне неудобно так с тобой разговаривать.

Он тут же, как напружиненный, вскочил на ноги и одновременно развернулся. Хаягетта снисходительно обратила на него взор и произнесла:

— Я пришла посмотреть на наше дорогое, — на этом слове она сделала ударение, —

приобретение.

Мэнона уставился на нее раболепным взглядом и ответил:

— О! Моя хаягетта! Мне льстить, что вы интересоваться мой работа!

— Я интересуюсь своими вложениями. Мы еще так много не платили за рабов. Ты уже что-то выяснил? Она подходит к ахото?

Мэнона замялся и опустил с сомнением глаза.

— Она идеальна... только...

— В чем проблема? — она одарила его ледяным взглядом, от которого замерз бы и Раголар.

— Ее тело еще не готово...

— Почему ты еще этого не сделал?! — она сверкнула глазами. — Мое гото уже в инкубаторах! У тебя день!

Гадак вздрогнул, будто его ударили по голове.

— В ней слишком много гакте.

— Гакте?! — она расширила глаза. — Она была нириной?

— Не знать... у нирина не бывает так много гакте...

Она нахмурилась и сжала губы в суровую линию.

— Ты хочешь сказать, что она... этого не может быть! — хаягетта распахнула широко рот и забыла его закрыть.

— Я ничего не хотеть сказать. Я просто думать, что она действительно особенный! — лихорадочно качал головой Мэнона.

Женщина захлопнула рот и с сомнением уставилась на меня:

— Нет... — качнула она головой, словно отгоняя мысль, как назойливое насекомое. — Все верно, просто она действительно особенная... Наездники на такое не пойдут. Ладно, выведи из нее это.

— Я уже ввел ей мухир, моя хаягетта, — покорно склонил голову Мэнона. — Но он действовать медленно. Эээ... двадцать часов.

— Это слишком долго. Вколи ей больше. Мы не можем ждать.

— Это повредит ей.

— Насколько?

— Может парализовать.

— Какова вероятность?

— Восемьдесят процент.

— Делай! — она надменно повела бровей. — Мне все равно, что с ней будет. Нам нужна наследница. Я скоро отойду... наследница должна быть моей, а не... — она осеклась и резко развернулась к выходу. — Ладно, я уйду. Чтобы завтра гото было уже оплодотворено. Я не хочу использовать герака. Я уже слаба для этого, — мне показалось, или она грустит?

— Я сделать, что в моих силах, — Мэнона согнулся так сильно, что я испугалась за его позвоночник, как бы он не переломился.

Она махнула рукой и быстро удалилась. Все то время, пока она шла к выходу, мой эскулап качался как качели, вверх-вниз, вверх-вниз. Когда дверь с шипением закрылась, он упал на кресло у стола и обреченно уронил голову на ладони. Застонал.

Я же только что и могла, так это испуганно таращиться на него. Медленно дошла суть их разговора: меня может парализовать.

— Мэнона? — мой голос болезненно сипел.

— А? — он оторвался от руки и взвел на меня затуманенный взор.

— Мэнона, о чем она говорила? Ты хочешь сделать так, чтобы меня парализовало?

— Она наша хаягетта. Она приказать — я делать. Она — королева. Она правит. Она класть яйца тарака.

— А что такое мухир?

— Это сыворотка. Она чистить кровь от фермент ниясыть. Долго чистить. Я и так тебе много вколоть. Оно иметь побочный действия.

— Какие?

— Ты не обонять. Плохо щупать. Видеть туман. Есть у тебя такое?

— Да... — мой голос испуганно вздрогнул.

— Если еще вколоть мухир, быть хуже.

— Ты будешь делать так, как она сказала?

— Она — хаягетта. Я ее слушать. Она приказывать — я исполнять. Иначе я умирать. Ты должна простить Мэнона.

Мое горло свело судорогой и я почувствовала, как начинаю задыхаться.

— Слушай, Мэнона, но ведь это навредит мне, ведь так?

— Так. Ты сильно пострадать.

— Но тогда вы потеряете меня. А вы хотели меня использовать еще и продать другим ульям. Ведь ты мне это говорил?

— Да, говорил.

— Ты хочешь причинить урон улью? Твоя хаягетта думает только о себе, а не об улье. Она хочет побыстрее уладить свои проблемы.

Он озадаченно нахмурился и сразу ничего не ответил. Долго думал, неотрывно рассматривая мое лицо. Что-то было в его глазах... доброе.

— Ладно, я что-нибудь подумать, — кивнул он, решив что-то для себя, наконец, и склонился над монитором кома.

После этого его словно выключило из реальности на долгий час. Потом он подошел ко мне, сел рядом и сказал:

— Я думать, что тебе не надо больше мухир. Я подождать... Хочешь, мы поговорить? Я любить говорить с людьми. Все смеяться надо мной. Но я жалеть люди. Они не виноват, что когда-то герн нас скрестить и сделать нас, тараков, зависимыми от человек. Я даже приручить одну из них, — он кивнул в сторону сидящей молчаливой Шуки. — Она уже давно у меня и хорошо слушаться. Хорошо убирать лаборатория. Хаягетта подарить ее мне в знак поощрения! — он самодовольно сверкнул глазами.

Я облегченно вздохнула и кивнула ему.

Часть 8. Спасение

С глазами, полными ужаса, я смотрела на инъектор, занесенный надо мной. Я понимала, что ничего не буду чувствовать, но пугало то, что именно Мэнона хотел сделать. Такое ощущение, что я оказалась в лаборатории лишнего здравого рассудка ученого, пытающегося реализовать свои извращенные фантазии. По рассказам гадака, ему нужно изъять у меня... кхм... плодовые клетки или яйцеклетки, которые имеют уже поделенную ДНК — это для простоты сращивания ее с поделенной клеткой тараков. Тогда возможна чистка и слияние их генов.

Из слов Мэноны я поняла, что тараканы вырождаются, так как они — плод рук талантливых генных инженеров гернов. Изначально их не существовало. По-сути, тараканы — это плод смешения генов гернов и людей. Сначала не было так. Что заставило гернов экспериментировать, неизвестно, но они решились на это, создав новый, иной вид существ. И не люди, и не гадаки. Тараканы — искусственные мутанты. Поэтому их существование зависит от постоянного контроля чистоты генов. Вырождение тараканов неизбежно. Уже испокон веков в структуре общества тараканов существуют особые индивиды, такие как Мэнона, которые особым образом следят за чистотой генов. Это необычные тараканы. Их называют гадаками. Они очень умные и способные, но физически слишком слабые. То, чем обладают остальные тараканы, они лишены. Гадаки маленького роста, худосочные, угловатые, у них отсутствуют способности телепатического внушения. Все, за что их терпят и ценят в тараканском обществе — мозги. Никто так не знал гены, как они. Каждый гадак мог наизусть записать всю последовательность ДНК и таракана, и человека от начала до конца. У них просто феноменальная память. Они великолепные изобретатели и потрясающие импровизаторы. Мэнона был среди них одним из лучших. Пока он ждал нужной точки очищения моих клеток от гакте, фермента ниясыти, он столько рассказал мне о тараканском обществе, укладе жизни, социальной структуре, правилах и обязанностях, что голова пошла кругом. То, что всегда оставалось загадкой в учебниках атконноров, легко и доступно объяснил гадак.

Так, правили ими матки, которых они называли хаягеттами. Это что-то вроде титула, как у ириданцев шиасу. Слово матки было законом. Вообще, как я поняла, женщин в их мире мало. Скорее не потому, что их выклеивалось меньше, они не выживали. Борьба за власть между ними начиналась еще с пеленок. Главная женщина становилась маткой, то есть королевой, и постоянно должна отстаивать свое право. Остальные женщины яйца не откладывали, только хаягетта. Почему? Мэнона объяснил, что это из-за мощного фермента матки, которое она источает. Он подавляет детородные способности других женщин. Когда матка умирала, то ее место занимала одна из ее дочерей, которая сумела доказать свою способность к выживанию на каком-то нэроготе или ринге, где они сражаются друг с дружкой. Я представила себе жуткую картину борьбы женщин за власть на ринге. Брр.

Мэнона говорил, что матка откладывает каждые полгода яйца. Их называют гато. Половина из них часто бывает не оплодотворена по неизвестным причинам. Эти неоплодотворенные яйца используют гадаки для своих очистительных процедур. Часто из этих яиц вылупляются потом, после чистки, более жизнеспособные малыши. Оплодотворяют

маток гераки, мужские особи, похожие на трутней у пчел. Их работа только в этом. Но их ценят и чтут. Из яиц появляются отпрыски. Уже с того момента, как малыши разбивают свою скорлупу, становится видно, кто это. Много рождается ухунов, то есть тараков-воинов. Меньше хунов — сильных в ментальных и умственных качествах тараков — это прирожденные офицеры и лидеры. По-сути, именно они правят тараками. Потом появляются девочки, количество которых меньше, чем офицеров. Их называют геттами. Трутней рождается всего несколько, может даже и ни одного за один помет. Они выглядят как хуны, но с небольшой «деталью», необходимой для продолжения рода таракского. И очень редко в помете матки появляются гадаки. Их, правда, это особо не смущает. Зачем им много умников?

Мэнона оказался отличным рассказчиком, хоть и с акцентом. Он сильно отличался от тех увальней, что стояли у выхода из лаборатории. В нем было даже больше человечности, чем в некоторых из знакомых мне людей. Он очень любил общаться с людьми, если это, конечно, можно назвать общением. Являлся страстным поклонником человеческой красоты и в тайне завидовал людям. Часто, гадаки, как изгои общества, проводили время с рабами. Там они себя чувствовали легко и уютно. Там над ними не смеются, не издеваются. Мэнона этим ничем не отличался от других гадаков. Еще он мне сообщил, что все люди, которые попадают в рабство проходят пачо, специальную чистку мозгов, и по-сути превращаются в ходячих бездумных роботов. Пачо лишает эмоций и личных мыслей.

И вот, после нескольких часов теплого общения, этот любитель людей-рабов собирается меня лишить частей моего организма.

— Послушай, Мэнона, а может не надо? — я чувствовала, как часто вздымается моя грудная клетка.

— Лана, я же тебе говорить, что мой воля не иметь значения. Это моя обязанность. И пока я все выполнять хорошо, мне позволять жить, — он сочувственно поморщил нос. — Прости.

Я нервно сглотнула. Зажмурилась. А что я могла сделать со связанными руками и ногами? Тем более у входа дежурило двое ухунов-охранников. С того момента, как Мэнона стал чистить мой организм от гакте (мы же называли это аро) моей Забавы, я стала плохо ее слышать. Связь с нею, чем дальше, тем больше ослаблялась, и это приводило меня за порог отчаяния, словно какая-то частичка тела отрывалась от меня. Я теряла мою Забаву. Как будто вишу над пропастью, держась одной рукой за руку друга, и вижу, как палец за пальцем соскальзывают с нее. Отчаяние, паника, безысходность и апатия тянулись ко мне скользкими и холодными руками. Они смотрели на меня жестокими и безразличными глазами, желая забрать душу. Словно меня выворачивали наизнанку и натягивали внутренности на корявую длинную палку. Чем больше времени проходило, тем сильнее становились судороги. Желание жить таяло с каждой секундой, и мир вокруг темнел и расплывался. Казалось, я стояла на краю бездны и смотрела стеклянными глазами в черное ничто. И уже не обращала внимания на монотонный монолог тарака, на его суетливые движения и обеспокоенный взгляд.

Вдруг, оглушающим, будоражащим стоном завывала сирена. Я встретила взглядом с Мэноной.

— Что это? — еле слышно спросила я.

— Этого не может быть! — его лицо ошарашено вытянулось.

— Чего не может быть?

— Эта сирена может быть только в одном случай!...

— Да каком же?!!

— Ниясыти!!! — ужас в его глазах был неподдельным.

Мэнона оттолкнул стоявшую рядом Шуку и подбежал к панели связи. Девушка упала на колени, забив себе руки, но он этого даже не заметил.

— Что случилось? — спросил он у дежурного на вышке.

Они говорили на своем языке, но я догадалась о смысле. Потом мне Мэнона перевел:

— Нападение ниясыть!!! Они знать о наша оборона! Кажется, они повсюду!!! Хаягетта объявить срочный мобилизация, — голос гадака дрожал от ужаса.

Мэнона отскочил от пульта связи и обернулся.

— Нужно срочно прятаться! — он подпрыгнул к моему столу и стал лихорадочно расстегивать ремни, крепившие меня к столу. — Но почему они нападать? Как они нас найти? Ведь наш остров не видно с их спутник! Мы установить защитный экран! Не понимать. И вообще, у нас с парящими на ниясыть — договор. Они не наступать! Мы не ломать их поле.

Он расстегнул последний ремень и помог мне встать. Ноги дрожали, но, на удивление, с его помощью идти я смогла.

— Идем. Срочно. Они могут сюда легко попадать, — торопил он меня, толкая к дверям. — Нам надо в защиту старый Акнор. Он выдержать нападение ниясыть.

Я послушно поковыляла к выходу, расставив руки для сохранения равновесия. Мэнона нажал на панель управления, и дверь с шипением разошлась в стороны, открыв выход в прозрачный коридор. У входа стояло два уха-охранника. Их глаза размером с приличное блюдо испуганно таращились в сторону стеклянного коридора. Мы вышли на него, и я увидела...

Они возникали из ниоткуда и через миг исчезали в никуда. Казалось, их было так много, что начало рябить в глазах. Как бы ни старались наводчики поймать хоть одну цель, все безуспешно. Они стреляли туда, где уже никого не было. Я знала, что зарядов этих орудий у них имелось ограниченное число, потом тараки вынуждены будут стрелять обычными снарядами, которые против ниясытей были бесполезны.

— Откуда наездники знать о эхогорке?!!! — Мэнона с неподдельным ужасом таращился на небо, где рябило от частых явлений ниясытей.

Эхогорк или ЗЕМО-9 — то самое супер-оружие против ниясытей, которое захватывало их и разрушало генерируемое ниясытью защитное биополе. Схватив меня в мощные оковы своих пальцев, гадак поволок меня по единственному коридору прочь из лаборатории. В ней мы являлись легкой мишенью. Еще, я сообразила, что он не понимал причины нападения. Лишь я догадывалась. Мы бежали довольно быстро по этому коридору, но все вокруг было прекрасно видно. Началась полномасштабная атака на таракский гарнизон. Ниясыти шли молниеносной атакой, возникая в тех местах, где лучше всего было стрелять плазменными зарядами легких орудий на турельные установки таракков. Они знали куда стрелять. Делали один точный выстрел и тут же исчезали в зиянии. Хотя их явления казались беспорядочными, но во всей этой видимой суеде читалась продуманная закономерность и великолепная подготовка. И их было много больше, чем летело сюда. Точно не пять ниясытей, каких я видела на берегу того маленького островка в последний раз.

Мэнона мне сказал, что этот остров был стратегически важным объектом. Улей гадака занимался производством кораблей, оснащенных особым оружием. На острове находилась

верфь, построенная по новейшим разработкам, и занималась исключительно боевыми катерами. Эти катера отличались маневренностью и скоростью. И их производство приносило огромную прибыль улью. Тараки прятали его и берегли, как зеницу ока. А тут его обнаружили! И мало того, атаковали! Их сердца холодели.

Я видела, как в небо взвились беспилотники, как бесполезны были их попытки поразить защищенных полем от выстрелов ниясытей. Наездники легко стреляли вниз, поражая стратегически важные объекты защиты острова. Они появлялись из зияния, стреляли и исчезали в тот же миг, так что снаряды эхогорка там никого уже не находили. Мне даже казалось, что я видела лица этих наездников, их сосредоточенные, горящие огнем боевого азарта глаза, плотно сжатые губы. Их движения были идеально отточены, выстрелы метки, действия слажены. Они знали, что делали, и делали это умело и искусно. Я кожей чувствовала страх бегущих рядом тараков. И я на свои глаза увидела весь тот трепет, что вселяли ниясыти в сердца этих генномодифицированных чудовищ. Они действительно боялись. Боялись до умопомрачения и коликов в животе «Парящих в небе». Я видела глаза Мэноны и ухунов, их расширенные зрачки, заполнявшие почти всю роговицу глаза. Я видела смертельный ужас в них.

И вот, когда мы уже подбежали к выходу из коридора к небольшому распределительному коридорчику, столкнулись с маткой, той самой, что приходила посмотреть на меня. Ее лицо было искажено ужасом. Рядом с хаягеттой стояло пятеро ухунов и двое хунов.

— Ты куда собрался?! — сухо бросила она.

— Но как же! — удивился Мэнона, — Ведь на нас нападать!

— Это наша проблема! — кинула гневно она. — Ты же должен немедленно выполнить свою работу! — она чуть не кричала. — Гото уже не могут ждать, иначе они пропадут!

В такой момент она дрожит за свои яйца! Безумие! Но где-то в глубине сознания до меня доходило, что эти яйца — гарантия ее правления. Иначе ей придется доказывать свои права на власть. Она боялась лишиться власти даже больше, чем нападения ниясытей. Поэтому ее рука указала Мэноне путь обратно:

— Немедленно возвращайся!

Мэнона медлил.

— Но я... видеть там в небо королеву ниясыть! — лицо Мэноны выражало жуткий страх.

Матка поджала губу, её ноздри раздулись от мощных эмоций, охватывающих ее.

— Я знаю! — отрезала она.

— Но ведь... они никогда не посылать королева воевать!

Матка озабочено посмотрела в сторону коридора, где, через стекло, видно было мелькающие тени ниясытей. Я почуяла ее страх. Почему они так испугались королеву? Чем она особенно их ужасала? Стоящие рядом ухуны и хуны тоже выражали крайнее волнение и удивление и постоянно переглядывались.

— Кто-то совершил страшную ошибку! — она посмотрела на меня так, будто я виновна во всех бедах всех тараков на планете. — Очень страшную ошибку!

Что она имела в виду, говоря эти слова и глядя на меня? Неужели она догадалась, кто я?

— Хаягетта! — заговорил Мэнона. — Позвольте, я продолжать чуть позже, после атака...

— Нет! — она вздрогнула и ощерилась на него. — Я оставляю тебе охрану и ещё

пришла. Но ты должен закончить свою работу! Время не ждёт! — она резко вскинула свой блестящий плащ, развернулась и нырнула в открывшийся сзади лифт, откуда вышло еще четыре ухуна.

— Идем, — велел один из стоявших рядом офицеров Мэноне. — Приказ хаягетты не обсуждаться.

Мы снова побежали по прозрачному тубусу коридора назад в лабораторию. Точнее они побежали, а я... Ноги в конец отказались слушаться и уже через полминуты меня несли на руках. А еще через несколько минут я уже снова лежала на операционном столе со связанными руками, и холодный металл инъектора коснулся моей шеи, впрыснув какую-то желтую жидкость. Мэнона попытался меня успокоить, глядя в мои расширенные глаза, и говорил, что буду все видеть, но ничего не буду чувствовать. А потом я ощутила, как вялость разлилась по всему телу, парализуя каждый мускул и обездвиживая тело. Лишь глаза еще шевелились. Пришло чужое чувство отрешенности. Я безразлично следила за гадаком, который склонился над столиком с инструментами и пробирками. Рядом с ним стояла Шука и подавала ему со шкафчика нужные ему приспособления.

Минуты казались часами. Время бесконечно тянулось. Вот, Мэнона уже склонился над мной, стал поднимать подол изорванного платья. Я смотрела на его сосредоточенное взволнованное лицо, следила за нервными и несобранными движениями, как он постоянно косился в сторону входной двери и на купол лаборатории, а внутри все холодело от животного страха перед грядущей операцией. Застонала и попыталась ему сказать, попросить, чтобы он остановился, но из груди вырвался лишь неясный звук. Я почувствовала, как холодный металл загадочного медицинского оборудования коснулся моей горячей кожи и скользнул вдоль бедра вверх...

И когда он уже почти достиг цели своим жутким инструментом, вдруг, замер, устремив потрясенный взор к выходу. Лицо его вытянулось от дикого ужаса. Он уронил свой прибор и резко отшатнулся от меня. Металл инструмента звонко зазвенел от удара о каменный пол. Тело его затряслось как от лихорадки, а в черных зеркалах широких зрачков отражалось обреченное предсказание его участи. Его потрясение было сродни тому, будто он увидел свою смерть. Что могло вызвать в душе тарак такой ужас? Дикий, панический, безнадежный! В то же самое время я слышала грохот позади себя и шум падающих предметов. Потом послышались испуганные таракские возгласы, звуки выстрелов, а потом... Этот жуткий, прорывающий все изнутри, сводящий с ума до потери сознания и выворачивающий мозги наизнанку звук... Просто на немыслимых децибелах, он заставлял кипеть кровь не только человека. Мэнона схватился за голову, стиснул ее с неимоверной силой и громко закричал от боли. А из-под его ладоней сквозь пальцы потекла красная кровь — его ушные перепонки не выдержали этого ужасающего звука. Гадак упал сперва на колени, потом бесчувственно, как корявая деревянная кукла, завалился набок, потянув за собой Шуку. Девушка взмахнула руками, потеряв чувство опоры и, сильно ударившись головой о столик с инструментами, упала навзничь, потеряв сознание.

Через пару мгновений высокочастотный звук затих. Наступила пугающая тишина, прерываемая отдаленными звуками сражения. Я не могла обернуться и что-либо увидеть, поэтому испуганно уставилась в потолок, подсознательно ожидая своего конца. Ибо источник звука казался мне таким же пугающим, как и для тарак. Кто мог им быть? Затем послышался знакомый шелест и обеспокоенный свист. Сердце болезненно сжалось, боясь поверить догадке. Забава! Моя родная, милая, добрая Забава! Она нашла меня! Но почему я

ее не ощущаю? Почему я не слышу ее мыслей? Я пыталась хотя бы глазами увидеть ее, но боль отзывалась даже на глазных яблоках. Серебристая тень скользнула к моему «столу пыток» и надо мной взвилась ниясыть. Расправив крылья, разметав стоявшую рядом мебель и все медоборудование, она накрыла меня собой. Брезгливо срывая мощные кожаные ремни, как трухлявую нить, Забава легко опустила меня на пол и прижалась всем телом. Вздых облегчения вырвался из моей груди, когда я почувствовала ее тепло, ее родной запах и всепоглощающую любовь. Я чувствовала, как в меня втекает сила и легкость. Нежный поток мыслей ворвался в голову, утешая истерзанную душу. Теперь я знала, нам никто не причинит вреда. Забава защитит.

Медленно начало приходить ощущение моего тела. Через минуту я уже могла шевельнуться. Тогда, расплывшись в счастливой улыбке, я мягко скользнула ладонью по родной мордочке, по надбровным дугам над обожающими глазами, полными глубокого беспокойства и счастливого ощущения единения. Оглянулась, окинув взором лабораторию. Перед входом все вещи разбросаны, охранявшие нас таракки лежали без сознания, так же как и Мэнона, обхватив голову руками. Оценив ситуацию, я поняла, наконец, почему таракки так панически бояться королев. Они могут то, что не может ни одна нира или нур. Высокочастотные звуки, излучаемые ими, разрушали или серьезно вредили нервную систему таракков, полностью их парализуя. Я об этой их способности не знала. Однако это оружие моей королевы вывело таракков лишь на короткое время. Ухуны начали приходить в себя, шевелиться. Дверь раскурочена, вывернута мощной силой наизнанку и с места, где я лежала, было немного видно стеклянный коридор. В лабораторию вбежала еще дюжина ухунов, озадаченно оглядывающих место происшествия, и с ними несколько офицеров. Увидев меня с Забавой, они резко остановились и остоленели в нерешительности. Лица их вытянулись так же, как и у Мэноны. Они знали, как выглядят королевы и знали, что несет с собой ее присутствие. Они сразу поняли, что им здесь делать уже нечего, и, мало того, — они обречены, однако что делать дальше не знали.

Долго мешкать им не пришлось. В комнату стремительно ворвалось несколько человек. Они бурей раскидали растерянных таракских солдат, стоявших у самого входа, не дав им времени сориентироваться. Тотчас же четверо ухунов полегли от выстрелов плазменных пистолетов. Люди выхватили из ножен что-то вроде сабель и бросились на таракков. Те моментально среагировали, и вскоре завязалась ожесточенная борьба. Таракки не хотели так просто сдаваться и решили отдать свою жизнь подороже. Я с трудом могла разобрать в вихре движений происходящее. В лабораторию ворвалось пятеро человек. Четверых я узнала быстро: Лахрет, Наран, Краф Элогир и Фиона Матхур. То, что они вытворяли со своими тонкими мечами, вызывало почтение даже у жестоких таракков. Люди двигались легко, вымерено и точно. Поэтому бой был уже с самого начала предрешен, если учесть, что таракки постоянно оглядывались на Забаву.

Вот, Лахрет уклонился от падающего на него сверху меча, апперкотом сшиб с ног крупного противника и прикончил точным ударом в сердце. Это был последний противник. Справившись с ним, и выпрямив сильную спину, он тяжелым взглядом осмотрелся вокруг. Убедившись, что угроз больше неоткуда ждать, стремительно подошел к нам с Забавой. Остановившись у границы поля Забавы, он застыл. Устремил на меня все тот же тяжелый утомленный взгляд из-под лба. Грудная клетка часто вздымалась, заполняя со свистом легкие воздухом. Руки в полусогнутом положении опускались вдоль тела и с силой сжимали две тонкие изогнутые сабли. От левой брови по щеке до подбородка лицо его пересекала

глубокая длинная рана, из которой медленно сочилась кровь. Губы выровнены в твердую волевою линию. В любую секунду он был готов среагировать с молниеносной скоростью и принести кончину любому, кто посмеет шагнуть в нашу с Забавой сторону.

Лахрет не сводил взгляда с моего лица, будто в своей жизни мечтал и жаждал видеть только его и теперь запоминает каждую черточку, чтобы навсегда запечатлеть в уме и хранить до конца жизни. Он ничего не говорил, не шевелился, не махал руками, лишь смуро смотрел. Во всем этом его мрачном безмолвии так громко кричали облегчение и удовлетворенность. Он нашел меня. Он достиг цели и готов защитить мой покой ценой своей жизни. В его силуэте читалась грозная решимость доказать каждому, кто посмеет нарушить наше с Забавой единение, что холод его стали несет боль и смерть. Это было громче всех слов, громче жестов, сильнее любого выражения.

Я вяло улыбнулась, желая заверить, что очень рада его видеть. Лахрет ответил взаимной, своей особой, слегка кривоватой, любимой улыбкой. Едва она озарила его окровавленное лицо, как черная туча воинственности растаяла в радостном облегчении. Так мы смотрели друг на друга недвижимо долгую минуту. В этот миг меня охватили смешанные чувства. Хотелось прыгнуть ему на шею и зацеловать любимое лицо, но в то же время, желание тепла моей Забавы и понимание всей необходимости нашего с нею единения, чтобы восстановить потерянную связь, останавливало меня. Поэтому мы с Лахретом просто смотрели друг на друга. Он знал, что Забава лечит меня, и поэтому не торопился. Сейчас для него было важно лишь одно — я в безопасности и теперь он рядом. Все остальное — мелочи.

Из-за его спины выглянул Наран, положив руку на плечо. Улыбнулся мне приветливо, качнул головой:

— Ну, привет, наша неугомонная Лана! Опять вляпалась, — в его ироничных словах совсем не слышалось привычной издевки, лишь теплота и приветливость. — Но ты не переживай, мы уже привыкли к ЧП, связанным с тобой... — потом он посмотрел на друга: — Надо уходить. Скоро здесь будет не продохнуть. Оставаться здесь опасно.

Лахрет кивнул, не отводя от меня глаз.

— Надо. Но нужно дать Забаве время. Они кололи ей мухир.

Наран понимающе кивнул:

— Мы сможем продержаться минут десять. Не больше. Потом надо уходить в любом случае. С Ланой ничего не случится, если мы немного отдалим время на единение. Главное, что с нею все в порядке.

Лахрет снова кивнул и спросил уже меня:

— Ты можешь говорить? Что с тобой делали?

— Меня обкололи чем-то, так что я теперь еле шевелюсь... — я потеряла затекшее лицо.

— Что кололи?

— Не знаю. Какой-то ДЗР-7.

— Что это? — удивился Наран и покосился на Лахрета.

Тот нервно дернул подбородком.

— Не знаю, но догадываюсь. Кто его тебе колол? — брови мужа сошлись в суровую линию.

Я кивнула в сторону лежащего рядом в бессознательном состоянии Мэнону. Лахрет медленно повернул в его сторону голову, но не шелохнулся. Подошел к нему Наран, присел рядом и пощупал пульс.

— Живой... — произнес он и, вдруг, замер, потрясенно уставившись на девушку, без сознания лежавшую рядом с гадаком.

Его лицо побледнело и вытянулось, рот широко распахнулся, а щека нервно дернулась в тике. Он обомлел, рухнув на колени и нерешительно потянув к ней ладонь, но так и завис над нею, будто не верил своим глазам. Казалось, что он увидел привидение. Краем глаза я заметила, как Лахрет шокировано дернулся в его сторону. Застыл с сомнением, но тут же, совладав с собой, все-таки подошел к телу девушки. Молча, присел на корточки рядом и проверил пульс, так как Наран только таращился на нее ошалелыми глазами. Потом покосился на друга и кивнул, что она жива. Лицо его выражало пораженное удивление. Вся эта сцена проходила в немом молчании. Что бы это значило? Сложно было понять их переглядывания, но я догадалась, что они знали ее оба. Кто она такая, что вызвала у обоих этих мужчин невменяемое потрясение?

Я неотрывно следила, как Наран тяжело поднялся, схватившись за голову. Оглянулся на удивленных соратников, что стояли у входа, на стреме, готовые вступить в любую секунду в бой. Однако со стороны стеклянного коридора не доносилось ни звука. Наран с шумом выдохнул, отступил назад, все так же держась за голову. Посмотрел на Лахрета, словно спрашивая, не сошел ли он с ума и не бредит ли наяву? Тот, все так же сидя подле девушки, глядя на друга снизу вверх, кивнул ему, что это, правда, она. Наран, тихо, как в замедленной съемке, снова опустился на колени и потянулся к бесчувственному телу. Порывисто прижал ее к груди, и, колышась вперед-назад, стал что-то шептать и... плакать! Я почувствовала, как мои брови удивленно взлетели вверх. Кто она? Неужели?... Я не посмела поверить смелой догадке и перевела взгляд на мужа. Лахрет похлопал сочувственно друга по плечу и развернулся ко мне, встав на ноги. К нему подошел Краф, кивнув приветливо мне, и сообщил:

— Надо уходить. Мы долго не сможем продержаться.

Лахрет согласно кивнул ему и обратился ко мне:

— Лана, ты как? Слышала? Нам надо уходить, но мы не можем тебя взять, пока с тобой рядом Забава. Она не слышит сейчас никого. Она лечит тебя, и мы не можем без твоей помощи ее остановить. Надо уходить. Сюда движутся основные силы тараков. Этот форпост дорогая стратегическая ценность для них. Слишком дорогая. Они будут бороться за нее до конца, а нам она не нужна. Задержка повлечет большие потери. Убеди Забаву на время тебя отпустить, пока мы не будем в безопасности.

Я поняливо кивнула и позвала Забаву. Она услышала меня лишь с пятого раза. Открыла глаза и подняла голову.

— Милая, нам надо уходить отсюда. Здесь много опасности, — произнесла я, поглаживая подругу по шее.

— Я защищу тебя. Никто не причинит тебе больше вреда! — возразила она.

Голос ее звучал далеким эхом в голове, словно она неистово прорывалась сквозь густой туман и плотную воду. Наша связь почти потерялась, и слышать ее было почти не реально.

— Я знаю, моя хорошая. Но другие могут пострадать. Нам лучше вернуться домой. Лахрет защитит меня. Он не отдаст меня таракам. И ты будешь рядом, ведь так? — я горячо ей улыбнулась.

Она долго не решалась, с сомнением глядя на стоящего рядом мужчину.

— Ты слишком слаба, — констатировала королева. — Тебя опасно нести. Я не хочу тебя терять.

— Милая, все будет хорошо. Пожалуйста, послушайся Лахрета.

Она упрямо мигнула, но защитное поле исчезло.

Только она это сделала, Лахрет порывом припал ко мне и взволнованно коснулся руки. Покопался вопросительно на Забаву. Та поднялась на лапы и собрала плотно крылья, уступая ему место и смотря на меня с глубоким беспокойством. Затем, кивнув какой-то своей смелой мысли, Лахрет поднял меня с такой легкостью на руки, словно я пушинка. Потом, сглотнув нервно ком, прижал так крепко губы к моему виску, что в голове мелькнула мысль, что в том месте останется синяк. Я слышала его частое сердцебиение и учащенное дыхание. Запах пота, смешанный с ароматом его Лирита, ворвался в мои легкие и вызвал приятный отзвук в груди. Он дрожал. Но не от страха, нет. От волнения. От того, что, наконец, держит меня на руках и может защитить от всех невзгод и опасностей. Он заглянул мне в лицо и горячо прижался губами ко лбу, прошептав:

— Любимая... Родная моя... Жизнь моя... — от его слов мое сердце бешено заколотилось.

Он рядом, он держит меня на руках! Как сложно описать словами те ощущения, когда, после долгой, мучительной разлуки, ты находишься на руках самого любимого человека на свете. Я положила ему на плечо голову и тихо прошептала:

— Как же я тебя ждала...

Он в ответ лишь прижал меня еще сильнее. Выходя, он бросил стоящему у входа Крафу:

— И того мелкого таракана захвати.

— Но мой лорт, он же... — возразил было тот.

— Это приказ, — резко оборвал его Лахрет голосом не терпящим возражений. — Выполнять.

Краф покорно кивнул и закинул нелегкого, хоть худосочного, гадака на спину. Мы спешно передвигались по стеклянному тубусу. Вокруг все так же мелькали тени ниясытей и слышались выстрелы и грохот рушащихся зданий. Бой был в самом разгаре. Теперь в небо летели другие снаряды, говоря о том, что особое оружие улья исчерпало себя.

Я перевела взгляд на сосредоточенный, хмурый профиль мужа, чувствуя, как быстро растет внутри дикое ликование, что он и Забава, семенящая сзади, наконец-то рядом. Я ласково коснулась пальцем любимого подбородка, и этот жест вывел его из состояния напряжения. Лахрет ласково улыбнулся мне и бережно поправил на руках. Забава жалась к его бедру, не спуская с меня взгляда. Краф вместе с незнакомым мне солдатом-наездником несли бесчувственное тело гадака в двух шагах позади Забавы. Шествие продолжал Наран с Шукой на руках. А в арьергарде, оглядываясь по сторонам, шла Фиона. Женщина, обтянутая черной кожей, казалась воплощением гибкой воинственности. Она держала наизготове плазменный пистолет и крутила голову во все стороны, готовая в любой момент среагировать. Взгляд снова упал на Нарана с девушкой. Я тихонько спросила Лахрета:

— Кто она?

— Ята, — был короткий ответ мужа.

У меня внутри все опустилось от потрясения. Это все-таки она! Все это время его жена действительно была жива! Наран был прав. И теперь он нес ее без сознания на дрожащих руках, желая более всего на свете убраться отсюда как можно скорее. Но знал ли он о том, какой она стала? Я уткнулась носом в плечо Лахрета и зажмурилась. Подлинно ли все позади? Либо это начало трудного пути возрождения? Я не знала.

Впереди в прозрачной стене туннеля зияла прореха. Именно через нее прорвалась и

Забава, и мои спасители. У края пролома восседал Лирит и засунул внутрь голову, чтобы лучше видеть происходящее. Завидев нас, он приветственно и торжественно прогудел. Когда его зов слышали другие ниясыти, небо задрожало от радостных возгласов мощных глоток ниясытей. Они еще интенсивнее и отчаянней замельтешили по небу, устрашая еще больше таракон, бегающих по всем поверхностям замка и строений, как муравьи в растрепанном муравейнике. В небо летели снаряды, вспыхивали турельные орудия плазменными лучами. От этого зрелища сердце в страхе трепетало. Впереди у входа прозрачного коридора появился очередной отряд таракон, но тут же остановился, узрев королеву. Они испуганно замерли и уже через пару секунд шарахнулись волной назад. В очередной раз я убедилась, что таракон прекрасно знали, на что способна королева ниясытей. Лирит воспользовался этим замешательством, засунув лапы в прореху, и лихо вытащил нас с Лахретом. Забава юркнула за нами. Происходило это крайне мобильно.

Прямо пред тем, как потерять из виду застывшую толпу ухунов, я узрела среди них стройный силуэт и, мне даже показалось, что она крикнула:

— Остановить их!!! Она не должна уйти!!!

Но таракон слишком боялись, продолжая тупо толкаться у входа в туннель и тарачить испуганные глаза на маленькую королеву ниясытей. Конечно, были и те, кто попытался дернуться в нашу сторону, но тут же отпрянул, когда рядом с Лиритом в воздухе возникла... взрослая королева! Шима громоподобно протрубила, вызвав толпы мурашек даже у меня на спине. Можно представить, что почувствовали таракон. Даже, если кто-то и хотел послушать свою хаягетту, то тут же передумал.

Верхом на Шиме восседала Рия. Она не двигалась, не стреляла никуда, а просто сидела болванчиком и смотрела пустыми глазами на движущихся по туннелю спасателей вниз. Чего нельзя было сказать о королеве. В каждом ее движении читалось беспокойство и негодование. Она охраняла наш отход до последнего.

Присев на одной из посадочных площадок бывших когда-то здесь беспилотников, Лирит дал возможность Лахрету запрыгнуть ему на спину и усадить меня перед собой. Натон Нарана сделал то же самое.

Я же не отрывала глаз с рябых небес. Они являли собой сосредоточение серебристых вспышек. Ниясыти продолжали то появляться, то исчезать, вводя в заблуждение таракон. Выстрелы в небеса чем дальше, тем больше становились редкими и бесприцельными. Лирит протрубил, объявив отступление, и участники сражения начали исчезать с небес над переполошенным островом. Нур поднял нас в воздух, поймав подпрыгнувшую малышку-королеву в сильные лапы, и мгновенно вошел через зияние в гиперпространство. А уже через десять секунд мы парили над атконнором Ира.

Как все стремительно завершилось! Мы воистину быстро убрались с острова, оставив таракон покалеченными и в полном замешательстве. А еще обозленными. Мы не знали, что будет дальше и как себя поведут враги. Просто нам некогда было оглядываться и думать. А мы растормошили осиное гнездо. Они придут. Они отомстят и будет страшно. Однако это потом, а сейчас миг триумфа! Сейчас спасена королева ниясытей! Спасена шиасу!

То, что предстало перед моим взором, ошеломило не меньше, чем бой, оставленный позади. Ясное небо Заруны над Иром потемнело от тел ниясытей. Шелест крыльев слившись в один большой шорох, похожий на шум листвы в ветреную погоду, будоражил слух. Неужели все они поднялись на борьбу за меня? Внутри все похолодело и завязалось в тугую узел. Протяжный клич, который издал Лирит, выйдя из зияния, сообщил всем об

удачном исходе миссии. А то, что потом случилось с воздухом, заставило застыть в жилах кровь. Каждая глотка каждой ниясыти, либо парившей в небе, либо восседавшей на своих насестах, ответила приветствием и радостью трубного зова. Ликование заполонило все пространство. Неужели, это приветствуют мое возвращение? Моя скромность вызвала в душе моей дикое возмущение. Кто я такая, чтобы столько народу радовалось моему возвращению?! Рассудок пытался здраво объяснить, что я не простая ириданка, я — кашиасу, наездница будущей королевы-матери. Но в итоге победила скромность. Я вжалась в сидящего сзади Лахрета и плотно зажмурилась. Он ответил крепким сжатием ладони на моем плече.

Лирит приземлился на балконе моей комнаты, за ним сразу села взволнованная Забава. Она с нетерпением пританцовывала на холодном полу и напряженно косилась на меня, нетерпеливо поторапливая завершить процесс лечения и единения с нею. Она нервно жаловалась, что почти не слышит меня, и это ее сильно расстраивает, даже до смерти. Лахрет осторожно опустил меня на ноги и стал рядом, заглянув в лицо.

— Ты как?

— Стою, — единственное, что я нашлась ответить.

— Тебе сейчас что надо, так это лечь и поспать. Забава излечит тебя. Я решу остальные вопросы, — повел он меня в комнату, где помог переодеться и уложил в постель.

Забава раздраженно попыталась оттолкнуть мужчину и уже укладывалась рядом, недовольно ворча, что я ее, а Лахрет пока может идти. Легко скользнув губами по моей щеке, он склонился ближе, и я услышала возле самого уха едва слышное «Люблю...» Я благодарно сжала его большие теплые ладони — это единственное, на что мне хватило сил. Они стремительно покидали мое изнуренное неизвестным лекарством тело.

Хорошо, хоть Мэнона не вколол последнюю дозу. Не представляю, что бы было тогда со мною. Уходя, Лахрет обещал выкрутить ситуацию и сообщить всем о моем благополучным возвращении. Я проследила за ним, пока он не исчез за перилами балкона верхом на своем могучем Лирите.

Забава пристроилась рядом и блажено вытянулась во весь рост, свесив хвост с кровати. Подросла моя девочка за то время, пока меня не было рядом. Как же я за нею соскучилась! Я положила ладонь на надбровье и начала нежно ее гладить. Это успокаивало и согревало сердце. Как же долго я ждала этого чарующего, волшебного момента уединения с моей малышкой. Она преданно смотрела своим большущими глазищами, и я тонула в этих океанах. Казалось, что нет больше во всем мире создания более преданного и любящего, чем она. Я думала, как здорово иметь рядом такого друга, когда тебя окружают люди, о существовании которых ты только догадываешься. Эти люди ценят тебя лишь за то, что ты — их правительница. Все. Среди этого множества ты чувствуешь себя одинокой. Нет, конечно, сегодня ириданцы заверили меня в своей преданности и любви, но это не такая любовь, она основана больше на понимании о взаимосвязи, о зависимости от меня Забавы. А вот та нежная, теплая привязанность моей королевы согревала мое сердце так, как никакая слава и признательность. Даже если бы я не была кашиасу, я все равно была бы счастлива рядом с нею. Мне не нужна была эта слава и признание. Мне нужна была лишь ее любовь...

А потом я быстро заснула, погрузившись в целительное небытие сна.

*** **

Проснувшись я от жуткого, просто до умопомрачения, голода и нестерпимой боли в животе. Объяснить себе ее я не могла. Прислушалась к своим собственным ощущениям и

поняла, что у меня все хорошо, даже отлично. Боль исходила извне. Открыла глаза и оглянулась. Забавы рядом нет. Где она может быть? Позвала. Та не ответила, зато со стороны балкона я услышала низкий стон протеста. Что случилось? Быстро вскочила с кровати и выбежала на балкон. То, что я увидела там, сильно удивило меня. Там, распахнув во всю длину и ширину крылья, стоял на краю Лирит и грозно изогнул шею, запрещая Забаве прыгнуть с балкона. Я потрясенно уставилась на свою малышку. Внутри сжалось все от боли. Что-то было не так, но что, я никак спросонья не могла понять. Забава прижималась к полу и, задрав голову, недовольно шипела на нура.

— Забава! — позвала я малышку.

Та резко оглянулась и замерла, словно не слышала, как я подошла, что снова поразило меня — ведь она всегда знала о том, где я и что делаю. Увидев меня, она приподнялась и успокоилась.

— Я хочу есть, — сообщила она. — А он не дает, — Забава бросила на Лирита обиженный взгляд.

— Она уже съела две дневных нормы, — возразил Лирит. — Ей нельзя больше, иначе она пострадает! — его голос был крайне встревожен.

Я подошла к Забаве и заглянула в ее глаза. Что с ней такое? Медленно мозг сообщил о том, что я сразу не заметила. Во-первых, боль, которая пробудила меня, была не моей, а Забавы. У нее сильно болел живот. Во-вторых, голод тоже был ее. Дикий, нестерпимый, изматывающий голод. В-третьих, запах. Моя Забава перестала пахнуть, как обычно. Вообще отсутствовал какой-либо запах. Именно это и насторожило меня больше всего. Она плохо слышала меня и слабо реагировала. Я попробовала ее на ощупь. Тело ее горело. Дыхание сбивалось, мысли ее видела нечетко и спутано. Страх сжал мое сердце. С Забавой что-то случилось. Но что? Лирит подтвердил мои подозрения и сказал, что сообщил об этом Лахрету. Он уже идет. Я обняла свою малышку за шею и начала успокаивающе гладить по горячей коже, нашептывая теплые и ласковые слова.

Через несколько минут примчался Лахрет. Я рассказала ему, что происходит с Забавой. Он осмотрел ее, ощупал. Нахмурился. Сильно нахмурился. Это плохо. Я испуганно прижала ладони к груди:

— Что с нею, Лахрет? Ведь это не нормально!

— Да, не нормально. Я не могу сказать наверняка. Нужно сделать резонансную томографию, — я видела, как росла с каждой секундой его обеспокоенность.

— Где ее можно сделать, Рет? Это просто безумие какое-то. Я умираю от голода! То есть Забава умирает, хотя она уже поела! По словам Лирита, проглотила двойную порцию и ни в одном глазу!

Он повернулся ко мне и заглянул в глаза.

— Боюсь, это серьезно.

Мое сердце ухнуло в живот.

— Что делать?!

Лахрет велел одеться. В Небесном Ире есть специальная лаборатория при атконноре по изучению ниясытей. Я быстро переоделась и выбежала на балкон. Забава уже не требовала еды, а просто лежала на полу, свернувшись по-сиротски в клубочек, и тоскливо смотрела в небо, обеспокоено хлопая хвостом о пол. Лахрет усадил меня на спину Лирита, сел позади и велел другу взлетать, попросив, чтобы я позвала за нами Забаву. Та послушалась не сразу, двигаясь очень тяжело. Лирит подхватил ее в воздухе и отправился через зияние в Небесный

Ир.

Возникли мы над одиночным огромным зданием на парящей глыбе в туманной дымке облаков. Кроме него на этом летающем камне ютились только маленькие жилые домики работников атконнора. Здание походило на перевернутую четырехугольную чашу с треугольными гранями и зеркальной поверхностью. Лирит легко опустился на настэ и помог мне слезть с его плеч. Лахрет отпустил своего друга и повел нас с Забавой через отворившуюся грань атконнора внутрь. Мы вошли в освещенный со всех сторон коридор, который упирался в дверцы лифта. Именно на нем мы отправились в нужную нам комнату.

Там нас уже ждали. Забаву завели в комнату со специальным оборудованием. Она выказывала сильную обеспокоенность, постоянно оглядываясь по сторонам и боязливо дергая хвостом. Мне приходилось постоянно ее успокаивать и заверять, что это нужно для ее здоровья. Она слушалась, но постоянно опасливо оглядывалась на врачей в розовых халатах. Уложив на стол аппарата, ее привязали за лапы и вкололи снотворное, взяв кровь на анализы. Дождавшись, когда она заснет, я вышла в соседнюю смотровую комнату, где находились дисплеи с выведенными на мониторы данными сканирования. Слой за слоем в трехмерном изображении выводились данные телеметрии о состоянии организма маленькой королевы. Я села у стены на мягкое кресло и смотрела со стороны, как целая группа специалистов-биологов занималась анализом состояния больной. Лахрет стоял рядом, скрестив руки на груди, и следил мрачным взглядом за экранами. Доктора перешептывались между собой, делясь предположениями. Процедура длилась долго, так что я вздремнула, склонившись над подносом с полупустыми тарелками, который принесли специально для меня.

Пропищали датчики, сообщив, что пришли результаты анализов крови Забавы. Их сразу вывел на основной экран Лахрет и с досадой застонал. Я тут же вскочила на ноги и подпрыгнула к нему, схватившись за его локоть:

— Что?! Что там?

Ответил ведущий специалист по имени Рогордар Лошгер:

— В крови обнаружены остатки чужеродного вещества неизвестного происхождения. Вам знакомо, господин Ноа, это вещество?

— Нет, — он задумчиво почесал подбородок. — Впервые вижу.

— Господин Рогордар! — встревожено воскликнул один из ассистентов.

— Что? — хором спросили я, Лахрет и ведущий специалист.

— Обратите внимание на область яйцеклада. Она увеличена в несколько раз.

— Да-да, — согласился господин Лошгер. — Весьма странно.

— Может, это вследствие влияния того неизвестного вещества? — предположил другой ассистент.

— Вполне вероятно, — протянул тот и приблизился к монитору. — Лахрет, погляди на этот отросток яйцеклада. Не наводит не на какие мысли?

— Этого не может быть! — воскликнул мой муж.

— Что? Что? Чего не может быть?! — я не отпускала руки Лахрета.

Лахрет ответил не сразу, и тон его звучал весьма обеспокоенно:

— Ланочка, понимаешь ли... — он замялся.

Продолжил господин Рогордар:

— Скажите, Забава перестала источать аро?

— Да. Что это значит?

— Это очень плохо, — протянул тот обеспокоенно. — Видите ли, такой процесс проходит в организме королевы перед ее... э-э-э... брачным полетом. Проблема в том, что яйцеклад Забавы аномально увеличен для ее возраста. Ее организм еще не развился, чтобы производить потомство. Это может привести к необратим последствиям, вплоть до летального исхода.

Последняя фраза ударила как молотом. Я отшатнулась от них и схватилась за голову. Глаза застелил туман, ноги подкосились, и сила притяжения потянула вниз. Лахрет успел подхватить меня и усадить в кресло. Принесли что-то вроде напатыря и дали понюхать, приведя в чувство.

— Что теперь будет, Рет? — спросила я, немного придя в себя.

— Нельзя сказать наверняка, — он удрученно покачал головой.

А в голове мелькнула мысль, которую он не успел замаскировать у себя в голове, что ее можно потерять... Слезы потоком хлынули с глаз, извиваясь кривым ручьем по щекам. Мысль о том, что я могу потерять Забаву, теперь, когда снова ее обрела после длительной разлуки, парализовало все мое естество. Я не смогу жить без нее!

— Лана! Ланочка! — Лахрет догадался, что я услышала его последнюю мысль. — Это не диагноз. У нас есть время найти выход.

— Да-да! Нам нужно только определить это вещество и понять, каким образом оно влияет на организм Забавы. Потом найдем антидот, — поспешил успокоить господин Рогордар.

— Скажите, — медленно проговорила я, подняв взгляд на сидящего на корточках передо мной Лахрета и стоявшего за ним Рогордара, — а как это вещество могло попасть в ее кровь?

— Я могу лишь догадываться, — поспешил ответить Рогордар.

— А могла она получить это вещество от меня через обмен веществ во время сна?

— Вполне может быть, — доктор поднял ладонь ко рту, уперши локоть о вторую руку, прижатую к груди.

— Дезуризакум-семь... — протянула я, глядя стеклянными глазами ровно перед собой.

— Что-что? — переспросили Рогордар и Лахрет хором.

— Мне перед тем, как вы спасли меня, Рет, вкололи две дозы какого-то вещества, который гадак назвал ДЗР-7, - совсем тихо ответила я.

Лахрет уставился на меня невидящими глазами. О чем он в этот момент думал, я не спрашивала себя, а лишь печально перебирала подол своей тунки. Пыталась сосредоточиться и думать о том, как спасти свою малышку, а не о том, как надо мной издевались в «уютной» таракской лаборатории. Могла ли я что-то понимать? На это есть такие умные люди, как господин Рогордар. Через минуту раздумий и паузы, Лахрет поднялся на ноги и подошел к двери. Я вскочила за ним, схватив его за руку и догадавшись, что он решил сделать.

— Я пойду с тобой. Мэнона с тобой не будет разговаривать. А меня выслушает, — я знала, что он идет выбивать информацию из плененного гадака.

Где он находился, Лахрет знал, и знал, что будет спрашивать, когда увидит его. Он вывернул руку и отодвинул меня в сторону кресла.

— Нет. Я не позволю, — лицо его было каменным. — Ты останешься здесь. И не смей спорить.

— Я не собираюсь спорить, а просто пойду, — я упрямо шагнула к двери.

— Нет! — он сильно одернул меня и усадил в кресло. — Там опасно и я не собираюсь возиться с тобой.

— Возиться?! — возмущение на время осадило мои страхи о Забаве. — Значит, ты со мною возишься?! Не знала!

— Не перекручивай! — он глядел строго и тон его не терпел пререканий. — Я сказал, что ты останешься здесь, и это не обсуждается.

Краем глаза я заметила, как вытянулись лица ассистентов, наблюдавших за нашей «милой» беседой. Но отступать я не собиралась. Я, молча, вырвала руку из его руки, обошла и попыталась открыть дверь. Обида душила за горло, сжавшись в ком. Лахрет, недолго думая, снова поймал меня за локоть, и с силой опять усадил на кресло. Я аж хекнула от неожиданности, вскинув на него ошарашенный взгляд. Я никак от него не ожидала такой резкости. От этого онемела и пораженно раскрыла рот. Он предупреждающе поднял руку и отрезал:

— И куда ты собралась? Ты знаешь, где он находится?! Ты остаешься и точка. Я оставляю охрану у входа, и они проследят, чтобы ты не искала возможность найти путь к этому тараку, — и с этими словами он спешно покинул кабинет мониторинга.

Доктора сделали вид, что ничего не видели, усердно что-то нажимая на своих интерфейсах и разглядывая мониторы. Томограф продолжал передавать объемные картинки о состоянии моей Забавы. Я же сидела ошалелой статуей на кресле. Что происходит?! Лахрета как подменили. Я никак не могла ожидать, что такой нежный и чуткий человек может так со мной разговаривать и быть таким жестким. Я не хотела терпеть такого отношения. Обида сдавила холодной жабой грудь. Стало трудно дышать. Прийти в себя смогла только через час. В общем, последняя фраза Лахрета и страх о жизни Забавы смешались в голове и сердце термоядерным винегретом.

По прошествии часа я поднялась с кресла и, молча, подошла к двери. Толкнула и та неслышно распахнулась. У прохода действительно стояло двое увальней в черной обтягивающей форме когорты телохранителей. Они шагнули в мою сторону, предупреждающе вскинув руки.

— Я хочу к Забаве. Мне можно? — ядовито произнесла я.

Они кивнули и пропустили. Забава лежала неподвижно на невысоком столе томографа, где оставила ее несколько часов назад. Процесс сканирования уже закончился, и теперь шла обработка данных. Я села рядом и принялась нежно гладить ее по горячей шее. Под ладонью я чувствовала, как по венам пульсирует кровь. Мне так сильно хотелось ей чем-то помочь, избавить ее от боли и страдания. Но что я могу сделать? Слезы вновь непослушно побежали из глаз. Жалость к любимому существу не давала ровно дышать, вызвала всхлипы и сильный протест. Страх давил в голову и парализовывал. В голове все перепуталось. Забава лежала недвижимо с плотно закрытыми глазами. Когда я смотрела на нее, у меня родилась пугающая мысль, что она уже умирает... и вот тогда пришла истерика, начав сотрясать мое тело беззвучными рыданиями и накрыв с головой удушливой волной отчаяния.

Не знаю, сколько я вот так просидела. Минуты слились с часами. Веки отяжелели и я, положив голову на еще хрупкое плечо Забавы, заснула. Пробудили меня шаги кого-то, кто вошел в кабинет. По звуку узнала Лахрета. А я только успокоилась... Гнев сжал легкие и сковал горло железными путами. Как он посмел меня так прилюдно осечь и выстроить, как маленькую девочку. Я не ребенок и не его каота, чтобы терпеть такое обращение в стиле «господин-служанка». Сделала вид, что не слышу, сплю. Слух сообщил мне, что он присел

рядом и замер. Кожей ощущала, что он сидит и смотрит на меня. Двинулся, поправил волосы на моем взмокшем от пота лбу. Обида с новой силой накатила на меня.

— Я знаю, ты уже не спишь. Открой глаза, — услышала я его спокойный голос.

Теперь он говорил мягко и примирительно. Совесть заела? Я подняла веки и вскинула на мужа сердитый взгляд. Он и вправду сидел рядом на корточках и пристально рассматривал мое лицо. Я выровняла брови в линию и раздула ноздри.

— Что тебе?! — голос мой источал не холод, а прямо-таки дикий мороз.

Он вздрогнул от моего тона.

— Поговорить надо. Выделишь мне время?

— Не хочу. Уходи, — я отвернулась, еще сильнее прижавшись ко все еще спящей Забаве.

Он глубоко вздохнул.

— Обижаешься на меня?

— А ты как думал?! Ты, что это, считаешь, если так себя со мной ведешь, а потом у тебя поменялось настроение, я буду лишь радоваться? Причем прилюдно меня отчитать, как маленькую девочку!

— Прости меня... Я не имел права так с тобой говорить.

По его виду же можно было сказать обратное. Он считал, что поступил правильно. На этот раз я отодвинулась от Забавы, выправив спину так, чтобы смотреть ему прямо в глаза. Он пришел сюда один, спустя несколько часов после того, как пошел к Мэноне. О чем он с ним говорил? Как говорил? Отвечал ли ему гадак? Не ясно. Я решила бороться до конца. Лахрет был не прост и оказался весьма принципиальным. Даже по отношению ко мне. Но и я не пластилин!

— «Прости меня»! — передразнила я его. — Думаешь, скажешь «прости меня» и я все забуду?!

— Нет. Но я должен тебе это сказать. Я не хотел так жестко тебя осекать. Но ты не оставила мне выбора.

— Нагрубил, а теперь оправдываешься!

— Прости, — он ласково поправил выбившийся из моей кудрявой шевелюры непокорный локон, от чего я неприязненно дернулась. — Я позволил себе лишнего.

Я смотрела на него из-под лба. Сначала проигнорировал мое желание, так жестко поставил на место, а теперь кается. Я отодвинулась от него и отвела взгляд.

— Может, я смогу тебя понять. Потом. А сейчас прошу тебя, больше так со мной не говори. И еще. Я хочу поговорить с таракон, — я снова посмотрела в лицо Лахрету, желая узнать его реакцию.

Он не повел и бровью. Он знал, что я буду настаивать на своем. Ну, и пусть. Что с того, что мой муж уже стал меня хорошо понимать и предсказывать?

— Хорошо, — согласился он. — Я думаю, что, может, он и заговорит.

Я скосила на него подозрительный взгляд.

— Значит, Мэнона молчит?

— Мэнона? Так его зовут? Откуда ты знаешь это? Послушай, Лана, ты никогда не допрашивала таракон, и не знаешь, как они себя ведут. Таракон лучше умрет, но ничего не скажет. И они умеют то, что тебе и не снилось. Это слишком опасно, а я не могу потерять тебя снова. Я не знаю, почему ты так хватаешься за него.

— А ты не подумал, что я уже в курсе? Я пробыла в плену у них больше недели и как-то выжила! Может, мне известно, как защитить себя! А этого таракон я знаю, чтобы желать с

ним поговорить? И почему ты решил, что я за него хватаюсь?

— Я видел в твоих мыслях, что он что-то знает и может помочь еще там, у них, на острове. Я поверил и решил его взять в плен, чего я принципиально не делаю. Я убиваю тараков, не церемонясь и не моргнув глазом. Считаю напрасной тратой сил и времени возню с пленными. Уже слишком много я повидал их и могу с уверенностью сказать, что общение с ними — не забава. Ты не представляешь себе, что они пытались проделать, и чего мне стоило сохранить ум здоровым, — затем Лахрет сделал небольшую паузу, немного задумавшись. — Правда, я таких тараков, как наш «гость», видел лишь издалека. Они никогда не воюют. Кто он?

— Разве ты не знаешь?

— Нет. Они слабые воины. Быстро умирают. Легко умирают. Ты узнала, кто это? Об их укладе жизни мы до сих пор мало, что знаем. Как ты уже догадалась, те немногие пленные, что вернулись оттуда, немного «особенные» и, проходя лечение, обычно ничего не помнят. Мы уже давно засылаем к ним разведчиков, но только лишь снаружи. Внутренний уклад мы так и не рассмотрели.

— За сколько лет?

— Да, за столько лет.

Я смерила Лахрета недоверчивым взглядом, но поверила.

— Это гадаки, — объяснила я через минутную паузу. — Или по-нашему — ученые. Они не умеют воевать. Их держат, чтобы они чистили гены таракского потомства. Они особенные. Именно гадаки создают оружие и разрушают нашу защиту. Их презирают и ценят одновременно, — я глубоко вздохнула, ощущая, как немного отпускает паника и приходит трезвость мысли. — Он, можно сказать, милый.

— Тарак и милый? Интересно ты шутишь.

Я возмущенно надула губы.

— Ладно-ладно, — среагировал он на мой перепад настроения. — Хорошо, мы пойдем на допрос завтра. А теперь тебе надо поспать. Мне сообщили, что ты провела здесь шесть часов, не двигаясь. Да еще ничего и не ела! Вставай. Забаве дали сильнейшее снотворное, и она проспит еще до утра. Идем, — Лахрет поднял меня на ноги.

Я уже не сопротивлялась. Тем более Лахрет в какой-то мере по-своему был прав. Спорить сейчас у меня не было ни сил, ни желания. В голове царил туман и рассеянность. И я действительно хотела кушать. Он взял меня за руку и повел как малое дитя. Однако мне еще не забылась его жесткая выходка и его «прости» дело не исправили, а лишь насторожили. Я шла за ним, слегка отставая и угрюмо рассматривая его затылок. В памяти всплыли последние слова Мары, когда я видела ее в последний раз. О том, что эмпаты любят манипулировать людьми. Снова всплыли сомнения о его чувствах. Когда же я, наконец, пойму его? Что он скрывает? О каких секретах тогда упоминала Мара? Он хорошо изучил меня и пользовался этим.

В комнате отдыха, которую нам выделили для сна, во время ужина Лахрет молчал, задумчиво рассматривая мое лицо. Странно как-то. Казалось, что мы столько времени провели врознь, и надо бы о чем-то говорить, но вместо этого молчали. Я снова возвращалась к подозрениям, рожденным во мне словами бывшей шиасу. Еще когда я была там, в плену, я мечтала о том, что именно спрошу у Лахрета при встрече, а теперь, молчу и жую остывший суп на ужин. И он молчит, рассматривая мое лицо, как дивную картину известного художника, и кажется, все никак не может наглядеться. Это смущало. Будь

проклята Мара за те ядовитые слова, что кинула мне перед тем, как я покинула Забаву. Они преследовали меня даже сейчас.

Однако среди всех этих проклятых подозрений в сердце жило удивительное чувство. Я хотела верить, что все это я себе надумала и сегодняшний инцидент, его жесткость на самом деле — следствие страха потерять меня снова. Я иногда останавливалась и поднимала на него глаза. Наши взгляды встречались, и я видела, как он тепло и счастливо улыбается. Это нельзя подделать. Нельзя подделать нежную улыбку глаз, теплое их свечение и искреннюю обеспокоенность. Он действительно боялся и переживал именно за меня. Только не говорил это вслух. Будто боялся еще чего-то. Может, боялся показаться слабым? Или проявить чувства, полностью открыться? Возможно, на его характере сказались годы управления непростым органом власти Иридании. Быть Главой Службы Безопасности, управлять талантливыми людьми, направлять, заставлять, наказывать, убеждать — нелегкий труд, натирающий мозоли на сердце. Годы прошли в подобных тренировках. И среди этих жестких лет рядом не было той, к кому надо было проявлять терпение, чуткость и нежность. Лишь Лирит. Но ведь это совсем другое. Он не привык, и это делало его жестким. Но он мог чувствовать и быть открытым. Тем более, я не знала, как прошла эта неделя нашей разлуки, как он провел ее и как искал. Что ему пришлось пережить? В конце ужина, я пришла к выводу, что он, именно в силу своей должности и внутренних страхов, проявил такую суровость по отношению ко мне в кабинете. Решила простить. Может, он действительно думал, что я могу пострадать, и просто хотел защитить меня, посчитав мое упрямство лишь дурной чертой шумного характера или следствиями стресса. С этой мыслью я отодвинула пустую тарелку и произнесла:

— Рет?

— Что? — он не сводил с меня глаз.

— Ты разговаривал с врачами? Что с Забавой?

— У нее сильно увеличен яйцеклад, как у взрослой королевы. Это очень плохо. Ей нет и пол года. Это неестественный процесс. Его вызвало именно то вещество, которое было в ее крови. Мы не знаем его, — он на мгновение замолчал, смерив меня легким прищуром. — Лана, расскажи, что с тобой делали? Знаешь, для чего они это делали? Я думаю, ты права. Это вещество попало в кровь Забаве, когда она тебя лечила через аро.

— Им нужны были мои яйцеклетки, чтобы использовать их в своей... чистке генов. Мэнона вколол мне это ДЗР с целью стимулирования их выделения, чтобы ускорить процесс и получить как можно больше, как он говорил, «плодовых клеток». Ему еще что-то не понравилось в анализе моей крови, и он вколол больше, чем обычно. Говорил, что это его личное произведение и гордился им.

— Тарак с тобой разговаривал?!!

— Да. И причем очень мило. Ему нравится разговаривать с «рабами», — перекинула я акцент гадака. — Он мне оочень много чего рассказал, пока ждал действия этого ДЗР-7. Я заметила, что он очень сильно отличается от остальных тараков. Человечный что ли? — высоко поднятые брови Лахрета говорили о его искреннем удивлении. — Именно поэтому я считаю, что он будет со мной разговаривать. Я думаю, он знает, как сделать этот самый антидот. Надо лишь вызвать в нем доверие и, может быть, даже пойти на некоторые компромиссы. На кону жизнь Забавы.

— Я понимаю тебя, — кивнул муж и коснулся моей руки, мирно покоившейся на столе. — Прощу, и ты меня пойми.

— Ты о чем?

— О сегодняшнем инциденте. Я не хотел обидеть тебя. Это мне дорогого стоит. Пожалуйста, поверь мне.

— С чего ты взял, что я тебе не верю?

— Я это чувствую. Ты до сих пор сердишься на меня.

Я скептически вздернула бровь и махнула рукой:

— Ты меня пугаешь, Лахрет...

— Скажи, как ты отреагировала на те слова Мары, что сказала она в тот день, когда боролись королевы? Что ты подумала? Ты поверила ей?

Он помнит. Он думал об этом. Он боялся моей негативной реакции. Он боялся, что я поверю. Я выпрямила спину и наклонила голову:

— Я задумалась...

— Ты поверила?

— Я задумалась, — повторила я и встала из-за стола.

Сейчас, испытывая огромную усталость от беспокойства о моей малышке, я меньше всего хотела выяснять этот щекотливый вопрос. Поэтому повернулась к нему спиной и шагнула к импровизированной постели, желая только одного — спать. Мне это не удалось. Сильные руки обхватили меня за талию и прижали к широкой груди. Горячие губы коснулись обнаженной шеи и страстно прошептали:

— Как же долго я тебя искал... дни казались вечностью... любимая... Ты не представляешь, каково это быть вдалеке от тебя, не иметь возможности поговорить с тобой, обнять тебя, поцеловать, — он нежно развернул меня к себе лицом и принялся осыпать поцелуями лоб, нос, щеки, будто, наконец, разрешил себе позволить слабость, и замер возле губ.

Голова закружилась от его прикосновений и все сомнения с грохотом полетели в пропасть. Его нос коснулся моего носа, словно спрашивал разрешения поцеловать в губы.

— Можно?

Я сама приблизилась к нему, с пылкой отзывчивостью прижавшись всем телом к тому, кого так сильно любило мое сердце. Пускай горят синим пламенем все гнилые сомнения!

— Я люблю тебя... — был мой ответ...

*** **

Спала я как младенец, словно вкололи мощное снотворное. Поэтому громкий стук в двери не сразу разбудил меня. Пытаясь открыть тяжелые веки, я приподнялась на локтях. Стук настойчиво продолжал беспокоить мой слух. Вот, наконец, одно веко послушно распахнулось. Затем второе. Зрение передало картинку профиля спящего Лахрета. Он не шевелил и ухом. Какой крепкий сон! Как же он давно спал, раз не слышит такого шума?

— Госпожа Лана! Госпожа Лана! — доносилось снаружи между грохотом в дверь.

— Кто там? — сонно прохрипела я.

— Госпожа Лана! Там Забава! Она сходит с ума. Скорее! Нам необходима ваша помощь.

Я мгновенно проснулась. Сходит с ума?! Как такое возможно?! Моя кроха Забава сходит с ума?! Со скоростью звука я натянула на себя одежду, сообщив стучащему, что уже бегу, и растолкав спящего мужа.

В кабинете, где я оставила вчера вечером «спящую красавицу», стоял гул и грохот. Возле двери собралась толпа в розовых халатах и заглядывала через смотровое окошко, чтобы не пропустить происходящего. Когда я очутилась рядом, передо мною сразу

образовался живой коридор. Зайти туда никто не рисковал. Прямо на входе переливалось всеми цветами радуги генерируемое Забавой биополе. Я посмотрела сквозь него на то, что происходило внутри кабинета. Дорогущее оборудование было разбито в хлам. А моя Забава стояла, как вздыбленная кошка, с изогнутой спиной, взбешенно оглядываясь по сторонам, и истошно стонала.

— Забава!!! — завопила я.

Она не слышала меня. Я повторила ее имя раз пять прежде, чем она обернулась. Узнала. Я потянула на себя створку двери и положила ладонь на пульсирующую оболочку поля. Поле словно растворилось передо мною, впустив вовнутрь. Я медленно, не делая резких движений, подошла к малышке. Она не шевелилась, пристально глядя мне в глаза обиженным взглядом. Прикосновение. Теплые слова. Нежное поглаживание. И вот девочка умиротворенно легла на пол и спокойно засопела, будто ничего и не произошло. В кабинет, не спеша, зашли лаборанты, держа в руках инъекторы. В глазах их читался страх. Причину их страха я поняла, когда увидела тело молодого человека, лежащего в неестественно позе и глядящего полными боли глазами в потолок.

После того, как Забава пришла в нормальное состояние, к нему быстро подбежал персонал атконнора и унес на носилках. Оказалось, что он должен был вколоть Забаве какое-то лекарство, чтобы затормозить процесс роста ее яйцеклада, когда она неожиданно проснулась. Он неосторожно решил это проверить без моего присутствия, и был за это неминуемо наказан. Реакция ее была молниеносной. Мощным телекеническим полем она оттолкнула его от себя и принялась гневно крошить все вокруг. Молодой человек остался жив, но сломался в нескольких хрупких местах. Забава следила за медперсоналом с угрозой. Пришлось ей убедительно втолковать, что они хотят помочь. На этот раз она подпустила.

Я ощущала, что в ней что-то изменилось. Она так плохо слышала меня, так тяжело отзывалась на мои просьбы. От этого внутри все сжималось в тугую болезненный комок и нестерпимо болело сердце. Я ласково гладила ее по шее, успокаивающе шептала о том, как сильно люблю. Ей опять вкололи какое-то успокоительное, объяснив, что в таком состоянии ей лучше спать, так как болезнь развивается с огромной скоростью. Счет шел на часы. И если ничего не предпринять, то начнутся спазмы, и она умрет от болевого шока.

Лахрет буквально вытащил меня из растрощенного кабинета в полном трансе, когда Забава опять крепко заснула. В его объятиях я смогла выплакаться. Я рыдала так сильно, что казалось, весь атконнор слышал мои терзания. Стоило мне только подумать о том, что может случиться с Забавой, как тут же всю выгибало. Он взял меня на руки и колыхал, как малое дитя, и гладил по голове, нежно шепча обнадеживающие слова.

— Ланочка, ты должна быть сильной ради Забавы. Она сейчас нуждается в тебе как никогда.

— Лахрет, я не могу так! Только подумаю о том, что в ее болезни виновата я, как тут же внутри все сводит от дикого отчаяния! Я... я...

— Ну-ну-ну... не надо... не плачь, — нежно проведя теплой рукой по щеке и упершись лбом о мой висок, прошептал муж. — Ты ни в чем не виновата. Разве ты хотела все это? Нет.

— Но что нам делать?!

— Сейчас ты должна покушать и мы летим в Лэндор.

— Куда?

— В Лэндор. Это небольшой городок, где есть специализированная тюрьма для особых заключенных. Там находится твой гадак... как ты его называла? Мэнона? Попробуешь с

ним поговорить. Может, получится с ним договориться?

— Ты же не веришь, что с тараками можно разговаривать! — я отпрянула от него, с подозрением заглянув в его спокойные глаза.

— Я верю тебе. Если ты говоришь, что с ним можно договориться, значит, надо попробовать.

Через час, мы уже летели в Лэндор...

Часть 9. Конец ли это?..

Приглушенный свет люминесцентных светильников мягко падал на гладкую белую кожу Забавы. В этом свете она казалась еще бледнее. Я ласково гладила ее длинную гибкую шею и задумчиво смотрела в полуприкрытые глаза. Плакать не хотелось. Наплакалась до смерти. Достаточно. Осталась только боль, сожаление и обреченная пустота. Мысли устало блуждали по событиям последней недели, пытаюсь найти хоть маленький просвет в этой сплошной каше боли и отчаяния.

Думала о многом, стараясь сопоставить в одну логичную историю события последних дней. Именно в такие тихие минуты покоя, когда Забава отдыхала от всевозможных процедур и манипуляций, получалось собраться и понять. Иначе можно сойти с ума.

С того момента, как мы с Забавой переступили порог специализированного атконнора Небесного Ира, прошла неделя. Но мне казалось, что минула целая вечность. Ее приступы продолжались, и ей становилось все хуже и хуже. Правда, после того, как в коллектив врачей «влился» еще один важный специалист, дело резко изменилось в обратную сторону, и появилась надежда. Конечно, многим не понравилась идея работы с людьми самого злейшего врага человечества Иридании, тарака. Но никто не смел спорить с лортом и кашасу. Тем более, Высший Совет постановил, что в лечении Старшей Королевы полное право и участие имеет ее наездница и все ее распоряжения должны выполняться беспрекословно. Поэтому несогласных удаляли из атконнора за считанные часы. Те, кто остался, держались в стороне от загадочного и неоднозначного гадака. Никто никак не мог сопоставить поведение тарака с тем, чему их учили с самого детства. Тот тарак, которого они видели, был совершенно другой, не такой, как в книгах и документальных съемках. Он раболепствовал передо мной, называя хаягеттой, и слушался безропотно и возражений. Во всем проявлял максимум сотрудничества и понимания. Именно он определил причину ее болезни и принялся за создание антидота, так как он прекрасно понимал принцип действия этого вируса. Да, именно вируса. ДЗР-7 был собственно вирусом, который он сам и создал.

Оказывается, еще в лаборатории замка Акнор, Мэнона ввел мне генетически измененный вирус, который сотни лет назад чуть не погубил человечество, сделав женщин такими «бесчувственными». Разница заключалась в том, что тот древний вирус лишал женщин желаний и потребности в размножении, а этот наоборот, стимулировал. Когда Забава принялась меня лечить еще в замке, этот вирус сразу же попал к ней в кровоток. Ее детская иммунная система не смогла с ним справиться, и он начал поражать весь организм, занявшись прямым своим предназначением. И главным объектом его атаки стали ее детородные органы.

Определив причину и область поражения, Мэнона быстро создал антидот и установил курс лечения. Сразу же после первых инъекций Забаве полегчало, и она пошла на поправку. Приступы стали случаться реже и слабеть. Моя королева была спасена. Но... но остались осложнения после вируса. Необратимые последствия. И это определяло ее дальнейшую жизнь совершенно в ином ключе.

Вчера, после тщательно перепроверенных трижды анализов и данных сканирования и томографии, врач вынес жестокий вердикт: Забава стала бесплодна. По его словам,

подтвержденным данными многократных сканирований, она не сможет дать потомство, так как ее яйцеклад атрофирован вследствие действия антидота. Мэнона предупреждал об этом, оставив несколько процентов вероятности, что может и минует эта беда. У меня был выбор: или смерть Забавы, или ее бесплодие. Решение было очевидным. И, как теперь стало ясно, беда нас не миновала. Весть о том, что молодая королева лишилась возможности иметь детей, потрясла все население Ира и Иридании. Что дальше вытекало из этого, было вполне предсказуемо. Она, как и ее наездница, лишалась всех преимуществ и прав. Но это не имело для меня никакого значения. Главное, что она осталась жива, и будет жить дальше здоровой и счастливой. Ведь живут же как-то ниры и не страдают от этого.

На фоне тех страшных событий, где я сидела безвылазно в атконноре, в Ире случился государственный переворот. Состоялся внеплановый созыв Верховного Совета всей Иридании, где собрались все главные лорты всех городов и их шиасу. На нем вершился суд над Тиретом и Марой Ниясу. Их обвиняли в предательстве родины и тайном сговоре с врагами Иридании. О ходе слушания я узнавала от Лахрета, когда он, усталый, приходил ко мне в лечебный корпус. Он проводил со мной почти все свое свободное время, терпеливо выслушивая мои переживания о Забаве, и часто успокаивал, когда я лила горькие потоки слез. Бывало, он заставлял меня скорченной на кресле в момент горестной истерии о предполагаемом исходе моей малышки. Он брал меня на руки и качал, как маленького ребенка, нежно целуя мое лицо. Я успокаивалась, затихая у него на груди, и тогда он рассказывал. Я внимательно слушала.

Один раз я давала показания по видеосвязи. Я видела самодовольное лицо Тирета. Как он, гордо вздернув подбородок, надменно кривил губы, глядя на меня с экрана большого кома атконнора.

Лахрет говорил, что Тирет оправдывал себя тем, что действовал на благо всех людей Иридании и в первую очередь наездников ниясытей. Якобы, пойдя на «уступки» таракам, он открыл возможность расширить территорию жизненно необходимого рыбного промысла. Ведь именно океанская рыба являлась основным пропитанием ниясытей. Если бы он не пошел якобы на эти «уступки», то о рыбном промысле в океане можно было бы забыть. Тараки бы уничтожали любого, кто высунул бы нос за пределы защитного поля Иридании. Приходилось им «платить» за некоторую свободу. И наши крылатые друзья не знали беды с пропитанием. Лахрет с грустью заметил, что своими «кривыми» доводами Тирет вызвал у некоторых лортов симпатию и понимание.

В итоге, после долгих и тяжелых споров и разногласий, путем тайного голосования, Тирету и Маре был вынесен приговор: полное лишение всех прав и привилегий. Учитывая, что Мара является наездницей королевы детородного возраста и весьма перспективной королевы, ей сделали поблажку. На время гнездования Кары, ей разрешалось вернуться в Ир и принести народу Заруны еще одну надежду — молодых ниясытей. А так, они оба были сосланы вместе с приспешниками на пожизненное поселение в горнодобывающий городок, где будут поставлены на охрану работников рудников от герских змей.

Когда Лахрет рассказывал о приговоре Тирета и Мары, я ничего не чувствовала. Ни гнева, ни досады, ни обиды. Ничего. Они перестали для меня существовать. Я винила их в горе моей Забавы. В ее муках. А теперь... мне было все равно.

На этом внеочередном срочном созыве, на его завершении, обсуждалась еще одна проблема. Моя судьба. К тому времени, когда был вынесен приговор бывшим правителям Ира, уже был точно известен диагноз моей малышки. Согласно этому заключению, Забава не

могла уже называться королевой. Она не могла дать Заруне детей. Это автоматически делало ее нирой. Особенной нирой, но все-таки нирой. Врач говорил, что все ее способности останутся при ней, но вот бесплодие... Многие были потрясены до глубины души и выказывали мне и Лахрету глубочайшее соболезнование, но идти против законов не могли.

Нира. Теперь так будут называть мою Забаву. А я буду нирита. Я лишалась всех прав и полномочий кашиасу. А, следовательно, и всех привилегий. Конечно, я все же оставалась наездницей, и должна была проходить дальнейшее обучение, но уже по специальности нириты. На втором году обучения, я, как и все нириты, пройду специальный отбор и распределение, и буду учиться согласно этому по выбранному направлению.

Судьба Лахрета тоже была очевидна. Он лишился всех прав и привилегий лорта и возвращался на прежнюю должность ятгора и начальника Службы Безопасности. Да вот только отношение к нему все-таки поменялось кардинально. Если раньше на него часто смотрели как на чудака, то сейчас каждый испытывал к нему неподдельное уважение и нескрываемое почтение. Название должности Лахрета поменялось, а влияние осталось. Лорты его боялись и незримо чтили. Никто не смел возражать против его протестов и предложений. И, по-сути, приговор Тирета был подписан исключительно из уважения и страха перед личностью бывшего лорта. Стоило ему посмотреть в глаза лорта или шиасу, и они покорно делали то, что он говорил. Поэтому название чина Лахрета была лишь формальностью.

Неясным оставалось и поведение королев Ира. Мне об этом сообщила недавно Шима. Никто из них не смел называть Забаву нирой в своих сердцах. Она продолжала быть той самой маленькой королевой, что покорила их Старшую королеву Кару. Их не интересовало заключение доктора. Она оставалась для них Старшей Королевой, что очень удивляло и поражало всех наездников. Что-то для них оставалось не до конца ясным. И эта тема оставалась туманной и расплывчатой среди всех наездников.

Так кто же я теперь? Шиасу или нирита? Формально меня теперь учились называть ниритой. Но в глазах я видела почтение, как перед шиасу. Вот так и понимайте, как хотите. Я же решила, что думать об этом буду тогда, когда все утрясется с Забавой, и я вернусь в прежнее русло своей уже привычной жизни.

Этот день прошел монотонно и спокойней, чем предыдущие. Забава впервые за все дни заснула самостоятельно. Пережевывая события этих дней, не заметила, как дверь комнаты открылась и внутрь вошла целая делегация из особ в розовых халатах врачей. Во главе ее шагала гадак. Мэнона лично контролировал лечение своей единственной пациентки и делал это самозабвенно и фанатично. Докапывался до любой мелочи и придирался ко всему, что может ухудшить ее лечение.

Реакция людей на тарак была неоднозначна. Они не могли сопоставить никак образ мышления и поведения Мэноны с тем, что они знали об этой расе. Спустя уже день их сотрудничества с этой личностью они изменили мнение о нем. А уже в конце четвертого дня все заглядывали в рот гадаку, слушая все его теории о лечении, генных разработках и проектах некоторого медицинского оборудования.

Они пришли следить за тем, как Мэнона будет делать очередное вливание антидота и лекарственных препаратов через капельницу. Забава лишь слегка приподняла голову и равнодушно проследила за манипуляциями людей. Гадак держался в стороне, продолжая испытывать панический, почти животный страх перед королевой, хотя понимал, что она уже не причинит ему никакого вреда. Пока со мной никто ничего не делает, она ко всем

абсолютно равнодушна. А к капельницам и уколам она уже за эти дни свыклась и принимала эти манипуляции как само собой разумеющееся.

Мэнона присел на корточки возле двери, положив ладони на колени, и, как малое дитя, следил за действиями своих коллег. Я тоже внимательно следила за тем, как Забаве вводят иглу, подсоединяют трубочки и отпускают катетер. Капля за каплей потекла спасительная жидкость в жилы Забавы. Она глубоко вздохнула и положила голову на лапы. Я ласково улыбнулась ей и принялась гладить ее шелковистую кожу шеи. Не заметила, как гадак немного посунулся ближе и совсем тихо произнес:

— Мэнона хочет просить прощения...

Я резко обернулась, испугавшись неожиданной фразы.

— Ты уже просил, Мэнона, — кивнула я. — И я тебе уже говорила, что не буду тебя винить за то, что заставляли тебя делать.

— Но ты все равно грустишь...

— Это нормально, Мэнона. Я переживаю за Забаву, и буду грустить, пока она болеет.

— Она поправится! Ведь ее лечить Мэнона! — он ударил себя в грудь. — Все быть хорошо!

Я посмотрела в его уверенные глаза и кивнула:

— Я хочу в это верить.

— Тогда улыбайся! Мэнона любит, когда хаягетта улыбаться! — он оголил ряд жутких острых зубов, желая показать, как это делается.

— Мэнона, сколько раз тебе говорить, что я не хаягетта?! — тяжело выдохнула я.

— Я знаю, что ты не — хаягетта. Но я по-другому не могу. Я привык, что есть хаягетта. Я ей подчиняться. Поэтому ты для меня — хаягетта все равно. Мне так легче. Я считать, что ты победить мой хаягетта на нэроготе.

Вокруг его головы раскрылся кожаный ореол. Он как-то говорил, что тараканы его раскрывают, чтобы слышать чужие мысли или показать свои сильные эмоции. Что сейчас он испытывал, я могла лишь догадываться, а спрашивать не хотелось. На его аргументы лишь пожала плечами и повернулась вновь к Забаве. Та глядела на гадака слегка прикрытыми ленивыми глазами. Это был признак того, что ей становилось лучше.

— Я понимаю. Ладно, пусть будет по-твоему, — пожала я плечами.

В это время остальные уже закончили все нужные процедуры, и подошли к выходу. Мэнона тоже поднялся на ноги и на прощание произнес:

— Я рад, что Лана меня понимать. Я уходить. Тебе надо отдыхать. Забава отдыхать. Все быть хорошо.

В комнате остался только один дежурный на случай непредвиденного побочного действия лекарства. Потом он снимет капельницу и унесет ее. Я не обращала на него никакого внимания. Он старался же слиться со стеной, не желая меня беспокоить.

Мысли вновь потекли в сторону будущего. Мир Заруны теперь мне не казался вокруг сюрреалистичным и сказочным. В нем было много прорех. И очень серьезных прорех. Но Заруна стала моим домом, как бы ни называлась моя родная планета. Теперь я часть этого мира и должна принимать его таким, какой он есть.

После того, как лаборант забрал капельницу, а Забава заснула крепким сном выздоравливающего, я покинула комнату. Пройдя по узким коридорам, попала на балкон, опоясывающий все здание атконнора по центру. Поежившись от прохладного разреженного воздуха небесного Ира, обвела взглядом видимый горизонт. Слегка задержалась на белых

цилиндрообразных длинных вышках с небольшими купольными крышами и остроконечными пиками на макушках. Они, как недвижимые стражи, возвышались на четырех углах учреждения, внушая незримую уверенность в надежной защите. Вверху, под серой крышей вышек прятались мощные лазерные турельные установки, нацеленные на любую угрозу со всех сторон. Так что можно сказать, что этот атконнор считался одной из крепких цитаделей Небесного Ира. Здесь хранились самые страшные медицинские тайны Иридания.

Глубоко вздохнув в легкие бодрящего воздуха, я поглядела на небо. Там, вдалеке, оно сурово хмурилось, обещая разразиться сильным ливнем и грозой над Земным Иром. С той стороны дул восточный, насыщенный влагой, ветер. Здесь же, среди парящих глыб Небесного Ира, окутанного молочным туманом облаков, сверху пробивалось яркое светило Заруны, Раголар. Оторвав взгляд от серого горизонта, я посмотрела на прилежащие к атконнору земли. Удивительный ландшафт, пересеченный вдоль и поперек брусчатыми дорожками, красовался всевозможными формами кустов и деревьев. На небольшом участочке крупным пятном выделялся фигурный фонтан, похожий на силуэт одного гигантского морского чудища, из рта которого струился водопад. Вокруг него красивыми вкраплениями подле невысокой стены квадратного кустарника, выстроился ряд лавочек с кованными ажурными ножками и подлокотниками.

Глядя на все это великолепие и сражаясь с непослушными прядями волос, настырно забрасываемыми порывами завихрений ветра мне в лицо, я думала. Думала о том, что будет дальше, как теперь жить, как привыкать к новой роли нириты. Думала о том, как теперь будет чувствовать себя Забава. Будет ли она считать себя ущербной? Вспомнила о Зарунской Рукописи. Мы совсем забросили поиски ее из-за передраги, в которую я попала по-сути, из-за моей глупости и неосторожности. Что теперь делать? Куда дальше двигаться в ее поисках? А потом я вспомнила Лахрета. Что теперь будет с нами? Изменится ли его отношение ко мне? Ведь я теперь не кашасу. Захочет ли он жить с простой ниритой? Снова назойливой мухой прилетели последние слова Мары о том, что эмпаты не любят. Была ли она права? Или просто судила всех по себе? Голова пошла от этих мыслей кругом.

— Почему ты вышла раздетой? Холодно здесь. Можешь замерзнуть, — сильные заботливые руки накинули мне на плечи кофту и задержались на предплечьях.

Я слегка повернула голову:

— Лахрет?

— Да... — его лицо хранило отпечаток глубокой усталости и скрытой грусти. — Как ты себя чувствуешь? Как Забава?

— Уже много лучше. А Забава сегодня первый раз заснула сама. У нее даже аро начало выделяться. Мэнона говорит, что ее анализы намного лучше. Правда яйцеклад начал атрофироваться, как и предсказывал Рогордар. Но мы уже были к этому готовы, так что... — я опустила глаза и замолчала.

Лахрет понимающе обнял меня, уперся подбородком о мою макушку и стал вместе со мной, молча, смотреть вдаль. Рядом с ним мне было тепло и уютно. Словно я стою во время грозной бури в тихом уголке и смотрю на стихию со стороны. Его объятия, как и любовь моей Забавы, дарили мне защиту и покой, и ничто с этим не могло сравниться. В этом мире самое дорогое, что я имела — это Забава и забота Лахрета.

— Лахрет... — заговорила я, спустя много минут тишины.

— Ммм, — низко прогудел он над головой.

— А как же Зарунская рукопись? Мы будем ее искать?

— Мы ее обязательно найдем!

Я улыбнулась его уверенности. А потом...

— Рет?

— Да, родная...

— Теперь я не кашиасу...

— И что?

— Я... я... я не могу дать тебе... — и я смолкла, боясь сказать самое главное, что тревожило душу.

Лахрет медленно развернул меня к себе лицом и заглянул в глаза. Потрясенно свел брови, расширив в замешательстве зрачки:

— Лана! Ланочка! Неужели я чем-то заставил тебя усомниться в искренности и трепетности своих чувств к тебе? — он обхватил ладонями мое лицо и приблизился еще сильнее. — Неужели ты до сих пор лелеешь в себе эту безумную идею о том, что я с тобой ради власти?! — его голос дрожал нежным негодованием.

Я попыталась опустить взгляд, но его ладони не пустили, и я снова смотрела в его черные бездонные глаза, полные трепетных чувств и бесконечной любви.

— Что мне еще сделать? Как мне себя вести, чтобы ты, наконец, поверила, что ты — самый нежный, самый дорогой, самый важный для меня человек?! Лана! Звездочка моя! Жизнь моя! — он с искренним порывом отчаяния прижал меня к груди. — Скажи мне, что еще сделать ради тебя и для тебя, чтобы ты поверила?!!

Я всхлипнула в его объятиях, зажмурив в волнении глаза, и глубоко вздохнула.

— Прости... прости меня, дурочку! Я просто подумала, что теперь ты решишь оставить меня...

— Не смей! — он легко встряхнул меня за плечи и снова прижал к себе. — Не смей, слышишь?! Так думать! Ты нужна мне, как воздух, как небо, как Раголар! Ты стала так же близка мне, как Лирит! Я хочу... нет, я жажду, чтобы ты продолжала верить в меня, как и прежде, чтобы ты шла за мной, куда бы нас не завела судьба! Я схожу с ума только от одной мысли, что ты оставишь меня и я однажды проснусь с мыслью, что тебя больше со мной никогда не будет... — его голос дрогнул и он вновь отодвинул меня, заглянув в мои влажные глаза. — Лана! Пообещай мне, что никогда не посмеешь думать, что я желаю жить без тебя! Что ты не нужна мне! Пообещай!

Я нервно сглотнула и, веря каждому его слову, кивнула:

— Обещаю...

Больше книг на сайте — Knigolub.net